

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

АПРѢЛЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ ХХХІІІ. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. (1754 — 1766 г.). I—III. А. А. Авдріевскаго. (1—31).
- II. Волинскій вопросъ 1097—1102 г. М. С. Грушевскаго. (32—55)
- III. Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Е. С. (56—67).
- IV. Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году. IV. Г. В. Есипова. (68—81).
- V. Опреверженія въ малорусскихъ сказкахъ. (Окончаніе). Хр. П. Яшуржинскаго. (82—96).
- VI. Орывки изъ семейнаго архива Полетинъ Ал. М. Лизаревскаго. (97—116).
- VII. Записки Михаила Чайковскаго (Садмынь-паши). V. (117—130).
- VIII. Мистерія страстей Христовыхъ. Мирона. (131—154).
- IX. Документы, извѣстія и замѣтки. Къ „Турбаевской катастрофѣ“. А. Е. Полковнички чиншевыми. А. Л. Мамаевъ дубъ. А. Л. Позднѣйшая память о Б. Хмельницкомъ въ с. Суботовѣ. А. Л. Рукописное Евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго. А. Л. Къ свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ. (155—168).
- XI. Библиографія. Сборники историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ 2-й. Д. И. Багалъя. Анти московскаго государства, изданные Импер. академією наукъ подъ редакціей Н. П. Попова. Томъ I. Д. И. Багалъя. Памятная книжка волинской губ. Арх. I—II. По поводу рецензіи книги „Волости запорожскихъ козаковъ“. Д. И. Эварницкаго. Отвѣтъ Д. И. Эварницкому. В. Н. Ястребова. Обзорніе журналовъ. (169—180).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича
2) Портретъ Гр. Андр. Полетики.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе нашівы, незаписанныя думы, сказки, легенды, лѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границу изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемы критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашнаго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, призванныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Морского и Императорского корпуса
Главноу Инспектору вѣдомо себя и семьи своей
Еленѣ Ивановнѣ дочери Самойловича по повелѣнью
Его Ся Григорій Волынский руку и печать
примолвилъ.

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.

(1754 — 1766 г.).

I.

По смерти войта Павла Войнича, послѣдовавшей въ октябрѣ мѣсяцѣ 1751 г.¹⁾, магистратъ кievскій долго не приступалъ къ обычнымъ выборамъ новаго войта. Какія къ тому были препятствія—неизвѣстно. Надо думать, что возбужденное въ это же время гетманомъ Разумовскимъ ходатайство о томъ, чтобы кievскій магистратъ былъ подчиненъ исключительно его власти, „такъ чтобы и тамошній губернаторъ до него не интересовался“, побуждало кievлянъ считаться, такъ сказать, со вкусами гетмана при выборѣ четырехъ кандидатовъ на должность войта, что, по всей вѣроятности, и задерживало выборы.

Только въ февралѣ 1754 года полученъ былъ въ Кіевѣ указъ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ²⁾, вѣдѣнію которой

¹⁾ См. „Истор. мат. изъ архива кiev. губ. пр.“ вып. 8-й стр. 9.

²⁾ У меня въ рукахъ былъ указъ коллегіи въ кiev. губ. канцелярію отъ 31 января 1754 года такого содержанія. „По учиненному въ кiev. магистратѣ (по посланному во оный изъ коллегіи ин. д. указу) на мѣсто умершаго кiev. войта Павла Войнича, по силѣ имѣющихся у того магистрата привилегій, по старому обычаю, вольными голосами, и присланному изъ того магистрата къ г. малороссійскому гетману и кав. гр. К. Г. Разумовскому, а отъ него въ коллегію ин. д., выбору въ войты кievскіе четыремъ кандидатамъ, изъ которыхъ одного, а именно находящагося въ лейбъ-компаніи Е. И. В. гранадира поручика Ивана Сычевскаго. *родимца тогожъ города Кіева*, оны г. гетманъ и кав., за надежнѣйшаго признавая. къ высочайшей Е. И. В. конфирмаціи представляя; Ея Имп. Вел. всемилостивѣйше соизволила ука-

подчиненъ былъ тогда кіевскій магистратъ, о состоявшемся высочайшемъ назначеніи на должность кіевскаго войта изъ лейбъ-компаніи гренадера секундъ-маіора Ивана Сычевскаго. Но этотъ „опредѣленный“, какъ онъ всегда подписывался (прежніе войты писались—„упривиліованній“), войтъ прибылъ въ Кіевъ лишь въ 1756 году, и такимъ образомъ Кіевъ больше четырехъ лѣтъ оставался безъ войта.

Почему при этомъ назначеніи остановились на Сычевскомъ и какое значеніе имѣла при самомъ выборѣ кандидатовъ рекомендація графа Разумовскаго,—мнѣ узнать не удалось. Принято было, однако, во вниманіе и то обстоятельство, что Сычевскій былъ уроженецъ г. Кіева, сынъ протопопа Стефана Сыча¹⁾, имѣвшій въ Кіевѣ родственныя связи съ мѣстными обывателями.

Фамилія Сычевскихъ встрѣчается въ это время въ средѣ кіевскаго духовенства. На Подолѣ въ Преображенской церкви былъ „намѣстникъ“ священникъ Яковъ Сычевскій, умершій въ

затѣ одного Сычевскаго войтомъ опредѣлить, о чемъ кіев. губ. канц. знать дается, а о томъ же къ г. малорос. гетману и кав. грамота для вѣдома и къ кіев. магистрату указъ для надлежащаго исполненія изъ кол. и. д. отъ сего жѣ числа посланы“.

Въ статьѣ моей „Кіевскія смуты прошлаго столѣтія“ (Кіев. Стар. 1886 г. декабрь) вкрадась ошибка относительно времени назначенія Сычевскаго: назначеніе это приписано имп. Екатеринѣ В., тогда какъ оно принадлежало Елизаветѣ Петровнѣ.

¹⁾ См. „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 3-й, стр. 80. Въ описаніи хуторовъ, составленномъ въ маѣ 1782 г., значится подъ н. 83 „хуторъ кіев. мѣщ. Н. Маркевича заведенъ, по дозволенію кіевскаго магистрата, будетъ тому годовъ назадъ 70, кіевскимъ протопопомъ *Стефаномъ Сычемъ*, а по немъ владѣлъ онымъ сынъ его поручикъ и Е. И. В. лейбъ-компаніи гренадеръ Иванъ Сычевскій, и по немъ, по просьбѣ его, Сычевскаго, оной хуторъ проданъ съ публичнаго торгу въ 1746 году войту магистрата кіевскаго Павлу Войничу, а отъ оного“... и т. д.

Въ „Лѣтописи Самойла Величко“ т. III, стр. 548, въ протоколѣ избранія войта Д. Полоцкаго 1699 г. упоминаются, какъ участвовавшіе въ этомъ избраніи, старшій райца Мартинъ Сычъ и старшій лавникъ Стефанъ Сычевичъ (вѣроятно, сынъ перваго). Не есть ли этотъ послѣдній и протопопъ Стефанъ Сычъ—одно и то же лице? Что нѣкоторые изъ мѣстнаго духовенства, раньше своего посвященія въ іерейскій санъ, служили при магистратѣ, это видно и изъ настоящаго дѣла, въ которомъ находимъ, что бывшій въ 1766 году священникомъ Успенской соборной церкви Леванда служилъ раньше въ канцеляріи магистрата.

1763 г., и сынъ его священникъ же Мартынь, впоследствии намѣстникъ той же церкви,—люди весьма зажиточные, имѣвшіе и земельную собственность въ лубенскомъ полку¹⁾.

Для поздравленія Сычевскаго съ „полученною отъ Е. И. В. милостію и войтовства кіевскаго достоинствомъ“ магистратъ, какъ только стало ему извѣстно объ этомъ назначеніи, отправилъ въ Москву двухъ райцевъ, Семена Козельскаго и Василя Жука, и лавника Ивана Равича, которымъ отпустили изъ магистрата „по небольшой части напитоковъ“ и вручили изъ магистратскихъ суммъ тысячу рублей „на разныя общепотребныя нужды“. Въ письмѣ къ войту магистратъ просилъ его „гдѣ надлежитъ о исходатайствованіи милости и граду пользы старательство приложить“. А старательства приходилось тогда затрачивать не мало въ „хожденіяхъ“ по дѣламъ магистрата. И въ этотъ разъ магистратскіе депутаты повезли съ собой обширное „доношеніе“ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, ходатайствуя въ немъ: во 1-хъ, объ освобожденіи города отъ тѣхъ тягостей, какія приходилось ему нести тогда, продовольствуя квартирами, сѣномъ и дровами зимовавшую въ Кіевѣ сербскую команду; во 2-хъ, о защитѣ мѣщанъ отъ разнаго рода обидъ со стороны мѣстныхъ козаковъ и главнымъ образомъ сотника ихъ Павла Гудима; въ 3-хъ, о защитѣ мѣщанъ пограничною комиссіей отъ разныхъ обидъ со стороны польскихъ жителей; въ 4-хъ, объ уплатѣ городу 14,055 р. 60 к. за „габу, шубы и сапоги и во время военное наемъ подводъ и лоцмановъ“ и въ 5-хъ, объ отмѣнѣ „индукты и эвекты“,—сборовъ съ привоза и вывоза.

¹⁾ См. „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 8-й стр. 62—70. Кромѣ того въ одномъ дѣлѣ 1788 г. мѣш. попалось свидѣніе, что этотъ Мартынь Сычевскій владѣлъ въ городѣ обширнымъ участкомъ, на которомъ съ уплатою „куницы“ жило особными дворами пять хозяевъ изъ мѣщанъ и который городская дума въ 1788 г. призвала было городскою землею, такъ какъ Сычевскій не представилъ на нее никакихъ ерѣпостей, а только сослался на свидѣтелей, знающихъ, что земля эта куплена отцомъ его у мѣш. Евстафія Назаревича въ 1754 г. за 250 рублей. Въ жалобѣ своей на городскую думу, свящ. Мартынь Сычевскій, между прочимъ, говоритъ, что суду городской думы „я нипочему и не подлежу въ разсужденіи моего дворянства“.

Прибывъ въ Москву въ концѣ марта мѣсяца 1754 г., депутаты очень скоро издержали въ своихъ хожденіяхъ по дѣламъ магистрата привезенную ими тысячу рублей и сдѣлали на счетъ города заемъ у нѣкоего Михаила Каневского (пасынокъ кіевскаго бурмистра Тихоновича) въ 100 иностранныхъ червонцевъ, изъ которыхъ „презентовали“ надвор. совѣтнику ин. коллегіи Михаилу Новоторжцеву 50, да протоколисту 15 червонцевъ „за произвожденіе дѣлъ“ магистрата, остальные 35 отдали войту.

Уѣзжая въ маѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, депутаты оставили въ распоряженіе войта канцеляриста Витневича и слугу Бегуненка и обѣщали при этомъ немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ предложить магистрату, чтобы были отъ него присланы новые депутаты, а съ ними и необходимыя для содержанія войта и для хожденій его по дѣламъ деньги.

Но Сычевскій уже 12 іюня отправилъ отъ себя и магистратскаго слугу, и канцеляриста, который ему по иностранной коллегіи помогать не могъ, а въ ожиданіи новой присылки денегъ занялъ на счетъ магистрата у архимандрита Миткевича 82 р., у купца Кузнецова 100 руб. и у придворнаго пѣвчаго Степана Андриевского 310 р.¹⁾, которые и были впоследствии уплочены магистратомъ безъ всякаго спору.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ коллегія иностранныхъ дѣлъ была переведена изъ Москвы въ С.-Петербургъ, а за нею переѣхалъ и Сычевскій, не спѣшившій, какъ видно, своимъ прибытіемъ въ Кіевъ, но письмами своими частенько напоминавшій магистрату о присылкѣ денегъ на расходы. Магистратъ же, сообщая войту объ отправленныхъ отъ города прошеніяхъ, жаловался на недостатокъ средствъ для расходовъ по этимъ ходатайствамъ. „Что же изволите писать, что не съ чего расходу дѣлать,— отвѣчалъ Сычевскій магистрату,—то вы знаете довольно петер-

¹⁾ Этотъ Степанъ Андриевскій былъ родомъ изъ Кіева, сынъ мѣщанина, бывшаго въ 30-тыхъ годахъ бурмистромъ (см. Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 3, стр. 43). Въ 1758 г. Степанъ Андриевскій пріѣзжалъ въ Кіевъ и ѣздилъ по Малороссіи для набора пѣвчихъ въ придворную капеллу, причѣмъ изъ Кіева вывезъ 11 мальчиковъ и трехъ взрослыхъ пѣвчихъ. (См. „Кіев. Стар.“, 1891, мартъ, стр. 512).

бургское житіе и содержаніе, и тако какъ возможное для расходовъ имѣть стараніе совѣтую“. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Сычевскій напоминаетъ магистрату объ уплатѣ занятыхъ имъ въ Москвѣ денегъ и говорить, между прочимъ, что, благодаря такой неаккуратности въ уплатѣ занятыхъ на счетъ магистрата денегъ, ему уже и „вѣрить усумнѣваются“. „Мое же нынѣ въ Петербургъ прожитіе вамъ самимъ не безызвѣстно, что я не для своихъ какихъ привать живу, но для подтвержденія мѣской грамоты и другихъ дѣлъ, какъ то и за прежнихъ моихъ антецессоровъ происходило, которые, живучи съ немалою ассистенціею многое время для подтвержденія грамоты, съ мѣской суммы расходы имѣли; такожь и другіе урядовіе, присылаемые для исправленія нуждъ гродскихъ, кошты мѣской употребляли“. Но магистратъ уклонялся отъ присылки къ войту какъ ассистентовъ, т. е. депутатовъ, такъ и денегъ, выражая лишь въ своихъ письмахъ желаніе поскорѣ видѣть своего войта въ Кіевѣ „не лѣтѣрально уже, но персонально“.

Въ письмѣ отъ 25 августа магистратскіе урядники, не упоминая ничего о деньгахъ, писали, между прочимъ, войту: „сотникъ козачій кіевскій Павелъ Гудимъ, искони пакостникъ, отъ вступленія своего въ козачество въ дому своемъ жиломъ и въ другихъ стороннихъ домахъ шинкъ горѣлчаній явно и беззазору, на подступъ мѣскимъ, производитъ и, недовольствуясь тѣмъ, вящшаго ради магистрату кіевскому въ шинкахъ помѣшательства и препятствія, изъ слугъ мѣскихъ и изъ жителей кіевскихъ, праву майдебурскому будучихъ подсудственныхъ, поприймавъ въ козаки, дозволяетъ и отъ своего дому снабдѣваетъ горѣлкою на шинкъ, и многіе отъ нихъ пакости, обиды, бои мѣщанству дѣлаются, о чемъ кіево-губернской и генеральной войсковой канцеляріи жалобы внесены ¹⁾ и по нимъ отъ

¹⁾ Кромѣ жалобъ о незаконномъ шинкованіи, магистратъ въ это время настойчиво жаловался на уклоненіе „новоуписавшихся“ козаковъ отъ исполненія постоянной повинности. Несмотря на послѣдовавшій изъ в. ген. суда отъ 4 мая указъ о томъ, чтобы для прибывшихъ въ Кіевъ сербовъ отведены были квартиры и въ домахъ этихъ „новоуписавшихся“, сотенная старшина не допускала исполнить это. Въ одномъ изъ своихъ доношеній въ кіев. губ. канц. отъ 13 мая этого 1754 г.

ген. войск. суда з начала лѣта любо и зачалась комисія и произвожденіе пристойное начато, токмо за хитростнымъ его сотника вимисломъ, дабы въ познаніе ихъ дѣйствія прійти не могли, опорочена, и вмѣсто той другіе отъ полковъ малороссійскихъ ассигнованы персоны, да надежно, что и сія окончатъ, за упрямствомъ козаковъ, не можетъ, *а кошты чрезвычайные отъ кiev. магистрата на снабдѣніе оныхъ комисій происходятъ*“.

Жалуясь такимъ образомъ на „пакости“ сотника Павла Гудима, магистратскіе урядники знали, конечно, что этотъ „искони пакостникъ“ доводился близкимъ родственникомъ ихъ новому войту.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1755 года Сычевскій вновь пишетъ магистрату о присылкѣ депутатовъ къ нему „для нуждъ ежечастно приключаемыхъ городскихъ, токмо не съ многолюдствомъ, безъ далнихъ и чрезвычайнихъ проторовъ и убытковъ мѣсту, ибо въ Петербургѣ противъ прочіихъ мѣстъ все подороже и убыточнѣе“. Приэтомъ онъ укоряетъ за неисправность присланныхъ дѣловыхъ бумагъ „не по порядкамъ канцелярскимъ, съ надписаніемъ литеръ латинскихъ P.S., которіе токмо въ пріятельскихъ письмахъ надписываются, а не въ дѣлахъ общепароднихъ городскихъ, присылаемыхъ по командѣ“.

Но магистратъ не торопился исполнить желаніе войта, который въ іюлѣ мѣсяцѣ уже съ укоромъ обращается по этому поводу къ магистрату и самъ назначаетъ, кого должны прислать къ нему въ Петербургъ: „ибо мнѣ самому живучи въ Петербургѣ, какъ ходить за дѣлами, такъ и ни одинаго изъ подкоманднихъ своихъ не имѣя при себѣ въ дѣлахъ и порядкахъ мѣскихъ знающаго человѣка, весьма неприлично, да и вамъ самимъ надлежало бы уже нынѣ быть то совѣстно, не присылая ко мнѣ чрезъ толь долгое время никакого депутата; да при томъ же для подъему моего въ Кіевъ, по обычаямъ прежде бывшихъ антецессоровъ моихъ, съ надлежащимъ къ пути

магистратъ писалъ, что 11-го мая атаманъ козацій Семень Костовскій, явившись съ козакомъ Носкомъ въ магистратѣ, „именемъ сотничьимъ объявила, дабы на козацкихъ дворахъ новоуписныхъ постоевъ не ставили“, а ежели де ставить учнутъ, то они бить будутъ.

расходомъ съ ними жъ нарочными зъ магистрата прислать надежить, что и предлагается“.

Родственникъ войта бурмистръ Василій Гудимъ, правившій въ этомъ году (1755) магистратской экономіей, прислалъ ему въ Петербургъ чрезъ мѣщанина Александра Оришкевича 300 рублей, по всей вѣроятности, въ счетъ войтовскихъ доходовъ; но магистратъ упорно отмалчивался отъ „предложеній“ войта, который видимо уже раздражался такимъ отношеніемъ къ нему его „подкоманднихъ“. 17 октября 1755 г. онъ написалъ въ магистратъ такое краткое посланіе:

„На посланныя къ вамъ прошлаго сентября 14-го, 25-го и сего октября 2-го чисель предложенія никакова отвѣта не получилъ, о чемъ и нынѣ подтверждается о немедленной высылкѣ нарочныхъ, а именно старшаго канцеляриста Величковскаго, да лавника пана Равпча или пана Федора Ризенка, съ обстоятельнымъ доношеніемъ въ госуд. коллегію для резолюціи, выписавъ о всѣхъ сборахъ мѣскихъ и о другихъ нуждахъ гродскихъ, такожь и на проѣздъ для подъему моего въ Кіевъ, по обычаю антецессоровъ моихъ, съ надлежащимъ къ пути расходомъ, съ оными жъ прислать, впрочіемъ же какъ о обращеніи дѣлъ мѣскихъ и о правленіи гродскомъ, не упуская почты, письменно репортовать предлагается“.

Названный выше бурмистръ Василій Гудимъ находилъ эти „предложенія“ Сычевскаго слишкомъ „мягкими и ласковыми“ и рекомендовалъ ему писать „повелительнѣе“¹⁾.

¹⁾ Письмо этого бурмиистра отъ 19-го мая 1755 г. знакомитъ нѣсколько съ существовавшими въ средѣ магистратскихъ урядниковъ отношеніями и съ донезными затрудненіями, а потому привожу его цѣликомъ.

„Высокоблагородній господинъ маіоръ и кіевскаго магистрата господинъ войтъ милостивый осударь и братъ.

Чрезъ сію оказію имѣю донести вамъ нѣчто мало о обращеніяхъ и порядкахъ магистратовыхъ: яко въ вниѣшнемъ моемъ правленіи, поневажь я началъ уже воспящать, дабы ранговіе доходи ваши кому неналежво не доставались, но собирались бы въ едино мѣсто, панъ Яценко всячески усилуясь, чтобъ тѣмъ всѣмъ, какъ и прошлаго году, владѣть и користиться, сего мая 12 д. подалъ на мене въ магистратъ кіевскій протестъ, якобы я на крайнее его безчестіе не допускаю ему правленія, желая самъ распространяться на самоволіи, а ояъ де старѣйшій и заслуженнѣйшій и всегда бивалъ субделегатомъ. И того ради покорнѣйше прошу и

Неизвѣстно, что собственно удерживало Сычевскаго такъ долго въ Петербургѣ, а между тѣмъ магистратъ видимо былъ недоволенъ этимъ пребываніемъ его въ столицѣ безъ всякой пользы для города и, какъ видно, со всѣмъ уже не рассчитывалъ на его личное „хожденіе“ по городскимъ дѣламъ.

Послѣднее изъ имѣвшихся у меня писемъ Сычевскаго въ магистратъ изъ Петербурга писано 23 ноября 1755 г. „Неоднократнѣ къ вамъ,—писалъ въ немъ войтъ,—посланніе отъ меня предложенія о высылкѣ за дѣлами гродскими въ Питербурхъ нарочнихъ, о чемъ и нынѣ въ несумнѣнности предлагается, не упущая времени, съ надлежащимъ ихъ наставленіемъ и къ пути и прожитію на всякіе нужные въ Питербурхи расходы, слѣдующіе къ пользѣ гродской, тако жъ и для подъему моего съ Питербурха на проѣздъ до Кіева, по обычаю стародавнему, онихъ нарочнихъ снабдить“.

Когда въ послѣдствіи магистратскіе чины упрекали Сычевскаго въ томъ, что онъ, проживая такъ долго въ Петербургѣ, ничего полезнаго не исходатайствовалъ для города, то онъ оправдывался тѣмъ, что такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ по-

братерски совѣтую написать въ магистратъ властію своею и приказу, по примѣру другихъ командъ, кому именно до пріѣзду вашего на вашемъ мѣсцѣ правленіе имѣть, такожъ и о прочіихъ дѣлахъ повелителяѣ писать, ибо хотя и пишете въ магистратъ о какомъ дѣлѣ, то оніе ваши писанія или ордера, понеже изволите весьма мягко и ласково писать, недоброхоты ваши пренебрегая очень за мало виѣняютъ и тимъ самимъ болше въ намѣреніи своемъ храбрятъ и во всемъ самовольно хотять, а по ордерамъ вашимъ ничего исполненія не дѣлають.

При семъ еще доношу вамъ, что въ магистратѣ весьма мало въ зборѣ денегъ и Богъ вѣсть, откуда ихъ собирать, яко уже нынѣ, по милостиво жалованному на Малую Россію указу, всякіе збори умаляются, а висилать о томъ просить, какъ ви изволили писать, наши ниже думаютъ. Сего же м-ца отставной полковникъ сербскій, въ коего заняли тысячу рублей на поѣзду московскую, просилъ на магистратовихъ и въ господина генерала, что ему долгу не платять, а срозъ уже давно миноваль, почему и приказано заплатитъ или упросить, и потому ми обще ходили къ реченному полковнику и заледво заледво умоляли, что еще отсрочилъ на три м-цѣ, но на томъ принуждени подписаться, кой полковникъ сего же мая 14 го и преставися, а магистратской облѣзъ достался подобно греческимъ ченцамъ, и то по выходѣ упрощенного срока ченцамъ или кому доведется неотмѣнно должно будетъ заплатитъ, хоть у кого занявши. И исъ тѣхъ мѣръ и повторе васъ прошу писать приказно и обстоятельно, какъ кому въ званіи своемъ быть и поступать, ибо

лучилъ на чинъ свой грамоту, „а отъ магистрата депутатовъ и на расходъ денегъ не прислано, то по тому резону войтъ безъ полученія резолюціи отправился въ Кіевъ къ командѣ“.

А между тѣмъ магистратъ и отъ послышки депутатовъ въ Петербургъ уклонялся, можно думать, именно потому, что тамъ находился Сычевскій, который, очевидно, не только не могъ помогать, а скорѣе препятствовалъ бы въ самомъ существенномъ и интересномъ для магистрата вопросѣ—въ огражденіи магистрата отъ „касательствъ малороссійской команды“. Для „хожденій“ по этому дѣлу, да и по другимъ городскимъ дѣламъ, въ пр. сенатѣ и коллегіи ин. дѣлъ магистратъ ежегодно посылалъ въ столицу своихъ депутатовъ, которые и „стряпали“ тамъ постоянно и настойчиво, и только во время пребыванія Сычевскаго въ Петербургѣ эти „стряпчіе“ тамъ отсутствовали. Конечно, не экономничаніе городскими средствами удерживало магистратъ отъ послышки ихъ.

Сычевскій, занявъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ походной канцеляріи гетмана 200 рублей на счетъ магистрата на дорогу, прибылъ въ Кіевъ „къ командѣ“ въ концѣ февраля 1756 г. т. е. два года спустя послѣ своего назначенія.

II.

Прибывъ въ Кіевъ, Сычевскій прежде всего обратилъ вниманіе на магистратскую „экономію“, на городскіе доходы и расходы и на способъ управленія ими. Онъ сталъ употреблять „ежечастые годовымъ бурмистру и райцѣ притверженія“, установилъ съ 1756 г. шнуrowыя книги и потребовалъ произвести ревизію отчетности за прошлые годы, начиная съ 1730-го г.

я подъ нивѣшней случай и правленію своему не радъ, яко на мене всѣ враждуютъ и злобствуютъ и ненавидятъ, и для того паче всего щасливѣйшого и скорѣйшого вашего прїѣзду нестерпимо желаю, а хотя письменнымъ увѣдомленіемъ, въ кое время васъ надѣяться, не оставитъ и тѣмъ обрадовать прошу. Смиъ прерята и на предписанное резолюціи ожидаю, зъ должнымъ моимъ упокореніемъ пребываю вамъ осудару моему доброжелательной слуга и братъ Василій Гудимъ бурмистръ м. кіевского“.

Основываясь главнымъ образомъ на грамотахъ Петра В., въ которыхъ было выражено, что „войтъ съ урядовыми магистратъ и судъ майдебурскій управляютъ и нижній городъ строить“, Сычевскій считалъ себя въ правѣ участвовать въ управленіи „экономіей“ и даже имѣть въ этомъ случаѣ первый голосъ. И всѣ другіе привилегіи и указы онъ толковалъ въ томъ смыслѣ, что вообще „управленіе экономіи магистратской и строеніе города *въ первенствѣ зависитъ на должности войта*, а по немъ на должности годовыхъ бурмистра и райцы“. Магистратскіе же чиновники полагали, что войтъ долженъ вѣдать лишь судебную часть и въ этомъ смыслѣ толковали какъ прежнія всѣ грамоты и привилегіи, такъ и грамоту данную собственно Сычевскому 31-го декабря 1755 г., въ которой говорилось: „а ему войту судъ между мѣщанами и посполитствомъ правдиво по ихъ правамъ и обыкновеніямъ производить и въ прочемъ во всемъ указы исполнять и по онымъ прилежно поступать“. На этомъ основаніи урядники и устраняли войта отъ хозяйственной части и смотрѣли на заводимые имъ порядки, какъ на незаконное влѣшательство въ управленіе ею. Годовые бурмистръ Рагуцкій и райца Александренко „по упрямству своему“ отказались принять заведенныя Сычевскимъ шнуровыя книги и продолжали вести свое дѣло по старому, записывая городскіе доходы и расходы въ свои партикулярныя книги, „не для чего иного,—полагалъ войтъ—какъ только для собственнаго пользованія своего изъ магистратской экономіи“; но затѣмъ другіе уже очередные бурмистры и райцы, „ощуя оныхъ шнуровыхъ книгъ порядокъ, отъ 1757 г. начали оныя содержать“.

Что касается до ревизіи годовой отчетности, то магистратъ и отъ нея устранилъ войта. Вообще вопросъ о ревизіи счетовъ, на которую претендовала и „высшая команда“, — была ли она въ рукахъ генераль-губернатора или гетмана,—весьма заботилъ магистратскихъ урядниковъ, почему они и искали при всякомъ удобномъ случаѣ официальнаго признанія независимости этой стороны своей дѣятельности отъ контроля какой бы то ни было власти. Недостаточная опредѣленность выражений въ

официальныхъ актахъ, правительственныхъ указахъ, вела къ различнымъ толкованіямъ. Такъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1759 г. послѣдовалъ указъ пр. Сената, въ которомъ, между прочимъ, повелѣно магистрату „о всѣхъ приходахъ и расходахъ имѣть порядочныя книги и между собою счеты производить *передъ старшими съ посольства*“. Ссылаясь на эти выраженія, магистратскіе чины считали себя въ правѣ устранять войта отъ ревизіи счетовъ; Сычевскій же полагалъ, что это выраженіе „предъ старшими съ посольства“ употреблено въ томъ именно смыслѣ, „чтобъ войтъ, яко перво-градоначальникъ, съ годовыми бурмистрами и райцами оныя счеты производили для подлиннаго вѣроятія при бытности первѣйшихъ мѣщанъ“. Потребованная же войтомъ повѣрка счетовъ съ 1730-го года такъ и не была произведена, а Сычевскій, какъ видно, полагалъ, что при ней обнаружались бы злоупотребленія правившихъ въ тѣ годы бурмистровъ и райцевъ. Жалуясь на то, что этой повѣрки магистратскіе урядники „и сами между собою не произвели“, а между тѣмъ многіе изъ правившихъ въ тѣ годы бурмистры и райцы уже померли, такъ что и взыскивать на нихъ возможные начеты теперь трудно, войтъ заявлялъ, что, благодаря именно такой безпорядочности въ управленіи городскими финансами, и произошло то, что „городъ въ доброе состояніе не приведенъ и не устроенъ и отъ бывшаго наводненія обывательскія строенія разоряются; къ тому жъ бывшія магистратскія три мельницы на каналѣ, продолжающемся съ Кудрявца въ Днѣпръ, чрезъ непочинку и неустроеніе до основанія разорились, а съ оныхъ мельницъ прежде не малая прибыль въ магистратъ происходила“.

По прибытіи своемъ въ Кіевъ Сычевскій письменными „ордерами“ потребовалъ, чтобы „кварталовый урядникъ“, завѣдывавшій магистратскими шинками, представлялъ ему еженедѣльно репорты о наличности магистратской горѣлки въ погребахъ и объ отпускѣ ея въ шинки, а урядникъ почтовый представлялъ бы такіе же репорты о состояніи почтоваго двора и вѣдомости о проѣзжающихъ и о прогонныхъ деньгахъ, чтобы можно было контролировать дѣятельность этихъ урядниковъ. Такое вмѣ-

шательство войта въ эти дѣла, требованіе репортовъ, при томъ репортовъ лично войту, а не магистрату, очевидно, крайне не нравилось урядникамъ, которые, вѣроятно были не безгрѣшны и своихъ личныхъ выгодъ не забывали.

Обычный въ тѣ времена порядокъ управленія экономіей въ объясненіяхъ магистратскихъ урядниковъ изображается такъ: „по избраніи на публичной элекціи бурмистра и райца, такожъ шафарей медового и пивного и урядниковъ, приводятся оныя всѣ къ присягѣ, по которой обвязуются, какъ наилучше, къ пожитку мѣскому радѣть и стараться, и по учиненіи той присяги вручаются имъ отъ магистрата для записки приходовъ и расходовъ книги; а при томъ подъ ихъ же, бурмистра и райцы, вѣдѣніемъ и управленіемъ состоитъ магистратскій кварталъ и почта; и тѣ книги правящій бурмистръ и райца къ счету предъ старшими и знатнѣйшими изъ посполства представляютъ въ магистратъ; а чтобъ о тѣхъ доходахъ и расходахъ кому какіе доклады подавать и безъ тѣхъ докладовъ и опредѣленій не дѣйствовать, того ничего не показано“. По словамъ же Сычевскаго, публичная элекція хотя и бываетъ ежегодно, но на ней выбираются „точію низшіе отъ бурмистровъ и райцовъ магистратскіе урядники, развѣ по умертвіи коего бурмистра и райцы другіе на ихъ мѣсто на той же элекціи выбираются; оныя жъ бурмистры и райцы, находящіеся въ наличности, *по очердамъ, а не выбору на элекціи* въ годовое правленіе магистратской экономіи вступаютъ и чрезъ очередь одинъ другому въ оное правленіе вступить сами между собою никогда не допускаютъ; и по вступленіи съ оной магистратской экономіи единственно содержаніе свое имѣютъ не только въ томъ году, когда годовыми бываютъ, но и на послѣдующіе года снабждаются, и, оставя свои купеческіе промыслы и въ содержаніи себя надѣясь на одну магистратскую экономію, продолжаютъ винное куреніе на завладѣнныхъ магистратскихъ угодьяхъ и оную горѣлку во время своего правленія экономіи въ магистратъ какою хотятъ цѣною вмѣщаютъ и пользуются, и особливо всѣ бурмистры и райцы во оной экономіи поступаютъ противъ совѣсти своей съ превеликимъ ущербомъ“. Не подавая

по истеченіи года своего управленія къ своевременной ревизіи своихъ книгъ, бурмистръ и райцы, по словамъ Сычевскаго, представляли ихъ обыкновенно лишь нѣсколько лѣтъ спустя, „уровня расходъ съ приходомъ“.

Признавая незаконнымъ вмѣшательство войта въ экономію, какъ распорядителя, а тѣмъ болѣе „командира“, магистратскіе урядники признавали однако за нимъ и въ этой области право на совѣщательный голосъ и по отношенію къ Сычевскому выражали неудовольствіе лишь противъ тѣхъ мѣръ, какія онъ принималъ единолично, безъ общаго согласія; а стремленію его упорядочить хозяйственную часть на первыхъ порахъ даже сочувствовали. Такъ по отношенію къ главнѣйшему источнику городскихъ доходовъ, допускавшему притомъ наибольше злоупотребленій, а именно—къ продажѣ питій, составлявшей монополию города, состоялось въ магистратѣ общее опредѣленіе, подписанное всѣми бурмистрами и райцами, „дабы годовые бурмистръ и райца *по докладу* горѣлку покупали, чтобъ въ покупкѣ оной къ партикулярной прибыли какова подлогу не учинилось“. Но, видно, опредѣленіе это не особенно строго исполнялось и нарушали его не только „правящіе“ бурмистры и райцы, но и самъ Сычевскій. Такъ въ томъ же 1757 г. правящій бурмистръ Семень Козельскій купилъ безъ всякаго „доклада“ и общаго опредѣленія у свата своего Огіевскаго, сотника кролевецкаго, нѣсколько десятковъ бочекъ горѣлки для магистратскихъ шинковъ; въ 1759 году правящіе годовые бурмистръ Богдановичъ и райца Іосифъ Гудимъ купили такимъ же образомъ горѣлку безъ общаго согласія, взявши при этомъ „за подвышеніе цѣны“ взятку—по ведру отъ бочки; да и самъ Сычевскій, какъ впоследствии заявляли магистратскіе, „съ прибытія своего изъ Москвы и горѣлку на магистратъ, чего ему крайне не слѣдовало, куповать началъ“ безъ общаго о томъ опредѣленія. Статья эта была, какъ видно, наиболѣе лакомая. Устроивши собственную винокурню, каждый „урядовый“ желалъ выгоднѣе сбыть выкуренную имъ горѣлку, а наиболѣе выгоднымъ сбытомъ являлась продажа оптомъ въ магистратъ. Не чужды были такія же желанія и Сычевскому, который тоже

очень скоро обзавелся собственною винокурнею и нерѣдко „усиловался“, какъ заявляли урядники, сбывать свою горѣлку въ магистратѣ, Самъ то онъ заявлялъ, что продавалъ свою горѣлку „по добровольному договору и по учиненіи о добротѣ пробы“, при чемъ де „добровольно ихъ годовыхъ просилъ, чтобъ въ покупкѣ оной имѣли респектъ, а чтобъ высшую цѣну противъ продавцовъ дали, къ тому не принуждалъ, точію добровольно о томъ говорилъ за труда его при магистратѣ, и оныя годовые въ покупкѣ войтовой горѣлки какову цѣну по согласію своему положить было безъ обиды его, войта, на той цѣнѣ онъ ту свою горѣлку и уступалъ“.

Отбываніе постоянной повинности, на которую вообще жаловались въ это время кіевляне, тоже возбуждало несогласіа между Сычевскимъ и магистратомъ.

По грамотѣ Петра В. отъ постоевъ были освобождены дома тѣхъ магистратскихъ чиновъ, которые въ данное время несли дѣйствительную службу и которыхъ ежегодно состояло 24 человекъ: войтъ, писарь, очередные бурмистръ и райца, два шафара, лавникъ, инстигаторъ, городничій и 15 урядниковъ, отправлявшихъ различныя магистратскія должности. Только дома этихъ лицъ и должны быть, по мнѣнію Сычевскаго, свободны отъ постою. По заведенному же издавна въ кіевскомъ магистратѣ „партикулярному установленію“ было на лицо 7 бурмистровъ и 7 райцевъ, изъ которыхъ по очереди ежегодно вступали въ должность по одному, а неочередные призывались въ магистратъ для общихъ совѣтовъ по дѣламъ, касающимся ихъ управленія. Всѣ же эти лица, по словамъ Сычевскаго, „до третьей части города Кіева домами своими занимаютъ“, а потому, по его мнѣнію, „понеже оныя неочередные бурмистры и райцы, тако жъ лавники, урядники, шафари, инстигаторы и городничіе не управляютъ магистрата и суда майдебурскаго и и города не строятъ, для того и дома ихъ отъ постоевъ уволены быть не должны“.

Но, несмотря на разногласія и возникавшія недоразумѣнія между войтомъ и магистратомъ, соръ изъ избы не выно-

сился и первые пять лѣтъ войтовства Сычевскаго прошли довольно мирно.

Сычевскій пріѣхалъ въ Кіевъ холостякомъ. Въ 1758 г. онъ два раза ѣздилъ свататься въ Черниговъ, но неудачно, и только осенью 1759 г. женился въ Хоролѣ на дочери полкового обознаго Еремѣя Родзянки Софїи. По всей вѣроятности, съ этого времени онъ и началъ расширять свое собственное хозяйство, пользуясь довольно значительными ранговыми угодьями. Эта хозяйственная его дѣятельность не обходилась безъ злоупотребленій, которыя и вызывали враждебное къ нему отношеніе. Такъ уже въ іюнѣ м-цѣ 1759 г. присутствовавшій въ магистратѣ бурмистръ С. Козельскій „неоднократно выговаривалъ“ войту за то, что онъ такъ широко пользуется работою жителей с. Преорки, гдѣ былъ его ранговой хуторъ, и требуетъ отъ нихъ панцины, какъ отъ своихъ подданныхъ. Вообще подгородніе жители сс. Преорки, Сырца и Кореневщины въ прежнее время оказывали извѣстное „вспоможеніе“ предшественникамъ Сычевскаго въ ихъ хуторскомъ хозяйствѣ; но, какъ свидѣтельствовали впослѣдствїи магистратскіе урядники, „таковыхъ отяготительныхъ съ принужденіемъ, грабленіемъ и побоями панцинъ, каковыми войтъ Сычевскій тѣхъ подгороднихъ жителей отягощалъ, никогда не бывало“. Тѣмъ не менѣе въ томъ же 1759 году магистратъ не отказалъ войту въ перестройкѣ на его хуторѣ имѣвшихся винокурни и мельницы на счетъ магистрата. Въ нарушеніе интересовъ магистрата, который пользовался исключительнымъ правомъ шинковать горѣлкой, Сычевскій на Осетскомъ хуторѣ завелъ собственный пинокъ и не допускалъ тамъ продажи магистратской водки, которой, какъ значитъ по книгамъ 1752—1754 годовъ, продавалось тамъ до 150 ведеръ въ годъ. Но обо всѣхъ этихъ „пользованіяхъ“ Сычевскаго скажемъ ниже. Въ сущности не эта сторона дѣла,— по отношенію въ ней у всѣхъ магистратскихъ урядниковъ было „рыльце въ пушку“,—и не „вмѣшательство въ правленіе экономїи“ привело магистратъ къ рѣшительному разрыву съ войтомъ.

Существенный интересъ для кіевскаго магистрата и всего мѣщанства въ годы войтовства Сычевскаго представлялъ вопросъ

объ отношеніяхъ города къ „малороссійской командѣ“ т. е. къ гетману. Я имѣлъ уже случай указать¹⁾ на нѣкоторыя причины, побуждавшія кіевскій магистратъ предпочитать „вышнюю команду“ кіевского генераль-губернатора и всячески хлопотать объ освобожденіи отъ какого бы то ни было касательства „малороссійской команды“, начальства полковаго, войсковой генеральной канцеляріи и в. генеральнаго суда. Но кромѣ указанныхъ уже причинъ были, какъ видно, и многія другія. Такъ крайне тягостнымъ для всего мѣщанства было вмѣшательство войск. генер. суда въ судебную дѣятельность магистрата, и объ избавленіи отъ этого вмѣшательства, вносившаго разорительную волокиту, магистратъ хлопоталъ настойчиво: каждый разъ, посылая своихъ депутатовъ въ столицу съ прошеніями по разнымъ городскимъ дѣламъ, магистратъ включалъ и это ходатайство, но удовлетворено оно было окончательно только лишь указомъ пр. Сената 6 ноября 1760 г.²⁾

И вотъ въ этомъ то всегдашнемъ стремленіи освободиться отъ касательства къ нему „малороссійской команды“ магистратъ

¹⁾ Кіев. Стар. 1886 г. декабрь „Кіевскія смуты середины прошлаго столѣтія“.

²⁾ Указъ этотъ окончательно устанавливавшій независимость магистрата отъ власти гетмана, данъ былъ по поводу послѣдней жалобы магистрата на войск. ген. судъ. Ссылаясь на жалованная грамоты, которыя предоставляютъ „магистрату и мѣщанамъ судиться по майдебургскимъ правамъ, и только они мѣщане предъ своимъ войтомъ, а войтъ съ урядовыми предъ мазстатомъ королевскимъ отвѣтствовать имѣють“, магистратъ жаловался, что „ген. войск. канцелярія и судъ войск. генер. присылаемыми въ магистратъ кіевской указами по челобитческимъ и другимъ дѣламъ велеть разсмотреніе чинить по малороссійскимъ правамъ, и по которымъ дѣламъ показано будетъ на магистратское рѣшеніе недовольство, тѣ къ разсмотрѣнію во оная мѣста присылать, а до разсмотрѣнія и рѣшенія тѣхъ дѣлъ въ оныхъ мѣстахъ, по учиненнымъ въ магистратѣ рѣшеніямъ исполненія не чинить, а взятая изъ магистрата дѣла, перевершивая по малороссійскимъ правамъ, велеть по тѣмъ своимъ рѣшеніямъ исполненіе чинить, понуждая магистратъ чрезъ нарочно присланныхъ по инструкціямъ, которые присланные во ономъ магистратѣ присутствующимъ чиновникамъ не малые обиды чинять, а по нѣкоторымъ челобитческимъ дѣламъ отъ магистрата отвѣты берутъ и штрафы налагають и нѣкоторыхъ чиновниковъ магистратскихъ туда къ отвѣтамъ ссылають, и, хотя по какимъ неправильнымъ представленіямъ на магистратъ кіевской, слѣдовать опредѣляютъ“; потому и просилъ магистратъ „о бытіи ему и всѣмъ мѣщанамъ подъ апелляціею пр. Сената, а г. войск. канцеляріи и суду ген. ниежекова дѣла до оного магистрата не имѣть“.

киевскій и не находилъ себѣ сочувствія, а тѣмъ менѣе содѣйствія, въ своемъ войтѣ, который, какъ видно, предпочиталъ для себя лично именно названную выше команду. Зависимость въ своей судебной и административной дѣятельности отъ тутъ же въ Кіевѣ находившейся кіево-губернской канцеляріи и отъ кіевского губернатора была для Сычевскаго невыгодна и онъ предпочиталъ въ этомъ случаѣ зависимость отъ далекаго Глухова, въ чемъ и расходился съ желаніями магистрата и всего кіевского мѣщанства. Заботясь о подтвержденіи прежнихъ своихъ грамотъ и привилегій, магистратъ кіевскій много разъ обращался къ правительству съ прошеніями о подтвержденіи независимости его отъ власти гетмана. Но вотъ въ 1733 году послѣдовало опредѣленіе пр. Сената: „быть имъ, кіевскимъ мѣщанамъ, подѣвѣніемъ гетмана и кіевскихъ губернаторовъ“. Эта двойственность „вышей команды“ повела лишь къ различнымъ безпорядкамъ, о которыхъ и представлялъ пр. Сенату въ 1737 г. князь Бяратинскій, бывшій въ „правленіи гетманскаго уряду“. Признавъ, что „тѣ непорядки произошли чрезъ выданные отъ гетмана Апостола, въ противность данныхъ кіевскому магистрату правъ, привилегій и жалованныхъ грамотъ, универсалы“, пр. Сенатъ опредѣлялъ: „для лучшаго порядку и непоколебимаго содержанія впредь, по силѣ жалованныхъ грамотъ, при ихъ правахъ и привилегіяхъ, тому магистрату быть въ вѣдомствѣ губернаторскомъ, а другимъ до нихъ ничѣмъ не касаться“. Это опредѣленіе 1737 г. было затѣмъ вновь подтверждено пр. Сенатомъ и въ указѣ 1743 г. октября 24.

Но въ 1751 году графъ Разумовскій сталъ просить, чтобы кіевскій магистратъ былъ подчиненъ ему, „такъ чтобъ и тамошній губернаторъ до него не интересовался“. Коллегія индѣлъ по этому поводу въ докладѣ своемъ, хотя и сообщила обстоятельную справку о независимости кіевского магистрата отъ власти гетмана, тѣмъ не менѣе представляла „на высочайшее благоизобрѣтеніе: не будетъ ли Е. И. В. угодно, изъ высочайшей своей къ нынѣшнему гетману милости и для особливо къ его персонѣ довѣренности, тотъ кіевскій магистратъ и мѣщанъ тамошнихъ въ вѣдомство: ~~ему~~ ~~отдасть~~ ~~повелѣть~~“. Но импе-

ратрица, прочитавъ этотъ докладъ, приказала еще разъ „подлинно выправиться съ прежними дѣлами, и ежели у гетмана Скоропадскаго былъ въ вѣдомствѣ кievскій магистратъ, то и у нынѣшняго гетмана въ вѣдомствѣ оному быть, а ежели у Скоропадскаго въ вѣдомствѣ не былъ, то и у нынѣшняго не быть“. Коллегія сдѣлала благопріятную для кievлянъ „выправку“ и вновь представила по этому дѣлу докладъ, въ которомъ и прописала, что „хотя единожды опредѣлено было въ Сенатѣ въ 1733 г., чтобъ имъ, кievскимъ мѣщанамъ, подъ вѣдѣніемъ тогда бывшаго гетмана Апостола и кievскихъ губернаторовъ быть, но потомъ и сіе въ 1737 году отмѣнено и велѣно тому магистрату быть въ вѣдомствѣ губернаторскомъ по прежнему“¹⁾).

На докладъ этотъ послѣдовала высочайшая резолюція: „быть кievскому магистрату при своихъ привилегіяхъ по прежнему, а гетману въ вѣдомство не отдавать“. Это было 22 марта 1754 года, т. е. уже послѣ назначенія Сычевскаго на войтовство; но тогда же представленный „къ высочайшей апробаціи“ согласный съ послѣдовавшею резолюціей „концептъ грамоты“ къ гр. Разумовскому очень долго оставался безъ такой „апробаціи“. Только лишь 26 октября 1760 г. послѣдовалъ указъ пр. Сената „о вѣданіи кievскихъ мѣщанъ судомъ и управленіемъ по магдебургскимъ правамъ въ магистратѣ, о бытіи оному маги-

¹⁾ Этотъ докладъ, надо думать, составленъ былъ не безъ участія кievскихъ магистратскихъ дѣльцевъ, „стряпавшихъ“ въ столицѣ по этому дѣлу. Въ представленной отъ коллегіи „выправкѣ“ на поставленный вопросъ объ отношеніяхъ къ гетману Скоропадскому читаемъ такой отвѣтъ, составленный, думается мнѣ, подъ вліяніемъ даваемыхъ магистратскими дѣльцами „сирарокъ“: „чтобъ у гетмана Скоропадскаго, также и другихъ прежде бывшихъ до него гетмановъ въ вѣдомствѣ кievскій магистратъ былъ, того по дѣламъ извѣстія не нашлось. Хотя же гетманъ Скоропадскій и предъ нимъ бывший Мазепа, при случавшихся кievскимъ войтомъ отъѣздахъ въ Москву для челобитья о магистратскихъ нуждахъ, рекомендаціи свои къ е. и. в. государю Петру Великому о милостивомъ на челобитье ихъ призрѣніи давали, такожъ къ выбору на мѣсто умершихъ войтовъ отъ себя парочныхъ персонъ посылали, но сіе они, гетманы, чинили *по единой только просьбѣ кievскихъ мѣщанъ*, изъ имѣвшагося ихъ къ нимъ, гетманамъ, своего партикулярнаго респекта, а по привилегіямъ ихъ мѣщанскимъ они чинить того были не должны, ибо по тѣмъ привилегіямъ они, мѣщане, нигдѣ кромѣ своего магистрата не судими, а на оной магистратѣ апелляція у е. и. в. въ коллегіи ин. дѣлъ, а до того была въ Сенатѣ“.

страту подъ апелліціями пр. Сената и объ охрaненіи отъ обидъ, какъ магистрата, такъ и мѣщанъ кіевскому губернатору“.

Такимъ образомъ это въ высшей степени интересное для кіевлянъ дѣло, возбужденное притязаніями гр. Разумовскаго, тянулось девять лѣтъ, вызывая необходимость производить по немъ „хожденія“, требовавшія, конечно, и умѣлыхъ дѣльцевъ и немалыхъ расходовъ. Мнѣ кажется, что это продолжительное ожиданіе опредѣленнаго рѣшенія по такому существенному вопросу не мало вліяло на отношенія между магистратомъ и войтомъ Сычевскимъ. Послѣдній, разсчитывая на возможность иного рѣшенія, до полученія указа магистрату отъ 6 ноября 1760 г., не переставалъ при удобномъ случаѣ показывать свою личную склонность къ „малороссійской командѣ“, тѣмъ болѣе, что у него завязались и родственныя отношенія съ малороссійскою старшиною. А между тѣмъ онъ хорошо зналъ настроеніе магистрата и вообще кіевскаго мѣщанства по отношенію къ этой „командѣ“, зналъ постоянныя жалобы на нее. Не раздѣляя въ этомъ случаѣ стремленій магистрата и мѣщанства, Сычевскій, конечно, возбуждалъ къ себѣ неудовольствіе, которое такъ рѣзко и выразилось въ первой поѣздкѣ его съ депутатами въ столицу въ 1762 г., когда явилась необходимость, при наступленіи новаго царствованія, хлопотать о „подтверженіи“ недавно полученнаго освобожденія отъ гетманской власти.

III.

По вступленіи на престолъ императора Петра III кіевскій магистратъ въ январѣ мѣсяцѣ 1762 г. постановилъ отправить въ столицу депутацію для обычнаго отъ города всеподданнѣйшаго поздравленія и для испрошенія при этомъ обычнаго же подтвержденія жалованныхъ городу грамотъ. Кромѣ самого войта, депутатами отправились писарь Давидовскій, райца Кулешъ, лавникъ Александровичъ и урядникъ Прилуцкій. На поѣздку эту ассигновано было магистратомъ и выдано на руки райцѣ Кулешу 1700 рублей, да взято было, кромѣ всякаго рода „харчевыхъ припасовъ“, 10 анталовъ венгерскаго вина на

600 р. и волосскаго вина 274 кварты на 38 р. 36 к. Для депутатовъ, ѣхавшихъ съ прислугой и собственною кладью, куплены были на счетъ магистрата особыя кибитки, а писарю Давидовскому коляска. Обозъ вышелъ не маленький.

Тронулись въ путь въ концѣ февраля мѣсяца. Уже передъ отѣздомъ обнаружилось враждебное отношеніе урядниковъ къ своему войту, который, какъ видно, ожидалъ отъ предстоящей поѣздки не чего иного, какъ отмѣны недавно лишь подтвержденной независимости магистрата кіевскаго отъ власти гетмана. По всей вѣроятности, всѣ депутаты знали, что гетманъ Разумовскій попалъ въ милость при новомъ дворѣ, а потому и могъ теперь разсчитывать на удовлетвореніе давняго своего ходатайства о подчиненіи ему кіевскаго магистрата.

Первымъ выѣхалъ изъ Кіева Сычевскій съ женою и ожидалъ въ Глуховѣ депутатовъ больше недѣли. Прибыли они въ Глуховъ не одновременно: сначала Кулешъ и Прилуцкій съ обозомъ, а затѣмъ черезъ 4 дня Александровичъ и Давидовскій. Послѣдніе, оставаясь въ Кіевѣ „по своей партикулярной прихоти и ослушности“, пріѣхали въ Глуховъ на почтовыхъ лошадахъ, за что войтъ и сдѣлалъ имъ выговоръ, за напрасную трату магистратскихъ денегъ на почтовыхъ лошадей. Начались постоянныя дорожныя ссоры депутатовъ съ войтомъ. По словамъ послѣдняго, Александровичъ, „а паче Давидовскій во всей дорогѣ, какія возмогли, противности и непочтеніе войту являли, къ чему и райцу Кулеша и урядника Прилуцкого склоняли“, и всѣ они „по единому своему недобротству и непочтенію во всей дорогѣ и въ Петербургѣ нарочито его, войта, озлобляли, а какъ онъ войтъ за какую винность либо упрямость ихъ репремандовалъ, они ему въ отвѣтъ сурово съ укореиеніемъ чести отговаривали“.

Выѣхавши изъ Глухова, Сычевскій остановился на ночлегъ въ слободѣ Полковничей въ домѣ родственника своего бунчуковаго товарища Степана Кулябки; урядники же не захотѣли воспользоваться этимъ гостепримствомъ войтовскаго родича и остановились со своимъ обозомъ въ шинку того же Кулябки въ четырехъ верстахъ отъ слободы. На другой день урядники,

„для единой пакости войту“, не ожидая его, двинулись сами въ дальнѣйшій путь, заставивъ его догонять ихъ, за что „какими словами онымъ урядникамъ онъ войтъ выговариваль, такими взаимно словами и они войту съ неучтивостію же выговаривали, а брани никакой не было“... При этомъ писарь Давидовскій, по словамъ войта, самъ похвалялся, что вернется обратно въ Кіевъ; по словамъ же урядниковъ, войтъ приказываль писарю вернуться.

Подъ г. Мценскомъ произошло столкновение обозныхъ служителей съ мѣстными крестьянами. Кто то изъ извозчиковъ Прилуцкаго разобраль на дрова чужой овинъ. Собравшіеся крестьяне хотѣли было уже тащить нашихъ кіевлянъ въ городъ къ воеводѣ. По словамъ Сычевскаго, „до такого худа“ привель дѣло это Давидовскій по своей горячности, войтъ же „тотчасъ оной шумъ и смятеніе уговорилъ и успокоилъ“, но при этомъ назвалъ Давидовскаго предъ крестьянами своимъ писаремъ, „а не командиромъ того обозу“, чѣмъ и обидѣль писаря, который „укорительно войту выговариваль: я здѣсь съ тобою равенъ, а признаю тебя только въ магистратѣ за войта; а что ты штабъ-офицеръ—мнѣ въ томъ нужды нѣтъ“.

Подъѣзжая къ Москвѣ, лавникъ Александровичъ предложилъ всей компаніи кіевлянъ заѣхать въ Даниловъ монастырь къ игумену, съ которымъ онъ былъ знакомъ и имѣль къ нему письмо. Разсчитывая найти въ монастырѣ удобный ночлегъ для всего обоза, депутаты отправили Александровича впередъ, и онъ дѣйствительно приготовилъ имъ квартиру; но войту она показалась крайне неудобною и онъ самъ себя нашель другую—въ слободѣ у діакона и остановился тамъ отдѣльно отъ прочихъ. Это подало поводъ ко взаимной перебранкѣ. Въ г. Торжкѣ Давидовскій, Кулешъ и Александровичъ заѣзжали къ архимандриту въ монастырь, гдѣ и ночевали; войтъ же съ обозомъ, не ожидая ихъ, поѣхаль дальше, за что они послѣ бранили Прилуцкаго—зачѣмъ де онъ послушался войта и безъ нихъ тронулся въ путь.

Словомъ, вся дорога прошла не спокойно. Брань была взаимная: войтъ, изображая изъ себя командира, постоянно сер-

дился и бранилъ своихъ спутниковъ, а тѣ въ долгу не оставались.

Прибывъ въ Москву, войтъ прежде всего запечаталъ своею печатью ящикъ съ деньгами, хранившійся у Кулеша, и, вопреки постановленію магистрата, уполномочившаго производить надлежащіе расходы лавника Александровича и урядника Прилуцкаго, приказалъ „безъ вѣдома и приказа его, войта, тѣхъ денегъ никуда не употреблять“. Находя же, что имѣвшихся у нихъ денегъ недостаточно для предстоящаго жительства въ Петербургѣ и возвращенія въ Кіевъ, войтъ, съ общаго согласія, занялъ на счетъ магистрата 500 рублей у архимандрита Новоспасскаго монастыря Мисаила, который, по словамъ Сычевскаго, „по подпису однихъ урядниковъ на ономъ обликѣ не утвердился“ и выдалъ деньги только тогда, когда обликъ былъ подписанъ войтомъ. Подобнаго рода обстоятельства Сычевскій подчеркивалъ, какъ доказательство того, что всѣ молъ люди естественно признавали его первенствующее значеніе, какъ „командира“.

Въ г. Твери Сычевскій оставилъ своихъ спутниковъ съ обозомъ и, взявши съ собой одного Прилуцкаго, поѣхалъ впередъ, чтобы, какъ онъ объяснялъ,—прибывъ раньше въ Петербургъ, пріискать тамъ удобную для всей депутаціи квартиру съ хорошимъ погребомъ „къ постановленію проваженнаго на презентъ отъ магистрата къ высочайшему двору и кому надлежало венгерскаго вина, дабы до отдачи выстояться и послѣ пути исправиться могло“. Такую квартиру съ каменнымъ погребомъ и нашель онъ въ домѣ грузинскаго царевича Александра Бакаровича, на Милліонной улицѣ вблизи высочайшаго двора.

Когда же прибыли въ Петербургъ и урядники съ обозомъ, то, по словамъ войта, „по одному лишь своему упрямству стали особливо сами собою въ самой негодной квартирѣ и вино поставили тамъ же въ ледникѣ, которое чрезъ то и совсѣмъ испортиться могло бы, ежели бы долговременно продержалось“. Козьма Кулешъ, явившись къ войту, упрекалъ его „неучтиво“ за наемъ особой квартиры, а войтъ его за это „взаимно репремандовалъ“.

Затѣмъ войтъ нанялъ новую квартиру для себя и для урядниковъ у придворнаго комиссара Василя Вельяминова, но и туда урядники переселиться не захотѣли. Такъ войтъ и оставался съ женою на особой квартирѣ, отдѣльно отъ депутатовъ.

Хожденія свои начали депутаты съ генераль-прокурора Александра Ивановича Глѣбова, которому и заявили, что они желаютъ быть представленными государю и при поднесеніи отъ города „презента“ подать прошеніе о подтвержденіи жалованныхъ городу грамотъ и привилегій. Глѣбовъ назначилъ имъ время, когда они должны явиться во дворецъ, но относительно прошенія совѣтоваль подать его не лично государю, а въ прав. сенатъ.

Начался выборъ презента по магазинамъ, при чемъ между войтомъ и урядниками происходили несогласія и ссоры. Руководителемъ въ этомъ выборѣ явился придворный камердинеръ Степанъ Андріевскій, старый знакомый и землякъ кіевлянъ. Остановились, наконецъ, на фарфоровомъ сервизѣ, который и былъ купленъ 3-го мая у купца Погонполя. При этой покупкѣ произошла крупная перебранка Сычевскаго съ Давидовскимъ. Войтъ, желая и здѣсь показать себя „командиромъ“, приказалъ писарю составить записку о покупкѣ, а писарь „по всегдашней завзятости сурово кричалъ на войта, сказывая: мнѣ де не должно по такимъ дѣламъ записокъ чинить“. По словамъ Сычевскаго, онъ при этомъ писаря не бранилъ, а только „сказывалъ ему: я по прошенію твоему хлѣбъ тебѣ писарской далъ и за такое благодѣяніе не точію долженъ ты во всѣхъ повелѣніяхъ, яко командира, слушаться, но по примѣру честныхъ людей за оное благодѣяніе портретъ мой имѣть“. Видно, эти послѣднія слова были особенно обидны Давидовскому, такъ какъ впоследствии, при перечисленіи разныхъ обидъ, нанесенныхъ войтомъ всѣмъ урядникамъ, особою статьею упомянулъ, что де войтъ „ему, писарю, выговаривалъ, что онъ долженъ его войта имѣть у себя портретъ“.

Наконецъ, депутація была представлена государю, „презентъ“ принятъ ко двору, а имѣвшееся въ рукахъ писаря магистратское прошеніе такъ и осталось не поданнымъ. Урядники

винили въ этомъ войта, который сдѣлалъ это по своему „недобротству“, а войтъ, ссылаясь на совѣтъ Глѣбова, утверждалъ, что и сами урядники не имѣли въ виду подавать это прошеніе на аудіенціи лично государю. Опять поѣхали къ Глѣбову совѣтоваться о томъ, какъ бы имъ все таки подать привезенное прошеніе государю. Глѣбовъ, прочитавши прошеніе, по словамъ войта, отказался посредничать въ подачѣ его и совѣтовалъ имъ искать другаго посредника. Урядники видѣли, что войтъ, уклоняясь всячески отъ подачи этого прошенія, теряетъ только время въ разѣздахъ по разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Обращались они всѣ вмѣстѣ и къ кабинетному секретарю Волкову, прося его подать ихъ прошеніе государю, презентовали ему при этомъ и анталъ венгерскаго вина, но успѣха не имѣли. Урядники и здѣсь усматривали происки войта, который отдалъ Волкову прошеніе „подъ видомъ усмотренія, а самимъ дѣломъ для удержанія онаго“. Нѣсколько разъ затѣмъ они ходили безъ войта къ Волкову, но ни резолюціи по прошенію, ни самаго прошенія обратно не получили.

Между тѣмъ 20-го мая послѣдовалъ именной высочайшій указъ о бытіи городу Кіеву „въ точной и полной командѣ гетмана“ 1)...

1) Высочайшій указъ Императора Петра III-го гетману Разумовскому о бытіи кіевскому магистрату въ его командѣ данъ 5-го іюля 1762 г.:

„Въ имянномъ Нашемъ за подписаніемъ собственннхъ нашея руки указѣ, мая 20-го дня сего 1762 года Сенату данномъ, написано: всеподданнѣйше представлено намъ отъ гетмана малороссійскаго графа Разумовскаго, что магистратъ кіевскій, такъ какъ и всѣ прочіихъ малороссійскихъ городовъ магистраты были до сего у всѣхъ его антецессоровъ, гетмановъ малороссійскихъ, въ точномъ гетманскомъ вѣдѣніи и командѣ, а въ небытность гетмановъ во всѣхъ тѣхъ малороссійскихъ мѣстахъ, гдѣ прочіе магистраты вѣдоми были, а въ прошломъ году Сенатъ исключилъ помянутой магистратъ совсѣмъ отъ гетманской команды, сверхъ же того магистратъ кіевскій исхочатайствовалъ себѣ въ Сенатѣ, имѣя немалые доходы и деревни, въ которыхъ о.ъ отчету никуда не отдаетъ, увольненіе отъ всѣхъ общепародныхъ малороссійскихъ податей, защищаяся привилегіями королей польскихъ такими, каковыя и прочіе малороссійскіе города имѣютъ, а напослѣдокъ для собственнаго своего прибытка и козаковъ, которые поселеніе въ Кіевѣ издревле имѣютъ своими Сенатскимъ же указомъ повелѣ дома, земли и всѣ свои старинныя жилища, выслать изъ города Кіева въ совершенное разореніе, что видя теперь прочіе жители по вольности своего перехода. дабы избѣжать имъ податей, бѣгутъ

Сычевскій, принесшій 23 мая копію этого указа къ своимъ товарищамъ, по словамъ ихъ „похвалялся и палочьемъ бить ихъ, сказуя: что я желалъ, то и получилъ“.

Не отрицая этихъ послѣднихъ словъ, войтъ впоследствии объяснялъ лишь, что сказалъ ихъ „въ томъ разумѣніи, что въ ономъ указѣ между прочимъ повелѣно о магистратскихъ доходахъ и расходахъ роцеты учинить“.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что насколько были огорчены послѣдовавшимъ указомъ кіевляне депутаты, настолько обрадовался ему войтъ, уже не одинъ разъ успѣвшій представиться новой своей „высшей командѣ“, т. е. гетману.

Но какъ ни были обезкуражены магистратскіе урядники такимъ оборотомъ дѣла, они, какъ видно, питали еще нѣкоторую надежду на возможность отмѣны огорчившаго ихъ указа, послѣдовавшаго не по докладу пр. Сената, а прямо изъ кабинета, и потому настойчиво просили войта продолжать съ ними „хождение“ по этому дѣлу. Но войтъ, не сочувствуя урядникамъ вообще въ ихъ стремленіяхъ, рѣшительно заявилъ, что „опасенъ

на поселеніе въ мѣщанство кіевское и въ мѣста, сему магистрату принадлежащія, и тѣмъ не токмо въ правленіи гетманскомъ нарушенъ малороссійскому народу слѣдуетъ отягощеніе. Того ради симъ нашимъ указомъ всеимпоставѣйше повелѣли мы: 1-е магистрату кіевскому быть въ точной и полной гетманской командѣ такъ, какъ прочіихъ малороссійскихъ городовъ магистраты состоятъ, 2-е ему же гетману препоручается вѣдать всѣ ихъ магистратскія учрежденія и доходы, дабы войтъ со всѣмъ магистратомъ и мѣщанами поступали по его гетманскимъ повелѣніямъ и отдавали во всемъ отчетъ кому отъ гетмана малороссійскаго приказано будетъ, 3-е отъ общенародныхъ повинностей таковыхъ, каковыя именно въ магистратскихъ привилегіяхъ не изображены, и располагаются на весь народъ малороссійской безъ исключенія, магистратъ кіевскій не исключать и въ ревизію такъ какъ и прочіихъ обывателей малороссійскихъ писать, не обходя никого изъ магистратскихъ, и предается все вышепомянутое на доброе учрежденіе гетмана, а кіевской губернской канцеляріи ничѣмъ до магистрата не касаться, 4-е сотника и козаковъ кіевскихъ изъ города Кіева не выводить и остаться имъ въ Кіевѣ на прежнихъ ихъ старинныхъ жилищахъ при всѣхъ козацкихъ тамо дозволенныхъ имъ вольностяхъ; и во исполненіе онаго нашего всеимпоставѣйшаго указа въ нашемъ Сенатѣ опредѣлено: о бытіи кіевскому магистрату въ точной и полной гетманской командѣ и о чиненіи впротчемъ во всѣмъ непремѣнного исполненія по оному имянному нашему высочайшему указу изъ нашего Сената послать къ вамъ, нашему гетману, грамоту, а въ кіевскую губернскую канцелярію и въ кіевскій же магистратъ указы“.

тое учинить“, чтобы подать самому государю прошеніе объ отмѣнѣ только что даннаго имъ указа. Ходили они совѣтоваться и къ старому знакомому кіевлянъ сенатору Костюрину, который, прослуживъ въ Кіевѣ съ 1753 по 1758-й годъ и въ званіи вице-губернатора управляя губерніей, хорошо зналъ кіевскія городскія дѣла и отношенія. Костюринъ сказалъ имъ, что де „опасно надъ оной имянной указъ просить“, при чемъ, по словамъ Сычевскаго, говорилъ, между прочимъ, обращаясь къ урядникамъ: „а вы, бурмистры и райцы, о расходахъ магистратскихъ, о коихъ я знаю довольно, не можете ничѣмъ оправдаться, только возьмите сумку на плечи, и, положиа каменя, въ Кіевѣ изъ мосту въ Днѣпръ бросайтесь“. По словамъ же урядниковъ, Костюринъ, когда они были у него въ другой разъ одни безъ войта, совѣтовалъ имъ прибѣгнуть для подачи прошенія государю къ посредничеству генерала Мельгунова и оберъ-маршала Нарышкина, „а отъ Сената де докладомъ внесено будетъ“. Но войтъ рѣшительно отказался отъ подачи прошенія, какъ лично государю, такъ и въ пр. Сенатъ. Между тѣмъ, послѣ объявленнаго высочайшаго указа 20-го мая, необходимо было и всей депутаціи явиться къ гетману Разумовскому, какъ къ своей „вышней командѣ“. При этомъ представленіи, по словамъ войта, гетманъ, принимая его отдѣльно отъ другихъ въ своей спальнѣ, говорилъ ему съ укоромъ: „я не надѣялся по твоему штабъ-офицерскому чину, чтобы ты, увѣряясь на одни мнимыя на удачу кіянъ прошенія, отважился представить въ Сенатъ о небытіи подъ командою моею городу Кіеву, какъ то учинилъ ты въ 1760-мъ году“. Когда же войтъ сталъ просить у гетмана себѣ „впредь милости и респекту“, то гетманъ „сказывалъ командирскимъ повеленіемъ, чтобъ онъ, войтъ, поосторожнѣе и рачительнѣе поступалъ, какъ штабъ-офицеру надлежитъ“. Вышедши же изъ спальни въ пріемную, гдѣ находились депутаты, гетманъ выразилъ имъ свое неудовольствіе и грозилъ: „слушайте вы, кіяне,—ежели впредь будете шалить, то я съ вами не такъ уже буду поступать“.

Этотъ „репримандъ“ былъ, надо полагать, для магистратскихъ урядниковъ тѣмъ чувствительнѣе, что здѣсь же находился

тогда и давній врагъ магистрата кievскаго, бывшій сотникъ кievскій, теперь эсауль Павелъ Гудимъ, который могъ торжествовать, видя униженіе магистратскихъ депутатовъ. Въ заключеніе аудіенціи гетманъ приказалъ кievлянамъ, не мѣшкая въ столицѣ, отправляться во свояси немедленно. Такое же приказаніе „съ угроженіемъ“ повторилъ онъ и войту, когда тотъ вновь явился къ нему по должности. Тогда же гетманъ приказалъ генеральному писарю Туманскому изготавить на имя магистрата ордеръ о присылкѣ къ гетману копій со всѣхъ жалованныхъ городу Кіеву грамотъ и привилегій, каковой ордеръ и данъ былъ 12-го іюня.

Когда магистратскіе урядники шли представляться гетману, то войтъ настаивалъ, чтобъ они не надѣвали своихъ сабель, съ которыми имѣли обыкновеніе являться въ парадныхъ случаяхъ. Это ношеніе урядниками сабель порицала находившаяся при гетманѣ старшина, а подскарбій Гудовичъ ставилъ это даже въ вину самому Сычевскому, который де долженъ запретить урядникамъ ношеніе сабель; урядники же, видя въ этомъ нарушеніе правъ своихъ и проявленіе лишь „недоброхотства“ войтовскаго, говорили, что еслибъ даже кто изъ войсковой старшины и упоминалъ объ этомъ, то войтъ „не токмо такова указу имъ, чиновникамъ, чинить не долженъ, но еще, яко градоначальникъ, за нихъ въ томъ и обстаивать долженъ“. Не смотря на запрещеніе войта, урядники продолжали носить въ столицѣ сабли свои, по мнѣнію войта, „не для чего иного, какъ точно для честолюбія своего отъ незнающихъ людей простой ихъ, урядниковъ, породы и достоинства“.

12-го іюня писарь Давидовскій получилъ изъ походной канцеляріи гетмана вмѣстѣ съ упомянутымъ выше указомъ о присылкѣ копій и паспортъ для всѣхъ депутатовъ на обратный путь. Депутаты вынуждены были подчиниться и, прекративъ всякія попытки подать прошеніе объ освобожденіи города отъ гетманской команды, оставили столицу.

Возвращаясь домой съ такимъ гостинцемъ, съ такою горькою пилюлею магистрату кievскому, какъ указъ 20-го мая, озлобленные депутаты и въ этомъ обратномъ пути то и дѣло

ссорились съ войтомъ. Прибыла депутація въ Кіевъ въ іюль мѣсяцѣ.

Не дешево обошлась городу эта печальная поѣздка депутатовъ. Наличными деньгами поглотила она 2200 р., да издержали на венгерское и волоское вино 661 р. 31 к., а на какую сумму взято было „харчевыхъ припасовъ“—неизвѣстно¹⁾.

Въ расходованіи этихъ денегъ, надо думать, всѣ были одинаково грѣшны, хотя въ злоупотребленіяхъ винили войтъ урядниковъ, а урядники войта, когда имъ пришлось впослѣдствіи давать показанія объ этихъ расходахъ въ качествѣ „сторонъ“. Урядники заявляли, что войтъ, выѣхавши раньше другихъ въ Глуховъ, сдѣлалъ въ Нѣжинѣ для себя нѣкоторыя покупки на 14 р. и велѣлъ этотъ расходъ внести въ реестръ на счетъ магистрата, а затѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ магистратскія деньги расходовались де только по приказу войта, при чемъ „сверхъ вымышляемыхъ имъ по прихотямъ своимъ для собственнаго своего употребленія покупокъ, яко то французскаго хлѣба, барабантской оливы, живой рыбы и ренскаго уксусу, на самой ему въ Москвѣ и Петербургѣ наемъ лошадей, на починку коляски и на мазь оной тѣхъ магистратскихъ денегъ издержано не мало; а при томъ войтъ, стоя въ С.-Петербургѣ съ женою своею, до отъѣзду ея оттолъ, особливою квартирою, велѣлъ покупать и въ ту квартиру особливые харчи; да и въ возвратномъ пути по прибытіи въ Москву не сталъ купно въ одной съ чиновниками квартирѣ, какая довольно для всѣхъ вмѣстительна была, сыскавъ себѣ особливую, велѣлъ также и въ ту особливую жѣ покупать харчи; съ припасовъ же, отъ магистрата данныхъ, войтъ приватнымъ персонамъ пораздавалъ и какъ хотя надъ тѣми припасами сбытковалъ;—бывшему въ С.-Петербургѣ дядѣ своему бунч. тов. Ивану Миклашевскому ежечасто какъ горѣлку, такъ и сало давалъ; къ тому жѣ частныхъ своихъ гостей какъ пищею, изъ магистратскихъ денегъ купленною, такъ и волоскимъ магистратскимъ виномъ довольствовалъ,

¹⁾ Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, грибы, которые покупались тогда, въ Кіевѣ по 3 р. 30 коп. за тысячу. Грибы эти, „презентовались“ разнымъ лицамъ очевидно, какъ лакомый кіевскій гостинецъ.

а при томъ нѣсколько разъ, будучи въ гостяхъ, и оттолъ къ ур. Прилуцкому за тѣмъ волоскимъ виномъ присылалъ“. Этого злополучнаго Прилуцкаго, завѣдывавшаго „харчевыми припасами“, войтъ въ Петербургѣ „почти всякой день бранилъ и безчестилъ, называя плутомъ и прочими неудобносными словами“.

Сычевскій же въ свою очередь заявлялъ, что онъ, желая именно воздержатъ урядниковъ отъ излишнихъ расходовъ, дѣйствительно въ Петербургѣ „многократно напоминалъ“ Прилуцкому за то, что „урядникамъ еженедѣльно всякому по погребцу водки наливаетъ и сахаръ выдаетъ со излишествомъ, да на харчи и на покупку полпива ежедневно издерживаетъ много излишнихъ денегъ, и что они урядники на себя партикулярно издержатъ, то въ расходъ магистратскій ставятъ, и онъ Прилуцкій принимаетъ и вноситъ въ реестръ безъ вѣдома войтова; но какъ Прилуцкій всегда отговаривался, что то все дѣлать повелѣвають съ угроженіемъ урядники, то войтъ нѣсколько кратъ его перво репремандовалъ, а потомъ, видя его упрямство и въ повелѣніи неисполненіе, называлъ плутомъ и бранилъ временно, а не ежедневно“.

Противъ обвиненій урядниковъ войтъ заявлялъ, что вообще на свое содержаніе онъ пользовался магистратскими деньгами и припасами только „съ вѣдома и согласія“ урядниковъ, которые „со излишествомъ противъ него“ на себя расходовали. Относительно же раздачи грибовъ разнымъ лицамъ, въ чемъ упрекали его урядники, Сычевскій обстоятельно показалъ, что роздалъ онъ ихъ все болѣе или менѣе нужнымъ, вліятельнымъ лицамъ ¹⁾. Войтъ не отрицалъ, что посылалъ водку и сало родичу своему Миклашевскому, но послалъ то за всю бытность свою въ Петербургѣ не болѣе 4 штофовъ водки и до 20 кусковъ сала и дѣлалъ это „не безъ резону и не во излишность

¹⁾ Такъ дано было 500 грибовъ полковницѣ Чичериной потому, что дядя ея генераль-маіоръ Ник. Ив. Чичеринъ, состоявшій тогда въ Кіевѣ оберъ комендантомъ, „находился въ правленіи кіевск. губ. канцеляріи и въ случающихся требованіяхъ магистратскихъ благопріятствовалъ“; 500 шт. дано архим. Мисаилу „за одолженіе имъ въ заемъ на счетъ магистрата 500 рублей“, надворному совѣтнику Ладыгину

магистратскаго расходу“, а имѣлъ на это право, такъ какъ лично для себя не бралъ магистратской водки, которою пользовались другіе депутаты, а употреблялъ всегда собственную водку и вишневку, которыми и урядниковъ „ежечасто пощивалъ и никакого отъ нихъ зачету не требовалъ“; если же для гостей своихъ иногда и требовалъ чего либо изъ „харчей“ магистратскихъ, то и урядники угощали всегда своихъ гостей тѣми же харчами. Сычевскій указалъ и на то, что онъ самъ часто бывалъ и обѣдалъ въ гостяхъ, и уже по этому де одному на содержаніе его расходъ былъ незначителенъ. Такъ, почти ежедневно онъ бывалъ на обѣдѣ у грузинскаго царевича Леона Бакаровича и вотъ сюда то однажды онъ и потребовалъ, по просьбѣ царевича, волоскаго вина изъ магистратскаго запаса, „яко въ Петербургѣ волоскаго вина не имѣлось“, да и выдалъ его Прилуцкій всего бутылокъ шесть.

Урядники обвиняли войта въ томъ, что онъ, взявши съ собой жену съ женскою прислугой, тѣмъ самымъ увеличилъ дорожные расходы на лошадей, а затѣмъ отправилъ изъ Петербурга жену отдѣльно, раньше чѣмъ выѣхалъ самъ, тоже на магистратскій счетъ. Войтъ же утверждалъ, что для жены своей нанималъ подводы въ оба пути на собственныя свои деньги, на свой счетъ и продовольствовалъ: „точію когда урядники хотя и малую какую склонность являютъ было къ войту, то онъ, войтъ съ женою и со оными урядниками вмѣстѣ по согласію изъ магистратскихъ припасовъ харчи обще употребляли, и въ такомъ случаѣ люди, въ томъ числѣ и женска полу три души, около войта кормились вмѣстѣ съ партикулярными оныхъ урядниковъ служителями; когда же не согласны были, то войтъ съ женою своею больше своими харчами кормились, но и въ таковыхъ случаяхъ они, урядники, а паче расходчикъ Прилуцкій, приходя къ войту, не единожды объявлялъ, чтобъ онъ войтъ

даво 500 „по прошенію у войта и у оныхъ урядниковъ“; дворецкому кн. Долгорукой (а не самой княгинѣ, какъ говорили урядники) Мелетію Витвицкому дало 500 „за угощеніе имъ войта и оныхъ урядниковъ по знакомствѣ“. Не упомянулъ войтъ лишь о тысячѣ грибовъ, розданной имъ въ Москвѣ „на съѣзжей полицмейстерскимъ офицерамъ, когда просилъ о поворованныхъ у него служанкою егожъ деньгахъ“.

бралъ магистратскіе припасы для себя и для людей своихъ безъ сумнѣнія“.

Урядники же пользовались магистратскими подводами „съ излишествомъ“, взявши съ собой изъ Кіева напр. Александровичъ—кадку масла, да вина волоскаго и водки нѣсколько боченковъ „для собственного своего презенту“, а Прилуцкій—для продажи „табакъ папушной“.

Вообще, надо думать, обѣ стороны не особенно то щадили „копоть магистратской“ въ этой поѣздкѣ, доставившей городу Кіеву лишь такой печальный сюрпризъ, какъ предоставленіе его „въ точную и полную команду“ гетмана.

А. Андріевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ 1097 — 1102 Г. ¹⁾

Предметъ настоящей работы составляютъ взаимныя отношенія южнорусскихъ князей конца XI и начала XII в. Предметъ, конечно, очень не новый: любечскій съѣздъ, ослѣпление Василька, волынская война 1098—1099 г., увѣitchскій съѣздъ съ его ближайшими послѣдствіями—всѣ эти факты, объединяемые мною подъ общимъ именемъ „волынскаго вопроса“, такъ какъ вопросъ о владѣніи Волынью составляетъ тотъ центральный пунктъ, къ которому привели и около котораго сгруппировались современныя княжескія отношенія—эти факты хорошо извѣстны, благодаря своему интересу, драматизму, богатству подробностей, и обстоятельно излагаются во всякомъ сколько нибудь подробномъ курсѣ исторіи. Но нельзя сказать, чтобы эти факты, при всей своей общезвѣстности, были вполне понятны, была ясна ихъ зависимость и связь относительно предшествующаго и послѣдующаго. Взаимныя, напримѣръ, цѣлованія князей въ Любечѣ и послѣдовавшее ослѣпление Василька; единодушный взрывъ негодованія при вѣсти объ этомъ преступленіи и затѣмъ—передача Волыни Святополку и намѣреніе „братъ“ лишить волости самого пострадавшаго—Василька; первенствующая роль Мономаха въ началѣ этихъ событій и странное,

¹⁾ Первоначально содержаніе этой работы входило, какъ эпизодъ, въ мою „Исторію Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV в.“, которая печатается одновременно съ этимъ; но затѣмъ я счелъ за лучшее выдѣлить этотъ эпизодъ и дать ему самостоятельное бытіе, чтобы имѣть возможность подробнѣе обосновать и развить проводимые относительно него взгляды, чего нельзя было сдѣлать въ рамкахъ упомянутой „Исторіи“.

пассивное положеніе его въ дальнѣйшемъ теченіи вопроса—эти факты, какъ они передаются въ источникахъ, являются неожиданными, непонятными. Перипетіи событій въ источникахъ часто не мотивированы, или мотивированы недостаточно, фальшиво, большая же часть ученыхъ, излагая эти событія, обыкновенно скользятъ, такъ сказать, по поверхности извѣстій, не подвергая ихъ болѣе глубокому анализу. Если же были высказываемы относительно ихъ справедливыя соображенія, то и они не всегда принимались въ расчетъ послѣдующими изслѣдователями и не содѣйствовали въ должной мѣрѣ правильному пониманію событій. Между тѣмъ правильная оцѣнка этихъ событій и сама по себѣ представляетъ научный интересъ, и важна въ томъ отношеніи, что отъ нея получаетъ то или иное освѣщеніе вся вообще княжеская политика того періода и личности участниковъ этихъ событій, крупныхъ историческихъ дѣятелей того времени.

Существенный вопросъ въ данномъ случаѣ—вопросъ объ источникахъ. Для изученія волинскаго вопроса существуетъ ихъ нѣсколько. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ сказаніе нѣкого Василя, включенное въ Начальную лѣтопись ¹⁾. Можно колебаться въ опредѣленіи предѣловъ этого сказанія; наиболѣе вѣроятно, что оно обнимаетъ собою рассказъ о событіяхъ отъ любечскаго съѣзда до конца волинской войны ²⁾. Написано

¹⁾ О немъ спеціальная работа г. Хруцова: „Сказаніе о Васильѣ Ростилавичѣ“ въ „Чтеніяхъ историческаго общества Нестора“. I, стр. 44 сл., потомъ вошедшая въ его книгу „О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ“. 1878 г., стр. 31 сл.

²⁾ Кончая словами: „а Володимерь вда сынови своему Ярославу“ (Даврент. лѣт., изд. 1872 г., стр. 264). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 22) склоняется къ тому предположенію, что Василю принадлежит не весь рассказъ о Васильѣ; но рассказъ собственно о волинской войнѣ носитъ также ясныя черты отдѣльнаго сказанія, а какихъ либо слѣдовъ связи его со сказаніемъ объ ослѣпленіи Василя не замѣтно. Наоборотъ Погодинъ предполагалъ за сочиненіемъ Василя гораздо большіе размѣры, приписывая ему же нѣкоторыя вставныя извѣстія со смерти Всеволода, въ томъ числѣ и извѣстный рассказъ о борьбѣ Олега съ Мстиславомъ (1096 г.) (см. его Хронологическій указатель древн. русск. исторіи въ Ученыхъ Зап. Академіи, VII, I, стр. 74—80). Г. Хруцовъ описанія любечскаго съѣзда не причисляетъ къ сказанію (Чтенія, стр. 55).

оно, повидимому, въ промежутокъ между 1112 г. (смерть Давыда Игоревича) и 1124 (смерть Василька), слѣдовательно спустя лѣтъ пятнадцать — двадцать послѣ описываемыхъ событій ¹⁾). Авторомъ его было лицо, какъ видно, близкое къ Васильку ²⁾ и дому Всеволода, но ближе намъ неизвѣстное. Другой источникъ — погодныя записи, вошедшія также въ составъ Начальной лѣтописи; четыре краткія записи относятся къ событіямъ 1098—99 г., описываемымъ въ Сказаніи, но онѣ не зависятъ отъ него: такъ въ записяхъ приведена точная дата смерти Мстислава Святополковича, отсутствующая въ Сказаніи, судя по этой же датѣ и общему характеру записей, надо думать, что онѣ приблизительно современны описываемымъ событіямъ. И сказаніе,

¹⁾ Говоря о переводѣ Давыда въ Дорогобужъ, авторъ Сказанія прибавляетъ: „въ немже и умре“, а о Василькѣ замѣчаетъ: „и есть та рана на Василькѣ и нынѣ“ (Лаврент. лѣт., стр. 251 и 263), см. упомянутую статью г. Хруцова въ Чтеніяхъ, стр. 58. Надо, впрочемъ, замѣтить, что это упоминаніе о смерти Давыда находится въ самомъ концѣ Сказанія, который очень сходенъ съ заключительными словами лѣтописнаго разсказа объ увѣтческомъ сѣздѣ: „даша ему Дорогобужъ, въ немже и умре, а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава“ (Сказаніе), „и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужъ, въ немже и умре, а Володимерь вда сынови своему Ярославу“ (лѣтопись) — Лавр. л. с. 263 и 264, Шпатск. стр. 179 и 181. Совпаденіе это, конечно, не случайное и должно быть объяснено заимствованіемъ; я думаю, что заимствовали составитель лѣтописной записи, потому что слова — „Святополкъ перея“ и пр. въ Сказаніи являются необходимымъ заключеніемъ о послѣдующей судьбѣ Волыни (другое обстоятельство въ пользу такого заключенія будетъ приведено ниже). Противоположное мнѣніе было высказано Погодинымъ въ упомянутомъ „Хронологическомъ указателѣ“ (стр. 81).

Нѣкоторые ученые обратили вниманіе на то обстоятельство, что Сказаніе говоритъ о характерѣ Мономаха въ прошедшемъ времени: „Володимерь бо такъ бѣше любезнѣвъ, любовь имѣя к митрополитомъ“..; въ Ипатской лѣт. (изд. 1871 г., стр. 172): „Володимерь же такъ есть любезнѣвъ“, но дальше слѣдуютъ прошедшія времена: „и приходѣшая к нему напѣташе и напояше“. Это подало поводъ къ предположенію, что этотъ отзывъ сдѣланъ уже послѣ смерти Мономаха (1125 г.) — см. Monumenta Poloniae histor. Бѣлевскаго, I, р. 526 и у К. Н. Бестужева-Рюмина, О сост. р. лѣт., стр. 30. Собственно прошедшее время не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ, (авторъ могъ говорить о Мономахѣ и при жизни его въ прошедшемъ времени, съ точки зрѣнія описываемыхъ событій), но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Сказаніе позже подверглось нѣкоторымъ добавленіямъ и измѣненіямъ.

²⁾ Г. Хруцовъ справедливо замѣчаетъ, что многое Василькъ описалъ со словъ самого Василька (Чтенія, стр. 60).

и записи, кромѣ Начальной лѣтописи, переданы затѣмъ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ съ нѣкоторыми вариантами и добавленіями; варианты и добавленія встрѣчаются также и въ польскихъ сводахъ, основывавшихся на русскихъ лѣтописяхъ, какъ Длугоша, Стрыйковскаго ¹⁾). Нѣсколько краткихъ извѣстій, относящихся къ нашему вопросу, находится въ поученіи Мономаха и, наконецъ, въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіяхъ св. Прохора, Василя и Θεодора.

Изучая и сравнивая извѣстія нашихъ источниковъ, я пришелъ къ убѣжденію, что главный источникъ—Сказаніе, которому слѣдуютъ до настоящаго времени ученые въ изложеніи и оцѣнкѣ описываемыхъ въ немъ событій,—это сказаніе, при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ, въ противность господствующему мнѣнію, не безукоризненно, какъ историческій источникъ. Въ общемъ на фактическую сторону его можно положить—авторъ стоялъ близко къ описываемымъ событіямъ и дѣятелямъ и имѣлъ о нихъ достаточно свѣдѣній, но освѣщеніе, мотивы, которые даетъ онъ по временамъ (въ другихъ случаяхъ изложеніе Сказанія объективно и личность автора мало выступаетъ)—иногда сомнительны. Во первыхъ, авторъ—въ значительной степени моралистъ, онъ съ особенною любовью останавливается на эпизодахъ, которые могутъ дать читателю нравственный урокъ ²⁾, и въ этихъ видахъ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сгущаетъ или смягчаетъ краски; во вторыхъ, онъ переноситъ на описываемое время въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно безсознательно, условія позднѣйшія, современныя его авторству. Онъ слишкомъ расположенъ къ Мономаху, рисуетъ въ его лицѣ идеаль правды, любви, патриотизма, и даетъ ему слишкомъ первенствующую роль въ

¹⁾ Впрочемъ эти добавленія сводовъ, русскихъ и польскихъ, въ большинствѣ—просто домыслы составителей.

²⁾ Такой поучительный характеръ имѣютъ, наприимѣръ: рассказъ объ ужасѣ князей при вѣсти объ ослѣпленіи Василька, похвала Мономаху, рассказъ о казни Ростиславичами Давыдовыхъ бояръ (се же второе мщеніе створи, его же не баше лѣпо створити и пр.), о битвѣ на Рожки полѣ; подобныхъ примѣровъ или менше ясныхъ можно привести и больше.

событіяхъ, потому что смотритъ на него съ точки зрѣнія послѣдующаго времени, когда Мономахъ былъ окруженъ ореоломъ славы и популярности, былъ дѣйствительно первымъ человѣкомъ на Руси. Относительно описываемаго времени такой взглядъ, по моему мнѣнію, въ значительной степени несправедливъ: факты, сообщаемые самимъ Сказаніемъ и другими источниками, совершенно ясно показываютъ, что въ описываемыхъ событіяхъ Мономахъ далеко не игралъ такой исключительной роли. Отношенія Мономаха и Святославичей (которые въ Сказаніи стоятъ на второмъ планѣ, въ роли послушныхъ помощниковъ Мономаха) къ Святополку авторъ выводитъ изъ нравственныхъ и патріотическихъ мотивовъ: послѣдующіе факты стоятъ въ полномъ противорѣчій съ такими мотивами. Правда, замѣчали по этому поводу, что въ обществѣ мало-культурномъ нравственныя движенія не отличаются устойчивостью, проходятъ быстро, почти безслѣдно, уступая мѣсто личнымъ интересамъ¹⁾; положимъ, но князья, проливающіе слезы по поводу преступленія Святополка и затѣмъ награждающіе его Волынью, представляютъ все таки такую неожиданную метаморфозу, что невольно приходишь въ сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли нравственные мотивы имѣли такое значеніе, не возникли ли они просто изъ субъективнаго и ретроспективнаго взгляда автора. Опять таки сопоставленіе извѣстныхъ намъ фактовъ должно, по моему мнѣнію, привести къ тому выводу, что дѣйствительные мотивы, руководившіе дѣйствіями князей, были не нравственные, а политическіе, что въ современной политикѣ, въ междукняжескихъ отношеніяхъ можно найти объясненіе многихъ фактовъ этого времени, которые сами по себѣ, при томъ освѣщеніи, какое даютъ имъ источники, являются странными и неожиданными. Чтобы дать возможно справедливое объясненіе и оцѣнку разсматриваемымъ событіямъ, мы устранимъ все то, въ чемъ можетъ быть заподозрено субъективное произведеніе

¹⁾ Лашинковъ. Владиміръ Мономахъ и его время, стр. 26 (въ „Пособіи къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ“. Кіевъ. 1874, раньше въ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1873 г.).

автора Сказанія, удержимъ изъ него лишь голый остовъ фактовъ и сопоставимъ полученныя такимъ образомъ данныя съ извѣстіями, очень скудными впрочемъ, другихъ источниковъ и фактами предшествующаго времени. Это сопоставленіе должно вмѣстѣ послужить и оправданіемъ высказаннаго мною взгляда на Сказаніе.

Причины, создавшія конфликтъ конца XI в., глубоко коренились въ общемъ направленіи политики русскихъ князей второй половины этого столѣтія. Политика эта характеризуется по преимуществу собираніемъ земель: эта традиція, завѣщанная предшествующимъ временемъ, долго еще жила въ періодъ удѣльно—вѣчевой и только постепенно ослабѣла и исчезла, наткнувшись на слишкомъ большія препятствія. Благодаря тому, что старшій и сильнѣйшій изъ сыновей Ярослава—Изяславъ—не годился для роли объединителя, собираніе волостей производится сначала тремя старшими Ярославичами сообща, затѣмъ является дуумвиратъ Святослава и Всеволода, который смѣняется дуумвиратомъ Изяслава и Всеволода, и наконецъ собирательною политикою занялся Всеволодъ единолично. Собрать въ своихъ рукахъ большую половину волостей (Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, Ростово-Суздальская волость, подъ конецъ еще Новгородъ) и удовлетворивъ сыновей Изяслава (имъ были предоставлены: Новгородъ, Волынь и Туровская земля, но первыя двѣ волости были потомъ ими утрачены), онъ всѣми мѣрами старается уберечь свои владѣнія отъ притязаній изгоевъ—въ этомъ содержаніе его княженія. Политика его своекорыстна и недальновидна. Одного за другимъ надѣляетъ онъ болѣе стоворчивыхъ претендентовъ: такъ, даетъ Давиду Игоревичу Дорогобужъ, потомъ Владиміръ (волынскій), Ростиславичамъ—Червенскіе города, все это на счетъ Изясловаго дома, которому принадлежала Волынь; онъ же, вѣроятно, далъ Смоленскъ Давиду Святославичу; за то во чтобы то ни стало старается онъ сохранить за собою Черниговъ и устранить Олега Святославича, главнаго, энергичнѣйшаго претендента. Но эти частныя соглашенія были только палліативами, и умирая, Всеволодъ оставилъ Мономаху свою тяжбу съ племянниками не

оконченную, нерѣшенную; она возобновилась при первомъ удобномъ случаѣ—именно послѣ пораженія Святополка и Мономаха половцами въ 1093 г. Немедленно явился Олегъ съ половцами и принудилъ Мономаха очистить Черниговъ. Затѣмъ, воспользовавшись этимъ временемъ, половцы предприняли рядъ набѣговъ на пограничныя волости; эти набѣги, весьма частые и интенсивные, совершенно связывали руки Мономаху и его единственному союзнику—Святополку. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая борьба съ Олегомъ была немыслима, и Мономахъ очень хорошо понималъ это: онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы разорвать союзъ Олега съ половцами, установить прочныя отношенія къ нему и такимъ образомъ развязать себѣ руки для борьбы съ половцами. Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ Святополкомъ они требуютъ, чтобы Олегъ принялъ участіе въ походѣ на половцевъ, чтобы онъ убилъ сына хана Итлара, жившаго у него; послѣ отказа—пытаются довлѣять на него при помощи общественнаго мнѣнія, приглашая явиться на общій совѣтъ всего населенія, „да порядъ положимъ о Русьстѣй землѣ, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“¹⁾. Послѣ новаго отказа Олега, его лишили черниговской волости, но это опять таки не устраняло затрудненій и обѣщало лишь новыя претензіи и нападенія со стороны Олега. Потому Мономахъ со Святополкомъ, отпуская Олега, берутъ съ него обѣщаніе, что онъ явится съ братомъ Давыдомъ въ Кіевъ на общій совѣтъ. Олегъ все таки не рѣшался отдаться на волю ихъ и задумалъ еще разъ добиваться силою волостей, къ тому же захватъ Мурома, совершенный въ это время сыномъ Мономаха, Изяславомъ, не могъ внушить особеннаго довѣрія къ миролюбію Мономаха. Борьба Олега съ этимъ Изяславомъ и Мстиславомъ Мономаховичемъ кончилась для него опять совершенно неудачно. Но Мономахъ желалъ только прочнаго мира и въ этомъ отношеніи былъ искрененъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Олегу. Послѣдній, наконецъ, сдался и согласился передать свое дѣло на судъ братіи; для рѣшенія его былъ созванъ съѣздъ въ Любечѣ.

¹⁾ Лаврент. лѣт., стр. 222 (Ипат. лѣт., стр. 160).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію постановленій этого съѣзда, я еще остановлюсь нѣсколько на отношеніяхъ Мономаха и Святополка. Отъ нашествія половцевъ въ 1093 г. и до любечскаго съѣзда мы видимъ ихъ въ тѣсномъ союзѣ: они помогаютъ другъ другу въ борьбѣ противъ половцевъ, а Святополкъ кромѣ того и въ борьбѣ Мономаха съ Олегомъ, хотя въ вопросѣ объ изгойхъ онъ вовсе, повидимому, не былъ заинтересованъ, такъ какъ не владѣлъ изгойскими волостями; самыя половецкія нашествія 1093—1096 гг., стоявшія, несомнѣнно, въ извѣстной связи съ борьбою Мономаха и Олега, для Святополка въ значительной степени поэтому были на чужомъ пиру похмельемъ. Какимъ образомъ возникъ этотъ союзъ, лѣтописи не объясняютъ; начался онъ помощью Мономаха Святополку въ 1093 г. противъ половцевъ; думаю, что Мономахъ, какъ человѣкъ умный, за помощь противъ половцевъ могъ пользоваться помощью Святополка и противъ другихъ своихъ враговъ; можетъ быть и такъ, что Святополкъ за свое содѣйствіе получилъ или имѣлъ получить какое нибудь вознагражденіе. Иное освѣщеніе этимъ отношеніямъ даетъ Татищевскій сводъ; по извѣстіямъ его, Мономахъ былъ приглашаемъ по смерти Всеволода на кіевскій столъ населеніемъ, но отказался отъ него въ пользу Святополка¹⁾; среди князей Святополкъ не пользовался никакимъ авторитетомъ²⁾, „и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, то бѣ давно Кіева Святославичами лишенъ былъ“. Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію, Святополкъ былъ обязанъ Мономаху своимъ столомъ, находился подъ его опекою и долженъ былъ, слѣдовательно, помогать ему изъ благодарности. Такой взглядъ на отношенія ихъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, находимъ потомъ у Карамзина, у Н. Полевого (Карамзинъ прямо заявляетъ, что „только сильная рука Мономаха держала его (Святополка) 20 лѣтъ на престолѣ“³⁾), и въ на-

¹⁾ Исторія Россійская, т. II, стр. 146.

²⁾ „Наложницу свою поаялъ въ жену и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и много ея слушая отъ князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ.“ (Ист. Россійск., II, стр. 211).

³⁾ Исторія государ. російск., II, стр. 84 (изд. 1842 г.). Исторія русск. народа, II, стр. 323—324.

стоящее время онъ является, можно сказать, общепринятымъ, хотя у новѣйшихъ историковъ и не высказывается съ полною опредѣленностью¹⁾. Но второе извѣстіе Татищева—о претензіяхъ Ольговичей, отъ которыхъ оборонялъ Мономаха Святополкъ—совершенно не согласуется съ тѣмъ, что мы достовѣрно знаемъ объ отношеніяхъ ихъ, а что касается до призванія Мономаха на столъ по смерти Всеволода, то это извѣстіе, пользующееся въ наукѣ значительнымъ довѣріемъ, если и не опровергается, то нисколько и не подтверждается рассказомъ Начальной лѣтописи, тамъ сказано просто: „Володимеръ нача размышляти река: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко (то) есть столъ преже отца его былъ“²⁾. Весьма возможно, что извѣстіе Татищевского свода есть тоже результатъ ретроспективнаго взгляда на Мономаха, который я выше отмѣтилъ у автора Сказанія: популярность его въ XII в. перенесъ онъ и на XI в., но популярность эта содалась главнымъ образомъ во время половецкихъ походовъ 1103—1111 гг.; для того, чтобы предполагать ее въ болѣе раннее время, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній. Во всякомъ случаѣ, если бы даже кіевляне приглашали Мономаха на столъ въ 1093 г., для того, чтобы отклонить это предложеніе, не нужно было особеннаго великодушія, а только немного благоразумія. Святополкъ добровольно не уступилъ бы Кіева, а прибрѣтать новаго врага, имѣя и безъ того въ тылу такого соперника, какъ Олегъ, Мономаху было вовсе не интересно. Все это я говорю въ тому, что нѣтъ основаній думать, будто Святополкъ былъ въ дѣйствительности обязанъ Мономаху и долженъ былъ помогать ему изъ благодарности. Началомъ союза ихъ было, думаю, не отреченіе Мономаха отъ Кіева, а приходъ его на помощь Святополку въ томъ же 1093 г.; въ это время, при первой встрѣчѣ, они „взяста межи собою распря и которы, и уладившася цѣловаста крестъ межи собою“³⁾. Этихъ распръ и которъ никакъ

¹⁾ См. впрочемъ Русскую исторію К. Н. Бестужева-Рюмина, I, стр. 165.

²⁾ Лавреат. лѣт., стр. 210 (Ипат. лѣт., стр. 152). Подробности объ этомъ въ моей Исторіи Кіевской земли, гл. II.

³⁾ Лавреат. лѣт., стр. 211 (Ипат., стр. 153).

нельзя относить къ данному походу, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ¹⁾, это видно и изъ контекста ²⁾; предметомъ ихъ было, вѣроятно, установленіе взаимныхъ отношеній. Спорные вопросы были разрѣшены, князья уладились и цѣловали крестъ другъ другу, и затѣмъ мы видимъ Святополка дѣятельнымъ союзникомъ Мономаха.

Возвращаясь къ любечскому сѣзду; судя по всему, онъ былъ по преимуществу дѣломъ Мономаха, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы установить прочныя отношенія къ прочимъ князьямъ и обезопасить свою волость отъ половцевъ; въ этомъ же направленіи долженъ былъ вліять на своего союзника и Святополкъ, волость котораго также подвергалась страшнымъ опустошеніямъ. Половецкія нападенія были выставлены и на сѣздѣ, какъ побудительный поводъ къ установленію мира (а половцы землю нашу несутъ розно, и ради суть, еже межю нами рати), а какъ средство, было принято распредѣленіе волостей между князьями сообразно отчинамъ: „каждо да держитъ отчину свою“. Отчинами для князей, правдоподобно, должны были служить надѣлы, назначенные Ярославомъ, но принципъ отчинности былъ проведенъ съ значительными ограниченіями. Только Святославичи получили свои исконныя волости—сѣверскую и мурома-ризанскую земли, Святополкъ получилъ только Кіевъ съ Туровомъ, а Новгородъ по прежнему остался во владѣніи Мономахова сына, Мстислава (последній былъ посланъ туда Всеволодомъ по просьбѣ новгородцевъ, когда Святополкъ перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, и въ началѣ 1095 г. самовольно призванъ снова новгородцами изъ Ростова ³⁾)—онъ имѣлъ такимъ образомъ за собою народный выборъ). Момахъ, кромѣ Переяславля и ростово-суздальской земли, сохранилъ за собою Смоленскъ и Новгородъ. Что касается Давыда Игоревича и

¹⁾ См. напр. у Н. Полевого, II, стр. 326.

²⁾ „И рѣша имъ мужи смыслении:“ „почто вы распри имата межю собою? а погани губять землю Руськую; послѣди ся уладита, а нынѣ поидита противу поганимъ либо с миромъ, либо ратью“; въ Никоновской лѣт. (Поли. собр. русск. лѣт. X, стр. 120): „послѣди смирятеса, что есть обиды межю собою“.

³⁾ Лавр. лѣт., стр. 221 и 266 (Ипат. лѣт., стр. 160 и 182).

Ростиславичей, то за ними были оставлены тѣ волости, какія получены ими были при Всеволодѣ—Волынь и Червенскіе города. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ для утверженія большинства волостей служило распределеніе ихъ при Всеволодѣ; такая постановка вопроса была выгодна только для Мономаха: очевидно, устроивъ съѣздъ, онъ сумѣлъ рѣшительно повліять и на его постановленія.

Но обдѣленные князья не могли быть довольны такимъ оборотомъ дѣла, особенно если принять предположеніе, что это распределеніе волостей должно было считаться окончательнымъ и онѣ, по всей вѣроятности, должны были закрѣпиться затѣмъ въ нисходящихъ линіяхъ за отдѣльными семьями ¹⁾. Поэтому слова Сказанія объ искренности и единодушій князей: „и на томъ цѣловаша крестъ: да аще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный; рекоша вси: да будетъ нань хрестъ честный и вся земля русская; и цѣловавшееся поидоша всояси. И приде Святополкъ с Давыдомъ Кіеву, и ради быша людьє вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей“ ²⁾—эти слова нельзя принять съ полнымъ довѣріемъ; едва ли это не литературный приѣмъ, не антитеза, имѣющая цѣлью ярче отгнать контрастъ взаимныхъ цѣлованій и послѣдующаго ослѣпленія. Самыя постановленія любечскаго съѣзда заключали въ себѣ поводы для послѣдующаго столкновенія ³⁾. Особенно имѣли поводы быть недовольными Давыдъ Игоревичъ и Святополкъ; первый долженъ подѣлиться своею отчиною съ Ростиславичами, второй—съ Мономахомъ, отъ котораго, можетъ быть, ожидалъ напротивъ уступокъ за помощь противъ Олега; что потеря Новгорода, исконнаго аннекса Кіева, была ему очень чувствительна, это показываютъ его позднѣйшія попытки возвратить его. И то стремленіе къ возвращенію и закрѣпленію

¹⁾ Такого мнѣнія о любечскихъ постановленіяхъ держится проф. Сергѣевичъ (Вѣче и князь, стр. 321—2) и оно, мнѣ кажется, подтверждается историческими фактами, особенно позднѣйшими отношеніями Мономаха въ Святославичамъ, съ одной стороны, и Ярославу Святополковичу, съ другой.

²⁾ Лаврент. лѣт., стр. 247—8 (Ипат. лѣт., стр. 167—8).

³⁾ Это замѣтилъ уже Полевой въ своей Исторіи русск. нар., II, стр. 344.

отчинъ, которое породило всю предшествующую борьбу изгоевъ и совершенно ясно обозначилось въ постановленіяхъ любечскаго съѣзда, руководить и послѣдующими дѣйствіями Давыда и Святополка. На первыхъ порахъ они выступили союзниками, но союзъ этотъ не былъ проченъ: Волинь была отчиною имъ обоимъ, Давыду—по Ярославлю дѣленію, Святополку—какъ владѣніе его отца и затѣмъ брата Ярополка; въ этомъ лежала возможность коллизіи.

Вѣроятно, уже на съѣздѣ выяснились княжескія отношенія, но Мономахъ успѣлъ задержать на время объединеніе недовольныхъ—иначе распредѣленіе волостей вышло бы, вѣрно, значительно иное. Сближеніе недовольныхъ произошло немедленно послѣ съѣзда; Святополкъ возвращался съ него вмѣстѣ съ Давыдомъ, и послѣдній сообщилъ ему свое открытіе: будто Мономахъ вступилъ въ заговоръ съ Василькомъ противъ Святополка и Давыда, съ цѣлью захвата волостей; Мономахъ долженъ былъ получить Кіевъ, а Василько—Волинь, Погорину ¹⁾ и туровскую волость ²⁾. По словамъ Сказанія, Давыду сообщили объ этомъ „нѣкоторые мужи“ его, которые и заплатились потомъ, а Давыдъ только „ялъ вѣру лживымъ словамъ“. Конечно, мы не можемъ опредѣлить, насколько справедливо это утверженіе и что въ дѣйствительности принадлежало Давыду, а что его мужамъ. Весьма вѣроятно, что и раньше существовало недоувѣріе, соперничество между Давыдомъ и Ростиславичами, какъ раньше между Ростиславичами и Ярополкомъ: сидя по сосѣдству, да еще въ земляхъ, не такъ давно составлявшихъ одну владимірскую волость, они не могли обойтись безъ этого. Мы знаемъ, что Василько въ это время занимался обширными военными приготовленіями—эти приготовленія должны были очень безо-

¹⁾ Погорина, область по среднему теченію р. Горини, весьма долго занимала межеумочное положеніе между кіевскою землею и Волиняю; подробности о ней въ Исторіи кіевской земли, стр. 3, 14—15.

²⁾ Такъ передаетъ это сообщеніе Святополкъ Мономаху и Святославичамъ въ Сказаніи (Лаврент. лѣт., стр. 253, Ипат., стр. 172); сходныя слова вкладываетъ авторъ и въ уста Давыду относительно Василька (Лаврент., стр. 249, Ипат., стр. 168).

коить Давыда ¹⁾. Поэтому и безъ наговора своихъ мужей Давыдъ имѣлъ поводы искать средствъ къ тому, чтобы обезпечить себя отъ опаснаго сосѣда. Охлажденіе между Святополкомъ и Мономахомъ, которое должно было обнаружиться во время любечскаго съѣзда, дало возможность Давыду пріобрѣсть союзника и приступить къ болѣе энергическимъ мѣрамъ противъ Василька. Его сообщеніе Святополку, какъ оно передается въ Сказаніи (эта передача не возбуждаетъ противъ себя подозрѣній) составлено очень искусно: чтобы заинтересовать Святополка, претензіи Василька распространены не только на Волынь, но и на Погорину и туровскую волость Святополка, и въ союзники его приданъ Мономахъ, въ качествѣ претендента на Кіевъ. Сказаніе категорически утверждаетъ, что это сообщеніе было клеветою ²⁾. Что Мономахъ не имѣлъ въ виду отнимать Кіева у Святополка, это болѣе, чѣмъ вѣроятно: подобный образъ дѣйствій былъ не въ его характерѣ. Но что онъ, замѣтивъ неудовольствіе Святополка, могъ сблизиться съ Василькомъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, и такое сближеніе (скорѣе оборонительнаго характера, чѣмъ наступательнаго) могло, пожалуй, возбудить толки и подозрѣнія среди присутствовавшихъ на съѣздѣ. Чтобы поддѣйствовать на Святополка вѣрнѣе, Давыдъ сталъ еще обвинять Василька, будто онъ убилъ или, вѣроятнѣе, участвовалъ въ убійствѣ брата Святополка—Ярополка ³⁾, и совѣтовалъ схватить Ва-

¹⁾ Лаврент. лѣт., стр. 256—257 (Ипат. лѣт., стр. 174); ср. у Соловьева, II, стр. 52.

²⁾ „А Василько сего не вѣдѣше, ни Володимерь, Лавр. лѣт., стр. 248 (Ип. лѣт., стр. 168).

³⁾ Вопросъ объ этомъ убійствѣ (Лавр. лѣт., стр. 199—200, Ипат. лѣт., стр. 144—145)—очень темный. Обыкновенно полагаютъ, что подозрѣвали въ участіи въ этомъ убійствѣ Рюрика Ростиславича, къ которому бѣжалъ убійца; но были въ ученой литературѣ попытки доказать, что истиннымъ виновникомъ убійства Ярополка былъ самъ Давыдъ Игоревичъ, пожавшій плоды его (ему достался владимірскій столъ по смерти Ярополка), и что обвиненіе въ убійствѣ Василька есть выдумка Давыда („Смерть Ярополка Изяславича“—въ Современникѣ, т. XVI, отд. II, стр. 29—32, также Исторія галицко-русскаго княжества §Зубрицкаго, II, стр. 27, Владимиръ Мономахъ И. В. Лашневкова, стр. 8); возраженія, см. у Соловьева (II, стр. 30—31). Наоборотъ, Погодинъ въ своемъ Хронологическомъ указателѣ (стр. 67) категорически приписываетъ присылку убійцы Ростиславичамъ. Можетъ быть,

силька ¹⁾. Но Святополкъ не рѣпался; поимка или убійство Василька не представляли для него выгоды и отвлекали его отъ дѣйствительныхъ его интересовъ, отъ истиннаго его соперника—Мономаха; ему опять грозило на чужомъ пиру похмелѣе; при томъ рискъ былъ слишкомъ великъ: Давыдъ былъ единственно союзникомъ Святополка, пока отношенія съ Святославичами не были улажены; однако, какъ человекъ слабохарактерный, онъ въ концѣ концовъ подпалъ вліянію Давыда; Василько былъ завлеченъ и схваченъ. Но прежде какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій Святополкъ считалъ необходимымъ заручиться поддержкою кіевскаго населенія; созвавъ вѣче, онъ сообщилъ ему извѣстіе о заговорѣ, но „бояре и люде“ дали отвѣтъ очень уклончивый: если Василько виноватъ, то, конечно, его слѣдуетъ наказать, если Давыдъ лжетъ, пусть его Богъ судитъ, дѣло это ваше, рѣшайте, какъ знаете—такой, въ сущности, смыслъ имѣютъ слова, влагаемыя въ уста вѣчу Сказаніемъ ²⁾: населеніе не настолько дорожило личностью Святополка, чтобы связывать себя въ его интересахъ какими либо обязательствами. Между тѣмъ духовенство (игумены) рѣшительно стало ходатайствовать за Василька, Святополкъ готовъ былъ уступить, но новыя настоянія Давыда взяли свое: Василько былъ отвезенъ въ Звенигородъ ³⁾ и ослѣпленъ (7 ноября 1097 г.); затѣмъ его въ без-

Давыдъ сообщилъ Святополку какія нибудь подробности, бросавшія тѣнь на Ростиславичей и неизвѣстнаго Святополку, такъ какъ послѣднаго въ моментъ смерти брата не было на югѣ—онъ былъ въ Новгородѣ.

¹⁾ Таташевъ (II, стр. 172) замѣчаетъ: „и какъ на Владимира силы его ради и любви въ народѣ ничего начать не смѣли, то стали совѣтовать о Василькѣ“. Но затрогивать Мономаха было и не въ интересахъ Давыда.

²⁾ „Тобѣ, княже, достоинъ блюсти головы своею, да аще есть право моловилъ Давыдъ, да приметъ Василько вазнь, аще ли не право глагола Давыдъ, да приметъ мѣсть отъ Бога и отвѣчаетъ предъ Богомъ“ (Лавр. лѣт., стр. 250, Ипат. лѣт., стр. 169—70).

³⁾ Звенигородъ—въ Ипатск. лѣт. (стр. 170) и у Длугоша (l. IV, p. 326—Zmigrod), въ Лаврент., Нпконовск., Воскресенск. (въ послѣдней однако проскользнула Звенигородъ вмѣсто Звиздиза—П. с. р. л., VII, стр. 13)—Вѣлгородъ. М. А. Максимовичъ справедливо указалъ, что читаемое въ лѣтописи поясненіе: „аже градъ малъ у Києва яко 10 верстъ в даде“ не идееть въ Вѣлгороду, городу извѣстному, при-

чувственномъ состояніи уложили на телѣгу и повезли по владимірской дорогѣ; на шестой день онъ былъ уже во Владимірѣ.

По словамъ Сказанія вѣсть объ этомъ произвела потрясающее дѣйствіе на князей: Мономахъ „ужасеся и всплакавъ и рече: сего не было есть в Русьскѣй земли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцѣхъ нашихъ, сякого зла. И ту абые посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: пойдѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли, оже вверже в ны ножъ; да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть в насъ и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Русьская и врази наши, Половци, пришедше возмутъ землю Русьскую. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуща: яко сего не было в родѣ нашемъ. И ту абые собравша воѣ, придоста к Володимеру“, и всѣ вмѣстѣ двинулись къ Кіеву¹⁾. Итакъ въ Сказаніи—порывъ, непосредственное дѣйствіе негодованія; Мономахъ—блюститель интересовъ братии и Русской земли, хозяинъ Русской земли, которому послушно повинуются Святославичи. Но обращаясь къ погоднымъ записямъ Начальной лѣтописи, находимъ извѣстіе объ этомъ походѣ уже подъ слѣдующимъ 6606 г.²⁾, слѣдовательно онъ случился не раньше марта или по крайней мѣрѣ незадолго до марта 1098 г. Если теперь сопоставить съ этимъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Сказаніемъ, то выходитъ, что походъ этотъ случился именно, надо думать, въ самомъ началѣ февраля или концѣ января: передъ началомъ великаго поста („яко

томъ отстоящему дальше отъ Кіева (Собрание сочиненій, II, стр. 320). Звенигородъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Сиракова городища у с. Хотова, — см. рефератъ В. Б. Антоновича въ „Чтеніяхъ общества Нестора“, кн. I, стр. 37. Васильба увезла, какъ видно, ночью, немедленно по ослѣвленіи, и на обѣдъ поспѣла въ Звпждень; отъ Сиракова городища до нынѣшняго села Здвнжеи по прямой линіи около 80 верстѣ.

¹⁾ Лаврент. лѣт., стр. 252—3, Инат., стр. 171.

²⁾ „Приде Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ на Святопольа и стаща у Городца, и створиша миръ“. Лавр. лѣт., стр. 263, Инат., стр. 179. Городецъ съ наибольшою вѣроятностью приурочивается къ замчищу у с. Вигуровщины, за Днѣпромъ у Кіева, см. специальную работу г. Гошкевича—Дворецъ кн. Симеона Озельковича и лѣтописный Городецъ. Кіевъ. 1890 г., стр. 20 сл.

приблизился постъ великый“¹⁾ 1098 г. ¹⁾ во Владиміръ, гдѣ Давыдъ держалъ въ заключеніи Василька, дошелъ слухъ, что Мономахъ и Святополкъ идутъ на Давыда ²⁾. Такой слухъ могъ явиться только послѣ похода князей къ Кіеву: раньше, конечно, никому не пришло бы въ голову, что Святополкъ выступить въ роли мстителя за Василька, а Мономахъ—въ роли его союзника; слухъ этотъ, очевидно, былъ недоразумѣніемъ и ему естественнѣе всего было явиться немедленно за соглашеніемъ князей, пока условія его не были хорошо извѣстны. Свидѣтельство современной событію записи, притомъ находящей себѣ подтвержденіе въ самомъ Сказаніи, заслуживаетъ, конечно, большаго довѣрія, чѣмъ рассказъ Сказанія; послѣдній имѣетъ цѣлью дать эффектную картину всеобщаго ужаса предъ преступленіемъ и въ жертву эффекту авторъ принесъ историческую точность ³⁾.

Такимъ образомъ походъ князей на Святополка является отдѣленнымъ отъ ослѣпленія Василька тремя мѣсяцами, хотя извѣстіе объ ослѣпленіи должно было донестись въ Переяславль и Черниговъ уже черезъ нѣсколько дней ⁴⁾. Какъ прошли эти

¹⁾ Пасха въ 1096 г. была 28 марта (Арцибашевъ. Два сѣзда князей, стр. 261), слѣдовательно смирнусть—7 февраля. Переговоры могли затянуться, поэтому извѣстіе пошло подъ 1098 мартовскій годъ.

²⁾ Лаврент., стр. 255 (Ипатск., стр. 173).

³⁾ Г. Хрущовъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разсказа о гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владиміра защитникомъ праваго дѣла—вотъ что заставило автора прямо съ осени перенестись къ событію весеннему и потомъ возвратиться къ продолженію своего разсказа. Такое отступленіе отъ хронологіи ясно говоритъ за то, что сказаніе было вполне независимо отъ лѣтописи“. (Чтенія с. 56).

⁴⁾ На это обратилъ вниманіе уже Карамзинъ (II, пр. 186); чтобы объяснить это промедленіе, онъ предполагалъ, что Мономахъ былъ задержанъ набѣгомъ половцевъ, о которомъ говоритъ въ Поученіи (Лавр., стр. 241): „и тогда же Торци придоша ко мнѣ ис Половецъ Читѣвичи, идохомъ противу имъ на Сулу“, но предшествующее: „с Давыдомъ смирившеся“... относится, вѣроятно, къ примиренію съ Давыдомъ Святославичемъ въ 1096 г., къ тому же приблизительно времени относится, вѣроятно, и походъ. Во всякомъ случаѣ важно то, что походъ князей на Святополка не былъ такимъ непосредственнымъ движеніемъ, каковымъ его представляетъ Сказаніе. Послѣдующіе историки часто не обращали на это вниманія и вслѣдъ за Сказаніемъ говорили о немедленномъ походѣ (наприм. Соловьевъ, II, стр. 55, Ко-

нѣсколько мѣсяцевъ, мы, конечно, не можемъ знать, но можемъ замѣтить, что Мономаху, который вовсе не былъ тогда хозяиномъ въ Русской землѣ, и недавно еще не на животъ, а на смерть боролся со Святославичами, вѣроятно, нужно было время для того, чтобы превратить враждебныя отношенія въ союзныя.

Походъ князей, слѣдовательно, не былъ непосредственнымъ движеніемъ чувства, а результатомъ болѣе хладнокровныхъ соображеній. Какую же цѣль имѣли въ виду князья, идя на Святополка „поправить сего зла“? Позже мы встрѣчаемъ въ устахъ князей, какъ правовую норму, положеніе, что князь за проступокъ лишается волости: „оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову“¹⁾; Давыдъ Игоревичъ въ концѣ концовъ былъ дѣйствительно лишенъ волости; *по виду*, и относительно Святополка князья имѣли такое же намѣреніе. Но выгнать Святополка—это значило вызвать новую борьбу, возобновить съ новой силой всѣ тѣ неурядицы, которыя съ такимъ трудомъ удалось прекратить любечскимъ съѣздомъ. Мономахъ едва ли могъ желать этого. Себѣ взять Кіевъ въ данныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ: положеніе его еще не было достаточно авторитетно и прочно; отдать его Олегу Святославичу, старѣйшему послѣ Святополка,—выигрышъ болѣе чѣмъ сомнительный. Мотивъ у Мономаха въ дѣйствительности былъ, вѣроятно, иной. До него должно было дойти извѣстіе о союзѣ Святополка и Давыда, равно какъ и то, что союзъ этотъ былъ направленъ не только противъ Василька, но и противъ него самого²⁾; и это извѣстіе должно было его встревожить: Мономаху приходилось опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны союзниковъ, поводы для того существовали, и Мономахъ, вѣроятно, это сознавалъ; между тѣмъ онъ былъ одинокъ; примиреніе со Свято-

стомаровъ, Русск. вст. въ жизнеоп., I, стр. 51, изд. 1888 г., Иловайскій. Исторія Россіи, I, стр. 131); у Погодина въ Хронолог. указат. (стр. 54—5) созывъ князей Мономахомъ поставленъ подъ 1097 г., а походъ ихъ къ Кіеву — подъ 1098 (январскимъ).

¹⁾ Ипат. лѣт., стр. 409.

²⁾ О заговорѣ Мономаха Святополкъ заявлялъ по Сказанію на вѣчъ; такъ или иначе, Мономахъ навѣрно хорошо зналъ, что дѣлается въ Кіевѣ, у Святополка.

славичами было слишкомъ свѣжо, чтобъ на него можно было рассчитывать, и перспектива борьбы со Святополкомъ ему, вѣроятно, не улыбалась. Разстроить этотъ новый союзъ, смирить Святополка, заставить его отказаться отъ претензій, подчинить его снова своему вліянію—вотъ что, вѣроятно, было истинною цѣлью Мономаха, когда онъ сближался со Святославичами и устраивалъ походъ на Кіевъ. Какими доводами привлечь онъ къ участию Святославичей, мы не знаемъ; вѣроятно онъ успѣлъ убѣдить ихъ, что новый союзъ и для нихъ опасенъ¹⁾.

Собравъ войска, Мономахъ и Святославичи сошлись у Городца. Предварительно послали они пословъ къ Святополку, укоряя его, что онъ не передалъ дѣла на общій судъ, а расправился самоправно²⁾. Святополкъ сваливалъ вину на Давыда, который наговорилъ ему, оправдываясь: „и не язъ его ослепилъ, но Давыдъ, и вель и к собѣ“. Это было совсѣмъ жалкое оправданіе, и послы отвѣчали, что это пустая отговорка, потому что Василько ослѣпленъ въ городѣ Святополка; можемъ прибавить еще, что, по Сказанію, изъ трехъ исполнителей ослѣпленія двое были служители Святополка. Князья послѣ этого стали готовиться къ переправѣ. Святополкъ оробѣлъ: кіевляне не обнаружили намѣренія поддержать его, Давыдъ, повидимому, тоже не подалъ помощи, и онъ собрался было бѣжать изъ Кіева³⁾. Но тутъ вмѣшалось кіевское земство; ставъ въ положеніе верховнаго распорядителя земли, вѣче удержало Свято-

¹⁾ Татищевъ (II, стр. 178), довольно неправдоподобно, замѣчаетъ по этому поводу, что Святославичи, „вѣдая на себя Святополкову тайную злобу, болѣе другихъ зла отъ него, наипаче когда онъ съ Владиміромъ былъ въ согласіи, опасались“.

²⁾ По свидѣтельству Татищевского свода, „Олегу, властолюбіемъ разжигаемъ“, наставлялъ на немедленномъ изгнаніи Святополка, „надѣясь себѣ по старѣйшинству, а не по достоинству престолъ достать“, но Давыдъ Святославичъ и стоялъ на томъ, чтобы сначала попросить объясненія у Святополка (Ист. Рос., II, стр. 178). Эта подробность очень смѣлительна и не согласуется съ общимъ образомъ дѣйствій Олега; можетъ быть, этотъ неудачный домысль, или недоразумѣніе, Татищева далъ поводъ къ уже приведенному выше замѣчанію его, что Святославичи хотѣли Святополка лишить стола, но Мономахъ его оберегалъ.

³⁾ По Длугошу (I. IV, p. 327)—къ половцямъ.

полка и отрядило митрополита Николу и княгиню Анну¹⁾, мачеху Мономаха, къ союзникамъ съ просьбою не губить Русской (т. е. кіевской) земли, отложить усобицу и обратить соединенныя силы противъ половцевъ. Какovy бы ни были намѣренія союзниковъ, просьба кіевского населенія, выраженная черезъ такихъ авторитетныхъ, умно выбранныхъ представителей, должна была быть уважена: Мономахъ былъ вообще очень чутокъ и внимателенъ къ общественному мнѣнію, а Святославичи сами по себѣ не могли выступить активно. По Сказанію, Мономахъ опять восплакалъ, „рече: по истинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотимъ погубити и преклонися на молбу княгинину, чтяшетъ ю акы мать, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскый, и не преслуша молбы его“. Князья повели дипломатическую пересылку между собою и окончательно рѣшили такъ: „се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и; Святополкъ же емься по се, и цѣловаша крестъ межи собою, миръ створше“²⁾.

Образъ дѣйствій князей, какъ онъ представленъ въ Сказаніи, является очень страннымъ, если принять, что союзники, идя на Святополка, руководились негодованіемъ на преступленіе и желаніемъ „поправити сего зла“. Объ участіи Давыда въ ослѣпленіи князя должны были знать заранѣе; ничего особеннаго въ свое оправданіе Святополкъ во время послѣднихъ пересылокъ сказать не могъ: виновность его была очевидна, факты были на лицо. И князья не только не принимаютъ какихъ либо карательныхъ мѣръ относительно Святополка (чему не препятствовало и вмѣшательство кіевского вѣча), но, поручая ему схватить или прогнать Давыда, они тѣмъ самымъ отдають въ его власть Волынь, потому что она, сдѣлавшись вакантною, по принципу, выставленному на любечскомъ съѣздѣ, должна была перейти не къ кому иному, какъ къ Святополку, какъ его отчина. О Василькѣ въ описаніи переговоровъ нѣтъ и рѣчи,

¹⁾ Авною называютъ княгиню Всеволожу Нязионовск. лѣт. (II. с. р. л. IX. стр. 132) и Татищевъ (II, стр. 180).

²⁾ Лаврент. лѣт., стр. 253—5. Ипат., стр. 171—173.

хотя онъ еще находился въ плѣну у Давыда: князья-мстители вовсе не заботятся о немъ, и только благодаря своему брату Василько былъ потомъ освобожденъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія политическихъ соображеній все это легко объясняется: Мономахъ поугалъ Святополка и разстроилъ угрожавшій ему союзъ: подавъ надежду на Волынь, онъ обратилъ Святополка противъ его недавняго союзника—Давыда. Если принять, что Мономахъ съ самаго начала не имѣлъ намѣренія сгонять Святополка, и походъ къ Кіеву былъ лишь демонстраціей, то посольство кіевлянъ было очень кстати, дало ему благовидный поводъ отъ угрозъ перейти къ уступкамъ. Достигъ ли Мономахъ второй половины предполагаемой цѣли, смирилъ ли онъ и подчинилъ себѣ Святополка? Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ; дѣло въ томъ, что вскорѣ мы видимъ Святополка въ союзѣ съ Святославичами—обстоятельство очень важное, ибо оно дало прочное положеніе Святополку; какъ произошло это сближеніе, мы не знаемъ; союзъ Святославичей съ недавнимъ врагомъ Мономахомъ едва ли отличался искренностью, и разстроить его Святополку было, вѣроятно, не трудно. Если этотъ поворотъ въ политикѣ начался еще во время самихъ переговоровъ подъ Кіевомъ, что возможно, то Святополку нечего было особенно робѣть передъ Мономахомъ и добиваться его расположенія. Во всякомъ случаѣ позже Святополкъ держитъ себя относительно Мономаха вполне независимо.

Василько, какъ упомянуто, находился въ то время въ плѣну у Давыда. Когда во Владиміръ дошли слухи, будто Мономахъ со Святополкомъ собираются на Давыда, послѣдній обратился къ посредничеству Василька, прося его повліять на Мономаха, чтобы онъ не предпринималъ этого похода. Василько обѣщаль, но неизвѣстно, послалъ ли онъ дѣйствительно посланца, и имѣло ли это какое нибудь вліяніе¹⁾. Передъ Пасхою

¹⁾ Своды Воскресенскій (II. с. р. л., VII, стр. 15), Софійскій (I, стр. 182, изд. П. М. Строева), Тверской (II. с. р. л. XV, стр. 186), Татищевскій (II, стр. 184) говорятъ, что Василько послалъ пословъ къ Мономаху, и послѣдній вслѣдствіе этого вернулся со Святополкомъ. Это извѣстіе (принятое Арцыбашовымъ—Повѣствов. о Россіи, I, кн. 2, пр. 303 и раньше, въ статьѣ Два сѣзда князей—Вѣ-

1098 г. Давыдъ предпринялъ походъ съ цѣлью захватить волость Василька (теробовльскую), но у Бужска ¹⁾ встрѣтилъ его Володарь; захваченный врасплохъ, Давыдъ выпросилъ себѣ пропускъ, обѣщавъ освободить Василька; это было исполнено, и противники примирились. Такимъ образомъ надежды Давыда—объединить волынскія волости не сбылись. Наоборотъ, сами Ростиславичи предприняли вслѣдъ за тѣмъ походъ уже на волость Давыда—сожгли Всеволожь ²⁾ и подступили ко Владиміру; впрочемъ, судя по Сказанію, они не имѣли въ виду, какъ и позже, во время борьбы со Святополкомъ, территориальныхъ пріобрѣтеній и ограничились мщеніемъ. По требованію ихъ были выданы двое Давыдовыхъ бояръ—Лазарь и Василь, виновники ослѣпленія Василька (ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло) и казнены, а третій—Турякъ—успѣлъ бѣжать въ Кіевъ. Ростиславичи удовольствовались этимъ и ушли ³⁾.

Святополкъ не вмѣшался въ эту борьбу. Получивъ полномочіе на пріобрѣтеніе Волини, онъ повелъ дѣло не торопясь, осторожно. Неудача Давыда въ борьбѣ съ Ростиславичами дала ему, вѣроятно, первый толчекъ къ приготовленіямъ ⁴⁾. Онъ заручился поддержкою Святославичей, снесся съ Ростиславичами и польскимъ в. кн. Владиславомъ Германомъ, своимъ родственникомъ по матери ⁵⁾; Ростиславичамъ Святополкъ, по словамъ Сказанія, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ видовъ на ихъ

стмникъ Евронн 1823, XII, стр. 261), есть, вѣроятно, домысль, притомъ неудачный. По Сказанію, Владиміръ вовсе и не собирался идти на Давыда. Вѣроятно же всего, что (Василько), размолившись съ Давыдомъ въ-за Кузмѣя, котораго Василько хотѣлъ послать къ Мономаху, а Давыдъ не согласился, Василько вовсе не послалъ никого къ Мономаху. Иначе Давыдъ долженъ былъ бы въ благодарность отпустить Василька и о такомъ нарушеніи этого обѣщанія авторъ Сказанія, вѣроятно, упомянулъ бы.

¹⁾ Теперь мѣстечко Бускъ въ Галичинѣ на З. Бугѣ.

²⁾ Мѣстоахожденіе его неизвѣстно—см. Ист. волынск. земли г. Андрияшева, стр. 57.

³⁾ Лаврент. лѣт., стр. 255—59 (Ипат., стр. 173—6).

⁴⁾ Это прямо утверждаетъ Тагичевскій сводъ (II, стр. 187).

⁵⁾ Объ этомъ родствѣ см. у г. Личичева, Взаимныя отношенія Руси и Польши, I, стр. 52.

волости и цѣловаль на томъ крестѣ¹⁾. Раннею весною²⁾, уже 1099 г.—Святополкъ отправился къ Берестью, на свиданіе съ Владиславомъ. Давыдъ, услышавъ объ этомъ, также отправился „в Ляхы“, искать помощи. Свиданіе произошло на берегу З. Буга³⁾; Владиславъ, получивъ отъ обоихъ искателей богатые дары, принялъ сторону Святополка, хотя реальной помощи не оказалъ и ему. „Сотворивши совѣтъ“ съ поляками, Святополкъ пошелъ въ Пинскъ и отсюда послалъ „по воѣ“, затѣмъ отправился въ Дорогобужъ и, дождавшись здѣсь войскъ, двинулся на Давыда ко Владиміру; очевидно, къ Берестью ходилъ онъ налегкѣ; въ дальнѣйшемъ разсказѣ видимъ у него ополченіе Туровской земли, а къ Дорогобужу ходилъ онъ (что было вовсе не по дорогѣ ко Владиміру), вѣроятно, на встрѣчу войскамъ, шедшимъ къ нему изъ Кіевской области. Давыдъ былъ осажденъ во Владимірѣ и послѣ семинедѣльной осады, не получивъ отъ поляковъ обѣщанной помощи, „поча молитися: пусти мя изъ града“; вѣроятно, онъ отступился отъ своей волости, и на томъ цѣловали крестъ. Выпущенный изъ города Давыдъ отправился въ Червень, а оттуда „в ляхы“⁴⁾.

Завладѣвъ волостью Давыда, Святополкъ заблагоразсудилъ прихватить и остальную часть своей отчины: „нача думати на

¹⁾ Лавр. лѣт., стр. 260 (Ипат. стр. 177).

²⁾ Осада Владиміра Святополкомъ начата была въ половинѣ февраля, такъ какъ продолжалась семь недѣль и окончилась въ великую субботу—9 апрѣля (см. у Карамзина, II, пр. 188). Осадѣ предшествовало путешествіе къ Берестью и сборъ войскъ, такъ что изъ Кіева Святополкъ отправился не позже начала февраля. Въ погодныхъ записяхъ походъ его отнесенъ къ 6607 г. (Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат. стр. 179).

³⁾ Что этому свиданію еще раньше предшествовали сношенія Святополка съ Владиславомъ, это нужно заключить и изъ обстоятельствъ, а также изъ словъ полейковъ Давыду въ Сказаніи: „пошли с нами Берестью, яко се вабить вы Святополкъ на снемъ“. Татищевъ сообщаетъ разныя подробности этого свиданія, перы и пр.; по его словамъ, поляки обѣщали Святополку выдать Давыда, если онъ бѣжитъ къ нимъ; при этомъ же рѣшено было выдать дочь Владислава—Сбыславу за Ярослава Святополковича (Ист. Рос. II, с. 187—8). Объ этихъ сношеніяхъ съ поляками см. у г. Ляниченка, Взаимн. отнош. I, с. 132—134.

⁴⁾ Лаврент. лѣт. стр. 259—260 (Ипат. лѣт. стр. 176). По словамъ Татищева (II с. 188), Давыдъ, сдаваясь, выговорилъ себѣ Червень у Святополка; это, вѣроятно, опять таки его догадка.

Володаря и Василька, глаголя: яко се есть волость отца моего и брата“. Дѣйствительно, Изяславъ, а послѣ его смерти—Ярополкъ, владѣя Волынью, владѣли и городами Ростиславичей, пока Всеволодъ не выдѣлил ихъ въ отдѣльную волость; такимъ образомъ Святополкъ имѣлъ полное основаніе считать ихъ своею отчиною. „Надѣяся на множество вой“, Святополкъ двинулся на Ростиславичей, преступивъ крестное дѣлованіе; съ нимъ были его сыновья—Мстиславъ и Ярославъ, двое племянниковъ—сыновья убитаго Ярополка Изяславича, и сынъ Давыда Святославича—Святоша. Но правое дѣло взяло верхъ, Святополкъ былъ разбитъ на Рожнѣ полѣ¹⁾; оставивъ на Воляни сыновей, онъ отправился въ Кіевъ, желая, можетъ быть, собрать новыя силы²⁾, и уже больше не принималъ личнаго участія въ войнѣ³⁾. Одинъ изъ сыновей его, Мстиславъ, остался во Владимірѣ, а Ярославъ отправился къ угорскому королю—просить помощи противъ Ростиславичей. Между тѣмъ общій врагъ сблизилъ Ростиславичей съ Давыдомъ, который вернулся изъ Польши. Давыдъ отправился за помощью къ половцамъ и вернулся со знаменитымъ Бонякомъ. У Перемышля произошла битва съ Ярославомъ и его уграми. Угры потерпѣли совершенное пораженіе, и Ярославъ черезъ Польшу бѣжалъ въ Туровскую волость⁴⁾. Давыдъ тогда принялся отвоевывать свои влѣ-

¹⁾ Мѣстность эта, какъ видно изъ разсказа Лав. л. подъ 1144 г., находилась у верховья р. Серета, но ближе неизвѣстна—см. Барсова Геог. вѣст. л. с. 118 и 290, изд. 1885 г.

²⁾ Такъ объясняетъ это Длугошъ (р. 329).

³⁾ Если разсказъ Печерскаго Патерика о св. Прохорѣ и конфискаціи соли Святополкомъ приуроченъ вѣрно, то можно сдѣлать предположеніе, что эта афера съ солью и вызванное ею неудовольствіе народа удержали Святополка въ Кіевѣ. По свидѣтельству Патерика, соль вздорожала, „егда же Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ рать зачастую про Василькову слѣпоту, его же ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давыда Игоревича, с Володаремъ и съ самѣмъ Василкомъ“ (Патерикъ въ „Намятникахъ рус. литер. XII и XIII в.“ изд. г. Яковлевымъ с. 154). Тутъ, вѣроятно, напутано перелистникомъ. Изъ Сказанія неизвѣстно, чтобы Святополкъ въ союзѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ велъ войну съ Ростиславичами, да и строй рѣчи странний (рать зачастую про Василькову слѣпоту . . . съ Василкомъ), выходитъ какая-то иронія, которую трудно допустить въ згомъ намятникѣ.

⁴⁾ По Сказанію, въ битвѣ участвовало на сторонѣ Ростиславичей—400 чел., а угровъ—100 тысячъ, цифра, конечно, преувеличенная; у Длугоша угровъ—восемь тысячъ (р. 329).

дѣнія. Началась упорная осада Владиміра. Мстиславъ былъ убитъ во время одного изъ приступовъ (12 іюня 1099 г.)¹⁾; гарнизонъ не рѣшился сдаться и, утаивъ смерть Мстислава отъ населенія, далъ знать Святополку²⁾. Святоша, сидѣвшій въ Луцкѣ (этотъ городъ былъ, очевидно, отданъ ему Святополкомъ за оказанную помощь³⁾), принужденъ былъ подчиниться Давыду и пѣловалъ крестъ къ нему. Помощь присланная Святополкомъ, подъ начальствомъ тысяцкаго Путяты, отбила Давыда отъ Владиміра: воины Путаты захватили его врасплохъ, одновременно напали владимірскій гарнизонъ и Святоша. Давыдъ снова прибѣгнулъ къ помощи Боняка; сначала приступили къ Луцку: Святоша очистилъ городъ и ушелъ въ Черниговъ, затѣмъ напали на Владиміръ. Посадникъ Святополка Василь (Путята еще раньше вернулся въ Кіевъ) покинулъ городъ и бѣжалъ; это было, вѣроятно, въ концѣ лѣта или началѣ осени 1099 г. Такъ попытка Святополка завладѣть Волинью окончилась совершенною неудачею⁴⁾.

М. Грушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180).

²⁾ Затруднительно рѣшить, кто были „люде“, просившіе помощи у Святополка, и „гражане“ (ниже, въ рассказѣ о приходѣ Путаты подъ Владиміръ)—Святополковъ гарнизонъ или владимірское населеніе? Вѣроятноже, что эти „люде“, боившіеся „да аще ся вѣдамы, Святополкъ погубить ны вся“ и противопологающіе себя другимъ „людямъ“, собирающимся сдать городъ, и эти „гражане“, такъ усердно сѣкущіе „воѣ Давыдовы“, были гарнизономъ Святополка (ср. Андріяшева ор. с. с. 114), но г. Хрушовъ, напримѣръ, видитъ здѣсь владимірцевъ (Чтенія с. 57).

³⁾ Г. Андріяшевъ (ор. с. с. 36) категорически утверждаетъ, что Святоша только стоялъ съ войскомъ, а не владѣлъ Луцкомъ, но это, по моему, невѣроятно: Святоша занималъ Луцкъ до похода Давыда на Волинь; стѣсненный послѣднимъ онъ заключаетъ съ нимъ договоръ и остается въ Луцкѣ же, только Давыдъ помѣщаетъ у него, очевидно для обезпеченія, своихъ мужей. Перейдя затѣмъ, послѣ прихода Путаты на сторону Святополка, онъ сохраняетъ за собою Луцкъ и теперь, и только послѣ новыхъ успѣховъ Давыда, не надѣясь удержать городъ за собою, ушелъ въ Сѣверщину. Очевидно, дѣло шло о чемъ-то большемъ, чѣмъ о занятіи города гарнизономъ. Что Святославичи, въ частности Святоша, за свою помощь должны были получить вознагражденіе отъ Святополка, это понятно само по себѣ.

⁴⁾ Лавр. с. 260—263 (Ипат. с. 176—179).

Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Извѣстно, что въ XVI—XVII вѣкахъ въ южнорусскихъ земляхъ Литвы и Польши существовалъ особый взглядъ на бракъ. Тамъ господствовали идеи брака, который называютъ теперь гражданскимъ: нотаріальный договоръ имѣлъ значеніе такое же, какъ и благословеніе церкви, расторженіе браковъ происходило легко и часто; для этого достаточно было взаимнаго согласія супруговъ и подтвержденія ихъ согласія гражданскою властью, которая давала имъ „распустные листы“, или же сами супруги давали другъ другу подобныя удостовѣренія, предоставлявшія имъ право вступить въ другой бракъ.

Причину подобныхъ явленій тогдашней жизни, противорѣчащихъ праву церковному, нѣкоторые указываютъ во вліяніи реформатскаго ученія или въ соціальныхъ условіяхъ тогдашней жизни (Ор. Левицкій, О семейныхъ обычаяхъ въ юго-зап. Руси, „Русск. Стар.“ 1880, ноябрь). Проф. Владимірскій-Будановъ, въ ст. „Черты семейнаго права западной Россіи“, (въ 4-й книгѣ „Чтеній истор. общества Нестора Лѣтописца“) считаетъ такіа аномальныя явленія остаткомъ обычнаго права, существовавшего на Руси во времена язычества. „Ни въ какой области права, говоритъ профессоръ, обычаи не оказались столь жизненными и живучими, какъ именно въ семейной сферѣ; не только въ прежніе долгіе вѣка по принятіи христіанства дохристіанскіе обычаи не поддавались истребленію, но живутъ и въ наши дни въ формѣ семейныхъ обрядовъ, которые предста-

вляють замѣчательно вѣрно сохранившійся памятникъ времени язычества“ (стр. 42).

Конечно, церковь всегда старалась устранить все, противрѣчащее духу христіанства въ области семейнаго права. Въ представленныхъ проф. В.-Будановымъ фактахъ видна эта борьба церкви и закона съ вѣковымъ обычнымъ правомъ. И уже въ XVI в. въ культурныхъ центрахъ западной Россіи видна регламентація семейнаго права въ духѣ христіанства; но чѣмъ дальше отъ центровъ умственной жизни тогдашняго общества, тѣмъ больше господствуетъ прежнее языческое право. Такъ, въ томъ же XVI в. въ Подоліи, въ украинскихъ повѣтахъ (барскомъ и каменецкомъ), по свидѣтельству описей (люстрацій) государственныхъ имуществъ, существовали такіе государственные доходы: 1) *поемщизна*, что сами чиновники—люстраторы объясняютъ такъ: „когда который человекъ обычаемъ пограничнымъ самовольнымъ возьметъ себѣ чью дѣвку или вдову или разведенную въ качествѣ жены и съ нею желаетъ жить, тогда даетъ три гривны на замокъ“; 2) *разводы*,—„когда кто хочетъ жену отпустить или жена мужа, то тотъ кто причиненъ (т. е. кто требуетъ того) даетъ три гривны“, и наконецъ 3) *куница*,—„когда кто благопрістойно (законно—„statecznie“) беретъ дѣвку замужъ въ частно-владѣльческое село (изъ казеннаго), то, по принятому обычаю той краины, даетъ подарокъ въ пользу замка“,—но послѣдній доходъ, по замѣчанію люстраторовъ, наименѣе значительный (тамъ-же стр. 44—45).

Таковы были черты семейнаго права въ XVI в. не только въ Подоліи, но во всей Руси Литовской.

Затѣмъ вышеуказанный взглядъ на бракъ къ началу XVIII вѣка почти исчезъ вездѣ, кромѣ Подоліи.

Въ этой же мѣстности, вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій края, обычное семейное право, господствовавшее здѣсь въ XVI вѣкѣ, существовало еще и въ половинѣ XVIII вѣка, хотя отчасти въ измѣненномъ видѣ. Лишенное какой бы то ни было регламентаціи и совершенно отрицаемое церковнымъ и гражданскимъ законодательствомъ, оно порождало настоящее безладье въ семейной жизни народа, и духовнымъ властямъ

пришлось вести упорную борьбу съ ненормальностями въ области семейныхъ отношеній того времени.

Въ нашемъ пользованіи были три тома декретовъ каменецкой униатской консисторіи, обнимающіе время съ 1737 по 1754 г. Книги эти принадлежатъ архиву Подольскаго епархіального историко-статистическаго комитета. При чтеніи этихъ декретовъ поражаетъ масса дѣлъ о незаконныхъ бракахъ,—изъ 1000 слишкомъ прочитанныхъ нами декретовъ, почти 10-я часть ихъ занята дѣлами подобнаго рода: или священникъ привлекается въ судъ за обвѣнчаніе двое-и трое-женца или двое-и троемужней женщины, или привлекаются въ судъ сами эти лица, вступившія въ такіе незаконные браки, или вторая жена жалуется суду, что мужъ покинулъ ее и живетъ съ первой своей женой, и т. п. дѣла. Настоящая статья и составлена на основаніи матеріаловъ, заимствованныхъ нами изъ указанныхъ консисторскихъ декретовъ.

Причинами подобныхъ явленій въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII вѣка были: 1, хаотическое состояніе страны въ предшествовавшій періодъ, въ эпоху козацко-шляхетскихъ войнъ и турецкаго владычества, а также соціально-политическія условія народной жизни въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII в. и 2, вліяніе магометанъ, господствовавшихъ въ Подоліи болѣе четверти вѣка (съ 1672 по 1699 гг.) и затѣмъ въ XVIII в. жившихъ по сосѣдству съ Подоліей, въ Бессарабіи.

Извѣстно, что еще съ половины XVII вѣка началось движеніе подольскаго народа на востокъ, за Днѣпръ. Турецкое занятіе края усилило это движеніе: народъ сталъ двигаться не только на востокъ, но и на западъ, и на сѣверъ. Къ концу владычества турокъ, Подолія сильно обезлюдѣла. Многія села и мѣстечки стояли въ развалинахъ. Незначительная только часть населенія пряталась по горамъ, ущельямъ и пещерамъ днѣстровскаго бассейна, по лѣсамъ, болотамъ и камышамъ прибугскихъ равнинъ. Но вотъ, съ выходомъ турокъ изъ Подоліи, сталъ возвращаться народъ на свои родныя пепелища. По брачнымъ дѣламъ въ указанныхъ выше декретахъ консисторіи можно прослѣдить, откуда въ то время двигался народъ въ Подолію:

движется онъ съ востока, изъ Украйны и Брацлавщины, изъ за Кальника и Тульчина, движется съ запада—изъ Угорщины, Покутья и Подгорья, движется, наконецъ, и съ сѣвера—Полѣсья.

Польское правительство, занявъ Подолю, принялось регулировать внутреннюю жизнь страны, но не всегда удачно, и это породило массу внутреннихъ беспорядковъ. Такъ, простой народъ сталъ селиться на слободахъ польскихъ землевладѣльцевъ; послѣдніе, для привлеченія къ себѣ рабочихъ рувъ, предоставляютъ поселенцамъ извѣстныя льготы на извѣстный срокъ. По прошествіи срока паны требуютъ исполненія условій—повиновенія, притѣсняють крестьянъ, вслѣдствіе чего происходитъ нарушеніе обязательствъ съ обѣихъ сторонъ. Народъ протестуетъ или массами — посредствомъ возстаній (таковы возстанія 1702, 1734, 1750 и 1768 гг.), или же въ одиночку—посредствомъ побѣговъ отъ одного землевладѣльца къ другому, чему иногда сами землевладѣльцы способствовали, приманивая къ себѣ переселенцевъ. Народъ, привыкши бродяжничать въ эпоху „руины“ продолжаетъ бродяжничать и теперь, въ первой половинѣ XVIII в.

И вотъ крестьянинъ, ушедшій изъ Подоли въ чужіе края и успѣвшій тамъ жениться, при первой возможности идетъ на свою покинутую родину, не особенно беспокоясь о томъ, идетъ ли съ нимъ его жена, или остается на своей родинѣ. Если только жена не сопровождаетъ его, онъ на новомъ мѣстѣ женится на другой, не особенно заботясь также о томъ, благословила ли его бракъ церковь, или нѣтъ. Затѣмъ, если ему на новомъ мѣстѣ не живется, онъ, увлекаемый жаждой лучшей доли, а иногда и привычкой къ бродяжничеству, переходитъ въ третье мѣсто и тамъ опять женится. Такихъ переходовъ и женитьбъ онъ могъ сдѣлать нѣсколько. Тоже дѣлаютъ и женщины: онѣ переходятъ отъ одного мужа (находящагося въ живыхъ) къ другому, отъ другого къ третьему.

И нужно сказать, что при такомъ положеніи вещей трудно было тогдашнимъ властямъ—духовнымъ и гражданскимъ—контролировать заключеніе браковъ. При вѣчныхъ переходахъ и бродяжничествѣ народа нельзя было знать, гдѣ находится то или другое лицо. Народныя возстанія и ихъ усмиренія, а также

свирѣпствовавшія тогда моровыя повѣтрія (какъ въ зиму 1737—1738 гг.) уничтожали людей безъ счета, много пропададо ихъ безъ вѣсти, и никакими документами и свидѣтельскими показаніями нельзя было доказать смерть того или другого человѣка—супруга. Часто лицо, потерявшее супруга и желавшее вступить въ новое супружество, для доказательства своей правоспособности, должно было посылать довѣренныхъ лицъ за нѣсколько сотъ и даже тысячь верстъ, чтобы найти какіе нибудь слѣды смерти или гибели супруга, но весьма рѣдко посылаемые находили требуемыя свѣдѣнія.

Нужно прибавить къ этому, что въ началѣ прошлаго вѣка и метрическія книги не всегда велись въ приходахъ; въ ревизіяхъ („визитахъ“) подольскихъ церквей прошлаго вѣка весьма часто находимъ настоятельныя требованія визитаторовъ, чтобы parroхи вели метрическія книги; только съ третьяго десятилѣтія прошлаго вѣка метрическія книги являются въ большей части приходовъ (въ то время уніатскихъ).

И по необходимости мужъ или жена, при продолжительной отлучкѣ своего „подружья“, вступаетъ въ новое супружество, но чрезъ нѣсколько времени (иногда чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ) является мнимо умершій и начинается процессъ, обыкновенно оканчивающійся расторгеніемъ послѣдняго брака.

Но если были случаи, вытекавшіе изъ необходимости выйти изъ затруднительнаго положенія, то еще больше было такихъ, что совершались въ силу установившагося обычая. Здѣсь могли имѣть мѣсто преданія XVI и XVII вѣка, которыя находили поддержку для своего существованія въ социальномъ бытѣ народа.

Въ XVIII в. въ Подоліи находимъ то, что было въ XVI вѣкѣ въ другихъ южно-русскихъ земляхъ Литвы и Польши.

Такъ, въ консисторскихъ декретахъ прошлаго вѣка встречаемъ, что иногда супруги расходились по взаимному согласію, и ихъ согласіе оформлялось выдачей другъ другу „разводныхъ листовъ“, и затѣмъ такія лица вступали въ другія супружества. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1744 году было возбуждено дѣло противъ священника (пароха) с. Карповецъ, обвинявшагося въ совершеніи незаконнаго брака. Изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось: пономарь меджибожской Успенской церкви Иванъ Лось назадъ тому 30 лѣтъ женился на какой-то Ксеніи, но найдя себя физически неспособнымъ къ супружеской жизни, отпустилъ жену, послѣ чего она вышла замужъ за другаго, который чрезъ 16 лѣтъ „во время инкурсіи“ убитъ россійскими войсками, а послѣ его смерти Ксенія опять вышла замужъ и жила съ третьимъ мужемъ въ с. Книжповцахъ. Духовный судъ не призналъ послѣдняго брака законнымъ и присудилъ возвратить Ксенію къ первому мужу—меджибожскому пономарю.

Въ 1738 г. инстигаторъ (прокуроръ) духовнаго суда ривлекъ къ отвѣтственности уроженаго Василія Корницкаго, жителя с. Дьяковецъ, за то, что онъ въ супружество взялъ Анну, чужую жену и, забывши страхъ Божій, жилъ съ ней незаконно. Корницкій оправдывался на судѣ тѣмъ, что его жена дѣйствительно сначала вышла было замужъ за Попеля, будучи къ этому приневолена,—и хотя считалась его женой пять лѣтъ, но съ нимъ супружески не жила, и въ 1728 г., по взаимному согласію ея и мужа ея Попеля, „была квитована скриптомъ“ (*kwitowana z przyznani skryptem*), который и представленъ Корницкимъ въ судъ; затѣмъ, изъ дальнѣйшаго разбора оказалось, что Анна вышла замужъ за дьячка Занькевича и, поживши съ нимъ годъ, осталась вдовой и тогда уже, будучи вдовой, сочеталась бракомъ въ третій разъ съ Корницкимъ.—Судъ призналъ послѣдній бракъ незаконнымъ и опредѣлилъ расторгнуть его.

Или еще фактъ. Крестьянка с. Вихровецъ, бывшая замужемъ за Θεодоромъ, получила отъ мужа бумагу (*karę*), освобождающую ее отъ супружества съ нимъ и позволяющую ей выйти замужъ за другаго, и дѣйствительно вышла за Петра, жителя также вихровецкаго. При дачѣ Θεодоромъ разводнаго листа присутствовалъ и парохъ (священникъ) вихровецкій, который затѣмъ совершалъ и бракосочетаніе этой крестьянки съ Петромъ, за что (въ 1741 г.) былъ наказанъ „трехнедѣльной реколлекціей въ каедрѣ съ дисциплиной при двухъ „*Miserere*

mei¹⁾), штрафомъ въ 20 гривенъ и отрѣшеніемъ отъ священнодѣйствій на три четверти года“.

Но не всегда разводъ оформливался дачей разводныхъ листовъ, чаще всего просто расходились и вступали въ новый бракъ безъ всякихъ формальностей на бумагѣ.

И народъ такъ сжился съ такими явленіями, что явный двоеженецъ нисколько не стѣснялся своимъ положеніемъ. Такъ, мы находимъ, что крестьянинъ, имѣя жену и дѣтей въ подольскомъ селѣ (въ Балинѣ, камен. у.) ушелъ на Украину, тамъ женился на другой, привелъ эту вторую жену въ свое родное село, гдѣ была его первая жена, и жилъ тамъ съ этой новой женой (1739 г.) Или такой фактъ: Агафья, дочь Сугака, мѣщанина чернковскаго, обывателька каменецкая, заявляетъ въ 1753 г. въ консисторіи претензію на своего мужа, что онъ оставилъ ее и живетъ съ своей первой женой въ с. Ходоровцахъ, по какой жалобѣ судья позволилъ Агафѣ вступить въ другой бракъ.

Конечно, въ декреты внесены только тѣ случаи, когда совершенъ былъ незаконно бракъ священникомъ съ записью въ метрици, что подавало поводъ къ процессу. А сколько было случаевъ, когда не было поводовъ привлекать къ суду!

Если подобное безладье въ дѣлѣ совершенія браковъ поддерживалось въ Подоліи, благодаря хаотическому состоянію страны въ гражданскомъ отношеніи, то нужно сказать, что этому безладью не мало способствовали и неурядицы въ церковной жизни. Религіозныя смуты въ Подоліи, вызванныя введеніемъ уніи въ началѣ XVIII в. и стараніемъ польскаго правительства сблизить обрядъ русской церкви съ латинскою, приводили къ тому, что крестьяне украдкой переправлялись чрезъ Днѣстръ въ Волощину и тамъ получали благословеніе браковъ отъ православныхъ молдавскихъ священниковъ. Конечно, этимъ средствомъ часто пользовались тѣ, кто хотѣлъ вступить въ незаконный бракъ. Такихъ незаконныхъ браковъ, совершенныхъ на Волощинѣ, встрѣчается въ декретахъ очень много.

¹⁾ Т. е. въ теченіе двукратнаго чтенія псалма „Помялуй мя Боже“.

Кромѣ того, существовало и другое болѣе удобное средство получить благословеніе незаконнаго брака. Въ то время въ Подоліи и Брацлавщинѣ было очень много праздношатающихся священниковъ. Такіе священники были большею частью если не родомъ изъ Волоцины, то получали тамъ рукоположеніе; были между ними и мнимые священники — искатели приключеній и наживы, выдававшіе себя за священниковъ и желавшіе въ мутной водѣ ловить рыбу.

Эти праздношатающіеся священники за вознагражденіе охотно благословляли незаконные браки, часто безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей и церковныхъ требованій — безъ оглашенія, въ простой хатѣ, или даже гдѣ нибудь въ полѣ, безъ свидѣтелей, ночью. Такъ, въ 1742 г. декретомъ консисторіи былъ расторгнутъ совершенный назадъ тому лѣтъ 12 бракъ какого-то крестьянина Стефана съ Ксеніей, такъ какъ оказалось, что Ксенія имѣетъ другого мужа въ живыхъ, а вѣнчалъ ихъ (Стефана и Ксенію) вакой-то бродяга (włoszczyga) подѣ селомъ Балакирами. Урожд. Комарницкій, житель с. Тарновы Подлѣской, при жизни своей первой жены женился на другой въ Зиньковѣ и бракъ былъ совершенъ въ хатѣ безъ оглашеній какимъ-то бродягой, о которомъ консисторія сомнѣвалась, былъ ли онъ духовнымъ лицомъ (1746 г.). Въ 1752 г. однимъ декретомъ было расторгнуто четыре брака крестьянъ сс. Сказинець, Савинець, Франовки и Шидловець; эти браки были совершены въ Лисоводахъ праздношатающимъ пресвитеромъ, называвшимъ себя Мастыкашею.

Какъ мы сказали раньше, этой всеобщей распущенности нравовъ подольскаго народа способствовала, кромѣ хаотическаго состоянія страны, еще одна, можетъ быть даже главная, причина — это вліяніе магометанства. 27-лѣтнее господство въ странѣ турокъ во второй половинѣ XVII в. должно было оставить свои слѣды; да и въ XVIII в. магометане жили въ смежности съ Подоліей, только Днѣстръ отдѣлялъ ихъ отъ подолянъ: въ Хотинѣ были турецкія войска, во многихъ мѣстахъ за Днѣстромъ землевладѣльцами были турки, у которыхъ подольскіе крестьяне служили работниками, приходили косить сѣно,

жать пшеницу и т. п., какъ это видно изъ декретовъ консисторіи.

Во время господства въ Подоліи турокъ было много случаевъ принятія магометанства христіанами, много было такъ называемыхъ „потурнаковъ“ какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ среды поляковъ-шляхтичей. И послѣ, въ XVIII в., были случаи совращенія въ магометанство. Такъ, въ 1745 г. жительница с. Нѣгина Маріанна, желающая вступить въ бракъ, представила въ униатскую консисторію показанія нѣкоего жителя Чернокозинецъ, данныя имъ католической каменецкой консисторіи, слѣдующаго содержания: „мужъ Маріанны служилъ въ Ботушанахъ, на Волощинѣ, у липва (татарина) Гордзика, будучи уже бусурманиномъ; когда онъ безнадежно заболѣлъ и увидѣлъ близкую свою смерть, то часто говорилъ о своей женѣ Маріаннѣ, оставшейся въ Подольѣ, сожалѣлъ, что сдѣлался бусурманиномъ;—это меня Богъ наказываетъ за то, что я отступилъ отъ св. вѣры—говорилъ онъ“.

Въ 1752 г. въ консисторскій судъ были привлечены два крестьянина—одинъ изъ с. Цвикловецъ, другой изъ с. Тутновецъ за то, что „они, забывши страхъ Божій и любовь къ ближнему, способствовали побѣгу дезертира изъ Каменецкой крѣпости, переправили его чрезъ Днѣстръ и отдали въ услуженіе турку въ Хотинѣ, гдѣ онъ отрекся отъ христіанской вѣры, и они тѣмъ самымъ были причиной его отреченія и гибели его души.

Если были факты совращенія жителей Подоліи въ магометанскую религію, то нельзя не допустить, что магометанство вліяло и на семейную жизнь христіанскаго населенія Подоліи. Сейчасъ за Днѣстромъ, въ Хотинѣ, паша и аги держали многолюдныя гаремы, наполняемыя обыкновенно женщинами с подольскаго берега. Часто подольскія женщины изъ крестьянокъ и мѣщанокъ принимали магометанство, жили съ турками за Днѣстромъ, а потомъ возвращались въ Подолье. Такъ, жена мѣщанина г. Могилева, „по дѣвольскому навожденію и подущенію“ турка Измаила въ с. Кишновѣ, въ предѣлахъ валахійскихъ, измѣнила вѣрѣ, а потомъ возвратилась въ Могилевъ и стала опять жить съ первымъ своимъ мужемъ (1744 г.). Какая-то

обывателька Дзвиняцкая проситъ консисторію разрѣшить ей вступить въ бракъ (1747 г.); изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что она замужемъ не была, а только 5 лѣтъ жила на Волошской сторонѣ съ турчиномъ, за что въ наказаніе было назначено ей: купить 2 двухфунтовья свѣчи въ приходскую церковь, лежать крестомъ три литургіи, а для тѣлеснаго наказанія отправлена въ панскій дворъ;—тѣмъ не менѣе вступленіе въ бракъ ей позволено. Въ одномъ дѣлѣ 1747 г. указывается, что жены двухъ крестьянъ с. Браги (надъ Днѣстромъ) также жили съ турчинами въ Хотинѣ.

Многіе изъ такихъ женщинъ добровольно дѣлались женами турокъ, поступали въ гаремы; иногда же это дѣлалось противъ ихъ воли: татары, жившіе въ Волощинѣ, такъ называемые липки, часто дѣлали набѣги на приднѣстровскія села и уводили красивыхъ, молодыхъ женщинъ, которыя поступали въ гаремы не только ханскихъ пашей, но даже цареградскихъ визирей и султановъ. Поддѣстровье всегда славилось красивыми женщинами. Вообще, нужно сказать, земли украинскія, еще съ XVI в., пополняли гаремы цареградскіе и крымскіе. Въ XVI—XVII в. „смуглыя худощавыя черкешенки, говоритъ д-ръ Антоній І., вышли изъ моды, славянскіе блондинки имѣли предъ ними преимущество; для ханскихъ гаремовъ искали бранокъ (плѣвницъ) надъ Днѣпромъ, а для султановъ самыми привлекательными были красавицы изъ — надъ Днѣстра. Поразительная была красота тамошнихъ женщинъ, даже принадлежавшихъ къ самому низшему классу народа: высокія, съ правильными чертами лица, тѣло стройное, движенія гармоничныя, волосы бѣлорусые мягкіе, густые и длинные, очи свѣтлыя — и не голубыя, и не зеленныя, что-то среднее между сапфиромъ и изумрудомъ, съ сильнымъ блескомъ; въ нихъ была видна рѣзвость кошки и полное слезъ смущеніе серны“. Такъ описываетъ д-ръ Антоній І. поддѣстровскихъ женщинъ, заимствуя краски изъ записокъ какого-то армянина XVII—XVIII в. (Dr. Antoni I., Nowe opowiadania historyczne,—въ разсказѣ подъ заглавіемъ: „Losy kresowego miasteczka“, стр. 99—100).

Женщина, взятая въ турецкій гаремъ, если это было далеко отъ Подоліи, напр. въ Хотинѣ, жила тамъ до тѣхъ поръ, пока ей жилось хорошо; если же ей было плохо, и она тосковала въ неволѣ, то уходила оттуда тайно или старалась освободиться отъ неволи законнымъ порядкомъ. Такъ въ „Архивѣ Ю.-З. Р.“ (ч. V т. 1 стр. 271) находимъ слѣдующій фактъ. Жена какого-то мѣрочника (мельника) изъ Карвасаръ, предмѣстья Каменца, Анна бросила мужа своего и жила преступно, а когда была наказана розгами, ушла въ Хотинъ, приняла магометанство и сдѣлалась женой нѣкоего турка Кольфа, жителя хотинскаго, но жила съ нимъ недолго, чрезъ двѣ недѣли забрала у турка мѣшочекъ съ левами, кунтушъ кармазиновый французскаго сукна, кафтанъ зеленый, два платка, шелковый и бумажный, и ушла въ Исаковцы. Но за такой поступокъ она жестоко поплатилась: судъ, для пресѣченія подобнаго своеволия, присудилъ эту крестьянку къ смертной казни чрезъ усѣченіе головы на рынкѣ, во время ярмарки.

Но бывали случаи, что подобные побѣги сходили благополучно. Иногда же плѣнницы гаремовъ достигали свободы законнымъ путемъ. Плѣнница присылала жалобу къ каменецкому коменданту съ просьбой освободить ее отъ заключенія. Жалобу эту нужно было посылать крайне осторожно, втихомолку и чрезъ вѣрныя руки, потому что такая жалоба, перехваченная на дорогѣ турецкой властью, была смертнымъ приговоромъ для жалобщицы:—защитая въ мѣшокъ, какъ невѣрная жена правовѣрнаго мусульманина, она шла на дно Днѣстра. Въ декретахъ встрѣчаемъ подобные случаи. Если же просьба доходила до каменецкаго коменданта, онъ оффиціально требовалъ отдачи плѣнницы, и турки отдавали ее.

Такія женщины, возвращавшіяся изъ гаремовъ къ прежнимъ своимъ домашнимъ очагамъ, безъ сомнѣнія не приносили сюда убѣжденій высокой нравственности и скромности, у турокъ этому онѣ не могли научиться (Dr. Antoni. I., Zam. Pod. na kresach multan. I, 242,—изд. 2-ое).

Такова была семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Такою она представляется при чтеніи

вышеуказанныхъ декретовъ каменецкой уніатской консисторіи прошлаго вѣка. И католическій каменецкій епископъ Сѣраковскій (1739—1742 г.), во время своей генеральной ревизіи приходскихъ костеловъ Подоли, нашель семейную жизнь своей паствы весьма неудовлетворительной. „Брачные союзы, говоритъ онъ въ одномъ эдиктѣ, совершенно не уважались: мужья безъ всякой нужды, по одной прихоти, разводились съ тремя женами и женились на четвертой; многоженство было обыкновеннымъ явленіемъ; жены изъ одной прихоти самовольно бросали мужей и мужья женъ и, какъ бы въ ветхомъ завѣтѣ, мужья разводились съ своими женами *per libellum gerudii*, съ взаимнымъ позволеніемъ другъ другу вступить въ другой бракъ; жены съ чужими мужьями жили „на вѣру“, или вѣрнѣе „безъ вѣры и противъ вѣры“, о чемъ мы, замѣчаетъ епископъ, достаточно наслушались съ тяжелой болью въ сердцѣ во время генеральной визиты. (Симашкевичъ, Р. католичество и его іерархія въ Подоли, Кам.-Под. 1872, стр. 337).

Е. С.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.¹⁾

IV.

По Днѣпру отъ Кіева до Канева.

Для путешествія императрицы по Днѣпру предварительныя распоряженія начались еще въ 1784 году: посланы были морскіе офицеры для промѣра рѣкъ Днѣпра и Сожа, а въ Смоленскѣ начали строить суда для императорской днѣпровской флотиліи; въ 1785 году, когда рѣшено было начать водяное путешествіе изъ Кіева, построенныя галеры перевели изъ Смоленска въ Кіевъ; 20 мая онѣ прибыли туда. 21-го мая, въ день тезоименитства в. к. Константина Павловича, послѣ официального угощенія у правителя кіевскаго намѣстничества, капитанъ-лейтенантъ Пуцинъ, завѣдывавшій этими галерами, пригласилъ правителя намѣстничества и всѣхъ бывшихъ у него гостей посмотреть приведенныя имъ суда, стоявшія у берега Днѣпра возлѣ Кіева. По вступленіи на первое судно правителя, генералитета и всѣхъ присутствовавшихъ, эскадра, по сдѣланному сигналу, отваливъ отъ берега съ поднятыми флагами и съ музыкою, плыла внизъ по Днѣпру, въ виду нѣсколькихъ тысячъ собравшихся на берегу дворянъ, духовенства и городскихъ жителей; при прохожденіи мимо Кіево-Печерской крѣпости, съ обѣихъ сторонъ производилась обыкновенная пушечная пальба, а потомъ эскадра стала на якорѣ ниже города въ 4-хъ верстахъ, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Лыбедь, въ заливѣ Михайловскомъ;

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1891 г. № 3.

здѣсь для эскадры назначено было удобное мѣсто для стоянія (Москов. Вѣд. № 52, 1785 г.). Въ 1786 г. въ іюлѣ отправленъ былъ изъ Петербурга въ Кіевъ вице-адмиралъ Пуцинъ съ подробными наставленіями для командованія днѣпровскою флотилією. Сверхъ того Пуцину повелѣно было осмотрѣть днѣпровскіе пороги, чтобъ убѣдиться, можно ли будетъ плыть императрицѣ далѣе Новыхъ Кайдакъ.

9 сентября Пуцинъ увѣдомилъ А. А. Безбородка, что, проплывъ Днѣпромъ до пороговъ съ правителемъ намѣстничества Ширковымъ, онъ осмотрѣлъ пороги съ большимъ затрудненіемъ; „имѣя при себѣ сына своего капитана-лейтенанта и штурмана, ходя въ разныхъ мѣстахъ къ утесистымъ большимъ горамъ и камнямъ, ѣздя съ нуждою верхомъ и въ роспускахъ“.

Пуцину хотѣлось во что бы то ни стало доплыть до Херсона. Но не только большой лодки, а даже и челнока ниже пороговъ онъ не смыкалъ, а потому возвратился въ Кіевъ 5-го сентября. Пуцинъ прислалъ Безбородку экстрактъ изъ журнала своего плаванія, въ которомъ, между прочимъ, было записано, что онъ ѣхалъ отъ Кіева до Новыхъ Кайдакъ, гдѣ начинаются пороги, 12 дней. Лоцмана объявили Пуцину, что переводъ галеръ черезъ пороги можно сдѣлать, если поставитъ знаки, но и при этомъ не безопасно. (Изъ дѣлъ Госуд. Архива).

29 января 1787 г. вице-адмиралъ Пуцинъ донесъ о числѣ морскихъ служащихъ при днѣпровской флотиліи; ихъ тогда было: флотскихъ офицеровъ 23, лѣкарь и подлѣкарь 2; прочихъ нижнихъ чиновъ—писарей, боцмановъ, матросовъ 424, трубачей 31 челов., штурмановъ 23. Всего съ артиллерійскою командою и съ разными мастеровыми было 567 челов. Пуцинъ просилъ прибавки изъ солдатъ 990 челов. для гребки. 22 апрѣля 1787 г., какъ мы видѣли, для путешествія императрицы по Днѣпру галеры были приведены и стояли у Кіево-Подола за Братскимъ Богоявленскимъ монастыремъ, у берега, и поставлены на якорныя мѣста, съ учрежденіемъ карауловъ и съ назначеніемъ, гдѣ кому помѣститься. Размѣщеніе галеръ было произведено въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. *Илма*, для морской и подрядческой провизіи.

2. *Инуль*, для гардероба императрицы.
3. *Донъ*, для кондитера съ его должностію, подъ вино и подъ провизію, для должностей кофешенкской и тафельдекерской.
4. *Самара*, кухня для приуготовленія на вечерній и на разные расхожіе столы кушанья.
5. *Кубань*, кухня для обѣденныхъ столовъ.
6. *Десна*, семибаношная ¹⁾, столовая.
7. *Сожъ*, десятибаношная, для господъ: гофмаршала, тайнаго совѣтника Стрекалова, лейбъ-медика Рожерсона, дѣйстви-тельнаго статскаго совѣтника Храповицкаго и будущихъ при нихъ.
8. *Сновъ*, десятибаношная, для генераль-адъютанта графа Ангальта, тайнаго совѣтника графа Безбородка, генераль-маіора Левашева, шталмейстера Ребиндера, или кому приказано будетъ. съ помѣщеніемъ самонужнѣйшихъ людей для генераль-адъю-танта и для канцеляріи графа Безбородка.
9. *Днѣпръ*, двѣнадцатибаношная, для императрицы.
10. *Бузь*, двѣнадцатибаношная, для князя Григорія Алек-сандровича Потемкина и для помѣщенія графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой и графинѣ Катеринѣ Васильевнѣ Скав-ронской.
11. *Ипуть*, десятибаношная, для господъ: оберъ-шталмей-стера Нарышкина, оберъ-камергера Шувалова и тайныхъ со-вѣтниковъ Черткова и Нелединскаго-Мелецкаго.
12. *Сеймъ*, двѣнадцатибаношная, для римско-император-скаго посла, министровъ: французскаго графа Сегюра, велико-британскаго г-на Фицъ-Герберта и принца де-Линій.
13. Трешкоутъ *Орелъ*, для графа Чернышева и графини. его дочери.
14. *Остеръ*, для камергеровъ: Валуева, Салтыкова, камеръ-юнкеровъ: Бибикова и Кочубея и для двухъ или трехъ гвардіи капитановъ.
15. *Трубежъ*, лейбъ и гофъ-хирургамъ: Кельхену, Вейкарту, Мессингу и аптекарю Гревве и двумъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ чинамъ.

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

16. *Лыбедь*, камеръ-пажамъ и кого помѣститъ нужно будетъ.
17. *Тясминъ* и 18. *Ступна*, для конюшенной команды.
19. *Тавель*, для морскихъ припасовъ.
20. *Сампиръ*, морская гошпиталь.

21. Сверхъ вышеписанныхъ, судно кievскаго губернатора Ширкова къ слѣдованію его съ губернскимъ предводителемъ дворянства, для препровожденія императрицы до границы, разделяющей кievскую губернію съ губерніею другого намѣстничества.

У вышеписанныхъ галеръ, трешкоута и водовиковъ назначены были мелкія гребныя суда.

У галеры *Днѣпра*, для высочайшихъ ея императорскаго величества выѣздовъ, подъ командою флота капитана Ивана Петровича Пущина: шлюпка 12-ти весельная одна, при ней собственныхъ ея и в—ва судовъ квартирмейстеръ одинъ и надлежащее число гребцовъ; катеръ 16-ти весельный одинъ, при немъ морскаго флота мичманъ одинъ и надлежащее число матросовъ.

Для командующаго флотиліею, вице-адмирала, шлюпка 12-ти весельная одна вѣдомства его съ морскими служителями, да для разныхъ разъѣздовъ баркасъ 8-ми весельной одинъ, съ служителями-же морскаго флота.

У прочихъ галеръ и судовъ у каждаго по одному баркасу и по другому катеру, состоящіе подъ командою капитанъ-лейтенантовъ, находящихся въ помянутой флотиліи, съ употребленіемъ на тѣхъ судахъ морскихъ служителей и воинской команды пѣхотныхъ полковъ: днѣпровскаго и черниговскаго.

22 апрѣля Храповицкій записаль въ своемъ дневникѣ: „Выѣхали изъ Кіева на галерахъ“. (См. Днев. Храпов.).

Передъ отъѣздомъ императрица приказала Храповицкому: „Со дня отъѣзда моего, когда паки начнете журналъ для пересылки въ обѣи столицы, включите имена особъ, кои на суда сядутъ, дабы видѣли во всей Европы, какъ врутъ газеты, когда лишутъ, что тотъ умеръ или другой отдалился. (Р. Арх., 1872, XI. Письма Екат. II къ Храповицкому, стр. 2068).

22 апрѣля предъ полуднемъ, въ исходѣ 12-го часа, императрица прибыла къ берегу рѣки Днѣпра, на приготовленную

пристань, противъ стоявшаго флота, гдѣ, вышедъ со всею высочайшею свитою изъ экипажей, переѣхала въ императорской своей шлюпкѣ на столовую галеру Десну, причемъ въ шлюпку императрицы приглашены были статсъ-дамы: графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, камеръ-фрейлина А. С. Протасова, князь Г. А. Потемкинъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ и римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель. За императрицею, въ шлюбкахъ же и баркасахъ, слѣдовали прочія составляющія свиту персоны: фрейлина графиня Катерина Ивановна Чернышева; адмиралтейской коллегіи вице-президентъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ; оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ; оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ; гофмейстеръ, тайный совѣтникъ графъ А. А. Безбородко; генераль-адъютантъ графъ Ѡ. А. Ангальтъ; вице-адмиралъ и генераль-интендантъ Петръ Ивановичъ Пуцинь; тайный совѣтникъ Степанъ Ѡеодоровичъ Стрекаловъ; гофмаршалъ и тайный совѣтникъ князь Ѡ. С. Бяратинскій; графъ Штакельбергъ, русскій полномочный посолъ при королѣ польскомъ; графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, министръ при дворѣ неаполитанскомъ; шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ; генераль-поручикъ графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ; генераль-маіоръ и флигель-адъютантъ Василій Ивановичъ Левашевъ; тайный совѣтникъ Евграфъ Александровичъ Чертковъ; тайный совѣтникъ Александръ Юрьевичъ Нелединской-Мелецкой; камергеръ Петръ Степановичъ Валуевъ; камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ Иванъ Самойловичъ Рожерсонъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Васильевичъ Храповицкій; камеръ-юнкеры: графъ Юрій Александровичъ Головкинъ; Александръ Александровичъ Бибииковъ; Викторъ Павловичъ Кочубей. Иностранные: французскій полномочный министръ графъ Сегюръ; великобританскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ г. Фицъ-Гербертъ; графъ Браницкій, гетманъ, великій коронный польскій; принцъ де-Линій; принцъ де-Нассау. Полковники: флигель-адъютантъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ; Иванъ Степановичъ Рыбольтъ; Дмитрій Ѡеодоровичъ Козловъ;

флота капитанъ полковничьяго ранга Иванъ Петровичъ Пущинъ. Слѣдовавшіе для провозанія императрицы до границы: вѣевскій губернаторъ С. Е. Ширковъ; губернскаго предводитель дворянства Капнистъ.

Во время высочайшаго шествія отъ пристани до столовой галеры стоящіе на галерахъ и на прочихъ судахъ караулы отдавали фронтомъ честь и играла музыка на трубахъ съ литаврами и били въ барабаны. На галерѣ Деснѣ императрицу встрѣтилъ гофмаршалъ и затѣмъ былъ обѣдъ на 41 кувертъ.

По окончаніи стола императрица перешла съ столовой галеры, въ сопровожденіи статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и прочихъ тѣхъ же особъ, съ коими предъ тѣмъ прибыла, на свою галеру Днѣпръ, слѣдовавшую подъ вице-адмиральскимъ флагомъ; на этой галерѣ назначено было также помѣщеніе камеръ-фрейлинѣ А. С. Протасовой и генераль-маіору А. М. Дмитріеву-Мамонову. Тогчасъ по прибытіи императрицы, съ галеры Днѣпръ пушечнымъ выстрѣломъ данъ сигналъ, чтобы всѣ суда изготовились къ походу, и въ исходѣ 3-го часа передовыя суда и галеры, поднявши якорь, пошли въ путь; въ это же время изъ поставленныхъ на Подолѣ на берегу Днѣпра пушекъ началась пальба, а въ городѣ во всѣхъ церквахъ начался колокольный звонъ и стоявшіе на берегу Днѣпра и на плотахъ мѣщане и ремесленники стрѣляли изъ ружей бѣглымъ огнемъ съ криками ура!, повторявшимися стоявшимъ на берегу народомъ.

Потомъ, когда императорскія галеры проходили мимо Печерской крѣпости, изъ крѣпости вице-адмиральскому флагу салютовано пушечною пальбою, съ галеры же Днѣпра отвѣтствовано 9-ю выстрѣлами; въ 6 часовъ, по пушечному выстрѣлу съ галеры Днѣпра, всѣ суда легли на якорь противъ Китаевой пустыни, проплывъ отъ якорнаго мѣста, бывшаго при Кіево-Подолѣ, 10 верстъ. Когда всѣ галеры установились въ порядкѣ, на галерѣ Днѣпръ выставленъ былъ сигнальный флагъ, чтобы вся свита собралась на галеру императрицы, что тогда же было исполнено, и всѣ, не исключая и чужестранныхъ министровъ, съѣхались на шлюпкахъ на галеру Днѣпръ. Императрица не замедлила выдти въ заль, и послѣ бесѣды, въ 8 ч. вечера

удалилась въ свои внутренніе на галерѣ покои. Все общество путешественныхъ, по приглашенію гофмаршала кн. Барятинскаго, опять въ шлюпкахъ переѣхало на галеру Десну, гдѣ нѣкоторые изъ свиты остались ужинать.

Въ 10 часовъ вечера, начиная съ галеры Днѣпръ, во всей флотиліи, заиграла музыка на трубахъ съ литаврами, а къ вечерней зарѣ забили барабаны; послѣ музыки и по совершеніи военными командами надлежащей молитвы, съ первой галеры выпалили изъ пушки „на ночлегъ“.

23 апрѣля, въ пятницу, по утру, въ исходѣ 4-го часа, съ галеры Днѣпра сдѣланъ былъ сигналъ выставленнымъ флагомъ: всей флотиліи сниматься съ якоря и идти въ путь; плаваніе продолжалось до 9-ти часовъ утра, а въ это время съ галеры Днѣпръ поданъ сигналъ прочимъ галерамъ пушечнымъ выстрѣломъ: *лечь на якорь*. Флотилія остановилась противъ рѣчки Березовки, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны по теченію и отстоящей отъ Китаевой пустыни въ 24 верстахъ. По полудни, въ 12 часовъ, на столовой галерѣ Десна, началась суета и бѣготня,—приготовляли обѣдъ. Осмотрѣвъ все приготовленія къ столу, гофмаршалъ приказалъ выкинуть алый флагъ, какъ условленный сигналъ для съѣзда къ обѣденному столу лицъ свиты. Когда все собрались, гофмаршалъ донесъ императрицѣ, которая вскорѣ и прибыла на галеру Десну, въ своей императорской шлюпкѣ, въ которую были приглашены: графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, А. С. Протасова, князь Г. А. Потемкинъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, римско-императорскій посоль графъ Кобенцель и принцъ де-Линій; при отъѣздѣ съ галеры Днѣпра и по прибытію на галеру Десну, по всей флотиліи въ честь императрицы гремѣла музыка на трубахъ съ литаврами и барабаннымъ боемъ:

Обѣдъ былъ на 39 кувертовъ, приглашенъ былъ кіевскій губернаторъ Ширковъ и во время стола играла духовая музыка. Послѣ стола, въ четверть 2-го часа, императрица возвратилась на свою галеру Днѣпръ, причемъ въ шлюпку императрицы приглашены были статсъ-дамы, камеръ-фрейлина и др. персоны. Потомъ, въ половинѣ 2-го часа, на галерѣ Днѣпръ сдѣланъ

былъ сигналъ, по которому всѣ суда снялись съ якоря и продолжали путь до 7-ми часовъ вечера, а въ это время, по сигналу же, стали на якорь близъ села Видочева, отстоящаго отъ рѣчки Березовки въ 13 верстахъ.

Вскорѣ, на галерѣ выставленъ былъ сигнальный флагъ къ съѣзду свитѣ на галеру Днѣпръ, а когда всѣ собрались, императрица вышла въ залу и играла въ карты, приглася за свой столъ князя Г. А. Потемкина, А. М. Дмитриева-Мамонова и великобританскаго посланника Фицъ-Герберта. Въ половинѣ 9-го часа императрица удалилась во внутренніе покои. Въ этотъ же день императрица писала къ Брюсу: „Въ тотъ часъ вчерась, какъ я собиралась выѣхать изъ Кіева, получила я ваше письмо отъ 11 апрѣля съ приложеніями и потомъ сѣла я въ карету и поѣхала къ пристани подольской, откуда водою до моей галеры и, отобѣдавъ на галерѣ, пустилась благополучно въ путь, но понеже судовъ много, то галера Днѣпръ, на которой я подняла якорь, не прежде какъ въ исходѣ четвертаго часа; отошедъ же отъ Подола и прошедъ Печерскую крѣпость, противу пустыни паки легли на якоря, гдѣ ночевали и съ свѣтомъ вмѣстѣ пустились паки въ путь, а теперь мы въ виду мѣстечка Триполи паки легли на якоря. Дни теплые и прекрасные и всѣ здоровы. (См. Прилож. къ К. Ф. Ж. 1787.)

24 апрѣля, въ субботу, по утру, въ исходѣ 5-го часа, по данному съ галеры Днѣпръ сигналу, всѣ галеры и суда снялись съ якоря и продолжали путь до 10 часовъ утра-жь, прошедъ, между тѣмъ, въ 8-мъ часу, мѣсто границы, раздѣляющей Россію съ Польшею, которое находится по теченію Днѣпра съ правой стороны, близъ деревни Кабной, лежащей на російскомъ берегу, съ лѣвой стороны, и потомъ, по сигналу же, стали на якорь, близъ малороссійскаго села Ячники, отстоящаго отъ села Видочева въ 22 верстахъ.

Императрица обѣдала со свитою на галерѣ Деснѣ.

По возвращеніи императрицы на галеру Днѣпръ, по полудни въ 2 часа, данъ сигналъ, по которому всѣ суда снялись съ якоря и продолжали путь до половины 7-го часа вечера. Между тѣмъ, въ 5 часовъ, приглася камеръ-фрейлину Про-

тасову, камеръ-юнгферу М. С. Перекусихину и генераль-маіора Дмитріева-Мамонова въ свою шлюпку, императрица придумала оригинальную прогулку по водѣ, — она приказала плыть шлюпкѣ внизъ по Днѣпру, возлѣ и мимо идущихъ галеръ, на которыхъ военные полковые музыканты играли на трубахъ съ литаврами, а солдаты отдавали императрицѣ честь съ барабаннымъ боемъ. По возвращеніи на галеру Днѣпръ, во время плаванія мимо монастырскихъ сель Гучинки и Трехтемирова¹⁾, находящихся съ лѣвой стороны по теченію Днѣпра; тутъ на берегу стояли народъ и священники съ крестами, а въ то же время по правую сторону по теченію Днѣпра расположенный тамъ отрядъ польской конницы салютовалъ идущимъ галерамъ музыкою на трубахъ съ литаврами; потомъ съ галеры Днѣпръ данъ сигналъ стать на якорь; это было въ виду города Переяславля; послѣ обѣда флотилія проплыла 21 версту. Когда стали на якорь, по сигналу съ галеры Днѣпръ флагомъ вся свита и иностранные посланники съѣхались на галеру Днѣпръ, гдѣ въ залѣ императрица играла до 9 ч. вечера въ карты, приглася за свой столъ Дмитріева-Мамонова и посланника Фицъ - Герберта. Въ этотъ день императрица писала къ барону Гримму:

„22 апрѣля я выѣхала изъ Кіева и вотъ теперь мы уже третій день плывемъ на веслахъ по Днѣпру; всѣ мы здоровы. Все, что могу вамъ сказать, что изъ всѣхъ моихъ путешествій по водѣ теперешняя очень затруднительна потому что эта рѣка очень извилиста, на ней множество острововъ, островковъ и подводныхъ камней и поэтому мы все шли на веслахъ, не употребивъ ни разу парусовъ. Днѣпръ гораздо быстрѣ Невы. Теперь мы между двумя берегами: съ одной стороны гористый принадлежитъ Польшѣ, съ другой русской — очень плоской.... Богъ знаетъ откуда отправлю это письмо. Завтра или послѣзавтра надѣюсь видѣть на моей галерѣ короля польскаго“.

¹⁾ Мѣстечко Трехтемировъ извѣстно было тогда по ломѣ и обдѣлкѣ жерновныхъ камней, развозимыхъ не только по польской Украинѣ, но и по всей почти Малороссіи (см. Путешествіе ея величества въ 1787 г. Печатано при Горномъ училищѣ въ 1786, стр. 44.).

На слѣдующій день предстояло свиданіе съ королемъ польскимъ въ мѣстечкѣ Каневѣ.

Сегюръ, французскій посланникъ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія любопытныя подробности о плаваніи по Днѣпру до Канева.

„Императрица пустилась въ путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3000 человекъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ локкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фицъ-Герберту, другая де-Лиону и мнѣ, прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-камергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служители, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ“.

„Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими вликами привѣтствовало императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударили по волнамъ Борисѣена своими блестящими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневривали легкіе отряды козаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изу-

крашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видѣ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебнo созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ стаялъ; земля покрылась яркою зеленью; луга зацвѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину“.

„Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противоположность ихъ щегольского вида съ наружностью Румянцевскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихи, весна, природа и искусство, казалось, соединялись для торжества этого могучаго любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя его оружіемъ, онъ надѣялся возбудить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія“.

„Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человекъ“.

Я никогда не видѣлъ императрицу болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія; за обѣдомъ было очень весело: мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпніе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, азиатская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ, увѣренность видѣть

каждый день новые, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англию съ Карфагеномъ, Пруссію съ Македонією, имперію Екатерины съ Кирвою, рассказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елизаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые, она сказала намъ: „Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣшнимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіи императрицы Анны, или лучше сказать, ея министра Бирона; этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ“.

„Мы говорили о дикихъ племенахъ, населявшихъ отдаленные края ея имперіи: „Потокъ времени еще не коснулся до этихъ кочующихъ народовъ, сказала государыня:—они издавна сохраняютъ первоначальную простоту нравовъ; живутъ подъ шатрами, питаются мясомъ и скопами своихъ стадъ, подчинены начальникамъ, которые скорѣе отцы ихъ, нежели владыки. Можно считать ихъ счастливыми, потому что нужды ихъ ограничены и легко удовлетворимы. Если бы по прежнимъ намѣреніямъ моимъ я ихъ образовала, то это, можетъ быть, послужило бы къ ихъ развращенію. Небольшая дань мѣхами ихъ не обременяетъ, потому что они охотятся по привычкѣ и по страсти“

„Въ одномъ только отношеніи эти древнія орды гунновъ, киргизовъ, татаръ, извѣстныя прежде подъ многими названіями, значительно измѣнились. Долго они наводили страхъ своими кочеваньемъ, набѣгами и грабежами; но теперь образованные народы лишили ихъ возможности дѣлать новыя завоеванія, и эти племена потеряли прежній воинственный духъ свой. Когда зашелъ разговоръ объ ихъ вѣрѣ, шаманахъ или волхвахъ и идолахъ императрица сказала намъ, что инныя изъ этихъ пле-

мень придерживаются какихъ то непонятныхъ вѣрованій, что жрецы ихъ сохранили древнѣйшій сборникъ молитвъ, притчъ и духовныхъ пѣсней, писанныхъ на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ, и которыя они читаютъ по преданію, не понимая смысла ихъ“.

„Это возбудило мое любопытство, сказала она:—я обратилась съ запросами къ ученымъ, но они объ этомъ предметѣ, какъ и о многихъ иныхъ, оказались ничего незнающими. Наконецъ, недавно уже открыли, впрочемъ еще не навѣрно, что эти молитвы писаны на древнемъ, священномъ языкѣ индусовъ, на санскритскомъ“.

„Такъ какъ въ продолженіи этой бесѣды императрица въ бѣгломъ очеркѣ изобразила ученія законодателей Греціи, Азіи, Рима и Аравіи, то я замѣтилъ ей, что она послѣ этого, кажется, потеряла право смѣяться надъ учеными, по старой своей привычкѣ“.

„Точно, прибавилъ де-Линь,—послѣ всего, что мы слышали, мы, по совѣсти, принуждены включить васъ въ число тѣхъ ученыхъ, на которыхъ вы такъ нападаете“.

„Да, я знаю,—сказала императрица.—я вообще вамъ нравлюсь, и вы хвалите меня „цѣликомъ“, но, разбирая меня по подробнѣе, осуждаете во мнѣ многое. Я безпрестанно дѣлаю ошибки противъ языка и правописанія. Сегюръ знаетъ, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить шесть стиховъ. Безъ шутокъ, я думаю, несмотря на ваши похвалы, что, если бы я была частною женщиною во Франціи, то ваши милыя парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отъужинать съ нами“.

„Прошу васъ вспомнить, государыня, возразилъ я, что я здѣсь представитель Франціи и не долженъ допускать клеветъ на ея счетъ“.

„Но императрица, бывшая въ духѣ, продолжала въ томъ же тонѣ: „Какъ вы полагаете, чѣмъ бы я была, если бы родилась мужчиною и частнымъ человѣкомъ“?

„Въ отвѣтъ на это Фицъ-Гербертъ сказалъ, что она была бы мудрымъ законовѣдцемъ, Кобенцель полагалъ, что она бы сдѣ-

лалась великимъ министромъ, а я увѣрялъ ее, что она сдѣлалась бы знаменитымъ полководцемъ“.

„На этотъ разъ вы ошибаетесь, возразила она:—я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую компанію не снесла бы головы“.

„Въ другой разъ мы говорили о предположеніяхъ, которыя тогда дѣлались въ Европѣ по поводу ея путешествія. Мы всѣ были одинаковаго мнѣнія и увѣряли, что вездѣ будутъ думать, будто она съ императоромъ хочетъ завоевать Турцію, Персію даже, можетъ быть, Индію и Японію, наконецъ, что странствующій кабинетъ Екатерины занимаетъ и тревожитъ всѣ прочіе“.

„Стало бытъ этотъ петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на волнахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если такъ тревожитъ другіе?“

„Точно такъ, государыня, сказалъ тогда де-Линь,—а между тѣмъ я не знаю ни одного, который былъ бы такъ малъ: онъ и весь то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другого и отъ переносицы до волосъ“.

25 апрѣля флотилія приближалась въ Каневу, гдѣ назначено было свиданіе съ королемъ польскимъ.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗКАХЪ.¹⁾

(О К О Н Ч А Н І Е).

Превращенія приписываются нѣкоторымъ изъ мифическихъ существъ низшаго разряда, которыя въ представленіи народа сохранились до настоящаго времени, каковы: *вовкулакъ*, *упырѣ*, *мавки*; а также народная фантазія большею способностью превращеній надѣлила *черта*, который, повидимому, совпалъ съ личностью *дьявола*, заимствованнаго изъ христіанскаго вѣроученія, сохраняя впрочемъ въ себѣ довольно ясныя атрибуты низшихъ языческихъ божествъ, какъ-то: Пана, Сильвана, Сатира.

Вовкулакомъ называется человѣкъ, который надѣленъ способностью превращаться въ волка; такая способность дается за грѣхи тѣхъ родителей, которые предъ праздниками или постами имѣли плотскія сношенія, или же работали въ праздники²⁾. Въ *вовкулаки* обращаются только на время, но никто изъ волка не можетъ сдѣлаться человѣкомъ, потому что это дается въ наказаніе отъ Бога³⁾. О превращеніяхъ *вовкулака* народъ говоритъ: „Вовкулакъ ходитъ у лисъ до настоящихъ вовкивъ и тамъ воны бигаютъ, щобъ поймать що небудь и зысты. Свитомъ вовкулакъ иде до дому и передъ селомъ зновъ перекидается въ чоловика, а жинка ёго вже знае, ничего вже ёму й не

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1891, 3.

²⁾ Труды Этн. Эксп. I, 206.

³⁾ Ibidem.

каже¹⁾. Вовулакъ представляется человѣкомъ понуримъ, и если онъ дѣлается волкомъ, то только давить, но не ѣсть овецъ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (кіевск. губ.) *вовулакъ* и *упыръ* въ представленіи народа отождествляются и имъ приписываются тѣ же самыя злобныя свойства.

Мавки, или *лоскотницы*—это превращенные черти. Онѣ принимаютъ видъ молодыхъ красивыхъ дѣвушекъ, увлекаютъ встрѣчныхъ и щекочутъ ихъ до смерти. По другому воззрѣнію, *мавки*—это „украденныя дьяволомъ дѣти“³⁾. Почти вездѣ въ Малороссіи *мавки* отождествляются съ русалками, въ которыхъ превращаются дѣвушки-утопленницы и утонувшія дѣти.

Морськи люди—это тѣ воины Фараона, которыхъ потопило море; „съ тѣхъ поръ они и превратились въ морскихъ людей, принявъ форму въ нижней части тѣла — рыбу, а верхняя осталась человѣческою. „Морськи люди“ сочиняютъ пѣсни и перекладываютъ ихъ на ноты“⁴⁾.—Интересенъ разсказъ о *морскихъ женщинахъ*. Онѣ „отличаются необыкновенною красотою и увлекательнымъ голосомъ. Имъ-то и приписываютъ произведеніе всѣхъ извѣстныхъ въ народѣ пѣсенъ и сказокъ. Вѣрятъ, что женщины эти подилываютъ къ кораблямъ и начинаютъ пѣть и, если по неопытности плывущихъ на кораблѣ, ихъ не отгонятъ пушечными выстрѣлами, то онѣ до того успѣваютъ увлечь слухъ, что всѣ на кораблѣ засыпаютъ, и тогда „морськи люди“ опрокидываютъ корабль“⁵⁾. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ греческаго преданія о сладкогласномъ пѣніи *сирень*.

Черть способенъ принимать самыя разнообразныя виды: то онъ является въ видѣ пана, одѣтаго по нѣмцеи, во фракѣ, то въ видѣ чернаго человѣка съ когтями, хвостомъ и рогами, въ видѣ козленка, кота, собаки и др. „Видѣвшій чертей замѣчаетъ у нихъ рога на головѣ, тщательно закрываемые круглою шля-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, I, 206—7.

⁴⁾ Ibidem, I, 211.

⁵⁾ Ibidem.

пой съ широкими полями, собачью морду, хвостъ крючкомъ, когти на рукахъ и ногахъ. Одежда ихъ: коротенькая курточка, узкіе панталоны. Чертъ любитъ иногда принимать на себя видъ заблудившагося козлёнка; онъ является проѣзжему, и такъ жалобно блеетъ, что путникъ беретъ его къ себѣ въ повозку и лаская говоритъ: „козочка, козочка“, а онъ повторяетъ: „козочка, козочка“. Путникъ въ испугѣ бросаетъ его на землю, послѣ чего мнимый козленокъ исчезаетъ“¹⁾.—Чертъ не всегда приноситъ людямъ несчастье; онъ часто даетъ имъ деньги, а слѣдовательно, и благостояніе. Чертъ является человѣку въ видѣ козленка, который разсыпается деньгами. Послѣ того, какъ бѣдный человѣкъ закопалъ „злыдни“, онъ вдругъ слышитъ, что-то кричитъ *на юрици*: „изсады, изсады!“ Человѣкъ взялъ бичовку, полѣзъ—видитъ *козиня зъ рижками* (а то бувъ чортяка, не при хати згадуючи). Только что хотѣлъ онъ *изсадыть*, а *проши такъ и посыпались у сини*²⁾.—Чертъ является въ видѣ *хорта* (борзой собаки). Полевой сторожъ увидѣлъ бѣлаго *хорта*, далъ ему хлѣба; потомъ этотъ *полѣвый* посланъ былъ съ письмомъ; возвращаясь, онъ зашелъ на хуторъ, гдѣ его хозяинъ принялъ гостепріимно, а потомъ спросилъ: помнишь-ли ты меня, какъ ты меня накормилъ хлѣбомъ? Тутъ только *полѣвый* догадался, что это былъ чертъ³⁾. Чертъ является въ видѣ кота подлѣ креста, на границѣ, гдѣ хоронятъ тѣхъ, которые вѣшаются. Когда хотѣли ударить кота, то онъ сдѣлался, какъ верста⁴⁾. Чертъ является въ видѣ *клубка*, который ночью катится предъ человѣкомъ, и когда тотъ рѣшился ударить его, то *не зная, идъ дѣвалось*⁵⁾.

Любимымъ мѣстопробываніемъ черта считается мостъ, который часто вода вырываетъ; народъ говоритъ, что его рветъ *нечыста сила*. Подъ мостомъ чертъ часто принимаетъ образъ дитяти. Одно такое дитя человѣкъ взялъ изъ подъ моста; кони

¹⁾ Ibidem, I, 188.

²⁾ Драгомановъ, Мр. н. ск. и пр. 414.

³⁾ Драгомановъ. Мр. н. ск. и пр. 45. Тр. Этн. Эмп. I, 168.

⁴⁾ Драгомановъ, Мр. н. ск. и пр. 47.

⁵⁾ Ibidem, 44.

его рвутся; онъ смотритъ, а то уже не дитя—чоловикъ; онъ ударилъ его на вѣя, и только вѣтеръ сорвался... „и каже: ну догадався, що зробыты зо мною!“¹⁾—Черти въ видѣ дѣтей бѣгають передъ лошадьми; эти дѣти тутъ же превращаются въ *бѣлыхъ хортывъ*. Когда челоуѣкъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья, то они только засмѣялись и спрятались подъ мостъ²⁾.— Въ сказкѣ „Про бидного чоловика и чорта“ передается, что челоуѣкъ можетъ обратиться въ *чорта*. Одинъ бѣднякъ, который имѣлъ много дѣтей, а не имѣлъ *на что соли купити, чтобъ посолити борщъ*, пообѣщаль черту дитя, если тотъ дастъ ему денегъ. Чертъ, услышавъ это, „приноситъ ему казанокъ, три—четыри гарци грошей“ и говорить, что дитяти ему не надо, а необходимо только выполнить слѣдующее условіе: одинъ разъ въ мѣсяцъ, *шо новои субботы*, приносить *несолоный коржъ ярои пшеници и чорного пивня* (нѣчто въ родѣ жертвы), деньги же можно отдать послѣ съ процентомъ. Когда черезъ пять-шесть лѣтъ вздумалъ этотъ челоуѣкъ отдать деньги, то оказалось, что добраго черта убилъ бичемъ *фурманъ*, а явился другой чертъ, его товарищъ, который свазалъ ему слѣдующее: „Спасыби тоби, шо таки справны. За коржы и пивни спасыби; а гроши беры соби—воны твои. Якъ бы той бувъ живой, то винъ бы также не отбиравъ бы, и черезъ то не одбиравъ бы, то бувъ твѣй братъ ридный. Бо твоя мама стеряла дытynu, и отъ зъ той дытны вырись той. Винъ бачывъ, що ты такой бидный шовъ черезъ лисъ и плакавъ. Отъ винъ и пожалувавъ тебе и давъ тоби грошей. Иды ими хозяйоу“³⁾.—Чертъ превращается въ чернаго пѣтуха. Крестьянинъ съ женой, возвращаясь съ ярмарки, нашель чернаго пѣтуха, привезъ его домой и посадилъ на печь, но не слыша пѣнія, посмотрѣлъ туда и увидѣлъ предъ пѣтухомъ кучи золота и серебра. Крестьянинъ догадался, какой это былъ пѣтухъ и бросилъ его съ моста въ воду. Мгновенно взбушевала рѣка и поднялся сильный вѣтеръ.

¹⁾ Ibidem, 46.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Труды Этн. Эксп. II, 379—80.

На печи же вмѣсто денегъ оказалась смола ¹⁾.—Черть является въ видѣ *паныча*, въ видѣ *пана*. Въ одномъ народномъ преданіи говорится, что на томъ мѣстѣ, гдѣ было *стерво* (падаль), выходилъ чертъ, *по-паньски вбранный*, ходилъ взадъ и впередъ, курилъ *люльку и ноги були зъ ратыцямы* ¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ образъ черта своимъ даже внѣшнимъ видомъ напоминаетъ классическаго пана.—Черти, по народному повѣрью, принимаютъ образъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ мечтаютъ люди. „Молодымъ, распутнымъ людямъ являются въ образѣ красивыхъ, молодыхъ женщинъ; сребролюбцамъ—въ образѣ богача-человѣка, раздающаго свои сокровища всѣмъ желающимъ“ ²⁾. О многообразныхъ видахъ, какіе принимаетъ „Охъ, або чортъ“, было уже сказано.

Доселѣ мы рассматривали превращенія человѣка или чело-вѣкообразнаго миѣическаго существа въ животное или неодушевленный предметъ, теперь мы перейдемъ къ особаго рода превращеніямъ, такимъ, гдѣ волосъ, палочка, напр. превращаются въ коня, кости быка въ собакъ, въ яблоню,—щетка, гребенка—въ лѣсъ, горы. Во всѣхъ этихъ превращеніяхъ мы видимъ, что названные предметы достаются отъ необыкновенныхъ существъ, отъ чародѣевъ, или наконецъ отъ чудесныхъ животныхъ; такъ что всѣ эти превращенія, очевидно, производятся силою существъ миѣическихъ.

О превращеніи волосъ въ коней сказка передаетъ такимъ образомъ. Отецъ, умирая, завѣщалъ тремъ сынамъ своимъ приходитъ ночевать на могилу. На первую ночь старшій, разумный сынъ не пошелъ, а пошелъ самый младшій—дурень,—отецъ привязалъ ему волосинку за лѣвое ухо; на вторую и третью ночь повторилась та же исторія, и дурень услышалъ о томъ, что ихъ царевна объявила, что выйдетъ за того за-мужъ, кто достанетъ ее на стеклянной горѣ. Дурень *присмалилъ* волосинку, и явился конь, на которомъ онъ, впрочемъ, не доскакалъ;

¹⁾ Ibidem, I, 184.

²⁾ Драгоман. Мир. в. св. и пр. 47; Труды Этн. Эксп. I, 184.

³⁾ Труды Этн. Эксп. I, 184.

тогда *присматлз* волосинку—и явился второй конь, съ которымъ повторилась та же неудача, и только на третьемъ конѣ достала онъ царевну. При помощи этого чудеснаго коня онъ повоевалъ враговъ царя и исполнилъ нѣсколько чудесныхъ задачъ: добылъ семь кабановъ морскихъ, семь коровъ морскихъ и семь кобылъ морскихъ¹⁾.

Въ другой сказкѣ самъ конь даетъ Ивану три волосинки съ наказомъ присматить ихъ, тогда онъ явится²⁾). Появление коня здѣсь, очевидно, основывается на необыкновенномъ чутьѣ, которое, по народному представленію, сохраняется между предметомъ и частью, отдѣленною отъ этого предмета. Яснѣе указываетъ на превращеніе палочки въ коня сказка „Про дурня Терешка“. Старый дѣдъ завѣщаль, чтобы три сына его ходили каждую ночь на его могилу и *читали молитвы по книжци*. Старшіе два сына исполнили эту обязанность очень небрежно и только третій—дурень исполнилъ какъ слѣдуетъ. Въ награду даетъ имъ отецъ три палочки, которыя обращаются въ коней; палочки старшихъ братьевъ—были худшіе кони, а съ помощью своего коня дурень добываетъ себѣ *панночку*³⁾. Вѣдьма на *Лысой горѣ* даетъ своему мужу коня, который оказался потомъ *дручкомъ*; мужъ вышвырнулъ его, но дручоу снова превратился въ коня⁴⁾. Отголосокъ этого повѣрья можно отчасти видѣть въ дѣтскихъ играхъ, когда мальчики ѣздятъ на палочкахъ, воображая ихъ конями.

Существуетъ отдѣлъ превращеній, гдѣ брошенная щетка, гребенка, *рушникъ*, превращаются въ лѣсъ, горы, рѣку. По большей части эти предметы получаютъ отъ волшебницы или отъ чудесныхъ животныхъ, и потому превращеніе ихъ совершается высшею силою. Вотъ какъ въ сказкѣ „Про стрильца“ говорится о подобныхъ превращеніяхъ. Сынъ стрильца спасается отъ змѣя при помощи младшей дочери змѣя, которая

¹⁾ Труды Этн. Эксп. II, 274—6; 269—274.

²⁾ Ibidem, II, 222.

³⁾ Ibidem, II, 276—7.

⁴⁾ Драгомановъ, Малор. пр. св. и пр., 393—4.

его полюбила; онъ садится на нее, какъ на коня; „вона крыла распяла и летыть“. Вотъ змѣй нагоняетъ ихъ, она велитъ бросить щетку, и стала пуца такая, что змѣй еле могъ пробиться; во второй разъ, когда змѣй настигъ, дочь велитъ бросить гребенку, и стали горы; снова змѣй приблизился, тогда бросаютъ иголку и шпильку—и образуются лѣса, горы, скалы¹⁾. Въ другихъ сказкахъ съ подобными превращеніями, такія вещи, какъ гребенку, хустку даетъ чудесный волъ, бычокъ. Въ сказкѣ „про царевича Ивана и царивну Марусю“ говорится, что царскія дѣти спасались отъ змѣя при помощи вола. Когда змѣй настигъ ихъ, волъ и говоритъ: „е, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ, вже мени трохи прыпика; заглянь мени у праве вухо, та выйми гребиночку маеву та махны навхрестъ, то такъ теренъ и зробытсья“. Этими они задержали змѣя, а когда добѣжали до моря, то волъ и говоритъ: „заглянь мени у праве вухо та выйми хустку; махны навхрестъ черезъ море, то мы по води перейдемъ“²⁾. Въ вариантѣ этой сказки мы видимъ характерное видоизмѣненіе. Царевича и царевну спасаетъ „бычокъ поганый да кошлатый, що гидко на его й глянуть“. Это сказочный пріемъ, который такому незамѣчательному существу и приписываетъ именно чудесныя свойства. И дѣйствительно, бычокъ „понишь ихъ, да такъ скоро, такъ скоро, що й витерь не дожене,—такъ скоро“. Проснулся змѣй, пустился въ погоню и сталъ бросать за ними огнемъ,—бычокъ и спрашиваетъ: „а що дитки чы пече?“—пече, кажутъ, та ще й дуже.—„Влизь, каже бычокъ, въ ливе ухо, а въ праве вылизь, выйми збрую на себе й на мене“. Онъ такъ и сдѣлалъ, но и черезъ сбрую стало печь; тогда бычокъ велѣлъ царевичу влѣзть въ лѣвое ухо и вылѣзть въ правое и вынуть оттуда гребенку. Царевичъ „махнувъ тымъ гребенцемъ назадъ, и ставъ лись такый густый та здоровый, що не проихать ёго, ни пишки пройты: такъ дерево коло дерева й поросло, да все таке-жь-то претовсте, що й у чотырохъ не обыймешъ. Летыть

¹⁾ Труды этногр. эксп., II, 192.

²⁾ Ibidem, 154,

той змѣй; долетивъ до лису—палыть, ломыть, трошыть,—таке лихо пиднялось въ тымъ лиси що ажъ земля реве“. Когда змѣй опять сталъ жечь огнемъ, царевичъ вынулъ изъ уха „биленькый платочокъ, махнувъ назадъ—и стало море, таке вельке, таке вельке, що й коньця ниде не выдно; да такыи хвыли пиднялись на тому мори престрашенны, да такъ лютують да бьютъ объ берегъ, що страшно на ихъ и глянуть“¹⁾). Быку здѣсь приписывается перенесеніе на себѣ и спасеніе дѣтей отъ змѣя; можетъ быть, здѣсь отразилось то значеніе, какое приписывается быку въ арійской, а особенно въ ассирійской и египетской (аписъ) миеологіи. Эта же сказка содержитъ въ себѣ еще одно оригинальное миеическое представленіе, по которому какъ бы изъ головы быка вынимаются задуманныя и осуществленныя чудесныя вещи.

Кости, голова, рога, сердце чудеснаго быка, коровы превращаются въ собакъ, въ яблоню, въ яворъ. Въ упомянутой уже сказкѣ: „Иванъ Ивановичъ, руськый царевичъ, его сестра и змѣй“ бычекъ послѣ спасенія отъ змѣя царевича и царевны говоритъ имъ: „Ну, дитки, чы васъ до батька одвезты, чы, може, вы тутъ останетесь“?—„Да мы вже, кажуть, останемся тамъ, де вы будете; уже будемъ разомъ зъ вами жыть до конца вику“.—„Я вже, каже бычокъ, не хочу жыть на свити; зарядьте мене, м'ясо поижте, а косты въ стриху затянуть, то выросте изъ моихъ костокъ *чуйко* и *буйко*. Вони вамъ стануть въ велькый пригоди“.—„Якъ же мы васъ зарядимо? Вы насъ одъ смерты оборонили, а мы от-це васъ будемъ ризать?!“ (Замѣчательна здѣсь та форма вѣжливости, въ которой даже царскія дѣти обращаются къ бычку). Бычка зарѣзали и изъ костей его дѣйствительно выросли двѣ большія и сильныя собаки—*чуйко* и *буйко*, которыя исполняли большую и трудную службу для Ивана—царевича²⁾). Въ вариантѣ этой сказки волъ, спасшій царскихъ дѣтей, велитъ имъ себя зарѣзать, рога свои положить подъ стрѣху, тогда „вашою хатеи, говоритъ онъ, ни вогонь не

¹⁾ Труды этн. эксп., II, 142—3.

²⁾ Ibidem, 143—152.

спале, не гримъ, и буде зъ мене дви собаки: чуйко и бачко— побаче“¹⁾). Эти собаки точно также оказались чудесными.

Въ другихъ аналогичныхъ сказкахъ голова коровы или быка превращается въ чудесную яблоню. Дочь дѣда, преслѣдуемая мачихой, спасается тѣмъ, что влѣзаетъ коровѣ въ правое ухо и вылѣзаетъ въ лѣвое и вынимаетъ оттуда требуемое полотно. Наконецъ корову подстерегли и зарѣзали. По совѣту коровы дѣдова дочь попросила себѣ голову коровы и закопала ее въ воротахъ. „Прийшла, гляне—ажъ тамъ росте яблунька, та ще жъ яка! золотый на ній листочокъ, а листочокъ срибный. Вона любуетьця на ту яблуньку, а пташки спивають: соловьи, зозули, райсьби птыци—та таеъ и вкрылы яблуньку“. Яблоки на ней выросли одно золотое, а другое серебряное. Ъхаль мимо панъ, увидѣль чудесную яблоню и хотѣль сорвать яблокъ, но никто не могъ сорвать ихъ, только дѣдова дочь. Панъ сдѣлалъ ей предложеніе, „узявъ їи за руку и посадывъ била себе въ карети. Вони поихали, и яблунька пишла за ними“²⁾). Въ сходной сказкѣ, волъ, во всемъ помогавшій дѣдовой дочкѣ, передъ своей смертью совѣтуетъ ей найти въ его кишкахъ камешекъ и посадить его подлѣ воротъ. Изъ этого камешка выросла чудесная яблонька съ золотыми и серебряными яблоками³⁾. По другому варианту, дѣдова дочь должна найти въ кишкахъ два зерна—одно золотое, а другое серебряное, или два камешка—одинъ золотой, а другой серебряный, изъ которыхъ вырастають двѣ яблони⁴⁾). Интересенъ въ этомъ родѣ слѣдующій рядъ превращеній. Козакъ, получивъ способность превращеній, дѣлается бѣлымъ жеребцомъ, поступаетъ на службу къ *чернокнижнику*, чтобы отомстить послѣднему. Жена чародѣя узнала коня и заставила убить его; но конь попросилъ дивчину, чтобы она одинъ его *волосъ* воткнула среди двора, и выросъ изъ него *яворъ*. Но и яворъ узнали и велѣли срубить и сжечь. Дивчина объ этомъ сказала явору. „Яворъ одказуе їй: не

¹⁾ Ibidem, 154—6.

²⁾ Ibidem, II, 459—464.

³⁾ Ibidem. 450—451.

⁴⁾ Драгоман., Млр. и. ск. и пр. 362; Труды этн. эксп., II, 466—7.

журысь дивчыню, я не пропаду, тилько выломы изъ мене гиллячку и пусты на воду, то я все таки живъ буду!“ Изъ вѣтки потомъ сдѣлался *качуръ*, который и убилъ чародѣя ¹⁾). Эта сказка дѣлаетъ для насъ вполне яснымъ происхожденіе олицетвореній: конь, яворъ обладаетъ способностью говорить, потому что это превращенный человѣкъ.

Сказки знакомятъ насъ еще съ превращеніями такого рода, когда человѣкъ, искупавшійся въ кипящемъ молокѣ или кипящей водѣ, дѣлается моложе, красивѣе. Въ сказкѣ передается, что бѣдный паробокъ, послѣ ряда неудачъ, женится на панѣ, которая оказалась сестрою солнца. Панъ, которому понравилась молодая жена, хочетъ согнать этого человѣка со свѣту и приказываетъ ему съ этою цѣлью исполнить трудныя задачи, которыя тотъ и исполняетъ при помощи своей жены и солнца. Наконецъ, панъ велѣлъ ему искупаться въ кипяткѣ. „Нагрѣли котель зъ водою, той ускочивъ и выскочивъ ще хорошчимъ. Панъ зъ его дядькомъ и соби ускочылы тай зварылысь“ ²⁾). Въ другой сказкѣ, по приказу пана, сирота добываетъ морскую дѣвицу, которой любитъ солнце. Она „велила подоить коровы, и молоко зварыла въ такимъ велькимъ котли, що можно плавать чоловикови та й каже Ивану: „Скупайся въ цѣму молоци, що кыпыть“. Иванъ скочивъ, унирнувъ тры разы и выскочивъ такий гарный, якъ квиточка. Отъ, вона до своего пана старого и каже: „Ты-бъ, голубчику, покупався ще: дывысь, якъ Иванъ помолодшавъ и ты будешъ такий гарный“. Панъ якъ ускочивъ, такъ и кисты ёго разсыпались; а Иванъ оженився съ тею панною, що зъ мора винъ доставъ. Жывуть и хлибъ жують“ ³⁾). Обыченъ также приѣмъ, когда морской конь, помогавшій дураку во всемъ, совѣтуетъ ему не купаться до тѣхъ поръ, пока онъ три раза не прыснетъ. Вотъ подходятъ къ нагрѣтому котлу, „а тутъ уже кинь стоить. Прыхнувъ—той кинь разъ, прыхнувъ другой разъ, якъ третій разъ прыхнувъ, той скынувъ зъ себе сорочку и скочивъ въ котель, покупавсь тамъ и вылизъ. Пожа-

¹⁾ Труды этн. эксп., II, 441—3.

²⁾ Ibidem, 11.

чивъ памъ, що той ще крашчій вылизъ изъ молока, якъ бувъ, да и каже: „Нагрійте, каже, молока; я ще покунаюсь“. Понятно, когда онъ вскочилъ, то только косточки *заторожкотили* ¹⁾). Можетъ быть, въ основаніи этого воззрѣнія лежитъ миѳическо-юридическій обычай *суда Божія*, или испытанія посредствомъ огня и воды, когда осужденный выскакивалъ изъ воды оправданнымъ, обновленнымъ.

На миѳическомъ воззрѣніи основаны также превращенія старика-дѣда, козленка, горящихъ угольевъ *въ деньги, въ кучу серебра, въ червонцы*. По народному преданію, „*лисовы люди*“—сѣдые засморванные старики, превращаются въ кучу серебра. „Одна дѣвушка, вышедши осенью въ лѣсъ, нашла подъ деревомъ лѣсного старика скорчившагося. Замѣтивъ, что онъ дрожить и крѣпко „засмаркался“, она, изъ состраданія, обтерла ему носъ своимъ передникомъ, и старикъ разсыпался передъ нею кучей серебра“ ²⁾). Золото въ миѳическую эпоху служило символомъ небеснаго огня, поэтому понятное превращеніе огня въ золото. По народному повѣрью, золото горитъ огнемъ въ день Пасхи. Въ сказкѣ, огонь, взятый въ день Пасхи, превращается въ золото. Не имѣя чѣмъ засвѣтить въ день Пасхи, бѣднякъ увидѣлъ на пригоркѣ огонь и пошелъ *позычать* огня. Пришелъ—видитъ дѣда (Бога) и проситъ у него огня. „Держы, сыну, прыпиль: я тобі насыплю жару“, сказалъ *дидъ*.—Прогорыть пола, дидусю!—„Та ни, сыну, не прогорыть, держы прыпиль: я тобі насыплю; да гляды несы да не заглядуъ въ прыпиль, ажъ покы не прыйдешъ до господы.—Отъ той чоловікъ загорнувъ той жаръ у полу и пойшовъ до дому. Колы дывытця въ хати ажъ то не огонь, а червонцы“ ³⁾: Тотъ же самый смыслъ лежитъ и въ превращеніи угольевъ въ червонцы. Дѣдъ (*щастья*) посоветовалъ купеческому сыну жениться на жидовской наймычкѣ, обѣщая, что она будетъ счастливая. Когда ей дали денегъ для закупки товару, то она купила „хуру уголля; привезла, а винъ

¹⁾ Ibidem, III, 114.

²⁾ Ibidem, I, 211.

³⁾ Ibidem, II, 349.

(мужъ) побачывъ та думаетъ соби: „дурне дурнымъ! брехавъ той дидъ, що вона щаслыва“. Колы пиде на другой день брать на чай уголле—ажъ тамъ сами червинци. Винъ тоди думаетъ соби: правда, що дидъ казавъ“¹⁾.—У чертей и въ заколдованныхъ мѣстахъ червонцы всегда обращаются въ уголья и наоборотъ; поэтому козакъ въ *каменномъ царствѣ* не беретъ золота, а уголья, которые обращаются въ *гроши*²⁾.—Животныя, въ особенности тѣ, которыя имѣютъ нѣкоторое соотношеніе съ чертомъ, превращаются въ *гроши*. Бѣднякъ, который потерялъ послѣднее *борошно* по причинѣ вѣтра, идетъ *позывать* (жаловаться) вѣтеръ. Встрѣчаетъ его дѣдъ (Богъ), входитъ въ его положеніе, даетъ ему козу и говоритъ: „Якъ треба тоби буде грошей, то тилько скажи: „Коза—коза, розсыпся!“ То зъ неи такъ гроши и посылятця, да самисеньки чырвонци“³⁾. Въ другомъ вариантѣ *дѣдъ* даетъ баранчика, который рассыпался золотомъ⁴⁾. О томъ, что чертъ, превратившійся въ *козюня*, рассыпался *грошами*, было уже сказано⁵⁾. Превращеніе черта въ *гроши* и особенно обладаніе послѣдними есть излюбленный мотивъ народнаго представленія. Въ одной сказкѣ чертъ желаетъ купить коня; ему сказали цѣну,—„той вынявъ гроши изъ мишка, саме золото, ѣ дае ему и не считае, *бо заисно, у нечистой силы есть до биса грошей*“⁶⁾. Въ томъ взглядѣ, что преимущественно дьяволъ обладаетъ угольями, обращающимися въ червонцы, которыми искушаетъ бѣднаго человѣка, сказалось несомнѣнно вліяніе позднѣйшаго христіанскаго воззрѣнія.

Слѣды превращеній, хотя и менѣе ясныя, можно видѣть въ олицетвореніяхъ, богатѣйшемъ отдѣлѣ народнои поэзи. Мы уже встрѣчали такое явленіе, что *яворъ* говоритъ и представляется, какъ человѣкъ, потому что это дѣйствительно превращенный человѣкъ. Точно также вукушка, голуби, медвѣдь, жаба,

¹⁾ Ibidem, 423—4.

²⁾ Ibidem, 439.

³⁾ Ibidem, 347.

⁴⁾ Ibidem, 351.

⁵⁾ Драгомановъ, Млр. и. ск. и пр. 414.

⁶⁾ Труды Этн. Эксп. II, 371.

черешня, яблоня говорятъ, потому что это превращенные люди, или же изъ членовъ тѣла человѣческаго, какъ изъ сѣмени, выросшія существа, которыя сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свойства человѣческія. Такое свойство имѣетъ черешня, выросшая на могилѣ убитаго брата. Панъ, который ѣхалъ мимо, сдѣлалъ изъ черешины дудочку, „иде соби и грае, а та дудочка говорить:

„Не грай паноньку не грай,
Мого серденька не торкай,
Мене браты забыли,
Ножа въ серденько вбили,
Черепочкомъ очи накрыли,
Черешину за крыжа утнулы.
И песочкомъ засыпалы“.

Отецъ, мать и братья играли, и дудочка имъ прямо указала виновниковъ преступленія. Свойствомъ говорить обладаетъ и яблоня, выросшая изъ отрубленнаго пальца сына, любятъся этимъ деревомъ родители и удивляются: „Хто бъ не вырвавъ яблучко—кровь бижить зъ дерева, та все щось прыснивуе: „Обмана, обмана, батеньку-змію!“¹⁾—Братъ, обращенный въ баранчика, ходитъ на берегъ къ сестрѣ, обращенной въ утку, и поетъ:

„Сестричко Оленко, приплынь, приплынь,
До бережечка,
Братякъ плаче, исти хоче“²⁾.

О кукушкѣ (превращенной женщиной), которая пѣла надъ убитыми дѣтьми пѣсню, было уже сказано³⁾. Слѣдующая пѣсня, которую поютъ голуби, очень поэтично приурочена къ ихъ воркованью. Голуби взяли Марусю, понесли ее черезъ море, „та ще несуть та и спивають:

„Жыла-була въ дядя
Дочка Марусевька.
Бурку-ку!
Прилетило къ ній
Два голубонька.
Бурку-ку!

¹⁾ Труды Этн. Эксп. II, 304 № 79.

²⁾ Ibidem, 470.

³⁾ Ibidem, 475.

Взяли ии съ кроватію
 Бурку-ку!
 Несуть ии съ кроватію
 Бурку-ку!“¹⁾

Въ сказкахъ весьма часто встрѣчается, что не только животныя, но и неодушевленные предметы говорятъ. Въ сказкѣ „Довгомудъ“ мы наглядно видимъ, какъ эти предметы принимаютъ человѣкообразныя формы. У одного хозяина *довгомудъ* выносилъ всю рѣпу. (Интересно, какъ представляетъ себѣ народъ это существо: „Довгомудъ—це колысь таки люде булы: чоловікъ не чоловікъ, вовкъ не вовкъ: руки у него булы таки, якъ и въ чоловіка, а тило усе въ волосси, а на голови шапка—хто ии зна, якои масты). Противъ этого довгомуда идетъ потерпѣвшій человѣкъ. „Иде, иде—лежыть на дорози довбня.—„Здоровъ!“ говоритъ *довбня*.—Здоровъ.—„Куды идешъ?“—Довгомуда быты.—„Визьмы й мене!“—Иды. И пишы. Идутъ—идутъ—ведмидь зострився“. Медвѣдь точно также просится въ товарищи, затѣмъ волкъ, потомъ *лычко задрыпане*, наконецъ желудь попросился, и его приняли. Сказка въ заключеніе о нихъ говоритъ: „Оце вже стало *ихъ шистъ чоловіка*, и пришли вони вси до довгомудовой хаты“¹⁾.—Интересенъ также разговоръ неодушевленныхъ предметовъ, какъ-то: *кочерги*, *рогача*, топора и долота. Эти предметы какъ бы заставляють принять олицетворенную форму злой духъ. Сказка, относящаяся сюда, передаетъ, что царь, возвращаясь со смотра, почувствовалъ жажду и подошелъ къ болоту напиться, гдѣ его и присосало. Онъ получилъ свободу только тогда, когда пообѣщаль отдать черту то, чего дома онъ еще не знаетъ. Оказалось, что въ его отсутствіе жена родила сына и дочь. Чтобы не отдавать дѣтей, царь и царица рѣшили спрятать ихъ подъ поломъ. Черезъ годъ является *нечыста сыла* и требуетъ обѣщаннаго; ему объявляютъ, что снѣ получить тогда, когда самъ найдетъ. „Отъ злый пойшовъ до кочерги и пытае: „Кочерга, кочерга, скажы, де мій подарунокъ дився?“ Кочерга отвѣчаетъ: „Не знаю я. Я тилько

¹⁾ Ibidem, 92—3.

²⁾ Труды Этн. Эксп. II, 95—96.

знаю, якъ изъ печи выгребты попелъ, чы тамъ огонь, да якъ добра кухарка, то на ничъ мене пудъ пичъ положить, а якъ ни, то я оттакъ, якъ бачышь, стою у кочергахъ по цилыхъ суткахъ“. Съ подобнымъ вопросомъ обращается змѣй къ *рогачу* и *сокирѣ*, но тѣ отказались уязать мѣсто сохраненія царскихъ дѣтей. Тогда змѣй съ необыкновенной лаской обращается къ долоту: „Долото, долото, скажи мини, де мій подарунокъ. Я тебе буду въ повази держать, озолочу твою голову, никола й обухъ не доторенется до твоеи головы; а якъ не скажешь, то день и ничъ будутъ тебе по голове быть обухомъ.—Добре, каже долото, скажу тоби, де ты можешъ найты свій подарунокъ; возьми мене, понеси въ комнаты и кыдай въ кожный хати: де застромлюсь у помистъ, то въ тией и шукай подъ помостомъ“¹⁾. Долото этимъ способомъ вызвалось сослужить службу змѣю.

Въ такой первобытной свѣжести существуетъ масса олицетвореній въ народной поэзи, но они, сравнительно съ превращеніями, должны быть отнесены къ другой, болѣе поздней эпохѣ народнаго міровоззрѣнія.

Хр. Ящуржинскій.

¹⁾ Ibidem, 138—140 152.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА ПОЛЕТИКЪ.

I. Происхождение Полетикъ. Свѣдѣнія о жизни Григ. Андр. Полетики.

Въ числѣ авторовъ и переводчиковъ русскихъ книгъ, напечатанныхъ во второй половинѣ прошлаго вѣка встрѣчается немало малороссіянъ: Богаевскій, Галенковскій, Гамалѣя, Дарганъ, Яковъ Козельскій, Иванъ Лашкевичъ, Василій Лобысевичъ, Лукашевичъ, Левъ Максимовичъ, Марковичъ, Огіевскій, Парпура, Григорій Полетика и много другихъ, имена которыхъ, поискавши, можно найти въ каталогѣ Сопикова. Все это имена лицъ болѣе или менѣе причастныхъ къ тогдашней литературѣ, о которыхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, не зная откуда и при какихъ условіяхъ приходили эти работники на литературную ниву... Въ числѣ этихъ лицъ Григорій Полетика занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ по своей любви къ просвѣщенію и по своей дѣятельности общественной въ качествѣ одного изъ депутатовъ Екатерининской комиссіи.

Благодаря счастливой случайности, остатки бумагъ Гр. Андр. Полетики недавно приобрѣтены извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ малорусской старины В. В. Тарновскимъ. На основаніи этихъ остатковъ семейнаго архива, какъ видно нѣкогда очень богатаго, мы и можемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ просвѣщенномъ малороссѣ конца XVIII в.—Родомъ Гр. А. Полетика былъ изъ Ромна, куда отецъ его Андрей перешелъ жить изъ Полтавы. „Родословіе“ Полетикъ, состав-

ленное впрочемъ самимъ Гр. А. П-кою, говоритъ, что они вышли изъ Воыни. Тамъ де жилъ „шляхтичъ“ Иванъ П-ка, который, въ войну поляковъ съ турками, былъ убитъ въ 1673 г., подъ Хотиномъ; послѣ смерти Ивана, вдова его отправила двухъ малолѣтнихъ своихъ сыновей, Павла и Григорія, въ Кіевъ „какъ для того, чтобы они не оставили вѣры своего исповѣданія, такъ и для обученія“; а въ Кіевѣ де жилъ тогда, „бывшій потомъ въ черниговскомъ полку седневскимъ сотникомъ и полковникомъ (?) зять бывшаго прежде гетмана Богдана Хмельницкаго,—малороссійскаго гетмана Семена Перевязки и свойственникъ малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго, а ихъ Павла и Григорія близкій родственникъ Полетикъ“. Расчетъ вдовы былъ тотъ, продолжаетъ „родословіе“, что седневскій Полетика, „будучи бездѣтныи и богатый человекъ, ибо онъ имѣлъ въ Малой Россіи, въ черниговскомъ полку, многія деревни, а именно Ивашковъ, Выхвостовъ, Мощонку, Пекуровку, Рудню и друг. (о чемъ, такъ какъ и о свойствахъ его съ вышеписанными гетманами, свидѣтельствуеъ бывшее въ Малой Россіи въ 1729 и 1730 гг. слѣдствіе)¹⁾, можетъ ихъ и обучить, и наслѣдниками сдѣлать; но они того своего родственника Полетика въ живыхъ не застали, почему они, обучась въ Кіевѣ и познакомясь съ дѣтьми бывшаго полтавскаго полковника Про-

¹⁾ Для поясненія полетикинскаго „родословія“, приводимъ здѣсь отрывки изъ генеральнаго слѣдствія, послужившіе источникомъ для свѣдѣній о седневскомъ Полетикѣ. *Ивашовка* — „старожилы того села, якъ они упомнятъ, сказкою показали, что владѣлъ онымъ зять гетмана Перевязки ивкій Полетика.—*Пекуровка*—„владѣлъ послѣ лядскаго владѣнія, гетмана Перевязки зять его. нѣкоторый Полетика, будучи сотникомъ седневскимъ“... *Мощонка* — „показали старожиламъ, что владѣлъ онымъ селомъ перво, сотникъ седневскій прозваніемъ Полетика, свойственный гетмана Многогрѣшнаго“... *Рудня*—„деревню Рудню поселилъ слободою тотъ же Полетика, зять гетмана Перевязки“... Генер. слѣдствіе называетъ седневскаго Полетика то зятемъ гетмана Перевязки, то свойственникомъ гетмана Многогрѣшнаго; такъ повторяетъ и Гр. А. П-ка, прибавляя только при назаніи Перевязки имя Семена, каковаго имени въ генер. слѣдствіи нѣтъ, да и не могло быть, потому что здѣсь Перевязка отождествляется съ Многогрѣшнымъ, такъ какъ дочь послѣдняго была замужемъ за седневскимъ сотникомъ Полетикомъ, послѣдній былъ живъ еще въ 1672 г. См. Акты юго-западн. Россіи, IX, 828. Изъ приведенныхъ мѣстъ генер. слѣдствія, между прочимъ, видно, что Многогрѣшный прозывался въ народѣ Перевязкою такъ, какъ Самойловичъ—Поповичемъ.

кофія Левенца, отлучились въ Полтаву и, сыскавъ сходныя для себя супружества, поженились...“ Старшій изъ братьевъ поселился въ Решетилковкѣ и жилъ тамъ до 1709 г., когда былъ убитъ „на бывшей подъ Полтавою баталіи“. Послѣ Павла остался старшимъ въ семьѣ сынъ его Андрей, который нашель лучшимъ, „удаляясь отъ татарскихъ набѣговъ“, подвинуться на сѣверъ, гдѣ онъ и оселился съ матерью и младшими братьями,— въ Ромнѣ. Здѣсь Андрей П-ка женился на внучкѣ лубенскаго полковника Илляшенка и скоро сталъ роменскимъ войтомъ. Затѣмъ онъ началъ съ Полуботками процессъ за село Коровинцы,— которое сначала было пожаловано, въ 1690 г., дѣду его жены, а потомъ, въ 1708 г., Павлу Полуботку,—выигралъ этотъ процессъ и сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ многоземельнаго села ¹⁾. Оставивъ почему то роменское войтовство, Андрей П-ка „вступилъ значковымъ товарищемъ въ лубенскій полкъ“ и отправлялъ козачью службу въ этомъ званіи до 1749 г., когда произведенъ былъ въ чинъ бунчуковаго товарища; затѣмъ еще оставался на службѣ до 1757 г., когда получилъ отставку, имѣя отъ роду 65 л. Умеръ Андрей П-ка въ 1773 г., оставивъ, кромѣ дочерей, пять сыновей, изъ которыхъ Григорій былъ старшимъ.

Гр. Андр. П-ка родился въ 1725 г. и учился въ кievской академіи. Въ 1746 г. онъ поступилъ въ академію наукъ переводчикомъ, при чемъ предварительно былъ проэкзаменованъ Тредьяковскимъ, который въ своемъ донесеніи объ этомъ экзаменѣ президенту (гр. К. Разумовскому) пишетъ: „имѣвъ случай свидѣтельствовать въ искусствѣ россійскаго и латинскаго языковъ малороссіянина Григорія Полетицу, который просить объ опредѣленіи себя переводчикомъ при академіи, приѣмлю смѣлость симъ объявить мое мнѣніе объ искусствѣ помянутаго малороссіянина: помянутый малороссіянинъ, переводя съ латинскаго языка, показалъ себя, что онъ тотъ языкъ изрядно разумѣетъ, переводить съ него можетъ; однако россійскій его языкъ есть по большей части въ переводѣ—діалектъ малороссійской,

¹⁾ См. „Кіевская Страница“ 1891 г., январь, стр. 188.

въ разсужденіи рѣчей и цѣлыхъ изображеній“¹⁾. О служебной своей дѣятельности Полетика самъ говоритъ такъ: „будучи воспитанъ и обученъ языкамъ и наукамъ на коштѣ отца моего, въ службу вступилъ я въ 1746 г., въ с.-петербургскую академію наукъ, переводчикомъ, гдѣ и находился по 1748 г., въ ономъ году, по желанію моему, отъ оной академіи уволенъ и опредѣленъ въ св. правительствующій Синодъ переводчикомъ же. Въ Синодѣ Гр. П-ка оставался до 1764 г., когда былъ назначенъ „въ морской шляхетной кадетской корпусъ главнымъ надъ классами инспекторомъ“; на этомъ мѣстѣ П-ка пробылъ девять лѣтъ и въ 1773 г., „за болезнями“, уволенъ.—Будучи инспекторомъ морскаго корпуса, П—ка былъ выбранъ въ 1767 году, отъ шляхетства лубенскаго полка, депутатомъ въ комиссію сочиненія новаго уложенія“²⁾.

Получивъ отъ отца, еще при его жизни, часть Коровинскаго имѣнія, Гр. П-ка значительно увеличилъ свое имущество, женившись въ 1762 г., на дочери отставнаго генеральнаго судьи Ивана Андреевича Гамалѣи, при чемъ получилъ, по особой сдѣлкѣ съ тещею, два села около Погара, Юдиновъ и Чеховку съ хуторами. — Кромѣ того, П-ка прикупилъ немало земель къ своему Коровинскому имѣнію и сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ малороссійскихъ помѣщиковъ конца XVIII в., такъ какъ въ 1780 г. за нимъ числилось крестьянъ: 1346 мужч. и 1339 женщ.³⁾

О литературныхъ занятіяхъ Гр. П-ки мы знаемъ немного. Будучи на службѣ въ Синодѣ, онъ написалъ для напечатанія въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, статью—„О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“. Статью эту Ломоносовъ однакожъ не разрѣшилъ къ печатанію потому,—говоритъ авторъ

¹⁾ Пекарскій. Истор. акад. наукъ, II, 116—117.

²⁾ Наказы малороссійскимъ депутатамъ. Изд. „Кіевской Старины“, стр. 277.

³⁾ О богатствѣ Гр. А. Поветики можно судить уже и изъ того, что при посмертной описи имущества Гр. П-ки и жены его, въ 1785 г., однихъ женяныхъ брилліантовъ оказалось на шесть тысячъ рублей, кромѣ разныхъ алмазныхъ и золотыхъ вещей.

Исторіи академіи наукъ,—что Полетика въ древней Россіи не-
столько нашель училищъ сколько слѣдовало ихъ тамъ быть по
мнѣнію Ломоносова. Къ этому Пекарскій добавляетъ, что „про-
изведеніе Полетика для своего времени очень замѣчательно по
обстоятельности заключавшихся въ немъ свѣдѣній о Петрѣ
Могилѣ“¹⁾.

Затѣмъ, въ каталогѣ Сопикова обозначены слѣдующіи из-
данныя Гр. П-кою книги:

1759 г.—Елпидита, стоическаго философа, енциридіонъ и апоэегмы и Ке-
вита Оивейскаго картина или изображеніе житія человѣческаго. Перелегъ съ гре-
ческаго Григорій Полѣтика. Сиб.—Тоже изд. 2-е, 1767 г.

1762 г.—Ксенофонта, о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ
и оправданіе Сократово предъ судіями. Перев. съ греч. Григорій Полетика. Сиб.

1762 г.—Истинныя основанія и должности христіанскія вѣры или наставле-
ніе изычникамъ, обращающимся въ христіанскую вѣру. Соч. Григорія Полетика. Сиб.

1763 г.—Словарь на шести языкахъ: на російскоючъ, греческомъ, латин-
скомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, изд. Григ. Полетиковъ. Сиб.

Изъ обнаруженныхъ свѣдѣній о дѣятельности Гр. П-ки
какъ депутата отъ лубенскаго шляхетства въ комиссіи о со-
чиненіи уложенія, извѣстны: „Возраженіе депутата Гр. П-ки
на наставленіе малороссійской коллегіи господину же депутату
Дмитрію Наталину“²⁾ и его довольно обширное мнѣніе на
читанный въ 1768 г., въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго
уложенія „проектъ правамъ благородныхъ“³⁾. Въ этихъ двухъ
запискахъ П-ка является съ одной стороны вообще защитни-
комъ автономности Малороссіи, а съ другой—ревнивымъ хода-
таемъ объ утвержденіи за „малороссійскимъ шляхетствомъ“
тѣхъ „правъ и привилегій“, которыя де во „время бытности Ма-
лыя Россіи подъ Польшею подтверждаемы были“. Нѣтъ сомнѣ-
нія, что эти двѣ записки, и въ особенности вторая, и создали
Полетикѣ репутацію—человѣка, „славившагося своею ученостью
и патриотизмомъ къ краю своему“.

Послѣ выхода П-ки въ 1773 г. въ отставку, онъ до са-
мой смерти занятъ былъ веденіемъ разныхъ процессовъ за

¹⁾ Исторія академіи наукъ, II, 116 и 610.

²⁾ Чтен. въ моск. общ. истор. и дрѣв., 1858 г., кн. 3-я.

³⁾ Сборн. русск. историч. общ., XXXVI, 346—356.

имѣнія. Особенно важенъ былъ для П-ки процессъ его съ братомъ жены, Мих. Ив. Гамалѣю, который оспаривалъ правильность той сдѣлки, по которой П-ки (мужъ и жена) приобрѣли стародубскія имѣнія... Поѣхавъ въ Петербургъ, чтобы тамъ личнымъ ходатайствомъ направлять этотъ процессъ въ свою сторону, П-ка тамъ же заболѣлъ и умеръ 27 ноября 1784 года.

II. Шесть писемъ разныхъ лицъ о библиотекѣ Гр. Андр. Полетики.

Самую цѣнную часть сохранившихся остатковъ семейнаго архива Полетикъ составляетъ частная переписка какъ самаго Гр. А. П-ки, такъ и разныхъ членовъ его семьи, начиная отъ его отца и братьевъ и кончая письмами его дѣтей, внуковъ и разныхъ родичей и знакомыхъ. Изъ этихъ остатковъ видно, что значительная часть переписки Гр. А. П-ки растеряна...

На первый разъ приводимъ здѣсь шесть писемъ разныхъ лицъ, говорящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ—о библиотекѣ Гр. А. П-ки, которую послѣдній дважды собиралъ въ своей жизни; разъ собранная — „изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ“ — она погибла отъ пожара, а въ другой разъ собранная — уже незначительная по количеству книгъ, — она погибла отъ неумѣнія внуковъ оцѣнить значеніе дѣдовскаго собранія, несмотря на совѣты просвѣщенныхъ любителей письменной старины, напр. М. И. Ханенка¹⁾).

¹⁾ Мих. Ив. Ханенко (р. 1818 † 1853), младшій изъ трехъ братьевъ, — правнукъ автора издавнаго „Кіевск. Стар.“ въ 1884 г. „Дневника“ Н. Д. Ханенка, — извѣстенъ былъ, какъ и старшіе его братья, здравствующіе Ал. и Ив. Ив-чи, любовью къ письменнымъ памятникамъ мѣстной старины. Мих. Ив. учился въ москов. университетск. пансіонѣ и затѣмъ служилъ: сначала въ гвардіи, въ Финляндскомъ полку, а потомъ — новгородъ-сѣверскимъ предводителемъ дворянства. — Въ Черниг. Губ. Вѣд. 1852 г., имъ напечатаны интересныя документы изъ бумагъ его пра-дѣда, въ томъ числѣ и любопытнѣйшее наставленіе Н. Д. Ханенка сыну Василю, при отправленіи его въ заграничный университетъ въ 1746 г., для окончанія образованія. См. Опис. Стар. Малор., I, 78.

1. 1771 г. Письмо Григорія Андреевича Полетики къ президенту адмиралтейской коллегіи Големищеву-Кутузову съ просьбою о продолженіи отпуска и съ извѣстіемъ о гибели своей библіотеки.

Милостивый государь.

По милостивому вашему сіятельства и государственной адмиралтейской коллегіи снисхожденію, отпущень я въ годовой отпускъ въ домъ мой. Пользуясь симъ случаемъ, желалъ я поправить мое здоровье и состояніе; но по приключившимся мнѣ болѣзнямъ, ни того, ни другаго здѣлать не успѣлъ, а между тѣмъ имѣлъ нещастіе въ бывшій майя 23 дня въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, пожаръ потерять всѣ мои пожитки и нужныя къ содержанію и пропитанію моему вещи, а что всего для меня болшей дороже—и всю мою библіотеку, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ, о которой какъ вручитель сего пріятель мой Василій Александровичъ Шараповъ, такъ и многіе другіе ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одна изъ лучшихъ въ російскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія моего російскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то безъ похвалы могу предъ вашимъ сіятельствомъ выговорить, что такового не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными російскими библіотеками моя въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ, препираться могла. Сіе нещастливое приключеніе столько меня поразило, что я еще больше въ здоровьѣ моемъ почувствовалъ ослабѣніе, о чемъ и атестать отъ доктора въ команду мою послалъ, и лишень будучи всѣхъ средствъ, къ питанію ума и тѣла моего служащихъ, не сыскиваю другаго способа, какъ только прибѣгнуть къ милости и великодушію вашего сіятельства и просить еще на годъ увольненія, чтобъ помощію онаго забыть и не быть принужденнымъ оплакивать не угасшій еще пепель лучшаго моего имѣнія, настоящей моей печали, а притомъ поправить хотя немного мое здоровье и домо-строительство и привести себя въ состояніе къ дальнѣйшему продолженію моей службы. Помилуйте, сіятелнѣйшій графъ,

печалнаго, несчастливаго и слабаго человѣка тою милостію, которая вамъ ничего не стоитъ, и заставте, чтобъ я сіе мое уволненіе почиталъ за полученное отъ васъ награжденіе моихъ убытковъ и разоренія, и прибылъ по жизнь мою съ глубочайшею преданностію, милостивый государь, вашего сіятельства. (*Съ черновика*).

II. 1782 г. 3 іюня. Письмо мѣгилевскаго архіепископа Георгія Конисскаго къ Григорію Андреевичу Полетикъ, при посылкѣ польскихъ историческихъ книгъ.

2. Высокородный господинъ! коллежскій совѣтникъ!

Милостивый государь и благодѣтель мой!

Сего дни имѣлъ я честь почтеннѣйшее писаніе ваше, и въ любезнѣйшихъ вашихъ сыновяхъ, какъ самого васъ видѣть, радовался. *Annales Rudawscy* прошу принять въ число книгъ вашихъ, при коемъ еще посылаются: *Piasecy, chronicon* и *Starowolscy, tractatus tres*, по требованію вашему, да сверхъ того: два томы Длугоша, съ коихъ въ послѣднемъ приданы старые полскіи писатели, какъ то—*Кадлубко, Sarnicius, Orechovius etc.* и еще посылаются жъ: *Regenwolscy systema chronologicus*, и *Pastory, historiae polonae plenior, Kojalowicza* и Кюбержицкаго какъ и Староволскаго, *Eques polonus* не находится у мене. Равно жъ къ благоденствію вашему не могутъ (*sic*) услужить вамъ ни однимъ гербаромъ, понеже самъ не имѣю. Въ слѣдующемъ сентябрѣ нужда будетъ мнѣ посылать нарочного въ Варшаву. Какіе вамъ надобны книги, изволте прислать мнѣ реестръ. Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно. Если не думаете дѣтей послать туди, откуда дворянство, для ученія, то совѣтовалъ бы я напредъ, послать ихъ въ Вилню, тамъ сего году отерился новій университетъ и академія новымъ порядкомъ ученій и весьма похвалнымъ; жалко, что не имѣю при себѣ печатныхъ о томъ рѣчей и расположенія; послалъ преосв. смоленскому, и получаю обратно, пришлю вамъ; а тамъ можно бѣ дѣтямъ и въ монастырѣ нашемъ къвартеру имѣть. Не пишу болше, не хотя удерживать

птенцовъ любезнѣйшихъ, спѣшащихъ въ гнѣздечко свое. И такъ желаю вамъ со всѣмъ домовствомъ истиннаго благоденствія, остаюсь съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ,

високородія вашего, милостивого государя и благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга Е. Георгій. Іюня 3 д. 1782 года. Могилевъ. (*Съ подлинника*).

III. 1812 г., 17 сентября. Письмо Петра Ивановича Полетики къ Василию Григорьевичу Полетикъ съ просьбою прислать для графа Н. П. Румянцова списокъ книгъ и рукописей Григорія Андреевича Полетики и съ изъясненіемъ—о желаніи Румянцова купить эти книги и рукописи.

Милостивый государь мой и любезный братецъ Васильевичъ (sic) (Должно быть—Василій Григорьевичъ).

Государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ поручилъ мнѣ на сихъ дняхъ, испросить у васъ подробную вѣдомость о книгахъ и рукописяхъ, покойнымъ родителемъ вашимъ и вами умноженныхъ. Графъ наиболѣе въ виду имѣетъ книги и рукописи, до отечественной исторіи касающіеся, и по всѣмъ отзывамъ его сіятельства, я полагаю долженъ, что вамъ учинено будетъ предложеніе—оныя уступить продажею. Въ слѣдствіе чего не признаете ли приличнымъ, любезный братецъ, при доставленіи къ графу желаемой вѣдомости, чрезъ кого либо изъ сдѣшнихъ пріятелей вашихъ, (ибо нѣтъ сомнѣнія, что при полученіи вами сего письма, я находится буду паки въ чужихъ краяхъ), увѣдомить сего послѣднего о намѣреніи вашемъ касательно продажи вашей библіотеки, а также и полагаемой вами цѣны, симъ способомъ сократится нарочито и время, и переписка.

Я съ поспѣшностію пользуюсь симъ случаемъ, дабы возобновить себя въ памяти вашей и любезнѣйшей сестрицы Настасьѣ Фоминишнѣ, которой прошу васъ засвидѣтельствовать усерднѣйшее мое почтеніе.

Въ прочемъ съ истинною привязанностію честь имѣю быть, любезный братецъ, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга и братъ Петръ Полѣтика.

IV. 1812 г., 25 ноября. Письмо Василя Григорьевича Полетики къ графу Н. П. Румянцеву.

Сіяте́льнѣйшій графъ, милостивый государь!

Братъ мой Петръ Ивановичъ Полетика, въ письмѣ своемъ, отпущенномъ изъ Санктпетерборга отъ 17 сентября, а мною здѣсь полученномъ не прежде какъ 14 сего ноября, по приказанію вашего сіятельства, пишетъ ко мнѣ о доставленіи вашему сіятельству подробной описи книгамъ и рукописямъ, покойнымъ отцемъ моимъ собраннымъ и мною умноженнымъ. Полагая, что ваше сіятельство наиболѣе въ виду имѣтъ изволите книги и рукописи, до отечественной исторіи относящіяся, упоминаемая княземъ Щербатовымъ и профессоромъ Шлецеромъ во введеніяхъ ихъ въ оную, я со всегдашнимъ сожалѣніемъ о безцѣнной ихъ для меня и потомства моего потери, доношу вашему сіятельству, что она всѣ почти въ бывший въ Санктпетербургѣ, на Васильевскомъ острову, гдѣ тогда отецъ мой жилъ, въ 1771 году, пожаръ, со всею его библіотекою, состоявшею изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ сгорѣли, о которой многіе еще и теперь ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одною изъ лучшихъ въ российскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія сего российскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то смѣло могу предъ вашимъ сіятельствомъ выговорить, что такового не токмо ни у кого изъ частныхъ людей не было, но и съ государственными российскими библіотеками библіотека отца моего о первенствѣ въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла. Нѣкоторая только часть, изторгнутыхъ изъ пламени уцѣлѣла. Собранныя жъ съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни его и напоследокъ мною и присокупленныя къ первымъ, относятся по большей части до малороссийской исторіи, начертаніе которой было его, а накопецъ сдѣлалось моимъ предмѣтомъ. Въ теченіи сей зимы я имѣю необходимую надобность быть въ нашей сѣверной столицѣ. Тамъ предстану вашему сіятельству. Удостоившись же получить полное отъ васъ разрѣшеніе о содержаніи нужныхъ вамъ сочиненій въ книгахъ и рукописяхъ, и смотря

на оное, буду имѣть честь поднести вашему сіятельству опись находящимся у меня. Но, сіятельнѣйшій графъ, позвольте сказать себѣ предварительно, что я ни одной изъ нихъ не рѣшусь продать ни за какую цѣну, и что одна только переписка можетъ доставить ихъ въ другое мѣсто. Достояніе мое не велико; я имѣю дѣтей, стараясь о наилучшемъ воспитаніи которыхъ, я, вмѣсто сокровищъ свѣта, часто бесполезныхъ, хочу оставить имъ сію пищу ума единственнымъ послѣ себя, для вящего ихъ къ пользѣ общей образованія наслѣдіемъ. Честь и долгъ имѣю быть съ глубочайшимъ къ особѣ вашей высочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства... (Василій Полетика). 25 ноября 1812 г. (*Съ черновика*).

V. Около 1850 г. Письмо Василя Васильевича Полетики къ Михайлу Осиповичу Судьбенку, съ предложеніемъ купить рукописи, принадлежавшія его дѣду Гр. Андр. Полетикъ.

Зная труды ваши и занятія по части русской исторіи, особливо же древней, и съ какимъ стараніемъ вы отыскиваете всѣ древніе источники, до оной относящіеся, я рѣшилъ обратиться къ вамъ, мил. госуд., и приложить у сего выписку о имѣющихся у меня рукописахъ. Рукописи сіи, вмѣстѣ съ прочими книгами, достались мнѣ по наслѣдству, принадлежали родному дѣду моему Григорію Андреевичу Полетики, въ свое время славившемуся ученостію, патріотизмомъ къ краю своему и трудами по части исторіи Малороссіи. Нѣкоторые изъ означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ труды его писаны собственною его рукою, а права и привилегіи малор. шляхетства, совмѣстно съ двумя мнѣніями его комиссіи, имъ собственноручно подписаны и другого экземпляра нигдѣ и ни у кого инаго не находится. Что касается до переписки его, то утвердительно ничего не могу сказать вамъ, ибо я не имѣлъ еще времени пересмотрѣть оную и разсортировать; могу только прибавить, что собственноручныхъ писемъ его находится у меня довольно большое количество, исправно сохраненныхъ со дня его смерти. Если вы найдете что либо соответствующее вамъ, какъ для пользы вашей, такъ собственно для науки, то я со всею готовностію могу

уступить вамъ по вашему увѣдомленію, было бы то за деньги или же за книги новѣйшихъ авторовъ, коими я хочу пополнить имѣющуюся у меня небольшую бібліотеку, на каковой конецъ, по извѣщеніи вашемъ, пришлю вамъ и каталогъ,—тогда вы можете сообразить и назначить недостающихъ авторовъ въ оной.— Ожидая вашего, милостивый государь, увѣдомленія, прошу васъ въ случаѣ отвѣта въ семь мѣсяцѣ или въ самомъ началѣ будущаго, адресовать по прилагаемому адресу письмо въ г. Погарь, а съ 10 чиселъ мая въ г. Роменъ, куда я переѣзжаю на нѣсколько мѣсяцевъ и гдѣ находятся всѣ книги мои. *Съ черновика, къ которому приложенъ слѣдующій списокъ:*

Въ большую дестъ.

- 1) Рукописное собраніе грамотъ, статей, писемъ и прочихъ сочиненій, касающихся до малороссійской исторіи. 6
- 2) Догопорныя малоросс. гетмановъ статьи, грамоты и прочія сочиненія рукописныя 1
- 3) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1
- 4) Історія о зачатіи Москвы, рукописная. 1
- 5) Собраніе разныхъ привилегій польскихъ и русскихъ, рукописное. . . . 1
- 6) Каталогъ епископовъ, патріарховъ святыхъ великихъ византійскія церкви, такой же каталогъ кіевскихъ митрополитовъ и прочія сочиненія, рукописныя. . 1
- 7) Малороссійскій лѣтописецъ Самуила Величка, рукописный. 1
- 8) Дѣйствія презрѣной брани Богдана Хмельницкаго съ поляками, рук. . 1
- 9) Малороссійскій рукописецъ, рукописный. 1
- 10) Книга, содержащая въ себѣ описаніе митарствъ, соборъ бывшій при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и сочиненія Максима Грека, рукописная 1
- 11) Каталогъ и лѣтописаніе изъ бытности (sic) архіереевъ россійскихъ, рукописныя 1
- 12) Права и привилегіи малорос. шляхетства, тутъ же собраны и двѣ рѣчи предка моего, бывшаго депутатомъ при Екатеринѣ. 1
- 13) Разсмотрѣніе лѣтъ Р. Х. согласующихъ съ лѣтами бытія міра и каталогъ патріарховъ константинопольскихъ, тако жъ митрополитовъ и архіереевъ россійскихъ, рукописныя 1
- 14) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1
- 15) Иго законное неудобноносимое, сочиненіе Ѳ. Прокоповича и иго Христова благо, его же, собственною рукою Стефана Яворскаго, писанное, неполное 1

Въ меньшую четверть листа.

- 16) Начало государей и великихъ князей россійскихъ и родословіе разныхъ знатныхъ фамилій россійскихъ, рукописныя 1
- 17) Лѣтописецъ кн. Курбскаго, томъ 1, рукописный 1
- 18) Собраніе разныхъ сочиненій Ѳ. Прокоповича, рукописн. 1

19) Сатиры кн. Анти́ха Кантемира, рукописн.	1
20) Лѣтоисецъ либо кровникъ о землѣ польской	1
21) Старинная книга Острожской печати, безъ заглавія и конца	1
Календарей 1749 год. 52, 56, 57, 66, 67 по 1811 всего.	49
Календарей историческихъ, географическихъ, экономическихъ и календ.	
съ наставленіями съ 1768 по 1786 всего	63

VI. 1850 г. 14 мая. Письмо Михаила Ивановича Ханенка къ Василию Васильевичу Полетикъ съ извѣстіемъ о возвращеніи рукописи „права и привилегій“ и съ просьбою беречь рукописи,
• собранныя его дѣдомъ и отцомъ.

Милостивый государь Василий Васильевичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо и готовъ былъ бы немедленно исполнить ваше требованіе о присылкѣ находящейся у меня вашей книги: *права и привилегій*, еслибы не находилъ къ этому препятствій. Книга ваша такой высокой важности для исторіи, всѣхъ насъ и въ особенности васъ, что я ее не имѣю права пересылать чрезъ какія бы то не было постороннія руки, кромѣ того еслибы вы кому поручили. Какъ и чѣмъ бы я могъ замѣнить ее утрату? Извините меня, — я такъ думаю и такъ свято чту вашу драгоцѣнность. Получивъ ваше письмо, я былъ готовъ самъ ѣхать и вручить ее вамъ лично, какъ нечаянное требованіе въ Черниговъ, на чрезвычайное собраніе, помѣшало мнѣ это исполнить. — Я ее беру съ собой, если васъ тамъ не встрѣчу и возвратившись не застану въ Юдиновѣ, то укажите мнѣ, куда ее переслать по почтѣ, это будетъ вѣрно и я ее отправляю казенной посылкой. Напишите мнѣ, когда вы будете въ Коровинцахъ, я думалъ самъ васъ посѣтить тамъ и порится (sic) въ вашей исторической Калифорніи.

Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть васъ, сколько я долженъ передать вамъ вѣстей и просьбъ и предложеній отъ Бодянскаго. Можетъ быть мы не увидимся, вы будете въ Кіевѣ, да и въ другихъ мѣстахъ встрѣтите людей, которые уже знаютъ о вашемъ кладѣ, черезъ меня; они, вѣроятно, будутъ просить васъ о вашихъ рукописяхъ; умоляю васъ всѣмъ святымъ вашей родины, не давать имъ никому и ничего, кромѣ *мѣтописи Велички* для Кіевского Археографическаго общества, которому она нужна и

принесетъ пользу общую. Я, руководясь Вашимъ позволеніемъ, вошелъ въ сношеніе съ Бодянскимъ, общалъ ему и онъ взялся быть разбирателемъ и обнародователемъ этой драгоценной старины нашей. Этотъ ученый выше всѣхъ много и несравненно; онъ трудится, терпитъ, страдаетъ для нашей родины и дѣлаетъ это съ величайшимъ самоотверженіемъ, въ высокой степени безъинтересно. Всѣхъ остальныхъ водятъ не тѣ чувства: самолюбіе или желаніе выработать на чужой щетъ копѣйку, а во главѣ ихъ стоитъ Погодинъ. Вѣрьте мнѣ, что я говорю это, сильно убѣдившись во всемъ и много любя нашу страну и ее исторію. Увѣренъ, что вы не измѣните вашихъ предположеній и тѣмъ достигните благой цѣли.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ и моему старому товарищу, ежели онъ съ вами.

Оъ отличномъ уваженіемъ и глубочайшимъ почтеніемъ, имѣю честь быть, милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Ханенко. 1850 г., 14 мая. Юхновъ. *(Съ подлинника)*.

III. Догадка объ авторѣ „Исторіи Русовъ“.

Изъ приведенныхъ писемъ мы видимъ, что за двадцатипятилѣтнее свое пребываніе въ Петербургѣ (1746—771), Гр. П-ка успѣлъ составить бібліотеку „изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ“ и что „она была одна лучшихъ въ російскомъ государствѣ бібліотекъ, а особливо что касается до собранія російскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то такового не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными російскими бібліотеками“ бібліотека Гр. П-ки „въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла....“. И когда это книжное богатство почти все погибло въ огнѣ, П-ка, какъ видно, началъ снова собирать книги и рукописи... Собираніе это онъ продолжалъ почти до самой смерти, какъ видно изъ письма къ нему архіеп. Георгія Ко-нисскаго. Послѣдній, какъ видимъ, посылаетъ Гр. П-кѣ, по его заказу, классическія старопольскія историческія сочине-

нія (Кадлубка, Длугоша, Пасторія, Сарницкаго, Орѣховскаго, Пясецкаго, Рудаускаго...). Собираеть эти послѣднія книги П-ка, интересуясь исторіей Малороссіи; такъ можно думать напр. потому, что въ 1781 г. онъ просить своего двоюроднаго брата Гр. Ив. Полетику, одного изъ чиновниковъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, достать ему книгу—*„Marcina Borzymowskiego, Nawigacya do Lubeka“*, напечатанную въ Люблинѣ въ 1662 г., объясняя, что въ этой книгѣ ему нужна только статья—о *rozszatkach kozaszyny*¹⁾.—Съ какою же цѣлью собиралъ Гр. П-ка подобнаго рода книги?—На этотъ вопросъ мы находимъ нѣкоторый отвѣтъ въ письмѣ Вас. Гр. П-ки къ гр. Румянцеву (№ IV),—гдѣ читаемъ: „собранныя съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни и на послѣдокъ мною, относятся по большей части до малороссійской исторіи, начертаніе которой было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ...“ Такимъ образомъ старшій сынъ Гр. П-ки, Василій (р. 1765 † 1845), которому отецъ завѣщалъ свою бібліотеку²⁾, свидѣтельствуемъ, что отецъ его писалъ исторію Малороссіи, которую онъ, сынъ, продолжаетъ. Рождается въ высшей степени любопытный вопросъ: гдѣ же эта оконченная или неоконченная исторія Малороссіи, которую началъ отецъ, умершій 1784 г., и продолжаетъ его сынъ еще и въ 1812 г.?—Никакихъ слѣдовъ этой исторіи въ прибрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ остаткахъ Полетикинскаго семейнаго архива мы не нашли³⁾. Извѣстно, что часть Полетикинскихъ бумагъ при-

¹⁾ Исполняя это порученіе Гр. А. П-ки Гр. Ив. П-ка пишетъ къ какому то гр. Ржевускому: „au cas, qu'on ne pourra pas trouver ce livre, m-r le comte de Rzewusky est prié d'avoir la bonté de s'informer si le même livre ne se trouve pas à Varsovie dans la bibliothèque du feu comte de Zalusky et dans le cas qu'il s'y trouve, d'en faire faire un extrait du chapitre qui traite: o „rozszatkach kozaszyny“.

²⁾ „Какъ старшій сынъ мой Василій Полетика до сего времени оказываетъ къ наукамъ большую охоту... то бібліотека моя, вся состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, такожъ и всѣ письма и извѣстія подлинныя и копии, касающіяся до ученыхъ дѣлъ и исторіи, отказываются мною ему одному...“ Пунктъ 9-й изъ завѣщанія Гр. А. П-ки, написаннаго за нѣсколько дней до смерти.

³⁾ Сохранилась впрочемъ составленная Гр. А. П-кою „письма ученымъ и правнымъ дѣламъ“, въ которой между прочимъ значится: „№ 50. Оглавленія грамо-

обрѣтена была раньше М. О. Судьенкомъ¹⁾, который, какъ любитель мѣстной письменной старины, конечно пересмотрѣлъ эти бумаги и еслибы бы нашелъ въ нихъ историческія писанія Гр. А. П-ки, то конечно о томъ извѣстилъ бы хотя Бодянского, съ которымъ дѣлился своими открытіями въ письменной малорусской старинѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ— „Исторію Русовъ“, которой авторъ также неизвѣстенъ, какъ и авторъ написаннаго къ ней предисловія. Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, упоминается и Гр. А. П-ка:— „извѣстный ученостью и знатностью депутатъ шляхетства малороссійскаго г. Полетика, отправляясь по должности депутатства въ великую имперскую комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную исторію (т. е. исторію Малороссіи). Онъ относился о семъ къ *первоначальному учителю своему*, архіепископу бѣлорусскому Георгію Конискому... И сей то архіерей сообщилъ г. Полетикѣ лѣтопись или исторію сію (т. е. „Исторію Русовъ“).... Г. Полетика, сличивъ ее со многими другими лѣтописями малороссійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею, всегда ея держался въ справкахъ и сочиненіяхъ по комиссіи. И такъ исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется, должна быть достовѣрною....“ Какъ видимъ, автору этого предисловія извѣстны отношенія Гр. А. П-ки къ Георгію Конискому; онъ свидѣтельствуетъ, что послѣдній былъ учителемъ П-ки въ кіевской академіи²⁾, каковой фактъ могъ знать только человѣкъ близко знавшій Гр. П-ку. Но главное, авторъ предисловія утверждаетъ, что „Исторія Русовъ“ была хорошо извѣстна Гр. П-кѣ, была имъ одобрена, послѣ предварительнаго де сличенія съ подобными этой исторіи

тамъ, статьямъ, письмамъ и прочимъ сочиненіямъ до малороссійской исторіи принадлежащимъ и № 110. Письма до разныхъ (лицъ?) къ малороссійской исторіи принадлежащія“.

¹⁾ М. О. Судьенко купилъ Полетичинскія рукописи у внука Гр. А. П-ки, Василя В-ча, при посредствѣ М. И. Ханенка, и заплатилъ 2000 р. (Сообщено А. И. Ханенкомъ).

²⁾ Гр. П-ка окончилъ кіевскую академію въ 1746 г., а Конисскій, по свидѣтельству Аскоченскаго (Кіевъ и проч. II, 119), сталъ тамъ учителемъ пѣтики съ 1745 г.

сочиненіями, которыя тутъ же называются лѣтописями малоросійскими... Но намъ теперъ извѣстны, должно быть, всё эти лѣтописи и мы можемъ утвердительно сказать, что никакихъ такихъ лѣтописей, которыя похожи были бы въ литературномъ отношеніи на „Исторію Русовъ“ не было, да и не могло быть, почему не могло быть и никакого съ ними сличенія... Авторъ предисловія что то знаетъ о происхожденіи „Исторіи Русовъ“, но рассказываетъ небылицу, что будто эта „исторія“ „ведена была съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искусными людьми“ и проч. Авторъ предисловія настолько, повидимому, былъ знакомъ съ малоросійскимъ лѣтописаніемъ, что, говоря о написаніи „Исторіи Русовъ“ въ могилевскомъ монастырѣ, просто кого то морочить... Кому же нужно было это мороченье?—Только тому, кто зналъ имя дѣйствительнаго автора „Исторіи Русовъ“ и кому почему то нужно было закрыть слѣды къ имени ¹⁾.... Не оставили никакихъ слѣдовъ объ имени автора и тѣ обстоятельства, при которыхъ въ первый разъ была найдена рукопись „Исторіи Русовъ“ ²⁾. Приходится догадываться.... Такая догадка заключается и въ вопросѣ, который мы здѣсь ставимъ: почему авторомъ этой анонимной „Исторіи“ не могъ быть Гр. А. П-ка и почему предисловія къ ней не могъ написать сынъ его

¹⁾ Ср. у Максимовича. Соч. I, 306.

²⁾ По разсказу А. И. Ханенка, слышанному нами отъ него на дняхъ, въ первый разъ рукопись „Исторіи Русовъ“ найдена была около 1828 г., въ библиотекѣ м. Гринева (старод. у.) при описи гриневского имущества, когда оно переходило отъ кн. Лобанова-Ростовскаго (получившаго Гринева въ приданое отъ гр. И. А. Безбородко) къ кн. Голицыну; нашли рукопись описывавшіе гриневскую движимость два члена одного изъ стародубскихъ судовъ (Ст. Лайкевичъ и Ал. Гамалѣя), которые эту рукопись показали стародубскому помѣщику Ст. Мих. Шираву (тогдашнему губ. предводителю); послѣдній, снявъ съ этого списка копию, оригиналъ затѣмъ вернулъ въ гриневскую бібліотеку. Съ копій Ширавъ снимали для себя копій и нѣкоторые стародубскіе помѣщики; одну изъ первыхъ копій снялъ Ян. Павл. Полетика (родной внукъ Гр. А. П-ки), а съ этой копій снялъ копию для себя и А. И. Ханенко, отославшій потомъ свой списокъ Бодянскому, когда тотъ задумалъ напечатать „Исторію Русовъ“. Какъ извѣстно, Ширавъ послалъ копию „Исторіи Русовъ“ и Вантшъ-Каменскому, но, какъ говоритъ послѣдній, этотъ списокъ означивался только 1708-мъ годомъ. По свидѣтельству А. И. Ханенка, у Ширавъ былъ полный списокъ „Исторіи“ и посланка его Вант.-Кам.—у въ неполномъ видѣ должна быть объяснена какою нибудь случайностью.

Василій?—Давно извѣстенъ тотъ фактъ, что авторъ „Исторіи Русовъ“ былъ „горячій украинскій патріотъ“¹⁾. Такимъ „горячимъ украинскимъ патріотомъ“ былъ и Гр. А. П-ка, по свидѣтельству людей близко къ нему стоявшихъ и хорошо его знавшихъ. Въ этомъ отношеніи очень интересно письмо къ Гр. А. П-вѣ, писанное къ нему въ августѣ 1781 г. генераломъ Андреемъ Милорадовичемъ, однимъ изъ довѣренныхъ лицъ гр. П. А. Румянцева, по представленію котораго Мил—чъ былъ, въ томъ же 1781 г., назначенъ правителемъ вновь открытаго черниговскаго намѣстничества. Письмо Мил—ча настолько интересно, что мы приведемъ его здѣсь полностью: „М. Г. мой Григ. Андр.! Требованіе ваше исполнено. Братца вашего и моего истиннаго пріятеля Григорія Ивановича родственники всѣ какими чинами по запискѣ были означены, такъ и произведены. Если не въ трудъ вамъ, покорно прошу сообщить ко мнѣ—каково положеніе во всемъ собраніемъ въ Глуховѣ знатнѣйшаго шляхетства здѣлано?²⁾ И по секрету приложить перваго изъ нихъ съ вами прымырившагося (?) вашего начертанія привѣтствіе. Я злоупотребленія нималаго не учиню, будте увѣрены. Пребывающій съ непреложнымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашимъ, милостиваго государя моего, вѣрнопокорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ. Ч. 13 авгус. 781 Вышенки“.

P. S. Посланъ сего податель г-нъ Хорошкевичъ по нѣкоторому дѣлу въ Глуховъ есть изъ вѣрныхъ для меня, можете съ нимъ писать ко мнѣ откровенно, хотя у насъ никакихъ секретовъ нѣтъ. А вы держитесь однакожъ моихъ совѣтовъ—не подавать безумнымъ мечя: *фамилія ваша, имѣніе, немолодые лѣта*³⁾ да будутъ смягченіемъ патріотической горячности иногда не въ попадь. Вы не думайте, чтобъ въ Глуховѣ съ вами равно соображали. Не всему вѣру емлите, чтобъ къ искушенію не

¹⁾ См. живую характеристику автора „Исторіи Русовъ“ въ статьѣ—„Въ защиту неизвѣстнаго покойника“, напечат. въ газ. *Порядокъ* 1881 г. № 128. Статья эта заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ возраженіе противъ отзыва Костомарова объ этомъ „неизвѣстномъ покойникѣ“. Отзывъ Костомарова былъ напечатанъ въ той же газетѣ *Порядокъ*, № 97.

²⁾ Мы не знаемъ—о какомъ „собраніи знатн. шляхетства“ здѣсь говорится.

³⁾ Слова эти подчеркнуты Милорадовичемъ.

послужило. Оставимъ дѣла судьбою своею влекомые. Раздерите сіе письмо ничего незначащее“.

Это любопытное письмо, въ которомъ многое остается непонятнымъ, представляетъ однакоже несомнѣнное свидѣтельство, что Гр. А. П-ка отличался тою „патріотическою горячностью“, слѣды которой можно видѣть и въ „Исторіи Русовъ“....

„Косвенныя улики“, по которымъ автора „Исторіи Русовъ“ можно подозрѣвать въ Гр. А. П-кѣ, повидимому, есть... Къ числу этого рода уликъ можетъ быть отнесено и то любопытное переименованіе факта, которое видимъ въ „Исторіи Русовъ“ относительно конца гетманства Многогрѣшнаго. Какъ записано *во вѣсѣхъ* малороссійскихъ лѣтописяхъ, большихъ и малыхъ, гетманъ Многогрѣшный въ 1672 г., въ великій постъ, былъ арестованъ своею же старшиною, въ Батуринѣ, за измѣну, и отвезенъ въ Москву, откуда былъ сосланъ затѣмъ въ Сибирь... Этотъ арестъ Многогрѣшнаго своими же, въ гетманскомъ домѣ, и особенно участіе въ этомъ арестѣ генер. писаря Карпа Мокріевича—былъ фактомъ до такой степени громкимъ въ исторіи гетманщины XVII в., что никакой ошибки въ рассказѣ объ этомъ событіи въ малороссійскихъ исторіяхъ быть не могло. А между тѣмъ въ „Исторіи Русовъ“ мы читаемъ вотъ что: „въ 1672 г., февраля 7-го дня, гетманъ Многогрѣшный *отъ ранъ своихъ умеръ и съ великими почестями, военными и церковными, въ Батуринѣ погребенъ*. Всѣ чины и народъ съ чистосердечнымъ сокрушеніемъ оплакивали сего достойнаго ихъ начальника. Онъ, при всей своей нарочитой кротости, былъ хорошій вождь въ войскѣ, отличный политикъ и справедливый судія въ правленіи. Послѣ Зиновія Хмельницкаго одному ему приписать можно превосходныя качества“... Кому нужно было и ради какого интереса—выдумывать этотъ явно ложный панегирикъ?—Недавно умершій Карповъ, указывая на приведенное мѣсто изъ „Исторіи Русовъ“, видитъ въ немъ—„замѣчательнѣйшее незнаніе автора ея событій и склонность его постоянно рассказывать нелѣпости, но съ извѣстнымъ неприличнымъ оттѣнкомъ“...¹⁾ Но здѣсь нѣтъ *незна-*

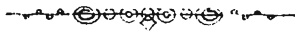
¹⁾ Карповъ. Критическій обзоръ разработки главн. русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. (М. 1870), стр. 117.

ня событій, потому что рѣчь идетъ о событіи ужъ очень извѣстномъ... Нѣтъ здѣсь и „наклонности постоянно разсказывать нелѣпости“, какъ думалъ предубѣжденный критикъ. Въ описаніи небывалыхъ похоронъ Многогрѣшнаго въ Батуринѣ мы видимъ намѣренно выдуманный фактъ... Кѣмъ же?—Можетъ быть, позднѣйшимъ родичемъ одного изъ зятей гетмана Многогрѣшнаго¹⁾, которому та или другая тенденція могла подсказать желаніе обѣлить въ потомствѣ тестя того седневскаго Полетики, отъ котораго предки Гр. А. П—ви ожидали великихъ и богатыхъ милостей.—Конечно, это предположеніе составляетъ не болѣе какъ одну нашу догадку, могущую тоже быть „косвенною уликою“, что „Исторія Русовъ“ первоначально вышла изъ подъ пера Гр. А. Полетики, а потомъ, можетъ, была дополняема и сыномъ его Василиемъ....

Подтвердятся ли наши „косвенныя улики“—„прямыми“ или будутъ вовсе отвергнуты, Гр. А. П-ка все таки останется однимъ изъ замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей к. XVIII в., заслуживающимъ сохраненія его портрета. Послѣдній здѣсь и прилагается, снятый съ писаннаго масляными красками оригинала, который прежде находился въ числѣ семейныхъ портретовъ Полетикъ въ с. Коровинцахъ, а нынѣ принадлежитъ намъ.

29 марта 1891 г.

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ Двѣ дочери Многогрѣшнаго были замужемъ: одна за Полетикою, а другая за лубецк. полковникомъ Нестеренкомъ. Акты ю.-з. Россіи, IX, 828.—Хотя Гр. А. П-ка въ своемъ „родословіи“ и называетъ тестемъ седневскаго Полетики—Перевязку, но мы думаемъ, что авторъ „родословія“ только боялся расхотѣться съ найденными имъ въ генер. слѣдствіи фактами, а въ дѣйствительности зналъ, по общему семейному преданію, такой крупный въ исторіи рода фактъ, какъ свойство съ Полетиками гетмана Многогрѣшнаго..

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).¹⁾

V.

Житомиръ.—Выборы.—Житомирская округа и ея жители.—Лошади.—Объ умственномъ движеніи и матеріальныхъ улучшеніяхъ въ житомирской округѣ.—О сословіяхъ, входящихъ въ составъ мѣстнаго общества.

Мнѣ было лѣтъ 17, когда подошло время дворянскихъ выборовъ въ волынской губерніи, къ которой тогда принадлежалъ Бердичевъ со своею округой. Я былъ еще несовершеннолѣтнимъ, такъ какъ по закону только 18-лѣтній дворянинъ получалъ право голоса, а 24-лѣтній—право быть избираемымъ и занимать выборныя должности, но мать моя хотѣла, чтобы я познакомился съ дворянами и вошелъ въ ихъ кругъ. Я поѣхалъ на выборы съ моимъ младшимъ дядей Іосифомъ Гленбоцкимъ. Я былъ принятъ какъ дворянинъ, имѣющій право подавать голосъ, можетъ быть, благодаря стараніямъ моихъ дядей или пріятелей моего покойнаго отца. Мы съ дядей заняли половину каменнаго дома, а другую половину занималъ Михаилъ Чацкій, который былъ выбранъ волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Прислуги у насъ было много, жили шумно, потому что такъ хотѣла моя мать. Мы держали открытый столъ для всѣхъ помѣщиковъ, множество экипажей, верховыхъ лошадей... Я приобрѣлъ значеніе и сразу привлекъ къ себѣ сердца помѣщиковъ.

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1891 г., № 3.

Выборы происходили каждые три года. Выборными были слѣдующія должностныя лица: губернской предводитель дворянства („маршалокъ“), первый сановникъ, глава дворянства; председатели перваго и втораго департаментовъ, въ первомъ разбирались уголовныя дѣла и председателемъ его выбирали человекъ богатого, со значеніемъ и вѣсомъ у правительства, чаще всего какого нибудь магната; во второмъ председателемъ избирался человекъ разумный и добросовѣстный, знающій законы и указы, пользующійся уваженіемъ среди дворянства, хотя бы даже и небогатый; затѣмъ шли уѣздные предводители 12 уѣздовъ, составлявшихъ тогда волынскую губернію; далѣе, уѣздные подкоморіи,—должность болѣе почетная, чѣмъ сопряженная съ обязанностями и работой; депутаты двухъ департаментовъ; уѣздные хорунжіе, замѣстители предводителей,—они должны были постоянно быть въ движеніи, въ разъѣздахъ, и потому на эту должность выбирали болѣе молодыхъ и богатыхъ; уѣздные судьи, подсудки, кромѣ того въ каждомъ уѣздѣ выбирался еще писарь изъ людей, владѣющихъ перомъ, дѣльныхъ, не гулякъ и т. д. Всѣ эти должностныя лица жалованья не получали. Движимые дворянскими чувствами, они жертвовали охотно своимъ имуществомъ на пользу дворянства.

Должности исправниковъ и засѣдателей или ассесоровъ были тогда выборныя и платныя; потомъ ихъ стали замѣщать по назначенію отъ правительства, и исправники и засѣдатели стали такими же коронными чиновниками, какъ и многіе другіе чиновники, назначаемые правительствомъ.

Дворянскій домъ или залъ для выборовъ представлялъ огромное каменное зданіе, находившееся въ полномъ распоряженіи дворянства. Голосованіе происходило иногда въ большомъ порядкѣ, вполне пристойно, а иногда съ шумомъ и крикомъ. Дворянство было похоже на молоко, поставленное на огонь: прекрасно кипятится—любо смотрѣть, вдругъ начинаетъ пѣниться и все выливается изъ кастрюли.

При выборахъ въ губернскія должности важную роль играли овручане; въ этомъ уѣздѣ имѣющихъ право голоса дворянъ было болѣе четырехсотъ. Житомирцы были богаче и очень

горды,—не давали большим панамъ командовать собою, но отличались рознью и самолюбіемъ. Овручане были бѣдны, но многочисленны, многіе изъ нихъ не имѣли ни одной ревизской души, но голосовали, какъ имѣющіе 25 душъ, записанныхъ за ними болѣе богатыми, такъ какъ нужно было владѣть 25 душами, чтобы имѣть право голоса. Такіе меценаты брали овручанъ въ свою свиту и распоряжались ихъ голосами на выборахъ.

Однимъ изъ меценатовъ этого рода былъ генераль Корженевскій; онъ владѣлъ частью Житомира, называвшейся Коденкой. Тамъ были домики, какъ бы нарочно построенные для выборной агитаціи. Жилище было обширное, удобное, съ огородами, садами, огороженное кругомъ, точно островъ. Туда привозили овручанъ въ крытыхъ еврейскихъ бричкахъ, и панъ Корженевскій, бывшій предводитель овручскій, давалъ у себя пріютъ братьямъ-шляхтичамъ овручанамъ. Паны Третьяки, Ружанскій, Барановскій привозили овручскую шляхту, поселялись съ нею въ огороженныхъ дворахъ, жили тамъ и заботились, чтобы шляхта не имѣла никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, пока не окончатся губернскіе выборы.

По избраніи губернскихъ должностныхъ лицъ, выпускали овручанъ на волю и они наполняли кофейни и шляхетскіе кабаки. Тогда нельзя было становиться имъ поперекъ дороги.

Житомирцы дѣлились на двѣ партіи: шляхта, сблизившаяся съ овручанами, сторонники равенства, хоть, можетъ быть, они и не знали, что это демократизмъ; другая партія считалась аристократическою.

Выпущенные на волю овручане, вмѣстѣ съ житомирцами, вносили въ шляхту другихъ уѣздовъ жизнь и разгулъ, потому что тогда этимъ отличались названные уѣзды. Шумѣли, кричали на выборахъ, но дракъ не было.

Удивительно, что хотя Житомиръ былъ только губернскимъ городомъ, а Кіевъ былъ главнымъ городомъ трехъ губерній, имѣлъ университетъ (?), множество памятниковъ, дорогихъ славянскому сердцу, отличался такимъ дивнымъ мѣстоположеніемъ, что во многихъ отношеніяхъ не уступалъ Стамбулу, польской шляхтѣ

тамъ было не по себѣ, тогда какъ въ дрянномъ Бердичевѣ, въ грязи, среди евреевъ, царилъ свобода и разгулъ, шляхта чувствовала себя какъ дома и предавалась полетамъ высокой фантазіи. По крайней мѣрѣ до 1831 года, только здѣсь братались поляки съ русскими, была какая то взаимная откровенность, безъ заднихъ мыслей, стремленій, предположеній и комбинацій. Политическіе разговоры велись по славянски и о славянствѣ. Большую помощь въ этомъ дѣлѣ оказывало постоянное пребываніе въ Бердичевѣ кавалерійской дивизіи, офицеры которой были людьми хорошо выдержанными, хорошо воспитанными и сходными по своей широкой натурѣ съ польской шляхтой. Польская молодежь поступала въ русскіе полки, браталась съ русскими, и смѣло можно сказать, что, можетъ быть, во всей Польшѣ только одна бердичевская шляхта знала, что такое славянство, и имѣла къ нему тяготѣніе. Бердичевскіе поляки видѣли на ярмаркахъ Александра Карагеоргіевича, сына сербскаго богатыря, а позднѣе князя этого разумнаго славянскаго народа, а вмѣстѣ съ нимъ Янковича, Менадовича и другихъ сербовъ, бѣжавшихъ тогда изъ своего отечества; видѣли они также болгаръ—Априлева и Палаузова—и черногорцевъ. Съ ними знакомились и потомъ дѣлали охотничьи экскурсіи въ Новую Сербію, гдѣ было мѣстопребываніе этихъ выходцевъ; знали, гдѣ они живутъ и какъ они живутъ; знали, что есть выходцы—запорожцы, вооруженные рыцари за Дунаемъ, что есть некрасовцы. Шляхта узнавала изъ этихъ живыхъ книгъ славянства о томъ, что и не снилось ни великополянамъ, ни слѣпымъ мазурамъ, ни краковьянамъ, ни даже галичанамъ. Великополяне, мудрые философы, знали и разсуждали о великихъ оботритахъ, объ онѣмечившихся славянахъ и сами по немногу нѣмечились, потому что это былъ западъ и цивилизація: Кантъ, Гегель, Шлегель... Для краковянъ и мазуровъ славяне были схизматиками, погибшими душами. Галичане знали тогда славаковъ, которые продавали порошокъ для истребленія блохъ, слышали о Ганкѣ и Шафарикѣ, но все повторяли: мадьяры—„братанки и до шабли, и до чарей“—все за насъ знаютъ и сдѣлаютъ. У насъ было иначе: мы читали сочиненія,

выходившія въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ уже занимались основательно славянствомъ. Этого не могло быть подъ властью нѣмецкихъ монарховъ, которые старались убѣдить, что „slavi sunt sclavi“ (славяне—рабы), что римляне пользовались славянами какъ гладіаторами, а германцы какъ конюхами, что рассказы о царяхъ сербскихъ, о короляхъ боснійскихъ, а также о болгарскихъ—все это мифы. Это незнакомство со славянами, это слабое пониманіе сущности славянства было, есть и еще долго будетъ великимъ зломъ для поляковъ.

Польское общество не завязало никакихъ сношеній съ русскимъ обществомъ главнымъ образомъ потому, что всѣ высшіе чиновники въ то время были или поляки, или курляндцы. Губернаторомъ послѣ генерала Гижицкаго, человѣка вздорнаго и нелюбимаго шляхтой за свое грубое обхожденіе, былъ назначенъ Анджейковичъ, литовецъ, человѣкъ радушный, хорошо воспитанный.

Русскіе чиновники были большею частью изъ малороссовъ, которые предпочитали жизнь въ домашнемъ кругу жизни общественной. Малороссы народъ трудолюбивый, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, не гуляки, не пьяницы, не требуютъ большихъ денегъ и не копятъ ихъ, но стремятся къ домашней жизни, любятъ семью, соловья, цвѣты...

По селамъ помѣщичье житье было лужное, пышное и архи-цивилизованное; почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была библіотека довольно обширная и хорошо подобранная изъ книгъ на различныхъ языкахъ, вездѣ выписывали газеты виленскія, варшавскія, а во многихъ мѣстахъ французскія; умственное движеніе было большое. Въ то время существовало два кружка: литературный и философскій. Что касается литературы, то вся молодежь и женщины были за романтическую литературу. Адамъ Мицкевичъ, Байронъ, Пушкинъ были кумирами этого кружка. Другой кружокъ, состоявшій изъ стариковъ и упрямецъ, единственной цѣлью которыхъ было показать, что они имѣютъ свое мнѣніе, стоялъ за классицизмъ, и Людвигъ Осинскій былъ ихъ учителемъ. У нихъ на всѣ разсужденія, на всѣ просьбы послушать былъ только одинъ отвѣтъ: брали

книжку Мицкевича, какъ дѣлалъ это Осинскій, раскрывали и громко читали: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie!“, закрывали книжку, говорили: „должно быть будетъ глупо“ (głupie będzie), и клали ее на столъ. Изъ за этого дѣло доходило до бурныхъ споровъ, даже до поединковъ; но, къ счастью, сторонниковъ классицизма было мало и ода къ молодости, повторяемая и превозносимая всѣми, добила классицизмъ.

Въ философіи были сторонники Канта и сторонники Яна Снядецкаго, но послѣдніе, благодаря національному чувству и здравому смыслу, хотя и не всегда присущимъ полякамъ въ точныхъ наукахъ и въ политикѣ, взяли верхъ надъ сторонниками нѣмецкой философіи, которой не понимали даже ея поклонники. Янъ и Андрей Снядецкіе считались величайшими мужами науки въ Польшѣ.

Этотъ бѣглый обзоръ далекаго прошлаго показываетъ всеобщее умственное движеніе въ юго-западной Россіи.

Не встрѣчалось болѣе или менѣе значительной деревни, гдѣ не было бы уютнаго и красиваго помѣщичьяго домика; даже въ маленькихъ деревушкахъ, которыя сдавались въ аренду или гдѣ жили экономы, были опрятные и благоустроенные домики; хозяйственные постройки соответствовали домомъ; особеннымъ великолѣпіемъ отличались конюшни. Крестьянскія хаты, особенно въ окрестностяхъ Бердичева, были очень опрятны; тамъ было множество садовъ и обиліе воды. Среди степи эти села казались рощами; народъ былъ зажиточный, бойкій, необыкновенно смышленный, привязанный къ добрымъ и справедливымъ панамъ; козацкій духъ сохранился здѣсь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Украинѣ.

Каковы были люди, таковы и кони. Въ то время какъ Вацлавъ Ржевускій холилъ арабовъ изъ пустыни на паркетахъ савранской конюшни, въ то время какъ князья Сангушки скрещивали арабскую, англійскую и польскую породы, чтобы имѣть лошадей въ родѣ англійскихъ, президентъ Ивановскій напелъ, такъ сказать откопалъ породу тѣхъ старинныхъ польскихъ коней, *джаметовъ*, на предкахъ которыхъ гусары и панцырники разносили въ теченіи вѣковъ рыцарскую славу Польши,

потому что эти кони походили на того коня, верхомъ на которомъ изображень Янъ III въ Варшавѣ. У Иеронима Сабанскаго были огромныя табуны лошадей, которыхъ звали нѣкогда *елонками*, употреблявшихся подѣ легкія хоругви копейниковъ—уланъ и козаковъ; небольшія, подвижныя, быстрыя, выносливыя, какъ лошади арабовъ пустыни. По примѣру этихъ двухъ помѣщиковъ, вся бердичевская округа стала разводить лошадей, не для бѣговъ, а для ѣзды, и скорѣе подѣ верхъ, чѣмъ для упряжки. Эти лошади очень цѣнились и за нихъ дорого платили. Въ польскомъ войскѣ и въ русской гвардіи въ Петербургѣ лучшія офицерскія и унтеръ-офицерскія лошади были изъ окрестностей Бердичева.

По поводу лошадей расскажу одинъ забавный случай.

У президента Ивановскаго была дочь, очень красивая, хорошо воспитанная и съ большимъ приданымъ. Претенденты на ея руку съѣхались со всѣхъ концовъ Польши. Однажды явилось ихъ двое: графъ К. изъ Познани и графъ Ск. изъ Галичины, оба были люди молодые, свѣтскіе. При видѣ образцоваго украинскаго хозяйства Ивановскаго, они начали говорить объ улучшенномъ нѣмецкомъ. Не замѣтивъ у президента ни одной овцы, ни одного барана, они стали цифрами доказывать, что мериносы обогащаютъ край, а лошади доводятъ его до нищеты, и что слѣдуетъ завести мериносовъ вмѣсто табуновъ лошадей, которыхъ у президента было множество.

Ивановскій, бывший тогда уже семидесятилѣтнимъ старцемъ, слушалъ пораженный и, наконецъ, вскочилъ.

— Вы, панове, поляки?

И когда тѣ отвѣчали утвердительно, покраснѣлъ такъ, что даже паръ съ лысины пошелъ.

— А на чемъ вы будете выгонять нѣмцевъ изъ польской земли? Можетъ быть на баранахъ? Фи, стыдитесь, панове, вы какіе то пастухи! Поѣзжайте себѣ съ Богомъ, здѣсь для васъ нѣтъ мѣста!

Выпроводилъ изъ дому графовъ и выдалъ дочь за подольскаго шляхтича—домосѣда, но владѣвшаго табунами прекрасныхъ польскихъ лошадей.

Президента Ивановскаго одобряли и брали съ него примѣръ во всей бердичевской округѣ: разводили лошадей, чтобы выгнать нѣмцевъ изъ славянскихъ земель. Можетъ быть, это когда нибудь и случится. Дай Боже!

Я былъ помѣщикомъ, и признаюсь, былъ очень счастливъ. Я любилъ свою мать и былъ любимъ ею; въ семьѣ нашей господствовала сердечность и непринужденное доброжелательство, выражавшееся въ стараніи сдѣлать пріятное другъ другу. Больше всего я любилъ охоту, собакъ и лошадей. Въ Гальчинцѣ, гдѣ я родился и жилъ, собиралась окрестная молодежь; у насъ была бібліотека, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ очень цѣнныхъ сочиненій и многихъ рукописей; она была открыта для моихъ пріятелей и товарищей моихъ забавъ.

Охотились, забавлялись, подчасъ танцевали, но болѣе всего читали и разсуждали. Смѣло могу сказать, что, ставши съ Яномъ Омединскимъ во главѣ этой молодежи,—онъ вслѣдствіе своихъ знаній и уваженія, которое къ нему имѣли, такъ какъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше меня, а я вслѣдствіе моего значительнаго состоянія и доброжелательства,—мы внушили этой молодежи интересъ къ знанію, къ мѣстнымъ дѣламъ и преданіямъ, и къ жизни истинно шляхетской, къ саблѣ, перу,—словомъ, ко всему достойному. Въ это время наше общество дѣлилось въ политическомъ и соціальномъ отношеніи слѣдующимъ образомъ:

· Богатые паны, владѣвшіе нѣсколькими, а то и нѣсколькими десятками селъ и даже мѣстечекъ, стариннаго шляхетскаго рода, владѣльцы тѣхъ же имѣній, которыя принадлежали ихъ отцамъ и праотцамъ. Это было первое условіе такъ называемаго въ другихъ мѣстахъ магнатства. У насъ ихъ звали свояками (koligatami). Они стояли во главѣ этой привилегированной шляхты по рожденію. Въ нее вступали люди извѣстные въ наукѣ, писатели ученые и уважаемые, люди, занимающіе высокія дворянскія должности, имѣющіе военные чины, особенно въ польскомъ войскѣ. Во время Наполеона I быть солдатомъ подъ командой генерала Домбровскаго, значило быть паномъ, хотя бы у него не было ни денегъ, ни имѣній, колигатомъ, желан-

нымъ въ обществѣ колигатовъ; такой человѣкъ могъ ни о чемъ не заботиться и жить себѣ спокойно.

Только въ бердичевской округѣ генерала Домбровскаго, творца польскихъ легионовъ, цѣнили далеко выше, чѣмъ кн. Иосифа Понятовскаго, гулящаго всадника изъ его отряда. Мазурка Домбровскаго была въ сердцахъ и на устахъ всѣхъ, кто носилъ польское имя. Славу и заслуги Домбровскаго превозносили натошакъ, а богатырскіе подвиги князя Иосифа на веселѣ или совсѣмъ пьяные. Люди, которые нажили имѣнія предпріятіями, торговлей или ремеслами, всегда считались выскочками.

Титулованные, графы, бароны пріобрѣвшіе эти титулы съ помощью денегъ или интригъ, не пользовались уваженіемъ между шляхтой. Даже если кто нибудь изъ лучшихъ семействъ пріобрѣталъ титулъ, то тотчасъ исключался изъ общества, а чаще всего становился посмѣшищемъ единственно потому, что былъ графомъ или барономъ; послѣднихъ больше всего было изъ евреевъ.

Панки или полупанки, владѣльцы мелкихъ деревень или частей деревень, арендаторы, высшіе оффиціалисты крупныхъ пановъ, казенныхъ и монастырскихъ имѣній, составляли особый классъ, пользовавшійся юридически тѣми же правами и привилегіями, что и первый, но въ обществѣ ихъ скорѣе терпѣли, чѣмъ принимали. Отсюда происходила нелюбовь и предубѣжденіе противъ демократіи. Демократы стремились во что бы то ни стало подорвать благосостояніе пановъ, а крестьянъ прижать еще сильнѣе. Тогда не существовало ни демократическихъ теорій, ни демократическихъ обществъ, но уже были поползновенія, которыя неизбѣжно породили нынѣшнюю польскую демократію. А ничего не было легче, какъ примирить пановъ съ панками и полупанками; требовалось только немного разума и много сердечности.

Чиншевая шляхта была бѣдна и забита, и потому упала духомъ и утратила шляхетскую гордость. Добрый панъ, который былъ матерью для крестьянъ, несмотря на всѣ свои достоинства, являлся мачихой для шляхты. Квартиры для

солдатъ, подводы для войскъ, казенныя повинности, все это долженъ былъ отбывать чиншевой шляхтичь.

Въ селахъ, которыя не были собственностью пановъ, а принадлежали чиншевой шляхтѣ, она пользовалась необузданной свободой. Настоящимъ паномъ тамъ былъ шинкаръ—еврей, умѣвшій обойтись со всѣми, и шляхтичи—собственники и ихъ жены ходили къ нему по очереди караулить и отбывать разные повинности, но, когда наступалъ срокъ заключенія условія или расплаты, сейчасъ парха-жида въ ухо и за пейсы... Били, били, а когда пропивали все, снова шли къ нему на работу.

Такая жизнь извращала умъ и дурно вліяла на чувство, а высокая фантазія и сознание своего достоинства направлялись на дурное, на процессы, драки... Не дай Богъ было жить въ сосѣдствѣ съ такимъ селомъ. Шляхта этой категоріи, исповѣдовавшая православіе, жила въ братскихъ отношеніяхъ съ крестьянами, вслѣдствіе единства вѣры и языка, но шляхтакатолическая была съ ними въ непріязненныхъ отношеніяхъ, и потому ее употребляли для экзекуцій за недоимки и неисполненіе приказаній. Это были самые тяжелые экзекуціонеры, потому что, помимо всего, угнетали еще православныхъ во имя религіи и римской церкви, видя въ нихъ схизматиковъ. Мѣщанство состояло изъ евреевъ, великороссовъ и украинцевъ. Великоросы и евреи занимались торговлей, съемкой садовъ, извозомъ; они были люди хозяйственные и зажиточные. Мѣщане—украинцы, представлявшіе нѣчто среднее между чиншевиками-шляхтичами и крестьянами. Владѣльцу они платили чиншъ втрое большій нежели шляхта, а сверхъ того казенныя подати и отбывали рекрутскую и другія повинности. Они напоминали коровъ, у которыхъ много хозяевъ. Ихъ доили до крови и выдоили всю высокую фантазію, потому что они не имѣли такой, какъ имѣла шляхта и крестьяне. Даже евреи свирѣпствовали надъ ними. Мѣщанство поставляло евреямъ наймитовъ и наймичекъ.

Вольные крестьяне почти всѣ жили въ лѣсахъ, въ качествѣ бунтиковъ, плотниковъ, рудокоповъ, чернорабочихъ при обработкѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Поселенія ихъ были очень многочисленны въ Гутахъ, Рудняхъ и пр. Это былъ народъ красивый, крѣп-

кій, трудолюбивый и бойкій, превосходные работники; были такіе, что зарабатывали до ста золотыхъ (sic) въ день шлифованьемъ и рѣзкой по стеклу, отливкой зеркалъ, обработкой желѣза и другими подобными трудами. Они не были прикрѣплены къ землѣ, не были также крѣпостными того или другого пана или казны, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, по выполненіи предписанныхъ обязанностей.

Однако паны и правительство стѣснили эти вольности или безначаліе, которое, можетъ быть, могло привести къ хорошимъ результатамъ, но скорѣе къ дурнымъ.

Въ слободахъ паны торговали всѣмъ, начиная съ дерева на постройку хатъ до уборовъ, жизненныхъ припасовъ, женскихъ украшеній, содержали шинки съ разными напитками, торговали даже дѣтскими игрушками. Всѣ эти товары были панскіе, а панъ былъ главнымъ и единственнымъ торговцемъ и отпускалъ все въ кредитъ безъ всякихъ затрудненій, записывая такіе долги въ шнуровыя книги, какъ капиталъ, на который присчитывается законный процентъ; въ тѣ же книги заносились и заработки, но уже безъ процентовъ. Въ концѣ года расчетъ. Капиталъ росъ долго, но я никогда не слыхалъ, чтобы заработокъ равнялся ему. Черезъ нѣсколько лѣтъ каждый вольный поселенецъ имѣетъ уже нѣсколько тысячъ долгу и утрачиваетъ свою свободу, пока не выплатитъ долга, а такъ какъ выплатить не можетъ, то попадаетъ въ такую же крѣпостную зависимость, какъ и ревизскіе крестьяне. Этотъ способъ лишенія человѣка вольности посредствомъ втягиванія въ долги, хотя кажется на первый взглядъ несправедливымъ, законенъ тамъ, гдѣ собственность является основой общества. Не совѣмъ безвыгодно это и для самихъ вольныхъ поселенцевъ, потому что принуждаетъ ихъ оставаться на мѣстѣ, а только камень, остающійся долго на мѣстѣ, обростаетъ... Съ другой стороны это устраняетъ коварную конкуренцію спекуляторовъ, вторые, основывая новыя фабрики, рассчитывали бы на барышъ волѣдствіе уничтоженія прежнихъ, приманивая къ себѣ рабочихъ обѣщаніями. Не такъ то удобно это дѣлать, когда нельзя имѣть этихъ рабочихъ иначе, какъ уплативъ готовыя деньги за ихъ

долговой капиталъ. Это средство, несмотря на то, что оно, по видимому, безнравственно, обеспечиваетъ существованіе фабрикъ, ихъ улучшение и разростаніе. Можетъ быть, эта система долгового капитала, улучшенная въ смыслѣ добросовѣстности и потребностей мѣста и времени, была бы наиболѣе подходящей при переходѣ изъ крѣпостного состоянія къ полному освобожденію, потому что служила бы преградой безначалію, дабы оно не перешло въ своеволіе, распущенность и, можетъ быть, преступленіе.

Если крѣпостные, ревизскія души, какъ было въ то время, имѣли пана добраго и хорошо понимающаго свои интересы, то положеніе ихъ было такъ хорошо, такъ благопріятно въ матеріальномъ отношеніи, какъ только можно было пожелать. Три дня въ недѣлю панщины, 12 дней въ годъ на починку дорогъ, плотинъ и мостовъ, 12 дней въ годъ *толки* и *даровизны* въ пользу владѣльца, все это не было очень отягчительно, подати было невелики. Панъ не допускалъ крестьянъ, какъ свою собственность, умирать съ голоду или жить въ нуждѣ, не допускалъ ихъ даже оставаться безъ заработка; всегда были готовы помощь, поощреніе, защита отъ всего худого; во многихъ мѣстахъ допускалось даже просвѣщеніе. Послѣ работы крестьянинъ могъ ложиться спать, не думая о завтрашнемъ днѣ, и въ случаяхъ нужды всегда могъ имѣть увѣренность: „панъ дастъ“.

У худого пана для крѣпостныхъ былъ адъ. Въ описываемое время былъ начатъ процессъ противъ пана Г. въ Кіевѣ и этотъ помѣщикъ былъ посаженъ въ тюрьму за жестокости надъ крестьянами. Онъ подвѣшивалъ женщинъ къ потолку за волосы и понемногу подрѣзывалъ косу бритвой, пока не оставалось такъ мало волосъ, что они не могли удержать тѣла; женщина обрывалась и на крючѣй оставался кусокъ кожи съ волосами. Другой помѣщикъ, панъ И. А. приказывалъ пахать, запрягши въ плугъ бабъ и дѣвокъ. Бѣдняжки падали, таща плугъ, а панскіе живодеры били батогами этихъ обращенныхъ волею панскою въ рабочій скотъ крестьянокъ. Панъ Б., гусарскій офицеръ, пригласилъ къ себѣ въ гости товарищей гусаровъ и велѣлъ

дворовымъ козакамъ и гусарамъ-вѣстовымъ собрать силой молодицъ и дѣвокъ для участія въ увеселеніяхъ. Они гуляли, пока мужья, братья и отцы этихъ несчастныхъ жертвъ разврата не привезли возовъ сухого сѣна и соломы, обложили ими домъ, какъ валомъ, и зажгли. Дворъ горѣлъ, а крестьяне стали съ ружьями, косами и топорами вокругъ, какъ духи-мстители. Ни одна живая душа не вышла со двора,—все сгорѣли вмѣстѣ. Крестьянъ сослали въ Сибирь, село опустѣло, а пожарище осталось, какъ напоминаніе о суровой карѣ. Видѣли мы и пановъ В. и Д., ставящихъ на карту и проигрывающихъ своихъ крѣпостныхъ,—женъ и дочерей одному, а мужей и отцовъ другому. Видѣли многихъ, продававшихъ ревизскія души, какъ рабочей скотъ, хуже собакъ, потому что дешевле. Высочайшіе указы запрещали продавать крестьянъ безъ земли, но не было запрета покупать землю безъ крестьянъ. Обыкновенно сегодня продавалась земля съ крестьянами, а завтра покупалась та же земля безъ крестьянъ, и крестьяне одни оставались у покупателя. Можно было дѣлать что угодно, но только осторожно, обойти законъ, обмануть законъ, потому что это было не наше. Не знаю, не было ли бы то же самое, если бы было наше.

Были добрые паны, но такихъ было мало; вообще стыдились выказывать доброту и человѣчность, потому что кто не приказывать дать полсотни горячихъ за сорванную грушу, тотъ не былъ хватомъ.

И такіе то люди стали впоследствии самыми ярыми демократами!

Такія отношенія между владѣльцами и крестьянами вселили взаимную ненависть въ тѣхъ и другихъ. Обвинять въ этомъ правительство и чиновниковъ нельзя, никто не могъ бы указать ни малѣйшаго ихъ дѣйствія, которое способствовало бы этому; напротивъ, отъ этого отечески предостерегали; притомъ и охраняли шляхту отъ оскорбленій и мести. Правительство предоставляло владѣльцамъ полную свободу заниматься улучшеніемъ быта своихъ крѣпостныхъ, даже поощряло это и награждало тѣхъ, которые отечески обхо-

дѣлились съ крестьянами, а чиновникамъ были даны строгія приказанія не вмѣшиваться въ отношенія между помѣщиками и крестьянами и, сказать правду, въ этомъ отношеніи мы не испытывали никакихъ стѣсненій или непріятностей со стороны чиновниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мистерія страстей Христовыхъ.

Въ числѣ рукописей, присланныхъ на археологическую и библиографическую выставку, устроенную въ 1888 году львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ къ празднику 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси, была, между прочимъ, одна рукопись, присланная изъ церковной библіотеки небольшого села Смеркова, львовскаго уѣзда, но недопущенная на выставку завѣдывавшимъ библиографическимъ отдѣломъ крилошаниномъ А. С. Петрушевичемъ потому, что въ ней-де нѣтъ ничего интереснаго. И дѣйствительно, все время выставки рукопись эта пролежала въ подвалѣ института, закупоренная, вмѣстѣ съ прочимъ непригоднымъ хламомъ, въ большой деревянный ящикъ. По окончаніи выставки сениоръ института, д-ръ Исидоръ Шараневичъ, счелъ нужнымъ еще разъ просмотрѣть весь этотъ хламъ, прежде чѣмъ возвратитъ всякую вещь по принадлежности. Пользуясь благосклоннымъ позволеніемъ этого почтеннаго ученаго, я имѣлъ возможность тоже взглянуть на этотъ „хламъ“ и среди него нашелъ рукопись, описаніе которой здѣсь прилагаю. Это дѣйствительно невзрачная тетрадь въ четверку обыкновенной писчей бумаги, въ древнемъ, рваномъ переплетѣ, состоящемъ изъ склеенныхъ вмѣстѣ нѣсколькихъ листовъ исписанной бумаги, очевидно, какихъ то школьныхъ упражненій въ чистописаніи. На корешкѣ наклеена бумажка съ надписью старымъ почеркомъ, сходнымъ съ тѣмъ, какимъ написана послѣдняя часть рукописи: „Начало церковнаго пѣснопѣнія, въ веси Смерковѣ, писано Anno

1670". Кто бы, однако, судя по этой надписи, думалъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ элементарной теоріей или руководствомъ церковнаго пѣнія, тотъ бы совершенно ошибся. Это „Начало церковнаго пѣнія“, или, какъ читаемъ на заглавномъ листѣ, „Начало вослѣдованіи церковнаго пѣнія и собранія вселѣтнаго по уставу святыхъ восточныхъ иерусалимскихъ церкви“ есть не болѣе, какъ церковный календарь съ присовокупленіемъ чиновъ богослужебныхъ, относящихся къ каждому празднику года или, такъ называемая, „пасхальная таблица.“ Въ нашей рукописи мы имѣемъ нѣсколько такихъ таблицъ, писанныхъ неодновременно. И такъ первая таблица, обнимающая весь годъ, начинающая съ марта мѣсяца, а кончая февралемъ, а кромѣ того, табличка нарочитыхъ праздниковъ и „кругъ солнцу на 28 лѣтъ“, помѣщаются на 16 страницахъ. На заглавной страницѣ внизу мы находимъ замѣтку: „*Нача здатыся року 1607, мѣсяца октоврря, дня 5, в повить лвовскомъ в селъ Смерековъ. Захарко.*“ Слѣдуетъ на 10 страницахъ другимъ, болѣе позднимъ почеркомъ расписаніе круга луны на нѣсколько лѣтъ, послѣ чего на 38 страницахъ слѣдуетъ вторая таблица пасхальная на весь годъ, съ присовокупленіемъ многихъ замысловатыхъ „круговъ“, служащихъ для высчитыванія времени праздниковъ и т. п., и объясненіе, какъ пользоваться этими кругами. Таблица эта, въ главномъ совершенно сходная съ первой, имѣетъ тоже особое заглавіе: „Вослѣдованіе церковна пѣнія и собранія вселѣтнаго по уставу святыхъ восточныхъ Іерусалимскія церкви“. Внизу этой страницы читаемъ: „*Р. Б. 1655 мѣсяць Іюнь, д. 20.*“ Если бы смерековская рукопись не заключала въ себѣ ничего болѣе, кромѣ этихъ таблицъ, то мнѣніе крил. Петрушевича объ ея неинтересности можно бы было назвать справедливымъ. Но остальные 24 страницы этой рукописи, писанныя скорописью, нѣсколько болѣе позднимъ почеркомъ, дѣлаютъ эту рукопись одной изъ самыхъ интересныхъ, какія только встрѣчались намъ на выставкѣ. На этихъ страницахъ, какъ-то не впадѣ переплетенныхъ, такъ что начальные листы отошли на бонецъ, мы находимъ полный и очень исправный списокъ одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ драматическаго искусства въ южной Руси,

мистерію о страстяхъ Христовыхъ, носящую въ рукописи латинское заглавіе „*Dialogus de passione Christi*“.

Я не буду рассказывать здѣсь о томъ, какъ начались въ южной Руси драматическія представленія: это извѣстно русскимъ читателямъ изъ работъ по этому вопросу А. Н. Веселовскаго, Н. И. Петрова, П. О. Морозова и др. Скажу только, что изъ довольно (какъ должно полагать) обширнаго репертуара мистерій и *moralité* XVII стол. сохранилась только одна п. з. „Дѣйствіе на страсти Христовы списанная“ въ единственной рукописи кievской духовной академіи. Н. И. Петровъ полагаетъ, что мистерія эта (скорѣй *moralité*, такъ какъ въ ней главнымъ образомъ дѣйствуютъ фигуры аллегорическія, а не лица, взятые изъ священнаго писанія) написана между 1670 и 1686 годами¹⁾. Но основанія, на какія ссылается г. Петровъ при установленіи этой даты, не препятствуютъ отнести время написанія „Дѣйствія“ къ болѣе раннему времени, а именно къ эпохѣ войнъ Хмельницкаго 1648—1654. Такъ или иначе, нашъ „*Dialogus*“, если и не самый древній, то во всякомъ случаѣ, одинъ изъ древнихъ памятниковъ драматической южнорусской литературы чисто церковнаго содержанія (оставляя въ сторонѣ гораздо болѣе раннія интермедіи Гаваттовича), сохранившійся вполнѣ до нашихъ дней.

„*Dialogus*“ этотъ состоитъ изъ пролога, писаннаго на польскомъ языкѣ и заключающаго въ себѣ сценарій драмы, и пяти сценъ, изъ коихъ три первыя можно считать мистеріей, двѣ же послѣднія переходятъ въ родъ *moralité*. Собственно всю драму гораздо лучше было бы назвать драмой „страстей Маріи“, такъ какъ опасенія, тревоги и отчаяніе Матери Иисусовой составляютъ главный сюжетъ драматическаго дѣйствія. Дѣйствіе это, несмотря на всю наивность концепціи, обозначено довольно рельефно, очерчено рядомъ сценъ, постепенно усиливающихъ эффектъ. Вообще, ежели сравнить нашъ „*Dialogus*“ съ содержаніемъ „Дѣйствія“, изложеннымъ у г. Петрова, нельзя не при-

¹⁾ Н. И. Петровъ, „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка“, стр. 31.

знать, что „Dialogus“ стоитъ гораздо выше, какъ произведеніе литературное. Нѣкоторыя мѣста его, какъ наприм. „ляментъ Маріи“ (стихи 293—320), поражаютъ даже современнаго читателя поэтической силой. Такой же поэтической силы и апострофа церкви къ Христу (ст. 515—536). Когда и кѣмъ написанъ „Dialogus“, объ этомъ мы не можемъ ничего положительнаго сказать. Прологъ не содержитъ въ этомъ отношеніи никакого намека. Въмѣсто того прологъ обнаруживаетъ одно интересное обстоятельство,—что „Dialogus“ нашъ не есть (какъ бы это могло показаться изъ самаго текста) простой переводъ съ польскаго, но написанъ былъ самостоятельно, болѣе или менѣе оригинально, на томъ языкѣ, на какомъ и до насъ дошелъ. Авторъ пролога говоритъ:

Taką my Tragedią wystawim po Panie,
A to się wszystko *ruskim dialektem* stanie.

Правда, „діалектъ“, на которомъ написанъ „Dialogus“,—очень макарониченъ и отличается множествомъ полонизмовъ. Кажется, что авторъ или думалъ по польски, или имѣлъ передъ собой образецъ или образцы польскіе, изъ которыхъ мѣстами почти цѣликомъ заимствовалъ цѣлыя стихи. Съ другой стороны, однакожь, нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь тоже не менѣе значительный процентъ малорусскихъ народныхъ формъ и словъ, а также стиховъ, обнаруживающихъ самостоятельныя рѣшѣнія. О размѣрѣ заимствованія или перевода нашей мистеріи нельзя сказать ничего положительнаго, покуда не будетъ отысканъ образецъ, послужившій для нея моделью.

Изъ пролога можно также догадываться, что „Dialogus“ нашъ написанъ былъ для сцены и дѣйствительно разыгрывался. Гдѣ и кѣмъ, объ этомъ возможны только догадки. Нѣтъ сомнѣнія, что не былъ онъ написанъ и сценированъ въ небольшой, глухой деревенькѣ Смерековѣ. Переписчикъ, который сберегъ его для насъ, вѣроятно, сдѣлалъ копію съ оригинала, находившагося гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ или въ монастырѣ, устранившемъ набожныя театральныя зрѣлища. Такими центрами, изъ которыхъ переписчикъ могъ принести „Dialogus“, могли быть Львовъ или Жолковъ, вблизи котораго находится

базиліанскій монастырь въ Креховѣ, основанный еще въ 1618 г. ¹⁾. Съ не меньшей вѣроятностію можно предполагать, что „Dialogus“ не вышелъ изъ круговъ львовскаго ставропигійскаго братства, въ которомъ сохранялись строгія традиціи „славяно-русскаго“, т. е. церковнаго языка, а макаронизмъ польскаго съ народнымъ былъ почти невыносимъ. Всего болѣе, кажется мнѣ, имѣеть за собой то предположеніе, что „Dialogus“ былъ разыгрываемъ, а можетъ быть, и написанъ въ Жолковѣ, при дворѣ могучихъ въ то время пановъ Собѣскихъ, у которыхъ, какъ извѣстно, стремленіе къ „европеизированію“, собственно же къ офранцузенію, уживалось съ нѣкоторыми остатками русскихъ родовыхъ традицій. Жолковъ былъ въ то время значительнымъ городомъ, славился своими пивоваренными заводами ²⁾, имѣлъ множество ремесленныхъ цеховъ; Янъ Собѣскій основалъ въ немъ новый базиліанскій монастырь въ 1682 г., которому въ 1690 г. подарилъ чудотворныя мощи св. Іоанна Сучавскаго. Въ лѣтописи этого города читаемъ подъ 1660 годомъ: „W tym roku zaprowadzono nowy zwyczaj obchodzenia Wielkiejnocy. W wieczor pod czas rezurekcyi, na wałach z dział bito, na drugi zaś dzień gano po ulicach bębniono na jutrznią“ ³⁾. Можно предположить, что вся „новость“ не состояла въ одной пальбѣ изъ пушекъ, но что или въ доминиканскомъ монастырѣ (основанномъ матерью Яна Собѣскаго по смерти сына Марка, павшаго въ битвѣ подъ Батогомъ 1652 г.), или въ замкѣ Собѣскихъ устраивались драматическіе спектакли въ религіозномъ духѣ. Польскій прологъ обращался въ такомъ случаѣ, вѣроятно, къ панамъ шляхтѣ и вообще къ такъ называемымъ honoratioges, самая же мистерія имѣла въ виду массу мѣщанства, кореннаго русскаго, хотя въ значительной степени ополяченнаго.

Прилагаемый здѣсь текстъ мистеріи списанъ мною буквально съ смерековской рукописи. Я позволилъ себѣ только по-

¹⁾ См. Шематизмъ провинціи св. Спасителя чина св. Василя Великаго въ Галиціи. и Короткій поглядъ на монастыри и монашество руске отъ заведеія на Руси вѣры Христовой ажъ по нынѣшное время. Во Львовѣ 1867.

²⁾ См. Ks. Sadok Barącz, Pamiętki miasta Żółkwi. Lwów, 1852, стр. 30

³⁾ Ibidem стр. 44.

ставить знаки препинанія (въ рукописи послѣ каждаго стиха есть точка), развязать малочисленныя сокращенія и надстрочныя буквы снести въ строку. Послѣ надстрочныхъ буквъ, оканчивающихъ слово, я не ставилъ твердаго знака, гдѣ таковой въ рукописи не былъ обозначенъ точкой или какимъ-нибудь другимъ знакомъ. Въмѣсто латинскаго *g* въ первой половинѣ рукописи послѣдовательно пишется *ki*, во второй же половинѣ (сцена 4 и 5) пишется латинское *g*, я писалъ повсюду послѣдовательно *ki*. Начертанія отдѣльныхъ словъ писаны иногда латинскими буквами (особенно „okrucieństwo“, хотя есть и „okrucenstwo“); я для однообразія употреблялъ повсюду русскія буквы. Вотъ и всѣ отступленія, какія я позволилъ себѣ при списываньи текста. Прилагаю здѣсь для русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ польскимъ языкомъ, объясненіе нѣкоторыхъ менѣе понятныхъ польскихъ словъ, встрѣчающихся въ нашей мистеріи: *Troskiwy*—печальный, *rozrzewnić*—тронуть, *frasowliwy*—озабоченный, *ogroues*—садъ, *odchłań*—бездна, *wiele*—много, *niestetyż* или *niestetyżь* (*niestetyż*)—увы, *литувати*, *улитуватися*—сжалиться, *скронѣ*—виски, *лобъ*, *розвега*—вѣтвь, *вшакъ*—вѣдь, *тыліо*—только, *препомняти*—позабыть, *спозрєня* (*sprojrzenie*)—взоръ, *здрой*—источникъ, *ребєлія*—бунтъ, *скиненье*—мановеніе, *стескнитися*—стосковаться, *лепей* (*lepiej*)—лучше, *мєвати ся* (*miewać się*) *frequentativum* отъ *мати ся*, *жродло* (старопол. *źródło*)—источникъ, *декретъ фєровати*—произнести приговоръ, *лѹтость* (староп. *lutość—litość*)—милосердіе, *лканье*—всхлипыванье, *вгротъ*—острие, *оружіе*, *облюбеница*—невѣста, *облюбенець*—женихъ, *на выліотъ*—насквозь, *дзѣся*—сегодня, *упрейме*—вѣжливо, *усєрдно*, *лєгувати тестаментомъ*—отказывать по завѣщанію, *злєцати*—ввѣрять, *дєспєратъ*—отчаянный человекъ, *разъ*—ударъ, *звѣязтво*—побѣда, *радити* (ст. 510) *вм.* *рядити*—управлять, *любъ* (ст. 519)—хотя, *позорне*—великолѣпно, *притомный часъ* (ст. 560)—настоящее время.

Миронъ

Dialogus de passione Christi.

PROLOGUS.

- Troskliwe wasze serca byśmy rozrzewnili,
 Krótką my traiedią sprawie omyślili.
 Będzie to na wzruszenie skruchi chrześciańskiej,
 Jak tez na wystawienie srogiey męki Pańskiej.
- 5 Wydzie Anyoł z kielichem Chrystusa szukając,
 Na ludzi y na swoje szczęście narzekając,
 Że w takiej iest usłudze, a gdy zchodźić zechce,
 Panna mu w drogę zaydzie frasowliwa wielce.
 Będzie prosić o kielich śmiertelny Anyoła,
- 10 Lecz iey Anyoł odpowie, że nie odda zgoła.
 A tak kiedy Anyoła iuże nie uprosi,
 Wielki żal swóy szeroce przed wami ogłosi.
 Anyoł przydzie, a potym Chrystusa w ogroycu
 Obaczycie modląc się Niebieskiemu Oycu.
- 15 I po krótkiem spiewaniu s teyże lewey strony,
 Pokaże sie z kielichem y Anyoł z zapony,
 Będzie kielich podawał z żalem Chrystusowi
 A Chrystus mu na wszystko szeroce odmowi.
 Iednakże obaczywszy w odchłani zamknionych,
- 20 I wołanie nieznośne usłyszawszy onych,
 Wezmie kielich z wielkiego swego użalenia—
 I takim sie sposobem druga zamknie scena.
 Wydzież Chrystus z kielichem, ale tuż znienacka
 Pokaże sie w żałości jego święta Matka,—
- 25 Gdzie go wielce hamując gdy iuż niewhamuie,
 Pod tenże krzyż z nim oraz s theatrum zstępuje.
 Scena czwarta nastąpi, gdzie Panieńskie serce
 Od żalu nieznośnego bronić Boga zechce,
 Będzie o miecz upraszać, lecz mu zganią męstwo,
- 30 Gdy weń ostry miecz wbiie srogie okrucieństwo.
 Serce same tu czyni, potym Cerkiew nowa
 Iako oblubienica wydzie Chrystusowa.

- Wiara, nadzieia, miłość onę przywitaią,
 Tamże też oraz do niey upraszać się maią.
 35 Cerkiew ie miło przynie, y wnet Chrystusowi
 Pokłon znaczny uczyni y žal swóy opowi,
 Taką my tragedią wysławim po Panie,
 A to sie wszystko ruskim dialektem stanie.
 Czego raczcie posłuchać choć sercem teskliwym.
 40 Tesknić trzeba po Bogu chrześcianom prawdziwym ¹⁾.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

- Ангель. О мѣзерный чловече, подлое створеніе
 Уродилесь ся праве на едно грѣшенъе!
 В кождыхъ своихъ забавахъ завше согрѣшаешъ,
 Якъ віеле праць, такъ віеле грѣховъ исполняешъ;—
 45 В чомъ и собѣ, мизерный, не помалу шкодишъ,
 И Бога до зневаги значной приводишъ.
 Перве бовѣмъ для тебе рачил ся втѣлити,
 Тераз юже, нестейтежь, мусить и умрѣти.
 Юж юбо, юж несу до Исуса чашу,
 50 Абы выпилъ, о люде, за невдячность вашу.
 Несу, мизерный Ангель, а и самъ не знаю,
 Якъ предъ моимъ Исусомъ показатся маю,
 Якъ предъ Его незмѣрнымъ маестатомъ стану,
 Якъ на преначестнѣйше лице Его гляну,

¹⁾ Чтобы растрогать ваши печальные сердца, мы сочинили краткую трагедию. Она послужитъ къ возбужденію христіанскаго сокрушенія, равно такъ и для прославленія тяжкихъ страданій Господнихъ. Видеть ангель съ чашей, ищущій Христа и жалующійся на людей и на свою долю, что ему приходится исполнить такую обязанность, и когда онъ вознамѣрится уходить, на встрѣчу ему видеть Пресв. Дѣва, очень озабоченная, будстъ просить у ангела смертельную чашу, но ангель ей отаѣтитъ, что не отдастъ ни подъ какимъ видомъ. Когда Пр. Дѣва не вымолитъ у ангела чаши, то выразитъ пространно передъ вами свою горестъ. Ангель придетъ, а потомъ вы увидите въ саду Христа, молящагося Небесному Отцу. И послѣ краткаго пѣнія съ этой же лѣвой стороны изъ за занавѣса покажется ангель съ чашей, съ печалью будетъ подносить чашу Христу, а Христосъ будетъ отказываться въ длинной рѣчи. Но, увидѣвъ заключенныхъ въ бездѣи и

- 55 Що тамъ буду мовити, которыми словы!
 Подамъ тожъ срогкій напой моему Христови.
 Радъ, кто можетъ, якъ бымъ могль собѣ поступити,
 Альбо того келиха якъ бымъ могль позбыти.
 Самъ бымъ я его выпилъ, лечь буду караный,
- 60 Бо для Христа конечно той напой посланный.
 Отмѣнилъ бымъ, лечь и то, вижъ, Отець познаеть.
 Который всѣ скритости на видоку маеть.
 Далбымъ кому иншому, лечь нѣхто не прийметъ,
 Бо умерти жаденъ ся человекъ не подийметъ.
- 65 Згода якъ поступити в томъ разѣ не знаю,
 Хочай розумъ ангельскій быстровидный маю.
 Чи единъ же я Ангель такъ есть нещасливый,
 Же Ти такъ услугую, Отче мой правдивый!
 Коли Ісусъ на землю зишол ся родити,
- 70 Иншимъ в той часъ Ангеломъ казалесь служити.
 А гды на смерть, на раны Ёго декретуешь,
 Мнѣ ко нему, нестейтыжъ, ити приказуешь.
 Нехай же южъ щоколвекъ зо мною ся стане,
 Я иду, где мнѣ кажешъ, Творче мой и Пане.
- 75 Н а с в е н т ш а П а н ъ н а . Стуй, Ангеле, где идешъ, кого
 то шукаешъ?
 Гостемъ будучи въ свѣтѣ, за чемъ же пытаешъ?
 Ангель. Ісуса Назаря, еслись коли знала,
 Альбо еслись принамнѣ о онимъ слышала,—

услышавъ ихъ невыносимые вопли, вслѣдствіе своего милосердія, возьметъ чашу, и такимъ образомъ окончатся вторая сцена.

Христосъ выдетъ съ чашей, но тутъ внезапно представляеть въ горести Ёго святая Мать. Она Ёго уговариваетъ и, не уговоривши, уходитъ виѣстѣ съ Нимъ со сцены подъ тотъ же крестъ. Начинаеть четвертое дѣйствіе, гдѣ сердце Богородици, вслѣдствіе невыносимаго сожалѣнія, захочеть защищать Бога, будетъ просить меча, но ему измѣняетъ мужество, когда въ него вонзаеть острый мечъ жестокость. Сердце дѣйствуетъ одно, а потомъ выдетъ Новая Церковь, какъ невѣста Христова. Вѣра, Надежда и Любовь будутъ ее привѣтствовать и виѣстѣ съ тѣмъ просить принять ихъ. Церковь ихъ любовно приметъ и тотчасъ воздасть поклоненіе Христу и рѣскажетъ о своей горести. Такую трагедію исполнимъ мы во славу Господа и все это будетъ изложено на русскомъ языкѣ. Благоволите выслушать это, хотя съ тоской въ сердцѣ, або истиннымъ христіанамъ подобаеть сокрушаться о Гогѣ.

- Того я, нендзныі Ангелъ, на земли шукаю,
80 И ему овый велихъ выпить дати маю.
- Панъна. Ах, Ангеле, почекай, стуй, стуй, не спѣшися.
Ни в кого, якъ у Мене о Нюмъ довѣсися.
Я естемъ его Мати! Постуйже зо Мною,
Нехъ щоколвекъ, Ангеле, помовлю с тобою.
- 85 И на Сына Моего такъ сродкіе муки
Ангелскіе святые несутъ твои руки?
И Его жъ то с келихомъ смертельнымъ шукаешъ?
Отожь Его внутръ Мене предъ собою маешъ.
Тутъ есть Сынъ Мой, тутъ завше Я Его ховаю,—
- 90 Ве внутрностяхъ и в сердцу Ісуса Я маю.
Дай же теда, Ангеле, Мнѣ келихъ выпити,
Если хочешъ Ісуса Мого напоити!
- Ангелъ. Пречистая Дѣвице, поневажъ Тя знаю,
Матку Бога моего, про то ся кланяю.
- 95 Але того келиха, Госпоже и Мати,
Жаднымъ нѣгды способомъ не могу Ти дати.
Бо гдыб то волно было, з небаб не спустили
Ангелы, алебъ сами той келихъ выпили.
И я бы не отмовилъ за Христа, моего
- 100 Створителя, и Сына, о Панно, Твоего.
Лечъ же Ему самому казано подати,
Претож Его самого пойду я шукати.
- Панна. Ах, почекай, для Бога! Стуй, стуй, погамуйся!
Надъ утрапленнымъ сердцемъ Моимъ улитуйся!
- 105 Чи не вѣришь же Минѣ, же ту Сына маю
И же Его в нутрностяхъ по всякъ часъ ховаю?
Тутъ есть Сынъ мой, тутъ живетъ! Вчиниж милосердне,
Дай Ми келихъ выпити, молю тя усердне!
- Ангелъ. Вѣрую, же Ты в сердцу милость к Нему маешъ,
110 Але Его самого в Собѣ не ховаешъ.
Мнѣ зась самому треба тотъ келихъ отдати,
Претож Его самого пойду я шукати.
- Панна. Принамнѣйже, Ангеле, то рач учинити,

- Щоколвекъ с того кубка рач Мнѣ удѣлити!
- 115 Вдаръ копью у сердце, люб на Мои скрочѣ
Терновой той округной дай мѣсце коронѣ,
Або в руки гвоздіе Мои рач убити,
.Любъ щоколвекъ,—тилко хтѣи и Мнѣ удѣлити.
Нехай не всѣ мордерства Ісусъ Мой поносить,—
- 120 О то тебе нендзнаая Матка Его просить.
- В пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилиуйся надъ нами!
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями,
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, достъ Отцевской воли!
- 125 Ангелъ. Ово, Панно, за тых то Богъ маеть умерти,
За тыхъ маеть ганебно укусити смерти.
Нехже теды все тое будетъ Му отдано,
Щоколвекъ есть отъ Отца презъ мене послано.
- Панна (*лямензтуетъ*). Ах, нендзнааяж Я Матка, Матка
утраплена,
- 130 Нендзне болю, фрасунку и лезъ наполнена.
Радъ хто можетъ, куды бымъ могла ся удати,
Якъ бымъ Мого Ісуса могла уховати!
Вступилабымъ на небо до Отца з слезами,
Тамъ бымъ Его просила, павши пред ногами.
- 135 Леч тамъ небо не пустит, бо там со слезами
Нѣкто негды не вступитъ, толко з утѣхами.
Била бым ся з Ангеломъ, келихъ бымъ отняла,
Алемъ не есть Яковомъ, певне бымъ програла,
Ах, згола, якъ фрасунку позбыти, не знаю,
- 130 Хто бы Мя могъ потѣшитъ, никого не маю.
Гавріиле Ангеле, где ся забавляешъ,
Чемъ Мя теразъ недзной не поздоровляешъ?
Чемъ ся теразъ до Мене, Ангеле, не слѣшишьъ,
Чемъ не мовишьъ: радуй ся! чему Мя не тѣшишьъ?
- 145 Пред тымъ Мя называлесь благословенною
Межи всѣми невѣсты и увелбенною.
Пред тымъ Мя в Назаретѣ з розкою виталесь

- И „радуйся, Маріе!“ щораз повтаралесь.
 А теразь, ахъ, нестийтежъ, язъ бы теж не было,
 150 Такъ ся рихло все тое впреки отменило.
 З рожчки твоей крестъ вырослъ на Сына Моего,
 Котрогомъ мѣла подлугъ словеси твоего.
 З радости зась овои лезъ не погамую,
 Лзами ся уставичне нендзная частую.
- 155 Гавріиле, принамнѣй в тымъ мнѣ прислужися,
 З Ангелами другими Отцу помолися.
 Пады у ногъ Его, абы хтѣлъ милостивъ быти
 И отъ Моего Сына хтѣлъ смерть отдалити.
 О, о, о, Отче Святыи, рач ся злитовати!
- 160 Со слезами молюся Я, нендзная Мати.
 Даруй Мя тымъ, нехай Я за Сына Моего
 Поляну смерть и всѣ муки з келиха Твоего.
 Вшакъ презъ жону грѣхъ стался на початку в раю,
 Нехай же теж Я жона за грѣхъ умираю!
- 165 Отче Святыи, Ты Отець, а Я Его Мати,
 Чемуж ся в Немъ такъ якъ Я не рачишь кохати?
 Ямъ Го млекоу кормила, с перси источивши,
 А Ты поишь, желѣзомъ келихъ наполнивши.
 Чи юж то теразъ Твои перси зжелѣзнѣли,
- 170 Которыи от вѣку мяткосерди были?
 Чи едномусь то тылію Сыну такъ суровый,
 Который есть, былъ завше милости готовый?
 Ахъ Отче, Отче Святыи, а чи препомнялесь,
 Кгды з Сыномъ Ми в Египетъ бѣжати казалесь?
- 175 А теразъ Самъ тауъ сродзе Его преслѣдуешъ,
 Смертоноснымъ келихомъ, якъ лотра, честуешъ.
 Не допустилесь Его Іроду згубити,
 Чи для тогож, абысь Го Самъ могъ уморити?
 Ахъ Сыну Мой укоханныи, юже теж незнаю,
- 180 Якъ Ся теразъ той смерти уховати маю.
 Юже тераз не можетъ Насъ яма искрити,
 Анѣ жадное мѣстце можетъ утаити,
 Кгдыж не Іродъ, лечъ Той Тя самъ на смерть сказуеть,

Котрый однимъ спозрениамъ весь свѣтъ опатруеть.
 185 Вступи теды, о Сыну, до Моей утробы,
 Нехай оразъ с Тобою буду в одномъ гробѣ!
 Вниди, Сыну, до сердца и хтѣй тамъ умрѣти,
 Гдесъ ся теж на початку рачиль уродити!

СЦЕНА ДРУГАЯ

Ангель до Христа с келихомъ.

Ангель. Вырокъ Отца Твоего есть еще предъ вѣки,
 190 Абысь поднялъ, Христе мой, смерть за чловѣки.
 З чимъ мя теразъ до Тебе Отець присылаеть,
 Абысь келихъ той выпиль, о то Тя жадаеть.

Христосъ. А то що есть, Ангеле? Чи южъ то до бою?
 Чи южъ то и Ангели воютъ зо Мною?

195 Щом такого провиниль, же Мя преслѣдуютъ,
 Чловеци и Ангели смерть на Мя готуютъ?
 Вижу, земля и небо зброю на ся взяло,
 Бы якъ неприятеля Мене поконало.
 Ей, принамнѣй, Ангеле, вспомни собѣ тое,

200 Жем Я есть твой створитель, ты створеніе Мое.
 Изъ иншого, молю тя, частуй Мя здрою,
 Понехай ребелию, отдали преч зброю!

Ангель. Милосердный мой Пане и Боже Сіону!
 Ям нанизший есть слуга у Твоего трону,
 205 И всѣ хоры Ангеловъ Тобѣ ся кланяютъ,
 Ребелии жадной, Господи, не знаютъ.
 Всѣ на Твою службу без жадной вымовы
 За намнѣйшимъ скиненемъ завше суть готовы.
 А же тераз такимъ Тя келихомъ частую,
 210 Вѣдаешъ, же Твоему Отцу услугую.
 Онъ мя выслалъ до Тебе, и оные муки
 Приказалъ ми вонечне, абым Ти далъ в руки.
 Прийми теды Ісусе той келихъ от мене
 И выпий за чловѣка грѣшнаго збавеніе!

- 215 Христосъ. О Отче Мой небесный, Отче добротливый!
 Спуд-судія, Спуд-творче, Спуд-Боже правдивый!
 Чи юже ся то Тобѣ стеснило за Мною,
 Же мешкаю от вѣка, Отче Мой, с Тобою?
 Чи южесь то умыслилъ Мене, Сына, збыти,
- 220 Кгды Ми Ангеломъ кажешъ такъ горце служити?
 Ей Отче, Отче Мой, любо Тя ображають
 Люде, лепей ся еднакъ у Тебе меваютъ.
 Тысь выправиль Ангеловъ до Лотова дому,
 Бы го предъ западненемъ вывели з Содому.
- 225 З Твоего розказаня Ангель з рыбы жолчи
 Товии даль старому лекарство на очи.
 З Твоей воли Данииль в аскини зе лвами
 Жиль беспечне, бось го стрегль з Своими слугами.
 А ку Минѣ, Сынови, милости не маешъ,
- 230 На Мое затраченя Ангеловъ зсылаешъ,
 Нехай же, Отче, нехай, литость Твоя прийдетъ!
 Кажи, нехай отъ Мене чаша та отийдетъ!
 Чи такіе у Тебе, Отче несмертельный,
 На емпири предвѣчномъ походятъ цистерны?
- 235 Чи тавое ся родить вино в Твоей винници?
 Чи такіе у Тебе жродла и криници?
 Вѣдаю, же и люде з Ангелы посполу
 З лѣпшого пют келиха у Твоего столу.
 Вѣдаю, же и звѣри, коли наповашъ,
- 240 Прагнення ихъ, о Отче, завше угашашъ.
 А на Мене не хочешъ милосерднымъ быти,
 Хочешъ Мя такъ срокгою смертю упоити.
 Да мимо идетъ прето, Отче, чаша сия!
 Учини для Своея милости святця!
- 245 Ангель. Южъ то есть не отъ Мене, Христе мой коханий,—
 От Отца предвѣчнаго декретъ ферованный,
 Абысь рачиль той келихъ принять отъ мене,
 И отважне выпити за Свое створене.
 Христосъ. О яеъ же ся, нестийтежъ, теразъ ошубалемъ,
- 250 Же ся отъ васъ помощи з неба сподѣвалемъ!

Хвалилем ся предъ всѣми завше ворогами,
 Же суть Ангелы в Мого Отца миліонами.
 А ты тераз, Ангеле, литости не маешъ,
 Же ся ты с тымъ келихомъ мощно наражаешъ.

255 Ангелъ. Нещасливый я Ангелъ, и самъ юж не знаю,
 Якъ в томъ такъ срокомъ разѣ поступити маю.
 Вшакъ вѣдаешъ, Господи, же не моя воля,
 Але Отца Твоего, Небеснаго Кроля.

Онъ Тя выслалъ, Онъ Тобѣ рачилъ приказати,

260 Абы згола той келихъ Тобѣ былъ отдати.
 Если теда не приймешъ (що и я жадаю),
 Я ся назадъ з келихомъ зараз повертаю.

В пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуй ся надъ нами,
 Покажи милосердіе Твое надъ вязнями!

265 Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
 Учини, о Господи, достъ Отцевской воли!

Христось. Стой, Ангеле, почекай, дай Ми чашу в руки!
 Юже тыж ся отважу на всѣ тые муки.

Проразило Мя пекло, ламенты и лканы,

270 Сердце Мое зранили людскіе воланы.
 И маеть же такъ марне от Мене створеный
 Чоловѣкъ загинути в пеклѣ зануреный?
 И будетъ же такъ много смерть людьми радити,
 Албо шатанъ пекелный будетъ ли губити?

275 Иду на крестъ, на кроты, и теж на катовнѣ!
 Стану предъ судіями, умру неотмовнѣ.

СЦЕНА ТРЕТЯ.

Naswiętsza Ranna. А где есь ся запустиль, Сыну
 Мой и Боже?

На которое мѣсто идешъ в той дорозе?

Кого тамъ овымъ кубкомъ хочешъ упоити?

280 Чи теж хочешъ Самъ з его где колвекъ выпити?

Повѣж Ми, о Іусе, нехай и Я, Мати,

Буду вѣдати, где ся будешъ обертати?

- Христосъ. На Голгофу спѣшу ся на смерть и на муки,
Иду, якъ видишь Матко, в такovie руки.
- 285 Иду на крестъ, на кроты, на всякіе раны,
Поневаж тотъ от Отца декретъ ферованый,
Абымъ смертію Моею смерть могъ поконати,
И страчоную свѣтлость чловѣкови дати,
Тебе теды, о Матко, юже здѣсь жегнаю,
- 290 За матерскую милость Тобѣ ся кланяю.
Жесь Мя млекомъ кормила, жесь Ми житя дала,
За то Тебе чекае в небѣ вѣчна хвала.

- Панна. Ахъ, ахъ, сладкий Ісусе, ахъ Сину коханный,
Чи и Ты юж, Боже Мой, будешъ крижованный!
- 295 Нещасливам Я matka, жем ся дочекала,
Чого негды жадная matka не дознала.
Тебе, одну утѣху и едно кохання,
Едну мою утѣху и едно стараня,
С паненской Моеи утробы сплотивпи
- 300 И якъ агнца от перси млеком утучивши,
Такъ сроkgими муками, в незносной сромотѣ
Маю Тебе видѣти на горѣ Голгоѣ!
Ахъ, повѣж Ми, Сину Мой, чи юж неотгѣпный
Декретъ, бысь мѣль умрѣти, бывши Богъ безвинный?
- 305 Чи юж то тое лице будетъ попліовано?
Чи юж то тое тѣло будетъ бичовано?
Чи юж то тые руки будутъ пригвозджены?
Чи юж то святой Ти бокъ будетъ прободеный?
Глава тая чи юж то тернемъ окруженна?
- 310 Ахъ, до мозгу самого будетъ прораженна?
Ноги тьи святыи чи юж пригвонзятся
И ко Кресту, нестейтыж! ахъ! ахъ, пригвонзятся?
Ахъ, принамнѣ, гвоздіе, вы ся ужалѣте,
Не будте такъ твердыми, але ся змягчѣте!
- 315 Вѣдайте, же в Божески уходите кости,
Угнѣтесе покорне, зостанте без злости!
Ахъ, Христе Мой, Сину Мой, пойду Я с Тобою,

Нехай ораз обоє умремо з собою.

Албо дай Ми выпити тот келихъ за Себе!

320 Того прошу з слезами, Сину Мой, у Тебе.

Христось. Не дамъ, Матко и Панно, бо кгда
Ми давано,

Бым самъ выпилъ конечно, такъ Ми приказано.

Бысь зась ораз зо Мною мѣла умирати,

Сама того не зыч Ми, Пречистая Мати,

325 Бо мусѣл бым срожшіе муки подносити,

Если бым был с собою на Крестѣ прибитый.

Станем в той часъ з собою, кгда сядемъ на тронѣ,

Тераз нех стоят лотры на обидвѣ стронѣ.

Въ пекль. Будь милостивъ, Господи, змилуй ся надъ
нами,

330 Покажи милосердіе Твое надъ вязнями!

Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволь,

Учини, о Господи, достъ Отцевской воли!

Христось. Ово мизерный человекъ, нендзное створеня,

На яке приходитъ отъ смерти зганбленя,

335 Же го не тилко завше з живота злупляют,

Але и до отклани, якъ угль, укидают.

И маеть милосердіе Мое то терпѣти,

Же бымся за чловѣка не хотѣлъ помстити?

Згола того юж далей не вытерплю, смерти,

340 Бы Ми пришло ганебне самому умерти!

Панна. Стуй, стуй, Сину! Принамнѣй нех под Крестом
стану,

И принамнѣй през слезы на смерть Твою глянуй!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

СЕРДЦЕ НАЙСВЯТѢЙШОЙ БОГОРОДИЦИ. Литуй ко-
ждый Исуса, ктоколвекъ Го знаетъ,

Литуй, если хочъ намнѣ хто литости маеть!

- 345 А то бовѣмъ южъ пошол в катовскіе руки,
 Пошол, пошол, нестийтежъ, на срокіе муки!
 Я, сердце Матки Его, що чинить, не знаю,
 Которое милостью къ Ісусу палаю.
 Ратуй, ратуй, кто можетъ! Ангели, ратуйте,
 350 Любъ вы ся, о чловѣци, над Христомъ литуйте!
 Возмѣте оружіе, приймѣть на ся зброю,
 Противъ смерти всѣ станте з Ісусомъ до бою.
 Або мене принамнѣй, сердце, зоружѣте,
 Меч острый люб ипшую зброю ми дадѣте!
 355 Я юж пойду Ісуса мого боронити,
 Я Му не дам такъ смертю срокгою умрѣти.

Окруценство. Ово меч, которого ты, сердце, жа-
 даешъ,
 От мене, окруценства, досыть острый маешъ.

- Сердце. Стуй, паненскомъ сердце! Если мене знаешъ,
 360 Чему ми тамтымъ краемъ меча не подаешъ?

Окруценство. Я, тиранством будучи, такъ давати
 маю?

- Нѣкды того способу я не заживаю.
 Уродивши ся в свѣтѣ отъ давного вѣка,
 Завше острым кожного частую чловѣка.
 365 А ты хочеш от мене иначеи принять!
 Згола такъ, якъ я хочу, мусиш его взяти.

- Сердце. Ахъ, для Бога, ям хтѣло Христа боронити,
 А ты мене самое хочешъ поразити.
 Молю тебе, подай ми меч той овим краемъ!
 370 Вжды якъ въ свѣтѣ несетя, тымъ дай обычаемъ!

Окруценство. И в свѣтѣ я, тиранство, той обычай
 маю,

Же кожного чловѣка остремъ проражаю.
 А то бовѣмъ и тераз тожем учинило,
 Колим твого Ісуса гвоздми пригвоздило.

- 375 И копѣя, и гвозди, и трость и корона
 Острем аже през кости Его проразона.
 И кровъ тая з Него то, котрая потокомъ
 Жилами протѣкала и пробитымъ бокомъ.
 Тѣло Его от костей аже отпадало,
- 380 Не мало ся и костей в ним погрухотало.
 А ранъ не переличишь на всюмъ Его тѣлѣ,
 Которыи для мноства ледво се зместили.
 А що еще болшая—на крестѣ прибитый,
 Од острои копѣи ажъ мусѣлъ умрѣти.
- 385 А ты острем не хочеш того меча взяти,—
 Певне, же ты о тое не буду благати.
 Тысь Го, сердце, приняло, кгда Онъ зиполь зъ неба,
 Претож и тебе мнѣ вчастовати потреба.
 Возмижь ми той мечъ рихло, юже мя не збудешъ,
- 390 Бым ты не проразило! Певне ты не будешъ.
 Меча съ потребовало, овожь его маешъ,
 А чогож еще болѣ от мене чекаешъ?

СЕРДЦЕ. Ахъ, ахъ, проразилъ мя меч! Ах, заледве дышу,
 Кгда о такъ срокогой смерти Ісусовой слышу.

- 395 Всѣ ж, али всѣ фрасунки до мене вступили
 И темныи слез хмуры всего мя окрыли!
 Згасъ абовѣмъ свѣтилникъ над солнце яснѣйшій,
 Умеръ срококою смертю Ісусъ мой наймильшій.
 Юж з Ним мои утѣхи всѣ поумирали,
400. Единъ острый яко меч жалъ и лзы zostали.
 Ахъ, тиранство, тиранство, чогось доказало,
 Гдысь кровлю чистою барана съ змазало!
 Забилось Го ганебне, без жадной литости,
 Зранилось Му все тѣло, згрухотало кости.
- 405 И, що еще болшое, на крестѣ съ прибило,
 А в том и менесь, сердце, мечем проразило,
 Сердце я паняньское Пречистой Матки,
 С которой ся народил Ісус мой пресладкий,—
 А претож таким острымъ мечем проразено,

- 410 Же юж мого Ісуса на крестъ пригвозджено.
 Буду в жалю и плачу цалый вѣкъ мой жити,
 З острым тым мечем буду по всякъ час ходити.

СЦЕНА ПЯТА.

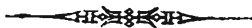
- Любовь. Ахъ витай, монархинѣ, витай церкви нова,
 Витай облюбеницо вѣрная Христова!
- 415 Литуй над Облюбенца своего ранами,
 Литуй оразъ над нами, онаго цнотами.
 А то видиш, якіе незносные раны
 На пречистое тѣло Его суть заданы!
 Видиш, як есть сромотне не крестъ подвиженный,
- 420 А на выліот острыми гвоздми прободенный!
 Видиш, якъ срокум кубкомъ есть участованный,
 Который Му от Отца был з неба zesланный!
 Що все, облюбеницо, рачил Онъ подняти,
 Абы ты, нову церковь, могла избудовати.
- 425 Живот Свой тобѣ отдал, Самъ рачил умрѣти,
 Абы тылько ты, церкви, могла вѣчне жити.
 Положился на землю, дал ся поконати,
 Бысь якъ на фундаментѣ могла на Нѣмъ стати.
 Литуй теды, о церкви, над Его ранами,
- 430 Литуй оразъ над нами, Онаго цнотами!
 Ям любовь, овъ надѣя, овъ засе и вѣра,
 Цноты есмо значные, лечъ выгнаны з мира.
 Синикгокга абовѣмъ такъ ся распалала,
 Же и Бога забила и нас отогнала.
- 435 Претож ся юж до тебе дзѣся утекаемъ,
 До тебе переходимъ, тобѣ ся отдаемъ.
 Пригорни насъ до себе, почни з нами жити,
 Знай, же ты завше будем упреиме служити.
 Припомни Авраама и Давида кроля,
- 440 Возми собѣ на память Мойсея и Ноя:
 Уважъ, якъ они Богу кохаными были,
 А в томъ нѣхто, тылько мы имъ, цноты, служили.
 И синакгокга поты в ласце оставала,

- Поки вѣру, надѣю и любовь ховала.
- 445 И ты теда, о церкви, хотѣй насъ принять,
Хочеш ли вѣчне з Богомъ в небѣ королевати.
Самъ Христось, коли новый тестаментъ будуетъ,
Тобѣ тым тестаментомъ всѣхъ насъ трохъ лекгуетъ.
Любовъ естем, а прето тобѣ мя злецаеть,
- 450 Же ничто по всѣхъ добрахъ, хто любви не маеть.
Пригорниж мя до себе, дай ми в себе жити,
Вѣрне тобѣ, о церкви, шлюбую служити.
- Вѣра. Церкви, рач тежъ принять и мене другую,
И я тобѣ служити вѣрне обещаю.
- 455 Вѣра естем, от Пана той привилей маю,
Же и горы на мѣсце з мѣсца преставаю.
Самъ бовѣмъ Панъ обещал, кгда чого хто прагнетъ,
Нехъ вѣруеть, по вѣрѣ все ся ему станеть,
Прийми теда и мене, нехъ живу с тобою!
- 460 З миру естемъ выгнана—литуй надо мною!
- Надѣя. Розумѣю, же мене захочешъ принять,
Бо ся схочешъ королевства в небѣ сподѣвати.
Кгдажъ дармо без надѣи люде неба прагнутьъ:
Десперати королевства нѣкгда не осягнутьъ.
- 465 Нехай в Бога хто вѣрит, нехай Его любит,
Леч еще без надѣи душу свою згубит.
Тобѣ теда належит, котраясь от Пана
На вѣчное королевство дзѣся обебрана,
Абысь вѣру, надѣю и любовь приняла,
- 470 И оныє статечне по всякъ час ховала.
Прийми, церкви святая, кгдажъ есть тая воля
Облюбенца твоего, Небеснаго Кроля,
Котрый умерлъ для тебе, бысь ты вѣчне жила,
Вѣру, надѣю, любовь завше к нему мѣла.
- 475 Церковъ. О нещасливый видокъ, видокъ оплаканный!
О тяжкий разъ и нѣкгда въ свѣтѣ неслыханный!
Синагокго, а що то, що то учинилась,
О, тирантско розуму, якъ вижу, позбылась.

- Бога, Который тебе над усѣ народы
 480 Любил и от вшелякой боронил пригоды,
 Бога, Который, праве змордовал вшехмощность,
 Выславуючи твою чудами велможность,
 Бога, Который рѣкам казал уставати
 Або морю для тебе впол ся роздѣляти,
 485 Котрый небу для тебе казал хлѣбъ родити
 И каменямъ вас въ пущи водою поити—
 Тогось тераз, нестейтыжъ, такъ зесромотила,
 Нага, ранна, на крестѣ ганебне забила!
 Церквою ты названо, о нендзная цорко,
 490 Синакгокго невдячна, щирая ящорко!
 Кгды ты такъ милосердымъ Богъ обогащаетъ,
 Же якъ бы ве внутрностяхъ самыхъ ты ховаеть,—
 Ты, нестейтежъ, внутрности Его прогружаешъ
 И власного ганебне Отца забиваешъ.
 495 И овые вжды цноты що ти провинили?
 Если ж тые не вѣрне по всякъ часъ служили?
 Любовь, вѣра, надѣя такъ ты выславляла,
 Же вскорѣ в звитязтвахъ есь весь свѣтъ превыжшала.
 А ты тераз, безбожна, литости не маешъ,
 500 Сромотне ихъ от себе ото выганяешъ.
 Я теды юж, о цноты, над вами литую,
 И якъ мати власная до сердца приймую.
 З вами живу по всякъ часъ и з вами вмираю
 Васъ ажъ до страшнаго дня вцале доховаю.
 505 Любо то васъ выгнано, леч в моемъ мешканю
 Не такъ жити будете, яко на выгнаню.
 И вам в самыхъ внутрностяхъ мѣсце позволяю,
 Серце, розумъ и волю вамъ в моцъ полецаю.
 Не я вами, вы мною, о цноты, владѣте,
 510 Всѣми чувствами моими, всѣмъ тѣломъ радѣте!
 А ты, Христе, мой Пανε, на крестѣ распятыи,
 Жесь мя смертю своею рачил збудовати,
 Претож низко колѣна свои прекланяю
 Страсти твои святыи от днесъ величаю.

- 515 Укрижованный Панае, добрый есь заисте,
Добротливый пред смертю и при смерти, Христе!
Здавна Ты милосердя к челоуѣку маешъ,
Которое при смерти ему освѣдчаешъ.
Любъ албовѣмъ и руки звязанные маешъ,
- 520 Еднакъ спасеніе наше ими содѣваешъ.
Кгды на хрестѣ юж раны у слупа относишъ,
Бремя еднакъ на оноу грѣховное носишъ.
Кгды юж от слины лица Твоего не знати,
Рачиш ним еднак наша сердца освѣшчати.
- 525 Укрижованный Панае, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и при смерти, Христе!
Смерть твоя, Христе, моимъ есть повстаніемъ, знаешъ,
Бо мя в той часъ будуешъ, коли умираешъ.
Тебе на крестъ, Христе мой, юж-юж распинають,
- 530 А мои ся на той часъ стѣны роспирають.
Тебе з креста на землю мертвого здеймуютъ,
А мои ся на той часъ стѣны подеимуютъ.
Тебе плащеницею чистою ввивають,
И каменемъ во гробѣ нага закривають,
- 535 А я, церковь, юж зовѣмъ бывши збудована,
Отомъ вышла на видокъ, позорне убрана.
Укрижованный Панае, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и при смерти, Христе!
За що я Тебе тераз благодарю, Панае,
- 540 И буду благодарить, поки мене стане.
В пѣснехъ моихъ буду Тя завше выславляти,
Страстемъ Твоимъ пречестнымъ буду ся кланяти.
Слезъ для Твоей смерти нѣкгды не вгамую
І все народы ними годно учаую.
- 545 Згромаджу все краины ко кресту Твоему,
Поклонимся вси Тебѣ, Господу своему.
Вѣру, надѣю, любовь Тобѣ доховаю,
Котримъ дѣсь от Тебе повѣрены маю.
Выпилесь за насъ келихъ ганебной муки,
- 550 Претож его от дѣся взявпи, Панае, в руки

- Буду завше в покорѣ любезной носити
И онымъ всѣ народы вѣчные поити.
Вспалялыи олтарѣ для Него выставлю,
И докола ереовъ у Него поставлю.
- 555 Крестъ Твой в вѣрѣ, надѣи, любви буду мѣти,
Которыи за себе то будутъ носити.
Такъ буду добродѣйства Твои завдячати,
Которыи мнѣ, церквѣ, рачил показати.
А ты, Пане мой, Боже, рач милостивъ быти,
- 560 И в притомныи часы рач мя боронити!
Ты естесь Панъ от вѣка щодробливый, гойный,
Отдали ж от нас плакги, повѣтря, глад, войны!
Укрижованный Пане, добрый есь заисте,
- 564 Щодробливый пред смертю и по смерти, Христе!

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ „Турбаевской натастрофѣ“. Въ № 3-мъ «Кіевской Старины» помѣщено подъ выписаннымъ выше заглавіемъ описаніе общественной драмы, разыгравшейся въ одномъ селѣ полтавской губ. въ іюль 1789 г., съ ея любопытными послѣдствіями.

Уже послѣ того какъ статья была напечатана, получила я два другихъ судебныхъ дѣла, поясняющихъ то основное дѣло, которымъ я пользовалась.

Первое дѣло, или точнѣе отрывокъ изъ дѣла, — «О противозаконныхъ якобы поступкахъ бывшаго въ мѣстечкѣ Остацьѣ начальника, сотеннаго атамана Михна, по жалобамъ на него премьерь-майора Ивана и полковника Петра Базилевскихъ, 1782 г. іюля 4-го». Слѣдовательно, велось это дѣло за семь лѣтъ до катастрофы, на территоріи Остацьа, которое принадлежало не убитымъ, а другимъ двумъ ихъ братьямъ. Но, очевидно, положеніе и здѣсь было почти такое же, какъ и въ Турбаяхъ. Противозаконные поступки атамана Михна заключались въ томъ, что онъ укрылъ въ своемъ дворѣ женщину козачьяго званія, деверя которой Базилевскіе захватили въ свой дворъ «и тамо чинили ему батожьемъ распрось и другіе сверхъ челоувѣчества утѣсненія и тиранства.» Атаманъ обязанъ былъ вступитья за козаковъ, на которыхъ Базилевскіе не имѣли ни малѣйшихъ правъ. Но тѣмъ не менѣе Базилевскіе подали жалобу на Михна «за учиненное имъ якобы въ мѣстечку Остацьи между ихъ подданными возмущеніе, чрезъ которое будто бы ихъ подданные отъ надлежащаго повиновенія и подданническихъ повинностей отложились.» Но даже тогдашній судъ, подбунной и дрожащій передъ могуществомъ Базилевскихъ, нижній гогтвянскій земскій судъ, выѣзжая въ мѣстечко для разслѣдованія дѣла, не могъ найти какихъ-либо слѣдовъ возмущенія. А между тѣмъ атаманъ Михно, представляя свои оправданія,

сдѣлалъ Базилевскимъ такую зацѣнку, которую власти не могли оставить безъ вниманія. Онъ указалъ и приложеннымъ документомъ доказывалъ, что Базилевскіе совсѣмъ не имѣли на Остапѣ никакихъ правъ. Документъ этотъ—универсалъ Разумовскаго. Вотъ онъ:

«Господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ съ сотенными урядами, а особливо сотнику оставскому съ урядомъ-же, и всѣмъ прочимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ универсаломъ объявляется: Сего августа 11-го дня полку миргородскаго сотникъ оставскій Федоръ Базилевскій подалъ намъ доношеніе и онымъ представляя о службахъ предковъ его, дѣда, бывшаго обознаго полковаго миргородскаго, и отца, того-жъ полку сотника бѣлоцерковскаго, тако-жъ и самимъ имъ сотникомъ оставскимъ Базилевскимъ съ 1724 году всероссійскому Ея Императорскаго Величества престолу во всякой вѣрности продолженныхъ, о чемъ-де состоявшее въ нашу генеральную войсковую канцелярію въ прошломъ 1741 году отъ полковника миргородскаго, всей полковой старшины и сотниковъ того полку доношеніе съ удостоеніемъ его, Базилевскаго, къ полученію за тѣ службы въ награжденіе свободныхъ посполитыхъ дворовъ, въ мѣстечку Остапѣ и деревнѣ Болбасовеѣ имѣющихся свидѣтельствуеть, просилъ разсмотрѣнія о надахъ по тому удостоенію ему, Базилевскому, въ награжденіе за показанныя службы вышени-санныхъ въ мѣстечку Остапѣ и деревнѣ Болбасовеѣ имѣющихся свободныхъ посполитыхъ дворовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе къ содержанію его и наслѣдниковъ своихъ, едепъ сынъ канцеляристомъ войсковымъ, другой—въ вадетскомъ корпусѣ. А понеже и по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилось, что еще въ 1747 году полковникъ и вся старшина полковая, такъ же и сотники миргородскаго полку въ ту генеральную канцелярію чрезъ доношеніе свидѣтельствовали о вѣрныхъ, безпорочныхъ и ревностныхъ какъ дѣда и отца, такъ и самаго его, сотника Базилевскаго, службахъ—яко же де оныя имъ полковнику, старшинѣ и сотникамъ извѣстны и признавали быти достойна къ полученію въ вѣчное владѣніе свободныхъ войсковыхъ мѣстечка Остапья и деревни Болбасовеи съ принадлежащими грунтами и угодья. Съ доношенія-жъ оного значится, кромѣ прежнихъ службъ предковъ дѣда и отца ихъ сотника Базилевскаго, особъ самого его, что онъ началъ продолжать ту свою службу съ 1724 году, бывалъ по разныхъ походахъ, какъ-то въ днѣпровскомъ, хотѣнскомъ, въ турецкихъ компаніяхъ, въ предосторож-

ности отъ непріятельскихъ нападеній по Днѣпрѣ, также на линіи многими годами и въ разныхъ исправленіяхъ, коммиссіяхъ находился, того ради мы, гетманъ, кавалеръ, по данной намъ отъ Ея Императорскаго Величества власти, респекту на оныя многіе отпращенные какъ предками его, сотника остаповскаго Базилевскаго, такъ и самимъ имъ съ 1724 году продолженные службы и къ которымъ еще и впредь въ немъ и въ оныхъ сынахъ его надежды предусматриваются, опредѣляемъ ему, сотнику Базилевскому, въ спокойное владѣніе въ мѣстечку Остапья оставшіеся отъ роздачи грузинамъ находящіеся въ свободности посполитые дворы и хаты съ принадлежащими къ нимъ грунтами и угодья и симъ нашимъ универсаломъ утверждая, предлагаемъ, дабы никто во владѣніи оными посполитыми съ принадлежащими къ онымъ грунтами и угодья препятствія не чинилъ. А войтъ и оныя оставшіеся отъ роздачи въ свободности посполитые во всемъ ему, сотнику Базилевскому, яко владѣльцу своему, всякое подданническое послушаніе и повинности отбывали бы безпрекословно; казаки-жь того мѣстечка Остапья должны быть всегда сохраняемы при ихъ владѣніи ненарушно. Во утверженіе чего и сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и національною печатью данъ въ Борзнѣ. Августа дня 1757 году. Гетманъ графъ Кирилль Разумовскій».

Изъ этого универсала видно, что хотя Базилевскій хлопогаль о предоставленіи ему посполитыхъ Остапья въ вѣчное и потомственное владѣніе, но даны они ему были лишь «въ спокойное владѣніе», безъ упоминанія о правахъ передачи по наслѣдству, слѣд. въ пожизненное пользование. Чѣмъ разрѣшилось это затѣнное дѣло для одной и для другой стороны—неизвѣстно, но Остапье осталось за Базилевскими.

Второй документъ интереснѣе и прямо относится къ турбаевской катастрофѣ. Онъ называется: «Экстрактъ изъ дѣла о арестанту отставному полковому канцеляристу Осипу Коробѣ за дачу повода къ взбунтованію села Турбаевъ жителямъ въ неповиновеніи надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану Базилевскимъ къ подданнической повинности и непослушаніи нижняго земскаго голтвянскаго суда, прибывшаго въ то село къ исполненію рѣшенія прав. сената, послѣдовавшаго по дѣлу ихъ съ оными Базилевскими и т. д.»

Вмѣстѣ съ вставочнымъ эпизодомъ о Коробѣ, дѣло это прямо уясняетъ обстоятельства, непосредственно предшествовавшія взрыву, который мало выясненъ въ основномъ дѣлѣ о турбаевской катастрофѣ. У турбаевцевъ былъ ходатай по ихъ дѣламъ въ Петербургѣ, атаманъ Кирилль Золотаревскій. Коробка, отставной полковой канцеляристъ, 38 лѣтъ, изъ лубенскаго уѣзда, также проживалъ въ Петербургѣ по

какимъ-то своимъ дѣламъ, познакомился съ Золотаревскимъ, помогъ ему въ хожденіи по турбаевскому дѣлу, и когда Золотаревскій умеръ, естественно оказался турбаевскимъ повѣреннымъ. Когда состоялось сенатское рѣшеніе объ освобожденіи 76 человѣкъ съ ихъ родомъ, записанныхъ полковникомъ Каннистомъ въ козацкіе компуты 1738 г. изъ подданства Базилевскихъ, Коробка привезъ копію съ этого рѣшенія въ Турбаи. Затѣмъ онъ составилъ какой то документъ, который долженъ былъ служить къ выясненію темнаго вопроса о родахъ, происшедшихъ отъ 76 человѣкъ, записанныхъ въ компуты. Такъ какъ этотъ документъ составлялся на основаніи показаній турбаевцевъ, которые постоянно и упорно твердили, что они, природные турбаевцы, всѣ козаки, то, вѣроятно, и составленъ былъ документъ въ этомъ духѣ: надо думать, что не внесены были только захожіе въ Турбаи или переселенные Базилевскими изъ другихъ мѣстъ, да, можетъ быть, и тѣхъ различали не строго. Какъ бы то ни было, Коробкѣ приходилось нѣсколько разъ пріѣзжать въ Турбаи и проживать здѣсь по недѣлямъ. При этомъ онъ старался не попадаться на глаза Базилевскимъ или властямъ: уже передъ тѣмъ одного ходатая Базилевскіе успѣли упрятать въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Чѣмъ руководствовался Коробка, держась за опасное турбаевское дѣло, трудно сказать: можетъ быть, корыстными побужденіями, такъ какъ турбаевцы, видимо, крайне дорожили своимъ повѣреннымъ и не жалѣли издержекъ на его вознагражденіе, можетъ быть, отчасти и сожалѣніемъ къ положенію турбаевцевъ, которые, «будучи простолюдины, видѣли себя такъ угнетенными, что не только не имѣли ни отъ кого покровительства, но по устрашенію оныхъ Базилевскихъ не могли пріискать себѣ въ близости ихъ селенія къ написанію имъ куда слѣдуетъ письменной жалобы грамотѣ вѣдущаго человѣка». Базилевскіе были, конечно, крайне заинтересованы въ томъ, чтобы убрать Коробку, и доносили на него, какъ на возмутителя. Положеніе дѣлъ какъ-бы оправдывало доносы и жалобы Базилевскихъ--Турбаи дѣйствительно волновались, и еще до перваго пріѣзда суда въ январѣ 1789 г., уже совсѣмъ отказались отъ повиновенія своимъ панамъ. Мало того, турбаевцы «разнесли ложные слухи въ другія владѣнія (Базилевскихъ), будто бы всѣ и прочіихъ ихъ селеній подданные отсуждаются въ козаки, и что кто только изъ подданныхъ ихъ останется въ должномъ своимъ владѣльцамъ повиновеніи, тѣмъ грозятъ казню, каковы зловредны ихъ къ уловленію невѣждъ вымыслы столько подѣйствовали въ сердцахъ къ разврату склонныхъ людей, что другихъ селеній многіе поддан-

ные ихъ, также экономическіе и дворовые служители у непремѣнныхъ должностей бывшіе, остановя свои работы и должности, винокуренные, скотскіе и др. заводы, бросивъ въ кадыхъ заторы, не славъ ни отчету, ни того, что въ чѣмъ вѣдѣніи было, и захвата, что кто могъ, прочее же оставивъ на расхищеніе другимъ, убрались всѣ въ то же мятежниковъ скопище, и не только не упражняются въ нужныхъ работахъ, но паче провождаютъ время въ пьянствѣ и буйствѣ. Очень любопытно, что возмутившіеся турбаевцы, «назвавъ незаконное свое скопище комиссіею, разсѣяли слухъ, что въ той ихъ комиссіи дѣлается всему Базилевскихъ владѣнію какая то перепись, и что всѣ приступившіе въ ихъ скопище изъ за Базилевскихъ въ свою бунтовщицю ревизію переписаны, и таковыми нелѣпыми разглашеніями налитавъ сердца невѣждъ, склонныхъ къ празднои и безначальной жизни, и притомъ удостовѣрясь, что готовы они всякое блаженство промѣнять на праздность и безначаліе, учредили съ тѣхъ ихъ подданныхъ сборъ на содержаніе начальниковъ бунта, называемаго ими комиссіею, и взыскивають, смотря по имѣнію человека, съ каждаго отъ пяти до шестидесяти рублей, такимъ образомъ приводи тамошнихъ Базилевскихъ подданныхъ до такой нищеты, что многіе, продавши послѣднюю съ плечей шубу, вносятъ требуемую съ нихъ сумму, подушнаго же оклада и другихъ указныхъ выстачченій не платять и многіе платять уже не въ состояніи» ...

Все это сильно преувеличено; но несомнѣнно ясно одно, что Турбанъ еще за полгода до окончательнаго взрыва, разрѣшившагося кровавымъ истребленіемъ Базилевскихъ, находились уже въ состояніи полного броженія. При чемъ тутъ былъ Коробка, помимо своей оффиціальной роли ходатая, трудно сказать съ полною увѣренностью: вѣришь, что не при чемъ. Турбаевцы узнали о состоявшемся въ ихъ пользу рѣшеніи, и этимъ воиелѣ объясняется ихъ возбужденное состояніе. Правда, противъ Коробки были нѣкоторые свидѣтельскія показанія, какъ бы уличающія его въ подстрекательствѣ. Но свидѣтелями были крѣпостные Базилевскихъ изъ другихъ селеній, слѣд. люди, находившіеся подъ давленіемъ своихъ господъ, да и показанія ихъ не отличаются точностью и опредѣленностью. Показываютъ чаще всего, что слышали, будто Коробка говорилъ, что если кто въ козаки писаться не будетъ, всѣхъ тѣхъ катъ будетъ битъ кнутомъ; но самая бессмысленность этого утвержденія заставлятъ сомнѣваться въ его справедливости. Опредѣленіе всего, и повидимому правдивѣе, показанія на счетъ сборовъ, которые турбаевцы дѣлали въ пользу

Коробки. Сбирали со двора отъ 1 руб. до 15 рублей, такъ что Коробка получилъ, кажется, рублей до 700; да еще собрали для него же болѣе 200 смушковъ, сыра и масла, сукна, справили ему линтваревый кожухъ, юхтовые чоботы, штаны синяго сукна, смушевую шапку; сверхъ того ѣздили къ нему въ домъ на работу. Однако всѣ эти блага Коробка могъ получить отъ турбаевцевъ и просто какъ повѣренный: турбаевцы были люди зажиточные и дѣйствительно доведены до отчаянія невозможностью добиться осуществленія своихъ законныхъ правъ. Однако судъ непремѣнно хотѣлъ принести Базилевскимъ въ жертву Коробку. Турбаевцы помогли суду своею безтактностью. Разъ уѣхавъ ни съ чѣмъ, судъ снова появляется въ Турбаяхъ въ усиленномъ составѣ и съ расчетомъ на содѣйствіе военной команды, которая оказалась расквартированной въ Турбаяхъ: онъ имѣлъ въ виду не только приведеніе въ исполненіе сенатскаго рѣшенія, но и обвиненіе Коробки. Коробка, какъ уже сказано выше, старался укрываться, какъ отъ Базилевскихъ, такъ и отъ начальства; а разыскивать его среди бунтующихъ турбаевцевъ было дѣло нелегкое. Однако суду удалось какъ-то «ласкательнымъ образомъ» его вытребовать, и онъ явился самъ. Но когда турбаевцы увидали, что изъ представителя ихъ интересовъ Коробка превращается передъ лицомъ суда въ подсудимаго, они начали грозить суду, что пойдутъ на Базилевскихъ и разнесутъ ихъ въ прахъ, а когда угроза не подѣйствовала, кинулись и, насильно выхвативъ Коробку, увели его съ собой. Потомъ онъ снова былъ взятъ судомъ, и уже увезенъ изъ Турбаевъ. Коробкѣ было поставлено въ вину, «что онъ, будучи грамотенъ и, какъ показываетъ, указы и законы знающъ, долженъ былъ вѣрителей своихъ, яко простолюдиновъ, кои, увѣривъ ему, дѣйствительно могли бы его слушать, приводить въ скромность, молчаливость и терпѣніе,—буде-бы въ томъ онъ не усѣвалъ и къ такому добронравію привернуть не могъ, то, во избѣжаніе законнаго истязанія, и вовсе бы въ ихъ дѣло не мѣшался, чѣмъ бы вездѣ могъ заслужить себѣ похвалу». За эту его, повидимому, единственную доказанную вину Коробка былъ присужденъ къ наказанію плетью на мѣстѣ преступленія, т. е. въ Турбаяхъ. Но Турбаи въ это время были уже въ такомъ состояніи, что нечего было и думать являться туда съ Коробкой. Турбаевцы съ страшной наглядностью доказали, что они умѣютъ дѣйствовать и безъ уроковъ и подстрекательства Коробки.

А. Е.

Полковничьи чиншевики. Восемь лѣтъ назадъ, по приглашенію покойнаго Г. П. Галагана, мы пересмотрѣли его семейный архивъ, (въ прилуцкомъ с. Сокиринцахъ), о которомъ и сообщили въ свое время нѣкоторыя свѣдѣнія («Кіевская Старина» 1883 г., ноябрь). Тогда же списали мы три печатаемые здѣсь документа, подобныхъ которымъ нѣкогда ни прежде, ни послѣ не встрѣчали. Изъ этихъ «универсальныхъ писаній» видно, что прилуцкіе полковники, начиная съ Дмитрія Горленка, установили за собою право—освобождать нѣкоторыхъ своихъ полчанъ отъ, «общенародныхъ» повинностей—за извѣстную плату, поступавшую въ личный ихъ доходъ. Освобождаемый отъ повинностей платилъ полковнику ежегодно извѣстный «чиншъ» и затѣмъ получалъ отъ него освободительный листъ, приглашавшій мѣстныя власти—не трогать такого чиншевика... Изъ этихъ листовъ видно, что платежъ чинша производился ежегодно, до тѣхъ поръ вѣроятно, пока ставало средствъ у чиншевика... Ясно не видно къ какому классу принадлежали полковничьи чиншевики, но можно догадываться, что это были прежде всего люди нисполнитаго званія, такъ какъ козаки не несли тѣхъ повинностей, за рѣдкими исключеніями, о которыхъ говорятъ освободительные листы; затѣмъ можно полагать, что эти чиншевики принадлежали къ достаточному мѣщанству, которому, по его занятіямъ промыслами, могло быть очень выгодно такое освобожденіе отъ повинностей.—Откупались отъ повинностей не единичные люди; какъ видно, явленіе это было довольно распространено: въ архивѣ Гр. П. Галагана мы нашли 28 такихъ освободительныхъ листовъ, данныхъ разнымъ лицамъ... Нахожденіе этихъ листовъ въ сокиринскомъ архивѣ, показываетъ, что они были возвращаемы дававшему ихъ полковнику. Вѣроятно, былъ такой порядокъ, что въ случаѣ невозобновленія чинша, «листъ» долженъ былъ быть возвращенъ, во избѣжаніе злоупотребленій...

Интересно знать—было ли прилуцкое увольненіе нисполнитыхъ отъ общественныхъ повинностей—общимъ явленіемъ въ старой Малороссіи или этотъ полковничій доходъ практиковался въ одномъ только прилуцкомъ полку, измышленный первоначально такимъ искусникомъ въ накопленіи богатствъ, какимъ былъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко ¹⁾).

А. Л.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., октябрь, стр. 190.

1) Его царского пресвѣтлого величества войска занорожского полковникъ прилуцкій Игнатій Ивановичъ Кгалакганъ. Всѣмъ кому о томъ вѣдати належатиметь, а меновите пану сотникови журавскому зъ товариствомъ, я войтови съ посполитими людьми, симъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ Василь Бущанъ, житель журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть зъ братомъ своимъ, за рокъ 1714, котораго мы Василя и брата его увольняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ поборовихъ, яко вожена подводъ отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тягlostей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ ниже написанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ увольненій, жадаючи, абы имъ и найменшой въ томъ заживаню волности, нѣ отъ кого не дѣялось кривды и долегливости жадной, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Прилуци, декабря 22, року, 1714. Звишь менованный полковникъ прилуцкій. За сей рокъ 1715, дали чиншъ Василю копъ 6, зъ братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабря 9, и за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть. Воленъ зостаеть отъ тягlostей посполитихъ.

2) Его царского пресвѣтлого величества в. запор. полк. прил. Игн. Ив. Кгалакганъ. Всѣмъ кому бы колвѣкъ о томъ вѣдати належало, а меновите пану сотникови журавскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ унѣверсалнымъ ознаймуемъ писаніемъ, ижъ Степанъ Андрѣенко и Мартинъ Яценко, брати въ первыхъ ¹⁾, жителѣ журавскіе, будучи зъ небожчика блаженной памяти пана Ивана Носа, бывшаго полковника прилуцкого, въ зимувчикахъ ²⁾, просили теперь насъ о принятю ихъ на чиншъ. Мы прето прошенію ихъ не отмовляючи, взглядомъ того, же оніе когда и въ зимувчикахъ были, мало громадской повинности отбували, принялисмо на чиншъ и одобравши въ нихъ на годъ теперешній якъ ниже въ листѣ положенного числа, начался изнову въ пр .. 1717 року о томъ же часѣ кончити мѣтеть

¹⁾ Дворяродные.

²⁾ Мы не умѣемъ объяснить этого названія. Не были ли это богатые мѣшчане, которыхъ полковники брали въ личную услугу, какъ брали козаковъ—въ „курѣвичики“, для освобожденія отъ тѣхъ же общенародныхъ повинностей?—„Зимувчиками“ они могли называться потому, что работали на полковниковъ зимою, когда шла молотба хлѣба, когда требовались лишнія рабочія руки для ухода за скотомъ...

належитый датокъ, а именно въ Мартина Яценка копь шесть, а въ Степана Андрѣенка золотыхъ десять, увольняемъ ихъ на весь сей оплаченный годъ отъ воженна подводъ, компанѣйскихъ станцій, такъ же поборовыхъ датковъ и всякихъ громадскихъ повинностей и варуемъ того пилно, абы нѣкто такъ зъ помянутой старшины журавской, яко и изъ кого колвекъ, жадного и наименшого въ томъ онымъ Яценку и Андрѣенку, неважилса чинити налогу, упоминаемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, декабр. 5, р. 1716. Звишь менованный полковникъ прилуцкій.

3) Его царского пресв. величества войска запор. полк. прил. Гн. Ів. Кгалакганъ. Всѣмъ хто бы того потребовалъ вѣдати, а меновите пану сотникови ичанскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ универсалнимъ ознаймуемъ писаннемъ, ижъ Марья Романиха Оковитая, жителка ичанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанне волности ей отъ бывшего антecessора нашего пана Горленка выданий, которій мы теперь ствержаючи, беремо оную подъ свою полковничую оборону и одобравши въ ней (якъ она и за пана Горленка по пять копъ—рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717 мѣкчійся, одъ ниже въ листѣ положенного числа почати изнову въ прійдучомъ 1718 року, о томъ же часѣ кончити, чиншу копь пять, увольняемъ помянутую Романиху Оковитую отъ вожена подводъ, поборовыхъ датковъ, компанѣйскихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ повинностей, въ которомъ то заживанню ей волности, дабы такъ одъ помянутой старшины ичанской, яко и одъ кого колвекъ, жадной и наименшой онуй же Оковитой не чинилося трудности, перепони и долегливости, пилно мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, іюня 3, р. 1717. Звишь менованный полковникъ прилуцкій. 1718 року, 19, Марья Романиха Оковитая отдала чиншевого датку копь пять, свободна есть. И за сей 1719 рокъ, іюля 4, Марья Оковитая отдала належной чиншъ, копь 5, волна есть отъ всякихъ посполитихъ тиглостей.

Мамаевъ дубъ. Въ недавно пріобрѣтенныхъ нами отдѣльныхъ рисункахъ д-ра Деляфиза находится изображеніе усохшаго дерева, съ обрубленными вѣтвями, съ слѣдующею подписью: «Мамаевъ дубъ въ рочицѣ васильковскомъ мотровинской дачи (чигиринск. у.), у кото-

раго разбойникъ Мамай часто весьма располагался таборомъ, какъ говоритъ мѣстное изузное преданіе; дубъ сей имѣетъ толщины $3\frac{1}{3}$ аршина, въ раздѣленіи вѣтвей (?), и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ какъ дерево это уже безъ листьа. Надобно полагать, что разбойникъ Мамай существовалъ назадъ далеко за сто лѣтъ. Во время пребыванія у сего дерева пиры его обозначались кровавою мезью на полявахъ и жидяхъ, которыхъ попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на гольяхъ сего дерева, на которомъ и самъ будучи пойманъ, по распоряженію польскаго правительства, повѣшенъ».

Легендарный Мамай пользовался у народа большою популярностью, что доказывается распространеніемъ въ Малороссіи и особенно въ Новороссіи его изображеній. Образчикъ этихъ рисунковъ можно видѣть въ приложеніи къ изданной въ 1852 г., въ Одессѣ, Исторіи о козакахъ запорожскихъ ¹⁾ Въ собраніи В. В. Тарновскаго такихъ рисунковъ шесть пли семь и все—варіанты. Особенно интересенъ изъ нихъ рисунокъ «Мамай», пріобрѣтенный изъ имущества умершаго П. А. Лукашевича († 1887 г.), несомнѣнно относящійся къ XVII в. (Остальные—позднѣйшіе). «Мамай» послужилъ фабулою и для повѣсти, написанной извѣстнымъ бытописателемъ Запорожья, А. А. Скальковскимъ ²⁾ Въ заключеніи этой повѣсти г. Скальковский говоритъ— «Мамаѣ сохранилось много преданій и памятникъ; много крестовъ каменныхъ и бабъ обломанныхъ называются мамаями; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшій экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова, въ Мошнахъ (кіевск. губ.), но тысячи копій вы найдете во всей Украинѣ»... Тутъ же говорится и о мамаевомъ дубѣ, стволъ котораго, по словамъ г. Скальковскаго, «весь избуравленъ отыскивателями кладовъ».

А. Л.

Позднѣйшая память о Б. Хмельницкомъ въ с. Суботовѣ.

Въ тѣхъ же отдѣльныхъ рисункахъ доктора Деляфлиза ³⁾, между прочимъ, находится рисунокъ камня съ слѣдующею его подписью: «Ка-

¹⁾ А надписи въ стихахъ, обыкновенно встрѣчающіяся на этихъ картинахъ.— См. въ Записк. о южн. Руси. I, 316 и слѣд.

²⁾ Повѣсть «Мамай» составляетъ 3-й и 4-й выпуски «Порубежниковъ», Одесса, 1849—50, 4 вып.

³⁾ См. «Кіевск. Стар.» 1891 г., № 3, стр. 508.

мень вышиною десять футовъ, вкопанный въ улицѣ Субботовѣ, возлѣ церкви. Жители (мѣстные) называютъ его бабою; женщины и дѣти боятся проходить возлѣ сего камня ночью. Старики говорятъ, что во время гетмана Хмельницкаго, привязывали къ этому камню преступниковъ для наказанія оныхъ». Судя по надписямъ на другихъ рисункахъ, приведенная замѣтка сдѣлана въ 1851 г. — Интересно бы знать сохраняется ли и теперь этотъ камень?

А. Л.

Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго.

Въ «Кіевлянинѣ» 1890 г. № 216, нѣкто г. В. Г—скій, сообщая описаніе одного стариннаго южно-русскаго евангелія, одну изъ имѣющихся въ послѣднемъ подписей по листамъ приписываетъ гетману Сагайдачному. Въ своемъ описаніи г. Г—скій говоритъ: «въ церковно-историческомъ древлехранилищѣ, учрежденномъ при Александро-Невскомъ братствѣ во Владимірѣ губерн. (на Клязьмѣ), въ числѣ другихъ рукописей, находится рукописное четверо-евангеліе съ владной подписью по листамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго. Евангеліе это писано на бумагѣ красивымъ уставомъ на 402 л., въ переплетѣ, обложенномъ темно-зеленымъ бархатомъ. На верхней крышкѣ переплета, по угламъ четыре евангелиста, въ срединѣ Распятіе—серебряные вызолоченные, южно-русской работы начала XVII в. Застежки утеряны, но четыре «жука» на другой сторонѣ изъ красной мѣди уцѣлѣли. Письмо рукописи тщательное и красивое; украшеній въ видѣ заставокъ, рисунковъ и т. п. въ евангеліи нѣтъ, кромѣ четырехъ крупныхъ инициальныхъ буквъ, нарисованныхъ киноварью. Хотя выходной листъ и утерянъ, но, судя по почерку и другимъ признакамъ, евангеліе это можно отнести къ концу XV и никакъ не позднѣе начала XVI вѣка. Фабричное клеймо на бумагѣ—вервь.

Не сообщая о времени и мѣстѣ своего написанія, рукопись взаимнѣ того въ цѣломъ рядѣ подписей по листамъ даетъ возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу этого евангелія, которая довольно замѣчательна. Первая по времени написанія полууставная надпись находится на 13—22 листахъ: «лѣта 7074 (1566) марта 25 дн далъ къ прчстой бдце печерской вдом великихъ чудотворцевъ антона и оеодоса печерськихъ свен'с'кого монастыря Михайло Оедоровичъ Сычевъ евангелъ тетро (т. е. четвере-евангеліе) в дещь волочено бархатомъ чернымъ а на немъ серебряны позоло-

чены и евангелисты серебряны позолочены зацепки и гвозди серебряны, а нам за то его помнати и родители его». На лист. 1—41 небрежной скорописью 16 вѣка написана другая вкладная запись: «лѣта: 34 (7090—1582) году Истома Уколовъ бых у льтовском городе у Пропоиску и купилъ се евангелѣя у льтовскихъ людей у черкасѣ, а взяли се евангелѣя льтовские люди у прѣстые бдцы Свенского монастыря... Истома Уколовъ о девеностомъ году прѣставилси и дала се евангелѣя по Истомѣ по Уколовѣ в домъ Прстыя Бдцы въ монастырь, что въ Стародубѣ на посаде жена его Анна и се евангелѣя отъ Прстыя Бдцы изъ монастыря никому не износить, а хто изнесетъ се евангелѣя и тотъ судитца перед Спасомъ, а имя Истоте Ороль да дѣти его Иоаннъ да Михаила и все на нихъ написалъ... Очевидно, что завѣщаніе М. Ѳ. Сычева, по которому это евангеліе должно было поступить изъ Свѣнскаго монастыря (нынѣ въ орловской губ.) въ Кіево-Печерскій монастырь, не было исполнено; впрочемъ, можетъ быть, оно попало въ Пропойскъ въ руки черкасскъ, т. е. козаковъ, уже изъ Печерскаго монастыря. Но недолго оно оставалось и въ Стародубѣ. На лист. 119—121 читаемъ слѣдующую надпись, написанную красивымъ почеркомъ: «Сие евангеліе оправилъ срѣбромъ булатномъ (?) коношевичъ козакъ войска запорозкаго за отпущеніе грѣховъ своихъ и за отца своего коноша (коношъ— историческое имя Конона) и за мать свою полагаю до храму прстой Бцы Чигиринской». Упоминаемый въ записи козакъ Коношевичъ, безъ сомнѣнія, есть извѣстный гетманъ Петръ Коношевичъ Сагайдачный, получившій образованіе въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, защитникъ православія и ктиторъ Богоявленскаго монастыря, пожертвовавшій много тысячъ на Богоявленскій храмъ и на содержаніе братской школы, ставшей впоследствии духовною академіею. По словамъ М. Максимовича, незадолго до своей смерти, послѣдовавшей 10 апрѣля 1622 г. отъ ранъ, полученныхъ подъ Хотиномъ, гетманъ Коношевичъ сдѣлалъ богатые вклады въ пользу кіевскаго братства, львовскаго и друг. церквей и монастырей. Вѣроятно, тогда имъ пожертвовано въ чигиринскую церковь и это евангеліе, пріобрѣтенное имъ во время многочисленныхъ походовъ въ числѣ прочей военной добычи. Судя по красивому почерку этой записи, можно думать, что ее сдѣлалъ самъ гетманъ, получившій хорошее образованіе. Изъ Чигирина евангеліе было передано въ XVIII в., какъ значится въ позднѣйшей надписи, «капитаномъ отъ

кавалеріи петербургскаго полку Иваномъ сномъ Борѣтинскимъ въ (неизвѣстно какую) церковь прстоѣ Бѣы», а затѣмъ, переходя изъ рукъ въ руки, попало въ церковь с. Карачарова муромскаго у. владим. губ. и отсюда уже въ церковно-историческое древнехранилище Александро-Невскаго братства».

Думается, что въ «Конашевичѣ, козакѣ войска запорожскаго» видѣть гетмана Сагайдачнаго нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ козаконъ Конашевичей (Конашъ—Кононъ) было, конечно, немало; еслибы упомянутый здѣсь Конашевичъ былъ гетманъ, то, конечно, онъ не упустилъ бы указать на свое общественное положеніе и въ надписи.—Но если приведенная догадка г. Г—скаго не представляетъ вѣроятія, то за то приведенная имъ надпись 1582 г. заключаетъ въ себѣ интересное свидѣніе о существованіи въ Стародубѣ, въ к. XVI в. монастыря. До сихъ поръ свидѣній о существованіи въ Стародубѣ какаго бы то ни было монастыря не было и приведенная надпись вдовы Истома Уколова заключаетъ въ себѣ совершенно новое свидѣтельство—о существованіи въ Стародубѣ, на посадѣ, въ к. XVI в. монастыря пресв. Богородицы.

А. Л.

Къ свидѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ. Въ «Елисаветградск. Вѣстн.» 1891 г., № 33 описывается уничтоженіе одного изъ многихъ погибшихъ и гибнущихъ архивовъ. На этотъ разъ идетъ рѣчь объ архивѣ елисаветградскаго собора.—Въ сообщенной замѣткѣ читаемъ: «Въ числѣ архивовъ, имѣющихъ особый интересъ и значеніе, слѣдуетъ отмѣтить церковные архивы; между тѣмъ и они находятся ббльшей частью въ весьма печальномъ положеніи. Нагляднымъ доказательствомъ тому можетъ служить архивъ при нашемъ соборѣ, валяющійся гдѣ-то въ погребѣ; намъ приходилось видѣть много документовъ конца XVIII ст. и начала XIX ст. изъ соборнаго архива, употребленныхъ вмѣсто оберточной бумаги,—въ числѣ документовъ попадались часто листы изъ метрическихъ книгъ начала XIX ст. и даже сороковыхъ годовъ. Наконецъ, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ намъ извѣстно, что уже много лтъ подъ рядъ сторожа цѣлыми мѣшками носятъ архивныя дѣла для подтопки печей, а можетъ быть и продаютъ «дѣла»,—намъ приходилось поднимать на улицѣ засаленные листы изъ нихъ. Такіе же засаленные листы, служившіе, должно быть, для заворачиванія

сельдей, намъ приходилось видѣть здѣсь въ городѣ и изъ метрическихъ книгъ с. Капижа, начала этого столѣтія.

Въ числѣ документовъ, данныхъ намъ, говорить авторъ замѣтки, вмѣсто оберточной бумаги, между прочимъ, нѣкоторые относились ко времени дѣятельности бывшихъ въ началѣ XIX ст. *ольвиопольскаго и новомиргородскаго духовныхъ правленій* (1797—1805 гг.). Затѣмъ одинъ разъ намъ завернули покупку въ листъ изъ дознанія, произведеннаго новомиргородскимъ духовнымъ правленіемъ 28 февраля 1797 года, на основаніи указа отъ екатеринославской духовной консисторіи отъ 17 января того же года «о праздно проживающемъ священникѣ Игнатіи Бужницкомъ; изъ показанія его видно, что онъ, будучи воспитанъ въ духѣ православной вѣры, въ 1793 г. былъ рукоположенъ во священники уніатскимъ митрополитомъ Θεодосіемъ въ г. Радомыслѣ; а въ 1794 г., когда многіе уніатскіе священники начали переходить въ православіе, перешель и онъ; оставшись вмѣстѣ съ тѣмъ безъ мѣста, онъ, очевидно, бѣжалъ къ намъ въ Новомиргородъ, гдѣ и проживаль «праздно». Въ показаніи своемъ онъ заявляетъ желаніе быть священникомъ въ с. Эрделевкѣ (бывшаго) *новомиргородскаго уѣзда*. Затѣмъ, въ другой разъ покупку завернули въ другой листъ, изъ того же дѣла о Бужницкомъ, который оказался указомъ екатеринославской духовной консисторіи отъ 11 іюля 1797 года, на имя новомиргородскаго духовнаго правленія, о назначеніи Игнатія Бужницкаго священникомъ въ помѣщичье село Акимовку новомиргородскаго уѣзда, причемъ въ указѣ этомъ сообщается, что всѣ прихожане изъявили желаніе имѣть у себя священникомъ Бужницкаго, кромѣ помѣщицы Миклоевой; въ виду того его высокопреосвященство *Гавріиль митрополитъ екатеринославскій и Херсонеса-Таврическаго* повелѣлъ, не взирая на несогласіе Миклоевой, опредѣлить священника Бужницкаго на приходъ въ Акимовку, а «буде же она помѣщица вдаль священнику мѣшать будетъ, то духовному правленію просить защищенія оному священнику отъ команды свѣтской противъ оной помѣщицы Миклоевой». Однимъ словомъ, повторяется обыденное явленіе... Единственное средство для предотвращения гибели указаннаго и, разумѣется, многихъ другихъ архивовъ заключается въ учрежденіи мѣстной архивной комиссіи.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ 2-й. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1889 г. XXIV+551

1-й выпускъ этого изданія вышелъ еще въ 1876 году. Теперь оно продолжается подъ редакціей академика Н. О. Дубровина. Въ 1-мъ отдѣленіи помѣщены Высочайшіе указы и рескрипты, состоявшіеся по собственной Е. И. В. канцеляріи (въ 1812 году), и Высочайшіе указы, объявленные граф. Аракчеевымъ. 2-е отдѣленіе заключаетъ въ себѣ разнообразныя матеріалы; нѣкоторые при нихъ относятся къ западной и южной Россіи (нач. XIX в.). Таковы докладныя записки сенатора Алексѣева относительно губерній сѣверозападнаго и югозападнаго края (относительно переселенія евреевъ изъ селъ и деревень въ города и мѣстечки, относительно почтъ, относительно мѣръ для ихъ благоустройства). Къ нимъ приложена записка о необходимости перевести губернскія учрежденія изъ Житомира въ г. Дубно. Мысль эта принадлежала губернатору Комбурлеу, но Алексѣевъ съ нимъ былъ вполне согласенъ. О Житомирѣ въ запискѣ говорится такъ: онъ стоитъ на самой границѣ губерніи, не имѣетъ коммерціи, ни особенныхъ какихъ выгодъ и не иное что есть, какъ мѣстечко жидовское, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій въ немъ также не устроено; а хотя губернскія мѣста находятся въ старомъ іезуитскомъ зданіи, но по ветхости его и по неудобству необходимо должно выстроить вновь. Мѣстечко Дубно есть одно удобнѣйшее для устроенія въ немъ губернскаго хорошаго города. Будучи уже довольно обстроено каменнымъ строеніемъ, имѣетъ купечество богатое, изъ коего иностранныя купцы имѣютъ хорошія магазейны, а многіе изъ евреевъ производятъ довольно порядочный торгъ и живутъ въ хоро-

шихъ домахъ». Въ другомъ приложеніи говорится объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ волынской губерніи, въ третьемъ — о реврутскихъ призывныхъ участкахъ, въ четвертомъ — объ усиленіи кордонной стражи на границѣ въ той же губерніи. Къ полтавской губерніи относится всеподданнѣйшій рапортъ малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина (1817 г.) объ иностранныхъ суконщикахъ (стр. 515—519). Иностранцы были вызваны правительствомъ изъ заграницы и поселены въ г. г. Полтавѣ, Кременчугѣ и Константиноградѣ. Но они очутились въ самомъ жалкомъ состояніи и, конечно, возлагавшихся на нихъ надеждъ не оправдали. «Состояніе сихъ иностранцевъ, говоритъ кн. Репнинъ, дѣйствительно бѣдственное; они, получая при переселеніи и обзаведеніи ихъ денежные пособія, состоятъ доселѣ должными казнѣ данною имъ въ ссуду значительною суммою. Такое положеніе удерживаетъ ихъ отъ всѣхъ предприятий и весьма немногіе отъ нихъ, заплата долги, получили свободу къ вольному по ремесламъ ихъ промыслу; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали, а другіе умерли, и претензіи на нихъ послѣднихъ содѣлалась невозможною ко взысканію; вообще на состоящихъ нынѣ 115 сем. считается долгу ассигнаціями 102518 руб., талеровъ 1261, рейхсталеровъ 44, флориновъ 146». Всего было израсходовано на нихъ 453348 р. ассигн., 2381 тал., 48 рейхсталеровъ, 146 флор. (на ссуду, на постройку домовъ, амбара, водяной сукновальной мельницы и колодезей, на инструменты для суконной фабрики). И чтоже? Дома и пр. были выстроены такъ непрочно, что понадобилось нарядить цѣлое слѣдствіе о постройкахъ; «иностранцы при домахъ, ими занимаемыхъ, не только не имѣютъ никакихъ способовъ къ обзаведенію себя хозяйственнымъ способомъ, но даже и самыхъ огородовъ»; они находились въ постоянныхъ распряхъ другъ съ другомъ, благодаря различію вѣроисповѣданій (одни были католики, другіе лютеране). Репнинъ проектировалъ цѣлый рядъ мѣръ для приведенія ихъ въ лучшее состояніе. Онъ предлагалъ *простить имъ все долги* (по ссудѣ данной правительствомъ), прибавить огородовъ и сѣнокоса и отдать имъ безденежно вмѣстѣ съ усадьбами въ вѣчное и потомственное владѣніе (подъ условіемъ 10-ти лѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ и занятія своимъ промысломъ), дать заимообразно по 100 руб. на семейство, подарить казенные инструменты, изъять ихъ подъ казеннаго вѣдомства и предоставить автономію. Какова была судьба этого представленія мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ оно является любопытной темною страничкой изъ исторіи иностранной колонизаціи въ

южной Россіи. Поселеніе каждаго семейства обошлось правительству въ среднемъ болѣе 400 руб., а пользы изъ этого не вышло никакой. «По издѣлію суконному, говорится въ заключеніе записки, съ 1809 года по сіе время въ оборотѣ было капитала до 270000 руб.; выгоду же отъ оного примѣрно положить можно до 27000 руб., которые выручаются чрезъ продажу состоящаго теперь въ наличности валенаго сукна 4000 и суровья 19000 арш.»

Значительное мѣсто въ Сборникѣ занимаетъ переписка извѣстнаго Вас. Наз. Каразина по Филотехническому обществу (1814—1818 г., стр. 445—513). Перечень содержащихся здѣсь документовъ сдѣланъ мною въ другомъ мѣстѣ (въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.). Здѣсь же замѣчу только, что редакторъ Сборника академикъ Н. О. Дубровинъ не свѣрилъ своихъ матеріаловъ съ тѣмъ, что было уже извѣстно раньше, и напечаталъ нѣкоторые документы въ другой разъ (напримѣръ отчеты о дѣятельности Филотехн. общ. послѣ Успенскаго съѣзда 1814 г. и др.).

Издавъ Сборникъ, съ виѣшней стороны, прекрасно, даже роскошно и снабженъ алфавитнымъ указателемъ именъ.

Д. И. Багалъй.

Акты Московскаго государства, изданные импер. академіей наукъ подъ редакціей Н. А. Попова. Томъ I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571—1634. Спб. 1890, XLIV, 766.

Мысль объ этомъ изданіи принадлежитъ еще покойному академику Н. В. Калачову, исполненіе же ея выпало на долю преемнику Н. В. въ должности директора Архива Мин. Юстиціи Н. А. Попова. Послѣдній, по плану академіи, рѣшилъ заняться систематическимъ извлеченіемъ изъ ввѣреннаго его попеченіямъ архива актовъ московскаго государства, заключающихся въ дѣлахъ двухъ главнѣйшихъ приказовъ — разряднаго и вотчиннаго. Разрядный приказъ, какъ извѣстно, дѣлился на столы (о столахъ этихъ былъ прочитанъ г. Гоздаво-Голомбѣвскимъ рефератъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ). Московскій столъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшіе документы. Часть ихъ и напечатана въ вышедшемъ теперь 1-мъ томѣ «Актовъ московскаго государства». Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ южнорусскимъ областямъ — лѣвобережной Малороссіи и слободской Украинѣ. Отмѣтитъ, и другіе. Къ 1614 году относятся цѣлый рядъ отписокъ воеводъ о воровскихъ черкасахъ, т. е. малороссійскихъ казакахъ, громившихъ

различныя области и украины (въ особенности сѣверныя). Документъ подъ № 162 говоритъ о выѣздѣ на государево имя въ 1623 г., въ Путивль изъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда 16 крестьянскихъ семействъ; актъ подъ № 163 — о намѣреніи воровскихъ козаковъ, явившихся въ Новгородъ-Сѣверскъ, грабить по дорогамъ русскихъ торговыхъ людей. Къ Новгородъ-Сѣверску относится еще № 294 (1630 г.), заключающій въ себѣ челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ объ освобожденіи ихъ отъ платы за перевозъ черезъ р. Сеймъ, №№ 315 и 396), содержащіе отписки сѣвскаго воеводы о вышедшихъ изъ новгородъ-сѣверскаго Спасскаго монастыря черномъ поиѣ Іонѣ со старцемъ Авраміемъ и черномъпоиѣ Нифонтѣ со старцемъ Селпверстомъ, № 497 съ челобитьемъ новгородъ-сѣверца Лющина о пожалованіи его за службу и № 512 со свѣдѣніями о службѣ новгородъ-сѣверскаго воеводы Болтина. Интересны воеводскія отписки о польскихъ (т. е. полевыхъ, степныхъ) вѣстяхъ, доставленныхъ разными выходцами и языками; таковы вѣсти, сообщенныя запорожскимъ выходцемъ Онуфриемъ Семеновымъ въ 1632 г. (№ 327), русскимъ выходцемъ Иваномъ Даниловымъ (№ 328), торговымъ человѣкомъ Ив. Леховымъ (№ 329), крестьяниномъ Фед. Олѣеровымъ (№ 331), литовскимъ выходцемъ Яномъ Заблоцкимъ (№ 332), путивльскими торговыми людьми (№ 333), рыльскими торговыми людьми (№ 336 и 432), «полонянникомъ» — черкашенномъ Алешкою Боровскимъ (№ 346), который потомъ былъ сосланъ въ Казань (№ 403), запорожскимъ козакомъ Максимомъ Михайловымъ (№ 424), казачьимъ сыномъ Гр. Алексѣевымъ и литвиномъ М. Марковымъ (№ 427), сѣвскими торговыми людьми (№ 435), запорожскимъ выходцемъ Иваномъ Павловымъ (№ 436), крестьянами (№ 547), литовскими и польскими языками (№ 637 и 645), малороссійскими языками (№ 649, 673 и 661), нѣмчиномъ (№ 654). Нѣсколько актовъ относится къ г. Стародубу (Сѣверскому). Таковъ наказъ Лицуну о сборѣ въ стародубскомъ уѣздѣ кормовыхъ дѣтей боярскихъ и козаковъ, убѣжавшихъ изъ подъ Смоленска (1633 г., № 478), государева грамота къ русскимъ служилымъ людямъ, стоявшимъ въ стародубскомъ уѣздѣ, съ запрещеніемъ идти войной на «черкасскіе города» (№ 486), дѣло по челобитью Ив. Варѣва съ товарищами о пожалованіи ихъ за сеунчъ о взятіи г. Стародуба (1633 г., № 500), отписка стародубскаго воеводы о боѣ его близъ города съ дѣтьми боярскими и козаками, сбѣжавшими изъ подъ Смоленска (№ 505, о пребываніи ихъ въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ сообщаютъ акты подъ № 509 и 522), челобитье Ив. Ерощкина и Ник. Оладына о по-

жалованіи ихъ за стародубскую службу (№ 595 и 601). О военныхъ дѣйствіяхъ малороссійскихъ козаковъ противъ русскихъ украинныхъ городовъ сообщаютъ свѣдѣнія документы подъ № 529, (приступъ къ Путивлю въ 1633 г.), 538 и 680 (приступъ къ Бѣлгороду въ томъ же году), 540 (къ Стародубу), 640 и 658 (къ Сѣвску), 663 (къ Курску), № 704 (къ бѣлгородскому Николаевскому мон).

Интересны сказки «о службахъ» русскихъ воеводъ и служилыхъ людей, напр., кн. Вас. Ромодановскаго о его дѣйствіяхъ въ стародубскомъ и новгородъ-сѣверскомъ уѣздахъ (№602), путивльскихъ воеводъ кн. Н. Гагарина и Аядрея Усова (№ 646), Ивана Волжина (№ 690) и др.

Изъ этого перечня уже видно, что въ «Актахъ» содержится не мало матеріаловъ, разъясняющихъ намъ исторію Сѣверщины въ 1-й половину XVII в.; большая часть этихъ данныхъ относится ко 2-й польской войнѣ, закончившейся извѣстнымъ Поляновскимъ миромъ (1634 г.). Стародубскій и новгородъ-сѣверскій уѣзды въ это время также служили ареною борьбы воюющихъ сторонъ. Извѣстія сообщаемыя перепискою между Россіей и Польшею, (Чтенія Москов. Общ., 62, кн. 4) значительно пополняются нынѣшнимъ Сборникомъ. Къ сожалѣнію, ни А. М. Лазаревскій (въ своемъ «Описаніи Старой Малороссіи»), ни я (въ своей рецензіи на его трудъ) не могли воспользоваться этими данными.

Къ территоріи слободской Украйны относится также не мало актовъ. Таковыя документы о сторожевой и станичной службѣ на «польской», т. е. южной степной полевой украйнѣ. Таковы матеріалы, касающіеся жизни въ стени черкасъ, положенія Святогорскаго и Савинскаго мон. далеко выдвинувшихся тогда (въ 1-й пол. XVII в.) въ степь, и извѣстнаго основателя г. чугуева гетмана Якова Острицы. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ см. въ моемъ Критико-библіографическомъ очеркѣ матеріаловъ по исторіи слоб. Украйны, напечатанномъ въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.).

Д. И. Багалъй.

Памятная книжка волынской губ., изд. волынск. губернск. статистич. комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича Житомиръ. 1890.

Памятная книжка волынской губ. на 1891 г. состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: общекалендарныхъ свѣдѣній, адресъ-календаря, матеріаловъ по статистикѣ губерніи за 1889 г. и справочныхъ свѣ-

дѣній, т. е. составлена по той же программѣ, что и въ предыдущіе годы. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, впрочемъ, находимъ официальные свѣдѣнія объ армарочныхъ оборотахъ въ 1889 г. Изъ находящагося въ томъ же отдѣлѣ списка волостныхъ старшинъ видно, что въ числѣ 207 старшинъ было грамотныхъ всего 41 (т. е. 19,8%), малограмотныхъ — 19 (или 9,1%) и неграмотныхъ 147 (71%). Больше всего неграмотныхъ въ заславскомъ уѣздѣ (14 неграмотныхъ старшинъ изъ 16, т. е. 87,5%); наибольшій процентъ грамотныхъ старшинъ выпадаетъ на лубенскій (43,2%) и луцкій (35,3%) уѣзды. — Въ приложеніи въ «Памятной книжкѣ» помѣщенъ «Выводъ изъ статистическихъ таблицъ волынской губ. за 1888», въ которомъ статистическія свѣдѣнія приведены въ извѣстную систему, сопоставлены въ различныхъ комбинаціяхъ. За это нужно быть благодарнымъ редактору, такъ какъ матеріалы по статистикѣ губерніи (въ III отд.) предлагаются въ очень неудобномъ видѣ, даже безъ процентныхъ вычисленій въ нѣкоторыхъ нужныхъ случаяхъ, такъ что самому читателю представилось иллюстрировать голыя цифры замѣтками на поляхъ. — Сравнивая Памятную книжку волынской губ. съ другими подобными же изданіями, приходимъ къ невыгодной для первой заключеніямъ. Въ то время, какъ памятнаы книжки напримѣръ сѣверо-западнаго края отводятъ мѣсто матеріаламъ по этнографіи, археологін губерніи, наше изданіе ограничивается однѣми статистическими данными. А между тѣмъ матеріалъ долженъ быть. Мы знаемъ, напримѣръ, что волынской статистической комитетъ представлялъ на послѣдній археологическій сѣздъ археологическую карту волынс. губ. — Отчего бы не напечатать матеріалы, помогшіе составленію этой карты, въ Памятной книжкѣ?

Арх. Л.—ико.

По поводу рецензіи книги «Вольности запорожскихъ казаковъ».

Въ уважаемомъ мной журналѣ «Кіевская Старина», за февраль мѣсяць текущаго года, В. Н. Ястребовъ помѣстилъ подробную и съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно безпристрастную рецензію на мой новый трудъ «Вольности запорожскихъ казаковъ». Соглашаясь въ общемъ съ г. Ястребовымъ, что вся моя работа носитъ «спѣшный характеръ» и оттого въ ней замѣчаются «нѣкоторые недостатки, промахи и неточности», я въ частности, я въ частности не могу согласиться съ моимъ рецензентомъ въ слѣдующихъ пяти положеніяхъ.

Во первыхъ, г. рецензентъ приписываетъ мнѣ положеніе, будто бы я, «игнорируя и смѣшивая эпохи, нахожу крѣпость Александровскую, теперь городъ Александровскъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ о. Хортицы, еще при Константиѣ Багрянородномъ (стр. 40). Ничего подобнаго у меня нѣтъ и быть не можетъ, потому что Константинъ Багрянородный жилъ въ X вѣкѣ, а крѣпость Александровская основана во второй половинѣ XVIII. Въ моей книгѣ на указанной страницѣ разсказывается лишь о томъ, какъ избѣгали пороговъ наши предки, славяне-язычники, а потомъ впоследствии запорожскіе козаки. Думаю, что поставленіе времени запорожскихъ козаковъ со временемъ славянъ-язычниковъ не есть смѣшеніе и игнорированіе эпохъ, въ противномъ случаѣ смѣшеніемъ эпохъ будетъ и то, если мы скажемъ, что начало міра, по еврейскому счисленію, было за 5508 лѣтъ до Р. Х., а начало русскому государству, по лѣтописному преданію, въ 862 году по Р. Хр.

Во-вторыхъ, г. рецензентъ доказываетъ, будто бы, по-моему, въ настоящее время рѣка Бугъ течетъ близъ Еватерининскаго шанца, что рѣчка Журавка впадаетъ въ Сянюху противъ польскаго города Семлека, что Тарговица приходится устьемъ противъ польскаго города Тарговицы, что рѣка Ингуль течетъ черезъ Елисаветградскую провинцію, мимо крѣпости св. Елизаветы и что въ Черномъ лѣсѣ водятся дикіе кабаны, дикія козы и т. п. Смѣю увѣрить моего рецензента, что мнѣ не менѣе, какъ и ему извѣстно, что въ настоящее время нѣтъ ни Еватерининскаго шанца, ни Елисаветградской провинціи, ни польскихъ городовъ Семлека и Тарговицы, какъ нѣтъ дикихъ кабановъ въ Черномъ лѣсѣ. Если же у меня говорится объ этомъ (131, 139, 250) въ настоящемъ времени — «течетъ», «впадаетъ», «водятся», то это просто значитъ то, что я, по общепринятому азбучному правилу, употребилъ, для такъ называемой живости рѣчи, форму настоящаго времени вмѣсто формы прошедшей. Неужели же мнѣ поставить въ вину, если я, повѣствуя о какомъ либо историческомъ событіи, на примѣръ Полтавской битвѣ, скажу: «И вотъ Петръ выѣзжаетъ на ратное поле» вмѣсто «И вотъ Петръ выѣхалъ на ратное поле»? И неужели и тутъ станутъ доказывать мнѣ, что я смѣшиваю эпохи или не знаю, что теперь царя Петра совсѣмъ нѣтъ въ живыхъ?...

Въ-третьихъ, г. рецензентъ совѣтуетъ мнѣ возможно осторожнѣе относиться къ картѣ Риччи Заннони и не слишкомъ ссылаться на нее. Цѣну картѣ Риччи Заннони я знаю также не менѣе самаго

г-на рецензента, какъ вслѣдствіе близкаго моего знакомства съ ней, такъ и вслѣдствіе указанія на нее извѣстнаго историка запорожской Сѣчи, А. А. Скальковскаго. Не вездѣ довѣрѣя показанію этой карты, я всегда въ моемъ трудѣ старался болѣе всего обосноваться на картѣ Исленьева и употреблялъ такой пріемъ: «Кривой-Ташлыкъ на картѣ Риччи Заннони=Терновка на картѣ Исленьева», «Хольникъ на картѣ Риччи Заннони=Ольшанка на картѣ Исленьева» (137) и др.

Во-четвертыхъ, г. рецензентъ упрекаетъ меня въ небрежности цитатъ и въ смѣшеніи сочиненія Боплана съ сочиненіемъ Русова и барона Тотта. Здѣсь я менѣе, чѣмъ гдѣ-либо виновенъ. Такъ, на страницѣ 287 моей книги, въ выноскахъ 2 и 3, допущена простая типографская опечатка, перемѣщеніе выноски: вмѣсто второй поставлена третья, а вмѣсто третьей вторая, отъ этого и вышло, что, дѣлая выдержку изъ Русова, я ссылаюсь на Боплана, а дѣлая выдержку изъ Боплана, ссылаюсь на Русова. Сочиненіе Русова «Русскіе тракты» (Кіевъ, 1876) и сочиненіе Боплана «Описаніе Украйны» (СПБ., 1832) и всегда твердо различалъ и ни на минуту не смѣшивалъ. Что касается до «Мемуаровъ» барона Тотта, то я ихъ цитировалъ по выдержкамъ, приведеннымъ Устряловымъ, въ приложеніяхъ къ сочиненію Боплана, потому что въ отдѣльномъ изданіи этой, весьма интересной, книги мнѣ не удалось найти, оттого-то я и сослался на Боплана; мой же рецензентъ, упрекая меня въ этомъ, замѣчаетъ, что подобный пріемъ «можетъ ввести невѣдущаго въ курьезное заблужденіе, будто мемуары барона Тотта *помѣщены* въ «Описаніи Боплана». Не знаю, у кого больше на этотъ разъ курьеза—у авторали «Вольностей» или у рецензента ихъ... Также точно простая опечатка на страницѣ 117 моего труда возводится моимъ рецензентомъ въ курьезъ моего изложенія. Напечатано: Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрытыя лѣсною растительностію и *оттого* ежегодно размываемыя водой, такъ и Днѣпръ... Надо было бы: Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрытые лѣсною растительностію и *весною* ежегодно размываемые водой». На эту опечатку я обращалъ вниманіе еще тогда, когда разсылалъ свою книгу въ редакціи журналовъ для рецензій, а въ томъ числѣ и въ редакцію «Кіевской Старины»¹⁾.

¹⁾ Дѣйствительно г. Эварянцкій въ письмѣ своемъ въ редакцію указалъ нѣсколько опечатокъ, и этимъ указаніемъ мы воспользовались, выпустивъ соответствующія мѣста въ рецензій г. Ястребова. Но въ данномъ случаѣ мы никакъ не можемъ

Наконецъ, въ пятыхъ, г. рецензентъ поставляетъ мнѣ на видѣ, что между документами, приложенными въ концѣ моей книги, есть и такіе, которые должны быть причислены къ категоріи «бумажнаго хлама» и тутъ же указываетъ на первый документъ «Жалобу пана Куцинскаго пану Василию Тимофѣевичу на поргного Булавку за дурно сдѣланный кафтанъ». Хотя г. Ястребовъ и относитъ подобный документъ къ разряду хлама, но я, по моему крайнему разумѣнію, нахожу въ означенномъ документѣ большой интересъ потому, что онъ даетъ полное и даже чисто специальное описаніе козацкаго платья, именно верхняго кафтана, покроя котораго для насъ остался почти неизвѣстенъ, потому что ни одного изъ такихъ кафтановъ не сохранилось до нашего времени. Да и вообще, при утерѣ сѣчеваго архива, нужно дорожить даже и «хламомъ» запорожскимъ, если таковой гдѣ-бы то ни было могъ сыскаться, потому что всякій историческій документъ имѣетъ извѣстную цѣну и извѣстный интересъ. Я понимаю восторгъ генерала-лейтенанта В. П. Коховскаго, директора Соляного городка, отрывшаго у себя названный документъ о козацкомъ кафтанѣ, упивавшагося имъ въ теченіи нѣсколькихъ дней и теперь совершенно довольнаго тѣмъ, что онъ нашелъ мѣсто въ печати.

Въ изложенныхъ пяти пунктахъ я считаю себя совершенно правымъ и потому принимаю замѣчанія г. Ястребова безъ существеннаго для меня значенія, за остальные же его указанія выражаю ему искреннюю признательность, хотя не могу не замѣтить, что всѣ они большею частью касаются скорѣе частныхъ, нежели общей постановки дѣла.

Д. И. Эварницкій.

Отвѣтъ Д. И. Эварницкому.

На пять тезисовъ, выставленныхъ противъ меня г. Эварницкимъ, отвѣчу по порядку:

1) Г. Эварницкій съ большимъ успѣхомъ доказалъ, что онъ знаетъ столѣтіе царствованія Константина Багрянороднаго; да я и не сомнѣвался въ этомъ; въ доказательство неудовлетворительности метода его труда я сказалъ только: «такъ, при Константинѣ Багр. на

согласиться съ г. Эварницкимъ, что имѣемъ здѣсь дѣло съ рядомъ типографскихъ опечатокъ (покрытыхъ, оттою, размываемыхъ), а думаемъ, что это недосмотръ автора—Ред.

Днѣпрѣ *оказывається* крѣпость Александровская» (стр. 41); замѣтите: вовсе не говорю, что г. Эварницкій ее *находитъ*, а говорю: *оказывається*, а почему?—очевидно,—по неудовлетворительности его метода. Напрасно г. Эварницкій настаиваетъ, будто ничего подобнаго у него вѣтъ и быть не можетъ. Развернувъ книгу на указанной мною страницѣ, онъ, вслѣдъ за цытатой изъ Константина Багр. (по Лербергу) о плаваніи руссовъ, прочтетъ свои собственные слова: «...всѣ суда, шедшія по Днѣпру сверху внизъ въ лѣтнее время, всегда останавливались у пороговъ; тутъ съ нихъ снимали товары и везли 70 верстъ сухимъ путемъ до крѣпости Александровской, стоящей у устья р. Сухой Московки» и пр. Значить, *ничто подобное* путаницѣ въ географической номенклатурѣ у г. Эварницкаго и есть, и быть можетъ.

2) Во второмъ пунктѣ г. Эварницкій всенародно объявляетъ, что ему извѣстно также существованіе настоящаго повѣствовательнаго въ русской грамматикѣ; охотно допускаю и это, но, признаюсь, не догадался, что всѣ тѣ мѣста, на которыя я указывалъ, представляютъ образчики примѣненія авторомъ этого самаго правила. Да полно и такъ ли? Раскрываемъ стр. 138—139 «Вольностей» и читаемъ: «Ингуль ...начало беретъ въ степи изъ ручьевъ, близъ лѣса Нерубая, выше м. Цыбулева, теперь д. Федоровки или Бровковой (sic) херсонск. губ., елисаветгр. у.; черезъ елисаветградскую провинцію течетъ самымъ малымъ потокомъ, у самой крѣпости св. Елисаветы въ лѣтнее время онъ почти не виденъ: здѣсь его всегда переѣзжаютъ въ бродъ и только для иѣшихъ кладутъ доску» и пр. Или еще лучше на стр. 250: «Черный лѣсъ в Чуга состоятъ изъ дуба, клена, береста, осины, орѣшника и др.; въ немъ водятся волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы и множество разнаго рода птицъ». Неужели въ приведенныхъ мѣстахъ настоящее время способствуетъ оживленію рѣчи и не подаетъ повода къ недоразумѣніямъ? И неужели—добавимъ—такъ необходимы были г. Эварницкому для оживленія рѣчи крѣпость св. Елисаветы и елисаветградская провинція, отъ начала которыхъ до конца Запорожья не прошло и полныхъ 25 лѣтъ?

3) На благой совѣтъ мой не довѣрится безъ критики картѣ Риччи Заннони, совѣтъ, поводомъ для котораго послужилъ указанный мною промахъ г. Эварницкаго, сдѣланный именно изъ лишняго довѣрія къ названной картѣ, г. Эварницкій, молчаливо признавая свой промахъ, обидчиво замѣчаетъ, что цѣну этой картѣ знаетъ не хуже

меня. Отвѣчу на это кратко: тѣмъ хуже для него!... Просилъ бы его вообще замѣтить, что съ его познаніями, о которыхъ говоритъ онъ самъ излишне много, я имѣлъ дѣло постольку, поскольку они выразились въ его книгѣ, послужившей предметомъ для разбора.

4) Во первыхъ, что касается опечатокъ, то напрасно г. Эварницкій полагаетъ, будто онѣ совсѣмъ не лежатъ на отвѣтственности автора (который, къ тому же, въ данномъ случаѣ былъ также и издателемъ) и представляютъ нѣчто неприкосновенное; нельзя же отъ читателей требовать такой пронизательности, чтобы вмѣсто *оттого* они читали *весною!*—Во вторыхъ, если г. Эварницкій говоритъ, будто ему «Мемуаровъ» бар. Тотта не удалось найти, то это произошло, безъ сомнѣнія, оттого, что онъ и не искалъ ихъ; въ продажѣ оба изданія этого труда, который почему то и г. Эварницкій находитъ интереснымъ, стоятъ всего 1 р. 50 к. (XXVI Каталогъ Киммеля, стр. 45) и потому авторъ нашъ, имѣющій счастливое преимущество работать въ Петербургѣ, свободно могъ пользоваться «Мемуарами» въ оригиналѣ, не прибѣгая къ сомнительному способу цитированія по выдержкамъ въ приложеніяхъ и примѣчаніяхъ къ труду Боплана, называя надерганные имъ клочки — «Мемуарами бар. де-Тотта о туркахъ и татарахъ, въ Описаніи Украйны Боплана». Стало быть, *gira bien qui gira le dernier*.

5) Я утверждалъ, что № 1 въ приложеніи къ «Вольностямъ» не имѣетъ никакого отношенія къ Запорожью; на это г. Эварницкій, возражаетъ, что документъ этотъ интересенъ описаніемъ козацкаго (?) платья. Но позвольте, г. Эварницкій! Кто же такой былъ этотъ панъ Куцинскій, заказавшій себѣ въ Полтавѣ платье въ 1732 г.: запорожецъ, украинецъ, литвинъ, полякъ или еврей? и подлинно ли запорожскій костюмъ сшилъ ему портной Булавка, или какой иной? что касается мели,—я не знаю, ибо въ документѣ указаній на то не нахожу; не знаете, вѣрно, тоже и вы.—Въ заключеніе, г. Эварницкій выступаетъ раторборцемъ архивнаго хлама, предпочтительно—запорожскаго, въ подтвержденіе высказывая справедливую, хотя и не блестящую новизною мысль, что всякій историческій документъ имѣетъ пзвѣстную (вѣрно!) цѣну и извѣстный (вѣрно тоже!) интересъ. Добавимъ отъ себя опущенное нашимъ авторомъ, хотя, конечно, также не новое: но есть документы не историческіе, которые для печати интереса не представляютъ, они принадлежатъ къ категоріи бумажнаго хлама, имѣютъ опредѣленную цѣну съ пуда и уснѣшно удовлетворя-

ють разнымъ, хозяйственнымъ большею частію, надобностямъ. Отлагая шутки въ сторону, замѣчу, что при печатаніи документовъ не мѣшало бы кратко опредѣлить ихъ значеніе и степень интереса.

В. Ястребовъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 3.—Русская Мысль № 3.—Сѣверный Вѣстникъ № 3.—Русскій Вѣстникъ № 3.—Наблюдатель № 3.—Русское Обозрѣніе № 3.

Вѣстникъ Европы. III. 1891 г. А. Веселовскаго. «Мертвыя души». Излагаются источники и планъ поэмы и тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось ея художественное и социальное значеніе (стр. 61—102).

Въ отдѣлѣ литературное обозрѣніе одобрительный отзывъ А. П. о «Культурныхъ переживаніяхъ» Н. Сумцова, печатавшихся въ нашемъ журналѣ въ 1890 году (стр. 439—441).

Русская Мысль III. 1891 г. Всег. Миллеръ. «Экскурсы въ область русскаго эпоса». Разборъ эпоса о Добрынь-змиѣборцѣ (стр. 48—70)

Въ библиографическомъ отдѣлѣ: отзывы о «Сочиненіяхъ А. А. Котляревскаго», бывшаго професс. кievскаго университета, съ указаніемъ на важное значеніе его извѣстной статьи: «Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в.?» (стр. 141—144).

Сѣверный Вѣстникъ III. 1891 г. А. Кз. Замѣтка по поводу III т. «Исторія Россіи» Иловайскаго, въ которой не только отвергается всякое научное значеніе названной книги, какъ историческаго изслѣдованія, но и значеніе ея какъ серьезнаго и полезнаго компилятивнаго труда (96—100).

Въ отдѣлѣ критики сочувственный отзывъ о книгѣ Эварницкаго: «Вольности запорожскихъ козаковъ» (стр. 121).

Наблюдатель. III. 1891 г. Въ отдѣлѣ—«Наши внутреннія дѣла»: замѣтка по поводу примѣненія тѣлеснаго наказанія судомъ земскихъ начальниковъ въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (стр. 37—40).

Опечатка.

Въ февральской книжкѣ „Кievской Старинѣ“ текущаго года на стр. 353 строка 22 сверху вмѣсто слова *Великомъ* слѣдуетъ читать *Багрямородкомъ*.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛНАГО ПОДСКАРБИЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА

(1717—1767 г.).

Предисловіе.

(ПЕРВОЕ).

Болѣе тридцати лѣтъ назадъ были изданы „Дневныя Записки“ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (М. 1859. 2 ч., въ 8 д. л.), который, будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ перв. полов. XVIII в. (р. 1696 † 1773), оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ очень цѣнное пособіе для изученія внутренней жизни въ Малороссіи XVIII в. Дневникъ веденъ, безъ перерыва, въ теченіе того полувѣка (1717—1767), который былъ временемъ постепеннаго сокращенія автономной жизни старой Малороссіи и перехода ея къ общегражданскимъ формамъ государства. Начавъ свой дневникъ при Скоропадскомъ, Марковичъ пересталъ его писать только при Румянцевѣ... Издателемъ и редакторомъ „Дневныхъ Записокъ“ былъ родной внукъ ихъ автора, Ал. Мих. Марковичъ (р. 1790 † 1865), принадлежавшій также, въ свою очередь, къ образованнѣйшимъ малороссіянамъ первой половины настоящаго вѣка. Оцѣнивъ по достоинству значеніе дневника, какъ историческаго памятника, Ал. Мих.—чъ издалъ его однако же такъ, какъ въ его время большею частью издавались подобные памятники,—вспомнимъ напр. какъ первоначально были напечатаны записки Болотова,—редакторъ „Дневныхъ Записокъ“ нашелъ нужнымъ значительно ихъ сократить и подновить языкъ... Отсюда необходимость переизданія этого памятника.

Вновь издается дневникъ Марковича по подлиннику въ полномъ его видѣ, безъ сокращеній и, разумѣется, безъ какихъ

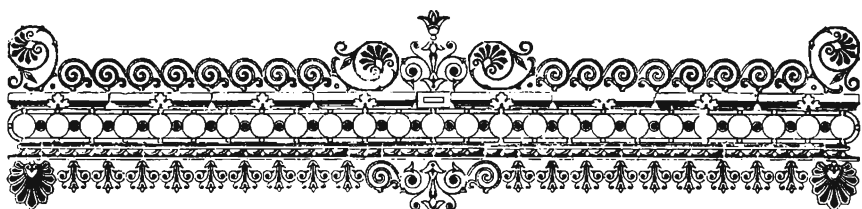
либо измѣненій текста ¹⁾. Поясняя нѣкоторыя мѣста дневника въ примѣчаніяхъ, мы печатаемъ послѣднія, для удобства читателя, подъ строкою.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ дневника и описаніе рукописи будутъ приведены дальше, во второмъ предисловіи. Здѣсь скажемъ лишь, что Марковичъ началъ писать свой дневникъ по слѣдующему случаю: встрѣтивъ въ одной тетради своего тестя, извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботка, написанную послѣднимъ коротенькую малороссійскую лѣтопись, Марковичъ эту „кроничку“ сначала дополнилъ нѣсколькими фактами, потомъ—продолжилъ нѣсколькими годами, а затѣмъ—войдя во вкусъ—сталъ изо дня въ день вести свой „домашній протоколъ“, какъ называетъ онъ этотъ дневникъ. Поэтому мы нашли не лишнимъ внести въ текстъ дневника и лѣтописанье Полуботка, напечатавъ послѣднее мелкимъ шрифтомъ, для отличія его отъ прибавокъ Марковича.

28 февраля 1891 г.

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ Подлинникъ дневника принадлежитъ правнуку ихъ автора—Нармену Андреевичу Марковичу и сохраняется въ той же усадьбѣ глуховскаго села Сваркова, которую когда-то съ такою любовью устраивалъ Яковъ Марковичъ.

1452. Турки Константинополь взяли ¹⁾.

1497. Ляхи зъ волохами войну точили и волохи ляховъ были, и побравши многихъ въ неволю, въ плугъ запрагали, орали оними и жолуде сѣяли, що и до сего часу людскою называется дубровою. За Котноромъ на горѣ, до Ясъ едучи.

1577. Земля траслася.

1591. Быдло велми здихало и невидимо по окнахъ были слова написани.

1614. Царь Федоръ чернцемъ сталъ.

1617. Война Сагайдачного.

1622. Петръ Конашевичъ Сагайдачный умеръ.

1625. Комисѣя война.

1630. Говъ Борецкий, митрополитъ кievскій, умеръ въ 1630.

1633. Первая война Московская Шейнова на Смоленскъ, за цара Михаила Федоровича.

1634. Тимошъ умеръ. Арендаренка гетманомъ учинено.

1635. Кумейская война.

1647. Петръ Могила, митрополитъ кievскій, умеръ.

1648. Хмельницкій у Бороша (sic) листи укравъ и войну первую почалъ.

Того жъ року ляхи зъ Украины поутѣкали.

¹⁾ При началѣ летописи въ рукописи рукою Ал. Мих. М—ча написано: „Писано рукою Полуботка. (Книга эта ему принадлежала, а послѣ перешла къ зяю его Якову Марковичу, который продолжалъ вписывать въ нее примѣчательные акты)“.

1649. Обобранъ zostалъ на королевство Жикгмунтъ Казимеръ третий.

1650. Берестецкая война; въ томъ року Хмелницкий зъ козаками ляховъ былъ, Калиновского, Маховского и пнишихъ многихъ у неволю татаромъ отдано, а другихъ побыто.

1651. Хмелницкий дару Алексѣю Михайловвчу зо всѣми козацкими войсками повклонилси.

1654. Дрижиполская война.

1655. Царь Алексѣй Михайловичъ Вилню и Брестя Литовское взялъ.

Того жъ року на козацкого гетмана Ивана Золотаренка подь Старимъ Быховомъ простий человекъ засѣвши, забылъ зъ мушкета и тѣло его проважено черезъ Нѣжинъ до Корсуна, где, подчасъ похорону его, церковь святаго Николая зъ людми згорѣла.

1656. Селивестръ Косовъ, митрополитъ кievский, умеръ.

1657. Хмелницкий померъ. Силвестръ Косовъ, митрополитъ кievский, умеръ.

1658. Иванъ Выговский zostалъ гетманомъ и цару Московскому присягу виконалъ. Пушкара убыто.

1659. Подь Конотомомъ була бытва. Юрася Хмелницкого гетманомъ учинено по змѣнѣ Выговского.

1660. Хмелницкий змѣнилъ и Василя Шереметева въ неволю взято.

1661. Въ Кіеви, за воеводы Ивана Ржевского, татаре много людей порубили и въ неволю побрали. Иорданский монастырь паненский спалили.

Того жъ року, Сомка гетманомъ учинено.

1662. Хмелницкий чернцемъ сталъ, а на его мѣсцу сталъ гетманомъ Павелъ Тетера.

1663. Подь Нѣжиномъ була великая рада войска московского и козацкого, и тамъ учинено гетманомъ Бруховецкого. Сомка и Васюту страчено въ Борзнѣ.

1664. Була на небѣ метла зъ звѣздъ, и одна зходила зъ полночи на заходъ солнца, другая зъ вечера на заходъ солнца, якая кома тривала недель двѣ.

1665. Гетманъ Бруховецкый на Москву ездилъ и, женившись тамъ, зъ великимъ жалованемъ повернулси.

Того жъ року, монастырь Межигорский выгорѣлъ.

1666. Воеводи стали по украинскыхъ городахъ.

1667. На заднѣиру учинено гетманомъ Петра Дорошенка.
Тогда жъ подѣ Чигиринѣ турки приходили у превеликой силѣ.

1668. Бруховецкого убито на Говтвахѣ, за Зѣнковомъ.

1669. Учинено гетманомъ Демьяна Многогрѣшного.

1671. Королемъ обобрано въ Полщѣ Михаила Вишневецкого Коробута.

1672. Многогрѣшного на Мосеву взято.

Того жъ року, царь турецкый зъ ханомъ крымскымъ и Дорошенкою, Каменецъ Подольскый взялъ, и того жъ року сталъ гетманомъ Иванъ Самойловичъ.

1674. Григорій Ромодановскій зъ гетманомъ Самойловичемъ Дорошенка въ Чигиринѣ взяли. Мурашка Волоскую землю воевалъ, залогу турецкую у волохахъ взялъ.

Того жъ року, Ладжинѣ взяли, Умань; уманцемъ головы луплено, дѣтей забираю и, избравши дванадцать тысячъ, въ неволю запроважено.

1675. Померъ въ Чигиринѣ метрополитъ Токалскый.

Того жъ року, турки выходили подѣ Чигиринѣ, и вбавивши войска великіе московскыя, поутѣвали.

Того жъ року, царь Алексѣй Михайловичъ померъ.

1676. Помазанъ на царство царь Федоръ Алексѣевичъ.

1678. Чигиринѣ взято.

1679. Войска великіе стояли подѣ Кіевомъ, ожидаючи бѣсурманского приходу.

1680. Зима була барзо легкая, да суша была великая.

1681. Царь Федоръ Алексѣевичъ померъ и, збунтовавшися, стрѣлцѣ многихъ боаръ побыли.

1683. Помазано на царство царя Іоанна и Петра Алексѣевичовъ.

1686. Первый походъ подѣ Перекопъ, въ якомъ походѣ гетмана Самойловича взято, вмѣсто его Мазепу гетманомъ учинено.

1689. Саранча була. Того жъ року, другій былъ походъ подѣ Перекопъ.

1695. Казикерменъ взято.

Того жъ року, царь Іоаннъ Алексѣевичъ померъ.

1696. Озовъ взято. Тогда Яковъ Марковичъ родился.

1697. Царь Петръ Алексѣевичъ ходилъ въ иноземскіе края.

1699. Голодный рокъ былъ. Леонтій Свѣчка, полк. луб., умеръ

1700. Святѣйшій патріархъ Андріанъ померъ.

1701. Подъ Ругодевъ ходили.

1702. Зими не было, тилко тиждень снѣгъ лежалъ. Гамаль Гришко умеръ¹⁾.

1703. Ивана Ивановича, полковника ахтирского, взято.

1704. Иустинъ Базилевичъ митрополитою сталъ бѣлогородскимъ и Ругодевъ взятъ того жъ року. Яковъ Лизогубъ, полк. чер., умеръ²⁾.

1706. Царь Петръ Алексѣевичъ зо всею арміею былъ въ Чернѣговѣ и, когда чинено смотрѣ въ полкахъ драгунскихъ и пѣхотныхъ, свѣтлого дня перунъ на церковь Тройцѣ святой ударилъ. Михаилъ Миклашевскій, полк. стар., убитъ отъ шведовъ. Иванъ Мировичъ, полк. переясл., взятъ.

1707. Кіево Печерская фортеца строплася козацкими войсками. Варлаамъ Ясѣнскій умеръ.

1708. Булавинъ былъ появился на Дону, якого розбито. Тогда митрополитою сталъ Іоасафъ Кроковскій.

Того жъ року Кочубеевѣ и Искрѣ шіи втато, и того жъ року Мазепа змінивль, а гетманомъ сталъ Иванъ Скоропадскій.

1709. Подъ Полтавою була енеральная баталія зъ шведомъ, гдѣ шведскіе войска розбити zostали, а король шведскій зъ Мазепою въ малолюдствіи утѣлъ до Бендеру.

1710. Въ Кіевѣ було моровое повѣтре, и того жъ року въ Чернѣговѣ, на подолѣ, отчасти було, толко ускромилось.

1711. Въ Чернѣговѣ, Седневѣ и Сосницѣ було моровее повѣтре и по многихъ селахъ.

Того жъ року, за Прутомъ царь Петръ Алексѣевичъ баталію зъ турками чинилъ. По сконченю тоей баталіи послани до Порти Отоманской, при великомъ вейзировѣ, послы царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ (для уконченя примірия) зъ Михаиломъ Борисовымъ Шереметовомъ.

Того жъ року войска були подъ Каменымъ Затонемъ и вивозивши отголь борошенныя запаси до Орла³⁾ и до вишихъ мѣстечокъ полтавского полку, Каменный Затонъ, Самаръ и Кодакъ роскидали. Въ томъ походѣ панъ Михайло Максимовичъ, панъ Тризничъ, судія

¹⁾ Григорій Гамалѣя, бывшій лубевскій полковникъ.

²⁾ Должно быть Ефимъ Лизогубъ—сынъ Якова, умершаго въ 1698 г.

³⁾ Мѣстечко кобеляцкаго уѣзда.

полку черніговского, и панъ Стефанъ Войцеховичъ, реентъ канцеляріи войсковой, померли. Тогда жъ и саранча була.

Того жъ року преосвященнаго Іоанна Максимовича на Сибѣрскую взято митрополію.

1712. Стояли войска московскіе по надъ берегомъ днѣпровымъ, почавши отъ Лоева ажъ до Навозу¹⁾, для которихъ мости козаки поробыли були черезъ Днѣпръ, толко жъ не переходили на той бокъ, але пошли ку Смоленску.

1713. Войска козацкіе стояли полъ Кіевомъ и робыли валъ, почавши отъ московского города, поузь Либель, до Подолу.

Того жъ року обобранъ zostалъ на архиепископію черніговскую архимандритъ новгородскій на Стритеніе Господне Антоній Стаховскій, а посвятившися пріехалъ на престолъ въ катедру мало не въ рукъ (рокъ?) передъ Рождествомъ Христовымъ.

1714. Послы царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ, Толстой, Безстужій и Михайло Борисовичъ Шереметевъ, отпушены отъ Порти Отоманской, по учиненю мирнихъ договоровъ, одколъ поворочаючи, Михайло Борисовичъ Шереметевъ въ дорозѣ померъ, и тѣло его припроважено до Кіева, и поховано въ манастиру Печерскомъ. Король шведскій зъ Орликомъ пошолъ въ свою землю, а Горленко, полковникъ бывшій прилуцкій, зъ товарищи пришолъ на Украинну и удержанъ въ Глуховѣ, а потомъ взятна Москву, где подъ Дѣвичимъ жилъ, зъ Максимовичомъ Автоновичомъ и Ломиковскимъ.

Василій Савичъ, полк.(овникъ) луб., умеръ.

1715. Отпушены зъ Москвы панъ Михайло Гамалѣя, Кандиба и прочіи, на Украинну, а въ Новгородку сталъ сталъ согникомъ бывшій протопона галяцкій Федоръ Лисовскій.

Въ томъ же року мѣсяца іюня 10 дня преставился въ Тоболску преосвященный митрополитъ сибѣрскій его милость отецъ Іоаннъ Максимовичъ.

Въ Глуховѣ въ мѣсяцю марту 13 числѣ, упалъ верхъ церкви святой Троицы мурованой, въ день по полудню.

Того жъ року, декабрь. Енераль Ренъ въ Полци умеръ.

Того жъ року, уже на зиму, гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ войско вийшолъ и стоялъ у Гадячомъ самъ, а около него полки всѣ.

Сего року, въ лѣтѣ, генераль маіоръ Бауръ померъ.

¹⁾ Село черниговскаго уѣзда.

1717 годъ.

Януар. 13, въ недѣлю, Стефанъ Бутовичъ, асаулъ енеральный, преставился.

Того жъ року, февр. 8, въ пятокъ, на Феодора Стратилата, Евфимія Полуботкова ¹⁾ преставилась.

Того жъ року, государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Парижа и Амстердаму, куда перегринуючи два года замедлѣлъ, въ осени, къ С.-Питербурху возвратился.

1718 годъ.

Януаръ. Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ Москву ездилъ, а при немъ полковниковъ было 4: черниговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, галяцкій Михайло Милорадовичъ, полтавскій Іванъ Чернякъ, писарь енеральный Семень Савичъ, бунчучный Яковъ Лизогубъ и прочіи бунчуковіи, бо и самъ государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Санктпитербурху тогда жъ приехалъ зъ царицею Екатериною Алексѣвною.

Того жъ року, и мѣсяца, повернулъся царевичъ Алексѣй Петровичъ зъ Германіи отъ цесара, куда былъ ушолъ, а приехалъ къ государю въ Москву, где его отъ наслѣдія царства отдалено, а на томъ же юнѣйшого сына царевича Петра Петровича уставлено, на що першее царевичъ Алексѣй присягу виконалъ, а потомъ и всѣ, тогда жъ и гетманъ въ недѣлю, въ церквѣ соборной, на тое жъ присягалъ. А зъ Москви гетманъ Скоропадскій, по желанію царского величества, о серединѣ поста великого, въ Санктпитербурхъ поехалъ, где при великой милости государевой найдовалъся и по отездѣ на море государевомъ (которій юля 16 имѣлъ) виѣхалъ въ Украину оттуда, того жъ року 1718 іюля 23, а приѣхалъ въ Глуховъ августа 22, въ пятокъ, передъ заходомъ слонца.

Того жъ року, подъ часъ бытности гетманской въ Санктпитербурхе, царевичъ Алексѣй Петровичъ, оддаленій одъ наслѣдія, мѣсяца юня 28 преставился.

¹⁾ Первая жена Павла Полуботка.

Того жъ року, на Москвѣ, въ вел. постѣ, за подемъ и свата-немъ самага царя и царици, дочерь гетманскую за сына Петра Андреевича Толстого засватано.

Того жъ року, преосвященній митрополитъ кіевскій Іоасафъ Крокоскій въ Санктпитебургхъ по указу государевомъ черезъ умисленного посланця, капитана преображенского полку Писарева, за нѣякуюсь вину, взять зъ Кіева о праздницѣ сошествія Святаго Духа, а зъ нимъ кушно и архимандритъ печерскій Іоаникій Сенютовичъ; але митрополитъ за слабостю и немощію своею до самого С.-Питебургху не допроваженъ и за Москвою, въ Тверѣ, померъ, где архiereй тверскій его погребль.

Того жъ року, по Воскресеніи Христовомъ, малъ—Печерскій монастирь, кромѣ печерь, весь згорѣль зо всѣми скарбами и церковными украшеніями. Потомъ, на третій день, Подоль—Кіевъ мало не вѣвесь, кромѣ коллегіума да побережныхъ дворовъ, тако жъ погорѣль.

Того жъ року по томъ кіевскомъ пожару, Чернѣговъ, старое мѣсто, все вигорѣло, тилко въ мѣстѣ заледво осталася катедра архиепископа чернѣговского, якую уже й занявшуюся заледво угасили.

Той же рокъ на овоци всякіе такъ оскудній былъ, же барзо рѣдко где можно было знайти овоци якоинибудь.

Того жъ року, август. 9, зъ субботи на неделю, противъ 10 числа, на святаго апостола Матфія, родился Петръ синъ у пол. луб. ¹⁾).

Того жъ року, септеврія.—Петръ Ивановичъ генераль маіоръ Яковлевъ, стоявшій въ Лубняхъ, отъ горячки захоровавши, своей хороби 11 дня преставилъся.

Того жъ року, отъ весни козацкіе войска мѣли походъ ажъ до Царичина, къ Волзѣ рѣцѣ, надъ которими былъ гетманомъ наказнымъ Иванъ Сулима, хоружій енералній, а бавилися тамъ долго и повернулись около початку зимы.

Того жъ року, Лукянъ Жораковскій, полковникъ нѣжинскій, передъ Вознесеніемъ, мая мѣсяця преставилъся.

¹⁾ Т. е у Андрея Марковича, отца автора дневника.

Того жъ року, мѣсяця октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселіе було: гетманъ Скоропадскій дочеръ свою Уліану отдалъ за сына Петра Андреевича Толстого, тайного совѣтника, Петра Петровича, зъ которимъ приехали браття его въ сватахъ: братъ родній старшій Іванъ Петровичъ, а другій въ первихъ Борисъ Івановичъ, и нѣскольکو при нихъ особъ великороссійскихъ.

Тогда жъ, въ купѣ зъ сими, приехалъ секретарь зъ Москви Михайло Павловичъ Шафѣровъ до гетмана зъ грамотою, обявляющею рожденіе дочери царскому величеству Наталіи Петровни, якая сего жъ году, авгус. 21, родилася.

Того жъ року, еще въ февр., Александеръ Васильевичъ Кикинъ, ближайшій двору царевому, за тое что подмовилъ царевича Алексѣя Петровича уйти зъ С.-Питербурха до цесара, казненъ былъ на Москвѣ: руки и ноги ему лаmano и голову оттявши, на палъ зложено.

Такъ же и Досифея, епископа ростовского, ростригши, казнено, а тѣло его спалено. Тогда жъ Степана Глѣбова живого на желѣзній колъ зъсажено. А тое чинилося при гетману, въ Москвѣ.

Король шведскій Кароль убитъ въ Норвеггii, подъ городомъ названнимъ Фридерштатъ, отъ дацкого войска, картечою зъ города вистреленною, октовр.

1719 годъ.

Марта 3. Царское величество царь Петръ ездилъ зъ царицею Екатериною въ Алонецъ, где новіе лѣчителніе води винайшолъ, а повернулъся оттуду въ С.-Питербурхъ.

На королевство шведское избрана сестра убитого короля шведского, а жена князя Гессенъ Кассель и коронована февр. 6.

Биталѣя въ Мекленбурггii була, ганOVERци зъ рускими имѣли войну; ганOVERцовъ було въ Мекленбурггii—8000 нарoзнъ, а русскихъ войскъ 2000, пре то збити zostали ганOVERци.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фелтмаршалъ, въ вoвторникъ, въ неделѣ вел. поста, февр., умеръ въ Москвѣ, а для погребенія попроваженъ въ С.-Питербурхъ, въ остатнѣхъ дняхъ того жъ поста.

Князь Матвій Петрович Гагаринъ, кгубернаторъ сѣбирскій, отъ кгубернѣи отставленъ, за караулъ посаженъ, и всѣ животи его на государя взяти апр., за нѣкоторіе его до кгубернѣи належніе преступленія.

Сего жъ году, проявился въ С.-Питербурѣ присланній отъ короля прусскаго къ государу силній человѣкъ, которій пушку у 250 фунтовъ или у 50 каменей, одною рукою поднимаетъ; тако жъ ослонъ у 12 фунтовъ зубамы подиймаетъ, за еденъ конецъ взявши; канать, якого три лошади не могутъ разорвать, перериваетъ; лошадей двое его не могутъ зъ мѣста двигнути, когда обопрется; желѣзній гвоздь, у палець товстїй и довгїй у пять, въ сукъ вмѣсто свердла рукамы скрутить; ногамы да головою ляжетъ на стулахъ, а все тѣло висить, да на томъ тѣлѣ камене, у двоухъ человѣка заледво зтащивши, положатъ и разбываютъ etc.

Сего жъ году, въ постъ вел., синъ Петра Андреевича Толстаго, а зять гетманскій, Петръ Петровичъ, отъ самого государя пожалованъ въ полковники нѣжинскіе, у графа Гаврила Ивановича Головкина.

Королева шведская королевскую свою власть отдала мужу своему князю Гессенъ Кассель, которій потомъ отъ всѣхъ за цѣлого принять зосталъ короля и коронованъ.

Того жъ року, мѣсяца априля, царевичъ Петръ Петровичъ наслѣдственній въ С.-Питербурѣ преставился.

1720 годъ.

Генв. 7. Вийшолъ новий монарший указъ, повелѣваючїй всѣмъ въ поготовости бути противъ шведовъ и ихъ союзниковъ.

Синъ полковника лубенскаго Андрея Марковича, Андрей, поялъ себѣ въ жону дочерь полковника сумскаго Івана Кондратіева.

Марта — числа. Свѣтлѣйшїй князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, фелтмаршалъ и губернаторъ с.-питербурскій, приѣхалъ въ Украину зъ Ст.-Питербурха, которого ясневели. гетманъ Іоаннъ Скоропадскій поткалъ въ Шептакахъ и принималъ, а сталъ онъ квартирою въ Нѣжинѣ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, мая въ первыхъ числахъ, въ Гадячое зъ своей квартирѣ, отъ Нѣжина, ездилъ, куда и его велможность панъ гетманъ Иванъ Скоропадскій зъ Глухова приехалъ былъ и вся енералная старшина, такожь и полковники. Ясневелможній самъ, якъ туда въ Гадячъ виехалъ немощнимъ отъ болѣзни подагричной, такъ и отгуду повернулся весьма ослабѣлимъ, и заледво у Глуховъ по волѣ до первобитного здоровья прійшоль. Тамъ, въ Гадячомъ, якіе трактата чинилися нижей изображено есть ¹⁾).

Зъ Украины, по указу царского величества Петра Первого, вистатчено муки житной четвертой московскихъ 30,000 и спроважено въ Смоленскъ подрядами; таковій указъ въ листѣ присланъ былъ; ради исполненія указа сего, паны полковники всѣ пріѣздили въ Глуховъ, декабря 8 числ. ²⁾).

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ выѣхалъ зъ Украины въ лѣтѣ, мѣсяця июля въ первыхъ числахъ.

Панъ асаулъ генералный Василій Жбураховскій, обозный прилуцкій Огроновичъ и судя гадяцкій Грабянка, мѣсяця декавр. первыхъ числъ, посланы отъ цѣлой Украины въ Санктъ-Питербургъ зъ прошеніемъ о милость въ нуждахъ малороссійскихъ, куда потомъ въ своемъ дѣлѣ и полковникъ нѣжинскій Петръ Петровичъ Толстой, сего жъ мѣсяця числа 18-го, въ недѣлю, зъ Глухова виехалъ.

Въ семъ году великороссійская армия новымъ образцемъ на зимовой квартири стала въ Украинѣ, такъ же по городкамъ и значнѣйшимъ седамъ, цѣлыми поставлялися ротами, при которыхъ и стайнѣ такъ великіе подѣлано, жебы кояѣ цѣлой роти могли въ одной змѣстятися.

Панъ писаръ енералній Семень Савичъ другую себѣ получилъ жену, бувшую сотникову ічанскую Стороженкову, въ октовр. мѣсяцѣ.

¹⁾ Вписанные здѣсь въ дневникъ — „пункты, князеви свѣтлѣйшему отъ цѣлой Украины поданные“ и отвѣты кн. Меншикова, напечатаны въ приложенияхъ къ изданію 1859 г., т. I, стр. 462—492.

²⁾ Вписанный при этомъ указъ слѣдующаго содержания: „Господинъ гетманъ. Увѣдомились мы, что на Украинѣ въ малороссійскихъ городѣхъ, за помощію божіею, хлѣбъ урождался и въ покункѣ гораздо дешевле. Того ради прикажѣте купить до 30000 четвертей муки, расположа на всѣ полки по ровному числу, и перевезть въ

1721 годъ.

Въ январ. первыхъ числахъ, принесенъ указъ зъ С.-Питер-бурху. чрезъ собственоручній весь листъ царскимъ величествомъ писанный, до ясневельможного, жебы 10 тысячей козаковъ до Ладоги ишло на робленне каналу, окроме калчеваровъ и тѣхъ, которіе при обозу будутъ, по якому и февр. 1-хъ числъ вийшло помянутое указаное число, где главнѣйшихъ комендѣровъ было 3: полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, хоружій евер. въ мѣсто цѣлого полковника переясловского Иванъ Сулима, а зъ иншихъ полковъ наказніе.

Въ февр. мѣс., на всеидной, захоровалемъ на болѣзнь мою скорбутико меланхолю. По отходѣ родителя моего, полковника лубенского Андрея Марковича, зъ волѣ рейментарской, содержалемъ правленіе полку лубенского до повороту его зъ канала.

1722 годъ.

Гетманъ Скоропадскій ездилъ въ Москву, и съ нимъ писарь генералный Савичъ, бунчучній генер. Яковъ Лизогубъ, полковникъ нѣжинскій Петръ Толстой и сама гетманова Скоропадская. Повернувся въ юнѣ, въ Глуховъ, боленъ и преставился.

Колегія малороссійская устроена, въ которой члени были: 6 штапъ офицеровъ, а президентъ оной бригадиръ Степанъ Веляминовъ.

Архиенископъ, а не митрополитъ, въ Кіевѣ устроенъ Варлаамъ Ванатовичъ, прежде бывшій архимандритъ Печерского монастыра.

1723 годъ.

Въ январ., присиланъ былъ зъ Москвы отъ самого императорскаго величества капитанъ лейбъ квгардіи Александръ Лукинъ въ Глуховъ и взялъ за караулъ коменданта глуховскаго Писарева и повезлъ въ Москву.

Смоленскъ, по первому зимному пути сего 1720 году, и въ тѣмъ приложите свой грудъ, чтобъ оное исполнить, а денги за оной хлѣбъ указали мы послать еъ вамъ зъ камеръ коллегіи госиодину президенту князю Голицыну. Зъ С.-Питербурха, иоевр. 4 1720 рок. Петръ“.

Правителѣ малороссійскіе, Павель Полуботокъ, полковникъ чернѣговскій и наказній гетманъ, зъ старшиною енер., послали къ государю, въ Москву, прошеніе свое о избраніи нового гетмана на мѣсто покойного Скоропадского, черезъ нарочнихъ посланниковъ Грабянку, судю гадяцкого, Войцеховича, седневского, Холодовича, воронѣжского, и Добровѣжского, переяславского, сотниковъ, и Гамалѣю Стефана, бунчукового товариша.

Въ февр., приславъ зъ Москвы въ Глуховъ, отъ тайной канцеляріи, оберъ лейтнантъ князь Волконской отъ лейбъ кгардіи, и указъ привезлъ, даби асаулъ енер. Жураковскій и протчіе бывшіе на межѣ почеповской¹⁾, ехали въ Москву для отвѣтствія взглядомъ межованія того.

Саго жъ февр. 20, въ среду сирную, полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ, по именному указу імператорского величества, главнимъ опредѣленій комендѣромъ надъ десятотисячнымъ числомъ войска запор., маршъ свой воспринялъ зъ Ромна къ крѣпости Святого Креста, близъ Дербенѣ, у Каспѣйского моря, обрѣтающейся.

(Здѣсь въ рукописи, кажется, недостаетъ листа).

Отвѣтніе писма отъ п. Петра Апостола и Луки француза, же овъ по воскресеніи будетъ тутъ. Нѣкоторыя справи въ жалобахъ на п. Данила Савуского занесеннихъ, окончили, обвинивши его. Жиди привезли позовъ на Чернѣцкого и перехриста Алексѣя, за арестъ онихъ въ Ромнѣ учиненній.

Перемяна воздуха стала, ибо у вечеру вияснилось небо и морозъ хорошъ былъ черезъ ночь.

Писали глинячане, что принуждаеть ихъ комиссаръ ингерманландского полку, по указу самого полковника, до репараціи города и ордеръ полковничій сюда прислали.

У вечеру, поздно, пріехалъ отпущенній зъ обозу слуга род (ителскій) Ігнатъ въ домъ зъ листами о заводѣ хоролцовъ зъ лукомцами знаймур (?)

¹⁾ См. Опис. Стар. Малор., I, 278 и 285.

8 (марта). Отправленъ листъ и унѣверсалъ до Леонтія, вручающій ему економство, а листъ, жобы осторожность въ хуторѣ Криворудномъ имѣли.

Отписали до Глинска и до Чернухъ, же опривлять теперь города нельзя, але передомъ виганять въ походъ до Ладокги, о чомъ и до полковника, господина Шереметева, писалемъ.

Отправилемъ въ Глуховъ, до правителей, листъ, питаючись ихъ, що далѣй зъ вязнями великороссійскими, тутъ въ Ромнѣ пойманними, чинить.

9. Принесенъ листъ отъ сотника сенецкого, что онъ любо и не радъ, однакъ мусить до канала ити, а требуетъ до себе сотника цѣлого, асаулу полкового набазного и капеляна, тако жъ и объ указѣ господина полковника Шереметева, чтобъ городъ опривлять, ознаймуетъ, о чомъ и городскій сотникъ пишетъ. Тако жъ и тое ознаймуетъ, что гайворонскіе козаки, висланніе въ низовій походъ, знову повернулися до домовъ своихъ.

Зъ Глухова писма принесенны отъ правителей о церестереженню воровскихъ денегъ, указъ сенатскій и ихъ унѣверсалъ, и денги прислани отъ его мил. панъ тестя зъ наставленіемъ, якъ на урадѣ наказництва полкового миѣ поступать, а цедулою объявляетъ, что въ Москвѣ п. Борзаковскій Андрей 3 февр. померъ¹⁾ и тамъ погребенъ; а потомъ тамъ же и панъ Войцеховичъ, сотникъ седневскій, хоровавши черезъ 9 день на горячку, преставился, февр. 20-го год. 9 зъ полдня²⁾. Тогда жъ и отъ Орановского о домовихъ поведеніяхъ зъ Глухова писано сюда.

10. Неделя. Отправили писма до Глухова черезъ Іваницю, слугу ясневел., до ясневел., до наказного гетмана и до другихъ; до чернѣговского (полковника) зъ отвѣтвіемъ о преставленіи п. Войцеховича сожалытелнимъ. Тамъ же и тое писалемъ, что коммендѣри русскіе Інгермоландского полку, получивши указъ отъ полковника, остановку чинять въ виправѣ на каналъ.

¹⁾ См. Русск. Арх. 1880 г., I, 172.

²⁾ См. Сулимовск. Арх., XV.

Виправили въ Кіевъ братьевъ Марка, Луку и Івана, при отцу Василю Савѣцкомъ, где вина купити и зѣлля достати розного полѣцили, которыхъ випроважалисмо зъ родителкою за геродъ и тамъ до низна простояли. Архимандритъ обѣдалъ у насъ зъ Афонской гори монастира Ксенохъ (?) прозиваемого св. Георгія.

11. Тотъ же архимандритъ воду святивъ и мощи показоваль святыхъ и о себѣ свѣдительство князя кугубернатора кіевского Івана Юровича Трубецкого презентоваль. П. писаръ Савѣцкій приѣхаль зъ обозу, отпущенъ zostавши. и привезлъ писма родителскіе. Писали до п.п. сотниковъ чорнусского и лохвицкого, тако жъ и до Петровского, жебы до Ладogi ишли. До атамана пѣратинского писалемъ, ганячи ему за тое, что виганяль людей безъ указу на оправку города.

Приехалъ вчорайшого дня зъ Смѣлого атаманъ зъ жалобою, же поручикъ виганяеть вѣхъ до работи города. Приехали комиссаре полковіе въ Роменъ, для ревизіи полку гадяцкого. Емщикъ чили почтарь роменскій, возившій Казѣмира, посланного за покункою лѣкарствъ въ Москву, повернулся самъ зъ Руд. (?), а оттоль Казѣмиръ за родителемъ въ низовій поехалъ походъ. Писали до лубенского сотника, чтобъ зъ сотнѣ своей 200 человекъ до канала выготоваль.

12. Шлафрокъ покрояль кравецъ. День барзо хорошій бувъ. Отправили атамана смѣловского зъ указомъ открытимъ, жебы порутчика не слухать, а передомъ виправлять до Ладogi. Принесенни зъ Глухова 3 листи; 1, о видачѣ по зол. 1 компанѣйцямъ за овесъ, другій, о видачѣ онимъ же возовъ, зъ другимъ рѣчами, 3, о присилцѣ грошей на Печерскій монастирь¹⁾. Виданъ указъ открытій атаманови смѣловскому, жебы не до города, але до канала козаковъ виганяль. Принесенъ отвѣтъ отъ п. сотника лубенского о пропilorочной работѣ у канала. — Охоту излишнюю показали на Монастырици²⁾, где и важились; и зъ одежою легкою, юшкою, кафтаномъ и кунтушемъ легкимъ, суконнимъ, важиломъ 6 каменей³⁾ ровно.

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1884 г., январь, стр. 77.

²⁾ Урочище около г. Ромна, на берегу Сулы; здѣсь, по преданію, существоваль когда то монастирь.

³⁾ Камень=50 фунтовъ.

13. Отправили въ Глуховъ до правителей листи, зъ объявленіемъ о виправѣ до канала другимъ вигономъ до работи городской оффцерами затѣваемимъ, перешкодожучоюся; о компанѣицяхъ, жебы на 10 человекъ возъ дать для провіянта. Отправили асаулу компанѣйского зъ указами, жебы по два зол. на два мѣсяца видано зъ сотень. До полковника Шереметева писалемъ, протестуючись, что за трудностями въ вигонѣ людей до городской работы, чинячойся одъ оффцеровъ, остановка въ виправѣ до каналовъ учинится. Послали указъ о перестерѣганню воровскихъ денегъ въ Лохвицю до Юзка, жебы по всѣхъ сотняхъ розвезлъ и денги объявилъ, и отъ нихъ отвѣти получилъ. Повернулся зъ табору, отъ Красной Яруги, отпушенній п. Василь, сотниченко глинескій¹⁾, а зъ нимъ и Казѣмиръ, слуга, и листи нѣкоторыя попривозили, особливе родителскіе. Зъ Рѣчицѣ отъ Якова прійшло письмо, же не выпускають и треба туда Чернѣцкому и Алексѣю ѣхать. П. Лисенко, асаулъ полк. чернѣговскій, випровадивши полкъ чернѣговскій въ низовій походъ, самъ поворочаючись въ Роменъ, заехалъ и былъ у мене. Была жалоба на Борсукову сотню, полку нѣжинского, отъ атамана бубновского, же, стоявши въ полѣ край скирты и не загасивши огня, отехали, которій вѣтромъ роздутій, покотивши до цѣлой пріишлоъ скирты и всю спалилъ. для чего сотнянъ тихъ у Ромнѣ грабежемъ принудили до нагороди шкодуючому. П. сотникъ сенчанскій пріехалъ. До Глухова, къ Орановскому писалемъ о винѣ венгерскомъ, а до смѣловского атамана о возахъ, зъ Глухова випроваженнихъ, а на дорожѣ за распутіемъ остоявшихся, жебы, извѣстившись, где они, и мене увѣдомилъ.

14. Петру Калениченку до ярмарку борзенского далемъ на на покучки грошей зол. 40. Тузлукъ дарованъ. Отъ п. Петровского листъ принесенъ, въ якимъ виражаетъ, же за слабостю своею въ походъ до Ладого ити не можетъ; тако жъ и отъ п. сотника чорнуского писано, же атаманъ тамошній въ арештѣ у капитана Караблина за не вигонъ людей до работи валовой, а самъ поидеть до канала, тилко зъ тиждень въ дому позабавить. До полковника Ше-

¹⁾ Жуковскій.

реметева писалемъ листъ зъ жалобою за вигонъ людей всѣхъ токаревскихъ и лучанскихъ и за побой, учиненнй въ Луцѣ¹⁾ отъ наехавшаго въ дворъ дракгуна.

15. Виправилемъ Алексѣя Перехриста въ Глуховъ, зъ листами до правителей, прося о писма до трибуналу литовского о заарештованю въ Рѣчицѣ воровъ родителскихъ. Тамъ же и о насиліи отъ оффцеровъ, вигономъ людей всѣхъ на валовую роботу чинаюмся, писалемъ. Атаманомъ роменскимъ Василя Гиню Савуска устроили. Отправилемъ листъ до Петровского, Максимовича и лохвицкого сотника о выходѣ ихъ до Ладокги непремѣномъ. Панъ Яснополскій приехалъ зъ обозу, отпущенъ въ Ромень для болѣзнуючей жени своей, и листъ привезлъ отъ родителя, о скоромъ его знову въ походъ виезду писанній. Получилъ листъ отъ еи милости паней Павловой²⁾ о учинившомся оной въ грошахъ крадѣжствѣ, зъ прошеніемъ на розискъ кого о прислане. Поданъ листъ отъ п. сотника чернуского о томъ, что капитанъ Караблинъ за тоѣ, же не вистачилъ до города для работи 1500 человекъ, прислалъ въ его сотничій домъ для экзекуціи 25 человекъ дракгуновъ. Родителка послала въ Андрѣевку. Братъ, панъ Андрѣй, зъ Сумъ прехалъ въ Ромень. Купилемъ меду вѣдерокъ 7, по 8 зол. и 3 шага; купилемъ мѣди камень за 49 зол. Вози зъ Глухова, для забрання отсюду жита и въ Глуховъ перевезення, прибули сего вечора.

16. Виправили п. Данила Савушенка зъ указами, во всѣ сотнѣ, чтобъ выходили козаки въ ладожскую дорогу зъ поспѣшеніемъ. Отъ полковника Шереметева получилиемъ отвѣтъ, что онъ посылалъ по селахъ драгунъ для вигону людей до работи городской по требованію старшини, и что онъ выходячимъ козакамъ до Ладокги такого въ вигонѣ насилія не чинилъ и не писалъ до ротнихъ комендѣровъ о томъ. Пана Василя Дяченка послаемъ на розискъ въ Лохвицю о украденнихъ грошахъ и. Павловой. Попъ Симеонъ, бывшій капелянъ вятского полку, привезлъ за собою зъ Харькова листъ, отъ его милости господина епер барона Аларта до родителя писа-

¹⁾ Сѣ ~~Луха~~ Луха — лохвицкаго уѣзда.

²⁾ Вдова Павла ~~Дяченка~~ родная сестра гетманши Своропадской.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи.
В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соціанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 в.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 в.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и уніа, съ перес. 80 в.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волинскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 в.

Н. Бѣляшевскій, Монетныеклады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 в.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коливщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 в.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 вк. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 в., съ пер. 2 р. 75 в.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к., за 6 книгъ 5 руб. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покушкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель Н. М. Гамалѣй.

За редактора Е. Нивлицкій.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

М А Й

1891

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

ПИСАНКИ.

Содержаніе:

Писанки въ старинной и современной этнографіи.— Матеріалы и пособія при составленіи настоящей статьи.—Религіозно-символическое значеніе и обрядовое употребленіе крашеныхъ яицъ въ древнихъ культурахъ.—Отраженіе древней символики яйца въ сказкахъ.—Преданія и сказанія о происхожденіи писанокъ.— Народныя названія для крашанокъ и писанокъ.—Сфера распространенія писанокъ въ настоящее время.—Время приготовленія писанокъ.— Мистическо-обрядовая обстановка.— Принадлежности писаночнаго дѣла: кисточка и краски.—Способы приготовленія писанокъ.— Употребленіе крашанокъ и писанокъ при поздравленіи съ праздникомъ въ обихѣ или подарокъ, для полученія красоты и здоровья, для плодородія почвы и роенія пчелъ, во избѣжаніе громоваго удара и пожара, для излѣченія болѣзней, для прогнанія вѣдьмъ и отъ сглаза, при поминовеніи умершихъ и въ дѣтскихъ играхъ.—Значеніе малорусской игры въ навотка и чешской игры въ помлазку.

Орнаментация писанокъ: геометрическая, растительная, животная, бытовая и религіозная.— Архаическія черты орнамента: плетенка, трезубецъ, солнечныя кружки, пентаграмъ, меандръ, свастика, пѣтушки.— Какія мѣстныя растенія входятъ въ писаночную орнаментуку.—О названіяхъ и происхожденіи нѣкоторыхъ писанокъ съ предметнымъ орнаментомъ: бесагъ, калитокъ и др.—Упадокъ обычая приготовленія писанокъ.—Заключеніе.

Научное изученіе писанокъ въ западной Европѣ началось въ концѣ XVII в. Въ 1682 г. вышло въ Гейдельбергѣ сочиненіе Рихтера „Dissertatio de ovis paschalibus, von Oster-Eiern“, въ которомъ высказано мнѣніе о древнегреческомъ происхожденіи писанокъ. Въ описаніи нѣмецкихъ пасхальныхъ яицъ отмѣчено, что крашанки закапывали подъ Пасху въ землю и потомъ показывали ихъ дѣтямъ и говорили, что ихъ снесли

зайцы, причѣмъ возникло и особое для нихъ названіе *Haseneier*, Коберъ въ „*Dissertatio de ovo paschali*“ (Лейпцигъ, 1690) высказывалъ мнѣніе о церковно-христіанскомъ происхожденіи писанокъ. Такое же мнѣніе проводится въ сочиненіи Краскія „*Dissertatio de ovo paschali*“ (Франкфуртъ на Одерѣ, 1705 г.). Краскій видитъ въ писанкахъ символъ будущаго воскресенія мертвыхъ. Въ книгѣ есть указанія на нѣкоторые народныя обряды, напр., катаніе писанокъ. Въ томъ же направленіи писали о пасхальныхъ яйцахъ Эрдманъ въ 1705 г. и Енсенъ въ 1706 г. Послѣдній утверждалъ, что крапанки знаменуютъ пролитую за родъ человѣческой крови Спасителя. Въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ послѣдняго времени, касавшихся писанокъ, Сена (*Das Heidenthum*, 1853), Вундерлиха (*Das christliche Kirchenjahr*, 1884) и Кольбе, (*Hessische Volks-Sitten*, 1888), проводится то мнѣніе, что писанки происходятъ изъ языческой древности и служили нѣкогда символомъ весенняго солнца (*Zibrt, Nektere wykłady o powodu kraslic*, 1890).

Въ нѣмецкой науцѣ интересъ къ писанкамъ заглохъ. Въ XVII в. находили нужнымъ посвящать писанкамъ спеціальныя изслѣдованія, а въ XVIII и въ XIX говорятъ о нихъ лишь мимоходомъ, при разсмотрѣніи другихъ обычаевъ, связанныхъ съ народнымъ календаремъ.

Въ Россіи, если не считать иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка Олеарія и Боплана, упоминающихъ о писанкахъ, впервые на писанки обращено вниманіе въ концѣ 70 годовъ. Въ статьѣ Ѳ. К. Волкова „Отличительныя черты южно-русской народной орнаментики“ въ „Трудахъ 3 археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ) 1878 г.“ на стр. 318 и 325 находится маленькая замѣтка объ орнаментациі писанокъ. Въ 1879 году вышли „Украинскіе узоры“ г-жи Косачъ. Въ предисловіи на стр. 13—14 находится замѣтка объ орнаментикѣ писанокъ, а въ атласѣ 23 цвѣтныхъ копій. Въ 1882 г. Кольбергъ сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о галицко-русскихъ писанкахъ въ „*Rokucie*“. Въ 1887 г. была небольшая замѣтка Бартеляса объ украинскіихъ писанкахъ въ *Zeitschrift für Ethnologie* и о польскихъ въ журналѣ *Wisła*. Въ этомъ году вышло

двѣ монографіи о писанкахъ, на польскомъ языкѣ о польскихъ писанкахъ, — г. Удзѣлы „Piski w mieście Ropczycach i w okolicy“ и болѣе обширная на чешскомъ языкѣ о моравскихъ писанкахъ подъ заглавіемъ „Moravske ornamenty“ со статьями Ванкеля и Странечки. Чешское сочиненіе снабжено большимъ атласомъ съ рисунками писанокъ. Статья Ванкеля, извѣстнаго археолога, представляетъ солидное изслѣдованіе объ археологическомъ значеніи писанокъ.

Въ послѣдніе годы обнаруживается уже большой интересъ къ писанкамъ среди этнографовъ всѣхъ славянскихъ странъ, преимущественно у поляковъ. Въ 76 № „Харьковскихъ Губерн. Вѣдомостей“ 1889 г. я обратился къ публикѣ съ просьбой о доставленіи мнѣ свѣдѣній о писанкахъ по приложенной тогда же мной программѣ изъ 8 §§. Моя статья была перепечатана цѣликомъ или отчасти въ „Елисаветградскомъ Вѣстникѣ“, „Волини“, „Кіевской Старинѣ“ и „Этнографическомъ Обзорѣніи“. Въ томъ же году, независимо отъ моего обращенія къ публикѣ, въ 328 № польскаго иллюстрированнаго „Tygodnik'a“ а затѣмъ и въ другихъ иллюстрированныхъ польскихъ изданіяхъ появилась просьба къ публикѣ о собираніи и доставленіи писанокъ и свѣдѣній о нихъ, подписанная двумя молодыми польскими учеными, этнографомъ Вольскимъ и археологомъ Довгирдомъ, съ присоединеніемъ небольшой руководящей программки и четырехъ снимковъ съ писанокъ, трехъ польскихъ и одной украинской. Въ концѣ 1889 г. въ новомъ сербскомъ журналѣ „Гласникъ земальскогъ Музеја“ (III, 60) г. Свитличъ въ статьѣ „Ускрашня шарена јаја“ сообщилъ, что Волтровичъ собираетъ въ Сербіи и Босніи писанки для изученія ихъ орнаментики.

Изъ этихъ обращеній къ интеллигентной публикѣ наиболее счастливымъ оказалось польское. Въ № 4 „Tygodnik'a“ и немного позднѣе въ IV книгѣ „Wisła“ 1890 г. Вольскій и Довгирдъ сообщили, что они изъ разныхъ мѣстностей Польши и лѣвобережной Малороссіи получили нѣсколько десятковъ описаній писанокъ и 2800 экземпляровъ писанокъ, изъ 220 сель. Сами собиратели удивлены успѣхомъ своего обращенія къ обществу и замѣчаютъ, что „rezultat wypadł nadspodziewanie

światnie“. Любопытно, что наибольшее число коллекцій дали губерніи съ преобладающимъ или сплошнымъ малорусскимъ населеніемъ: подольская 13, кіевская 5, волинская 4, сѣдлецкая 6, тогда какъ изъ варшавской 3, сувальской 2, петроковской, калишской и плоцкой по 1 коллекціи.

Во 2 кн. „Wisła“ 1890 г. была небольшая замѣтка г-жи Садовой о писанкахъ въ новоминскомъ у. варшавской губ. и въ 4 кн. „Wisła“ 1890 г. небольшая статья г. Довгирда о способахъ приготовленія писанокъ въ Польшѣ и главныхъ особенностяхъ въ разрисовкѣ пасхальныхъ яицъ.

Въ № 15 „Tygodnik illustr. dla dzieci“ 1889 г. напечатана замѣтка Зѣля о галицко-русскихъ писанкахъ (Покутье), съ приложеніемъ 48 рисунковъ.

Другія библиографическія указанія будутъ сдѣланы нами въ текстѣ статьи въ надлежащихъ мѣстахъ. Указаній этихъ немного, такъ какъ литература предмета крайне незначительна. Главный матеріалъ состоитъ въ письменныхъ сообщеніяхъ и въ коллекціяхъ писанокъ, любезно доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ мѣстностей южной Россіи любителями отечественной этнографіи.

Сообщенія о писанкахъ мной получены отъ слѣдующихъ лицъ: 1) свящ. Измаила Дмитриева, 2) Д. Л. Глинскаго, 3) И. И. Манжуры, 4) М. П. Савинова, 5) NN (при посредствѣ П. В. И.), 6) М. Д. Стубака, 7) В. Н. Свѣтъ, 8) Д. Пелихова, 9) А. А. Сялобинской, 10) г. О. В., 11) И. А. Карловича, 12) г. Патеры (изъ Праги), 13) С. Вольскаго, 14) свящ. Федора Родкевича (при посредствѣ М. П. Савинова), 15) г. Степанова, 16) г-жи Проскуры, 17) г. Донцова, 18) г. Товяквина, 19) г. Жуйова, 20) г. Дудка, 21) г. Мишнева, 22) г. Ланушняка, 23) г. Андреева, 24) г. Росавскаго, 25) г. П. Щ., 26) г. Прасолова, 27) г. Дружинина, 28) г. Трофимовскаго, 29) Вя. Кобеляцкаго и 30) Е. Бараповской. По мѣстностямъ: изъ Подолія №№ 4, 14; Волини 2, Екатеринославщины 3, Кіевщины 10, Харьковщины 1, 5, 6, 7, 8, 9, Кубанской области 15—30.

Моя коллекція писанокъ составлялась изъ слѣдующихъ:

Изъ харьковской губерніи: харьковскаго у. с. Островерховки—5 (отъ г. Савинова), Коротича 4 (куплены на мѣстѣ), зміевского 1 (студ. Бобина), изюмскаго 1 (студ. Бобина), богодуховскаго, г. Краснокутска 4 (студ. Бобина), г. Купянска 6 (П. В. Иванова), ахтырскаго 17 малярскихъ, 20 полу-малярскихъ и 14 простыхъ (куплены на мѣстѣ) и лебединскаго 36 (отъ свящ. Дмитриева).

Екатеринославской губ.—16 (студ. Бобина).

Полтавской г., полтавскаго уѣзда 7 (П. И. Петрушевскаго).

Волинской г., острожскаго у. с. Гульчи 45 (отъ Д. Л. Глинскаго).

Подольской губ. 37 (отъ свщ. Родкевича).

Кубанской обл. 16 (отъ г-жи Е. Барановской).

Курской г., курскаго у. с. Воробьевки 3 (отъ г. Болтенкова); щигровскаго уѣзда 4 (отъ М. Е. Халанскаго).

Вологодской г. 6 деревянныхъ (отъ М. П. Савинова).

Изъ Болгаріи 1 монастырская.

Всѣмъ моимъ согрудникамъ и корреспондентамъ, поименованнымъ въ этомъ спискѣ, приношу мою глубокую благодарность.

Въ печати были указанія еще на слѣдующія коллекція писанокъ:

- 1) Г. Вольскаго и Довгира въ Варшавѣ (весьма обширная и цѣнная; выставлена въ этнографическомъ музеѣ; много малорусскихъ писанокъ),
- 2) Баргельса въ музеѣ берлинскаго антропологическ. общества (малорусскія),
- 3) Въ музеѣ краковской академіи наукъ,
- 4) Въ техническомъ музеѣ Адриана Баранецкаго въ Краковѣ (много малор.),
- 5) Во Львовѣ въ музеѣ графа Дзѣдушицкаго,
- 6) Во Львовѣ въ Техническомъ музеѣ,
- 7) Въ Моравіи въ Брно въ Патріотическомъ музеѣ,
- 8) Въ Прагѣ въ музеѣ Напрстека,
- 9) Г-жи Косачевой въ Кіевѣ,
- 10) Г. Павлина (галицко-русскихъ писанокъ).
- 11) Въ лубенскомъ музеѣ г-жи Скаржинской (около 300) и
- 12) Н. А. Яичука въ Москвѣ.

Яицо получило важное религіозно-обрядовое и символическое значеніе задолго до христіанства въ повѣрьяхъ и бытѣ древнихъ культурныхъ народовъ, какъ символъ солнца, которое занимаетъ первое мѣсто въ языческихъ культахъ. Чествованіе яица обусловлено было мыслью о весеннемъ возрожденіи солнца, а вмѣстѣ съ нимъ всей творческой силы природы.

Въ сказкахъ зооморфической образъ солнца жарь-птица однимъ своимъ перомъ освѣщаетъ большой садъ. Чародѣй (зимній холодъ) похищаетъ ее; но она до похищенія успѣваетъ свести золотое яицо, которое является затѣмъ новымъ источникомъ жизни, свѣта и тепла. Своими жаркими лучами солнце-яицо согрѣваетъ холодныя зимнія тучи, разгоняетъ туманъ, заставляетъ облака лить дождевые потоки, и на землѣ воцаряется лѣто.

Оттого у народовъ древнихъ и новыхъ, дикихъ и цивилизованныхъ, распространены сказки о яицѣ, какъ источникѣ жизни и вселенной. Яицами одаривали другъ друга въ началѣ новаго года; ихъ величали въ священныя пѣснопѣніяхъ. Ме-

таллическія изображенія лицъ клали въ храмахъ. (*Успенскій*, Опытъ повѣств. о древн. рус., 643). Зарывали яйцо въ томъ мѣстѣ, которое избиралось для построенія города; существованіемъ этого обычая объясняютъ преданіе, что Неаполь построенъ на лицѣ (*Воеводскій*, Каннибализмъ, 3).

У древнихъ египтянъ яйцо было атрибутомъ Кнефа. Идолъ этого божества изображался гермафродитомъ, съ головой ястреба и съ яйцомъ въ устахъ. Изъ того лица произошелъ фтасъ, или огонь (*Успенскій*, Опытъ повѣств., 642). Яйцо было также атрибутомъ солнечнаго бога египтянъ Пта. На одномъ сохранившемся барельефѣ Пта держитъ въ рукѣ яйцо, а изъ находящейся внизу пояснительной надписи видно, что это яйцо изображаетъ солнце. Другая надпись гласитъ, что Пта катаетъ яйцо свое по небу (*Рославскій-Петровскій*, Египетъ, 61).

Индійское преданіе о созданіи міра говоритъ о золотомъ яйцѣ, которое плавало въ водахъ, т. е. солнце на воздушномъ океанѣ (*Аванасевъ*, Поэтич. возвр. слав., I, 535).

Греческіе и римскіе философы, исходя изъ народнаго міровоззрѣнія, происхожденіе вселенной вели отъ яйца (ab ovo). По преданію, записанному Геродотомъ, міръ созданъ изъ яйца, положеннаго баснословной птицей Фениксомъ въ святилищѣ Геліоса. Эти классическія сказанія отразились въ византійской литературѣ; такъ, въ одной рукописи: „о яйцѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина: небо и земля по всему подобны яйцу—скорлупа аки небо, плева аки облаци, бѣлокъ аки вода, желтокъ аки земля“ (*Аванас.*, I, 536).

Римляне красили лица и употребляли ихъ при различныхъ игрищахъ и обрядахъ, на что есть указанія у Ювенала, Овидія и Плинія (кн. 19 и 24). Плутархъ даетъ объясненіе, что лицо изображаетъ творца, все въ себѣ заключающаго (*Успенскій*, 642).

Корнелій Брюнъ, бывший въ Персіи въ 1704 г., говоритъ, что персы на новый годъ (20 мая) привѣтствовали другъ друга подаркомъ разноцвѣтно окрашенныхъ лицъ (ib. 641).

Въ мифологіи полинезійцевъ видимый міръ олицетворенъ въ видѣ курицы, въ которой скрывался создатель міра богъ Тангароа. Онъ вышелъ изъ яйца. Изъ обломковъ этого яйца

образовались полинезийскіе острова (*Reville, Les religions des peuples non civilisés, II, 25*). Въ вариантѣ (съ о. Самоа) первоначально было только небо, а земля была покрыта водой. Тогда Тонгароа послалъ свою дочь въ образѣ бекаса на землю, и она отыскала остріе скалы, выдающейся надъ моремъ, и посылала землю и растенія (*Кристманъ и Оберлендеръ, Новая Зеландія и ост. острова Южн. океана, 366*).

Замѣчательно сходное сказаніе о сотвореніи міра представляетъ финская Калевала. Мать воды Ильматаръ жила сначала въ воздухѣ, потомъ спустилась на океанъ, покрывавшій всю землю. 700 лѣтъ она качалась на его волнахъ. Дикая утка, принявъ колюще Ильматаръ за землю, устроила на немъ гнѣздо и положила одно желѣзное и 6 золотыхъ яицъ. Ильматаръ вздрогнула и яйца разбились и упали въ море. Изъ этихъ яицъ и образовался весь видимый міръ: изъ нижней части—земля; изъ верхней—небесный сводъ; изъ желтка—солнце; изъ бѣлка—мѣсяцъ (*Калевала, въ пер. Гранстрема, 5*).

Въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ славянскихъ народовъ сохранилось много остатковъ этого общечеловѣческаго космогоническаго міра. Сказки на тему о происхожденіи міра изъ лица записаны у поляковъ (*Zbiór wiadomości do antrop. kraj., II, 125*), чеховъ (*Stranečka, Moravske ornamenty, 8*), хорутанъ (*Аванисъевъ, Поэт. возвр. слав., I, 531*), въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ русскихъ сказкахъ этого мотива и родственныхъ имъ славянскихъ обнаруживается замѣна основныхъ элементовъ другими, какъ слѣдствіе затемнѣнія космогоническаго міра: вмѣсто солнца, луны, земли изъ лица выходитъ городъ, ярмарочная площадь и т. п. Въ малорусской сказкѣ о первомъ вѣкѣ творенія мышъ и воробей дѣлялись просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ; но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это онъ получилъ лицо, въ которомъ заключалось цѣлое царство (*Кулишъ, Записки о южн. Руси, II, 31*). Въ бѣлорусскихъ сказкахъ герой получаетъ золотое, серебряное и мѣдное лица (обычное троеніе), которыя бросаетъ на землю, и изъ яицъ являются дворцы золотой, серебряный и мѣдный (*Романовъ, Бѣлор. сборн., III, 84—85*).

Вариантомъ этихъ сказокъ можно признать тѣ многочисленныя сказки, въ которыхъ жизнь или смерть скрыты въ яицѣ. Въ великорусской сказкѣ душа Коша (Коцея) Безсмертнаго скрыта въ яицѣ, которое въ уточкѣ, а утка въ запертомъ сундукѣ. Иванъ царевичъ досталъ и разбилъ яицо, послѣ чего умеръ и Кошъ Безсмертный (*Сидовниковъ*, Сказки самарск. края, 201). Въ бѣлорусской сказкѣ смерть Кашея въ яицѣ, а яицо въ птицѣ, а птица въ гнѣздѣ на камнѣ, подъ дубомъ, на одномъ островѣ (*Романовъ*, Бѣлор. сборн., III, 72). Тождественный рассказъ встрѣчается въ сказкахъ индійскихъ (у *Минаева*, 97, 109), во французской (*Cosquin*, Contes popul., № 15), въ сицилійской (у *Gensenbach'a*, Sicil. Märchen, II, 215), зулусской (*Басни и сказки дикихъ народовъ*, № 64). Сходные рассказы въ Калилѣ и Димнѣ (въ пер. *Аттаи*, 154) и въ одной древне-египетской повѣсти (*Maspero*, Contes pop. de l'Égypte ancienne, 182).

Доказательства солнечнаго значенія писанокъ находятся еще въ играхъ молодежи на Свѣтлой недѣлѣ и въ орнаментациі писанокъ; но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

О началѣ обыкновенія употреблять на Пасху красныя лица въ Греціи сохранилось особое преданіе, въ которомъ основательницей этого обычая является св. Марія Магдалина. По вознесеніи Спасителя на небо, св. Марія Магдалина, пришедъ въ Римъ для проповѣданія Евангелія, предстала предъ императоромъ Тиберіемъ, поднесла ему красное яицо и сказала: „Христосъ воскрес!“ Такимъ образомъ она начала свою проповѣдь. Первые христіане, узнавъ объ этомъ приношеніи св. Магдалины, начали подражать—дарить другъ другу лица. Константинъ Экономидъ (греческій ученый 30-хъ годовъ) въ одной рукописи X вѣка, находящейся въ монастырѣ св. Аѳанасія (въблизи Θεσσαλονикъ), напелъ замѣчаніе, что крашанки существуютъ отъ апостольскихъ временъ, такъ какъ начало обычаю положила св. Магдалина (*Калинскій*, въ Запискахъ геогр. общ. 1877, VII, 461).

Преданіе это извѣстно также въ Малороссіи. Въ с. Тарасовкѣ купянскаго у. харьк. губ. недавно записанъ слѣдующій рассказъ: „Марія Магдалина прійшла до гробу Господняго и не знайшла Господа. Ангелъ ей провозгласивъ, шо Христосъ

воскресъ, вона излякалась и зрадувалась и побигла до дому, прибигла и побачила крашенны яица и каже „Христось воскресъ“ и забрала ти яица и, только выйшла зъ дому, а ий назустрічь Апостоли святи; вона съ радоцей стала давати имъ ти яица и казала „Христось воскресъ“ и циловались вони отъ радости. У Бога всякій шагъ человека по назначенью, вона давала яица, шо у неи большъ ничего не було, а то къ тому прійшло, шо яице мертве, а съ него живе курча выходе, такъ Христось бувъ мертвый и намъ дарувавъ жизнь“ (сообщила В. Н. Свѣтъ).

Въ полтавской губ. Ст. Руданскимъ записанъ слѣдующій прекрасный разсказъ о происхожденіи крашанокъ: „Иденъ убогый нисъ соби до миста яйця продавати; але на той саме часъ вели жиды роспынаты Бога. И ото Богъ несе хреста тай падае, а вбогому и жалко стало, и кинувъ винъ кошикъ тай помогае Богови хреста нести. Допомигъ, коли вертае до кошика, ажъ тамъ уси его яйця стали крашанками та писанками (*Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 145).

Въ с. Араповѣ купянскаго у. записано два народныхъ толкованія. По одному писанки пишутъ въ знакъ того, что когда жиды мучили Спасителя, то все тѣло его „попысали“ (т. е. избии бичами). По другому—„якъ воскресъ Исусъ Христось изъ мертвыхъ, то винъ и сказавъ тимъ жидамъ, шо стерегли Его гробъ: „идить и скажить всимъ: Христось воскресъ! А щобъ вамъ повирьлы, нате вамъ оцей знакъ и давъ всимъ имъ по крашанци, котори винъ взявъ изъ своего гробу“ (сообщ. М. Д. Скубакъ).

Въ кубанской области въ Зеленчукской станицѣ записаны слѣдующія объясненія: въ 1) въ красный цвѣтъ красятъ яица потому, что изъ ребра Исуса Христа отъ прободенія истекла кровь; 2) яица красятъ въ память усѣченія главы Іоанна Крестителя: когда принесли голову, то Иродъ покраснѣлъ отъ стыда и жалости, и съ тѣхъ поръ даже плоды стали краснѣть (сообщила О. Проскура).

Въ станицѣ Бжедуховской записано слѣдующее толкованіе: однажды на первый день Пасхи нѣкій православный встрѣтился

съ знакомымъ евреемъ, шедшимъ съ базара, на которомъ онъ купилъ нѣсколько свѣжихъ куриныхъ яицъ. Православный предложилъ еврею похристосоваться, но еврей отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ крашанокъ, дабы помѣняться по православному обычаю съ русскимъ.

— А что же у тебя въ платкѣ? Кажется яйца? спрашиваетъ сей послѣдній.

— Да, отвѣчаетъ еврей, это яйца, но не крашенныя, а свѣжія.

И чтобы увѣрить въ этомъ православнаго, приподнялъ узелокъ, но, заглянувъ въ него, увидѣлъ, что бѣлыя свѣжія яйца превратились въ писанки. Опомнившись отъ изумленія, еврей похристосовался съ русскимъ и пожелалъ принять крещеніе (сообщ. А. Прасоловъ).

Въ Харьковѣ я слышалъ такой разсказъ: еврей не вѣрилъ, когда ему говорили, что Христосъ воскресъ. „Тогда я повѣрю, сказалъ онъ, указывая на лица, когда эти бѣлыя лица пораскраснѣютъ“, и лица моментально обратились въ крашанки. Этотъ мотивъ представляетъ передѣлку весьма распространеннаго мотива объ ожившемъ пѣтухѣ. Во II т. „Объясненій малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“ (колядки и щедривки) А. А. Потебни (с. 765) указана литература этой легенды. Въ сочиненіи Чайльда объ англійскихъ и шотландскихъ пѣсняхъ указаны многочисленные западно-европейскіе варианты этой легенды. Къ этимъ указаніямъ нужно добавить малорусскую легенду объ однобокой рыбѣ (изъ каневского у.) въ „Трудахъ“ Чубинскаго, I, 67.

Поляки сѣдлецкой губерніи говорятъ, что въ писанки обратились тѣ камни, которыми былъ убитъ св. Стефанъ перво-мученикъ; въ память объ этомъ событіи и приготавливаютъ теперь писанки (*Ulanowska*, въ *Zbiór wiadom.* VIII, 294). Въ с. Ропчицахъ записано другое польское преданіе о происхожденіи писанокъ: жиды, желая склонить Пилата къ смертному приговору надъ Іисусомъ, дарили дѣтямъ Пилата крашенныя яйца (*Udziela*, *Piski*, 4).

Преданія о происхожденіи писанокъ встрѣчаются рѣдко. Большою частью крестьяне не даютъ объясненія обычая. „Са-

мые тщательные мои распросы, пишетъ мнѣ одинъ священникъ, у наиболѣе сообразительныхъ изъ простонародія лицъ въ моемъ приходѣ не дали нужныхъ свѣдѣній. Эти лица отвѣчали одно и то же: „такъ издавна ведется“.

Кромѣ приведенныхъ религіозныхъ преданій о происхожденіи писанокъ, другихъ отраженій ихъ въ литературѣ, кажется, не существуетъ, если не считать немногихъ пословицъ, напр. „хвора, хвора, а сама якъ пысанка“ (въ купянск. у.).

Общія названія писанокъ опредѣляются способомъ приготовления и цвѣтомъ ихъ.

Крашанками у малоруссовъ, поляковъ и великоруссовъ называются яйца, выкрашенные въ одинъ цвѣтъ безъ узоровъ. Къ крашанкамъ относятся также яйца, выкрашенные подъ дерево или подъ мраморъ. Въ Екатеринославщинѣ вообще всякое яйцо, даже дикой птицы, называется крашанкой: „горобьяча крашанка, дрохвыняча“ и т. п. Это расширение значенія крашанки произошло отъ того, что слово „яицо“ считается у малоруссовъ екатерин. губ. неприличнымъ. Если кто имъ обмолвится въ компаніи, то конфузится, а присутствующіе смотрятъ на него удивленно—будто услышали что непристойное. Пасхальное красное яйцо называется „червона крашанка“.

Писанками у малоруссовъ великоруссовъ и поляковъ называются пасхальныя яйца, раскрашенные въ два, три цвѣта и болѣе.

Piski—мѣстное польское (у Тарнова) названіе писанокъ.

Галунки въ подольской г. крашанки, отъ сл. галунъ—квасцы.

Malowanki—у поляковъ крашанки.

Rysowanki и *Byczki*—мѣстныя польскія названія для писанокъ и крашанокъ.

Skrobanki—польскія писанки, на которыхъ рисунокъ вырѣзанъ иглой или ножомъ.

Kraslicy у чеховъ и моравовъ крашанки и писанки.

Pyric и *cervenati*—хорутанскія названія для крашанокъ и писанокъ.

Marguczej—названіе крашенныхъ яицъ въ Литвѣ.

Районъ распространенія писанокъ обширенъ; но съ теченіемъ времени онъ все болѣе суживается и уменьшается. Въ

прошломъ вѣкъ писанки были извѣстны во всей Европѣ и въ передней Азіи (у грековъ и персовъ шитовъ). Нынѣ онѣ распространены почти повсемѣстно среди малоруссовъ (отъ Галиціи до Кубани), поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, румынъ, грековъ, литовцевъ, латышей. Въ южныхъ великорусскихъ губерніяхъ въ ходу писанки, въ сѣверныхъ — деревянныя крашанки. Въ восточной Сибири, по недостатку куръ, писанками служатъ пестрыя яйца дикихъ птицъ, добываемыя съ большимъ трудомъ на приморскихъ скалахъ (*Mazurewicz, Wisła, 1889, 713—714*). У малоазіатскихъ грековъ въ Чистый четвергъ несутъ въ церковь на Страсти столько писанокъ, сколько въ домѣ членовъ семейства; сохраняютъ эти писанки до Пасхи (*Carnoy et Nicolaides, Traditions de l'Asie Mineure, 302*). Обрядовое употребленіе яицъ на Свѣтлой недѣлѣ весьма обычно въ Германіи (*Heineke, Revue d. trad. popul. 1889, VI, 351*); кое-гдѣ въ нѣмецкихъ странахъ сохранились и писанки. Во Франціи сохраняются еще одноцвѣтныя (красныя) крашанки. Онѣ были выставлены на съѣздѣ фольклористовъ въ Парижѣ въ 1889 г. (*Zmigrodzki, Wisła, 1889, 971*).

Время появленія писанокъ у русскихъ славянъ не поддается опредѣленію. Неизвѣстно, употреблялись ли писанки на Руси до принятія христіанства или же онѣ появились здѣсь подъ влияніемъ христіанства, занесены сюда изъ Византіи и Болгаріи. Отрицать до-христіанское существованіе писанокъ на Руси вполнѣ нельзя, если принять во вниманіе обширное религіозно-обрядовое употребленіе у древнихъ славянъ пѣтуха и куръ. Болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе о византійскомъ происхожденіи русскихъ писанокъ; на это указываютъ связанныя съ ними религіозныя преданія. Можно предположить, что онѣ проникли въ Россію въ глубокой древности, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ писанки были уже въ сѣверной и южной Руси. Въ московской Руси цари въ Свѣтлый праздникъ раздавали приближеннымъ яйца гусинныя, утинныя, куриныя, деревянныя, расписанныя по золоту яркими красками. Приготовленіемъ такихъ яицъ къ празднику Пасхи въ старину въ московской Руси занимались пекари, иконописцы,

травщики оружейной палаты и монахи Троицко-Сергиевской Лавры (*Калинский*, 461, вз. изъ Домаш. быта русск. царей, Забѣлина). Этотъ обычай привлекъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ, посѣщавшихъ московское государство; о немъ упоминаютъ Герберштейнъ, Іовій, Маржеретъ, Петрей, Олеарій и др. (*Терещенко*, Бытъ русск. нар., VI, 93). Въ XVIII ст. писанки и крашанки были въ употребленіи среди высшихъ слоевъ общества. Суворовъ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню, становился въ рядъ съ священниками и христовался со всѣми безъ разбора. Позади Суворова стояли деньщики съ корзинами крашеныхъ яицъ, и онъ каждому подавалъ яйцо, а самъ ни отъ кого не принималъ (*ib.*, 90). Въ помѣщичьихъ семьяхъ недавняго времени еще соблюдали подобный обычай; но затѣмъ обычай христованія съ одариваніемъ писанками вышелъ изъ употребленія у интеллигентныхъ слоевъ общества, и крашанки удержались на пасхальномъ столѣ какъ украшеніе. *

Бопланъ, служившій въ Украинѣ въ половинѣ XVII в., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ Страстную субботу (?) всѣ идутъ въ церковь, для присутствованія при церемоніи, которая состоитъ въ томъ, что кладутъ во гробъ изображеніе Спасителя и потомъ вынимаютъ оное съ большимъ торжествомъ. Послѣ сего мужчины и женщины, юноши и дѣвицы, преклонивъ колѣни предъ владыкою, т. е. епископомъ, подаютъ ему по ялицу, росписанному красною или желтою краскою, говоря: „Христось воскресъ!“ Епископъ, взявъ ялицу, отвѣчаетъ: „Во истину воскресъ“, и цѣлуетъ женщинъ и дѣвицъ... Митрополитъ Могила, глава всѣхъ украинскихъ епископовъ, исполняетъ обрядъ сей въ Кіевѣ такъ же, какъ и самый бѣднѣйшій сельскій священникъ, который по малороссійски называется господиномъ (панъ отецъ). Въ продолженіи восьми дней нельзя выйти изъ дома безъ добраго запаса крашеныхъ яицъ, чтобы христоваться оными со всѣми друзьями“ (*Бопланъ*, Описаніе Украины, 77—79).

Время приготовленія писанокъ, за немногими исключеніями, четвергъ, пятница и суббота Страстной недѣли. Въ Черноморіи въ станицѣ Старокорсунской окрашиваніе яицъ

обязательно начинается въ Чистый четвергъ, когда зазвонять въ страстямъ. Въ этотъ день окрашивается не болѣе десяти лицъ, которыя завязываются въ особый узелокъ и такъ остаются до перваго дня Пасхи (сообщ. Мишневъ). Тоже соблюдается во многихъ другихъ мѣстностяхъ Черноморіи. Въ Зеленчукѣ красятъ въ четвергъ, а при надобности и въ остальные два дня Страстной седмицы, причемъ успѣвають за это время въ большей семьѣ окрасить около сотни лицъ (сообщ. Проскура). Тождественный обычай существуетъ у малоазіатскихъ грековъ въ окрестностяхъ Смирны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши. Въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ писанки начинаютъ готовить исподоволь съ начала или съ половины поста, а крашанки на послѣднихъ дняхъ Страстной седмицы. Въ Барсуковской станицѣ кубанской области крашанки готовятъ въ Страстную субботу, а писанки съ 5 недѣли Великаго поста (сообщ. К. Донцовъ). Такое же обыкновение бытуетъ въ с. Калиновеѣ купянскаго у. (сообщ. г. Пелиховъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши (*Wisła*, 1890, IV, 824). Въ сѣверныхъ частяхъ польскихъ этнографическихъ предѣловъ красятъ лица отъ Проводской недѣли до Зеленыхъ святокъ (*ib.*, 824). У Тарнова готовятъ писанки съ полудня понедѣльника Свѣтлой недѣли до Зеленыхъ святокъ (*Udziela*, 4). Въ Босніи—отъ Великой пятницы до Вознесенія (*Гласник* зем. Музея, 1889, III). Вообще, время приготовленія писанокъ обуславливается случайными соображеніями экономического свойства.

Окрашиваніе лицъ въ четвергъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ станицѣ Гурійской, кубанской области, обусловлено тѣмъ повѣрьемъ, что если покраска лицъ произведена въ четвергъ Страстной недѣли, то таковыя писанки и крашанки не протухаютъ въ теченіи двѣнадцати дней и болѣе, въ какомъ бы мѣстѣ онѣ ни хранились, тогда какъ другія крашанки, буде онѣ изготовлены раньше четверга или позже, скоро портятся и дѣлаются негодными къ употребленію (сообщ. Лапушнякъ).

Окраска лицъ производится исключительно женщинами, въ однихъ мѣстахъ дѣвушками, въ другихъ, гдѣ обычай уже

погибаетъ, немногими старухами. Кое-гдѣ съ упадкомъ обычая выступили на сцену маляры. У поляковъ (*Udziela*, 5; *Wiśła*, 1890, II, 461) и у малоруссовъ каменецъ-подольской губерніи ямпольскаго у. (сообщ. Савинова) расписываютъ лица дивчата. Онѣ сходятся по 2, по 3 и болѣе въ одной катѣ и весело принимаются за пріятную работу, иногда въ присутствіи парубковъ. Въ харьковской губерніи работаютъ большею частью старухи, въ одиночку.

Въ опытныхъ рукахъ расписываніе идетъ бойко, и яйцо быстро покрывается изящнымъ рисункомъ. Вотъ какъ описываетъ г. Глинскій работу лучшей мастерицы писаночнаго дѣла въ с. Гульчѣ острожскаго уѣзда Маріи Суходоловой: „Суходолова не только ознакомила меня съ теоріей своего искусства, но и ознакомила меня съ нимъ практически. Она показала всѣ необходимыя принадлежности писаночнаго дѣла и въ моемъ присутствіи расписала въ простую писанку одно яйцо. Суходолова положительно поражаетъ въ этомъ дѣлѣ ловкостью пріемовъ и приобрѣтеннымъ навыкомъ. Расписываніе писанки въ довольно сложный узоръ у ней шло такъ же скоро и ловко, какъ переписка у любого каллиграфа. Держа яйцо въ указательномъ и большомъ пальцахъ лѣвой руки, она держала кисточку въ правой рукѣ, какъ пишечное перо, и слегка касалась лица правымъ мизинцомъ, чтобы фиксировать пишущую руку. Линіи изъ подъ кисточки выходили совершенно ровныя и правильныя“ (*Емисав. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Мѣстами приготовленіе писанокъ обставлено нѣкоторой обрядностью. Въ каменецъ-подольской губерніи и въ кубанской области къ приготовленію писанокъ приступаютъ отговѣвшись. Въ слоб. Анниной лебед. у. женщина, приготовляющая писанки, воду для мойки яицъ и составленія красокъ беретъ изъ долины свѣговую, несетъ эту воду рано утромъ, не поворачиваясь назадъ или въ сторону, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо не здоровается и не отвѣчаетъ ни на привѣтствія, ни на вопросы, словомъ, соблюдаетъ строгое безмолвіе (сообщ. Дмитріевъ). Здѣсь къ обычаю раскраски яицъ примкнуло повѣрье о таинственно-цѣлеб-

номъ и могущественномъ значеніи непочатой воды, повѣрье, бытующее въ Россіи, Германіи и Франціи.

Въ с. Гульчѣ острожскаго у. яйца держатъ въ краскѣ въ теченіи двухъ или трехъ „Отченашей“, т. е. такого времени, сколько требуется, чтобы прочитатъ два, три раза молитву „Отче нашъ“ (*Елисавет. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Принадлежностей писаночнаго дѣла немного: горшокъ съ воскомъ, черепокъ съ горячими угольями, на которыхъ растапливается воскъ, кисточка домашняго издѣлія и краски. Эти простыя принадлежности, въ особенности краски, заслуживаютъ вниманія.

Краски бываютъ домашняго изготовленія или покупныя. Первые добываются изъ тѣхъ растений, которыя входятъ въ мѣстную огородную или лѣсную флору. Такъ:

Желтая краска добывается изъ коры дикорастущихъ яблонь, изъ шелухи лука или, что встрѣчается рѣже, изъ цвѣтковь бузины. Желтая краска получается такимъ образомъ: въ горшокъ складывается яблонная кора или шелуха лука, наливается холодной водой и кипятится. Въ станицѣ Барсуковской кубан. обл. цвѣтъ темно-желтый или „гавановый“ получается изъ шелухи спѣлаго лука, а свѣтло-желтый изъ мѣстнаго цвѣтка серпія (сообщ. Донцовъ). Въ купянскомъ у. желтую краску добываютъ изъ отвара купавокъ—*Purethrum cor.* (сообщ. П. В. Ив.), у поляковъ—изъ желтыхъ цвѣтковь *Caltha palustris* (*Udziela*).

Синій цвѣтъ добывается въ ст. Удобной кубанской области изъ луковичнаго растенія, называемаго толкачки, по цвѣту—сипька. Это растеніе рано показывается изъ земли вмѣстѣ съ подснежникомъ; если перекипятить краску, то яйца окрашиваются въ темно-синій и черный цвѣта (сообщ. Жуковъ). Въ екатеринославской губ. изъ отвара гречаной половы получается цвѣтъ индиго (сообщ. Манжура), въ харьк. губ. изъ сушеныхъ цвѣтковь синей мальвы *Althea rosea* (сообщ. П. В. И.).

Голубая краска для писанокъ въ кубанской области добывается изъ весеннихъ цвѣточковь кіечки, иначе называемыхъ барашки (с. Кобеляцкаго).

Зеленая краска добывается изъ ягодъ черники или ягодъ дикорастущей бузины, которая растираются съ растворомъ желтой краски въ кашицу (въ Подоліи), изъ сережекъ осины или „котиковъ“ (тамъ же), изъ листьевъ жита (у поляковъ), изъ цвѣтовъ темно-красной рожи въ соединеніи съ желтой краской (харьк. губ.), изъ пролѣсковъ—scilla (харьк. и екат. губ.), изъ мха (у поляковъ варшавск. губ.).

Черная краска съ сизымъ отливомъ цвѣта воронова крыла добывается изъ коры ольхи (сообщ. Прасолова) и молодыхъ листьевъ черноклена—*Acer tataricum* (сообщ. П. В. И.).

Красная краска въ Полѣсѣ изъ мѣстной кошенили или „червеца“ (*Левченко*, въ Зап. ю. з. о. географическ. общ., II, 149).

Мраморная краска получается изъ смѣшенія наваара сухихъ листьевъ съ сытовымъ медомъ или чаще отъ завертыванія яицъ въ цвѣтную бумагу или лоскутки ситцевой матеріи.

Красный и синій цвѣта въ настоящее время получаютъ большею частью отъ анилиновыхъ красокъ. Фуксинъ и мителеновая синька, благодаря своей дешевизнѣ и цвѣтовымъ достоинствамъ во многихъ мѣстахъ вытѣснили старинныя краски домашняго приготовленія. Мѣстами слышится еще протестъ противъ фуксина. Такъ, въ с. Кубанскомъ куб. обл. записано народное повѣрье, что грѣшно красить пасхальныя лица въ фуксинъ, но почему грѣшно, никто не можетъ объяснить, и въ самомъ с. Кубанскомъ фуксинъ оказывается наиболѣе употребительной краской при окрашиваніи пасхальныхъ яицъ (сообщ. Дружининъ). Крестьяне считаютъ фуксинъ ядовитой краской и называютъ ее „въѣдливой“, такъ какъ скорлупа яйца окрашивается не только снаружи, но и внутри, а при скважинѣ окрашивается и бѣловъ. Красный сандалъ и фуксинъ покупаются въ лавочкахъ или вымѣниваются (въ кубан. обл.) у мелкихъ подѣзжающихъ къ каждому двору торговцевъ за яйца, щетину и свиное сало (сообщ. Проскура).

Кромѣ красокъ для приготовленія писанокъ необходима еще обезцвѣчивающая жидкость. Таковой большею частью бываетъ бураковый квасъ или растворъ квасцовъ (галунъ).

Единственнымъ орудіемъ при раскраскѣ лицъ служить тонкая жестяная трубочка около сантиметра длиною, укрѣпленная нитками въ разщепленіѣ одного конца небольшой палочки. Трубочки изготовляются самими мастерицами изъ кусочковъ тонкой жести, которую для образованія трубочки загибаютъ на иголѣѣ. Кисточки употребляются разныхъ калибровъ, смотря по тому, какой толщины требуются линіи въ рисунокѣ писанки. При расписываніи трубочка обмакивается въ растопленный воскъ и однимъ концомъ трубочки выводится задуманный узоръ. Такъ готовятъ кисточку на Волини въ острож. у. (*Елисавет. Вѣст.*, 1889, № 103).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. кисточка готовится такимъ же образомъ изъ четырехъ-угольнаго кусочка фольги (длиною около дюйма и шириною въ $1\frac{1}{2}$ линіи), загнутаго на иголѣѣ (сообщ. Скубаевъ и Пелиховъ).

Въ д. Кислицкой ямпольскаго у. каменецъ-подольской губ. кисточка готовится слѣдующимъ образомъ: Одна изъ дѣвушекъ вынимаетъ изъ уха сережку, отламываетъ отъ нея „дротъ“, т. е. то металлическое колѣнце, которое продѣвается въ ухо; этотъ дротъ привязывается къ деревянной палочкѣ, и дѣвушка говоритъ: „треба разводять писанки!“ Это значитъ, что пора приступить къ дѣлу. Дротъ, прикрѣпленный или привязанный къ палочкѣ, называется кисточкой. Кисточка обмакивается въ растопленный воскъ и на лицо кладутся восковые узоры.

Тождественная съ волинской и харьковской польская кисточка— „pisak“ (*Wisła* 1890, 820), сходная сербская— „шараликъ“ (*Гласник. з. муз.*, 1889, III).

Кисточки, употребляемыя на Волини, въ Харьковщинѣ и въ Польшѣ, представляютъ то удобство, что воскъ располагается по лицу равномерно, ровными линіями. Отъ серьги же и т. п. орудій получаются утолщенные концы линій.

Въ ст. Кубанской куб. обл. поверхность лица поливаютъ воскомъ изъ соломенной трубочки (сообщ. Дружининъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., Неберджаевской станицѣ куб. обл., держатъ восковую свѣчу въ наклоненномъ положеніи, чтобы частицы расплавленнаго воска отдѣлялись отъ свѣчи, и

выводятъ на скорлупѣ яйца разныя фигуры (сообщ. Щ.). При такой раскраскѣ не можетъ быть и рѣчи о той тонкости, правильности и изящности рисунка, какія свойства имѣютъ писанки, разрисованныя посредствомъ трубочки—кисточки.

Приготовление писанокъ обыкновенно идетъ такъ: когда сдѣланъ или написанъ на натуральномъ фонѣ яйца узоръ, яйцо кладутъ обыкновенно прежде всего въ растворъ желтой краски. Вынувъ изъ краски, мы, слѣдовательно, получимъ желтый фонъ и на немъ бѣлый узоръ, такъ какъ краска не могла окрасить только тѣхъ мѣстъ, которыя были покрыты воскомъ. По желтому фону опять пишутъ воскомъ и кладутъ въ зеленую краску; получится, слѣдовательно, зеленый фонъ и на немъ узоръ бѣлаго и желтаго цвѣта. По зеленому фону пишутъ опять и яйцо опускаютъ въ „бураковый квасъ“ для обезцвѣчиванія: получится опять вмѣсто зеленаго фона—фонъ натуральной яичной скорлупы, и затѣмъ яйцо опускаютъ или въ красную, или въ синюю краску, смотря по желанію. Опускать яйцо въ красную или синюю краску безъ предварительнаго обезцвѣчиванія отъ предыдущей краски нельзя, потому что отъ смѣшенія зеленой съ красной не можетъ получиться красный цвѣтъ, а равно также не получится синій цвѣтъ требуемаго тона отъ смѣшенія зеленаго съ синимъ. Красить же яйцо непосредственно послѣ желтой въ зеленой краскѣ напротивъ рекомендуется, какъ лучшее средство сдѣлать зеленую краску болѣе интенсивной и болѣе прочной. Что касается обезцвѣчиванія, то требуется послѣ опусканія яйца въ „бураковый квасъ“ хорошенько вытереть яйцо сначала суконной, а затѣмъ полотняной тряпочкой. Когда яйцо выкрашено въ красной краскѣ, по красному фону опять пишутъ воскомъ и т. д. Такимъ образомъ рисунокъ писанки можетъ состоять изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ, смотря по желанію пишущей. Фономъ писанки будетъ тотъ цвѣтъ, въ какую краску было опущено яйцо въ послѣдній разъ. Если желательно имѣть фономъ натуральный цвѣтъ яичной скорлупы, то яйцо въ заключеніе обезцвѣчиваютъ. Когда окраска и расписываніе закончены, яйцо слегка нагрѣваютъ передъ пламенемъ, чтобы обтаялъ воскъ изатѣмъ уже готовыя писанки пекутъ, для чего ставятъ ихъ

въ мискѣ въ не очень горячую печь на 10—15 минутъ. Этимъ и заканчивается вся техническая сторона дѣла. Описанный методъ даетъ писанкамъ не только хорошаго тона краски, но и сообщаетъ послѣднимъ довольно значительную прочность. Что же касается самихъ манипуляцій расписыванія, то онѣ требуютъ не мало времени, терпѣнія и ловкости.

Этотъ способъ разрисовки яицъ встрѣчается въ Малороссіи, Галичинѣ, въ кубанской области, у поляковъ, чеховъ, боснійскихъ сербовъ.

Иногда прибѣгаютъ къ такому способу: окрашиваютъ яйцо и потомъ острой иглой или ножикомъ вырѣзываютъ рисунокъ. У литовцевъ и поляковъ такія писанки называются скробанками. Обычай этотъ бытуесть у литовцевъ ковенской и ломжинской губ. (*Wisła*, 1890, 822), у чехо-моравовъ, извѣстенъ въ Великороссіи, на что есть указаніе въ „Пошехонской Старинѣ“ Салтыкова (стр. 264 въ изд. 1890 г.), извѣстенъ и въ Малороссіи. (Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косачевой, см. писанку подъ № 6, но окрашенному въ красный цвѣтъ яйцу ножомъ выцарапаны цвѣты).

Въ монастыряхъ и въ семьяхъ интеллигентнаго общества способы приготовления писанокъ весьма разнообразны и искусственны: облеиваютъ яйцо разноцвѣтными кусками шелковой матеріи или картинками, обклеиваютъ волошскіе орѣхи воскомъ и на немъ проводятъ разноцвѣтныя нити и проч. Городскихъ и монастырскихъ писанокъ мы не касаемся.

Обрядовое употребленіе крашанокъ и писанокъ приурочено къ послѣднимъ днямъ Великаго поста, Свѣтлой и Өоминой недѣлямъ, преимущественно къ первымъ днямъ Пасхи.

Въ Бжедуховской станицѣ кубанской области, прикладываясь въ Страстную пятницу къ плащаницѣ, кладутъ около нея красныя яйца (сообщ. Прасолова).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. одинъ изъ членовъ семейства выстаиваетъ Дѣянія и утреню въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье съ писанкой въ карманѣ, которую затѣмъ сохраняетъ, какъ домашній талисманъ, въ теченіе года (сообщ. Пелихова).

На Волыни писанками украшают корзины съ хлѣбомъ, когда несутъ его въ церковь святить (*Емсавет. Вѣстн.* 1889, № 103).

Обычно употребленіе крашанокъ и писанокъ при разговѣ-
ніи и христованіи. Въ Малороссіи, кубанской области (по
сообщ. Мишнева), въ Галиціи („*Зоря Галицкая*“ 507) начи-
нають разговляться съ освященнаго краснаго яйца.

На Волыни писанки идутъ на пасхальные подарки почет-
нымъ и уважаемымъ лицамъ (*Емсавет. Вѣстн.* 1889, № 103).

Дѣвушки дарятъ писанки своимъ женихамъ; изрѣдка на-
оборотъ парубки дивчатамъ. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и
скарбъ“ мастерица Оришка приготовила „хорошу та гарну пы-
санку Тымоси, писаревому сыну, то отъ се після Провидь подае
за нѣго рушныкы, а після Ушѣстья на Клечалный, и весилля
буде“. Въ Подоліи на третій день Свѣтлой недѣли хлопцы на-
нимають музыку и приглашаютъ дивчатъ танцовать, а дивчата
при этомъ одариваютъ парубковъ писанками (сообщ. Савинова).
Въ купянскомъ у. (с. Тарасовкѣ) женихъ обязательно даритъ
невѣстѣ писанку (сообщ. Свѣтъ).

Въ Старой Сербіи молодежи (того года обвѣнчанныя) на
другой день Пасхи послѣ крестнаго хода на улицѣ обходятъ
вмѣстѣ съ свекровями мужчинъ, даря каждому по два крас-
ныхъ яйца (*Ястребовъ, Об. и пѣс. турец. сербовъ, 121*).

По чешскому народному повѣрью обмѣнъ крашанками
скрѣпляетъ дружбу (*Stranecka, 10*).

Въ Кіевщинѣ и въ Подоліи на второй день Пасхи дѣти
идутъ христоваться по хатамъ; крашанки и писанки у хозяйки
лежатъ на припечкѣ, а пасха на столѣ; если хозяйка довольна,
она даетъ дѣтямъ по яйцу; если недовольна—по ломтю пасхи
(сообщ. Савинова; *Максимовичъ, Собр. соч., II, 471*).

Въ Кіевщинѣ и въ Галиціи на второй день Пасхи еще на
разсвѣтѣ парубки ходятъ по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослые
дивчата, и если застають спящей или неодѣтой, то обливаютъ
водой. Дѣвушки заблаговременно поджидаютъ ихъ и кладутъ
имъ въ ведро пару крашанокъ (*Максимовичъ, Собр. соч., II, 472*). Обычай этотъ существуетъ издавна. Бопланъ въ „Описа-

ни Украины“ (1650 г.) говорить: „утромъ на другой день Пасхи молодые люди толпами разгуливаютъ по улицамъ, ловятъ встрѣчающихся дѣвицъ, ведутъ плѣнницъ къ колодцу и обливаютъ съ головы до ногъ 5 или 6 ведрами воды, такъ что на бѣдненькихъ не остается сухой нитки. Эта забава дозволяется только до полудня. Во вторникъ настаетъ очередь для дѣвицъ, которыя мстятъ шалунамъ съ большой хитростью: притаившись въ какомъ нибудь домѣ и приготовивъ кружки съ водою, онѣ ставятъ на караулъ дѣвочку, которая при появлении молодого человѣка подаетъ знакъ; дѣвицы выбѣгаютъ изъ засады и ловятъ его съ ужаснымъ крикомъ, на который сбѣгаются подруги ихъ изъ сосѣднихъ домовъ. Двѣ или три сильныя дѣвушки держатъ молодца за руки, а прочія окачиваютъ его водою изъ кружекъ“ (стр. 79).

Обычай этотъ встрѣчается и за предѣлами Малороссіи. Въ Чехіи онъ называется помлазкой и состоитъ въ томъ, что молодые люди, парни и дѣвицы, сначала бьютъ другъ друга вербовыми вѣтками, а потомъ одариваютъ другъ друга писанками, или краслицами. Въ чешскихъ письменныхъ памятникахъ XIV в. упоминается уже этотъ обычай, съ указаніемъ, что и писанки при этомъ употреблялись. Въ одной церковной проповѣди 1610 г. находится подробное описаніе помлазки въ Прагѣ; на улицахъ продавались разукрашенные прутья; парни покупали ихъ, ходили съ ними по улицамъ и били женщинъ по рукамъ, требуя себѣ писанокъ. Наравнѣ съ пасхальной помлазкой въ Чехіи издавна бытуетъ обычай обливанія водой и одариванія писанками (*Zibrt, Staročeske vyročni obyčej, 77—83*).

Обычай пасхальнаго обливанія водой съ одариваніемъ писанками былъ, а мѣстами и нынѣ сохраняется у поляковъ. У витебскихъ латышей обрызгиваютъ водой и одариваютъ яйцами пастуховъ на Юрьевъ день, при выгонѣ въ поле скота. (*Вольтеръ, Матер. для этногр. латыш. племени, 3*). Сходные обычаи нѣмецкіе и славянскіе, см. въ „Поэтич. воззрѣніяхъ“ *Аванасьева, (III, 490—492)*.

Сопоставляя эти весенніе обычаи, можно прийти къ тому заключенію, что въ основѣ лежитъ символическое изображеніе

весенней природы, приче́мъ яйцо означаетъ солянце, вода—дождь, и самый обрядъ выражаетъ желаніе плодородія, а въ переносномъ на людей смыслѣ силы, здоровья и радости.

Красное яйцо даетъ здоровье, силу и красоту. Крестьяне, заслышавъ впервые весенній громъ, умываются съ краснаго яйца на красоту, счастье и здоровье. На Юрьевъ день, выгоняя скотъ въ поле, гладятъ лошадей по хребту отъ головы до хвоста пасхальнымъ яйцомъ и приговариваютъ, „какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь и гладка, и сыта“ (*Аванасьевъ* Поэт. возр., I, 538). Въ Купянскомъ у. харьк. губ. въ Страстную субботу кладутъ въ воду двѣ крашанки и монету. Собираясь къ заутренѣ въ Свѣтлое Воскресенье, умываются этой водой или всѣ члены семейства, или только молодежь для полученія здоровья и красоты.

Красное яйцо даетъ также плодородіе. Въ Великороссіи на праздникъ Пасхи крестьяне ставятъ на столъ кадку съ зернами пшеницы, зарывая въ ней яйцо, и зерна эти берегутъ для посѣва. Отправляясь сѣять ленъ, кладутъ въ мѣшокъ, наполненный сѣменами, яйца, а при посѣвѣ конопли разбрасываютъ по полю яичную скорлупу. Въ день Вознесенія ходятъ на поля, засѣянная рожью, и подкидываютъ кверху красныя яйца, чтобы рожь такъ же высоко поднялась, какъ подброшенное яйцо (*Аванасьевъ*, I, 537). Въ лебединскомъ у. харьк. губ. изъ пасхальныхъ яицъ оставляютъ пару крашанокъ до Юрьева дня (23 апр.), а въ этотъ день идутъ на жита, качаютъ крашанки по зелени и зарываютъ ихъ въ землю на нивѣ, чтобы хлѣбъ былъ полный и не вылегаль. Во время сбора хлѣба откапываютъ зарытыя яйца (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи закапываютъ на нивѣ скорлупу пасхальныхъ яицъ (*Stranečka*, 9).

Еще въ 1856 г. Максимовичъ замѣтилъ въ статьѣ „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“, что пасѣчникъ (въ Кіевщинѣ) идетъ на пасѣку похристоваться съ своими пчелами и несетъ имъ безконечникъ—писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или покутній улей, называемый ховяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ, и главный улей, Зѳимъ, стоитъ всегда середь пасѣки

(Собр. соч., II, 472) Точно такое обыкновеніе существуетъ нынѣ въ купянскомъ уѣздѣ (сообщенія изъ двухъ селъ NN и Слобидинской). Въ екатериносл. губ. скорлупа отъ освященныхъ яицъ идетъ на весеннюю закормку пчель (сообщ. Манжуры).

Въ купянскомъ уѣздѣ крашанчи или только скорлупа отъ нихъ предохраняють хлѣбъ отъ мышей: когда привезутъ съ поля снопы новаго хлѣба, то, положивъ накрестъ четыре снопа, кладутъ подъ нихъ скорлупу крашанокъ и кости отъ пасхальнаго поросенка, и затѣмъ накладываютъ стогъ.

Въ лебединскомъ уѣздѣ пару первыхъ крашанокъ откладываютъ отдѣльно и берегутъ въ домѣ, какъ средство, предотвращающее громовой ударъ надъ дворомъ (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи для предохраненія избы отъ громоваго удара бросаютъ черезъ нее яйцо, снесенное въ зеленый четвергъ и освященное на Свѣтлый праздникъ (*Stranečka*, 7; *Aean.*, I, 538).

Въ Великороссіи при пожарахъ обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія яйцо, которымъ христосовались въ первый день Свѣтлаго праздника, и вѣрятъ, что огонь далѣе не распространится. Яйцо это, брошенное въ пламя пожара, тотчасъ погашаетъ его (*Aean.*, I, 538). Въ купянскомъ у. сохраняють пасхальное яйцо, полученное въ церкви отъ священника, какъ предохранительное средство отъ пожара (сообщ. Свѣтъ). Въ томъ же уѣздѣ записано повѣрье, что въ случаѣ пожара помогаетъ первая пара яицъ, окрашенная во время выноса плащаницы (сообщ. NN). Въ Неберджаевской станицѣ кубанской области предохранительнымъ средствомъ отъ пожара считается писанка, полученная въ первый день Пасхи отъ священника. Въ случаѣ пожара эту писанку бросаютъ въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ, чтобы дать ему другое направленіе (сообщ. II. III). Точно таковой обычай существуетъ у хорватовъ.

Писанкамъ приписывается еще важное лѣчебное значеніе. Въ с. Калиновой купянскаго у., если кто давно страдаетъ лихорадкой и ничто не помогаетъ, то на шею больнаго вѣшаютъ крашанку, которая была въ церкви въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье (сообщ. Пелихова). Тожественное повѣрье записано въ кубанской области. Въ Тенгинской станицѣ больныхъ ли-

хорадкой окуривают скорлупой освященных писанокъ или вѣшаютъ скорлупу на шею (сообщ. Расавскаго). Тоже и въ Старокорсунской станицѣ (сообщ. Мишнева).

Въ лебединскомъ у. и на Кубани крашанками лѣчатъ отъ желтяницъ: засушиваютъ нѣсколько свяченыхъ крашанокъ, растираютъ въ порошокъ желтокъ и даютъ съ водою во время разлитія желчи (сообщ. Мишнева) или подкуриваютъ большаго желтяницами скорлупами крашанокъ (сообщ. Дмитриева).

Въ с. Араповкѣ купянскаго у. крашанки употребляются какъ лѣкарство отъ рожи или бышихи (сообщ. Скубака).

Писанки имѣютъ важное предохранительное значеніе отъ сглазу и порчи коровъ вѣдьмами, а также и отъ порчи куръ. Въ купянскомъ уѣздѣ и на Кубани распухшее вымя подкуриваютъ писаночной скорлупой (сообщ. Склобинской, Товпекина и Дудка). Особенно характерно употребленіе писаночныхъ скорлупъ и другихъ освященныхъ остатковъ пасхальнаго стола, какъ оберега отъ колдовства, въ станицѣ Зеленчукской кубанской области. Собравъ остатки (скорлупу, хлѣбныя крошки и т. п.), просверливаютъ рогъ у коровы, предварительно окропленной святой водою, и залѣпливаютъ щель. Дѣлаютъ это для охраны коровы отъ чародѣйской порчи (сообщ. О. Проскура).

Въ купянскомъ у. и на Кубани писанки несутъ на кладбище и кладутъ на могилы или зарываютъ въ землю. Въ с. Араповкѣ отмѣченъ такой обычай: „На велькдень йдутъ на кладовыще и закопуютъ писанки; на другой день одкопуютъ и роздаютъ дитямъ. Якъ вси крашанки цилы, такъ значытъ душа покойныа угодна Богу, а якъ собаки або хто другой ихъ поодрываетъ, такъ душа невгодна Богу и незвисно чимъ помогты тій души“ (с. Скубакъ). Существуетъ повѣрье, что если подожить на могилу ту крашанку, которая впервые была получена на Пасху, то покойникъ слышитъ все, что говорятъ ему (сообщ. Донцова, Пелихова, Проскуры). Въ Старокорсунской станицѣ въ первый день Пасхи старшій въ семьѣ несетъ въ церковь писанки, приготовленныя въ четвергъ и раздаетъ ихъ на поминовеніе младенцевъ, умершихъ некрещеными (сообщ. Мишнева). Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ замѣченный въ

купянскомъ у. обычаѣ бросать скорлупу писаноевъ въ рѣку для русалокъ и утопленниковъ. По народнымъ преданіямъ въ старину ходили къ рѣкѣ христосоваться съ русалками и раздавали при этомъ крапанки и писанки, покотивъ ихъ предварительно по берегу (сообщ. Скубаевъ). Послѣдняя подробность приводитъ въ весьма распространенной игрѣ въ „котка“.

Древнѣйшія документальныя свидѣтельства о катаніи яицъ на Пасху относятся къ XIV в., а о битвѣ яицъ къ XVII в.

Въ Россіи монастырскіе наказы XVII в. запрещаютъ пасхальную игру въ битки яицъ (*Аванас.*, I, 537). Можно предположить за этими играми глубокую древность, если вѣрно наше мнѣніе, что въ обычаѣ катить яйцо нѣкогда символически выражалось движеніе солнца по тверди небесной. Въ Великороссіи эта дѣтская игра обычна въ настоящее время. Наглядно ее можно видѣть на рисункахъ Каразина и Васнецова въ № 12 „Нивы“ 1885 г.

Мѣстные малорусскіе варианты игры въ пасхальныя яйца незначительны.

Въ купянскомъ у. харьковской губ. различаютъ двѣ игры въ крапанки: 1) навбытка и 2) навкотка. Навбытка играютъ такъ: мальчикъ, постувавъ носкомъ и гузкою яйца о свои зубы, выбираетъ битокъ. Онъ держитъ въ рукѣ яйцо такъ, чтобы былъ виденъ только носокъ его, въ который бьетъ носкомъ своего яйца другой мальчикъ. Затѣмъ бьютъ гузкою о гузку. Выигрываетъ тотъ, у кого яйцо осталось цѣлымъ. Въ навкотка играютъ такимъ образомъ: катаютъ по желобочку изъ лубка яйца, иногда просто съ бугорка и чье яйцо, катясь, ударится или цокнетъ о другое, тотъ выигрываетъ (*Ивановъ*, Игры крест. дѣт., 41). При этомъ дѣло не всегда ведется дѣтьми начисто: иногда дѣти за нѣсколько дней до праздника приготавливаютъ крѣпкія битки такимъ образомъ: прокалываютъ шиломъ дырочку въ скорлупѣ, выпускаютъ содержимое яйца и наливаютъ воску, отчего яйцо дѣлается крѣпкимъ. Дѣлаютъ также искусственныя яйца изъ крупчатого тѣста и окрашиваютъ красной краской (сообщ. Скубаевъ).

Въ Полтавщинѣ отмѣчена тожественная игра въ навбитки (*Сементовскій*, въ *Маякѣ*, 1843. XI).

Въ екатеринославской губ. играютъ „у слипця“ и „у китця“. Первая игра ведется такъ: играющихъ двое. Одинъ ставитъ яйцо на конь, а другой отходить на нѣсколько шаговъ и плотно закрываетъ шалкою глаза. Затѣмъ разъ или нѣсколько оборачивается кругомъ, обыкновенно чѣмъ дальше лежитъ яйцо—тѣмъ оборотовъ меньше, напр. одинъ, а чѣмъ ближе тѣмъ больше (не больше 3-хъ), и затѣмъ идетъ къ яйцу. Если пойдетъ по его направленію и остановится около него, то выигрываетъ. У китця—тоже играютъ двое. Одинъ владеть яйцомъ на конь, а другой, отошедши на условленное разстояніе, становится въ солдатскую позицію (пятки вмѣстѣ, носки врозь), перегибается и опускаетъ руку съ яйцомъ къ землѣ такъ, чтобы она какъ разъ приходилась между носками сапоговъ и тихо катить яйцо. Если попадетъ въ поставленное, то и выигрываетъ. „Навбитки“ встрѣчаются рѣдко, какъ случайность, а не игра. (Сообщ. И. И. Маюжура).

Въ кievской губ. (каневского у.) „котючка“, или катаніе писанокъ бываетъ въ первые два дня Пасхи, а „навбитки“ въ первые три дня Пасхи и на проводы. Эти игры почти тожественны съ харьковскими навбитки и навкотки (*Чубинскій*, Труды, IV, 43).

Въ Галиціи существуетъ также игра въ навбитки „проба писанокъ“. Парубки играютъ писанками, полученными отъ дивчатъ (*Лозинскій*, „Зоря Галицкая“, 1860, 509).

Въ кубанской области дѣти также играютъ въ „битки“ и „катанье“ или „навбитки“ и „кати“ (сообщ. Донцева и Дудка).

Игра въ крашанки не ограничивается Свѣтлой и Проводской недѣлями. Во многихъ мѣстахъ Украины дивчата послѣ обѣда въ Юрьевъ день выходятъ катать крашанки въ поле на житахъ и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 485).

У поляковъ плоцкой губ. на Пасху дѣти и взрослые играютъ въ битки и котки, причемъ самыя игры эти тожественны съ малорусскими (*Zbiór Wiadomości*, II, 17).

Что игра „у витця“ имѣетъ жнго-символическое значеніе, видно изъ того, что она бываетъ у латышей весной въ честь солнечнаго бога Усеня. Когда пастухи въ первый разъ выгоняютъ коней на ночлегъ, хозяйки даютъ имъ по 4 или по 10 яицъ на лошадь. Пастухи дѣлаютъ углемъ мѣтки на яйцахъ и варятъ ихъ. Иногда бросаютъ яйцо въ густой кустъ вербы, чтобы лошади были хороши, или кладутъ яйцо въ дубъ, чтобы лошади были сильны. Въ польской Лифляндіи этотъ пиръ устраивается обыкновенно наканунѣ Егорова дня. Пастухи бьются яйцами, причемъ тотъ, у кого яйцо крѣпче, приговариваетъ „мой юнь сильнѣе“. Въ одной пѣснѣ приглашаютъ принести Усеню въ жертву сто яицъ; въ другой пѣснѣ самъ Усень раздаетъ яйца (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. племени, 26—28).

Катаніе писанокъ, какъ символъ движенія солнца, соответствуетъ катанію по столу другого солнечнаго символа свадебнаго вѣнка (подроб. см. въ моемъ соч. О свадебныхъ обрядахъ 79—89). Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ находятся указанія, что дѣвушки, свивши вѣнокъ, катили его по столу (*Метлин.*, 143, *Шениъ*, 361).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покатить предметъ по землѣ могло означать посвященіе предмета солнцу или точнѣе жертвоприношеніе. Такое значеніе, повидимому, имѣетъ слѣдующій базарный обычай, отмѣченный Г. О. Квиткой въ „Солдатскомъ портретѣ“. Торговка Явдоха вышла на базаръ съ паляницами (круглый хлѣбъ): „отъ молодыци и кричатъ Явдоси: а ну, паньматко, выбирай мисце, на щаслыву продажу. Ты въ насъ голова, де ты сядешъ, то и мы билиа тебе. Явдоха и узяла зъ чужой коробки паляныцю, стала насходъ сонця, тричи перехрестылась, та и покотыла паляныцю навпаки сонця“. Паляныця упала около солдатскаго портрета. Бабы, принявшія портретъ за живаго солдата не захотѣли садиться около солдата и Явдоха „поворожила“ другою паляныцею. Эта своеобразная ворожба указываетъ на культъ солнца.

Писанки рѣдко поступаютъ въ продажу. Въ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда я встрѣчалъ ихъ на базарѣ

въ послѣдніе дни Страстной седмицы. Малярской работы покупалъ по 5 коп. за писанку, простой „бабской“ по 1 коп. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скорбь“, написанной въ началѣ 30-хъ годовъ, дѣвушка-мастерица одну изъ писанокъ, лучшую по рисунку, откладываетъ своему жениху, „а уси прочіи понесе вона зъ сестрами завтра у великодну субботу на мисто у городъ та попродавши, накуплять сквидачокъ, стричокъ, шпалеривъ на голубы, шушыхы и усею, чого имъ треба, а чого не продають, такъ празныкы пидъ волискы поминяють на горихы, на мочени кисличкы, на горохвьяныкы и на усякы ласощи“. Писанки идутъ на уплату за вачели и въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Харьковщинѣ (сооб. Скубинскій), въ кубанской области (с. Донцова).

На Волыни (с. Глинскаго) и на Кубани (с. Расавакаго и Е. Барановской), изрѣдка въ Харьковщинѣ вѣшаютъ писанки подъ иконами или подъ лампадами. Въ Темрюкѣ въ сырой писанкѣ дѣлаютъ на противоположныхъ концахъ по дырочкѣ, вытягиваютъ ртомъ содержимое яйца, затѣмъ продѣваютъ насквозь ленточку или ниточку и привязываютъ къ лампадкѣ (с. Барановской).

На Волыни изъ скорлупы писанокъ, которую стараются сохранить въ возможной цѣлости при помощи воска, выдѣлываютъ такія бездѣлушки какъ кувшинчики, рюмочки, крошечныя вазочки (Елисаветгр. Вѣстн., 1889, № 103).

Писанки или ихъ скорлупа сохраняются въ теченіе года, до слѣдующей Пасхи (с. Пелихова), или до лѣта (Udziela), или до Вознесенія Господня (с. Савинова).

Н. Ф. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.¹⁾

(1754 — 1766 г.).

IV.

Вѣсть о подчиненіи г. Кіева власти гетмана пришла въ Кіевъ, конечно, раньше пріѣзда депутатовъ и, огорчивъ магистратъ и мѣстное мѣщанство, обрадовала мѣстныхъ козаковъ, а главнымъ образомъ сотника ихъ Михаила Гудима, отецъ котораго, какъ упомянуто выше, присутствовалъ при аудіенціи магистратскихъ урядниковъ у гетмана и слышалъ, какъ послѣдній „командирски репремандовалъ ихъ“. Сотникъ, продолжавшій вести такую же войну съ магистратомъ, какую вель и отецъ его, поднялъ теперь голову. Объ этомъ можно заключить, между прочимъ, по одному дѣлу²⁾, возбужденному имъ тотчасъ по полученіи указа о бытіи Кіеву подъ властію гетмана. Изъ дѣла этого видно также, что названному указу давали распространительное толкованіе не только кіевскіе козаки, но и войск. генеральная канцелярія. По ходатайству полковой кіевской старшины, войсковая генеральная канцелярія хотѣла было возложить на магистратскихъ урядниковъ обязанность, до сихъ поръ исполняемую козацкой старшиной, принимать изъ кіев. губ. канцеляріи и препровождать въ Глуховъ въ малороссійскій скарбъ таможенные сборы. Магистратъ не

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1891, 4.

²⁾ См. „Историч. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 10, стр. 11—14.

исполнилъ предписанія генеральной канцеляріи, сославшись, между прочимъ, на грамоту, данную гетману Апостолу 16 февраля 1732, которою велѣно „магистрата кievскаго урядниковъ и мѣщанъ ни въ какіе наряды не употреблять“. Тогда в. генеральная канцелярія, указавъ на недавно послѣдовавшій указъ, предоставлявшій гетману Разумовскому высшую команду надъ кievскимъ магистратомъ, въ повторительномъ ордерѣ своемъ высказала, что, по этому указу, магистратъ обязанъ „и во всѣхъ повелѣніяхъ чинить непремѣнное исполненіе“. Но магистратъ и вторичнаго ордера не послушался, ссылаясь на то, что присланъ онъ „безъ точнаго повелѣнія самого гетмана“. Магистратскіе урядники, очевидно, были весьма искусны въ составленіи такихъ отписокъ съ казуистическими тонкостями: „быть въ точной и полной командѣ гетмана“ для нихъ не значило еще подчиняться ордерамъ его генеральной канцеляріи. Послѣдняя, донося объ этомъ гетману и прося его резолюціи, писала 26-го октября, что де „со всего видно, что магистратъ кievскій ген. войск. канцеляріи ордеровъ ослушается, да и впредь, чтобъ исполненіе по предложеніямъ ея чинилъ, не надежно, кромѣ ожидаемыхъ излишнихъ переписокъ“. Правда, гетманъ не желая, какъ видно, огорчать магистратъ, далъ по этому дѣлу въ ноябрѣ мѣсяцѣ приказъ, „чтобъ помянутая сумма принимана и отвозима въ Глуховъ чрезъ козаковъ, а урядниковъ и мѣщанъ кievскихъ къ тому не употреблять“; но въ глазахъ козаковъ это было лишь проявленіе „командирской милости“, а не осуществленіе „права“ магистратскаго. Они ожидали, что съ поступленіемъ магистрата въ „полную и точную команду гетмана“ долженъ наступить и конецъ особымъ „правамъ“ магистрата и привилегіямъ. Такому ожиданію, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одной изъ существенныхъ привилегій, возбуждавшихъ постоянное неудовольствіе мѣстныхъ козаковъ и породившихъ вѣковую борьбу ихъ съ магистратомъ,—къ монополюной продажѣ питій—подавалъ поводъ тогда же полученный ордеръ гетмана въ отвѣтъ на магистратское прошеніе объ удержаніи козаковъ отъ причиняемыхъ ими обидъ магистрату: „а что касается до чинимаго козаками

пшикованья, писалъ гетманъ, то и оное козакамъ *впредь до импючого быть разсмотрѣнія* магистрата кіевскаго о томъ привилегій и грамотъ, кои всѣ представить намъ отъ того магистрата велѣно, нынѣ накрѣпко запретить“. Такое запрещеніе „впредь до разсмотрѣнія“, являясь въ глазахъ козаковъ, какъ бы временною лишь мѣрою, оживило ихъ надежду на отмѣну ненавистной имъ магистратской привилегіи.

Между тѣмъ магистратъ не терялъ надежды освободиться отъ гетманской власти. Скоро по возвращеніи депутатовъ пришла вѣсть о совершившемся въ столицѣ переворотѣ, о вступленіи на престолъ императрицы Евтатерины Второй. Опять заговорили въ магистратѣ о посылкѣ отъ города депутаціи; но никто уже не довѣрялъ войту, признавая именно его „вредителемъ“ привилегій города, а между тѣмъ безъ участія его въ депутаціи нельзя было обойтись. Нѣсколько разъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга, приходили къ нему магистратскіе урядники и просили, чтобы „учинилъ обще съ ними въ Пр. Сенатъ представленіе“, согласное съ ихъ желаніями, но онъ рѣшительно отъ этого отказался. Тогда магистратъ, составивъ такое представленіе безъ участія и безъ вѣдома войта, отправилъ его съ райцею Ѳеодоромъ Ризенкомъ, Сычевскій же, узнавши объ этомъ, сначала послалъ было въ домъ Ризенка нарочныхъ „съ такимъ умышленіемъ, чтобъ его удержать и къ той поѣздкѣ не допустить, а послѣ вслѣдъ за нимъ, Ризенкомъ, въ Москву писалъ къ его сіятельству о томъ ихъ представленіи“. По такому доносу Сычевскаго, генеральный подскарбій Гудовичъ разыскивалъ Ризенка въ Москвѣ, допрашивалъ бывшаго въ то время въ Москвѣ медоваго шафера Андреева о томъ, пріѣхалъ ли Ризенко и съ какимъ именно представленіемъ отъ магистрата; но Ризенко успѣлъ ускользнуть отъ такого сыску и подалъ все таки привезенное имъ магистратское прошеніе въ Пр. Сенатъ и, „употребивъ удобвозможныя къ сокрытію себя мѣры, принужденъ скорѣе оттоль изъ Москвы и безъ полученія резолюціи возвратиться въ Кіевъ“ видно, этотъ Ѳеодоръ Ризенко былъ мастеръ въ „хожденіи по дѣламъ“ магистратскимъ и недаромъ его особенно не долюбивалъ войтъ Сычевскій и не-

однократно называлъ „ябедникомъ“, что иногда въ тѣ времена было синонимомъ хорошаго юриста, „дѣки“,

Вопросъ о посылкѣ отъ города депутаціи ко двору заботилъ однако и Сычевскаго: не раздѣляя стремленій мѣщанства къ освобожденію отъ власти гетмана, не сочувствуя подачѣ въ этомъ смыслѣ прошенія отъ города, Сычевскій тѣмъ не менѣе желалъ представиться ко двору во главѣ городской депутаціи. Самъ ли онъ подписалъ, какъ говорили впоследствии магистратскіе урядники, или съ общаго, хотя бы и вынужденнаго, согласія, но въ концѣ концовъ только лишь 12 декабря 1762 г. состоялось опредѣленіе магистрата о посылкѣ депутаціи, „какъ для отданія всеподданѣйшаго рабскаго Е. И. В. поклона и принесенія вседолжнѣйшаго поздравленія съ всесчастливѣйшимъ Е. И. В. восшествіемъ на престолъ и всеблагополучно совершившейся коронаціей, таѣ и для испрошенія на вольности и цѣлости здѣшняго города отъ Е. И. В. подтвердительной грамоты“. Составлено было въ магистратѣ и подписано всѣми магистратскими чиновниками и другими гражданами прошеніе объ отмѣнѣ указа отъ 20 мая и о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ. Прошеніе это подписалъ вмѣстѣ съ другими и Сычевскій, но при этомъ настаивалъ на томъ, что для представленія его государынѣ необходимо прибѣгнуть къ посредству гетмана, „яко тогда городомъ Кіевомъ, по имянному указу бывшаго государя Петра III, командующаго“.

По этому поводу между войтомъ и магистратскими урядниками возникли пререканія, не предвѣщавшія ничего добраго. Одинъ только изъ бурмистровъ Василій Гудимъ, соглашаясь съ войтомъ, говорилъ, что „надобно де о томъ къ его сіятельству писать“, но писарь Давидовскій, настойчиво возражая, убѣдилъ всѣхъ другихъ никакого письменнаго прошенія къ гетману не подписывать и къ посредству его при подачѣ городскаго прошенія императрицѣ не прибѣгать. Очевидно, урядники опасались, что войтъ и совсѣмъ не подастъ вручаемаго ему городскаго прошенія, недовѣріе свое выражали ему въ глаза, а потому онъ, видя, что „къ совѣту его въ прошеніи посредства къ его сіятельству не склонились, знаменемъ крестнымъ увѣрялъ

ихъ, урядниковъ; что оное прошеніе конечно имѣеть подать ея императорскому величеству“. Но, видно, и такой клятвѣ войта, крестнымъ знаменемъ сопровождаемой, не вѣрилъ магистратъ, а потому на всякій случай подписалъ и другой экземпляръ того же прошенія, но безъ подписи войта, и вручилъ депутатамъ. Вмѣстѣ съ войтомъ опредѣлено было ѣхать въ Москву райцамъ Даніилу Величковскому и Іосифу Гудиму, медовому шафару Евфимію Чипиничу, лавнику Василю Ризенку и инстигатору Василю Копыстенскому.

На дорожные расходы и „для поднесенія презентовъ“ выдана была на руки райцамъ тысяча рублей съ тѣмъ, чтобы болѣе значительные расходы производили они сами, получая росписки, а мелочные чрезъ другихъ урядниковъ, которымъ и выдана была для записыванія этихъ мелкихъ расходовъ особая шнуровая книга. Приѣхавши въ Москву, депутаты долго не могли пріискать себѣ общей квартиры,—по войтовой ли переборчивости, какъ говорили урядники, или потому что „по тогдашнему въ Москвѣ великому съѣзду народа крайне невозможно было вскорѣ оной квартиры пріискать“, какъ объяснилъ войтъ,—и прожили первыя двѣ недѣли „съ прошенія“ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Войтъ, все оттягивая представленіе ко двору, самъ ежедневно разъѣзжалъ „по единственной своей приватѣ и партикулярству“, а урядникамъ приказалъ пріискивать „вседолжнѣйшаго презенту“, причемъ, отвергая пріисканные ими, „нарочно ихъ проводилъ и проволакивалъ съ единымъ тѣмъ умышленіемъ, чтобъ ихъ къ высочайшему Е. И. В. лицу не допустить и вотще ихъ оттоль отправить“, а, наконецъ, когда они уже пріискали презентъ, онъ объявилъ имъ, что гетманъ приказалъ ему „никакихъ презентовъ къ поднесенію Е. И. В. не покупать“, а онъ безъ позволенія гетмана ничего предпринимать не намѣренъ.

Только послѣ „непрестанныхъ докукъ и напоминаній, что они приѣхали не всуе жить и магистратскій коштъ иждивать, войтъ склонился къ тому, чтобъ съ ними поѣхать къ высочайшему двору“, но все таки заставилъ ихъ ожидать дежурства при дворѣ графа Разумовскаго.

Ежедневныя поѣздки войта къ гетманскому двору не могли, конечно, быть тайною для урядниковъ, которые, имѣя и тамъ своихъ знакомыхъ и благопріятелей, ревниво слѣдили за своимъ войтомъ и знали о его жалобахъ на магистратъ. А съ такихъ жалобъ и началъ Сычевскій свои представленія къ гетману: такъ, тотчасъ по пріѣздѣ онъ подалъ ему (21 февраля) письменное доношеніе о томъ, что де по прошлогоднему ордеру о присылкѣ копій съ жалованныхъ грамотъ и вѣдомостей о доходахъ и расходахъ—„и понынѣ исполненія не учинено“. Но, помимо всякаго рода „ослушностей“, о которыхъ успѣлъ наговорить войтъ, въ глазахъ гетмана немалою „продерзостію“ являлось и привезенное депутатами городское прошеніе къ государынѣ, и еще болѣе желаніе обойти при подачѣ его посредничество гетмана¹⁾, о чемъ, конечно, сообщилъ ему Сычевскій.

Хотя урядники и считали это посредничество излишнимъ, такъ какъ „прежніе войты никогда при представленіяхъ своихъ къ государю къ посредству гетмановъ не прибѣгали“, но на этотъ разъ должны были подчиниться требованію своего войта, съ которымъ вмѣстѣ и явились, наконецъ, къ графу Разумовскому.

Во время этой аудіенціи гетманъ, принимая войта отдѣльно въ своей спальнѣ, въ присутствіи генеральныхъ обознаго Кочубея и судьи Журмана, взялъ у него магистратское прошеніе и, „увидя, что оно безъ посредства его производится, приказалъ, чтобъ того прошенія за подписомъ руки его, войта, не подавалъ, при томъ сказывая формально: пусть де они сами подаютъ“. Вышедши же въ пріемную, гетманъ, по словамъ

¹⁾ Ревниво оберегая свою власть надъ кіевскимъ магистратомъ, гр. Разумовскій всячески устранилъ непосредственныя сношенія этого послѣдняго съ высшими правительственными учрежденіями и лицами. Предписавъ 13-го января этого же 1763 г. магистрату „отъ отправленія въ Москву въ комиссію новосочиняемаго уложенія депутатомъ въ кіевскихъ мѣщанъ удержаться“, хотя объ этой отправкѣ былъ полученъ сенатскій указъ, гр. Разумовскій недовольный тѣмъ, что указы изъ Сената адресовались непосредственно въ магистратъ, обратился въ пр. Сенатъ съ просьбой, чтобы „яко оный кіевскій магистратъ, равно какъ и другіе малороссійскіе магистраты, въ точной моеи состоятъ командѣ, то въ случаѣ какой къ тому магистрату надобности, ко мнѣ и предложенія чинить повелѣтъ“. См. „Истор. матер. изъ арх. кіев. губ. пр.“ вып. 8 стр. 172—174.

войта, „публично выговаривалъ: вотъ де сіи люди, которые сами собою хотятъ быть, и оборотятся ближе ко онѣмъ урядникамъ, съ командирскимъ гнѣвомъ формально жъ сказывалъ имъ: для чего вы упрямитесь и не хотите быть подѣ моею командою? у меня подѣ командою и лутчіе васъ хотятъ быть; да и какаѣ вамъ отъ меня обида или отягощеніе и нарушеніе вольностей вашихъ?“.

Недѣлю спустя послѣ этой аудіенціи, депутаты были представлены гетманомъ и государынѣ, причемъ войтъ, слѣдуя, какъ онъ увѣрялъ, запрещенію гетмана, городского прошенія, бывшаго у него въ рукахъ, не подалъ, чѣмъ и возмущилъ до крайности всѣхъ урядниковъ. Вернувшись домой, они стали требовать отъ войта отдачи имъ прошенія, но онъ не отдалъ, говоря, что они могутъ подать такое же прошеніе, но безъ его подписи. Такимъ образомъ и оказалось, что магистратъ не напрасно вручилъ дубликатъ этого прошенія урядникамъ и не напрасно не вѣрилъ даже клятвенному обѣщанію своего войта.

Неизвѣстно, когда и какъ, но настойчивые кіевляне нашли случай, помимо войта, подать свое прошеніе лично императрицѣ. Когда узналъ объ этомъ Сычевскій, тотчасъ „прибѣжавъ въ квартиру съ крайне яростнымъ видомъ, немалые произносилъ похвалки“ и, чтобы не допустить ихъ къ дальнѣйшему „хожденію“ по тому прошенію, явился въ походную канцелярію гетмана, донесъ о подачѣ урядниками городского прошенія и получилъ приказаніе гетмана о немедленномъ отъѣздѣ всей депутаціи въ Кіевъ. Когда же урядники на это объявленное имъ войтомъ приказаніе стали говорить, что они „ко пр. Сенату имѣютъ гродское дѣло и до окончанія оногo ѣхать имъ оттолъ невозможно, то онъ, войтъ, необычайно разъярясь, не уважая того, что, куда онъ съ чиновниками отъ города пріѣхалъ, есть мѣсто государственной резиденціи и состоитъ въ ономъ всевысочайшее Е. И. В. присутствіе, такъ непристойно и азартно съ магистратскими чиновниками поступилъ, что первѣе въ нихъ зашнурную и мелочного расходу тетрадь и магистратскія деньги насильно захватилъ, и послѣ, за отходомъ ихъ съ квартиры для объявленія о томъ, кому надлежитъ, онъ, Сы-

чевскій, съ бывшимъ при немъ солдатомъ, всѣхъ ихъ отъ сундуковъ замки топоромъ поломавъ и тѣ сундуки поразбивавъ, всѣ деньги себѣ захватилъ; не удоволься же тѣмъ разореніемъ, еще въ походную е. с. канцелярію подалъ на нихъ несправедливое доношеніе, яко бы они ему послушны являются“, почему они и были гетманскими посланцами „сысканы и изъ той походной канцеляріи дотоль не выпущены, доколѣ отъ себе не дали подписки, что они имѣютъ явиться въ Кіевъ къ 30-му числу мая“.

Передъ отъѣздомъ своимъ войтъ получилъ 16 апрѣля отъ гетмана повторительный ордеръ кіевскому магистрату, чтобы „все повелѣнное имъ“, т. е. затребованныя копии городскихъ крѣпостей и грамотъ, равно и вѣдомости о доходахъ и расходахъ, было прислано непременно къ 25-му мая. Затѣмъ, войтъ, „совершивъ уже всѣ свои злѣбныя предпріятія—какъ говорили урядники—не возвративъ съ нихъ, чиновниковъ, ни единому съ тѣхъ захваченныхъ ихъ собственныхъ денегъ, самъ уѣхалъ въ Кіевъ“.

V.

Еще до пріѣзда Сычевскаго магистратскіе чиновники, узнавъ о его поведеніи въ столицѣ, собрали всѣхъ выборныхъ и многихъ изъ мѣщанства и рѣшили подать на него жалобу въ пр. Сенатъ. Жалоба была подписана 3-го апрѣля. Она была необычно кратка и обвиняла войта только въ неподачѣ прошенія отъ города. Въ ней кіевляне писали, что они „заподлѣнно извѣстились, что войтъ Сычевскій, по крайнему видимому своему къ здѣшнимъ гражданамъ особливому недоброхотству, зломыслию и ненависти, какъ прежде врученную ему отъ насъ челобитную бывшему императору Петру III персонально не подалъ, чрезъ что и преждеутвержденнымъ вольностямъ и цѣлостямъ градскимъ извѣстное отъ оного императора знатное послѣдовало нарушеніе, такъ и нынѣшнюю челобитную, не подавая оной ея императорскому величеству, утаилъ у себя и затѣмъ точно, чтобъ онъ высочайшему лицу, какъ всегда прежде бывало, представленъ

быть, о томъ и малѣйше стараться не похотѣлъ. По каковимъ его, войта Сычевскаго, всему здѣшнему обществу великовреднымъ и недоброжелательнымъ поступкамъ, мы нижайшіе впредь за войта его себѣ имѣть всѣ обще отнюдь не желаемъ; для того высоко-правительствующаго Сената съ глубочайшимъ нашимъ упокореніемъ всенижайше просимъ означеннаго Сычевскаго, яко явнаго кіевскому магистрату и гражданству недобротохота и вредителя отъ того кіевского войтовства отрѣшнить, а вмѣсто его иного изъ кіевскихъ мѣщанъ достойнаго, по древнему обикновенію, вольными отъ народа голосами выбрать пожелать“.

Подписали это прошеніе 6 бурмистровъ, 2 райца, 14 шафарей, 4 лавника, 4 инстигатора и старосты 12-ти цеховъ числомъ 40 человекъ, и всего подписей 70.

Сычевскій прибылъ въ Кіевъ 26-го апрѣля и началъ открытую войну съ магистратомъ. На другой же день по пріѣздѣ онъ предъявилъ гетманскій ордеръ и потребовалъ, чтобы упоминаемые въ немъ копіи изготовлены были непременно къ 10-му мая, о чемъ далъ и письменный отъ себя ордеръ писарю Давидовскому. Потребовавъ къ себѣ въ домъ правившихъ тогда магистратскою экономіей бурмистра Кузьму Кулеша и райцу Ѳедора Ризенка, вручилъ имъ „партикулярно написанный къ нимъ въ томъ его домѣ ордеръ, чтобы они по экономіи магистратской поступали по тому его ордеру“. Затѣмъ, позвавши къ себѣ въ домъ же инстигатора Купріевича, сталъ бранить его за то, что тотъ отвелъ постой въ квартирѣ таможеннаго директора Ланина, при чемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, бранилъ его матерно и похвалялся бить батожемъ. Таковую же „похвалку“ и на бурмистровъ и райцевъ — „положивши ихъ въ шеренгу, бить батожемъ“, произносилъ въ домѣ своемъ войтъ не стѣсняясь при другихъ урядникахъ, которымъ и приказывалъ еще передать его слова въ магистратѣ, такъ сказать, для общаго свѣдѣнія. Очевидно, войтъ чувствовалъ свою силу и не церемонился въ обращеніяхъ своихъ съ урядниками. Когда Коробчевскій принесъ ему первый недѣльный рапортъ о состояніи „квартала“, т. е. мелочныхъ расходовъ, Сычевскій напус-

тился на него за то, что тотъ не далъ изъ квартала войтовой женѣ, когда войтъ былъ въ Москвѣ, порожней бочки, бранилъ его матерно, обзывалъ „дуракомъ и прочими поносными словами“. Когда почтовый урядникъ Балуцкій, по приказу же войта, явился съ вопросомъ, — давать ли прибывшему курьеру лошадей, войтъ — „сказывая — доколь я съ вами буду мучиться, — сталъ его бранить матерно и называлъ канальею и похвалялся бить дубьемъ“. Надо думать, что и урядники намѣренно досаждали войту, создавалъ изъ его же приказовъ разныя для него затрудненія. При первомъ же появленіи войта въ магистратѣ его встрѣтили разговорами не мирнаго характера: 6-го мая произошла ссора въ самомъ присутствіи „въ судебной избѣ при зеркалѣ“. Ризенко сталъ укорять войта и называлъ его „предателемъ города и обидителемъ и нарушителемъ цѣлостей городскихъ“, а войтъ за это, называя Ризенка лбедникомъ, а отца его банкротомъ, всячески его бранилъ. Сцена окончилась составленіемъ протокола о нарушеніи войтомъ законныхъ установленій, грамотъ и обычаевъ, по которымъ де войтъ долженъ „всѣ дѣла отърулять и по магистратской экономіи разсужденія и учрежденія держать съ общаго всѣхъ магистратскихъ чиновниковъ согласія, а не самимъ собою“; а 13-го мая послали отъ магистрата жалобу на войта къ графу Разумовскому. Указавъ въ этой жалобѣ на необычное „партикулярное ордирированіе“ войта, на незаконное назначеніе постоевъ въ домахъ магистратскихъ чиновниковъ, минуя дома своихъ родственниковъ, магистратъ писалъ, что вообще войтъ „нынѣ сталъ сурово и необычайно поступать, что намъ снести никоимъ образомъ невозможно, ибо иныхъ въ домѣ своемъ, а другихъ въ судебной избѣ при зеркалѣ, безъ и малѣйшей причины и виновности, какъ хотя ругаетъ и безчеститъ и притомъ немалые похвалки произносить, сказуя: я де всѣхъ васъ переберу; да и по дѣламъ, принимая въ домѣ своемъ доношенія и разныя письма, самъ безъ общаго совѣту и разсужденія резолвуетъ и однимъ словомъ заключить — что хотя самъ дѣйствуетъ“, а потому въ заключеніе магистратъ проситъ, чтобы повелѣно было войту „самимъ собою ничего не дѣйствовать и ордеровъ партикулярно зъ дому

своего къ магистратскимъ чиновникамъ не насылать, постоевъ въ домѣхъ урядниковъ не ставить ¹⁾ и отъ таковыхъ суровыхъ поступковъ воздержаться“.

По всей вѣроятности, одновременно, такъ какъ одновременно были получены въ Москвѣ, послалъ и войтъ къ гетману съ своей стороны жалобу на магистратскихъ чиновниковъ. Сообщивъ о состоявшемся протоколѣ 6-го мая, войтъ писалъ, что, не повинуюсь ему и не допуская его къ „заведенію порядковъ“, чиновники „и присутствія моего при дѣлахъ въ магистратѣ не желаютъ, какъ то и челобитныя двѣ, возмутьивъ все гражданство, сочинили: одну въ Сенатъ послали объ отрѣшеніи меня отъ войтовства и, по прежнимъ обычаямъ, о дозволеніи выборовъ кандидатовъ на войтовство, а другую челобитную явочную въ губ. кіевскую канцелярію“. Копію съ послѣдней Сычевскій и приложилъ къ своему доношенію, въ заключеніи котораго писалъ, что де „черезъ учинившееся всѣхъ подкомандныхъ недобротство и ослушность, а на то особливой ни отколь у себя и не имѣя команды, которою въ исправленіе и послушность подкомандныхъ во всемъ привести и исправить можно было“, онъ и должность свою исполнять „крайне не въ состояніи“.

Между тѣмъ наступалъ уже послѣдній срокъ для отправки къ гетману затребованныхъ имъ годъ тому назадъ копій и вѣдомостей. Когда все это было, наконецъ, приготовлено, урядники нѣсколько разъ просили войта подписать въ магистратѣ

¹⁾ Въ описываемое время въ Кіевѣ особенно чувствительна была тягость этой повинности, и исполненіе ея, какъ видно, содѣйствовало лишь обостренію отношеній между магистратомъ и войтомъ. Съ мая мѣсяца въ городъ вступили на постоянныя квартиры молдавскій гусарскій полкъ, полевой артиллеріи первый казачирскій, части нижегородскаго и пермскаго полковъ, а въ то же время прибыли „ревизоры двороваго числа“ и ожидалось прибытіе изъ Константинополя рос. посла князя Долгорукова съ большою свитой. Требовалось множество квартиръ, распредѣленіе которыхъ между прибывшими воинскими чинами вызвало массу жалобъ съ обѣихъ сторонъ, хозяевъ домовъ и квартирантовъ. Когда обнаружился совершенный недостатокъ квартиръ въ городѣ, пришлось размѣстить казачирскій полкъ въ подгородьяхъ — Преварѣ, Сырцѣ и Кореневщинѣ. Въ виду такихъ то затрудненій, Сычевскій, — какъ самъ объясняетъ впоследствии, „принужденъ былъ приказать квартирнистрамъ магистратскимъ, по требованію брегадирши Подгоричаниновой, квартиру отвезти на время, а не вовсе, въ домахъ райцовъ Іосифа Вас

приготовленные документы и отправить их съ нарочнымъ однимъ изъ магистратскихъ урядниковъ. Но войтъ потребоваль, чтобы доставили ихъ для подписи къ нему на домъ, имѣя якобы въ виду собственноручно запечатать и, „не теряя магистратскаго лишняго кошту, по почтѣ ординарной послать“. Но такое экономничаніе въ магистратѣ показалось и неприличнымъ для такого случая, и подозрительнымъ. Бурмистры и райцы, „вѣдая, что не токмо таковыхъ, но и никакихъ изъ приказовъ заготовленныхъ дѣлъ въ партикулярныхъ домахъ печатать не должно, предрасуждая жъ и то, чтобъ изъ такова по почтѣ оныхъ крѣпостей отправленія не причтено бъ какова имъ отъ его сіятельства грубости или презрѣнія, а паче чтобъ гдѣ либо по почтѣ оное дѣло не приостановилось“, порѣшили отправить съ этимъ дѣломъ въ Москву нарочнаго. Собравшіеся 20-го мая въ магистратѣ бурмистры и райцы еще разъ посылали къ войту сначала райцу Ризенка, а потомъ и писаря Давидовскаго, но и они не успѣли убѣдить войта явиться въ магистратъ для подписи отправляемыхъ документовъ. Тогда они подписали все сами и отправили чрезъ нарочныхъ лавника Легушевича и канцеляриста Коцюбу, вручивъ имъ и рапортъ о происшедшемъ у нихъ по поводу этой отправки несогласіи съ войтомъ. Наканунѣ этого дня прибыли изъ Москвы Василій Ризенко и В. Копыстенскій и сообщили товарищамъ, что хотя райцы Величковскій и Юсифъ Гудимъ, да шафаръ Чашиничъ остались въ Москвѣ „стряпать“ по городскому прошенію, но, стѣсненные данною ими въ походной канцеляріи подпискою, „опасны въ Москвѣ жить“. Въ виду этого, конечно, магистрату необходимо было командировать новыхъ повѣренныхъ для „хожденія“ по городскому дѣлу. Это хожденіе и было поручено посланнымъ съ крѣпостями лицамъ. Войтъ же, не сочувствуя магистратскимъ

Гудима и Давида Величковскаго для того, что оные райцы въ томъ 1763-мъ году годовыми не были; а у годовыхъ бурмистра Козмы Кулеша и райцы Федора Ризенка насланною эсквизиою отъ брегадира Подгоричанина заняты были дома потому, что о наличности квартиръ оному брегадиру отъ магистрата чрезъ долгое время вѣдомости не подано, и о увольненіи домовъ оныхъ годовыхъ хотя къ нему, брегадиру, отъ войта прошеніе было, однако не уволено“.

домогаельствомъ, зная при томъ, что они неприятели и гетману, немедленно донесъ послѣднему, что магистратъ отправилъ нарочныхъ именно съ цѣлю „тамо жить и стряпать подь видомъ якобы послышки крѣпостей“, что эта отправка крѣпостей не по почтѣ, а чрезъ нарочныхъ, сдѣлана именно съ тѣмъ, чтобы „оныхъ нарочно отправленныхъ бывшіе въ Москвѣ и стряпчество прикрито быть могло“. Въ заключеніе же своего доношенія войтъ жаловался, что де „всѣ обществомъ, на единое мнѣ недоброхотство и ослушность; во всемъ поступають и, сами собою собираясь въ магистратѣ, что хотятъ дѣйствуютъ и всѣми мѣрами стараются какъ отъ званія войтовского отрѣшить, такъ и въ гнѣвъ бы ясневельможности вашей привести“.

Одновременно съ этимъ Сычевскій донесъ и въ Глуховѣ въ войсковую генеральную канцелярію, что Лятушевичъ и Коцюба отправились въ Москву „стряпчими по поднесенному отъ магистратскихъ урядниковъ безъ дозволенія и вѣдома его сіятельства въ пр. Сенатъ прошенія объ отмѣнѣ бывшаго государя Петра III указу о небытіи г. Кіеву подь командою его сіятельства и о пр.“, причемъ войтъ просилъ генеральную канцелярію „перенять“ этихъ нарочныхъ въ Глуховѣ и воротить ихъ въ Кіевъ, „дабы оные безъ вѣдома его сіятельства постороннихъ представленій вносить не могли.“

Вслѣдствіе этого донесенія, въ кіевскомъ магистратѣ былъ полученъ 17 іюня ордеръ генеральной канцеляріи, которымъ предписывалось „впредь, не дѣлая таковыхъ самовольствъ и затрудненій главнымъ командирамъ, мимо вѣдома учрежденнаго командира, оного-жъ войта, никакихъ дѣлъ магистратскимъ урядникамъ самымъ собою не производить и никуда не отправлять и его, войта, командира своего, не пренебрегать, но во всемъ ему быть послушнымъ.“ Съ этимъ ордеромъ прибылъ въ Кіевъ полковый кіевскій судья Борсукъ, которому и приказано было отъ войск. генер. канцеляріи произвести слѣдствіе по взаимнымъ жалобамъ войта и магистрата. Но магистратскіе урядники даже „вступить въ оное слѣдствіе“ отказались, и Борсукъ, потративъ напрасныя къ тому усилія, въ іюль мѣсяцѣ донесъ объ этомъ гетману, заявивъ, что „не точію его, Бор-

сука, полковаго старшины, но хотя бы кто изъ генеральной старшины присланъ былъ, то оныя магистратскіе урядники не послушаются.“

Между тѣмъ магистратъ 5-го іюня подписалъ вторую обстоятельную жалобу на войта и отправилъ ее въ пр. Сенатъ ¹⁾, прося объ отрѣшеніи Сычевскаго отъ войтовства.

Посланные же отъ магистрата повѣренные Лятушевичъ и Коцюба не застали уже гетмана въ Москвѣ и оставили приве-

¹⁾ Жалоба эта состояла изъ 12-ти пунктовъ:

въ 1-мъ говорится о томъ, что Сычевскій многихъ магистрат. урядниковъ и мѣщанъ „безъ всякой малѣйшей причины, какъ хотя, ругаетъ, безчеститъ и похваляетъ провозносить публично—всѣхъ насъ, положивши въ шеренгу, кіями бить“;

во 2-мъ—объ утѣсненіи постоями урядниковъ, дома которыхъ должны быть свободны отъ постоя;

въ 3-мъ—о томъ, что С—скій, завладѣвъ подгородними такою облагаетъ панщиною, что оной тѣмъ преорскимъ, кореневскимъ и сирецкимъ жителямъ свести никоимъ образомъ не возможно;“ здѣсь обстоятельно перечислены случаи вымогательства со стороны С—го;

въ 4-мъ—о несправедливомъ завладѣніи о. Осетщиной и устройствѣ тамъ собственнаго шинка;

въ 5-мъ—о томъ, что С—скій слишкомъ широко пользовался для частныхъ своихъ надобностей мѣщанскими подводами, изъ рыбаляскаго цеха рыбю, а также съ 1759 г. самъ на себя собиралъ „десятинной хлѣбъ съ нахатныхъ магистратскихъ земель;“

въ 6-мъ—подробное перечисленіе обидъ, причиненныхъ войтомъ во время пѣздокъ съ депутатами въ столицу;

въ 7-мъ—о тѣхъ „помѣшательствахъ,“ какія вносилъ войтъ въ маг. экономію своими личными распоряженіями;

въ 8-мъ—о навязываніи магистрату собственной горѣлки, которую принуждены были покупать у войта по возвышенной цѣнѣ;

въ 9-мъ—о сдѣланныхъ С—мъ на счетъ маг—та займахъ и о его вымогательствѣ „презентовъ“ изъ городскихъ суммъ;

въ 10-мъ—о самовольномъ завладѣніи городскими сѣнокосами;

въ 11-мъ—о завладѣніи Осетщинскимъ озеромъ;

въ 12-мъ—о томъ, что С—ій все то, что урядники для пользы градской ни придумаютъ, особенно по отношенію въ „послѣдовавшему вѣрностей маг—та кiev. уничтоженію,“ какое ходатайство въ Пр. Сенатъ ни предложать, онъ „все то пренебрегаетъ и не допускаетъ и такъ еще насъ къ е.с. г. гетману описуетъ, что не токмо отъ насъ то, что онъ въ тѣхъ своихъ представленіяхъ пишетъ, могло происходить, но и въ умѣ того не содержано, приводитъ все, чѣмъ бы насъ къ какому штрафу и крайнему уничтоженію привести и нами, какъ бы своими подданными, овладѣть “

зенныя ими копіи въ гетманской походной канцеляріи, которая затѣмъ и препроводила эти копіи въ Глуховъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ графъ Разумовскій былъ въ Батуринѣ и къ нему отправился Сычевскій, причемъ предъ отъѣздомъ своимъ требовалъ, чтобы съ нимъ ѣхали, въ качествѣ „ассистентовъ,“ нѣсколько человекъ магистратскихъ урядниковъ, и, взявши съ собою подлинныя магистратскія крѣпости (королевскія привилегіи, гетманскія грамоты и императорскіе указы) представили бы ихъ гетману; но урядники рѣшительно отъ этой поѣздки отказались.

По всей вѣроятности, при личномъ свиданіи съ гетманомъ Сычевскій набросилъ тѣнь сомнѣнія на самую вѣрность отправленныхъ магистратомъ копій. По крайней мѣрѣ впоследствии, объясняя свой отказъ въ подписаніи копій, онъ прямо заявлялъ, что сомнѣвался въ вѣрности ихъ, потому де, что эти копіи съ подлинными латинскими и польскими „черезъ постороннихъ вѣрныхъ переводчиковъ онъ войтъ не апробовалъ,“ а переводили ихъ „бывшій мѣщанинъ, что нынѣ священникъ Успенской соборной церкви, Леванда и урядникъ Коробчевскій, да канцеляристъ Данило Слюсарскій, кои имъ, урядникамъ, согласны и отъ оныхъ урядниковъ, а не отъ войта опредѣлены были.“

Подъ вліяніемъ такого рода доносовъ Сычевскаго, и графъ Разумовскій могъ усомниться въ вѣрности переводовъ и точности копій, а потому и командировалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ старшаго войсковаго канцеляриста Туманскаго провѣрити и сличить эти копіи съ подлинными крѣпостями, причемъ ордеромъ своимъ отрѣшалъ отъ должности магистратскаго писаря Давидовскаго ¹⁾, а на его мѣсто своею властію назначалъ, помимо обычнаго выбора, канцеляриста Кузминскаго.

¹⁾ О писарѣ Давидовскомъ подалъ Сычевскій гетману 13-го октября 1763 г. такое „всенижайшее доношеніе“: „со вступленія моего по пожалованію въ магистратъ кіев. войтомъ, проискалъ было я изъ войсковыхъ канцеляристовъ въ оной маг-тѣ писаря Якова Давидовскаго, надѣясь на его справность въ письменныхъ дѣлахъ, уповалъ и о добромъ его поведеніи, и вмѣстѣ съ нимъ въ ту должность. Съ общаго урядниковъ тамошнихъ согласія, онъ оупредѣленъ до дальшаго впредь о его добромъ поведеніи усмотрѣнія, дабы потому и испросить было высшую в. яв. о настоя-

VI.

Какую „исторію“ подняло въ Кіевѣ это освидѣтельство-ваніе копій, рассказано уже было мною коротко, согласно донесенію о томъ Сычевскаго, въ статьѣ „Кіевскія смуты прошлаго столѣтія“¹⁾. Все мѣщанство кіевское было возмущено дѣйствіями войта и „малороссійской команды,“ доведшей заслуженныхъ магистратскихъ урядниковъ до крайняго униженія. По этому поводу кіевскій магистратъ въ послѣдствіи отправилъ въ пр. Сенатъ третью жалобу на войта, въ которой и изложилъ обстоятельно всю эту исторію съ злополучнымъ освидѣтельствомъ копій и его послѣдствіями. Подписана она была 10-го февраля 1764 г.²⁾ въ отсутствіи войта, который находился въ теченіи всего февраля мѣсяца въ Глуховѣ. Для пополненія вышеупомянутаго рассказа, я передамъ здѣсь существенное содержаніе этой жалобы, придерживаясь текста ея и опускаая повторенія, обычныя титулованія и т. п. „Минувшаго 1763 г. декабря 11-го дня войтъ,— писали урядники—первѣе чрезъ потыжниковъ, а потомъ и самоперсонально, будучи въ магистратѣ, отдалъ словесной свой приказъ, чтобъ какъ всѣ чиновники магистратскіе, такъ и мѣщанство декабря на 12-е число собрались въ магистратѣ, а зачѣмъ

щемъ опредѣленіи апробацію въ тотъ чинъ. Но помянутый войск. канц-тъ, вступи въ должность писарскую въ маг-тѣ кіев., не токмо не старался оказать достойнымъ себя того званія и рекомендаціи у в. яв., но своими худыми съ нѣкоторыми бездѣльниками умышленіями навелъ на меня отъ народа негодованіе и, не ради по должности своей о дѣлахъ, привелъ оныя въ крайній беспорядокъ и тѣмъ приводилъ меня къ отвѣту у в. яв. неоднократно. Къ тому-жъ оной Д-скій по чину моему неприяччіе грубости и ослушности оказываетъ и, по своей должности, какъ въ представляемыхъ къ слушанію дѣлахъ, такъ и въ присутственномъ мѣстѣ, съ крайнимъ пренебреженіемъ чести и чина моего всегда поступаетъ, къ чему и прочіихъ урядниковъ и ему единоголасниковъ приводитъ и наушаетъ, чрезъ что крайнѣйшюю и себѣ чувствую обиду и поношеніе. Того ради всенижайше прошу в. яв. повелѣть въ оной маг-тѣ кіев. опредѣлить изъ войск. канцеляристовъ надежнаго честнаго и исправнаго человѣка въ должность писарскую, дабы я, видя его во всемъ доброе поведеніе, могъ съ проч. урядниками несумнѣнно, учина на тотъ чину ему выборы, просить у в. яв. высокой о настоящемъ опредѣленіи конфирмаціи.“

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1886 г. Декабрь.

²⁾ Подписали ее ильг бурмястровъ: Василій Балабуха, Василій Гудимъ, Семеновъ Козельскій, Аѳанасій Александровичъ и Кольма Кулешъ и одинъ райца Иванъ Сяленко-Ночій.

именно—про то ничего не объявилъ; чему всѣ обще повинуюсь когда собрались въ магистратъ, то застали въ судовой конторѣ какъ самого войта, такъ еще и присланнаго изъ Глухова старш. войск. канцеляриста Осипа Туманскаго, гдѣ сперва предъ нѣкоторыми изъ насъ, бурмистрами и райцами, объявленъ и вычитанъ его сіятельства ордеръ объ отставкѣ писаря магистратскаго Давидовскаго отъ писарства по причинѣ яко бы его войту непослушанія и въ должности неисправности и объ опредѣленіи на онаго Давидовскаго мѣсто иного писаря изъ войсковыхъ канцеляристовъ Михаила Кузминскаго; потомъ предъ тѣми же бурмистрами и райцами объявя и другой е. с. ордеръ о сводѣ и освидѣтельствованіи имъ прежде отпавленныхъ изъ магистрата копій съ крѣпостей (якіе при томъ ордерѣ обратно прислацы) съ имѣющимися въ магистратѣ ихъ оригиналами, Сычевскій и Туманскій, такъ еще и абшитованнаго полкового асаула Павла Гудима сынъ Иванъ и войск. канцеляристъ Катериничъ, невѣдомо зачѣмъ тогда въ магистратѣ бывшіе, пошедъ въ скарбовую избу, велѣли бывшіе тамо сундуки съ крѣпостями внести въ судовую контору.“ При этомъ Туманскій писаря Давидовскаго „выслалъ вонъ изъ магистрата, о чемъ собравшееся, по приказу войта, мѣщанство извѣстясь и не вѣдая тому точной причины, когда вошли въ судовую контору для спросу о той пережѣнѣ, то увидѣли тамо, что Туманскій съ асаулинымъ сыномъ Иваномъ отомкнувъ оныя сундуки переворачивали и перекидывали не только привилегіи королевскія и гетманскіе универсалы, но и высочайшія государственныя грамоты, какъ бы чего другого между оными доискуясь“¹⁾. На требованіе по этому

¹⁾ Что войтъ съ Туманскимъ „доискивались“ какихъ то универсаловъ, съ которыхъ яко бы копии сняты не были и не отпавлены къ гетману, это видно и изъ собственныхъ объясненій войта, который самое возмущеніе урядниковъ и цехмистеровъ объяснялъ тѣмъ, что они боялись наказанія за неотсылку этихъ копій, „а большъ предразсуждая, что магистратъ и все мѣщанство по онымъ *утаснимъ гетманскимъ универсаламъ* въ точной у прежнихъ гетмановъ командѣ были и имъ уже невозможно будетъ отъ команды его сіятельства отбитись“, потому де и подяли крикъ. Хотя въ данномъ случаѣ, быть можетъ, и не таковы были мотивы у мѣщанства, но что „отбитись отъ командъ“ гетмана настойчиво оно желало—это ясно видѣлъ Сычевскій.

поводу со стороны мѣщанства объясненій, войтъ приказаль Катериничу прочитати гетманскій ордеръ объ отрѣшеніи Давидовскаго отъ должности, „а другого ордера о крѣпостяхъ сперва не только имъ не объявлено, но еще за требованіе ихъ о томъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ, по войтовскому и Туманскаго приказу, выведено изъ конторы съ нечестію вонъ, послѣ же того, по единогласному всего мѣщанства востребованію, всилу дозволили новому писарю Кузминскому вышеписанный о крѣпостяхъ ордеръ предъ обществомъ вычитати. Однакъ скоро по вычетѣ оного, единственно для народнаго устрашенія и смущенія, сысканъ отъ нихъ, Сычевскаго и Туманскаго, въ магистратъ и сотникъ кievскій Михайло Гудимъ съ вооруженными своими козаками, съ которыми магистратъ съ давнихъ временъ безпрестанную имѣеть приказную ссору, и при томъ они жъ, войтъ и Туманскій, запечатавъ своими печатями сундуки съ крѣпостми и ключи отъ сундуковъ взявши, отдали тѣмъ козакамъ всѣ въ сундукахъ крѣпости подъ карауль, сами же изъ магистрата отойшли“. Видя во всемъ этомъ „явной всему городу и цѣлостямъ нашимъ вредъ, пачежъ еще и опасеніе дабы тѣмижъ козаками крѣпости изъ магистрата не унесены“, урядники посылали къ войту и Туманскому, заявляя, что „вчатою ими поступокъ цѣлостямъ градскимъ вредной“, и просили перенести непременно сундуки въ скарбовую избу и снять карауль. Только поздно вечеромъ войтъ прислалъ Ивана Гудиму съ разрѣшеніемъ перенести сундуки, но при этомъ они были Гудимомъ запечатаны печатью Туманскаго, а при скарбовой избѣ оставленъ карауль, и „козаки поочередно таѣ крѣпко караулили, что и ручное правленіе экономіи градской содержащихъ туда не пустили; словомъ заключить, всѣ цѣлости градскія, всю сумму доходовъ магистратскихъ и прочее въ той избѣ содержимое самовольно пасильственнымъ образомъ заарестовали“.

Два дня затѣмъ не появлялись войтъ и Туманскій въ магистратѣ, а 15-го декабря прибыли съ намѣреніемъ приступити къ освидѣтельствованію копій¹⁾, для чего и приказали пере-

¹⁾ Событія этого то дня, 15-го декабря, и разказаны въ упомянутой выше статьѣ „Кievскія смуты“, согласно донесенію Сычевскаго.

нести сундуки изъ скарбовой въ судейскую камеру. Тогда рочный райца Федоръ Ризенко „со всякою учтивостію сказалъ, что лучше бы пойтить въ скарбовую избу и тамо, чего надобно, съ крѣпостей свидѣтельствовать, нежели дѣлать переноску съ мѣста на мѣсто; Туманскій причтя себѣ тое въ нѣякуюсь противность и не почитая судовой конторы при государственномъ зеркалѣ, ругалъ его, Ризенка, и называлъ плутомъ, да хотѣлъ еще и подѣ караулъ кіевскимъ козакамъ его отдать и принуждалъ паки внести туда сундукъ съ гетманскими универсалами; а по приноситѣ поставлено и при судовой конторѣ у дверей козачій караулъ; съ чего предстоявшій народъ въ немалое упалъ смущеніе, о чемъ и сами они, войтъ и Туманскій, довольно примѣтивъ, изъ магистрата отойшли и ключи отъ сундуковъ отдали правящимъ бурмистру и райцѣ и козачій караулъ сняли; и тогда уже собравшійся народъ, отложя все сумнительство и смущеніе, разошлись отъ магистрата по домамъ и больше къ магистрату не собиравались. И такъ они, войтъ и Туманскій, тѣмъ весь городъ въ смущеніе и смятеніе привели, а повелѣннаго освидѣтельствованія копій съ оригиналами не учиня, изъ нихъ первѣе Туманскій въ Глуховъ, а потомъ и войтъ въ Хороль къ тестю своему отѣхали“. Магистратскіе чиновники и съ своей стороны послали къ гетману обо всемъ происшедшемъ донесеніе, которое и подписали болѣе полутораста человекъ гражданъ.

„Того жъ декабря 31-го дня рано нарочные кіевскіе и другіе козаки нечаяннымъ образомъ, какъ бы по важному какому дѣлу, бурмистра Василя Балабуху, шафарей Осипа Козельскаго и Герасима Кувичинскаго, лавниковъ Ілію Скрѣбѣцкаго и Луку Лятушевича, шафара пивного Матвѣя Коробку, интигатора Гаврила Ядрилу и мѣщанъ Артема Андреева, Романа Чишинича и Семена Балабуху,—иныхъ изъ торговыхъ лавокъ, другихъ на базарѣ и по улицамъ, прочихъ же изъ домовъ подквативъ, привели въ домъ абшит. полк. асаула Павла Гудима предъ бывшаго тамо на квартирѣ нарочно присланнаго генеральнаго асаула Ивана Скоропадскаго, кой, объявля всѣмъ его сіятельства унѣверсалъ о взятіи какъ ихъ всѣхъ, такъ ещѣ

и рочнихъ правлящихъ бурмистра Козьму Кулеша и райцу Оедора Ризенка, такожь писаря Давидовскаго, лавника Василя Ризенка, инстигатора Василя Копистенскаго и мѣщанъ Григорія Кривобока и Якова Булавинца, и присылкѣ въ Глуховъ подѣ найкрѣпчайшимъ карауломъ (изъ коихъ тогда Давидовскій, Василь Ризенко и Копистенскій, Кривобокъ и Булавинець въ отлучкахъ изъ Кіева были) отдалъ онихъ всѣхъ подхваченихъ кіевскому козачему сотнику Михайлу Гудиму подѣ караулъ, которой потому содержалъ ихъ въ козачей судовой избѣ; а генваря 2-го въ самую глубокую полночь, какъ ихъ, такъ еще и бурмистра Кулеша и райцу Ризенка, да явившихся съ отлучокъ лавника Ризенка жъ и инстигатора Копистенскаго, отправилъ на ихъ собственномъ коштѣ, за многочисленнымъ козачимъ конвоемъ, въ Глуховъ, а послѣ, тогожь генваря 2-го д., за силу того жъ унѣверсала, всѣ безъ остатка высокомонаршія, всемилостивѣйше магистрату кіевскому и мѣщанству жалованная, грамоты, королевскія привилегіи, гетманскіе унѣверсалы и протчія крѣпости забравъ съ собою, отѣхалъ въ Глуховъ для представленія его сіятельству. Войтъ же Сычевскій, хотя за нимъ, какъ объявлялъ Скоропадскій, нарочный изъ генер. войск. канцеляріи посланъ ни въ Кіевъ, ни въ Глуховъ къ очной ставкѣ, чувствуя свою неправоту, не явился“.

„По привозѣ же вышеписанныхъ чиновниковъ и мѣщанъ кіевскихъ того жъ генваря 6-го дня рано въ Глуховъ, сперва всѣхъ въ одномъ постояломъ домѣ подѣ карауломъ содержано до самой ночи, а ночью противъ 7 числа чрезъ посланныхъ жолдановъ побрато и порознь, инихъ по квартирамъ, другихъ въ жолдачнихъ избахъ, прочихъ же между колодниками розсажено подѣ найкрѣпчайшій караулъ, и тожь порознь въ войск. ген. канцелярію за карауломъ приводя, допрашиваво по заготовленнымъ пунктамъ, при чемъ по болшой части дѣйствовалъ самъ Туманскій и, чимъ оныя чиновники и мѣщане себя оправдали, того онъ воспящаль имъ говорить и писать только тое, что слѣдовало къ ихъ обвиненію принууждалъ съ произнесеніемъ притомъ многихъ бранныхъ рѣчей и разныхъ угроженій и похвалокъ; каковое произвожденіе допросовъ продолжалось денно

и ночью того жъ генваря до 8 числа, а оного числа, изготовивъ еще по прихоти своей и повинное его сіятельству отъ ихъ доношеніе, на ономъ и на вышечисанныхъ допросахъ подписатись всѣхъ, хотя нѣкоторые и не хотѣли, принудилъ, и съ тѣмъ всимъ представлено ихъ его сіятельству, почему сперва послѣдовала была е. с. резолюція—всѣхъ публично плетьюми наказать и лишить чиновъ, а послѣ, оного жъ генваря 9-го числа, при самомъ уже его сіятельства выѣздѣ изъ Глухова въ С.-Петербургъ, тое тѣлесное наказаніе, по прошенію генеральной старшины, отставлено, и только самихъ чиновъ лишено, кромѣ бурмистровъ Балабухи и Кулепа, за глубокую онихъ старость, да инстингатора Копистенскаго и Семена Балабуху за неподписаніе ихъ на поднесенномъ нами его с—ву представленіи, на которомъ больше полтора ста человекъ подписались, которые потому при своихъ чинахъ по той же резолюціи остались. Да при отпускѣ оныхъ чиновниковъ изъ Глухова изъ забратыхъ магистратскихъ крѣпостей едни только высочомонаршія грамоты сполна всѣ отданы, а съ привилегіевъ королевскихъ удержано числомъ двѣнадцать, въ томъ числѣ 5 на латинскомъ, а 7 на польскомъ діалектахъ, да листъ канонѣковъ кіевскихъ о невзиманіи съ мѣщанъ мита 1616 года октября 15 д., и одинъ королевскій привилей въ ген. войск. канцеляріи невѣдомо гдѣ потерянь, тако жъ гетманскихъ универсаловъ сто дванадцать съ сундукомъ магистратскимъ взято въ С.-Петербургъ въ походную е. с. канцелярію“.

Признавая такое отношеніе къ своимъ чиновникамъ результатомъ несправедливаго доноса Сычевскаго, изобразившаго событія 15-го декабря какъ „явное возмущеніе“ народа яко бы по наущенію самихъ чиновниковъ, тогда какъ самъ былъ во всемъ виновенъ, магистратъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что гетманъ этому доносу повѣрилъ и „призналъ за противность высочайшей Е. И. В. власти, ввѣренной же его сіятельству командѣ неповиновеніе“, а представленіе магистрата, тогда же посланное „отъ всего гражданства въ самой точной справедливости“, призналъ за „ябедническія извиненія“. Въ заключеніе магистратъ просилъ „невинно лишеннымъ чиновъ всѣмъ по

прежнему чины ихъ привратить, войта же Сычевскаго отъ войтовства и насланнаго, въ нарушение всѣхъ крѣпостей и цѣлостей нашихъ, писаря Кузмѣнскаго отъ писарской должности отрѣшить, на мѣсто же его вольными голосами иного изъ здѣшнихъ мѣщанъ выбрать дозволить, якожь никогда ниотколько никакіе чиновники, въ томъ числѣ и писарь, въ магистратъ кievскій насланы не были—и какъ съ онымъ войтомъ, такъ и съ Туманскимъ, за вышеписанной ихъ дерзостной самовольной поступокъ и напрасное на чиновниковъ его сіятельству представленіе и послѣдовавшее чрезъ то онымъ озлобленіе, страданіе невинно подъ карауломъ, лишеніе чиновъ, безчестіе, убытокъ и разореніе,—учинить въ силѣ Е. И. В. указовъ; особливо же, кому надлежитъ, повелѣтъ удержанныя напрасно королевскія привилегіи паки въ магистратъ возвратить“.

Но раньше полученія въ пр. Сенатѣ этой третьей жалобы магистрата на своего войта послѣдовало освобожденіе Кіева отъ власти гетмана, а по прежнимъ двумъ жалобамъ состоялся 4-го марта 1764 г. на имя кievскаго генераль-губернатора Ивана Ѳед. Глѣбова указъ пр. Сената, въ которомъ было прописано: „какъ уже именнымъ Е. И. В. указомъ, писаннымъ собственно Е. И. В. рукою на докладѣ отъ Сената генваря 3-го дня сего 1764 г., повелѣно г. Кіева магистрату и мѣщанамъ быть въ содержаніи по жалованнымъ грамотамъ государя императора Петра Великаго, съ таковымъ еще прибавленіемъ, чтобы оной магистратъ и мѣщане въ своихъ дѣлахъ имѣли апелляцію у кievскаго генераль-губернатора, того ради означенныя кiev. магистрата доношенія, отослать на разсмотрѣніе и рѣшеніе къ вамъ, генераль-аншефу и кievскому генераль-губернатору, при указѣ и велѣтъ, ежели вамъ по разсмотрѣніи чего собою рѣшить не можно будетъ, то бѣ вы представили въ пр. Сенатъ съ приложеніемъ своего мнѣнія“.

Теперь магистратъ кievскій приободрился и встрѣтилъ своего войта, при появленіи его въ магистратѣ, явно враждебно. Сычевскій, зная уже о послѣдовавшемъ указѣ, обратился теперь и съ своей стороны съ жалобой къ генераль-губернатору, заявляя, что „за нападеніями и шумами необычными“ онъ и дол-

жности своей въ магистратѣ отправлять не можетъ, „и въ худомъ случаѣ крайнюю опасность имѣеть“. Въ доношеніи своемъ онъ сообщалъ, что, когда онъ 2-го апрѣля явился въ магистратъ „для исполненія дѣлъ и окончанія колодничихъ и челобитческихъ исковъ“, то рочный бурмистръ Семенъ Козельскій „съ немалою яростію и шумомъ при зеркалѣ выговаривалъ: я де твоихъ ордеровъ и опредѣленіевъ ни въ чемъ не слушаю, понеже ты высокомонаршихъ грамотъ и цѣлостей города Кіева нарушитель, съ приумноженіемъ досадительныхъ и ругательныхъ словъ, причемъ прискоча мѣщанинъ Василь Ризенко съ таковою жъ яростію и съ укорительствомъ требовалъ отъ меня отдачи яко бы арестованныхъ мною собственныхъ его денегъ и о прочемъ, да мѣщанинъ Гавріилъ Ядеило, по требованію моему, по нѣкоторой градской надобности имѣющихся въ магистратѣ городскихъ крѣпостей и копій, протестовалъ предъ всѣми урядниками, запрещая онихъ давать, сказывая съ яростію: мы де имѣемъ съ тобою приказную ссору; и увидя таковыя необычныя, послѣдовавшія на меня нападенія, дабы съ того не привлечился мнѣ каковой худой случай, принужденъ изъ засѣданія моего встать и опротестовать рочному райцѣ и приказнымъ канцеляристамъ, и отъ таковыхъ затѣнъ, оставя всѣ дѣла, изъ магистратской палаты отъишелъ“.

Генераль-губернаторъ Глѣбовъ, присоединивъ и это доношеніе, отправилъ полученныя имъ изъ пр. Сената двѣ магистратскія жалобы къ коменданту кіевскому полковнику Алексѣю Ермолу и поручилъ ему, выбравъ въ помощь себѣ „способнаго къ тому“ штабъ-офицера, произвести слѣдствіе по взаимнымъ жалобамъ „всего гражданства“ и войта Сычевскаго, о чемъ далъ знать и магистрату. Ермолъ же представилъ, что „по великости тѣхъ дѣлъ въ произвожденіи оныхъ съ однимъ штабъ-офицеромъ исправиться невозможно“, а потому Глѣбовъ разрѣшилъ ему выбрать по своему усмотрѣнію еще одного. Такимъ образомъ слѣдственная комиссія составила изъ Ермолова, подполковника Петра Синельникова, секундъ-маіора Ефрема Гущина и гарнизоннаго аудитора Ивана Андреева. Дѣло, очевидно, принимало неблагоприятный оборотъ для войта, которому

приходилось являться въ комиссію въ роли отвѣтчика. Желая въ свою очередь быть обвинителемъ, онъ подалъ въ кiev. губ. канцелярію написанное имъ 19-го апрѣля на высочайшее имя обширное доношеніе въ 25-ти пунктахъ о „непорядкахъ“ въ городскомъ хозяйствѣ.

Доношеніе это являлось уже, очевидно, несвоевременнымъ и, какъ видно изъ слѣдственнаго производства, роли обвинителя Сычевскому не доставило, такъ какъ по немъ и разбирательства не было. Но доношеніе это представляетъ не малый интересъ, характеризуя до извѣстной степени тогдашнее городское хозяйство и способы его управленія, а потому и привожу его цѣликомъ въ приложеніи.

Той же комиссіи, которой предстояло производить слѣдствіе по жалобамъ магистрата на войту Сычевскаго, поручено было и разслѣдованіе дѣла „о боѣ кievской сотни козаками кiev. магистрата урядника Киселевскаго и о шинкованіи оной же сотни сотникомъ, сотенною старшиною и козаками хлѣбнымъ виномъ“, при чемъ къ этому слѣдствію былъ опредѣленъ и депутатъ „съ малороссійской стороны“ бунчуковый товарищъ Григорій Иваненко.

VII.

11-го мая 1764 г. состоялось первое засѣданіе слѣдственной комиссіи для предварительнаго ознакомленія съ порученнымъ ей разбирательству дѣломъ. Главнымъ документомъ, изъ котораго надо было исходить, была вторая жалоба магистрата въ пр. Сенатъ отъ 5-го іюня 1763 г. Всѣ подписавшіе эту жалобу особымъ доношеніемъ въ слѣдственную комиссію довѣряли вести въ ней дѣло ихъ по этой жалобѣ бывшему писарю магистратскому Якову Давидовскому и бывшему же райцѣ Федору Ризену. Эти повѣренные, равно и войтъ Сычевскій, вызванные 19-го мая въ комиссію, письменно въ ней заявили, что назначенными слѣдователями они довольны и „подозрѣнія никакова не имѣютъ“, а 24-го мая дали подписку въ томъ, что будутъ являться въ комиссію ежедневно въ 8 ч. утра впредь до окон-

чанія дѣла; войтъ же Сычевскій при этомъ выдалъ вѣрующее письмо для хожденія по его дѣлу бывшему писарю хорольской сотни Григорію Иванову, но просилъ, чтобы разрѣшено было и ему самому вмѣстѣ съ повѣреннымъ являться въ комиссію для „сказанія судныхъ рѣчей“. Комиссія сначала отказала было въ этой просьбѣ, но Сычевскій въ особомъ доношеніи представилъ множество разныхъ статей законовъ, которыя доказывали его право являться самому вмѣстѣ съ повѣреннымъ, а потому комиссія и должна была согласиться. Только со 2-го іюня началось собственно производство слѣдствія. Въ этотъ день Сычевскій далъ краткій отвѣтъ лишь на одинъ первый пунктъ магистратской жалобы ¹⁾, заявивъ, что де послѣ этого магистратскіе повѣренные должны представить по тому же пункту „доказательства“, на которыя онъ уже затѣмъ будетъ давать „оправданія“. Комиссія была, какъ видно, въ затрудненіи и не знала, можно ли допустить такой порядокъ производства слѣдствія. Но магистратскіе повѣренные рѣшительно запротестовали, требуя, чтобы, въ силу правъ магдебургскихъ, войтъ давалъ разомъ по всѣмъ пунктамъ жалобы свои отвѣты, и что только тогда повѣренные магистрата будутъ представлять по всѣмъ же пунктамъ свои доказательства. Потребована была изъ магистрата справка изъ „Книги порядка“, согласно съ которой комиссія и рѣшила потребовать отъ Сычевскаго отвѣта на всю совокупность заключающихся противъ него въ магистратской жалобѣ обвиненій. Сычевскій долженъ былъ подчиниться и давалъ свои отвѣты съ 3-го по 10-ое іюня, разбивъ ихъ на 32 пункта, по которымъ уже магистратскіе повѣренные и представляли свои доказательства съ 15-го іюня по 6-ое іюля. Затѣмъ Сычевскій, когда 21-го іюля былъ приглашенъ въ комис-

¹⁾ Отвѣтъ этотъ, заключающій простое отрицаніе кратко и въ общихъ словахъ выраженнаго въ первомъ пунктѣ магистратской жалобы обвиненія противъ войты, формулированъ былъ Сычевскимъ весьма искусно, именно такъ: „Кіевскаго магистрата урядниковъ и мѣщанъ, честныхъ и съ виновностями не явившихся, ни въ домѣ, ни въ магистратѣ при зеркалѣ напрасно отвѣтчикъ не безчестилъ и не ругалъ и, подоживши всѣхъ въ шеренгу, безвинно кіями бить не похвалялся и плетью не билъ“.

сію, сталъ просить о назначеніи ему каникулярнаго срока, и хотя магистратскіе повѣренныя представляли извѣстныя статьи магдебургскаго права, по которымъ такого срока давать ему не слѣдовало, срокъ этотъ все таки былъ данъ и комиссія возобновила производство дѣла лишь 25-го августа, пославъ повѣстки обѣимъ сторонамъ. Сычевскій заявилъ, что онъ по болѣзни явиться въ засѣданіе не можетъ, и комиссія по освидѣтельствующему признала его дѣйствительно больнымъ. Но, видно, генераль-губернаторъ не совсѣмъ этому довѣрялъ, а потому 27-го августа предписалъ комиссіи больше истекшаго Сычевскому сроку уже не давать. Тѣмъ не менѣе только съ 6-го сентября началъ Сычевскій давать на доказательства магистратскихъ повѣренныхъ свои оправданія, что и тянулось почти три мѣсяца—по 2-е декабря.

Этимъ, собственно говоря, и можно было бы закончить слѣдствіе, такъ какъ данными до сихъ поръ показаніями обѣихъ сторонъ исчерпывалась вся сущность дѣла. Оставалось комиссіи самой произвести провѣрку представленныхъ данныхъ, дать присягу тѣмъ лицамъ, на которыхъ обѣ стороны дѣлали ссылку, и можно было бы рѣшить—въ чемъ кто правъ, кто виноватъ. Но слѣдствіе тянулось еще почти два года и кончилось совсѣмъ безъ такого рѣшенія...

Пользуясь показаніями обѣихъ сторонъ, попытаюсь изложить тѣ свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ нихъ, объ обстоятельствахъ, порождавшихъ несогласія между войтомъ и магистратомъ и давшихъ основаніе этому послѣднему просить объ отрѣшеніи войта отъ должности.

Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ съ помѣщаемыми въ приложеніи жалобами магистрата и войта Сычевскаго, могутъ дать представленіе о городскомъ хозяйствѣ и управленіи, равно и о нѣкоторыхъ „нравахъ и обычаяхъ“ кіевлянъ того времени.

а) Обвиняя войта *въ грубомъ обращеніи* его съ урядниками и мѣщанами, магистратскіе повѣренныя представили большой перечень случаевъ такого обращенія; но войтъ всѣ эти случаи объяснялъ тѣмъ, что упомянутыя лица заслуживали почему либо выговора и наказанія. Такъ, по его словамъ, почтоваго

урядника Балицкаго бранилъ онъ за то, что тотъ, „какъ и прочіе урядники магистратскіе имѣя себѣ данные отъ войта ордеры во огорченіе и чтобъ войту по онимъ ордерамъ учинить подлогъ“, часто медлилъ, въ отпускѣ лошадей, дѣлалъ задержки проѣзжающимъ курьерамъ, ссылаясь на необходимость дѣлать докладъ войту, и являлся къ войту всегда пьянъ, а „многіе рейторы въ потребное время на почтѣ сыскать его не могли“, жаловались войту, который, чтобы самому не отвѣчать за „медлительное отправленіе курьеровъ, не утерпѣлъ“ изругать его, „сказывая—долго ли де мнѣ съ вами мучиться, при чемъ и дубьемъ бить похвалялся“. Не отрицалъ войтъ и того, что бранилъ и похвалялся бить кварталоваго урядника Коробчевскаго, но оправдывалъ себя тѣмъ, что Коробчевскій самъ съ грубою бранью отказалъ войтовой женѣ въ пустой услугѣ, говоря— „не дождетъ де войтъ больше у насъ войтовать“. Тотъ же Коробчевскій былъ не исправенъ въ „выдачѣ смотрителю фонтала Донцу волны“, не сдѣлавъ своевременно доклада объ этомъ въ магистратѣ, а затѣмъ „когда ни приносилъ къ войту недѣльные репорты о расходѣ съ кварталу, то за одно упрямство ни въ чемъ исправно не показывалъ, а на остатокъ и оныхъ репортовъ по упрямству не сталъ подавать“.

Словомъ, войтъ увѣрялъ, что вообще „бранилъ и штрафовать похвалялся“ урядниковъ магистратскихъ „не безвинно, но за ихъ ослушности и продерзости“. Что же касается до наказанія плетью мѣщанина Тедрины, котораго, какъ заявляли повѣренные магистратскіе, онъ въ 1756 году, скоро по прибытіи своемъ въ Кіевъ, „безъ всякаго судебного разсмотрѣнія и опредѣленія приказалъ бить какъ вора плетью нещадно“, то Сычевскій далъ такое объясненіе: по словесному въ магистратѣ представленію медоваго шафара Юсифа Васильева Гудима, мѣщанинъ Иванъ Тедрина за купленный у него шафаремъ для магистрата медъ сырецъ не только упрямился принимать данные ему „двукопѣшники“, но и народъ смущалъ, совѣтуя не брать ихъ, тогда какъ объ изыятіи изъ обращенія этой монеты указъ еще публикованъ не былъ; призванный въ магистратѣ, Тедрина и здѣсь „показалъ противность и шумѣлъ“,

отказываясь брать двукопѣшники, а потому „по согласію войта и годовыхъ бурмистра и райцы, наказать плетью приказывалъ“, имѣя при этомъ въ виду и то, что де „въ привилегіи короля польскаго Жигмунта 1544 г. марта 10, между прочимъ, дана власть войту мѣста Кіева всѣ дѣла криминальныя и поточныя судити и винныхъ наказывать“.

б) Обвиняя войта въ *излишнихъ пользованіяхъ изъ магистратскихъ суммъ*, магистратскіе повѣренные указывали на то, что уже на первыхъ порахъ своего войтовства, еще не являясь къ должности, проживая въ Москвѣ и Петербургѣ, Сычевскій широко пользовался магистратскими средствами. „Что же онъ, войтъ, показалъ, яко прежде его бывшіе кіевскіе войты для полученія на чинъ грамотъ жили на коштъ магистратскомъ, то и то ему не въ резонъ, потому что тѣ бывшіе войты съ чиновниками магистрата отъѣзжали не для единого только полученія на чинъ свой грамотъ, но и за другими магистратскими и гражданскими дѣлами, въ разсужденіи коихъ дѣлъ и коштъ имъ отъ магистрата давантъ“; Сычевскій же, проживая въ столицѣ въ ожиданіи грамоты на свой чинъ, не исходатайствовалъ по городскимъ дѣламъ никакой полезной для города резолюціи только лишь „черезъ свое нестарательство“.

Что же касается до покупокъ для войта изъ квартала, то Сычевскій утверждалъ, что такія покупки были рѣдки и дѣлались по совѣту правящихъ бурмистра и райцы для пріема въ торжественные дни чиновниковъ магистратскихъ. Повѣренные же магистрата, ссылаясь на расходныя книги, указывали на цѣлый рядъ покупокъ, сдѣланныхъ единственно по требованію войта и для собственнаго его и „приватныхъ его гостей употребленія“, какъ то: въ 1756 г. на 22 р. 41 к., въ 1757-мъ—на 1 р. 32 к., въ 1759 г. на 7 р. 30 к. Кромѣ такихъ покупокъ войтъ изъ магистрата бралъ презенты: въ 1756-мъ году полотно голендерскаго штуку въ 22 р. и денегъ 80 р., того жъ году марта 30-го на именинны свои 20 р., въ 1757 г. тожъ на именинны свои полотно голендерскаго штуку въ 22 р., въ 1759 и 1761 гг. на именинны по 20 р., да того жъ 1759 г., по пріѣздѣ изъ Чернигова, гдѣ тогда заручилъ было себѣ невѣсту

штуку голанд. полотна въ 20 р., послѣ свадьбы своей, за прїѣздомъ изъ Хороля съ женою въ Кіевъ, штуку полотна въ 20 р., на именины жены своей въ 1761 г. сентября 17 д. полотна батисту въ 4 р. 50 к. Что же онъ, войтъ, показаль, яко такыя презенты изъ онога магистрата браль безъ всякаго вымогательства, то и то ему ни въ какой резонъ, потому что во 1-хъ онъ изъ такова приказу, гдѣ самъ первое у правленія имѣеть мѣсто и получаетъ изъ онога какъ годовой юргельтъ, такъ и акциденціи,—брать тѣхъ презентовъ не долженъ былъ, 2) что прошлаго 1762 г., по прибытіи своемъ изъ С.-Петербурга, хотя въ день тѣхъ своихъ именинъ здѣсь въ Кіевѣ и не былъ, однако у правящихъ того года бурмистра В. Гудима и райцы Силенка-Нечая въ судейской избѣ при зеркалѣ требоваль, дабы оныя за тѣ его именины ему дали 20 р., увѣряя ихъ, чтобъ они за то ничего не опасывались, ибо де и прошедшихъ годовъ такыя деньги въ день именинъ его ему даваны, почему оныя бурмистръ и райца принуждены оныя деньги 20 р. ему и дать“. Въ оправданіяхъ своихъ войтъ Сычевскій не отрицаль уже, что расходы изъ квартала для него дѣлались, но говорилъ, что „въ томъ винности за собою не признаеть по тому резону, что не точію предъ нимъ войтомъ, яко то Полоцкому и Войничу, но и годовымъ бурмистру и райцѣ, тако жъ магистратскому писарю Рогуцкому, отъ магистрата изъ кварталу еженно исправленіе на столъ ихъ давано, почему и ему, войту, по прежнему обыкновенію, съ совѣту и согласія годовыхъ бурмистра и райцы, *по требованію его, войта*, кварталовыя урядники произвожденіе и исправленіе на столъ его учинили; сверхъ же того, ни по какимъ домогательствамъ, но изъ доброй воли, каковы приносили презенты изъ магистрата, оныя войтъ принималь и благодариль, для того что они, истцы, и бывшіе предъ ними бурмистры и райцы прежнимъ войтамъ и кому прилично было изъ магистратскаго кошту разными вещами презентовали и презентуютъ; въ 1762 г. у тогдашнихъ годовыхъ бурмистра и райцы о именинныхъ деньгахъ только припоминаль, а не требоваль, и по добровольному ихъ согласію тѣ 20 р. они ему выдали, потому что магистратскіе урядники о дачѣ въ именины войту

штуки полотна или за оную денегъ 20 рублей между собою словесно устали было, которое установление онъ, войтъ, отставилъ 1763 году мая 1-го дня“. Отдавая все это на присягу урядникамъ или самому себѣ, войтъ прибѣгаетъ къ любопытному оправданію себя, улавливая, такъ сказать, магистратскихъ урядниковъ въ противорѣчіи самимъ себѣ: они вѣдь, говоритъ онъ, утверждаютъ, что войтъ не долженъ вмѣшиваться въ управление экономіей, которою сами они должны распоряжаться, слѣдовательно, „и презенты производятъ по своему усмотрѣнію“, а онъ тутъ ни при чемъ.

в) Обвиненіе въ *пользованіи почтовыми лошадьми* безъ уплаты прогоновъ и подводами мѣщанъ кіевскихъ и подгородныхъ повѣренные магистратскіе подкрѣпляли при слѣдствіи обстоятельнымъ перечисленіемъ за всѣ годы войтовства тѣхъ случаевъ, когда Сычевскій бралъ для своихъ частныхъ поѣздокъ мѣщанъ иногда человекъ по шести съ собственными ихъ лошадьми, равно и лошадей почтовыхъ, причемъ поѣздки эти бывали иногда довольно продолжительны—иногда больше мѣсяца. Особенно часто ѣздилъ войтъ самъ или посылалъ къ тестю своему въ Хороль. Такъ напр. въ январѣ 1760 г., ѣдучи съ женой въ Хороль, войтъ взялъ трехъ мѣщанъ, которые и пробыли съ нимъ пять недѣль въ поѣздахъ; а въ 1761 г. въ маѣ мѣсяцѣ четыре недѣли ѣздили съ войтомъ въ Ахтырку, Коплуновку и Никитовку пять человекъ мѣщанъ, изъ которыхъ одинъ, „что за купечествомъ своимъ вскорѣ въ ту дорогу прибратъся не могъ, будучи сысканъ, по приказу войта, держанъ на почтѣ подъ карауломъ“; въ августѣ того же года шесть мѣщанъ проѣздили съ войтомъ и по его посылкамъ три недѣли; поѣздки въ Глуховъ продолжались не меньше четырехъ недѣль; причемъ и такіе случаи бывали, что командируемый войтомъ мѣщанинъ принужденъ бывалъ нанимать за себя другого. Сычевскій же утверждалъ, что всѣ эти люди ѣздили съ нимъ или по приказамъ годовыхъ урядниковъ или „по его прошенію, по доброй своей волѣ“ и жалобы на него не заносили; какъ доказательство, между прочимъ, онъ представилъ ордеръ бурмистра Тихоновича и райца Кузьмы Кулеша о поѣздѣ съ нимъ мѣщанъ

и, хотя повѣренные заявляли, что и этотъ ордеръ данъ по приказу войта, онъ считалъ, что относительно всѣхъ случаевъ, перечисленныхъ повѣренными и отданныхъ ему на присягу, ему „надъ письменной оного ордера доводъ присягать по праву не доводится“. По поводу заявленія магистратскихъ повѣренныхъ, что упомянутые мѣщане не жаловались изъ боязни, чтобы онъ „яко командиръ, какова отпущенія надъ ними не учинилъ или къ вѣщшему какому не подвергль озлобленію“, Сычевскій дѣлаетъ интересную характеристику кіевскаго мѣщанства, его „завзятости“.

Признавая такое заявленіе повѣренныхъ несправедливымъ, онъ говоритъ, что „по свирѣпости здѣшнихъ магистратскихъ урядниковъ и мѣщанъ противъ всѣхъ малороссійскихъ жителей, безъ воли и соизволенія оныхъ урядниковъ и мѣщанъ, притомъ же и безъ прошенія оного войта, по одному приказу его, не точію онъ, войтъ, могъ бы ихъ, мѣщанъ и реестровыхъ, тако жъ почтовыя лошади магистратскія для себя употребить самовольно, но и первѣйшій генералитетъ по какой приватной надобности своей склонить ихъ не могъ бы, и они бы, магистратскіе урядники и мѣщане, не утерпѣли за малѣйшую какую обиду свою жалобы, гдѣ надлежить, представлять, какъ то въ прошломъ 1763 году за взятія излишне подводы россійскимъ посланникомъ княземъ Долгоруковымъ, во время проѣзду его въ Константинополь, отъ магистрата въ пр. Сенатъ внѣсено доношеніемъ съ прошеніемъ удовольствія; да и прежде того, тако жъ и нынѣ, большею частію за одни лишимы имъ, истцамъ, обиды не малыя докуки пр. Сенату происходятъ“. Указавъ затѣмъ на то, что никто изъ мѣщанъ, ѣздившихъ съ нимъ, не только раньше не протестовалъ, но и на жалобѣ магистратской въ пр. Сенатъ не подписался, Сычевскій утверждалъ, что подписавшіе эту жалобу по одному лишь своему къ нему „недоброхотству, чѣмъ бы могли его, войта, избидить, въ тотъ искъ свой ихъ, мѣщанъ и реестровыхъ, влючили несправедливо, и что раньше дѣйствительно ему „во употребленіи оныхъ мѣщанъ и реестровыхъ, тако жъ и почтовыхъ лошадей, *по тогдашней склонности къ войту*, бывшіе въ тѣхъ годахъ бурми-

стры и райцы, также и почтовые урядники, соглашались и дозволяли, въ томъ во всемъ онъ отдастъ имъ на присягу“.

г) Что войтъ *пользовался бездежно рыбою* изъ рыбальскаго цеха—это тоже доказывали повѣренные магистрата цѣлымъ рядомъ случаевъ со ссылкой на цеховыя записи рыбальскихъ ключниковъ, причѣмъ заявили, что въ 1762 г. жена войта, позвавъ къ себѣ ключника Сердюченка, „за то, что удобной ей рыбы не купилъ, хотѣла его бить плетью, однакожь едва прошеніемъ у ее отъ того свободился“. Войтъ же, оправдываясь тѣмъ, что никто ему никогда объ уплатѣ должныхъ имъ за рыбу денегъ не упоминалъ, иначе онъ бы ихъ уплатилъ, относительно ключника Сердюченка объяснялъ, что бить его хотѣли по приговору въ цеховомъ дворѣ, согласно заявленію рыбальскаго старосты Прилуцкаго, которому дѣйствительно жаловалась жена войтова на грубость Сердюченка, не только не купившаго на присланныя ею деньги рыбы, но еще выбравшаго ее при посланномъ „матерно, при томъ сказывая, срамными словами: пусть де войтова жена нѣчто скупаешь“; а затѣмъ его и не били, потому что онъ приходилъ къ войтовой женѣ и, „признавая свое невѣжество, просилъ прощенія“.

д) Что войтъ *взималъ дань детямъ* съ промышленниковъ истцы доказывали подробнымъ перечисленіемъ случаевъ насильнаго взиманія этой дани, а также сослались на поданную въ апрѣлѣ 1763 г. въ магистратъ жалобу подгородныхъ жителей. На возраженіе же Сычевскаго, видѣвшаго во всемъ этомъ лишь интригу противъ него однихъ магистратскихъ урядниковъ, что де никто изъ указанныхъ ими лицъ не подписалъ поданнаго на него въ пр. Сенатъ доношенія, повѣренные магистрата отвѣчали, что жалоба указанныхъ дегтярниковъ, какъ и вообще жителей подгородій, заключается уже въ общемъ выраженіи магистратскаго доношенія, что де „нѣтъ въ томъ подгородья такова двора, которой бы обидимъ не былъ“.

Войтъ же, находя, что все довазательство ихъ по этому поводу „по праву нерезонное“, а потому и присяга по немъ неумѣстна, объяснилъ объ этой дегтевой дани слѣдующее: съ прибытія его, войта, въ Кіевъ, жители Преорки, Сырца и Коре-

нѣвщины „безъ всякаго требованія его, сами отъ себя добровольно“ подарили ему одну небольшую бочку дегтю отъ всего общества, а затѣмъ не помнитъ, до женитьбы его давали ли ему ежегодно по такой же бочкѣ; послѣ же женитьбы его тамошніе старосты дѣйствительно собирали для него деготь отъ промышленниковъ дегтевыхъ и „кто что похотѣлъ оного дегтю давали по ковшу или и полное ведро добровольно“, а онъ этого дѣлать старостамъ не приказывалъ, что и даетъ имъ на присягу.

е) *Пользованіе магистратскими средствами для починок* разнаго рода строеній въ своемъ хуторѣ Сычевскій оправдывалъ тѣмъ, что этимъ хуторомъ, какъ ранговымъ, онъ владѣлъ временно, и починокъ въ немъ и постройки производились и при прежнихъ войтахъ на счетъ магистрата по распоряженію рочныхъ бурмистровъ и райцевъ. Истцы же, отрицая это, доказывали, что хуторъ на Преорѣѣ дозволено было занять войту Полоцкому въ уваженіе понесенныхъ имъ трудовъ по городскимъ дѣламъ, и Полоцкій на этомъ хуторѣ построилъ на собственный свой счетъ винокурню на 2 или 3 котла и амбаръ для храненія хлѣба и водки, а затѣмъ и Войничъ съ разрѣшенія же магистрата, тоже въ уваженіе трудовъ его на пользу города, владѣя тѣмъ хуторомъ, на собственный же счетъ перестроилъ амбаръ на избу, а другую свою избу перевезъ и поставилъ тамъ, и все, что нужно было „оные войты перестраивали и починали за свои деньги, напротивъ же того войтъ Сычевскій самовольно, безъ и малѣйшаго какова либо ему дозволенія и отводу магистратскаго, тѣмъ хуторомъ завладѣлъ и съ оною, какъ хотя, единственно самъ користовался“, производя и починокъ на счетъ магистрата; хотя же Сычевскій сослался на опредѣленіе магистрата 1761 г. о починкѣ въ его хуторѣ „мельничной скрынн и лотоковъ“ и о починкѣ избъ и амбаровъ на счетъ магистрата, то опредѣленіе это подписано имъ самимъ, а еслибы бывшіе тогда рочные бурмистры Александровичъ и райца Юсифъ Гудимъ „къ тому какое согласіе имѣли, конечно бъ и сами на томъ опредѣленіи подписались, а хотя бы, паче чаянія, какое въ томъ и было ихъ согласіе, то ему, Сычевскому, ни въ какое оправданіе, потому что

онъ, вѣдая, что у нихъ сумма не какая либо ихъ партикулярная, но магистратская, для таковой партикулярной своей пользы и согласоваться не долженъ, а долженъ былъ объявить всему магистрату“.

Сычевскій же, возражая, что де и въ такомъ случаѣ виноваты сами рочные бурмистръ и райца, не спросившіе согласія всего магистрата, отрицалъ самую „партикулярность“ этихъ расходовъ и въ оправданіяхъ своихъ представлялъ, что „какіе ни есть въ окружности города Кіева и внутрь Малой Россіи ранговые чиновничьи угодья, оныя либо жительствоющими при тѣхъ угодьяхъ людьми, либо изъ другихъ какихъ доходовъ, а а не коштомъ по рангу содержащихъ тѣ угодья чиновниковъ починаются“.

А. Андріевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году. ¹⁾

V.

Свиданіе съ польскимъ королемъ въ Каневѣ.

24 апрѣля 1787 г. съ галеры „Днѣпръ“ императрица писала къ барону Гримму.

„Я выѣхала изъ Кіева 22 этого мѣсяца, и вотъ уже три дня мы плывемъ по Борисоену на веслахъ, всѣ здоровехоньки. Новостей для васъ никакихъ не имѣю, кромѣ того только, что изъ всѣхъ моихъ плаваній это едва ли не самое затруднительное, потому что эта рѣка представляетъ столько изгибовъ, такое множество острововъ и островковъ, что до сихъ поръ намъ не приходилось пускать въ дѣло паруса; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы находимся между двухъ береговъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: польскій берегъ гористъ, а русскій очень низменный. Богъ вѣсть, откуда пойдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣ завтра принимать польскаго короля у себя на галерѣ (Русск. Архивъ, 1878, стр. 170).

Статсъ-секретарь Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ.

„25 апрѣля. Пріятное свиданіе съ королемъ польскимъ на галерахъ, предъ Каневоиъ“.

Сохранилось въ старинныхъ рукописяхъ любопытное свиданіе о Каневѣ, составленное въ 1795 г.

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1891 г., № 4.

„Мѣстечко Каневъ лежитъ на правомъ берегу судоходной рѣки Днѣпра, на возвышенномъ мѣстѣ не болѣе отъ упомянутой рѣки полверсты, отъ востока и полудня закрывается оно горами; а отъ запада и сѣвера къ рѣкѣ Днѣпру открыто, одна изъ тѣхъ горъ, лежащая на востокъ и возвышеннѣйшая протчихъ называется *Московскою горою*, на ней видны еще и теперь слѣды деревяннаго укрѣпленія, и по увѣренію жителей находили тамъ въ нѣдрахъ земли разныя военныя орудія, подъ сею горою протекаетъ небольшая рѣчка, называемая Дунаецъ, она имѣетъ свое начало отъ двухъ ключей: отъ одного выходящаго изъ горы, къ востоку лежащей, а другаго отъ селенія Яблунева, и, протекая чрезъ самое мѣстечко Каневъ, впадаетъ въ другую рѣчку, называемую *Каневку*, которая выходитъ съ сѣверной стороны врасужденіи Канева и, протекая подъ самыми почти домами каневскихъ жителей, сливается съ упомянутою рѣчкою Дунайцомъ при горѣ Московской, тамъ впадаетъ въ Днѣпръ, гдѣ нѣскольکو ниже есть мѣсто выгодное для пристани небольшихъ судовъ.

Мѣстечко Каневъ существовало въ XI столѣтіи, и было не изъ послѣднихъ; въ 1150 году отъ кievскаго князя Изяслава посланъ былъ сынъ Мстиславъ для приведенія его въ лучшее состояніе, но князь Мстиславъ сынъ Юрія Владиміровича Долгорукова до того его не допустилъ.

Въ 1155 г. по просьбѣ половцовъ учиненъ въ немъ половецкими и російскими плѣнниками размѣнъ. Въ 1156 и 1157 году былъ въ немъ съѣздъ російскихъ князей, гдѣ съ великимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ и половцами заключенъ былъ миръ; а въ 1239 году татарскимъ ханомъ Батіемъ разоренъ до основанія, и съ того времени находился подъ владѣніемъ татарскимъ, имѣя разныя перемѣны отъ учинившихся бѣглецовъ, назвавшихъ себя черкасами, а потомъ козаками (сіе извѣстіе взято изъ записаній путешествія ея императорскаго величества по Днѣпру 1787 г.). Въ 1552 г. отъ польскаго короля Жигизмунта-Августа, то мѣстечко Каневъ получило на волность и право мѣщанское жителей привилегію, которую въ 1792 году подтвердилъ нынѣшній король Станиславъ Августъ.

Профессоръ правописанія, права экономическаго, латины и языка французскаго и казнодей 30 р.

Профессоръ перваго класса польскаго языка . 14 р.

Учениковъ въ 795 году состояло:

Шляхтичей	61
Поповичей	54
Мѣщанскихъ	14

Обучаются оныя латинскаго языка, должностямъ дѣтей къ родителямъ и родителей въ дѣтямъ, господина къ слугѣ, а слуги къ господину, ариметикѣ, геометріи, астрономической наукѣ, о добродѣтели и порокахъ, исторіи съ географіею и натуральной, о судахъ, поэзіи, риторыки, экономіи политической, физики, менералогіи, исторіи своего народа и право народовъ и сверхъ того желающіе обучаются по два часа въ недѣлю французскаго языка.

Въ ономъ мѣстечкѣ деревяннаго строенія число домовъ: купеческихъ—9, мѣщанскихъ въ 224 дворахъ—240, шляхетскихъ—12, еврейскихъ (купеческихъ—2, евр. мѣщанскихъ—28, евр. въѣздныхъ—3), магистратской судейской домъ—1, магистрской шинковой—1, для полиціи—1, постоялый—1, лавокъ каменныхъ—7, школъ еврейскихъ—2, баня—1, священническихъ—3, русскихъ школъ—2, шпиталь при церквѣ—1, князя Понятовскаго, состоящихъ нынѣ въ казенномъ вѣдѣніи домовъ—5, мельницъ на рѣкѣ Дунайцѣ, протекающемъ чрезъ мѣстечко, состоитъ—14.

Въ семъ мѣстечкѣ купцовъ: христіанъ—43, евреевъ—5, мѣщанъ—852, евреевъ—96.

Купцы и мѣщане упражняются разнымъ торговымъ небольшимъ промысломъ и отправляютъ Днѣпромъ разные съ лѣса подѣлки, до деревенской экономіи надлежащія, хлѣбомъ, желѣзомъ, брусьями, коноплянымъ масломъ, дегтемъ, рыбою, солью, и прочимъ жизненнымъ припасомъ, а притомъ большею частію и въ собственномъ для себя на землѣ имъ принадлежащей хлѣбопашествѣ, дрова и на селитьбу получаютъ изъ своихъ лѣсовъ¹⁾.

¹⁾ Выписано изъ дѣла № 256 по оп. 390 московскаго отдѣла Общаго Архива.

25 апрѣля, въ воскресенье, въ четверть 10-го часа утра, императорская флотилія приблизилась къ Каневу.

На польскомъ берегу началась пушечная стрѣльба, съ галеры Днѣпръ отвѣчали 9-ю выстрѣлами,—потомъ всѣ галеры и прочія суда легли на якорь, состава противъ мѣстечка Канева полукружіе изъ семи галеръ и одного трешкоута; водовики и другія суда пристали къ русскому берегу (К.-Фур. Ж.).

Въ Каневѣ ожидалъ императрицу король польскій. Станиславъ Понятовскій при свиданіи съ Екатериной имѣлъ въ виду политическую дѣль, которая выяснилась еще 17 марта 1787 г. при свиданіи съ нимъ Безбородка и графа Штакельберга, пріѣзжавшихъ тогда къ нему изъ Канева. Въ этотъ день Штакельбергъ, представляя Безбородка королю, сказалъ: „Рѣдкое событіе—подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!“ Король все еще не зналъ, будетъ ли скоро война у Россіи съ Турціею, и спросилъ объ этомъ у Безбородка. „Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ“,—сказалъ Безбородко.

„Вамъ—сказалъ король—должны быть извѣстны мои и моего народа желанія приносить пользу Россіи; и теперь заявляю, это искреннее желаніе и ожидаю приглашенія и соглашенія“.

Канцлеръ отвѣчалъ: „Намѣренія вашего величества вполнѣ извѣстны; нужно, однако, болѣе спокойнаго времени, привести ихъ въ исполненіе“.

Этотъ отвѣтъ привелъ короля въ робость, по собственному его признанію.

Въ его запискѣ, представленной императрицѣ, была просьба о дозволеніи собрать конфедерованный сеймъ съ цѣлью провести, посредствомъ большинства голосовъ, такіе законы и постановленія, которыхъ нельзя было провести посредствомъ единогласія ни за что. Король не посмѣлъ тогда распространяться объ этомъ съ Безбородкомъ, а только сказалъ:

„Пока я буду заботиться только о томъ, чтобъ охранить себя противъ туземной злобы, которая особенно показала себя на двухъ послѣднихъ сеймахъ; при всемъ моемъ искреннѣйшемъ желаніи, я не могу сдѣлать ничего“.

Безбородко отвѣчалъ: „Противъ этого уже приняты и впредь будутъ принимаемы надлежащія мѣры, чтобъ ваше величество не терпѣли подобныхъ непріятностей“.

На другой день король разговаривалъ съ Безбородкомъ при Штакельбергѣ. Штакельбергъ сказалъ ему:

„Императрица велѣла передать вашему величеству: до будущаго сейма еще полтора года; будетъ время подумать. Что же касается до союза съ Россіею, то это такая вещь, которая мнѣ особенно нравится. Надобно это устроить, но только вполнѣ устроить“.

„Я съ своей стороны—сказалъ Безбородко—буду совѣтовать государынѣ собрать сконфедерованный сеймъ“.

Станислава Августа не пустили въ Кіевъ подъ разными предлогами. Въ Кіевѣ, между прочимъ, думали, что онъ подлаживается къ императрицѣ съ цѣлю упрочить преемство престола за своими племянниками. Это также не было въ то время въ видахъ Россіи, по крайней мѣрѣ, безусловно ¹⁾.

Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ, наконецъ, дождался Екатерины. 25 апрѣля флотилія прибыла къ Каневу.

Оффиціальныя свѣдѣнія о свиданіи въ Каневѣ, записанныя въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ, слѣдующія:

Въ 11-мъ часу утра, въ двѣнадцати-весельной императорской шлюпкѣ отправились въ Каневъ гофмейстеръ А. А. Безбородко и гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій; за ними слѣдовалъ императорскій катеръ и восемь шлюпокъ.

Король сѣлъ въ императорскую шлюпку съ Безбородкомъ и Барятинскимъ и поплылъ къ галерѣ „Днѣпръ“; въ это время со всей флотиліи загремѣли пушечные выстрѣлы, стоявшіе на вахтахъ солдаты отдавали честь ружьемъ, а музыканты играли въ трубы и били въ барабаны. На галерѣ „Днѣпръ“, при выходѣ короля изъ шлюпки, встрѣтилъ его князь Потемкинъ со всею императорскою свитою и проводилъ во внутренніе покои императрицы. Свита короля осталась въ залѣ съ свитою императорскою.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1869 года, книга 4-я, апрѣль.

Королевская свита состояла изъ слѣдующихъ лицъ: великій маршалъ коронный графъ Мнишекъ и его супруга, великій подскарбій князь Понятовскій, литовскій гетманъ графъ Тышкевичъ, посланникъ польскій при россійскомъ дворѣ Деболи, епископъ и коадьюторъ смоленскій Нарушевичъ, великій писарь коронный Дзедушицкій, непремѣнный членъ совѣта гр. Платеръ, генераль-поручикъ Комаржевскій и камеръ-юнкеръ Шидловскій.

Обѣдъ былъ на столовой галерѣ „Десна“. При столѣ сидѣли слѣдующимъ порядкомъ: ея императорское величество, съ правой ея величества стороны: 1) его величество Станиславъ-Августъ, король польскій, 2) графиня Мнишекъ, 3) графъ Мнишекъ, 4) И. И. Шуваловъ, 5) графъ А. А. Безбородко, 6) графъ Ангальтъ, 7) П. И. Пущинъ, 8) С. Ѳ. Стрекаловъ, 9) В. М. Ребиндеръ, 10) графъ М. П. Румянцевъ, 11) В. И. Левашевъ, 12) А. Ю. Нелединскій-Мелецкій, 13) А. В. Храповицкій, 14) И. С. Рожерсонъ, 15) англійскій министръ г. Фицъ-Гербертъ, 16) французскій графъ Сегюръ, 17) польскій г. Деболи, 18) россійскій при польскомъ дворѣ графъ Штакельбергъ, 19) принцъ де-Линъ, 20) князь Понятовскій. Съ лѣвой ея величества стороны: 21) австрійскій посоль графъ Кобенцель, 22) графиня А. В. Браницкая, 23) князь Г. А. Потемкинъ, 24) графиня К. В. Скавронская, 25) графъ Браницкій, 26) А. С. Протасова, 27) графъ И. Г. Чернышевъ, 28) графиня К. И. Чернышева, 29) Е. А. Чертвовъ, 30) князь Ѳ. С. Бяратинской, 31) польскій генераль-поручикъ Комаржевскій, 32) польскій камергеръ Шидловскій, 33) польскій графъ Платеръ, 34) великій писарь коронный Дзедушицкій, 35) епископъ Нарушевичъ, 36) Л. А. Нарышкинъ, 37) А. М. Мамоновъ, 38) камеръ-юнкеръ графъ Ю. А. Головкинъ. За непомѣщеніемъ на столовой галерѣ Деснѣ, кушали на губернаторскомъ суднѣ придворные, въ свитѣ ея величества находящіеся, кавалеры и свиты же его величества короля польскаго знатные чины, въ 24-хъ персонахъ.

Во время стола ея имп. величества играла духовая музыка, и ея величество благоволила пить за здравіе его величества короля польскаго, безъ пушечной пальбы; кубокъ же подавалъ ея величеству мундшенкъ.

Послѣ стола, во 2-мъ часу, императрица переѣхала на своей шлюпкѣ на галеру „Днѣпръ“ съ Протасовою и Мамоновымъ, а король, въ другой шлюпкѣ съ свитою своею, на приготовленную галеру „Бугъ“, куда вскорѣ императрица прислала Станиславу-Августу съ Мамоновымъ¹⁾ орденъ св. Андрея, украшенный брилліантами.

Орденъ былъ посланъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Monsieur mon Frère. S. André, selon la tradition, prêcha sur les bords de Borysthène; nul part il n'est plus convenable de se decorer de son ordre. Je prie votre majesté d'en recevoir les marques, comme celle de la haute considuation et amitié sincere, avec laquelle je suis etc. etc. (Госуд. арх. IV, 171). Король, съ своей стороны, прислалъ императрицѣ орденъ Бѣлаго Орла, который она получила въ Кайдакахъ 7 мая (тамъ же).

Въ 6-мъ часу вечера король приѣхалъ на галеру „Днѣпръ“, гдѣ, вмѣстѣ съ императрицею, они были воспріемниками при миропомазаніи сына генераль-маіора графа Тарновскаго, при чемъ младенцу наречено имя: Владиславъ-Станиславъ-Павелъ.

Вечеромъ, въ 8 часу, Понятовскій простился съ императрицею и уѣхалъ на императорской шлюпкѣ въ Каневъ при пушечной пальбѣ съ флотиліи.

Король пригласилъ съ собою въ Каневъ: кн. Потемкина, Ив. Ив. Шувалова, графа Штапельберга, принца де-Линь и иностранныхъ посланниковъ.

Когда стемнѣло, съ флотиліи видна была великолѣпная картина: въ Каневѣ на горѣ виднѣнъ былъ обелискъ съ вензелевымъ именемъ императрицы, освѣщенный разными огнями; гора до самаго берега Днѣпра была также иллюминирована. Затѣмъ, послѣ пушечной пальбы, зажженъ былъ фейерверкъ.

Послѣ свиданія съ королемъ императрица писала къ Брюсу 26 апрѣля.

„Вчерашней день моя галера была грузна, мы цѣлый день стояли на якорѣ противу Канева, мои шлюпки посланы были въ 11-ть часовъ по короля польскаго и ояъ съ своей свитою

¹⁾ Госуд. арх. XI. III.

чрезъ часъ пріѣхалъ на мою галеру, и мы были вмѣстѣ часовъ девять, потомъ шлюпки мои отвезли паки его величество, а сего утра на разсвѣтѣ мы паки подняли якоря и пошли въ путь“.

Оффиціальныя, выписанныя нами весьма краткія свѣдѣнія о свиданіи императрицы съ королемъ польскимъ въ Каневѣ, дополняются очень любопытными подробными описаніями этого свиданія, оставленными намъ очевидцами, а одна дама, бывшая при дворѣ Станислава, писала въ своемъ дневникѣ¹⁾:

„Наконецъ наступилъ день, такъ долго ожидаемый. Послѣ противныхъ вѣтровъ, погода настала прекрасная; сдѣлалось совершенно тихо, и вчера, въ воскресенье, 6 мая, въ 8 часовъ утра, показался первый вымпелъ флотиліи. Принцъ де-Линь и принцъ Нассаускій прибыли на шлюпкѣ часовъ въ десять. Лишь только завидѣли издали яхту императрицы, начали салютовать ей изъ пушекъ. Графъ Безбородко съ гофмаршаломъ княземъ Бяратинскимъ прибыли на императорской шлюпкѣ, чтобы перевезти короля на яхту. Король взялъ съ собою, на шлюпку, принца де-Линя, князя Станислава Понятовскаго, г. Витворта (Whitworth), г. гетмана Тышкевича, господина и госпожу Мнишекъ; прочіе изъ его свиты сѣли на другія лодки. Капитанъ Пуцинъ, сынъ адмирала, бывшій при рулѣ, испрашивалъ у короля приказанія отправиться; тотъ отвѣчалъ ему, что графъ Понятовскій не можетъ тутъ приказывать. Пуши флотиліи салютовали ему, и онъ принятъ былъ императрицею и всѣмъ дворомъ какъ король. Вступивъ на яхту императрицы, онъ встрѣтилъ тутъ весь дворъ въ каютъ-компани, король вошелъ одинъ въ апартаментъ ея императорскаго величества; двери оставались незапертыми нѣсколько минутъ. Онъ ввелъ и госпожу Мнишекъ. Императрица сказала ей: „Il est impossible de se défendre du premier moment d'embarras“. На что та отвѣчала: „Ce lui que Vous voyez au roi ne peut pas Vous déplaire, madame, car c'est l'embarras du sentiment et de la reconnaissance“.

Ея величество, обнявъ госпожу Мнишекъ, прибавила: „Я рада, что слышу отъ васъ увѣренія въ чувствахъ короля; я

¹⁾ См. Связь Отечества 1843 г., № 3, мартъ.

охотно имъ вѣрю“.—Потомъ императрица представила королю госпожу Браницкую и Скавронскую, какъ своихъ питомицъ; обѣ были одѣты великолѣпно. Передъ обѣдомъ, императрица сѣла съ королемъ на яхту; при нихъ находились: князь Потемкинъ, г. Кобенцель, госпожа Браницкая и госпожа Мнишекъ. Накрапывалъ дождикъ. Король распустилъ зонтикъ, чтобы защитить императрицу; она отблагодарила его, сказавъ: „Je crains que Vous n'ayez le bras fatigué!“—„Qu'il vous serve en attendant de cette manière“, отвѣчалъ король. Этотъ отвѣтъ очень понравился императрицѣ. Дорѣгой, императрица изъявила королю желаніе провести съ нимъ день его тезоименитства, который для нея тѣмъ дороже, что это тоже день рожденія великаго князя Константина, или отпраздновать его сегодня же, наканунѣ празднованія св. Станислава. Въ самомъ дѣлѣ за столомъ пили за здоровье короля, стоя, при залпахъ изъ пушекъ. Обѣдъ былъ на сорокъ слишкомъ кувертовъ на особой яхтѣ. За нимъ присутствовали вся свита короля, дворъ императрицы, иностранные министры и принцы и придворныя дамы императрицы: Браницкая, Скавронская, Протасова и Чернышева. Веселость, умъ и любезность двухъ вѣнценосныхъ особъ оживляли всѣхъ. Вставъ изъ за стола, король взялъ трость императрицы изъ рукъ ея пажы, чтобы представить самому, а императрица, обратившись въ свитѣ, спросила шляпу короля, чтобы вручить ему лично; при этомъ король сказалъ: „Ваше величество уже пожаловали мнѣ такую, которая лучше этой“. Слова эти очень понравились императрицѣ, которая создана цѣнить умъ и чувство. Она была столь добра, что замѣтила госпожѣ маршалшѣ, какъ хорошъ и великолѣпенъ ея костюмъ. Пребываніе здѣсь императрицы сокращено было отъѣздомъ императора Леопольда въ Херсонъ; обѣ этомъ уже здѣсь было извѣстно, и ей не хотѣлось заставить его слишкомъ долго ожидать себя. Король сопровождалъ императрицу на ея яхту, гдѣ оставался нѣкоторое время и имѣлъ случай видѣть портретъ ея императорскаго величества, снятый въ Кіевѣ; онъ будетъ имѣть съ него копію, потому что портретъ хорошо сдѣланъ, похожъ: императрица изображена въ очень миломъ костюмѣ,

мѣховой шапкѣ и дорожномъ платьѣ. Потомъ король обратился на приготовленную для него яхту, бывшую князя Потемкина. Лишь только онъ на нее прибылъ, какъ явился господинъ Мамоновъ съ грамотой императрицы такого содержанія: „Преданіе повѣствуетъ, что св. Андрей проповѣдывалъ на берегахъ Борисѣена. Сіе обстоятельство доставляетъ мнѣ случай просить васъ принять и носить, по установленію, знаки его ордена“. Король дѣйствительно тотчасъ надѣлъ брилліантовую звѣзду и ленту съ такимъ же крестомъ, которыя императрица имѣла на себѣ утромъ: украшенія, которыми облекались всѣ государи при императрицѣ, король шведскій и король прусскій. Послѣобѣденное время прошло въ визитахъ графа Понятовскаго разнымъ особамъ.

Между шестымъ и седьмымъ часомъ происходило, на яхтѣ императрицы, крещеніе сына госпожи Тарновской, урожденной Устржицкой (Ustrzicka). Король и императрица воспринимали отъ купели; епископъ Нарушевичъ совершалъ обрядъ. Послѣ того императрица усадила всѣхъ за игру, а сама бесѣдовала у окна съ королемъ; это продолжалось почти до десяти часовъ; въ теченіе этого времени, король одинъ или два раза выходилъ во внутренніе апартаменты императрицы, бесѣдуя съ нею. Когда наступилъ часъ обыкновеннаго удаленія ея, король раскланялся съ нею, и былъ осыпанъ знаками величайшей благосклонности. Онъ возвратился въ Каневъ на императорской яхтѣ, съ тѣми же лицами, которыя сопровождали его сюда.

Во время одного разговора короля съ императрицею говорено было о пожарахъ, опустошившихъ нѣсколько русскихъ городовъ, которые потомъ выстроены изъ камня. Ея императорское величество соизволила сказать: „Надобно предохранить ихъ на будущее время отъ подобныхъ несчастій“, на что король замѣтилъ: „Ваше величество всегда находите прекрасныя причины для прекрасныхъ дѣлъ“. Это замѣчаніе доставило удовольствіе императрицѣ. При отъѣздѣ короля съ императорской яхты, ему салютовали пушками съ флотиліи, какъ утромъ. Иллюминаціяobeliska съ вензелемъ императрицы была весьма удачна: также милы были жирандоль съ букетомъ, въ четыре

тысячи ракетъ, и огненная гора, которая казалась лавою. Вечеромъ иностранные министры, статсъ-дамы и придворные императрицы ужинали въ Каневѣ, исключая князя Потемкина, который отправился въ Кременчугъ. Король во весь этотъ день былъ въ мундирѣ конной гвардіи и, между прочимъ, сказала однажды императрицѣ: „Я никогда не употреблялъ такъ долго зрительной трубы, сколько въ это время, имѣя въ виду Каневъ съ его живописными берегами“. Флотилія отплыла сегодня утромъ часа въ четыре, и императрица проснулась верстахъ въ тридцати или сорока отсюда“.

Другой очевидецъ этого свиданія, графъ Сегюръ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ:

„Екатерина послала на красивой плющѣ нѣсколько генераловъ встрѣтить короля польскаго. Король, чтобы избавиться отъ затруднительнаго этикета, хотѣлъ сохранить инкогнито, несообразное, впрочемъ, съ торжественностію встрѣчи, и сказала посланнымъ, которые его сопровождали: „Господа, король польскій поручилъ мнѣ предоставить вамъ графа Понятовскаго“.

Когда онъ вступилъ на императорскую галерею, мы окружили его, желая замѣтить первыя впечатлѣнія и слышать первыя слова двухъ державныхъ особъ, которыя находились въ положеніи далеко несходномъ съ тѣмъ, въ какомъ они были нѣкогда. Но мы обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ, потому что, послѣ взаимнаго поклона важнаго, гордаго и холоднаго, Екатерина подала руку королю, и они вошли въ кабинетъ, въ которомъ пробыли съ полчаса. Они вышли, и такъ какъ мы не могли слышать ихъ разговоровъ, то старались прочесть въ чертахъ ихъ лицъ помыслы ихъ; но въ нихъ ничего не высказалось ясно. Черты императрицы выражали какое то необыкновенное безпокойство и принужденность, а въ глазахъ короля виднѣлся отпечатокъ грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка.

Король обращался къ тѣмъ изъ насъ, которыхъ зналъ; прочихъ представила ему императрица. Со мною онъ былъ очень любезенъ. Все было расчислено, чтобы напомнить день, который съ обѣихъ сторонъ желали провести скорѣе. Всѣ пе-

ресѣли въ красивыя шляпки, чтобы переправиться на галеру, гдѣ долженъ былъ происходить обѣдъ. Трудно было представить себѣ судно великолѣпнѣе, изящнѣе и роскошнѣе этого. За столомъ по правую руку возлѣ императрицы сидѣлъ король, по лѣвую — Кобенцель; князь Потемкинъ, Фитцъ-Гербертъ и я помѣстились противъ ихъ величествъ.

За обѣдомъ мало ѣли, мало говорили, только смотрѣли другъ на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здравіе короля, при грохотѣ пушечнаго залпа ¹⁾). По выходѣ изъ за стола король взялъ изъ рукъ пажа перчатки и вѣтеръ императрицы и подаль ей. Послѣ того онъ сталъ искать и никакъ не могъ найти своей шляпы; императрица, замѣтивъ это, велѣла принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станиславъ сказалъ: „Когда то, ваше величество, вы пожаловали мнѣ другую шляпу, которая была гораздо лучше этой“.

Мы возвратились на царскую галеру. Король пробылъ еще немного времени и въ восемь часовъ уѣхалъ въ Каневъ.

Когда наступила ночная темнота, каневская гора зардѣлась огнями; по уступамъ ея была прорыта канава, наполненная горючимъ веществомъ; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею съ огнедышащей горы; сходство было тѣмъ разительнѣе, что на вершинѣ горы взрывъ болѣе 100,000 ракетъ озарилъ воздухъ и удвоилъ свѣтъ, отразившись въ водахъ Днѣпра. Флотъ нашъ тоже былъ великолѣпно освѣщенъ, такъ что на этотъ разъ для насъ не было ночи. Король пригласилъ насъ къ себѣ, и мы отправились. Онъ далъ великолѣпный балъ, но императрица отказалась участвовать въ немъ. Напрасно Станиславъ упрашивалъ ее остаться еще хоть сутки: пора милостей для него миновала! Екатерина сказала ему, что боится опоздать и заставить ждать императора, который долженъ былъ съѣхаться съ нею въ Херсонѣ. Мы уѣхали на другое утро: такъ минуло это свиданіе, которое, несмотря на пышную торжественность, займетъ скорѣе мѣсто въ исторіи, нежели въ романѣ...“ (Изъ *записокъ* Сегюра. Спб. 1865 г.).

¹⁾ Въ Камеръ-Фурьерскъ жури. сказано, что не было пальбы.

Королю хотѣлось еще остаться при императрицѣ на день или на два; черезъ Мамонова онъ сдѣлалъ даже объ этомъ предложеніе, но получилъ отказъ.—Это видно изъ письма императрицы къ Потемкину 25 апрѣля: „Сказывалъ мнѣ Александръ Матвѣевичъ желаніе гостя, чтобъ осталась здѣсь еще на одинъ или два дня, но ты самъ знаешь, что по причинѣ свиданія съ императоромъ сіе сдѣлать нельзя и такъ пожалуй, дай ему учтивымъ образомъ чувствовать, что перемѣну дѣлать въ моемъ путешествіи возможности нѣту. Да сверхъ того всякая перемѣна намѣренія, ты самъ знаешь, что мнѣ неприятна“.

Вечеръ 25 апрѣля, до 8-ми часовъ императрица проводила съ Станиславомъ въ разговорѣ и наконецъ дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шепотомъ сказалъ Потемкину:

„Есть ли надежда, что можно оставаться долѣе?“

Потемкинъ отвѣчалъ: „нѣтъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица сказала ему.

„Уже поздно: я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно, это вынуждаетъ меня, къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ“.

Король выразилъ сожалѣніе, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.

„Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; рассчитывайте на мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству“ сказала Екатерина.

Этимъ кончилось свиданіе. Король, во время бесѣды съ императрицею, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не успѣла ее прочитатъ.

Станиславъ-Августъ естественно былъ недоволенъ этимъ свиданіемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ¹⁾.

Екатерина осталась также не очень довольна свиданіемъ со Станиславомъ.

¹⁾ См. Вѣстникъ Европы. 1869. Апрѣль.

Храповицкій записалъ въ дневникѣ своемъ, 26 апрѣля, по отъѣздѣ изъ Канева: „Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства, князь Потемкинъ ни слова не говорилъ: принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться. Король торговался на три, на два дня, или хотя для обѣда на другой день“.

На третій день по своемъ отъѣздѣ, Станиславъ-Августъ прислалъ графу Безбородку портретъ свой, богато украшенный брилліантами.

25 апрѣля, на Днѣпрѣ, противъ Канева, императрица пожаловала чинамъ польскимъ: камергеру Шидловскому перстень въ 2800 р., маіору и унтеръ-шталмейстеру Политальскому перстень въ 850 р., камергеру Моравскому табакерку въ 1.400 р., лейбъ-медику Беклеру табакерку въ 930 р., адъютанту королевскому Бишевскому перстень въ 900 р., адъютанту королевскому Киркову перстень въ 900 р., кабинетъ-секретарю Дембовскому перстень антикомъ въ 950 р., послу при польскомъ дворѣ графу Штакельбергу табакерку овальную, съ портретомъ, голубую, въ 3.350 р., польскому посланнику Деболи табакерку съ вензелемъ въ 2.000 р., великому писарю Дзедушицкому табакерку съ вензелемъ въ 2.800 р., маіору и унтеръ-шталмейстеру Гордону часы золотые съ финифтью и брилліантами въ 750 р., полковнику Слонинскому табакерку въ 1.100 р., кабинетъ-секретарю Серчинскому табакерку въ 1.000 р. (Изъ прихода-расходныхъ книгъ 1787 г. кабинета Е. В.).

Сверхъ того, когда гр. Штакельбергъ отпущенъ былъ на другой день свиданія съ польскимъ королемъ въ Каневѣ, то между прочими подарками, которые поручено ему было раздать въ свитѣ короля находящимся, послана съ нимъ андреевская лента для г. Тышкевича и двѣ александровскія гг. Платеру и Комаржевскому. (Госуд. арх. XI. 101).

Г. В. Ешиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ 1097—1102 Г. ¹⁾

(О К О Н Ч А Н І Е).

Съ концомъ волынской компаніи прекращается разсказъ Сказанія; авторъ его прибавляетъ только нѣсколько словъ объ окончательномъ рѣшеніи вопроса. По другимъ источникамъ мы можемъ до нѣкоторой степени возстановить дальнѣйшія его перипетіи. Потерпѣвъ неудачу въ войнѣ, Святополкъ обратился къ дипломатіи. Вѣроятно, ссылаясь на первое постановленіе князей (у Городца) относительно Давыда, онъ приглашалъ ихъ принять мѣры съ своей стороны къ удаленію послѣдняго изъ волости, такъ какъ самому Святополку это не удалось; при этомъ подразумѣвалось, конечно, что Волынь все таки должна перейти къ Святополку. Ему удалось, какъ видно, склонить на свою сторону не только Святославичей, но и Мономаха. Давыда рѣшено было подвергнуть суду княжескаго съѣзда и лишить волости. Вѣроятно, такое рѣшеніе было принято на первомъ съѣздѣ князей въ Вѣтичахъ или Увѣтичахъ (подъ Кіевомъ, за Днѣпромъ, у с. Хотяновки), который происходилъ 10 августа 1100 г.; здѣсь „братья створиша міръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ“ ²⁾. Если это „створиша міръ“ должно быть принимаемо въ собственномъ смыслѣ, а не въ значеніи уладились, пришли къ соглашенію, то придется предположить

¹⁾ См. „Кіевская Старина“. 1891 г., № 4.

²⁾ Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180). Соловьевъ полагалъ, что 14 августа съѣзжались представители князей, которые уговорились относительно общаго княжескаго съѣзда и назначили его на 30 августа; но для такого предположенія лѣтопись не

какую-нибудь, неизвѣстную намъ, ссору между ними—и вѣроятно всего, между Святополкомъ и Мономахомъ или, быть можетъ, между Мономахомъ и Святославичами. Разсказъ летописи даетъ основаніе предполагать, что еще раньше, вѣроятно, во время войны со Святополкомъ, Давыдъ Игоревичъ обращался къ братіи съ какою-то жалобою. Теперь, повидимому, этою жалобою воспользовались, какъ предлогомъ для составленія общаго съѣзда и приглашенія на него Давыда ¹⁾. 30 августа въ тѣхъ же Увѣтичахъ произошелъ второй съѣздъ, уже съ участіемъ Давыда. Давыдъ явился смѣло: „на что мя есте привабили? осе есмь, кому до мене обида? И отвѣща ему Володимерь: ты еси прислалъ к намъ: хочю, братья, прити к вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одномуъ коврѣ, то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба? и не отвѣща Давыдъ ничтоже“. Вѣроятно, по тону отвѣта Давыдъ догадался, что его дѣло было уже рѣшено и всякіе разговоры бесполезны. Князья разошлись и совѣщались со своими дружинами, „а Давыдъ Игоревичъ сѣдѣше кромѣ, и не приступяху его к собѣ“; Святополкъ же, соучастникъ преступленія Давыда, явился теперь его судьбою, да одновременно еще и лицомъ заинтересованнымъ въ обвиненіи. По совѣщаніи князья отправили къ Давыду своихъ бояръ-пословъ и объявили рѣшеніе: Давыдъ лишался волости за свое преступленіе и ему предоставлялись во владѣніе только Бужскъ и Острогъ ²⁾; кромѣ того князья, каждый отъ себя, сдѣлали въ его пользу пожертво-

даютъ основаній. Татищевъ говоритъ еще, что на первый съѣздъ явились съ жалобою послы Володаря Ростиславича. Приведенное опредѣленіе мѣстности Увѣтичей принадлежитъ проф. В. Б. Антоновичу, см. о ней еще Ист. Кіев. з. с. 22.

¹⁾ Въ Сказаніи: „привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимира, но даша ему Дорогобужь“. (Лавр. с. 263). Въ Никоновск. л. (II. с. р. л. IX с. 136): „и начаша посылати по Давыда Игоревича, любовію водяще его къ себѣ и общеваяще ему столь градъ Володимерь“; прибавленіе очень любопытное и невѣроятное, если это только не распространеніе слова „привабиша“.

²⁾ О Бужскомъ и Острогѣ, начиная съ Татищева и по сіе время, идетъ разногласіе. Въ летописи стоитъ: „в Бужскѣмъ (Божескомъ) въ Острогѣ“; Татищевъ (II, стр. 196), затѣмъ Зубрицкій, Соловьевъ, Костомаровъ, Иловайскій, Андрияшевъ, видятъ здѣсь два отдѣльные города; Карамзинъ (II, пр. 195), Погодинъ,

ванія: Святополкъ далъ Дубенъ и Черторыйскъ ¹⁾, Мономахъ—200 гривенъ, Святославици тоже 200 гривенъ ²⁾; краткость лѣтописнаго извѣстія оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно значенія этихъ прибавокъ отъ братіи, были ли онѣ просто подачками „на бѣдность“ (это было бы довольно характерно, особенно со стороны Святополка) или имѣли другой смыслъ. Этимъ не ограничились постановленія съѣзда: было рѣшено отобрать волость и у Василька, „послапаса слы своя къ Володареви и в Василкови: поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль; да аще вамъ любь, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ сѣ, а холопы наша выдайта и смерды“. Предложеніе это было, вѣроятно, мотивировано тѣмъ, что Василько, какъ слѣпецъ, не можетъ самъ управлять волостью ³⁾, но то былъ, конечно, лишь благовидный предлогъ, это ясно; спрашивается только, кому

Гѣлаевъ, Барсовъ—одинъ, Бужскій острогъ,—дѣйствительно Острогъ нигдѣ больше не упоминается до XIV в., хотя это и не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ. Что касается мѣстоположенія, то Острогъ существуетъ по нынѣ, а вопросъ о Бужскахъ—Божскахъ—одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ въ мѣстной исторической географіи. Съ значительною вѣроятностью можно установить два города этого имени, одинъ въ области западнаго Буга, другой—южнаго (собственно Божскъ); нужно ли всё упоминавшаго относить къ этимъ двумъ городамъ, или слѣдуетъ предположить еще третій, гдѣ нибудь въ Погоринѣ (тогда Божскій 1100 г. можно бы отождествить съ Бужскомъ 1152 г., упоминаемымъ среди городовъ южной Погорини)—слишкомъ трудно рѣшить. См. Барсова, Геогр. нач. лѣт. 1885 г., стр. 118, 140, Н. П. Дашкевича, Болоховская земля—въ Трудахъ III археол. съѣзда II, стр. 75—77, 84—5 и др., также Ист. кievской земли, стр. 45—6.

¹⁾ Черторыйскъ (мѣстечко луцкаго у. на р. Стири) принадлежалъ, вѣроятно, къ туровской волости Святополка, Дубенъ, если не былъ выдѣленъ изъ Давыдовыхъ же владѣній, долженъ былъ принадлежать тогда къ Погоринѣ.

²⁾ И. В. Лашнюковъ недоумѣваетъ, почему Мономахъ одинъ даетъ 200 гр., а Святославици—оба вмѣстѣ, и подозрѣваетъ здѣсь тайный умыселъ со стороны Мономаха (ор. с. с. 25); но послѣдній на съѣздѣ былъ представителемъ отдѣльной княжеской линіи (Всеволода), какъ Давыдъ и Олегъ вмѣстѣ—другой линіи (Святослава). Зубрицкий (ор. с. II, стр. 37) и Шараяевачъ (ор. с. с. 31), вслѣдъ за Длугошемъ (III, р. 344) и Стрыйковскимъ (I, р. 179), полагаютъ, что князья общали Давыду платить по 200 гривенъ ежегодно; но это было бы, пожалуй, больше чѣмъ сколько назначили князья Давыду сообща, сколько далъ ближайше заинтересованный Святополкъ.

³⁾ Ср. Соловьева, Ист. отнош. княз. Рюрич. дома, стр. 121.

должна была поступить Теробовльская волость Василька? Конечно, рѣшить этого окончательно мы не можемъ, но соображая, что она принадлежала также въ отчинѣ Святополка, думаю, что и предложеніе это было сдѣлано въ интересахъ Святополка, равно какъ и требованіе выдать холопей и смердовъ: послѣдніе въ большинствѣ, если не исключительно, были изъ волостей волинскихъ, захвачены во время войны съ Ростиславичами, слѣдовательно возвратить ихъ нужно было преимущественно Святополку¹⁾.

Такимъ образомъ увѣтничскій съѣздъ работалъ въ интересахъ Святополка. Святославичи поддерживали его, вѣроятно, подъ условіемъ вознагражденія (вспомнимъ передачу Луцка Святошѣ Давыдовичу); какую же роль игралъ во всемъ этомъ Мономахъ? Большею частью его считаютъ иниціаторомъ и распорядителемъ и этого съѣзда, виновникомъ его постановленій²⁾; при этомъ въ его дѣйствіяхъ одни видятъ несправедливую потачку Святополку, своекорыстные виды на Волюнь, другіе же не осѣщаютъ этого поступка, или стараются оправдать Мономаха. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Мономахъ собственно не былъ здѣсь активнымъ лицомъ. Если онъ благопріятствовалъ политикѣ Святополка, то не по своей охотѣ, не изъ ненависти къ Олегу, не потому, что берегъ в. княжество для себя и „сгибался предъ Святополкомъ, чтобы не нарушить внѣшняго почтенія къ званію в. князя“, какъ объяснялъ одинъ историкъ³⁾, а потому, что оставшись одинокимъ, безъ союзниковъ, не желалъ расходиться съ партією Святополка, боялся ссориться съ

¹⁾ Ср. Полевого, Ист. рус. народа, II, стр. 357. У Татищева (II, стр. 197): „взятыхъ въ плѣнъ холопей и подлыхъ Володимирскихъ всѣхъ освободить, понеже Володимиръ далъ сыну Святополку Ярославцу“.

²⁾ Такъ В. Пассекъ въ своей „Княжеской и до княжеской Руси“ (въ Читаніяхъ московскаго общества ист. и древн., 1870, кн., III), сочиненіи, отличающемся въ отношеніи Мономаха особеннымъ панегиризмомъ, признавалъ, что увѣтничскій съѣздъ, былъ произведеніемъ Мономаха, какъ и любечскій, и постановленія его были „не что иное, какъ снисходительное исполненіе требованій Мономаха, при заключеніи имъ мира со Святополкомъ, относительно преслѣдованія Давида“, стр. 93 (187).

³⁾ Полевой, Исторія русск. народа, II, стр. 358—359.

последнимъ; въ описаніи увѣтческаго съѣзда Мономахъ, правда, играетъ видную роль и усердно дѣйствуетъ въ пользу Святополка, но это еще не значитъ, чтобы онъ дѣлалъ это по своей охотѣ. Постановленіе увѣтческаго съѣзда было глубоко несправедливо и такой благоразумный и заботливый въ отношеніи легальности человекъ, какъ Мономахъ, не принялъ бы въ немъ участія, если бы не былъ къ тому вынужденъ; что до поддержки авторитета в. князя, то тогда въ этомъ отношеніи не существовало особенной щепетильности. Высказаны были еще предположенія, что Мономахъ дѣйствовалъ изъ корыстныхъ расчетовъ, что онъ желалъ приобрести Волюнь себѣ и имѣлъ въ виду вымѣнять ее потомъ у Святополка ¹⁾, или, какъ думаетъ другой, новѣйшій изслѣдователь, Мономахъ „зналъ, что послѣ смерти Святополка в. княземъ будетъ онъ и тогда ему легче будетъ прибрать Волюнь къ рукамъ“ ²⁾. Эти объясненія, по моему, несправедливы; о мнѣнїи я буду говорить ниже, что касается второго мнѣнїя, то мы, конечно, знаемъ, что Мономахъ наследовалъ Святополку, и въ 1118 г. отобралъ Волюнь у его сына Ярослава, но чтобы Мономахъ въ 1100 г. это настолько ясно предвидѣлъ, что даже волости набиралъ для Святополка, это невѣроятно и психологически, и исторически: Мономахъ вовсе не былъ прямымъ наследникомъ Святополка; если принять, что на любечскомъ съѣздѣ было установлено преемство князей по прямой линіи, законнымъ преемникомъ Святополка былъ его сынъ Ярославъ (и это мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ), если преемство въ родѣ, какъ думаютъ чаще,—то Святославичи; вокняженіе Мономаха въ Кіевѣ въ обоихъ случаяхъ было въ сущности счастливою случайностью, обусловленною народнымъ избраніемъ. Что Мономахъ дѣйствовалъ на увѣтческомъ съѣздѣ подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ угоду господствующей партіи, это довольно убѣдительно показываетъ слѣдующій эпизодъ.

Во вступленіи къ своему Поученію Мономахъ рассказываетъ, что поводомъ къ его составленію былъ такой случай:

¹⁾ Лашнюковъ, Владимір Мономахъ, стр. 25.

²⁾ Андрияшевъ, Очеркъ ист. волыск. земли, стр. 115.

„усрѣтоша мя слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣша: потьснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ, еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ; и рѣхъ: аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“¹⁾. Подъ братьею, принимая въ соображеніе извѣстія Сказанія, нельзя разумѣть никого, кромѣ Святополка и Святославичей. Относительно времени, къ которому относится этотъ случай, существуетъ разногласіе. Погодинъ, въ специальномъ изслѣдованіи объ этомъ памятникѣ, полагалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о походѣ Святополка на Ростиславичей 1099 г.²⁾, но мнѣ болѣе справедливымъ кажется мнѣніе, что упомянутый походъ затѣвался уже послѣ увѣтческаго съѣзда, вслѣдствіе отказа Ростиславичей въ уступкѣ Теробовля³⁾: „братья“, лично заин-

¹⁾ Лаврент. л., стр. 232—233.

²⁾ „О Поученіи Мономаха“ — въ Извѣстіяхъ II отд. академіи наукъ, т. X, стр. 237 (ср. также Хронологическій указатель его же, стр. 102 и 106); выводъ Погодина относительно времени составленія Поученія (1099 г.) принятъ и г. Протопоповымъ въ его сочиненіи „Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси“ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1874, кн. II, стр. 236). Погодинъ указываетъ на то, что, по свидѣтельству Поученія, оно написано черезъ три года послѣ перехода Мономаха изъ Чернигова въ Переяславль (конецъ 1094 или начало 1095 г.): „и сѣдѣхъ в Переяславлѣ 3 лѣта и 3 зима“ (Лавр. л., стр. 240), но этотъ доводъ не особенно убѣдителенъ: едва ли здѣсь опредѣляется промежутокъ; въ самомъ Поученіи упоминается о четырехъ зимахъ послѣ похода на Олега и осады Стародуба (1096 г.), а та въ которую къ Мономаху пришли послы отъ братьи, будетъ уже пятою („и потомъ пакы идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зими ходихомъ Смоленску; и сы ныѣ иду Ростову“, стр. 241). Но самое главное то, что до увѣтческаго съѣзда упомянутое посольство къ Мономаху могло быть отправлено не позже того времени, когда Давыдъ Игоревичъ сталъ отвоевывать Волынь у Святополка: борьба съ Ростиславичами послѣ этого отошла на задній планъ и Святополкъ просилъ бы помощи противъ Давыда; по этому самому оно не могло быть отправлено и до похода Святополка на Давыда; остается промежутокъ—апрѣль—май 1099 г., а посольство явилось къ Мономаху зимою, во время саннаго пути (с. 232, ср. и с. 241), какъ справедливо признаетъ и Погодинъ; не сходясь съ условіями 1099 г., это обстоятельство вполне подходитъ во времени послѣ увѣтческаго съѣзда, бывшаго въ августѣ, (существуетъ и другое толкованіе выраженія: „сѣдя на санехъ“—въ смыслѣ „приближаясь къ смерти“ (сань—принадлежность похоронъ), но если поученіе было писано въ 1099—1100 г., то Мономаху не было еще и полныхъ пятидесяти лѣтъ).

³⁾ Такого мнѣнія держатся: Зубрицкій (II с. 37—8), Соловьевъ (II с. 62), Бѣляевъ (Рязк. изъ рус. ист. I, с. 144), Косгомаровъ (Русск. ист. I, с. 57), Шапаневичъ (об. с. с. 31).

тересованная въ этомъ, пригласила въ походъ и Мономаха, какъ участника увѣтическихъ постановленій. Но будь то до увѣтическаго съѣзда или послѣ него, для насъ любопытно здѣсь именно отношеніе Мономаха къ братіи: послѣдняя чувствуетъ за собою силу и нисколько не заботится о мнѣніи Мономаха, самое предложеніе, въ передачѣ Мономаха, поставлено очень рѣзко: „если не хочешь, то мы считаемъ себя ничѣмъ не связанными въ отношеніи тебя“, и Мономахъ не протестовалъ, а обратился за утѣшеніемъ къ псалтири. Если принять, что это случилось послѣ увѣтическаго съѣзда, то нужно это понимать такъ, что Мономахъ счелъ невозможнымъ, слишкомъ неловкимъ для себя, выступать открыто для отобранія у Ростиславичей волостей, утвержденныхъ за ними на Любечскомъ съѣздѣ (объ этомъ крестномъ цѣлованіи и говоритъ Мономахъ), хотя и участвовалъ въ увѣтическихъ постановленіяхъ—это участіе, слѣдовательно, не было искреннимъ поступкомъ Мономаха. Если же это произошло еще въ 1099 г., то, значить, Мономахъ, противъ воли и убѣжденія, въ концѣ концовъ подчинился партіи Святополка и принялъ участіе въ постановленіяхъ относительно Ростиславичей и Давыда, благо, нѣкоторая внѣшняя благовидность была для того ¹⁾. Итакъ, въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что Мономахъ не былъ хозяиномъ во всемъ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, сообразуясь въ своей политикѣ съ желаніями руководящей партіи—Святополка и его союзниковъ—Святославичей.

Ростиславичи отказались подчиниться увѣтическимъ постановленіямъ и уступить теребовльскую волость. Были ли сдѣланы попытки понудить ихъ силою къ тому, предпринять ли былъ на нихъ походъ, источники не говорятъ; во всякомъ случаѣ они сохранили свои владѣнія.

Переходъ Волыни во власть Святополка вызвалъ протестъ со стороны его племянника Ярослава Ярополковича. Ярополкъ владѣлъ Волынью въ то время, какъ Святополкъ княжилъ въ

¹⁾ При такой точкѣ зрѣнія объясняется и вышеприведенное выраженіе летописи о первомъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ: „братья створиша миръ межъ собой“.

Новгородѣ. Двое сыновей Ярополка, какъ упомянуто, помогали Святополку во время волынской войны¹⁾ и, вѣроятно, рассчитывали на волости, но обманулись. На слѣдующій годъ послѣ увѣщательскаго съѣзда (въ 1101 г.) Ярославъ Ярополковичъ засѣлъ въ Берестыи (неизвѣстно, была ли то волость его, или онъ захватилъ этотъ городъ силою²⁾ и началъ борьбу съ дядею. Она оказалась ему не подъ силу; осажденный, онъ вынужденъ былъ сдаться и въ оковахъ приведенъ въ Кіевъ. По ходатайству митрополита и игуменовъ его освободили изъ оковъ, заставивъ предварительно присягнуть на мощахъ Бориса и Глѣба; въ слѣдующемъ году онъ бѣжалъ. Повидимому, Ярославъ пробирался въ Польшу, но Ярославъ Святополчичъ настигъ его и захватилъ какою то хитростью („перльести“) на р. Нурѣ (правомъ притокѣ З. Буга). Ярославъ Ярополковичъ былъ снова отведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ оковы; такъ онъ и скончался въ слѣдующемъ году (1103)³⁾.

Давыдъ Игоревичъ, судя по извѣстіямъ источниковъ, покорно подчинился рѣшенію братьевъ; испытанныя передраги, видимо, смирили его. Онъ сидѣлъ сначала въ Бужскѣ, „и по семь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужъ“—его первоначальную волость. Въ какомъ отношеніи стояло это къ первоначальному надѣленію Давыда—прибавилъ ли ему владѣній Святополкъ, или обмѣнилъ на прежнія, мы не знаемъ⁴⁾. Дорогобужъ былъ однимъ изъ центральныхъ городовъ Погоринны и съ нимъ часто связывалось владѣнье всею этою областью; изъ прежнихъ городовъ Давыда Черторыйскъ навѣрное находился

¹⁾ Лаврент. л. с. 260 (въ Ипатск.—на стр. 177—это мѣсто пропущено).

²⁾ Въ Лавр. с. 265 (также Никоновск. и Воскресенск.) „заратися“, въ Ипатск. (с. 181)—„затворися Ярославъ Ярополчичъ у Берестыи“; Татищевъ (II, с. 197) прибавляетъ: „князь берестскій“.

³⁾ Лавр. с. 265—266 (Ипатск. с. 181—182), подъ 1102 г.—ошибочно (см. Карамзинъ, II, пр. 209, Погодинъ, Исслѣдованія, лекціи etc. IV, с. 34 и Хронологическій указатель, с. 58).

⁴⁾ У Татищева (II с. 197) Святополкъ прибавляетъ Давыду Дорогобужъ. По Сказанію, этотъ городъ былъ данъ Давыду совѣтомъ князей; подробный разсказъ лѣтописи заслуживаетъ, конечно, болѣе довѣрія, но это обстоятельство любопытно, ибо показываетъ, что заключеніе Сказанія не заимствовано изъ лѣтописи.

внѣ Погорины, а Острогъ входилъ, несомнѣнно въ составъ ея (о Божскѣ и Дубнѣ нельзя сказать этого съ увѣренностью); можетъ быть Святополье округилъ владѣнія Давыда въ Погоринѣ и взамѣнъ взялъ волости, находившіяся внѣ ея. Что касается времени этого событія (въ источникахъ недатированнаго), то, по справедливому замѣчанію г. Андріяшева, оно произошло очень скоро послѣ увѣтческаго съѣзда, такъ что авторъ Сказанія даже не упомянулъ о надѣленіи Давыда Дубномъ, Черторыйскомъ и прочими городами¹⁾. Въ Дорогобужѣ и скончался Давыдъ въ 1112 г.²⁾.

Въ сыновья Давыду даютъ обыкновенно т. н. Всеволодка, князя Городна (мѣстечко въ пинскомъ уѣздѣ, между устьями Горыни и Стыра); происхожденіе этого князя въ лѣтописяхъ нигдѣ не указано, предположеніе, что онъ былъ сыномъ Давыда, довольно вѣроятно³⁾. Въ такомъ случаѣ по смерти Давыда, дорогобужская волость была отобрана у его сына Святополкомъ или кѣмъ нибудь изъ его преемниковъ и замѣнена Городномъ—изъ туровскихъ волостей⁴⁾.

Пріобрѣтеніе Волыни не удовлетворило Святополка; его, очевидно, гораздо больше интересовалъ Новгородъ, исконный аннексъ Кіева, и онъ не медля обратился къ Мономаху съ

¹⁾ Очеркъ ист. волянск. зем. с. 115.

²⁾ Ипатск. л. с. 197, Лавр. с. 275 (подъ 1113 г.).

³⁾ Давыдовичемъ Всеволодко названъ у Татищева (II с. 265) и въ старомъ изданіи Радзивилловскаго (Кенигсбергскаго) списка (Библиотека російская историческая I, 1767, с. 195), но въ подлинникѣ послѣдней Всеволодко Давыдовичемъ не названъ (см Лавр. л. с. 293, въ разночтеніяхъ), это прибавленіе взято, вѣроятно, изъ Татищева, который такимъ образомъ является единственнымъ источникомъ Карамзинъ принялъ это извѣстіе, или домысль, а за нимъ и послѣдующіе ученые (Ист. гос. рос. II., пр. 250, Погодинъ, Изслѣдованія VI, с. 96, родословные таблицы Строева и Соловьева—въ ключѣ къ Ист. гос. Росс., росписи 3 и въ Ист. Россіи, табл. 2).

⁴⁾ Что Городенъ принадлежалъ къ туровской волости, это нужно заключить изъ положенія его—между Пинскомъ и Дубровицею, тоже городомъ турово-пинской волости (сравни Лавр. с. 374 и Ипат. с. 426 и 466), г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ „Очеркѣ исторіи кривичской и дреговичской земель“ впрочемъ причисляетъ Городенъ, какъ и Дубровицу, къ древлянскимъ городамъ (с. 58). Во владѣніи Всеволодка и трехъ его сыновей Городенъ оставался почти все XII ст. (Ипат. с. 210 и 426, Погодинъ, Изслѣдов. VI с. 96, 181—2).

предложеніемъ обмѣнять Волюнь на Новгородъ¹⁾ Объ этихъ переговорахъ лѣтопись рассказываетъ подъ 1102 г. такъ: „приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с. Новгородци, бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой въ немъ, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери, и приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: и се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдятъ новгородци, да поимше сына твоего и идутъ Новугороду, а Мъстиславъ да идетъ Володимерю“²⁾. И рѣша новгородци Святополку: „се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хотимъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и; а сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ“. И Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новугороду“²⁾. Кто былъ инициаторомъ, лѣтопись прямо не говоритъ, но само писаніе показываетъ, что имъ былъ Святополкъ: если бы въ мѣнѣ заинтересованъ былъ Мономахъ, ему незачѣмъ было посылать новгородскихъ пословъ предъ лицо Святополка, и послѣдній не сталъ бы препираться съ ними такъ усердно. Мономаху же эта мѣна, повидимому, была прямо не желательна, иначе, какъ справедливо замѣтилъ Соловьевъ³⁾, онъ могъ вмѣстѣ съ Святополкомъ преодолѣть сопротивленіе новгородцевъ; можетъ быть, владѣніе Волюнью казалось ему непрочнымъ, затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что она была бы для него владѣніемъ черезполоснымъ, охваченнымъ волостями Святополка; но онъ не нашелъ возможнымъ уклониться отъ предложенія Святополка—опять фактъ любопытный для характеристики существовавшихъ между ними отношеній. Отказъ новгородцевъ вывелъ Мономаха изъ затрудненія; а чтобы Святополкъ не

¹⁾ Если среди волостей Давыда были волянскія (можетъ быть Дубень, Бужскъ), и Дорогобужъ былъ данъ въ обмѣнъ за нихъ, то передача послѣдняго Святополкомъ стоила, быть можетъ, въ связи съ намѣреніями промѣнять Волюнь: для этого онъ считъ нужнымъ освободить ее отъ прочихъ владѣтелей.

²⁾ Лавр. с. 265—266 (Ипат. с. 181—2).

³⁾ Ист. Россіи II, с. 64.

заподозрилъ его во лжи или какихъ либо козняхъ, онъ и препроводилъ новгородцевъ къ нему ¹⁾. Святополкъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, и Новгородъ навсегда ускользнулъ изъ подъ власти его и его рода.

Этимъ собственно закончился волынскій вопросъ. Оглядываясь на его перипетіи, мы видимъ, что почву для него подготовили политическія отношенія второй половины XI в., результаты которой были закрѣплены любечскимъ съѣздомъ; толчекъ дала размолвка Святополка съ Мономахомъ. Политика послѣдняго дала совсѣмъ неожиданное направленіе вопросу: вмѣсто борьбы Давыда Игоревича съ Ростиславичами за объединеніе Волыни и Святополка съ Мономахомъ—за Новгородъ, вышла борьба Святополка съ Давыдомъ и Ростиславичами—для объединенія опять таки другой своей, волынскон отчины. Его поддержали Святославичи, вѣроятно, изъ расчетовъ корыстныхъ, Мономахъ—чтобы отвлечь его отъ болѣе непріятныхъ для него (Мономаха) претензій. Но Святополкъ успѣлъ осуществить свое намѣреніе только отчасти: Ростиславичи сохранили свои владѣнія. Его столкновеніе съ ними, впрочемъ, имѣло, какъ кажется, важное значеніе для послѣдующаго: оно въ значительной степени опредѣлило послѣдующую политику галицкихъ князей (хотя, какъ было замѣчено уже, соперничество между Ростиславичами и волынскими князьями существовало и раньше): галицкіе князья зорко слѣдятъ за своими волынскими сосѣдями, всячески стараются препятствовать ихъ усиленію и особенно боятся соединенія въ однѣхъ рукахъ Волыни съ Кіевомъ; они помнили, что ихъ владѣнія тянули нѣкогда ко Владиміру и боялись, что волынскіе князья, усилившись, захотятъ возвратить эти волости (что, дѣйствительно, и случилось при Романѣ). Особенно характерный примѣръ этой политики представляетъ поведеніе Володимірка, который дружилъ сначала съ Всеволодомъ Ольговичемъ, пока на Волыни сидѣли Мономаховичи, а

¹⁾ Я остановился на объясненіи этого факта потому собственно, что И. В. Лашнюковъ, какъ упомянуто выше, полагалъ, что Мономахъ хотѣлъ вымѣнять Волынь у Святополка и съ этой цѣлью еще раньше настаивалъ на передачѣ Волыни этому послѣднему (ор. с. с. 25).

потомъ сразу „раскаторася“ съ нимъ, „же сѣде сынъ его Володимири“¹⁾).

Въ общемъ весь разсмотрѣнный эпизодъ производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе: въ политикѣ, въ княжескихъ отношеніяхъ господствуютъ корыстные расчеты, эгоизмъ, который кажется тѣмъ противнѣе, что въ нашихъ источникахъ по временамъ одѣвается въ личину благочестія, патріотизма; выгода заставляетъ примириться со всякими злодѣяніями и дѣлаетъ приспѣшниками насилій даже такихъ благочестивыхъ людей, какъ Давыдъ Святославичъ и Святоша, такого любимца духовенства, какъ Мономахъ. Только духовенство въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей среди этой оргіи эгоизма не спѣшно и не замѣтно совершало свою миссію—распространенія гуманности и нравственного подъема²⁾).

Изъ дѣятелей этой поры яснѣе другихъ выступаютъ: Мономахъ, Святополкъ, Давыдъ Игоревичъ и Василько; къ установившейся характеристикѣ послѣднихъ я не имѣю прибавить ничего существеннаго. Святополкъ обрисованъ очень полно въ Сказаніи; рѣшившись на преступленіе подъ вліяніемъ Давыда, онъ робѣетъ и теряется въ опасности, но когда оказывается, что обстоятельства за него, тогда онъ дѣйствуетъ смѣло, нагло, увѣренный въ безнаказанности. Благодаря стеченію обстоятельствъ, ему удалось сыграть въ современной политикѣ роль гораздо болѣе значительную, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ и чѣмъ сколько можно было ожидать, судя по его невеликимъ способностямъ. Мнѣніе, что онъ дѣйствовалъ подъ опекою Мономаха, съ его благосклоннаго соизволенія, совершенно несправедливо; напротивъ, Мономахъ, такъ сказать, былъ сбитъ съ позиціи, дѣйствовалъ въ интересахъ Святополка, хотя, видимо, не сочувствовалъ имъ. Что касается до самого Мономаха, то въ разсмотрѣнныхъ событіяхъ онъ является мнѣ не столько братолюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за русскую

¹⁾ Ипат. л. с. 225.

²⁾ На пространствѣ немногихъ, разсматриваемыхъ нами, годовъ, имѣемъ два случая заступничества кіе夫скаго духовенства предъ Святополкомъ: за Василька и Ярослава Ярополчича.

землю, сколько политикомъ, осторожнымъ, благоразумнымъ, лавирующимъ среди современныхъ политическихъ отношеній и уступающимъ тамъ, гдѣ чуялъ серьезныя препятствія, серьезную борьбу. Мнѣ кажется, что и въ событіяхъ послѣдующей политической дѣятельности его отражается тотъ же характеръ, еще болѣе скраденный обстановкою, внѣшностью; въ сущности онъ является продолжателемъ политики своего отца, только болѣе энергичнымъ, талантливымъ, болѣе чуткимъ въ отношеніи благопристойности ¹⁾).

¹⁾ Воззрѣнія на характеръ Мономаха весьма видоизмѣнились у отдѣльных ученыхъ, не то что характеристика Святополка, которая установилась еще съ Татищева. Къ Мономаху наши источники относятся очень благопріятно, въ своихъ произведеніяхъ онъ выступаетъ тоже въ очень выгодномъ свѣтѣ, и на первыхъ порахъ въ такомъ же ореолѣ онъ явился и въ истогіи: Татищевъ (II, с. 229) повторяетъ о немъ отзывъ лѣтописей, у Карамзина Мономахъ былъ однимъ изъ любимыхъ героевъ (характеристику см. въ т. II, с. 98). Въ противоположность послѣднему, Н. Полевой въ своей „Исторіи русскаго народа“, признавая за Мономахомъ превосходство надъ современниками относительно ума, энергіи и пониманія нуждъ современной Руси, о характерѣ и дѣятельности его сдѣлалъ весьма строгій отзывъ, считая его человѣкомъ хитрымъ, вѣроломнымъ, своекорыстнымъ (см. особенно с. 305, 377 второго тома). Этотъ взглядъ, однако, не получивъ права гражданства въ наукѣ и восторженное отношеніе къ Мономаху встрѣчается и позже (напр. у Хлѣбникова „Общество и государство“ (373—374). М. П. Погодинъ посвятилъ вопросу специальное „Исслѣдованіе о жизни и дѣлахъ Владиміра Мономаха“ (въ Хронолог. указателѣ с. 95—124); ругнувъ „какографію“ Н. Полевого и его „бездарныхъ подражателей, уродующихъ русскую исторію“, покойный академикъ удовольствовался тѣмъ, что привелъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстія о Мономахѣ, безъ критической оцѣнки, и, подведя нмъ итогъ (с. 121—124), заявилъ, что „самая строгая историческая критика должна преклониться предъ личностью Мономаха“ (с. 124) Н. И. Костомаровъ относился къ традиціонной характеристикѣ Мономаха съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, но признавалъ за нимъ ту заслугу, что въ непросвѣщенной, эгоистичной средѣ тѣхъ временъ „одинъ Мономахъ держалъ звания общей для всѣхъ правды и собиралъ подъ него силы русской земли (Русск. ист. въ жизнеоп. I, стр. 68). Соловьевъ, отрицая въ Мономахѣ передового человѣка, считая его „лицомъ съ характеромъ чисто охранительнымъ“, признавалъ за нимъ тѣ высокія нравственныя достоинства, которыя придаютъ ему источники (Ист. Рос. II, с. 38—40, еще благопріятнѣе характеристика въ Ист. отнош. княз. Рюрик. дома с. 104—6); приблизительно на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ г. Иловайскій (Ист. Россіи, I, с. 142—3, 147—8) и Протопоповъ въ изслѣдованіи „Поученіе Мономаха“ (Ж. М. Н. II. 1874, II, с. 238—243). Наоборотъ, по мнѣнію И. В. Лашинкова дѣятельность Мономаха не была чисто консервативною (ор. с. с. 37), съ другой стороны— въ этой дѣятельности онъ усматривалъ эгоизмъ и даже жестокость, хотя въ то же

Этимъ я закончу свои соображенія, навѣянные изученіемъ источниковъ нашей исторіи. Тревожа покой давно почившихъ дѣятелей, я имѣлъ цѣлью дать болѣе справедливое и непристрастное объясненіе и оцѣнку ихъ дѣятельности; насколько удалось мнѣ приблизиться къ осуществленію этой цѣли, представляю судить людямъ болѣе меня компетентнымъ, повторяя слова стараго писателя: „чтите исправляя Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ“.

М Грушевскій.

время находилъ въ Мономахѣ „гармонію нравственной чистоты и высокаго героизма съ свѣтлымъ умомъ, житейскимъ тактомъ, широтою натуры“ (с. 25, 38, 39). Скептическое отношеніе къ Мономаху и у нѣкоторыхъ новѣйшихъ кіевскихъ историковъ— у П. В. Голубовскаго (Исторія сѣверск. зем. с. 81, 89, 101), Д. И. Багалѣя (Ист. сѣв. з. с. 173), Андрияшева (Ист. волын. з. с. 115).

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).¹⁾

VI.

Путешествіе.—Царство Польское.—Польская уланская дивизія.

Когда польская молодежь бердичевской округи и умомъ, и сердцемъ стремилась сдѣлаться людьми сабли и пера, начали поговаривать о намѣреніяхъ императора Николая объявить войну Турціи за освобожденіе христіанъ и славянъ. Несмотря на національный духъ, пылкій и легко возбуждаемый, который господствовалъ въ этой округѣ и который воспоминаніями о конфедераціяхъ, св. Маркѣ и болѣе всего католицизмомъ раздѣлялъ поляковъ отъ русскихъ и мѣшалъ возрастанію того соглашения, сѣмена котораго были брошены въ сердца польской молодежи продолжительнымъ общеніемъ и братаньемъ съ русскими офицерами и воспоминаніями объ обществѣ зеленой книги, несмотря на историческое напоминаніе о союзѣ наступательномъ и оборонительномъ между Польшей и Турціей, которое оглашалось и защищалось семействомъ Ржевускихъ по той причинѣ, что ихъ предокъ подписалъ, какъ уполномоченный короля и Рѣчи Посполитой, этотъ трактатъ вѣчнаго мира, и Потоцкимъ, владѣльцемъ Бѣлиловки, бывшимъ посломъ короля Станислава и Рѣчи Посполитой въ Стамбулѣ, общій голосъ, даже голосъ старшаго поколѣнія поляковъ, признавалъ эту войну справед-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1891 г., № 4.

ливой, логичной и необходимой, потому что она была за христіанъ и славянъ, которые, будучи оставлены на произволь судьбы, могли бы утратить и вѣру, и народность.

Камергеръ и подканцлеръ Каменскіе объѣзжали сосѣдей, говоря: „Война нужна и должна быть, чтобы не прошла давность, такъ какъ иначе дверь захлопнется. Потому что въ политикѣ, господа, какъ и въ судѣ, есть давность, не требовать чего нибудь въ теченіе срока, установленнаго закономъ, значитъ утратить даже право домогательства. У государя такіе юристы, какихъ нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Нессельроде и кн. Адамъ Чарторыйскій принадлежатъ къ одной школѣ. Нельзя засыпать, чтобы, проснувшись, не увидѣть христіанъ обращенными въ мусульманство, а славянъ потурченными. Грѣхъ былъ бы и предъ Богомъ, и предъ людьми за гибель столькихъ душъ. Должна быть война не на животь, а на смерть“.

Подкоморій прибавлялъ, что пошлетъ на войну трехъ своихъ сыновей, а четвертый, ксендзъ, будетъ молиться за нихъ Богу. Камергеръ потиралъ руки и говорилъ: „и я послалъ бы свою Януарію, да вотъ если она попадетъ въ какой нибудь гаремъ! Еще еслибы она попала въ Роксоланы, это бы ничего, но въ одалиски я не согласенъ, пусть лучше охотится на тетеревовъ, учить молодежь стрѣлять изъ шалашей, и это на что нибудь пригодится“.

Маршалокъ Пильховскій, встрѣтившись на какомъ то сѣздѣ съ сенаторомъ Ржевускимъ изъ Погребищъ и съ Потоцкимъ изъ Бѣлиловки, началъ разсуждать о трактатахъ и сыпалъ, какъ градомъ, аргументами въ пользу нарушенія послѣдняго союза Польши съ Турціей. Потоцкій сказалъ ему, что онъ не можетъ объ этомъ судить, какъ человѣкъ несвѣдущій въ общественныхъ дѣлахъ, что судить объ этомъ имѣютъ право только такіе люди, какъ онъ, Потоцкій, люди, обладающіе научными свѣдѣніями и политическимъ смысломъ, избранные въ представители Польши королемъ и Рѣчью Посполитою.

Пильховскій возразилъ: „Рѣчь Посполитая знала, какую голову послать къ такимъ головамъ, а его величество король—какихъ пословъ послать“.

Оскорбленіе привело бы къ вызову на поединокъ, еслибы сенаторъ Ржевускій не пришелъ на помощь Потоцкому, въ своей искусной рѣчи немилосердно побивая Пильховскаго историческими аргументами. Пильховскій уже было сложилъ оружіе, когда сенаторъ съ высокоуміемъ закончилъ: „союзъ долженъ былъ быть спасительнымъ, если мой предокъ подписалъ его, потому что это былъ Ржевускій, а не кто иной!“

Пильховскій вскочилъ.

„Панъ сенаторъ, мы знаемъ, что Ржевускіе—люди умные, не то что другіе, и вотъ вслѣдствіе то этого ума они и готовы служить за деньги тому,—кто больше дастъ“.

Поднялся большой шумъ, но маршалокъ Пильховскій всѣхъ перекричалъ, и когда хотѣли покончить дѣло возліаніями, Пильховскій сталъ на колѣна съ чаркой въ рукѣ, и когда всѣ также стали на колѣна подлѣ него, провозгласилъ тостъ:

„На здоровье намъ, мелкой шляхтѣ, и на горе и стыдъ вамъ, великимъ панамъ!“

И Ржевускій, и Потоцкій выпили этотъ тостъ и, убрались изъ шляхетской компаніи, а шляхта кричала браво и носила на рукахъ запыхавшагося маршалка, а потомъ пили тосты: за Бѣлаго царя, за христіанъ, за погибель невѣрныхъ.

Этотъ случай показываетъ настроеніе умовъ среди помѣщиковъ.

Въ это время появился въ Бердичевѣ молодой капитанъ Милорадовичъ, адъютантъ фельдмаршала Савена, родомъ сербъ, очень горячій славянскій патріотъ; онъ сошелся съ польской молодежью, говорилъ вездѣ о страданіяхъ славянъ, и поляки, зажиточная шляхта, начали вступать въ русскіе гусарскіе и уланскіе полки. Между этими поляками были: два брата Грузинскихъ, трое Каменскихъ, двое Трипольскихъ, Карль Бучинскій, Берчковскій, Антоній Бардецкий, Красовскій—всѣ изъ одной округи; и дивизіи третья гусарская и шестая уланская наполнились волонтерами изъ сыновей зажиточнѣйшихъ помѣщиковъ юго-западнаго края.

Одинъ изъ этой молодежи, Микульскій, сынъ скарбника нурскаго, былъ прикомандированъ къ комиссаріату въ Бесса-

рабіи, въ Измаилѣ, съ порученіемъ вступить въ соглашеніе съ запорожцами, жившими на правомъ берегу Дуная подъ властью и покровительствомъ турецкаго правительства. Микульскій былъ очень хорошо знакомъ съ исторіей козаковъ; упоминаю объ этомъ потому, что отъ него перваго получили мы обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ вооруженныхъ выходцахъ изъ запорожскаго войска. Онъ такъ добросовѣстно и точно занимался выполненіемъ возложеннаго порученія, что спустя много лѣтъ я нашель на мѣстѣ все въ такомъ же видѣ, въ какомъ тогда описывалъ Микульскій, который былъ съ нами въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Я былъ тогда еще слишкомъ молодъ, чтобы вступить въ армію, чего мнѣ очень хотѣлось. Моя мать, которая вовсе не хотѣла видѣть меня военнымъ, рѣшила послать меня въ Варшаву, въ университетъ, чтобы тамъ изученіемъ права и администраціи я закончилъ свое образованіе.

Карль Ружицкій, бывшій ремонтеромъ 2-го полка польскихъ уланъ, ради возможности сидѣть дома и дослуживать до пенсіи, какъ разъ въ это время высылалъ 19 сѣрыхъ лошадей, почти все изъ нашего табуна, въ полкъ съ подпоручикомъ Августиномъ Сѣрковскимъ, но теперь онъ рѣшилъ ѣхать самъ, чтобы отвезти меня въ Варшаву и расчитаться и переговорить съ Дверницкимъ, въ то время полковникомъ и командиромъ 2-го уланскаго полка, расположеннаго тогда въ Красноставѣ.

Иосифъ Дверницкій, родомъ изъ юго-западной Руси, былъ несомнѣнно однимъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ въ польскомъ войскѣ, какъ на маневрахъ, такъ и на полѣ битвы. Уставъ, написанный имъ по польски и по русски, былъ утвержденъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и сдѣланъ обязательнымъ элементарнымъ уставомъ въ обоихъ войскахъ единаго монарха. Но этотъ же Дверницкій, снискавши любезностями, за которыми у него никогда не было остановки, и подарками, которые онъ умѣлъ подносить во время, расположеніе генерала Коруты и генерала Ружицкаго, проматывалъ деньги, свои и казенныя, а полковое хозяйство у него было въ плачевномъ положеніи: жалованье не всегда платилось, ремонт-

ныя лошади не покупались, какъ слѣдовало по закону, по которому восьмая часть лошадей ежегодно продавалась и на ихъ мѣсто покупались новыя.

За привилегію сидѣть дома Ружицкій долженъ былъ доставлять лошадей въ кредитъ, т. е. платить за нихъ до расчета съ полковникомъ. Офицеры и юнкера, которые хотѣли безъ отпуска пользоваться отпускомъ и считаться прикомандированными къ ремонту, были обложены такой же контрибуціей. Такимъ образомъ собиралось иногда до 30 лошадей, хорошихъ, породистыхъ, но все таки и этого количества было мало. Наибольшая часть контрибуціи бралась изъ нашего табуна, а съ Ружицкимъ рассчитывались деньгами, которыхъ онъ, вѣжеться, никогда не видѣлъ. Но все таки наши лошади приобрѣли себѣ славу, и это было удовлетвореніемъ для моей матери.

Я разставался съ матерью и съ родственниками съ горькимъ чувствомъ, какъ будто отправлялся на тотъ свѣтъ. Эта Варшава, не знаю почему, казалась мнѣ такой чужой, такой не козацкой, не славянской, не нашей, что я предпочелъ бы поѣхать въ древній Кіевъ или даже въ заднѣпровскій Харьковъ; но дѣлать было нечего: такъ хотѣла моя мать и такъ должно было быть. Все въ Гальчинцѣ казалось мнѣ такимъ прекраснымъ, такимъ очаровательнымъ, что я не могъ досыта насмотрѣться на каждый предметъ, а Долоть такъ терся возлѣ меня, такъ ласкался, словно хотѣлъ сказать: „не ѣзди, останься съ нами“. Игнаць, старый слуга моего отца, который нянчилъ меня ребенкомъ, возилъ въ школу и почти ни на шагъ не отходилъ отъ меня, плакалъ, но все твердилъ: „Надо ѣхать, пани велить—она знаетъ, что дѣлаетъ“. Старый Янець ворчалъ, что меня увозятъ какъ разъ въ то время, когда я сталъ дѣлаться добрымъ охотникомъ, а Топчевскій поклялся мнѣ самымъ торжественнымъ образомъ, что не позволитъ охотиться за зайцами и лисицами на гальчинецкихъ земляхъ, а будутъ охотиться далеко въ чужихъ владѣніяхъ, и что я могу быть увѣренъ, что моя охота будетъ въ такомъ же состояніи, какъ я ее оставляю. Оранскій обѣщаль также заботиться о

моихъ книгахъ и древностяхъ. Я попрощался съ матерью; она меня благословляла и цѣловала, но не проронила ни одной слезы. Сестры плакали; вся громада прощалась, и мнѣ казалось, что я ѣду за море или по крайней мѣрѣ за горы и рѣки.

Янъ Омецинскій ѣхалъ съ нами до Кременца. Ёхали мы по польски, по шляхетски. Наши верховныя лошади и нѣсколько борзыхъ для подарковъ пошли съ подручникомъ Сѣрковскимъ и съ ремонтомъ прямо на Устилугъ, мы ѣхали въ двухъ экипажахъ съ чемоданами и сундуками; бричка съ вухней, поваромъ и лягавой собакой слѣдовала за нами. Такимъ образомъ мы тронулись въ путь.

Мы проѣхали черезъ Бердичевъ; весь городъ и евреи представлялись моимъ глазамъ въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ, что мнѣ не хотѣлось ихъ покидать, и въ тотъ моментъ я былъ убѣжденъ, что не встрѣчу подобнаго города, гдѣ можно достать все кромѣ птичьяго молока, какъ издавна говорили о Бердичевѣ, а нѣкоторые шляхтичи добавляли, что кто знаетъ, можетъ быть жида нашли бы и птичье молоко, еслибы это принесло имъ хорошій барышъ.

Я не думаю описывать дорогу по лѣсамъ и пескамъ, да и что бы я сказалъ о ней кромѣ того, что за лѣсомъ шель песокъ, а за пескомъ опять лѣсъ. Не буду также перечислять городовъ, сель, рѣкъ, ручьевъ, пригорковъ, болотъ, потому что это можно найти на стратегической картѣ. Расскажу только о томъ, что мнѣ пришлось видѣть болѣе любопытнаго, но расскажу сообразно своимъ взглядамъ на вещи.

Къ обѣду мы приѣхали въ Жидовцы. Обѣдъ былъ гигиеничный, но удовлетворилъ бы гастронома, были даже жареные дрозды, а вино было такое, какое пили наши отцы еще до саксонцевъ. Достопримѣчательностью здѣсь былъ старый Шлемеръ, родомъ чехъ, допотопный бердичевскій врачъ. Жилъ онъ за полмили отъ города; практиковать началъ еще при саксонцахъ. Каждый день, съ восходомъ солнца, садился онъ въ маленькую коляску, запряженную парой чубарыхъ лошадей; вучеръ его одѣтъ въ миндальнаго цвѣта кафтанъ съ блестящими пуговицами, въ круглой лакированной шляпѣ съ павлиньимъ

перомъ; камердинеръ былъ въ желтыхъ брюкахъ до колѣнъ, въ коричневомъ фракѣ, въ ярко-зеленомъ жилетѣ, въ напудренномъ парикѣ, въ складной шляпѣ, красныхъ чулкахъ, башмакахъ съ пряжками, словно римскій монсиньоръ. Самъ баринъ и лѣтомъ, и зимой ходилъ въ свѣтло-зеленомъ фракѣ съ перламутровыми пуговицами, венгерскихъ брюкахъ перловаго цвѣта и венгерскихъ сапогахъ съ отворотами, на головѣ фуражка съ поднятымъ вверхъ козырькомъ, въ дамскихъ перчаткахъ, съ нимъ всегда была палка съ золотой собачьей головкой и довольно большая шкатулка, оправленная въ червонное золото. Коляска, лимонно-желтаго цвѣта, была обита внутри краснымъ сафьяномъ съ желтой тесьмой; за коляской бѣжали двѣ собаки, изъ породы такъ называемыхъ „лампартовъ“, такой же масти какъ и лошади. Такимъ образомъ объѣзжалъ онъ всѣ улицы города, не останавливаясь, а подвигаясь медленно, шагъ за шагомъ. Евреи подходили, объясняли свои болѣзни и бросали полтинники въ шкатулку, а докторъ давалъ имъ маленькіе флакончики съ фіалковымъ масломъ. Это было универсальное лѣкарство, такъ же хорошо помогавшее при мигрени, какъ и при вывихѣ ноги, при лихорадкѣ, какъ и при ранѣ. Пациенты употребляли его и должно быть вылечивались, потому что приходили снова и платили деньги. Если самъ Шлемеръ отправлялся съ визитомъ къ какому нибудь богатому пациенту или на сѣздъ помѣщиковъ, такъ какъ онъ принималъ участіе въ выборахъ, то объѣзжалъ Бердичевъ его камердинеръ и результатъ получался тотъ же. Такъ шло дѣло втеченіе 78 лѣтъ до 1831 г. У Шлемера была прекрасная деревня и огромные капиталы въ звонкой монетѣ, находившіеся на храненіи у босыхъ кармелитовъ. У него была сестра, чешка, двумя годами моложе него, оставшаяся въ дѣвцахъ, потому что не хотѣла выходить за нѣмца, а славянина не находилось, и вторая жена, пани Софья, 18-лѣтняя барыня, довольно красивая; мужъ онъ былъ примѣрный на рѣдкость. У него былъ табунъ лошадей прекрасной породы и ежегодно, въ день св. Михаила, онъ дарилъ мнѣ одну изъ нихъ въ знакъ пріязни и въ память того, что, пріѣхавши изъ Чехіи, онъ началъ свою карьеру въ качествѣ врача при архидіаконѣ Оаддеѣ

Чайковскомъ, а послѣ его смерти перешелъ въ кіевскому униатскому митрополиту Росцишевскому и, двигаясь дальше и дальше, сдѣлался наконецъ богачемъ. Когда то Шлемеръ былъ красивымъ мужчиной и пользовался большимъ успѣхомъ у прекраснаго пола; первая его жена, урожденная Звольская, которую онъ развелъ съ ея первымъ мужемъ, была одной изъ красивѣйшихъ женщинъ на Украинѣ. У Шлемера была псарня, и всѣ собаки назывались *Попе*, или *Линда*; какъ только издыхалъ одинъ изъ сопровождавшихъ его псовъ, то тотчасъ замѣнялся новымъ. Кучера и камердинеры смѣнялись, но ихъ костюмъ оставался неизмѣннымъ. Скорѣе могъ измѣниться самъ Шлемеръ, чѣмъ его свѣтло-зеленый фракъ или желтая коляска.

Изъ Жидовцевъ мы поѣхали въ Адамполь къ моей двоюродной сестрѣ Θεодосіи Третьяковой, которую я очень любилъ, потому что она была мужчиной по уму и женщиной по сердцу. Добрая мать для своихъ дѣтей, распорядительная хозяйка—она вела все хозяйство,—пани Третьякова была всей душой предана славѣ дома Ястржембцевъ, я былъ Веніаминомъ ея сердца, она надѣялась, что обо мнѣ будутъ упоминать въ исторіи. Въ это время она была сильно разгнѣвана на то, что какой то Чайковскій герба Дубъ изъ Галичины въ послѣднемъ изданіи какого то гербовника помѣстилъ рыцарскій родъ Ястржембцевъ между родами герба Дубъ, родами мирныхъ землевладѣльцевъ. Это ее очень огорчило и она готовилась къ процессу предъ высшимъ судомъ за такое поношеніе. Мужъ моей двоюродной сестры, Михаилъ Третьякъ, очень честный и благовоспитанный помѣщикъ, постоянно трудился надъ разрѣшеніемъ философскихъ вопросовъ; что это были за вопросы, неизвѣстно, потому что изъ его трудовъ ни одинъ не вышелъ въ свѣтъ.

У Игнатія Стемпковскаго, внука извѣстнаго региментаря, въ Жолудкахъ, мы нашли очень любопытную коллекцію шапокъ; въ длинной галлерей было ихъ, занумерованныхъ и съ надписаніемъ даты, страны и моды, 1812, начиная съ тѣхъ, которыя носили строители вавилонской башни, когда всѣ гово-

рили еще на одномъ языкѣ, до шапочки въ формѣ дыни, только что привезенной изъ Варшавы, куда она прибыла прямо изъ Лондона изъ жокей-клуба.

У Эдуарда Петриковскаго также была коллекція, но уже не шапокъ, а батоговъ, канчуковъ, ногаекъ, арапниковъ, плетокъ, хлыстовъ и т. п., ихъ было до тысячи, также съ надписями, съ датами и объясненіями относительно каждаго рода; мы насчитали 64, относящихся къ ордену іезуитовъ,—должно быть превелебные отцы хорошо вколачивали разумъ въ головы своихъ питомцевъ.

Посѣтили мы и Волицу надъ Случью, потому что тамъ была достопримѣчательность, о которой я упоминалъ въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ, и о которой расскажу еще разъ, какъ объ очень любопытномъ феноменѣ. Это былъ Алоизій Выжиковскій. Потомокъ богатой и знатной фамиліи на Украинѣ, унаслѣдовавшій отъ отца состояніе въ нѣсколько милліоновъ, онъ на двадцатомъ году былъ капитаномъ гвардейскихъ драгунъ, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна, чуть не попалъ въ флигель-адъютанты, на 24-мъ году онъ сталъ мужемъ самой красивой женщины, какую только можно вообразить, Людвиги Грузинской. Вслѣдствіе своего обжорства и сластолюбія, онъ прожилъ состояніе, испортилъ карьеру, свелъ въ гробъ жену отъ огорченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ честнымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ, уважаемымъ помѣщикомъ, котораго нельзя было ни въ чемъ упрекнуть. Обжорство было его страстью, болѣзнию и природнымъ свойствомъ; ни собственный его разумъ, ни совѣты пріятелей, ни просьбы родныхъ, ни запрещенія врачей, ни даже страхъ смерти не могли сдержать его. У него было три повара: одинъ для приготовленія мясныхъ блюдъ, другой—рыбныхъ, третій—печеній и овощей и кондитеръ, и, дѣйствительно, всѣ были мастерами своего дѣла. Ёль панъ Алоизій весь день почти безпрестанно.

Мы застали п. Алоизія уже превратившимся изъ владѣльца Рогинецъ, стоившихъ четыре милліона, въ помѣщика

Волицы, цѣнность которой не превышала 300,000 злотыхъ польскихъ. Жена его была уже больна; тетка Шидловская всячески бранила Алоизія, а онъ ѣлъ, пилъ и думалъ только о забавахъ. По случаю нашего прїѣзда онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей и устроилъ балъ съ танцами.

Наконецъ, мы прїѣхали въ Устилугъ, гдѣ ждалъ насъ поручикъ Сѣрковскій съ 19-ю ремонтными лошадьми. Въ ту же ночь съ другого берега рѣки были переправлены, но не по мосту, а вплавь 81 бѣлая лошадь. Не теряя времени, уланы приготовили краску изъ синьки съ углемъ и принялись раскрашивать приведенныхъ лошадей. На другой день, около полудня, когда лошади обсохли и казались темно-сѣрыми, мы переѣхали черезъ мостъ и остановились у таможни, гдѣ насъ ждали директоръ таможни, отставной маіоръ польскихъ войскъ Вежлупцкій, и маіоръ Быдловскій, адъютантъ генерала Ружницкаго. Они осмотрѣли коней по одиночкѣ, хвалили ихъ породистость и особенно темно-сѣрую масть, которая доказывала ихъ молодость и крѣпость, и затѣмъ каждый отъ себя послалъ рапортъ своему начальству о томъ, что изъ Украины приведено для ремонта 2-го уланскаго полка сто темно-сѣрыхъ молодыхъ лошадей прекрасной породы.

Такъ обдѣлывалъ дѣла Дверницкій: старыхъ полковыхъ клячъ, едва волочившихъ ноги, онъ перекрашивалъ въ горячихъ жеребцовъ и ему вѣрили.

Скоро мы прїѣхали въ Красноставъ, гдѣ былъ расположенъ 2-й уланскій полкъ и гдѣ жили полковникъ Дверницкій и бригадный командиръ герцогъ Адамъ Виртембергскій, мать котораго была урожденная княжна Чарторыйская.

Теперь я былъ уже въ царствѣ польскомъ, въ Красноставѣ, принадлежавшемъ магнату - демократу. Шляхтѣ онъ нашептывалъ: „шляхтичъ на заградѣ равень воеводѣ“, такъ какъ зналъ, что ниодинъ изъ участниковъ съѣзда не можетъ претендовать на канцлерство или на гетманство, а бла-

годаря вызванному этимъ „*nie pozwalam!*“, этому несчастному *liberum veto*, не дадутъ достигнуть этого званія и другимъ. Во всякомъ случаѣ это былъ великій государственный человекъ и великій военачальникъ.

На площади была квартира Дверницкаго. Дворъ былъ наполненъ осѣдланными конями, экипажами, уланами, евреями и собаками разныхъ породъ. Вездѣ было движеніе и жизнь. Въ передней солдаты и унтеръ-офицеры угощались зельтерской водой съ шампанскимъ. Въ комнатахъ было полно офицеровъ и штатскихъ. Одни играли въ карты, другіе въ билліардъ; нѣкоторые пили шампанское или венгерское; иные ѣли, курили трубки, громко разговаривали. Красивая пани Деболина играла на фортепіано какую то арію, а полковникъ, съ огромнымъ брюхомъ, завитой, расфранченный пѣлъ подъ ея аккомпаниментъ. Музыка гремѣла въ залѣ, а уланы кутили. Подполковникъ Гавронскій, также украинець, худощавый, тонконогій точно каланча, съ желтымъ какъ пергаментъ лицомъ, прохаживался среди веселой толпы и ворчалъ:

— Офицеръ не получалъ жалованья, не даютъ жалованья и солдатамъ, половины лошадей въ полку нѣтъ, долговъ полно, что это будетъ?

Метельскій, которому подъ Смоленскомъ въ то время, когда онъ велъ свой отрядъ въ атаку, пуля попала въ губу и вышла черезъ щеку, что онъ замѣтилъ только на взятой батарее, теперь полковой квартирмейстеръ, услышавъ ворчанье Гавронскаго, подошелъ:

— Эхъ, подполковникъ, будемъ пользоваться жизнью, пока позволяютъ годы. Сегодня мы господа, а завтра Богъ знаетъ, что съ нами будетъ. Такъ то.

Въ полкъ пріѣхали двое юношей опредѣляться въ юнкера: Людвигъ Піотровскій и Феликсъ Якубовскій. Дверницкій сталъ ихъ спрашивать о родственникахъ и объ имуществѣ, потому что они оба были изъ Украины.

Первому, который сказалъ, что дѣла его отца разстроены, онъ посовѣтовалъ ѣхать къ полковнику Томинскому для поступленія въ 1-й полкъ, тамъ-де мундиръ гранатовый съ малиновымъ воротникомъ, или къ полковнику Рутюю, въ 4-й полкъ,—тамъ вороные козацкіе кони. Второму же, который сообщилъ, что у его отца много имѣній и что онъ пріѣхалъ на четверкъѣ сѣрыхъ лошадей и привелъ еще трѣхъ верховыхъ, тоже сѣрыхъ, сказалъ: „Къ тебѣ будетъ идти бѣлый воротникъ, оставайся съ нами, черезъ мѣсяць мы произведемъ тебя въ подпрапорщики“ и затѣмъ обратился къ Олтаржевскому: „Капитанъ! Осмотрите этихъ лошадей, и если окажутся хорошими, возьмите въ эскадронъ. Потомъ разсчитаемся“.

Гуляли, шумѣли; ни офицеры, ни солдаты и не вспоминали о жалованьи, и все какимъ то образомъ держалось.

Таковъ то былъ полковникъ Дверницкій, безъ сомнѣнія самый способный и самый образованный изъ кавалерійскихъ офицеровъ польскаго войска, хотя и не начавшій свою службу съ рядового, потому что поступилъ въ 1809 г. въ уланскій полкъ Тржецѣвскаго прямо эскадроннымъ командиромъ. Никто лучше него не зналъ службы обозной, полевой, никто не превосходилъ его на ученіяхъ и маневрахъ, никто не могъ быстрѣе и удачнѣе его приложить теорію къ практикѣ. Въ кампанію 1812 г. онъ, послѣ генерала Квасневскаго, выказалъ наиболѣе достоинствъ кавалерійскаго офицера, а въ 1813 г., командовалъ сборнымъ полкомъ кракусовъ. По возвращеніи въ Польшу, онъ получилъ порученіе организовать и принять въ командованіе 2 й уланскій полкъ. Очень тучный, онъ вскакивалъ на коня безъ стремень, легко танцевалъ мазурку, любилъ веселиться и принимать гостей. Почти всѣ офицеры въ его полку были родомъ изъ Украины, Подолии и Волыни, многіе изъ нихъ были сыновья богатыхъ родителей и хорошо воспитаны; чтобы угодить полковнику, они держали танцевальныхъ учителей, а кто не умѣлъ танцевать—учился; у всѣхъ были охотничьи ружья, борзья, гончія и лягавья,—охота была модной забавой въ этомъ полку; полковой

оркестръ былъ превосходно составленъ изъ хорошихъ музыкантовъ. Веселились постоянно. Что же касается жалованья, то его не платили даже солдатамъ и никто не жаловался на полковника. Помѣщики доставляли провіантъ для людей, фуражъ для лошадей и едва ли когда нибудь получали за это деньги, но за то веселились и охотились у полковника. Меня увѣряли, что во 2-мъ уланскомъ полку никогда не было болѣе 500 лошадей, а полагалось 800, но и въ Варшавѣ, и въ провинціи на маневры, парады и смотры полкъ выступалъ съ полнымъ комплектомъ лошадей. Дѣло въ томъ, что у всѣхъ офицеровъ упряжныя, верховныя и охотничьи лошади были сѣрыя; кромѣ того помѣщики, кушцы, даже извозчики доставляли, въ случаѣ надобности, своихъ лошадей, — такъ всѣ любили полковника. Дверницкій такимъ образомъ объяснялъ эту любовь. Съ полякомъ, говорилъ онъ, нельзя иначе поладить, какъ только прикинувшись глупѣе него, чтобы всякъ думалъ: я этого простака буду водить за носъ, какъ мнѣ вздумается. И тогда ему не придется и въ голову никакая оппозиція и имъ можно играть какъ пѣшкой. И онъ былъ вполне правъ; будучи человѣкомъ умнымъ и хорошо воспитаннымъ, даже ученымъ, онъ часто прикидывался простакомъ, и въ теченіе всей жизни распоряжался поляками и былъ любимъ ими. Каждый думалъ про него: „пороху онъ не выдумаетъ, но человѣкъ хорошій, и лучше пусть онъ пляшетъ подъ нашу дудку, чѣмъ имѣть такого, который заставилъ бы насъ плясать подъ свою дудку“.

Дверницкій не былъ демократомъ, скорѣе онъ былъ консерваторомъ, даже монархистомъ и добрымъ шляхтичемъ, но имѣя зубъ противъ кн. Адама Чарторыйскаго, состоялъ въ оппозиціи противъ аристократіи. Эти отношенія возникли по слѣдующему поводу.

Дверницкій, притѣсняемый генераломъ Ружницкимъ за беспорядки по командованію полкомъ, находился въ очень печальномъ положеніи. Ему нужно было 100,000 злотыхъ, чтобы замять дѣло. Онъ отправился прямо въ Пулавы къ кн. Адаму Чарторыйскому и тотъ велѣлъ выдать ему требуемую сумму, на которую полковникъ выдалъ росписку съ обозначеніемъ срока.

Срокъ прошелъ, а полковникъ изворачивался, какъ лисица, чтобы не встрѣтиться съ княземъ Адамомъ. Послѣдній же, напротивъ, старался увидѣться съ нимъ,—не ради полученія денегъ, а потому, что слышалъ о его выдающихся качествахъ и хотѣлъ завязать съ нимъ болѣе близкія отношенія. Однажды онъ встрѣтилъ Дверницкаго въ Варшавѣ, пригласилъ въ свой экипажъ и привезъ во дворецъ Чарторыйскихъ, гдѣ, наговоривши много комплиментовъ, сказалъ:

— Чтобы не было ничего, что заставляло бы полковника уклоняться отъ встрѣчъ со мною, уничтожимъ этотъ пустякъ.

И бросилъ росписку въ огонь. Дверницкій ничего не отвѣтилъ, распрощался очень вѣжливо, но потомъ обидѣлся за такой поступокъ со шляхетской подписью, хотя и признавался, что никогда не заплатилъ бы этого долга.

Я видѣлъ всѣ четыре уланскіе полка собранными подъ Ливартовымъ. Ничего красивѣе, великолѣпнѣе, образцовѣе нельзя было встрѣтить. Старые уланы совершенно пасовали предъ отважной и разгульной молодежью, большею частью изъ юго-западной Россіи, которая стремилась облечься въ уланскія куртки и шапки, чтобы подъ руководствомъ старыхъ и опытныхъ учителей утвердиться въ воинской отвагѣ и патриотизмѣ. Какъ великолѣпно выглядѣлъ 1-й эскадронъ 4-го уланскаго полка, состоявшій изъ сѣдоусыхъ старцевъ съ крестами на груди подъ командой семидесятилѣтняго капитана Филибана, гдѣ младшимъ подпоручикомъ былъ 55-лѣтній Крыжановскій. Какъ красиво выглядѣли они рядомъ съ молодыми уланами, у которыхъ едва пробивались черные усики на верхней губѣ, щеки которыхъ были покрыты румянцемъ, какъ у дѣвушекъ, такими ловкими, что казалось, будто они скачутъ вмѣстѣ съ конемъ. Красиво выглядѣли и Метельскій съ прострѣленнымъ лицомъ, и Кобылинскій съ выбитымъ пулею глазомъ, и Гавронскій, исколотый пиками, рядомъ съ мужественнымъ Ковальскимъ, Олтаржевскимъ и другими. Такой гармоніи нигдѣ и никогда

не видывали у поляковъ, потому что тогда во главѣ ихъ стоялъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, котораго боялись, но котораго любили. Молодые почитали старшихъ; старые не чувствовали нерасположенія и зависти къ молодымъ. Былъ порядокъ, была дисциплина. Была гроза и былъ страхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новороссію при Екатеринѣ II¹⁾.

Екатерина II, указами отъ 19 апрѣля 1788 г. на имя военной коллегіи, а также генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, предписала „обратить оставшихся сверхъ штата и надобности церковниковъ на службу военную“, при этомъ предоставила малороссійскому генераль-губернатору гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому употребить по своему усмотрѣнію находившихся въ трехъ малороссійскихъ губерніяхъ сверхштатныхъ церковниковъ. За отсутствіемъ Румянцева, Екатерина не могла получить свѣдѣній, какимъ образомъ исполнено ея приказаніе, а между тѣмъ ей стало извѣстно,—какъ говорится въ указахъ отъ 1 іюня 1789 г., посланныхъ губернаторамъ — кіевскому Ширкову, черниговскому—Милорадовичу и новгородсѣверскому Бибикову,—„что флоту черноморскому настойтъ надобность въ людяхъ къ званіямъ учениковъ корабельнаго строенія, клерковъ, штурмановъ и тому подобныхъ“, а потому она повелѣла—„по учиненіи справки съ преосвященными, митрополитомъ и епископами, объ остающихся сверхъ надобности церковныхъ, священническихъ и дьяконскихъ дѣтяхъ, такожь церковникахъ и ихъ дѣтяхъ, обратить ихъ, по сношенію съ нашимъ генераль-фельдмаршаломъ, екатер., тавр. и харьков. генераль-губернаторомъ кн. Гр. Алекс. Потемкинымъ - Таврическимъ, для опредѣленія по надобности въ адмиралтействѣ и флотѣ черноморскомъ

¹⁾ Составлено на основаніи дѣлъ, хранящихся въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ.

по его разсмотрѣнію, и въ слѣдствіе того отправить оныхъ, куда отъ помянутаго генерала назначено будетъ, впрочемъ, есть ли между ними найдутся и женатые, оныя съ семействомъ ихъ по близости мѣстъ посланы и тамъ выгоднымъ образомъ помѣщены быть могутъ“.

Исполняя высочайшую волю, черниговскій губернаторъ Милорадовичъ отправилъ въ Херсонъ въ 4-хъ партіяхъ исключенныхъ преосвященнымъ черниговскимъ и нѣжинскимъ Іерофеемъ изъ духовнаго штата церковниковъ. Такихъ оказалось 100 д. м. п. (изъ нихъ безсемейныхъ 24) и женщинъ 75, всего 175 д. Къ заштатнымъ церковникамъ были присоединены и тѣ (изъ заштатныхъ же церковниковъ), „кои (говорится въ отношеніи губерн. Милорадовича черн. адм. правленію, отъ 27 сент. 1789 г.), будучи по желанію своему причислены въ мѣщанство (въ 1784 г.), не удовлетворяли обязанностямъ зъ симъ званіемъ сопряженнымъ и, умножая только число праздныхъ людей, не платили исправно въ казну податей и служили въ тягость обществу“. Такихъ набралось м. п. 244 (безсем. 32, сем. 212), женск. 194, а всего 438 д. об. п. Всего же назначено было къ отправленію 613 д. об. п. „По лучшей удобности“, церковники „собраны были въ г. „Прилуку и м. Опошное“, а отсюда уже 4 партіями съ 4 офицерами отправлены 15, 17 и 18 сентября 1789 г. по главнымъ трактамъ черезъ Кременчугъ въ Херсонъ, куда и прибыли въ октябрѣ того же года въ числѣ 611 д. об. п.¹⁾ На продовольствіе ихъ и снаряженіе было израсходовано 1366 р. 66 коп., причемъ въ дорогѣ на каждую мужскую душу „во мѣсто мѣсячнаго провіанта“ давалось по 76³/₄ коп.

Изъ кievскаго намѣстничества партія церковниковъ въ 85 д. об. п. была отправлена 7 сентября 1789 г. На эту партію израсходовано было кievскимъ губернаторомъ (за счетъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія) 140 р. 5¹/₂ к. (церковни-

¹⁾ Изъ нихъ мужск. п. 344; при этомъ оказалось: способныхъ къ службѣ 87, къ помѣщенію въ школу отъ 7 и выше лѣтъ—92, въ работники—92, въ госпиталѣ престарѣлыхъ и дряхлыхъ 7, да малолѣтнихъ отъ 1 до 7 л.—66.

камъ было дано изъ кievскаго провіантскаго магазина 7 четв. и 3 четверика муки, 3 четвер. и $5\frac{1}{2}$ гарнца крупъ—все это стоило 26 р. $5\frac{1}{2}$ коп., да на „заплату прогоновъ подъ свозъ провіанта, экипажа на случай больныхъ¹⁾ за 10 подводъ по числу 570 верстъ выдано 114 р.“,—всего 140 р. $5\frac{1}{2}$ коп.

Относительно времени отправленія церковниковъ изъ новгородсѣв. губ. свѣдѣній при дѣлахъ я не нашель. Изъ одной вѣдомости, относящейся къ 23 января 1793 г., видно, что въ Богоявленскѣ въ это время было 76 сем. церк. (112 м. и 152 ж. п.), присланныхъ сюда изъ вышеназванной губерніи.

Желая поскорѣе исполнить повелѣніе Екатерины, начальство трехъ малороссійскихъ губерній чрезвычайно торопилось со сборомъ заштатныхъ церковниковъ и отправленіемъ ихъ въ новороссійскій край. Вслѣдствіе этого вышло немало недоразумѣній, породившихъ переписку между подлежащими правительственными мѣстами.—Случайно къ церковникамъ сопричислены были нѣкоторые такіа лица, которыя принадлежали не къ духовному сословію, а къ дворянскому, мѣщанскому и козацкому. Затѣмъ, нѣкоторые церковники, имѣвшіе въ Малороссіи довольно благоустроенныя хозяйства, принуждены были оставить ихъ, не успѣвъ даже какъ слѣдуетъ распорядиться на ихъ счетъ. Вмѣстѣ съ здоровыми людьми были препровождены и слабые, совершенно неспособные къ труду, люди, которые ни черноморскому адмиралтейству, ни краю вообще никакой пользы принести не могли... Всѣ подобныя лица, по прибытіи въ Новороссію и по водвореніи на новыхъ мѣстахъ, обращались къ своему начальству съ прошеніями или объ исключеніи изъ списка церковниковъ, или о разрѣшеніи временно возвратиться

¹⁾ Хотя „на случай больныхъ“ были и подводы, однако, на больныхъ не обращали особеннаго вниманія. Былъ, напр., одинъ такой случай (послужившій предметомъ переписки между кiev. губ. и черн. адм. пр.): Лукьянъ Рудченко съ женою, отправленный съ церковниками, вдругъ оказался на прежнемъ мѣстожительствѣ. А случилось это вотъ какъ. Съ Рудченко въ дорогѣ приключилась болѣзнь; офицеръ, сопровождавшій ихъ партію, не долго думая, оставилъ его съ женою въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ, среди степи, вѣтъ поселенія, откуда Рудченко и добрался домой.

на покинутыя мѣста. Изъ прошеній нѣкоторыя довольно характерны. Напр., хоть бы взять прошеніе (отъ 28 ноября 1789 г.) Назара Перебійноса. Предки его, отецъ и онъ самъ—козаки слободскаго ахтырскаго полка. „Лѣтъ 36 тому назадъ“,—говорится въ прошеніи,—„Перебійнось отправился въ запорожскую Сѣчь; жилъ тамъ 20 лѣтъ, отправлялъ козачью службу и бывалъ неоднократно во многихъ походахъ противъ турокъ. Послѣ разрушенія Сѣчи прибылъ онъ (лѣтъ 6 тому назадъ) въ черниговское намѣстничество, въ зеньковский у., въ с. Белское, гдѣ отправлялъ службу козачью „безъ всякихъ противныхъ законамъ пороковъ“. Въ этомъ мѣстѣ жительства онъ оставилъ порядочный домъ „зѣ жилимъ грунтомъ и винокурнею, пахотнаго на 57 дней поля, а сѣнокосу на 500 коп., равно лѣсныя и другія угоды“. Попалъ же онъ въ заштатные церковники (и какъ таковой отправленъ въ Новороссію), потому что по просьбѣ священника и прихожанъ находился въ должности втитора 4 года. „Вслѣдствіе занятія этой должности“, говоритъ въ прошеніи Перебійнось, „я записанъ по послѣдней ревизіи въ духовной сказкѣ“. Онъ просилъ отпустить его на прежнее мѣстожительство, гдѣ остался его престарѣлый отецъ; если же начальство нашло бы невозможнымъ это исполнить, „то“, говорится дальше, „прошу хотя той милости, чтобъ послать меня для жительства въ кошъ запорожской, какъ я природной козакъ и желаю охотно тамъ продолжать службу“. За неграмотнаго Перебійноса писалъ это прошеніе Андрей Басовъ, попавшій въ число церковниковъ также по недоразумѣнію. Предки его, отецъ и онъ самъ—были козаки. Въ 1775 г., по просьбѣ жителей с. Талалаевки, роменскаго у., и помѣщиковъ, сталъ онъ исправлять дьячковскую должность (до 1783 г.), затѣмъ записался въ мѣщанство, и хотя платилъ подати всегда аккуратно, попалъ все-таки въ церковники. Басовъ также просилъ разрѣшенія возвратиться въ Малороссію къ престарѣлому отцу, оставшемуся безъ всякой помощи. Нѣкоторые церковники были совершенно обезпечены дома; ихъ, однако, выпроводили съ родины, и имущества ихъ остались безъ призора. Фалѣеву было подано 18 декабря 1789 г. прошеніе двумя братьями Раков-

скими. Они оставили на прежнемъ мѣстожителствѣ—жилой дворъ съ хатами и коморками рубленными и сараями плетеными, поля пахотнаго дней на 100, сѣнокосу копень на 100, а лѣсныхъ угодій на 1 т. руб., мельницу вѣтряную, рогатаго скота 20 шт., овецъ 20, свиней 30, хлѣба разнаго рода не малое количество, птицъ, гусей, „утей“ и проч. Братья просили отпустить ихъ на 2 мѣсяца для продажи имѣнія. Подобныхъ прошеній при дѣлахъ находится нѣсколько. Нерѣдко въ число церковниковъ попадали люди, родители которыхъ временно занимали дьячковскую должность, принадлежа въ то же время, напр., къ мѣщанскому сословію. Таковъ былъ случай съ дослужившимся уже до коллежскаго канцеляриста и уволеннымъ отъ службы жителемъ гадяцкаго у. Иваномъ Нироновичемъ; отецъ его—мѣщанинъ—временно былъ дьячкомъ.

Получавшіе временный отпускъ возвращались въ новороссійскій край (нѣкоторые съ оставленными въ Малороссіи семьями); при этомъ, иные привозили съ собой документы, доказывавшіе ихъ не духовное происхожденіе и дававшіе имъ возможность уничтожить зависимость свою отъ черноморскаго адмиралтейства. Нѣкоторые, впрочемъ, и не желали послѣдняго. Такъ, доказавшій свое дворянство Яковъ Костырка (изъ дворянъ кіевской губ.) былъ уволенъ изъ числа поселенныхъ въ новороссійскомъ краѣ церковниковъ; но онъ заявилъ, что, не имѣя въ Малороссіи „ни мало земли и никакова жилища, возвращаться туда не намѣренъ, а желаетъ остаться въ с. Покровскомъ съ его дядею поселяниномъ Томашевскимъ“ и просилъ позволенія остаться навсегда въ числѣ поселянъ покровскихъ на равномъ съ ними положеніи, „каково опредѣлено будетъ“.

Возвращусь назадъ. Вслѣдствіе распоряженія высшаго начальства, церковники нѣсколькими партіями были препровождены въ Херсонъ,—гдѣ долго не оставались. Относительно ихъ Потемкинъ послалъ оберъ-интенданту Аванасьеву ордеръ (отъ 13 октября 1789 г.) слѣдующаго содержанія: „Прибывшихъ къ вамъ церковниковъ предписываю отправить въ Николаевъ для поселенія тамо. Господину ст. сов. и кав. Фалѣеву препоручилъ я

поселить ихъ тамо, преподавъ имъ всевозможное способствованіе“. Фалѣеву же было приказано, въ виду близкаго наступленія зимняго времени, размѣстить пока церковниковъ на купленныхъ для адмиралтейства Медеровой (Балацково) или Христофоровой дачѣ (по Ингулу, выше Николаева). Фалѣевъ, съ своей стороны, отдавъ приказаніе канцеляріи строенія г. Николаева выстроить къ веснѣ для церковниковъ жилища, распорядился, чтобы управляющій названными выше дачами приготовилъ, сколько возможно, хатъ для помѣщенія въ нихъ на зиму церковниковъ. Понятно, ни въ Христофоровѣ, ни въ Балацковомъ помѣстить всѣхъ присланныхъ въ Новороссійскій край заштатныхъ церковниковъ нельзя было,—часть изъ нихъ попала и въ слободу Привольную.

Потемкинъ скоро измѣнилъ свое первоначальное распоряженіе о сосредоточеніи всѣхъ церковниковъ въ Николаевѣ, приказавъ Фалѣеву, ордеромъ отъ 25 апр. 1790 г., всѣхъ ихъ поселить въ Богоявленскѣ (въ 12 в. отъ Николаева). Однако, повелѣніе это было исполнено не вполнѣ точно,—церковниковъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ—въ слоб. Покровской (теперь Копани), Знаменкѣ, Богдановкѣ и въ Николаевѣ, гдѣ было оставлено въ распоряженіи канцеляріи строенія г. Николаева 15 душъ¹⁾; главная же масса, все таки, находилась въ Богоявленскѣ.

Каково же было положеніе поселенцевъ? Въ какія отношенія къ адмиралтейству стали они? Что предполагалъ сдѣлать Потемкинъ съ церковниками, видно изъ имѣющейся въ дѣлахъ Николаевскаго портоваго архива записки „О предположеніяхъ его свѣтлости кн. Гр. Ал. Потемкина-Таврическаго въ разсужденіи флота Черноморскаго“. Здѣсь читаемъ: „поселены въ оныхъ (т. е. въ Богоявленскѣ, Воскресенскомъ и Покровскомъ) изъ заштатныхъ церковниковъ, безпашпортныхъ, бродящихъ и

¹⁾ Изъ этого числа 10 было грамотныхъ. Что касается возраста, то самому старшему было 38 л. и 2 самымъ млад. по 16 л. Изъ 15 душъ этихъ 2 доказали свое дворянское происхожденіе, 3—были дѣти священниковъ. 12 изъ нихъ просилось въ Богоявленскъ на поселеніе; тяготясь работами (плотничьими и друг.) въ адмиралтействѣ, они желали заняться земледѣліемъ.

не имѣющихъ пристанища нигдѣ, выходцевъ изъ Польши, и рекрутъ женатыхъ; всѣхъ оныхъ приказалъ (Потемкинъ) научить мастерствамъ, потребнымъ адмиралтейству, чтобъ въ случаѣ нужномъ употребить къ онымъ за плату; главнымъ же упражненіемъ ихъ да будетъ земледѣліе, ибо, если гдѣ оное распространить можно съ правильнымъ успѣхомъ къ общей пользѣ, то въ семъ найпаче краю. Чего для и училище въ Богоявленскѣ заведено, гдѣ бы не только сихъ, но и всѣхъ, желающихъ сіе знать, учить опредѣленъ къ сему профессоръ земледѣлія Ливановъ и 3 адъюнкта: Гребницкій, Козловъ и Сапанкевичъ, которые показаніемъ легкаго способа въ паханіи земли, въ другихъ частяхъ домоводства, охоту къ тому возбуди въ сердцахъ екатеринославскихъ помѣщиковъ“.

О положеніи церковниковъ въ Богоявленскѣ (какъ и другихъ здѣсь поселенныхъ) сообщаетъ свѣдѣнія упомянутый выше Гребницкій (въ рапортѣ капитану надъ николаевскимъ портомъ Овцыну, отъ 29 янв. 1793 г.): „положенія имъ нѣтъ никакого болѣе, какъ только что покойный господинъ оберъ-штеръ крѣгсъ комиссаръ и кавалеръ Михайло Леонтьевичъ Фалѣевъ словесно мнѣ приказалъ, дабы они одинъ день въ недѣлю ходили на казенную работу, какъ то: пахать, сѣять, боронить, заготовлять ежегодно сѣно казеннымъ воламъ, папущимъ землю для вновь заводимыхъ около Богоявленска и города Николаева казенныхъ садовъ, огородовъ и лѣсовъ“. Затѣмъ ужъ исключительно о церковникахъ говорится: „прежде сего изъ церковниковъ въ Богоявленскѣ поселяне получали провіантъ, а нынѣ съ прошедшаго 1792 года іюля съ перваго имъ отказано покойнымъ господ. оберъ-шт. кр. ком. и кавалеромъ Фалѣевымъ, болѣе же они никакого довольствія не получали и не получаютъ, кромѣ только что имъ давались казенный скотъ, земледѣльческія орудія и для постѣва на первой случай сѣмена разные“.

Въ 1795 г. была произведена ревизія; изъ церковниковъ въ Богоявленскѣ оказалось—349 м. и 329 ж. п., въ слоб. Покровской—40 м. 32 ж. Всѣ эти церковники никакихъ вообще податей не платили, потому что были поселены здѣсь для

адмиралтейскихъ работъ. Когда же вознесенское намѣстническое правленіе пожелало „положить ихъ въ оладь къ платежу государственныхъ податей“ и потребовало представленія ревизскихъ сказокъ адмиралтейскихъ селеній, въ томъ числѣ, значить, и тѣхъ, въ которыхъ были церковники, то вице-адмиралъ Мордвиновъ сообщилъ Зубову (преемнику Потемкина по управленію Новорос. краемъ), что означенныя селенія принадлежать вѣдомству черноморскаго адмиралтейскаго правленія и жители ихъ не должны платить никакихъ податей въ государственную казну. Завязалась переписка. Между прочимъ, по требованію Зубова, Мордвиновъ приказалъ инженеру Князеву сообщить подробныя свѣдѣнія объ адмиралтейскихъ селеніяхъ. — Изъ рапорта Князева отъ 15 апр. 1796 г. видно, что „Богоявленское (прежде Витовка) населено заштатными церковниками, оставшимися отъ помѣщенія въ званіе учениковъ корабельнаго строенія, влерками, штурманами и тому подоб., въ сходство Высоч. ука. отъ 1 іюня 1789 г. и повелѣнія Потемкина отъ 25 апр. 1790 г., даннаго Фалѣеву. Покровское—прежде Копанки, населено церковниками и вольнопоселившимися.—Всѣ были свободны отъ податей и даже на первый случай отъ казны были довольствуемы провіантомъ и снабжаемы для обзаведенія хозяйства скотомъ, сѣменами и другими къ хозяйству потребностями.—Были употребляемы частью въ казенныя работы при заведенномъ покойнымъ княземъ хлѣбопашествѣ на аглицкій способъ, виноградныхъ и фрутовыхъ садахъ, лѣсахъ и огородахъ въ Богоявленскѣ и Николаевѣ для адмиралтейства, а затѣмъ... богоявленскіе и покровскіе съ 1794 г., по общему ихъ желанію, вмѣсто слѣдуемыхъ отъ нихъ работъ платятъ, для найму за нихъ другихъ людей, въ годъ по 4 р. съ души м. п.; за эти деньги и нанимаются вольные люди и мастера въ казенныя работы, они же, оставаясь безотлучно въ селеніяхъ, упражняются въ хозяйствѣ и у произведенія хлѣбопашества, котораго, какъ всѣмъ извѣстно, въ сей новой странѣ весьма еще мало заведено“.

На церковниковъ начальство смотрѣло какъ на крѣпостныхъ и даже по своему соображенію устраивало ихъ браки.

Таъ, офицеръ, присматривавшій за церковниками, временно поселенными въ слоб. Привольной, 2 января 1790 г. спрашивалъ Фалѣева—какъ быть: „отдавать ли дѣвокъ замужъ изъ церковниковъ, которыхъ сватаютъ балацковскіе и привольненскіе жители и 36 изъ нихъ же самихъ, такъ какъ на это раньше Фалѣевымъ не было дано никакихъ указаній. Фалѣевъ разрѣшилъ недоумѣніе офицера, изъявивъ свое согласіе на заключеніе такихъ браковъ. Такъ же поступали и съ поселенными въ Богоявленскѣ. Въ одномъ изъ рапортовъ Гребницкаго читаемъ: „въ замужество вышло по приказанію вашего высокоблагородія (Фалѣева) за адмиралтейскихъ служителей 17“.

Не всѣмъ церковникамъ нравилась жизнь на новыхъ мѣстахъ. Тѣмъ болѣе, что, несмотря на заботы о нихъ начальства, многіе испытывали изрядную нужду и даже, какъ это явствуетъ изъ рапорта Князева Мордвинову, отъ 8 іюня 1793 года, не имѣли порядочныхъ хатъ. Князевъ, на основаніи донесенія Гребницкаго, писалъ: „Богоявленскіе поселяне живутъ стѣсняясь въ одной избѣ по 3 семьи... 29 связей, покрытые землею во время дождя чрезвычайно текутъ и дѣлается въ оныхъ гнилость и худой воздухъ, отъ чего было и есть много больныхъ“.

Многихъ изъ поселенныхъ заштатныхъ церковниковъ потянуло скоро на старыя насиженныя мѣста, въ родную Малороссію. Не успѣли привести церковниковъ въ Николаевъ, какъ городничій послѣдняго вошелъ съ рапортомъ по начальству о бѣгствѣ нѣсколькихъ изъ нихъ. То же явленіе замѣчается и впослѣдствіи, по водвореніи на извѣстныхъ мѣстахъ. Церковники, при этомъ, желая заручиться хотя какимъ нибудь письменнымъ видомъ, который давалъ бы имъ возможность пройти безпрепятственно заставы, прибѣгали даже къ помощи лицъ, фабриковавшихъ для нихъ проходныя свидѣтельства. Тѣ же, которые не хотѣли подвергать себя риску быть пойманными и затѣмъ наказанными за бѣгство, предпочитали инныя средства. Они обращались къ начальству съ просьбами о разрѣшеніи вернуться въ Малороссію, представляя къ тому разные уважительные мотивы. Таъ, Князевъ обратился 20 мая 1793 г. съ

рапортомъ къ вице-адмиралу Мордвинову (тогдашнему главнокомандующему черноморскимъ флотомъ и портами), въ которомъ указалъ на то, что, по увѣдомленію Гребницкаго, въ Богоявленскѣ изъ поселенныхъ тамъ сверхштатныхъ церковниковъ и ихъ женъ „многіе суть престарѣлыя, увѣченныя и къ работѣ вовсе неспособныя, которые сами себя по слабости здоровья не могутъ прокормить“. Гребницкій, по просьбѣ этихъ церковниковъ, ходатайствовалъ объ увольненіи на прежнее ихъ мѣстожителство, „гдѣ удобнѣе могутъ они себѣ между своими ближними отыскать пропитаніе“. Мордвиновъ согласился удовлетворить просьбу престарѣлыхъ церковниковъ, подъ условіемъ, впрочемъ, что ихъ ближайшіе родственники обяжутся дать имъ пріютъ и не позволять „шататься по міру“. Этимъ отпускаемымъ на волю церковникамъ захотѣлось взять съ собой подростящихъ и малолѣтнихъ дѣтей; но начальство находило это избыточнымъ для казны.

„Они“, писалъ Мордвинову Гнязевъ, „просятся туда и съ имѣющимися при нихъ дѣтьми подростящими и малолѣтними, на коихъ изъ казны снабденіе, содержаніе и издержки такъ же употреблены были, и кои чрезъ нѣсколько лѣтъ могутъ уже быть для домоводства и супружества годными и здѣшнему казенному вѣдомству полезными. Итакъ когда оныхъ дѣтей съ ними отпустить, то казнѣ будетъ убытокъ, а когда же ихъ здѣсь оставить, то нѣкому будетъ пещися и о нихъ воспитаніи и о содержаніи“. Какъ отнесся къ этому Мордвиновъ, изъ дѣлъ не видно.

П. Ивановъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Дѣла о Марковичахъ въ Тайной канцеляріи. Составляя свою монографію о Марковичахъ, напечатанную въ «Кіевской Старинѣ» за 1890 годъ, я не зналъ, что въ С. Петербургскомъ Государственномъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ находится два дѣла о Марковичахъ нашего рода, которыя нѣкогда производились въ Тайной канцеляріи. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе изъ одной статьи, тоже напечатанной въ «Кіевской Старинѣ» 1890 года, я воспользовался своимъ пребываніемъ въ С.-Петербургѣ въ началѣ 1891 года, чтобъ познакомиться съ дѣлами о Марковичахъ, чего и достигъ, благодаря любезности лицъ, завѣдующихъ Государственнымъ архивомъ, исходатайствовавшихъ мнѣ у г. министра иностранныхъ дѣлъ разрѣшеніе на занятія въ этомъ архивѣ.

Кстати сказать, С.-Петербургскій Государственный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ заключаетъ въ себѣ массу дѣлъ, почти всегда полныхъ величайшаго историческаго интереса. Исходатайствовать разрѣшеніе работать въ немъ нетрудно для всякаго лица, сколько нибудь извѣстнаго по своимъ работамъ, такъ какъ большинство дѣлъ уже имѣетъ только историческое значеніе. Въ лицахъ, завѣдующихъ архивомъ, занимающійся встрѣтитъ полную готовность помочь указаніемъ и совѣтомъ. Но все это, къ сожалѣнію, парализуется отсутствіемъ въ печати описанія архива, или хотя бы простого указателя хранящихся въ немъ дѣлъ, такъ что приходится разыскивать дѣла на авось. Поэтому появленіе печатнаго описанія архива составляетъ предметъ первой необходимости, особенно потому, что въ настоящее время для этой цѣли можно воспользоваться тѣмъ знаніемъ архива, каковымъ

обладаетъ г. помощникъ директора Н. А. Гюббенетъ. За напечатаніе описанія были бы очень благодарны всѣмъ тѣмъ, кому дороги судьбы русской исторической науки.

Послѣ этого невольнаго, но необходимаго, отступленія, обратимся къ разсмотрѣннымъ нами дѣламъ о Марковичахъ.

Какъ извѣстно, возвысившіеся при импер. Елисаветѣ Петровнѣ, Разумовскіе были изъ простаго козацкаго рода и вдругъ поднялись до самыхъ аристократическихъ вершинъ, оставивъ далеко за собою многихъ аристократовъ, жившихъ въ той же мѣстности, откуда были и Разумовскіе. Это не могло не внушать зависти малорусскимъ аристократамъ, свысока глядѣвшимъ на Разумовскихъ, что и выражалось иногда въ неосторожныхъ относительно ихъ рѣчахъ, за которыя потомъ приходилось дорого платиться.

Разумовскіе, особенно фаворитъ императрицы графъ Алексѣй Григорьевичъ, были люди добрые и притомъ сохраняли малорусскія симпатіи; но всегда былъ возможенъ случай, что изъ за собственныхъ интересовъ или изъ за интересовъ близкихъ лицъ они могли причинить какую нибудь непріятность своему же брату-малоруссу, что того не могло не сердить, и сердце свое онъ срывалъ въ неосторожныхъ рѣчахъ, а тѣмъ приводили его въ тайную канцелярію.

Именно на такой почвѣ и разыгрались оба дѣла о Марковичахъ, видныхъ людяхъ изъ малороссійской знати въ половинѣ XVIII вѣка, богатыхъ и гордыхъ.

Первое изъ нихъ (Дѣло тайной канцеляріи, 1747 г., № 1170; довольно ветхое, нѣкоторые листы совершенно истлѣли) заключалось въ слѣдующемъ:

Въ 1743 году Маркъ Андреевичъ Марковичъ (въ напечатанной нами родословной № 8), сынъ извѣстнаго полковника лубенскаго, а затѣмъ генеральнаго подскарбія Андрея Марковича и братъ не менѣе извѣстнаго составителя Дневныхъ записокъ Якова Андреевича Марковича, человекъ уже въ лѣтахъ, лично хлопоталъ въ Петербургѣ въ Сенатѣ о дачѣ ему слободы Андреевки. Но получить ее ему не удалось, такъ какъ она была пожалована Ал. Гр. Разумовскому. Марковича это ужасно разсердило, скрыть онъ этого не сумѣлъ и, возвращаясь въ 1743 г. домой въ Ромны, вмѣстѣ съ священникомъ роменской соборной Успенской церкви, Петромъ Яновскимъ и переводчикомъ иностранной коллегіи Полетикою, страшно и неприлично

ругаль Разумовскаго, говорилъ, что онъ недавно вышелъ въ люди и скоро пропадетъ. Наша де фамплія, похвалялся Марко вичъ, всегда славна, и кто на насъ возставалъ, тотъ и пропадалъ, напр. генералы Вейсбахъ и Мининъ.

Яновскій объ этой брани 28 августа 1744 г. рассказалъ роменскому крестовому протоіерею Евстафію Стефановичу, который немедленно подалъ доносъ матери Разумовскаго въ селѣ Адамовкѣ, прописавъ всѣ обстоятельства. Доносъ этотъ попалъ въ руки управителя имѣніями Разумовскихъ Семена Пустоты, который его уничтожилъ, по дальнѣйшему показанію Стефановича, будто бы изъ за подарковъ, полученныхъ отъ Марковича. Стефановичъ послалъ второй доносъ съ Демьяномъ Быстрицкимъ; но братъ Марковича, Иванъ, осторожно прочелъ въ Ромнахъ доносъ и передалъ его Пустотѣ, который и этотъ доносъ уничтожилъ. По словамъ Стефановича, М. А. Марковичъ сталъ тогда очень обижать его, отнял у него домъ, жена Марковича ругала Стефановича, грозила батожьемъ и пр. Марковичъ даже возбудилъ противъ него въ кievской консисторіи обвиненіе въ опороченіи чести его ложнымъ доносомъ, почему консисторіи и потребовала отъ Стефановича присылки уполномоченнаго лица для объясненій.

Но третій доносъ Стефановича, посланный изъ Ромень 25 іюля 1747 г., дошелъ до Тайной канцеляріи. Въ доносѣ этомъ Стефановичъ къ обвиненіямъ противъ Марковича и Пустоты присоединяетъ указаніе, что въ 1728 г. на отца Марковича Андрея подано было 700 челобитныхъ, но вн. Шаховской (министръ при гетманѣ Апостолѣ съ 1730 г.), получивъ отъ Марковича подарки, спряталъ всѣ челобитныя въ долгій языкъ.

Тайная канцелярія по челобитью Стефановича начала дѣло, но почему то тянула его очень долго; 3 сентября допрошенъ былъ Подетика, который подтвердилъ обвиненіе. Въ началѣ 1749 г. Марковичъ и Пустота взяты были въ Москву и доставлены въ канцелярію, гдѣ Марковичъ, послѣ двукратнаго наказанія плетьюми, сознался, что дѣйствительно бранилъ Разумовскаго, но говорилъ, что былъ въ это время пьянъ. Пустота тоже сознался, что покрывалъ Марковича, какъ хорошаго знавамаго, но подарковъ отъ него за то не бралъ; лишь на свадьбу подарилъ ему Марковичъ коня.

Дѣло опять остановилось и на этотъ разъ, кажется, до 1754 г., когда Тайная канцелярія рапортомъ за подписью графа А. Шува-

лова Сенату, изложивъ кратко дѣло о Марковичѣ, предложила вмѣнить ему въ наказаніе долгій арестъ подъ карауломъ въ Тайной канцеляріи и плети, а затѣмъ все же заточить его до конца жизни въ монастырь. Отвѣтъ на этотъ рапортъ не состоялся, такъ какъ 13 іюля 1754 г. оберъ секретарь М. Хрущовъ донесъ Тайной канторѣ, что ночью на 27 мая этого года арестантъ Марковичъ умеръ и тѣло его погребено при церкви Преображенія Господня, что въ Преображенскихъ солдатскихъ слободахъ.

Родные Марковича въ Малороссіи знали уже тогда о его смерти въ Москвѣ, но получили свѣдѣнія неточныя. Братъ его Яковъ Марковичъ въ Дневныхъ запискахъ подъ 10 іюня занесъ слѣдующее: получилъ письмо отъ Ив. Галаховскаго о кончинѣ брата моего Марка въ Москвѣ, бывшаго тамъ подъ арестомъ. Погребенъ онъ въ церкви св. Апостоловъ Петра и Павла. На основаніи этого указанія и мы сообщили въ монографіи о Марковичахъ о мѣстѣ погребенія М. А. Марковича свѣдѣніе невѣрное.

Вещи умершаго Марковича доставлены были изъ Москвы въ Малороссію къ Якову Марковичу въ концѣ іюня И. Галаховскимъ и И. Чупенко, а имъ были, конечно, переданы прямымъ наслѣдникамъ покойнаго.

Второе дѣло о Марковичѣ, производившееся одновременно съ первымъ въ Тайной канцеляріи (дѣло 1748 г. № 1073), было нѣсколько важнѣе. Объектомъ его былъ двоюродный братъ предшествоващаго М. А. Марковича, Василій Ѳеодоровичъ Марковичъ (въ нашей родословной № 15). Онъ былъ изъ прилучавъ, служилъ въ Петербургѣ въ Преображенскомъ полку и былъ въ чинѣ капитаналейтенанта. Ханенко въ 1745—1746 г. постоянно встрѣчалъ его въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ былъ близкимъ къ гр. Ал. Гр. Разумовскому лицомъ; но, какъ видно, Марковичъ Разумовскаго не любилъ, что его и погубило.

Еще въ 1744 г. Василій Марковичъ словесно жаловался лично императрицѣ въ Глуховѣ на какую то обиду и милостивое получилъ слово (Зап. Як. Марковича, подъ 6 августа). Можетъ быть неисполненіе обѣщанія было причиною его неудовольствія, хотя онъ послѣ этого продолжалъ служить въ гвардіи; но только онъ сталъ питать къ Разумовскому враждебныя чувства, которыя и выражалъ при близкомъ человѣкѣ—солдатѣ Преображенскаго полка Мойсеѣ Березинскомъ, который въ маѣ 1748 г. подалъ Разумовскому въ собственныя руки доносъ на В. Ѳ. Марковича въ томъ, что онъ въ теченіи 1747—

1748 г. не разъ бранилъ Разумовскихъ, говоря: Богъ его знаетъ откуда они взялись. Марковичъ предсказывалъ, что Разумовскіе скоро пропадутъ и всѣ, даже родные, отъ нихъ отчужаются. Онъ объяснялъ постройку въ новомъ дворцѣ крыльца изъ покоевъ Разумовскаго тѣмъ, чтобы онъ могъ убѣжать, когда на него прійдетъ бѣда, какъ на прежнихъ временщиковъ. Марковичъ говорилъ, что онъ ничего бы такъ не желалъ, какъ бить внутомъ Кирилла Разумовскаго, и, лежа на постели, закрывъ глаза, въ присутствіи Березинскаго уже фантазировалъ, какъ онъ осуществляетъ это желаніе.

Донось былъ немаловажный. Разумовскій вручилъ его самой императрицѣ, которая передала его графу А. Шувалову для производства слѣдствія, приказавъ донести ей о показаніяхъ Марковича.

Когда Марковича взяли подъ арестъ, онъ, не зная, что на него сдѣлалъ донось Березинскій и что его тоже возьмутъ въ Тайную канцелярію, поручилъ ему жечь письма, лежація у него въ подгловьи. Березинскій и это сообщилъ канцеляріи.

Въ Тайной канцеляріи Марковичъ показалъ, что онъ бываетъ постоянно пьянъ, отчего бываетъ у него даже помѣшательство. Потомъ Марковичъ дополнилъ свое показаніе. Кирилла Разумовскаго онъ, Марковичъ, бранилъ потому, что тотъ, во всѣмъ показываетъ себя несклоннымъ, не такъ, какъ гр. Ал. Гр — чъ, который со всѣми обращается склонно. Относительно приказанія Березинскому сжечь бумаги, Марковичъ объяснилъ, что самъ не знаетъ, почему онъ это сказалъ; онъ былъ въ безпамятствѣ отъ страха, а въ письмахъ у него ничего нѣтъ.

Березинскій показалъ въ канцеляріи то же, что писалъ въ доносѣ. Какъ ему, такъ и Марковичу было подъ страхомъ смертной казни запрещено говорить кому либо о томъ, что они показали въ Тайной канцеляріи.

На послѣдующихъ допросахъ Марковичъ показывалъ все одно и тоже, а затѣмъ сталъ просить о разрѣшеніи ему постричься въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей: Софійскомъ, или Печерскомъ, чего онъ будто бы давно желалъ, такъ какъ не можетъ жить съ женою; у него моча недержится. Онъ говорилъ, что и жена его тоже давно желаетъ идти въ монастырь.

Какъ водится, дѣло затянулось. Лѣтомъ 1748 г. изъ Тайной канцеляріи было донесено, что арестантъ Марковичъ очень боленъ,

часто приходитъ въ безпамятство. На это доношеніе состоялась 11-го октября того же года резолюція: Марковича приказано, крѣпко допросивъ, за его непристойныя слова, сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье, а Березинскаго пожаловать въ сержанты. Допросили Марковича еще разъ — онъ сдѣлалъ прежнія показанія; но 13-го октября съ нимъ случился эпилептический припадокъ. Стали бить его плетьюми — онъ показывалъ все тоже.

Указомъ 2 марта 1749 г. велѣно было отправить Марковича въ Соловецкій монастырь, гдѣ жить ему безвыходно, а, если онъ пожелаетъ, постричь его.

Люди, бывшіе съ Марковичемъ, отправлены были въ г. Прилуки къ женѣ его. Дѣтей у нихъ тогда уже не было; единственный, кажется, ихъ сынъ Евграфъ (у насъ въ родословной № 35) умеръ раньше.

По прибытіи въ Соловецкій монастырь Марковичъ постричься не пожелалъ; наоборотъ онъ велъ себя вообще бурно, ругалъ начальствующихъ лицъ и братію и въ заключеніе, въ 1750 г., отправилъ въ Тайную канцелярію доносъ на многихъ монаховъ, обвиная ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1-мъ пунктомъ.

Повидимому, Марковичъ желалъ быть вызваннымъ въ Тайную канцелярію, но въ виду его прежняго безумія, его туда не вызвали, а предложили написать и прислать подробное обвиненіе, что онъ и сдѣлалъ. Въ дѣлѣ сохранилась эта обширная и мало интересная вклуза на разные монастырскіе порядки. Изъ за этого доноса у монастыря съ Тайной канцеляріей пошла долгая переписка, неимѣвшая собственно къ Марковичу никакого отношенія.

Скончался В. О. Марковичъ 9 февраля 1759 года въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ и похороненъ.

Алексѣй Марковичъ.

Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ ¹⁾. IV. Изъ переписки Д. П. Трошинскаго съ кн. Н. Г. Репнинымъ. 1) Милостивый государь мой князь Николай Григорьевичъ! Сколь пріятно мнѣ извѣстить ваше сіятельство, что государь императоръ всемилости-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1891, 2.

вѣйше повелѣтъ изволилъ отпускъ вашъ продолжить еще на 28 дней, столь прискорбія для меня достойна причина, ради которой вы сей отсрочки желали. Болѣзнь почтеннѣйшаго моего благодѣтеля князя Николая Васильевича ¹⁾, къ коему душевная моя преданность никогда не измѣнилась и котораго не хотѣлъ я особеннымъ письмомъ беспокоить, наводитъ мнѣ чувствительную горестъ и я отъ искренняго сердца прошу Бога, чтобъ онъ сохранилъ на должайшее время драгоцѣнные его дни. Имѣю честь впрочемъ быть съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою, Дмитрій Троцинскій. Спб. Марта 15-го 1801 г.

P.S. По желанію вашему посылаю сіе на нарочной стафетѣ, — абшидъ вашъ объявится въ сегодняшнемъ приказѣ.

2) Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ. Гдѣ вы бы и въ какомъ бы положеніи ни были, не можетъ сердце мое васъ иначе почитать, какъ искреннимъ себѣ другомъ, а потому свѣдавъ, что вы участіе имѣли во всемилостивѣйшемъ опредѣленіи князя Григорія Семеновича ²⁾ въ военную службу, нимало не удивился тому, но не менѣе однакожъ душевно вамъ благодаренъ за сей знакъ вашего дружескаго собственно мнѣ одолженія. Сердце и душа моя вамъ коротко извѣстны; они все тѣже, что прежде были и все тѣже навсегда останутся. Съ симъ внутреннимъ расположеніемъ я, васъ дружески обнимая, желаю вамъ искренно всего того, что только полезно вамъ быть можетъ и при томъ поставить васъ въ состояніе съ успѣхомъ служить отечеству и всѣмъ добрымъ людямъ. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, князь Репнинъ. Москва, 8 апрѣля 1801 года.

3) Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ. Податель сего господинъ Кнауфъ, имѣющій дѣла съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ ³⁾, который, нечаянно уѣхавъ отсель въ Петербургъ, упросилъ себѣ опекуномъ Гавріила Романовича Державина ⁴⁾, просилъ у меня рекомендательнаго письма къ вашему превосходительству.

¹⁾ Фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ умеръ 12 мая 1801 г.

²⁾ Волконскій.

³⁾ Род. 1773 † 1844. Извѣстный любимецъ императора Александра I, министръ народн. просв. и духовныхъ дѣлъ.

⁴⁾ Державинъ, при вступленіи на престолъ 12 марта 1801 г. императора Александра I, оставилъ постъ государствен. казначея, оставаясь лишь сенаторомъ.

тельству. Я его предъявленныхъ дѣлъ основательно незнаю и о подкрѣпленіи неправды просить конечно никогда не стану, а потому поручаю его, господина Кнауфа, въ милость и покровительство вашего превосходительства только покуда законная справедливость ему принадлежитъ; отказать же сего письма не могъ потому, что товарищъ его въ торговлѣ, Цаути, коротко со мною знакомый, мнѣ въ переводахъ денежныхъ часто помогалъ и разныя по той части одолженія дѣлалъ, коего просьбы за его товарища мнѣ нельзя было не принять, въ чемъ предъ вами извиняюсь. Съ совершеннымъ почтеніемъ и искренною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга князь Репнинъ. Москва, 18 апр. 1801 г.

4) Милостивый государь мой князь Николай Григорьевичъ! Не могу довольно изъяснить чувствованія признательности и благодарности, коими обязанъ я вашему сіятельству за сообщеніе мнѣ списка съ высочайшей грамоты, пожалованной дворянству полтавской губерніи 18 мая сего года.

Когда его величество государь императоръ лично своею особою подъемлетъ, наравнѣ съ послѣднимъ изъ подвластныхъ своихъ, всѣ труды, пренебрегаетъ всѣми неудобствами климата и полевой жизни, вдается во всѣ опасности, для чести и славы своего отечества и престола, то какія усилія, какія пожертвованія, какіе подвиги могутъ быть невозможны для вѣрноподанныхъ сыновъ его.

Какъ старѣйшему между дворянствомъ полтавской губерніи, мнѣ пріятно было видѣть и еще пріятнѣе свидѣтельствовать о томъ усердіи и соревнованіи, которыми одушевлялись всѣ сословія къ скорѣйшему исполненію высочайшей воли и воихъ многократные опыты, дознанные мною втеченіе долготнѣй жизни моей, составляютъ священное достояніе и отличительную черту добраго и вѣрнаго народа русскаго. Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и искреннѣйшею преданностью имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. М. Ярески, іюня 25-го 1828.

5) Милостивый государь мой князь Николай Григорьевичъ! Я не смѣшилъ поздравлять ваше сіятельство съ возвышеніемъ васъ въ чинъ полнаго генерала, считая, что по справедливости вамъ оный давно слѣдовалъ, и въ чемъ я, какъ издавна душевно вамъ преданный, ощущаю теперь сердечное удовольствіе.

Извините меня, ваше сіятельство, что осмѣливаюсь представить при семъ письмо одного несчастнаго. Я не вхожу въ существо дѣла его, не могу ничего сказать ни въ защиту, ни въ обвиненіе его, а только знаю, что законы вездѣ достигнутъ осужденнаго, гдѣ бы сей ни находился. Итакъ единымъ чувствомъ сожалѣнія къ болѣзненному его состоянію убѣждаюсь просить милостиваго вашего снисхожденія и благодѣтельнаго начальническаго покровительства въ томъ, чтобы онъ отпущенъ былъ въ домъ свой до окончательнаго рѣшенія судьбы его.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и нелицемѣрною приверженностью имѣю честь пребыть во всю жизнь, милостивый государь мой, вашего сіятельства вѣрный и покорнѣйшій слуга Дмитрій Троцинскій. Ярески, августа 5-го 1828.

V. Письма М. М. Сперанскаго къ кн. Н. Г. Репнину. 1) Спб. 21-го февраля 1826 г. Что сказать мнѣ въ утѣшеніе вашему сіятельству? Представляю въ примѣръ почтеннѣйшую родительницу вашу: въ последнее свиданіе я нашелъ ее спокойнѣе, нежели прежде, она вся въ вѣрѣ и преданности и увѣрена, что и вы тѣже чувства имѣть будете.

Новости, какія у насъ есть, расскажетъ вамъ лично князь Прозоровскій¹⁾. Правительство день ото дня болѣе приобрѣтаетъ къ себѣ довѣрія и любви и слѣдовательно истинной твердости. Дай Богъ, чтобы все сіе болѣе и болѣе преуспѣвало къ счастью Россіи.

По письмамъ ожидаемъ сюда графа В. П. Кочубея²⁾ въ маѣ, а можетъ быть и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Говорятъ также и о прибытіи барона Строганова³⁾ но нѣтъ еще ничего вѣрнаго; прочее все по старому. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, М. Сперанскій.

Р. S. Всѣ мы, и въ томъ числѣ вапшъ двухлѣтній крестникъ, свидѣтельствуемъ свое искреннее почитаніе.

2) Спб. 4 апрѣля 1826. Пользуюсь отъѣздомъ Семена Михайловича Кочубея⁴⁾ чтобы представить вашему сіятельству свидѣтель-

¹⁾ Князь Дмитрій Александровичъ, дѣйствит. статскій совѣтникъ, † 1869, женатъ на княжнѣ Минѣ Ивановнѣ Волконской.

²⁾ Графъ, впоследствии князь, Викторъ Павловичъ, род. 1768 † 1834, предсѣдатель государственнаго совѣта, комитета министровъ и канцлеръ.

³⁾ Баронъ, впоследствии графъ, Сергій Григорьевичъ, род. 1794 † 1882, членъ государственнаго совѣта.

⁴⁾ Дѣйств. статскій совѣтникъ, полтавскій предводитель дворянства.

ство моего почитанія. Онъ возвращается во свояси съ тѣмъ же сердцемъ, исполненнымъ преданностью къ Вышнему Промыслу, съ коимъ и сюда пріѣхалъ. Сколь тягостенъ для него былъ вѣстѣ, столь пріятно чувство, что онъ несъ его съ твердостью и безъ ропота.

Тамъ, гдѣ общее добро, общая безопасность требуютъ жертвъ собственнаго спокойствія, всѣ люди благомыслящіе приносятъ ихъ съ готовностью и безъ всякихъ личныхъ расчетовъ. Ожидаемъ сюда графа Виктора Павловича и не можемъ дождаться. По послѣднимъ письмамъ онъ опять боленъ подагрой, все однакоже есть надежда видѣть его къ коронаціи. Въ сіе время всеобщаго торжества надѣюсь и ваше сіятельство видѣть въ Москвѣ. Всѣ генералъ-губернаторы, по всей вѣроятности, тамъ соберутся. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою, М. Сперанскій.

PS. Крестникъ вашъ свидѣтельствууетъ вамъ свѣй поклонъ.

3) Спб. 2 ноября 1828 г. Съ искреннею благодарностью принялъ я все, что угодно вамъ было предназначить для Имберга. Увѣренъ, что нельзя ничего придумать для него лучше и онъ долженъ только умѣть заслужить продолженіе вашего о немъ попеченія. Хотя чинъ не удался, но отзывъ вашъ о немъ не будетъ оставленъ безъ уваженія и въ свое время можетъ быть приведенъ въ свое дѣйствіе.

Излишнимъ считаю препоручать вамъ моего Александра Алексѣевича. Вы прежде меня его знали и были къ нему милостивы. Мнѣ остается только быть за него благодарнымъ, а ему руководствоваться въ предстоящихъ ему дѣлахъ вашими совѣтами и наставленіями. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою. М. Сперанскій.

М. М. Сперанскій (род. 1772 † 1839), быстро возвысившійся, благодаря геніальнымъ способностямъ, до высшихъ служебныхъ степеней, неожиданно, какъ извѣстно, палъ 17-го марта 1812 г., вслѣдствіе происковъ его враговъ, въ особенности министра полиціи Балашова и барона Армфельда.

Періодъ 1808—1811 годовъ былъ эпохой наивысшаго значенія и вліянія Сперанскаго, о которомъ именно въ это время извѣстный Жозефъ-де-Местръ писалъ, что онъ «первый и даже единственный, министр» пшиерін. За это время Сперанскій, по порученію Але-

ксандра I, составилъ планъ общей политической реформы, которая охватывала весь строй политическихъ и гражданскихъ отношеній. Законодательство, судъ, администрація (отъ волости до высшихъ учреждений), крѣпостное состояніе,—ничего не было забыто въ этомъ планѣ.

Въ ноябрѣ 1809 года императоръ одобрилъ планъ и рѣшилъ постепенно приводить его въ исполненіе. Реформа государственнаго совѣта (1810 г.), реформа министерствъ (1810—11 г.), реформа сената (1811—12 г.) явились другъ за другомъ изъ подъ пера Сперанскаго, какъ первые шаги этого общаго плана («Русская Мысль». 1890. Ноябрь. Южаковъ. Паденіе Сперанскаго).

И въ самый разгаръ этой реформаторской дѣятельности Сперанскій неожиданно подвергся немилости Александра I, увезенъ въ Нижній Новгородъ, а потомъ въ Пермь. Когда кончились Наполеоновскія войны, Сперанскій былъ назначенъ сначала губернаторомъ въ Пензу, а 1819 г. сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Въ 1821 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта, а съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I Сперанскому поручена была кодификація законовъ, такъ блистательно имъ выполненная.

Въ 1831 г. Сперанскій сдѣлался полтавскимъ помѣщикомъ, купивши въ золотоношскомъ уѣздѣ помѣстье Буромку, съ 4,913 ревизскими душами и 19,000 десятинъ, состоящее изъ с. Большой Буромки, д. Малой Буромки и Лещовки, и находящееся въ 45 верстахъ отъ Золотоноши. Первоначально дѣла въ этомъ помѣстьи вели управляющіе но съ 1842 г. въ Буромкѣ поселилась сама владѣлица, единственная дочь Сперанскаго, Елисавета Михайловна, вышедшая за мужъ за д. т. с. Фролова-Багрѣва и приняла всѣ мѣры къ раціональному веденію хозяйства, а также къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ. Въ Буромкѣ были устроены больница, ссудо-сберегательная касса, начальное и рисовальное училища, разныя мастерскія и ясли для крестьянскихъ ребятишекъ, на время отсутствія родителей по работамъ. Усердно помогалъ владѣлицѣ въ ея разнообразной дѣятельности, приглашенный врачомъ буромской больницы, австрійскій докторъ медицины I. Г. Прейсъ. Къ благоустройству буромской больницы косвенное содѣйствіе оказалъ переводъ Сперанскаго творенія Омы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», доходъ со втораго изданія котораго былъ предоставленъ Фроловой-Багрѣвой въ пользу больницы. При этой больницѣ былъ устроенъ «ботаническій» садъ, въ которомъ разводились различныя врачебныя травы и овощи;

недостававшія лѣкарства покупались въ г. Ромнѣ, частью на тамошней ярмаркѣ, а частью въ интесѣ.

Благодаря хорошо устроенной больницѣ, Прейсу легче было браться съ предубѣжденіемъ крестьянъ противъ врачебной помощи и напротивъ того съ добѣрчивымъ отношеніемъ къ лѣченію знахарей, вредъ отъ лѣченія которыхъ превосходилъ, по его замѣчанію, всякое вѣроятіе. «Я знаю здѣсь — пишетъ Прейсъ въ своемъ подробномъ, написанномъ по нѣмецки, описаніи буромской больницы — множество людей, которые подверглись параличу, чахоткѣ, ослѣбли, умерли мучительною смертію, оттого только, что слушались совѣтовъ этихъ незаконныхъ дѣтей Эскулапа. Нигдѣ не встрѣчалъ я такихъ выродившихся болѣзненныхъ формъ, какъ здѣсь; и во все теченіе десятилѣтней практики моей въ званіи главнаго врача разныхъ большихъ госпиталей въ Австріи, не попадалось мнѣ столько и такихъ страшныхъ случаевъ болѣзни рака (Cancer), какъ приходится мнѣ наблюдать здѣсь ежегодно, а причиной всему — бабье лѣченіе».

Отъ Елисаветы Михайловны Фроловой-Багрѣевой Буромка досталась по наслѣдству ея единственной дочери, вышедшей за князя Родіона Николаевича Кантакузина, а въ настоящее время принадлежитъ ихъ сыну князю Михаилу Родіоновичу Кантакузину, директору департамента духовныхъ дѣлъ восточныхъ исповѣданій, которому и разрѣшено высочайшимъ указомъ 19-го мая 1872 г. прибавить къ своей фамиліи, для увѣковѣченія заслугъ М. М. Сперанскаго (возведеннаго въ графское достоинство въ январѣ 1838 г.), слова «графъ Сперанскій».

Н. В. Сторожико.

Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Козымъ Кричевцу¹⁾ и свѣдѣніе объ испр. въ 1739 г. должн. кіевскаго войта Быковскомъ. Въ 1734 г. августа 9 на имя кіевскаго генералъ-губернатора богемскаго графа фонъ-Вейбаха съ товарищи послѣдо-

¹⁾ Этого войта не находимъ въ спискѣ, напечатанномъ Н. Загребскимъ въ его „Описаніи Кіева“ (см. изд. 1868 г., т. II, стр. 896). Списокъ этотъ вообще не только не полонъ, но и не отличается точностію въ показаніяхъ времени войтовства помѣщенныхъ въ немъ лицъ: такъ напр. войто ства Павла Войничя показано отъ 1735 по 1743 г., тогда какъ онъ войтовствовалъ до самой смерти своей въ октябрѣ 1751 года. То же самое надо замѣтить и относительно списка генералъ-

валь изъ пр. Сената такой указъ: «По указу е. и. в. пр. Сенать, слушавъ выписки изъ присланной при листъ гетмана Апостола кіев. магистрата элекціи и поданной на имя е. и. в. челобитной и изъ доношенія генерала Нарышкина, также и изъ доношеній вашихъ, присланныхъ въ кол. ин. дѣль, а потомъ и въ кабинетъ е. и. в., и приложенныхъ при томъ кіевск. магистрата доношеній же и аттестаты о кандидатахъ на мѣсто умершаго кіевск. войта Дмитрія Полоцкаго, *приказали*: по силѣ прежнихъ правъ и привелей королей польскихъ, по которымъ велѣно опредѣлять войта изъ мѣщанъ кіевскихъ, и по даннымъ въ подтвержденіе тѣхъ правъ и привелей, по подданствѣ Малороссіи подъ державу россійскую, жалованнымъ грамотамъ въ 7162, 7185, въ 7207, въ 1700 и 1710 годахъ, а особливо по жалованной е. и. в. грамотѣ 1730 г., по которой велѣно прежнимъ правамъ и прочимъ учрежденіямъ и употребленіямъ быть во всемъ противъ прежняго, и по общему кіевск. магистрата выбору и по поданной на имя е. и. в. челобитной,—быть въ Кіевѣ войтомъ изъ кандидатовъ кіевскихъ мѣщанъ бурмистру Козьмѣ Кричевцу и привести его къ присягѣ, а бунч. тов. Быковскому, по содержанію ихъ правъ и привилегій и жалов. грамотъ, войтомъ быть не надлежитъ, ибо онъ Быковскій въ воинскоѣ чинѣ бунчуковымъ товарищемъ. И. г. генералу и кав. и кіевск. губерніи генераль-губернатору богемскому графу фонъ-Вейзбаху съ товарищи о семъ вѣдать, а къ правленію гетманскаго уряду о приводѣ его Кричевца къ присягѣ и для вѣдома въ кіевск. магистратъ указы изъ Сената посланы».

Упомянутый въ этомъ указѣ бунч. тов. Быковскій, по всей вѣроятности, есть тотъ самый, о которомъ данъ былъ въ кіевск. губ. канц. изъ пр. Сената указъ отъ 27-го мая 1740 года такого содержанія:

«... по доношенію оной канцеляріи и приложенному при томъ экстракту и мнѣнію г. генераль-лейт. Леонтьева іюля 18 прошлаго 1739 г., *приказали*: гадлицкаго полку съ судьи Василя Быковскаго (который во время слѣдствія о кіевск. войтѣ съ бурмистры и райцы правилъ въ кіевск. магистратѣ войтовскую должность и взялъ себѣ изъ мѣстной суммы собою своевольно денегъ двѣсти рублей и отгѣтомъ показалъ, якобы оныя употребилъ на ратушскіе расходы, а ни-

губернаторовъ, въ которомъ, между прочимъ, графъ фонъ-Вейзбахъ названъ Гейсбаромъ, М. И. Леонтьевъ показанъ генераль-губернаторомъ съ 1738 по 1766 г., тогда какъ онъ въ 1751 г. умеръ.

какова въ томъ подлиннаго свидѣтельства и магистратскаго о употребленіи тѣхъ денегъ въ расходъ приговору и никакихъ записокъ не объявилъ), по мнѣнію его, г. генераль-лейтенанта, для представленныхъ въ ономъ резонувъ, взымать съ него, Быковскаго, немедленно и отдать въ тотъ магистратъ, а за самовольное тѣхъ денегъ взятые штрафовать его, Быковскаго, ген. войск. канцеляріи по своему рассмотрѣнію, о чемъ въ г. в. к. и указъ посланъ.

А. Андриовскій.

Жалоба кievскаго магистрата на карантинныхъ откупщиковъ (1750 г.). Въ маѣ мѣсяцѣ 1750 г. кievскій магистратъ подалъ на высочайшее имя въ коллегію иностранныхъ дѣлъ нижеслѣдующее прошеніе:

1.

«За мѣстечкомъ Васильковомъ близъ границы польской устроенъ дворъ карантинной для иностранныхъ купцовъ грековъ, армянъ и другихъ чужоземцовъ, и прошлыхъ годовъ отъ содержателей того двора значала отъ кievскихъ мѣщанъ купеческихъ промышленниковъ никакихъ ветребовано взятковъ.

2.

А якъ начали греки тотъ дворъ карантинной арендовать, яко и нынѣ содержащій области турецкой родимецъ Янъ Кацело, не взираа на всевысочайшіе жалованные грамоты, указы, привиліи и другіе вѣрности, коими кievскому купечеству торговать безошплинно утверждено, и митрополиту кievскому въ Пробытомъ валу и на рѣчкѣ Борщовки и въ Бѣлгородкѣ и въ иныхъ мѣстахъ духовнымъ властиямъ въ монастырскихъ маестностяхъ мыта и мостовщины съ кievскихъ мѣщанъ не имать, понеже во всей Малой Россіи мостовое и погребельное и перевозной зборъ отставленъ и збирать иманнымъ блаженныя памяти государини императрицы Анны Іоанновны въ 1730 году указомъ де велѣно, своего ради прибытку и отъ кievскихъ купцовъ въ Волощину за виномъ волоскимъ, за черносливою, за орѣхами, за бакалією и за другими товары ѣздячихъ, которіе въ томъ дворѣ карантинномъ не стоявали и не стоятъ, но токмо мимо того двора на иные форпосты по паспортамъ, съ канцеляріи кievо-губернской даннымъ, проѣзжающихъ потолю не пропускають, поколь онымъ грекамъ и ему Яну Кацелѣ довольствіе ими требуемое не воспослѣдуетъ,

9*

и взимають зъ буты вина по два рубли, по рублю и мало низше, а со сливъ, орѣховъ и другихъ отъ воза по пятьдесятъ копѣекъ, по 60 и по 70 и по рублю, насильство и остановку дѣлають.

3.

И по такому ихъ карантиннаго двора содержащихъ откупщи-комъ, самовольству по челобитью мѣщанъ кіевскихъ купеческихъ промышленниковъ о происходящихъ обидахъ остановкѣ и въ купечествѣ помѣшательства не единожды куда надлежало любо и было представленіе съ прошеніемъ содержанія кіевскихъ мѣщанъ въ силѣ высоч. всемил. жалованныхъ грамотъ, указовъ и привиліевъ въ цѣлости неварушимой, токмо успѣху ни малійшого получить не могли, но еще съ продаваемого собою волоского вина указного скотного въ магистратъ кіевскій не даютъ и давать не хотятъ и по разнымъ на нихъ, карантинщиковъ, по купеческимъ заводамъ въ магистратъ кіевскій заносимымъ жалобамъ, укрываясь тѣмъ карантиннаго двора откупомъ, къ расправѣ не стають; а такихъ всевысоч. гос. импер. Петра Великаго 1710 г. жалов. магистрату кіевск. грамотою всемилостивѣйше повелѣно вѣдать и судить въ торговыхъ дѣлѣхъ на ратуші войту съ урядник.

И дабы высоч. в. и в. указомъ повелѣно было сіе наше челобитье въ кол. ин. д. принявъ записать, о запрещеніи силою всевысочайшихъ крѣпостей, въ кіевскомъ магистратѣ имѣющихся, вниманія зъ кіевскихъ купеческихъ промышленниковъ откупщикомъ карантиннаго двора небывалыхъ прежде сего сборовъ и о платежѣ въ магистратъ кіевскій зъ продажнаго ими волоского вина указныхъ скотныхъ денегъ и о прислушаніи и отвѣтѣ въ магистратъ кіевскій по жалобамъ на нихъ внесеннымъ, всемилостивѣйшій выдать указъ.

А. Андріевскій.

Къ турбаевской катастрофѣ. Турбаевская катастрофа очень долго помнилась въ Малороссіи. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ я слыхалъ о ней отъ дѣда, который, порицая жестокихъ помѣщиковъ, какихъ не мало было у насъ въ прилуцкомъ уѣздѣ, постоянно прибавлялъ: дождутся они того, что стасось съ турбаевскими Базилевскими. Но разсказать мнѣ, что именно случилось съ этими Базилевскими, онъ не пожелалъ, ограничившись тѣмъ, что ихъ, молъ, крестьяне замучили. Дѣль, впрочемъ, упрекалъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами еще болѣе мать убитыхъ Базилевскихъ, вдову

Феодора Базилевскаго, которой онъ приписывалъ и образованіе водоснабженнаго состоянія Базилевскихъ. Скула она была до скарелности, сама выѣзжала на возѣ съ яицами на базаръ для продажи яицъ и пр. Она устроила дѣло такъ, что казаки стали крестьянами, и разорила ихъ. Дѣти же пострадали за грѣхи отцовъ. Такъ ли это было, сказать не могу, и передаю воспоминанія дѣда о Базилевской лишь какъ преданіе.

Старый Прилучанинъ.

Ө. И. Каминскій. (Некрологъ). Въ ночь на 20-е марта скончался отъ чахотки въ хуторѣ Кругликѣ, близъ Лубень, полтавской губ., сотрудникъ нашего журнала Федоръ Ивановичъ Каминскій. Покойный былъ сынъ священника изъ минской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ одномъ изъ духовныхъ училищъ той же минской губ., а затѣмъ въ переяславской семинаріи. Въ 60-хъ г.г. онъ поступилъ вольнослушателемъ въ кievскій университетъ (въ то время окончившихъ семинарію въ студенты не принимали) на физико-математическій факультетъ и усердно занимался изученіемъ естественныхъ наукъ. По выслушаніи университетскаго курса, Ө. И. поступилъ учителемъ географіи въ переяславское духовное училище и въ тоже время сталъ давать уроки въ частномъ женскомъ пансіонѣ. Въ Переяславѣ Каминскій прослужилъ, если не ошибаемся, года три. Статьи о злоупотребленіяхъ тогдашнихъ переяславскихъ воротилъ, помѣщенные покойнымъ въ одной изъ кievскихъ газетъ, навлекли на него цѣлый рядъ преслѣдованій, заставившихъ его перейти на службу въ хорольское (полтавской г.) уѣздное училище. Въ Хоролѣ К—ій пробылъ не долго и въ 1872 г. перешелъ учителемъ приготовительнаго класса въ открытую тогда лубенскую гимназію и вмѣстѣ занялъ мѣсто бібліотекаря при гимназіи. Въ лубенской женской гимназіи онъ преподавалъ естественную исторію. Лѣтъ черезъ 10 Ө. И. былъ переведенъ учителемъ приготовительнаго класса въ прилучскую гимназію, а вскорѣ оказался вынужденнымъ вовсе оставить службу. Послѣ того онъ поступилъ домашнимъ учителемъ въ семейство владѣтельницы х. Круглика лубенск. у. Е. Н. Сваржинской, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни. Каминскій скончался далеко еще не старымъ человекомъ: ему было не болѣе 46 лѣтъ отъ роду. Тяжелыя житейскія условія и семейныя несчастья разрушили его крѣпкій организмъ. Живя въ Лубнахъ, Ө. И. предпринялъ нѣсколько археологическихъ

раскопокъ, для которыхъ окрестности Лубенъ и весь уѣздъ представляютъ богатый матеріалъ. Особенно значительно изслѣдованіе, произведенное имъ въ с. Гонцахъ лубенск. уѣзда. Здѣсь имъ сдѣлано важное въ области археологіи открытіе—это былъ первый констатированный и научно описанный случай находенія въ Россіи остатковъ чловѣка палеолитической эпохи, (такихъ фактовъ въ Россіи вообще извѣстно очень мало,—послѣ открытія К-го ихъ обнаружено было только 4). Работа эта («Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ») была помѣщена въ «Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда» въ Кіевѣ (т. I. стр. 147—152), на засѣданіяхъ котораго читалась въ качествѣ реферата. Открытіе К-го было описано въ книгѣ гр. А. С. Уварова «Каменный вѣкъ», откуда перешло въ иностранныя археологическія изданія. Другія археологическія работы К-го не были опубликованы. Объ одной изъ нихъ «Раскопки кургановъ (скифскаго типа) въ окрестностяхъ Лубенъ» докладывалъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора лѣтописца проф. В. В. Антоновичъ по замѣткамъ, доставленнымъ съ мѣста раскопки. Всѣ археологическія находки К-го собраны въ частномъ музеѣ Е. Н. Скаржинской, о составѣ котораго говорилось недавно въ «Кіевской Старинѣ». Въ составленіи этого собранія покойный принималъ дѣятельное участіе и судьба его всецѣло занимала Ѳ. И-ча въ послѣдніе годы его далеко нерадостной жизни. Въ нашемъ журналѣ помѣщено было одновременно нѣсколько небольшихъ замѣтокъ покойнаго.

Своимъ толковымъ и увлекательнымъ преподаваніемъ и гуманностью Ѳ. И. приобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе не только своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его, какъ преподавателя. Въ жизни Ѳ. И. былъ однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ высшіе интересы составляютъ весь ея смыслъ и содержаніе, однимъ изъ немногихъ идеалистовъ нашего времени. Въ памяти знавшихъ его останется воспоминаніе о немъ, какъ о чловѣкѣ безукоризненной чести и душевнаго благородства.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Костомаровъ. Литературное наслѣдіе. (Автобіографія. Стихотворенія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа). Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и бібліографическимъ указателемъ. Спб. 1890.

Книга, заглавіе которой мы выписали, не могла не занять виднаго мѣста въ нашей текущей литературѣ уже въ виду одного имени Костомарова, и мы обязаны дать о ней отчетъ въ литературной хроникѣ нашего журнала, хотя бы даже и нѣсколько поздно.

Автобіографія Н. И. Костомарова въ ея довольно полномъ видѣ является въ настоящемъ изданіи посмертныхъ работъ покойнаго историка наиболѣе замѣтнымъ литературнымъ фактомъ. Въ данномъ случаѣ впрочемъ играетъ роль не столько новизна всего въ ней сообщаемаго, сколько полнота впечатлѣній при чтеніи въ ней о такихъ даже событіяхъ въ жизни Костомарова, о которыхъ было извѣстно и раньше. Эту полноту пересказу о уже извѣстномъ даетъ талантливое изложеніе автобіографа, умѣющаго облекать въ плоть и кровь все достойное вниманія. Въ добавокъ въ данной работѣ яркой нитью проходитъ очевидная для всякаго цѣльность личности покойнаго историка, разъ ставшаго въ молодости на опредѣленный жизненный путь и никогда съ него не сворачивавшаго до конца дней своихъ.

Въ смыслѣ установки міросозерцанія и выбора специальности наиболѣе существеннымъ моментомъ для Костомарова было время послѣ окончанія имъ университетскаго курса въ Харьковѣ въ 1837 году. До этого года жизнь Костомарова не представляла ничего особеннаго. Все въ ней было заурядно: и пребываніе въ домѣ родительскомъ среди помѣщицкѣй обстановки, создававшейся у насъ подчасъ, какъ это было въ семьѣ Костомаровыхъ, изъ смѣси всякой европей-

ской культурной завали XVIII вѣка и русскаго крѣпостничества, да и обученіе «чему нибудь» и «какъ-нибудь» сперва въ дворянскихъ пансіонахъ, потомъ въ гимназій и университетѣ. Конечно личность Костомарова и тогда была отмѣчена особой печатью, такъ что еще въ пансіонахъ его величали enfant miraculeux, но все же его выдающіяся способности не прорывались тогда замѣтно и культивировались шаблонно. Повторяемъ поэтому, только послѣ окончанія университета и послѣ неудачной попытки служить въ военной службѣ начинается для Костомарова иная жизнь.

Идея возрожденія славянскихъ народностей, пробившаяся и въ русскій міръ съ австрійско-турецкаго славянскаго запада, получивла въ то время въ Харьковѣ права гражданства среди немногихъ литераторовъ и ученыхъ, и Костомаровъ сталъ однимъ изъ усердныхъ ея адептовъ, а нѣсколько позднѣе съ неменьшею стремительностью усвоилъ онъ себѣ и мѣтѣ реальную идею славянской взаимности, также носившуюся тогда въ воздухъ и трактовавшуюся на разные лады людьми разныхъ лагерей. Подъ вліяніемъ этихъ идей — Костомаровъ тогда же занялся обружавшимъ его малорусскимъ міромъ и впервые созналъ свою принадлежность къ этому міру по рожденію (острогской уѣздъ воронежской губерніи), о чемъ не догадывался, благодаря воспитанію, раньше, живя въ помѣщичьей обстановкѣ, игнорировавшей крестьянскую культуру. Одновременно съ этимъ, подъ вліяніемъ европейски образованнаго профессора всеобщей исторіи въ харьковскомъ университетѣ, Лунина, Н. И. занялся серьезно исторіей и почувствовалъ ясное влеченіе къ этой наукѣ. Страницы автобіографіи, передающія о тогдашнемъ настроеніи будущаго историка, кажутся намъ пречсполненными жизни и рельефно выражающими духъ той знаменательной для Костомарова поры.

«Осенью 1837 г. я отправился въ Харьковъ, читаемъ въ автобіографіи. Чувствуя, что въ моемъ образованіи многое было упушено и ждая дополнить его, я принялся прилежно слушать лекціи Лунина. Исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ тодбуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народнои массы? Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ-труженникъ какъ будто

не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувстваваніяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть, чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ; нужно только принятись поискать — и вѣрно найдется многое, что до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа; а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ его малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 г., великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой-нибудь мѣсяць я уже зналъ наизусть сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа «отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ перешелъ я къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало. До тѣхъ поръ я не читалъ ни одной малорусской книги, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которую еще въ дѣтствѣ, при отцѣ, вздумалъ было читать, но, мало понимая, бросаю ее. Теперь, вооружившись новыми взглядами, я досталъ повѣсти Квитки, изданныя въ то время подъ псевдонимомъ Грицька Основьяненко. Мое знаніе малорусскаго языка было до того слабо, что я не могъ понять «Солдатскаго портрета» и очень досадовалъ, что не было словаря; за неимѣніемъ послѣднего служилъ мнѣ мой слуга, уроженецъ нашей слободы по имени Ома Голубченко, молодой царень лѣтъ шестнадцати. Кромѣ того, гдѣ только я встрѣчался съ короткознакомыми малороссами, то безъ церемоніи осаждалъ ихъ вопросами: что значить такое-то слово или такой то оборотъ рѣчи. Въ короткое время я перечиталъ все, что только было печатнаго по малорусски, но этого мнѣ казалось мало; я хотѣлъ поближе познакомиться съ самимъ народомъ не изъ книгъ, но изъ живой рѣчи, изъ живого

обращенія съ нимъ. Съ этою цѣлью я началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами»... (стр. 28—29). Въ такомъ стремленіи изучить малорусскій народъ ревностно поддерживалъ Костомарова И. И. Срезневскій, бывший въ то время адъюнктъ-профессоромъ по статистикѣ, но питавшій особенную любовь къ славянскимъ языкамъ и литературамъ, а въ томъ числѣ къ азыку и литературѣ малороссовъ.

Подъ вліяніемъ овладѣвшихъ тогда Костомаровымъ идей была написана имъ магистерская диссертация «Объ уни» и затѣмъ, по уничтоженіи ея, другая — «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Безъ указанныхъ идей необъяснимо было бы и малорусское писательство Костомарова подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, оставленное имъ въ послѣдствіи. Наконецъ, все подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, главный интересъ для Костомарова сосредоточивался потомъ на эпохѣ Богдана Хмельницкаго, ради изученія которой онъ долженъ былъ долго собирать источники первой руки. Учителство его сперва въ Ровно, потомъ въ Кіевѣ и профессорство въ Кіевѣ, а далѣе многіе годы въ Саратовѣ прошли въ занятіяхъ этой эпохой.

Къ сожалѣнію и на этотъ разъ въ автобіографіи почти ничего не говорится о послѣднемъ времени пребыванія Костомарова въ Кіевѣ.

Пропускъ объ отмѣченной важной порѣ въ жизни Костомарова до известной степени восполняется очеркомъ жизни его въ ссылкѣ въ Саратовѣ. Широкую дорогу профессорской дѣятельности смѣняло поднадзорное житіе на обыкновенный обывательскій ладъ. Для людей широкаго размаха съ незаурядными способностями такое состояніе было тяжело, хотя въ глазахъ нѣкоторыхъ и принесло пользу Костомарову, такъ какъ освободило его отъ мечтаній (Полевой. Историкъ-идеалистъ. «Историческій Вѣстникъ». 1891 г., кн. II). Для Костомарова, конечно, легче было выбиться изъ этого положенія, чѣмъ другимъ, но это не значить, что онъ не испыталъ всѣхъ тягостей ссылки. Благодаря своимъ талантамъ, онъ вскорѣ и въ Саратовѣ пригодился мѣстной администраціи для нѣкоторыхъ литературныхъ работъ. Сверхъ того, проникшись

симпатіей и къ великороссамъ, Костомаровъ занялся собираніемъ и писаніемъ саратовскаго края, а потомъ статистикой его и изслѣдованіемъ «внутренняго быта древней Россіи»; но больше всего вниманія въ это время удѣлил онъ работѣ надъ бунтомъ Стеньки Разина, работѣ, для которой Саратовъ, какъ одинъ изъ центровъ Поволжья, мѣста дѣйствія Разина, былъ вполне удобенъ. Не исчезла въ это время и ранѣе проявленная Костомаровымъ привычка лично обозрѣвать тѣ историческія мѣстности, о которыхъ ему приходилось поминать въ своихъ работахъ, и онъ объѣздилъ южное Поволжье и Крымъ, какъ во время своего пребыванія въ Ровно и въ Кіевѣ, объѣздивъ тѣ мѣста юго-западнаго края, которыя чѣмъ нибудь были отмѣчены въ историческомъ отношеніи. Для историка-художника, какимъ былъ Костомаровъ, это было существенно важно и давало возможность провѣрки источниковъ письменныхъ.

Высочайшій манифестъ, послѣдовавшій послѣ коронаціи Императора Александра II, освободилъ Костомарова изъ подъ надзора, а еще ранѣе снято было съ него запрещеніе печатать свои труды. Оставалось до поры до времени въ силѣ только воспрещеніе служить Костомарову по ученой части, но въ 1859 г. и это ограниченіе пало. Петербургскій университетъ избралъ тогда Костомарова профессоромъ по кафедрѣ русской исторіи, и вскорѣ онъ былъ утвержденъ въ этой должности.

Съ этого момента Костомаровъ съ новой силой воодушевился идеей, возбужденной въ немъ вопросомъ о славянской взаимности еще до Саратова, — а именно идеей автономности для различныхъ этнографическихъ группъ, приходящихъ между собой въ соприкосновеніе, другими словами — идеей федерализма, примѣненной къ русской древне-исторической почвѣ (стр. 113—114).

Внивая въ смыслъ всего писаннаго затѣмъ Костомаровымъ, нельзя не видѣть, что онъ никогда не забывалъ этого основнаго взгляда своего на развитіе древне-русской жизни. Но, конечно, наиболее ярко и широко его идеи сказались въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Осневѣ» 1861 года — «О федеративномъ началѣ древней Руси», «Двѣ русскія народности», «Черты южно-русской исторіи». Статьи эти, по утвержденію Костомарова, были имъ составлены на основаніи того, что онъ читалъ ранѣе въ университетѣ, а послѣдняя

статья заключала въ себѣ сплошное историческое повѣствованіе событій удѣльно-вѣчеваго періода въ южной Руси до татаръ. Съ немалой яркостью тотъ же принципъ автономности и федерализма выступаетъ и въ сравнительно болѣе позднихъ работахъ историка— въ статьѣ «Начало единой державы въ древней Руси», появившейся въ 1870 г. въ «Вѣстникѣ Европы», и затѣмъ въ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей».

Только широкими воззрѣніями Костомарова можетъ быть объясненъ огромный кругъ темъ, которыхъ онъ касался, работая и по исторіи Малороссіи, и по исторіи Московскаго государства, и по исторіи Польши. Но эти воззрѣнія, хотя и обособно важнымъ строгимъ документальнымъ изученіемъ прошлыхъ судебъ, были несочувственны многимъ и на Костомарова стали сыпаться укоры въ проведеніи въ современную жизнь идей, не соответствующихъ ея господствующему строю. Особеннымъ же нападкамъ въ эпоху польскаго возстанія 1863 г. подверглась статья «Двѣ русскія народности», которую «Русскій Вѣстникъ» обозвалъ даже «позорною» (стр. 121). Возбужденная такимъ образомъ реакціонной литературой подозрительность относительно Костомарова пошла даже такъ далеко, что выставленную имъ въ спорѣ съ Погодинымъ «о началѣ Руси» литовскую теорію о происхожденіи Руси подвергли въ литературѣ разсмотрѣнію чуть не съ точки зрѣнія политической благонадежности (стр. 121).

Отъ подобныхъ кривотолковъ, разъ они начались, ничто не спасало Костомарова. Какъ ни тщательно онъ работалъ надъ документами архивовъ и для своихъ непосредственныхъ изданій, и въ качествѣ члена археографической комиссіи, противники его всегда находили его мнѣнія неосновательными, какъ напр. мнѣніе о Дмитріи Донскомъ и о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ Смутной эпохи. Нѣкоторые, какъ, напр., недавно г. Полевой (статья «Историческіе идеалисты» въ Историческій Вѣстникъ, кн. II), рѣшались и рѣшаются утверждать, что затраченнаго Костомаровымъ времени на ознакомленіе съ этой эпохой было недостаточно для того, чтобы составить о ней основательное сужденіе. Они между тѣмъ опускаютъ изъ виду и крайнюю интензивность труда Костомарова, и его въ ряду вонъ выходящую способность быстро схватыванія характерныхъ чертъ вѣка. Притомъ же отъ Костомарова, какъ

отъ историка-художника, едва ли всегда можно требовать полной безошибочности въ деталяхъ, особенно въ виду того, что брать ему для изслѣдованій приходилось не отдѣльныя событія, а цѣлыя эпохи.

Оставленіе Костомаровымъ университетской каѳедры въ 1862 г. не было, какъ извѣстно, превращеніемъ его литературной и ученой дѣятельности. Не произошло отъ этого и измѣненій въ проводимыхъ имъ воззрѣніяхъ (стр. 153).

Предъ нами такимъ образомъ при чтеніи автобіографіи Костомарова проходитъ жизнь вполне цѣльная, ненарушенная въ своемъ нормальномъ развитіи даже грубыми ударами судьбы, жизнь, отданная нелегкому служенію наукъ и интересамъ родной страны и уже потому самому свободная отъ упрековъ въ эгоизмѣ.

Въ «Литературномъ наслѣдіи» находимъ мы и замѣчательную статью «Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества». Статья эта вмѣстѣ со статьею «Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Бесѣда» 1872 г.) и со статьею «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Рус. Мысль» 1880 и 1883) составляетъ передѣлку магистерской диссертациі покойнаго и представляетъ собою образецъ блестящаго изслѣдованія южно-русской народной поэзіи, причемъ выводы автора относительно народнаго міровоззрѣнія не идутъ далѣе предлагаемыхъ фактовъ и не переходятъ въ вѣроятныя гаданія. Названная работа можетъ также служить прекраснымъ доказательствомъ неизмѣнности вкусовъ и воззрѣній нашего историка-этнографа, вернушагося подъ конецъ жизни къ переработкѣ сюжета, интересовавшаго его сорокъ лѣтъ назадъ.

Я. Ш.

Этнографическое Обзорніе. Изданіе этнографическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ подъ ред. секретаря отдѣла Н. А. Янчука. Москва. 1889—1890 г. кн. I—VII.

Живая Старина. Изд. при импер. русск. географическомъ обществѣ подъ ред. предсѣд. этнографич. отд. В. И. Ламанскаго. Спб. 1890.

Выпускъ I-й.

Быстро возрастающій повсюду въ Россіи интересъ къ этнографическимъ занятіямъ привелъ, почти одновременно, два специальныхъ учрежденія—одно въ Петербургѣ, другое въ Москвѣ—къ сознанию необходимости періодическихъ изданій, посвященныхъ этнографіи. Обычныя рамки дѣятельности учёныхъ обществъ, даже столь дѣятельныхъ и богатыхъ денежными средствами, какъ географическое, не удовлетворяютъ болѣе назрѣвшимъ потребностямъ въ расширеніи и углубленіи этого рода изученій. И вотъ передъ нами сразу два новыя изданія. Оба изданія выходятъ по четыре книжки одинаковаго размѣра въ годъ, и подписная цѣна тому и другому почти одна и та же; оба привѣтствуютъ другъ друга и оба преслѣдуютъ, понятно, только одинъ научныя цѣли. Спрашивается, чѣмъ же обуславливается появленіе сразу двухъ этнографическихъ журналовъ и какія особенности отличаютъ тотъ и другой?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, выкажемъ сожалѣніе, что, живя въ провинціи, мы пользуемся въ настоящій моментъ только первымъ выпускомъ «Живой Старины», ибо 2-й выпускъ, разобраный уже въ нѣкоторыхъ столичныхъ изданіяхъ, и 3-й до насъ не дошли еще. Поэтому мы вынуждены ограничиться впечатлѣніемъ одной только первой книжки «Живой Старины», хотя, впрочемъ, она—то и представляетъ особый интересъ вводной статьей редактора, въ которой задачи этнографіи и самаго изданія выяснены съ совершенной ясностью и полнотой. Въ первой книгѣ «Этнографическаго Обзорнія» также находимъ руководящую статью Д. Н. Анучина «О задачахъ русской этнографіи». Въ этихъ-то статьяхъ и раскрывается различіе въ пониманіи обоими изданіями предмета и задачи этнографическихъ изученій. Полемизируя съ г. Пышинымъ

(статьи котораго о задачахъ этнографіи, напечатанныи въ «Вѣстникъ Европы», памятни, конечно, читателямъ), Д. Н. Анучинъ выражаетъ неудовлетворенность тѣмъ предпочтеніемъ собранію матеріаловъ, которое до сихъ поръ оказывается въ нашихъ этнографическихъ занятіяхъ; по его мнѣнію, матеріаловъ существуетъ уже очень много и одной изъ ближайшихъ задачъ русской этнографіи должно служить сведеніе ихъ во едино путемъ тщательныхъ монографическихъ работъ и потомъ пополненіе оставшихся пробѣловъ въ накопленіи матеріаловъ. Но этимъ, по мнѣнію проф. Анучина, не исчерпываются задачи этнографіи: «этнографіа не можетъ быть наукой чисто описательной и ея конечныи задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ»; такимъ образомъ, онъ указываетъ особый кругъ работъ въ области этнографіи—аналитическихъ работъ по изученію всевозможныхъ сторонъ матеріальнаго и духовнаго міра, отмѣчаетъ далѣе особую категорію изслѣдованій по взаимнымъ отношеніямъ племенъ, ихъ смѣшенію, взаимодействию и т. п., и наконецъ, ставитъ на видъ важность русскихъ этнографическихъ изслѣдованій для исторіи культуры вообще и исторіи первобытной культуры въ особенности; покончивъ собственно съ теоретической стороной дѣла, авторъ, въ заключеніе, упоминаетъ и о прикладномъ значеніи этнографіи въ вопросахъ организаци и улучшенія народнаго быта. Итакъ, «Этнографическое Обзорѣніе» отдастъ предпочтеніе фольклору и въ вышедшихъ семи книжкахъ заключаетъ нѣсколько замѣчательныхъ по эрудици статей В. Θ. Миллера, В. В. Калаша и Н. Θ. Сумцова изъ области сравнительной этнографіи; фольклоръ прокрадывается и въ объясненіе фамильнаго преданія о Дан. Лаир. Хапенко, сбившемъ выстрѣломъ головной уборъ съ козачки, отвоевываеъ себѣ почетное мѣсто въ изслѣдованіи легендъ о Паліѣ и Мазепѣ, не говоря уже о былинныхъ сюжетахъ, раньше подвергавшихся изслѣдованію въ этомъ направленіи. Понятно отсюда, что «Этнографическое Обзорѣніе», преслѣдуя главную цѣль — изученіе народностей Россіи, изрѣдка даетъ мѣсто и статьямъ обще-этнографическимъ, даже переводнымъ, если онѣ имѣютъ руководящее значеніе. Понятно также то вниманіе, которое удѣлено здѣсь бібліографіи; въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» читатель находитъ, кромѣ обстоятельныхъ разборовъ отдѣльныхъ изданій по своей спеціальности, и

тщательный обзор журналовъ, и обзоръніе всевозможныхъ газетъ, и, наконецъ, спеціальныя труды по библиографіи отдѣльныхъ областей Россіи; все, сколько нибудь важное и интересное въ любой провинціальной газеткѣ передается въ обращеніи, такъ что каждое такое обзоръніе представляетъ сводъ всѣхъ новѣйшихъ работъ по этнографіи Россіи. Сыраго матеріала относительно мало, а тотъ, который есть, служитъ дополненіемъ и разъясненіемъ статей, или, въ крайнемъ случаѣ, обставляется богатымъ литературнымъ аппаратомъ.

Обращаемся теперь къ «Живой Старинѣ». В. И. Ламанскій основной задачей этнографическаго изученія Россіи признаетъ коллективный систематическій трудъ, посвященный полному этнографическому описанію ея; въ немъ, въ этомъ трудѣ, «должны найти мѣсто антропологическія, археологическія и историко-этнологическія, лингвистическія, этнографическія изысканія, какъ о нѣкогда обитавшихъ, такъ и о всѣхъ нынѣ обитающихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи народностяхъ, съ географическимъ описаніемъ ихъ областей, территорій, съ историческимъ обзоромъ ихъ новѣйшихъ судебъ, ихъ отношеній къ прочимъ инородцамъ и къ русскому племени, съ подробнымъ изложеніемъ и характеристикой ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ и особенностей...», съ приложеніемъ результатовъ антропологическихъ измѣреній, изображеній типовъ, костюмовъ, жилищъ, утвари и пр.». Проф. Ламанскій признаетъ законность сравнительно-этнографическихъ изученій, но, въ то же время не считаетъ ихъ собственно-этнографическими въ тѣсномъ смыслѣ слова и особенно предупреждаетъ отъ неосторожнаго пользованія сравнительнымъ методомъ провинціальныхъ дѣятелей, рекомендуя имъ безхитрое и лукаво не мудрствующее, по его выраженію, проникновеніе въ окружающую ихъ жизнь. На этихъ провинціальныхъ работникахъ покоятся особыя надежды и симпатіи автора. Возникновеніе провинціальныхъ ученыхъ обществъ, работы статистическихъ комитетовъ, появленіе провинціальныхъ, особенно уѣздныхъ, музеевъ признается имъ знаменіемъ времени, свѣтлымъ симптомомъ поворота на путь народнаго самосознанія, уваженія къ народному обычаю, къ свободѣ и разнообразію жизни.

Статей по общей этнографіи въ «Живой Старинѣ», разумѣется, нѣтъ вовсе; за то удѣлено довольно мѣста славяновѣдѣнію, конечно— въ интересахъ изученія русскаго народа; въ ней есть особый отдѣлъ: «исслѣдованія, наблюденія и разсужденія», но онъ не занимаетъ исключительнаго положенія, напротивъ, въ «Живой Старинѣ» отведено видное мѣсто сырымъ матеріаламъ, которымъ посвящена особая рубрика: «Памятники языка и народной словесности», кромѣ «Смѣси», состоящей изъ мелкихъ сообщеній также строго-фактическаго характера.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ оба журнала, укажемъ теперь въ нихъ статьи, касающіяся южной Россіи. Начнемъ снова со старѣйшаго изъ нихъ, съ «Этнографическаго Обзорнія». Съ указанной стороны обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія статьи:

В. В. Каллаша, «Палій и Мазена въ народной поэзіи» (кн. II). Въ приложеніи находимъ 13 легендъ о названныхъ лицахъ (4 записаны вновь) и черногорскую пѣсню о Петрѣ В. и Мазенѣ.

П. И. «Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ купянск. у. харьк. губ.» (кн. III); содержитъ 11 разсказовъ.

М. К. Васильева, «Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа» (кн. IV); матеріалы: I) Доля (5 разсказовъ), II) Бѣда (одноглазый великанъ), III) Мара, IV) Болѣзни, V) Недѣля и Пятница.

М. Запольскаго, «Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ» по даннымъ судебныхъ процессовъ XVII и начала XVIII в. (кн. V).

В. Б. Антоновича, «Заклинанія противъ чаръ» (кн. V),—двѣ формулы заклинаній списаны авторомъ съ документа XVII ст., происходящаго изъ Галиціи.

П. И., «Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ» (кн. V и VII) представляетъ много интереснаго фактическаго матеріала, въ видѣ легендъ, приводимыхъ частію цѣликомъ, частію въ сокращеніи, и новѣствующихъ о Поньдилкѣ, о происхожденіи главенства мужа, о богачѣ и бѣднякѣ, о молитвѣ, объ Иисусѣ Христѣ и апостолѣ Петрѣ, о колосѣ, о Маркѣ богатомъ, объ апостолѣ Петрѣ, какъ повелителѣ волковъ, о цыганахъ и солдатахъ, о томъ, «чого на халлу чортова голова» и «де взялись халлы и москали?» Мѣсто записи—купянской уѣздъ. Признавая, что въ созданіи легендъ большое участіе принимали книжные, въ частности апокрифическіе сюжеты и эпизоды, авторъ, однако, полагаетъ, что въ концѣ концовъ послѣдніе настолько подчинились мѣстнымъ вліяніямъ, что въ настоящее время могутъ

служить удобнымъ матеріаломъ для изученія народнаго міросозерцанія: поэтому онъ и располагаетъ ихъ по отдѣльнымъ рубрикамъ этическаго характера. Мы считаемъ это неосторожнымъ шагомъ: по нашему мнѣнію, раньше внимательнаго расчлененія легенды на элементы заносные и туземные нельзя дѣлать никакихъ надежныхъ заключеній въ такомъ родѣ.

М. М. Плохинская «Цыгане старой Малороссіи» (кн. VII)— интересная статья, написана по документамъ харьковскаго историческаго архива.

Е. Р. Романова «Очеркъ быта нищихъ могилевской губ. и ихъ условный языкъ (любѣцкій лѣментъ)» (кн. VII) съ приложеніемъ словарика этого языка въ 1000 словъ.

В. Н. Септъ, «О черничкахъ, по наблюденіямъ въ с. Тарасовкѣ харьк. губ. купянск. у.» (кн. I).

Далѣе, укажемъ изслѣдованія, имѣющія опредѣленный характеръ фольклора, авторы которыхъ пользовались и малорусскимъ матеріаломъ:

В. О. Миллеръ, «Кавказскія сказанія о циклопахъ» (кн. IV).

Н. О. Сумцова, «Воронъ въ народной словесности» (ibid.).

Ею же «Къ исторіи сказаній объ искусномъ стрѣлкѣ» (кн. V). Семейное преданіе Ханенковъ даетъ поводъ автору къ сопоставленію преданій и рассказовъ на эту тему германскихъ, норвежскихъ, швейцарскихъ, финскихъ, венгерскихъ, армянскихъ, румынскихъ, персидскихъ, болгарскихъ и сербскихъ, но, несмотря на широкую начитанность автора, происхожденіе малорусскаго сказанія ему выяснитъ не удалось.

Отмѣтимъ также мелкія замѣтки и статейки, относящіяся къ югу Россіи:

В. В. Калаша: 1) О прозваніи Ильи Муромца, 2) Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ, 3) Къ былинамъ о Соловьѣ Разбойникѣ, 4) Малорусскія пѣсни о Дунаѣ богатырѣ, 5) Тугаринъ, 6) О Журилѣ—Чурилѣ—Цюрилѣ, 7) Журъ, 8) Къ бѣлорусскому народному снотолкователю, 9) Превращенія въ растенія и животныхъ, 10) Сонъ-трава, 11) Полозы, 12) Укрощеніе змѣй, 13) Алеша Поповичъ, 14) Кожемяка—Янъ Усмошвецъ, 15) О хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ, 16) Татуировка и окрашивание труповъ, 17) Чоботько или Чоботокъ (кн. III, IV и V).

Н. О. Сумцова, 1) Объ укрощеніи змѣй, 2) Сонъ-трава, 3) Розмай-зилье, 4) Жемчужная трава, 5) Васильки, 6) Обжинки, 7) Сна-

сова борода, 8) Символика краснаго цвѣта, 9) Татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины (кн. I и V).

А. Соболевскаго, О происхожденіи былиннаго Ильи (кн. VI).

М. К. Васильева, Пѣсенные мотивы о превращеніяхъ (ibid).

Далѣе, мы находимъ извѣстія объ этнографическихкихъ музеяхъ, трудахъ ученыхъ обществъ, некрологи этнографовъ (между прочимъ обширную статью о Кольбергѣ). Въ библиографическомъ отдѣлѣ напечатаны отзывы о слѣдующихъ отдѣльныхъ изданіяхъ: «Бѣлоруссія и Литва» изд. П. Н. Батушкова, Чтенія историческаго общества Нестора лѣтописца, Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества т. II, Сборникъ херсонск. земства (последній надлежало бы отнести въ отдѣлъ періодическихкихъ изданій), «Матеріалы» Шейна, хронологическая классификація могилъ южной Россіи Самоквасова.

Переходимъ къ «Живой Старинѣ». Въ I выпускѣ ея находимъ начало сравнительнаго изслѣдованія *И. Н. Жданова* «Пѣсни о князѣ Михаилѣ», въ ученый аппаратъ котораго, на ряду съ словенскими, моравскими, сербскими и французскими, вошли и малорусскія пѣсни; статью крестьянина-этнографа кіевской губ. *И. Савченко* «Старое и новое», трактующую о крестьянскомъ малорусскомъ костюмѣ; 8 пѣсенъ, записанныхъ въ с. Молодовѣ гродненск. губ. вобринск. у. г-жею *Сажовичъ*; *Е. Р. Романова* «Катрушницкій лѣмезень» — условный языкъ шерстобитовъ м. Дрибина чаусскаго у. могилевск. г., языкъ, въ которомъ попадаются слова древне-русскія, литовскія, нѣмецкія, татарскія, еврейскія и даже греческія и латинскія; въ приложеніи къ статьѣ — словарь, заключающій 372 слова; — некрологи Кольберга и Мивуцкаго; отзывы о книгахъ: Чтенія въ обществѣ Нестора лѣтописца, «Матеріалы» Шейна, Двинскіе или Борисовы камни *А. Сапунова*, Обзоръ фонетич. особ. малорусск. рѣчи *В. Науменка*, Пѣсни о князѣ Романѣ *И. Н. Жданова*, Wisła.

Заканчивая этимъ характеристику двухъ этнографическихкихъ изданій, пожелаемъ успѣха имъ обоимъ. Правда, въ пониманіи предмета и задачъ этнографическихкихъ занятій, мы склоняемся къ гг. Шупину и Ламанскому, но полагаемъ, что и фольклоръ можетъ и долженъ принести большую пользу, особенно, когда сравнительный методъ находится въ рукахъ лицъ съ такой неоспоримой эрудиціей, какъ руководители «Этнографическаго Обозрѣнія».

В. Я.

Gustave Schlumberger. Un Empereur byzantin au dixieme siècle, Nicéphore Phocas. Paris, chez Firmin Didot, 1890.

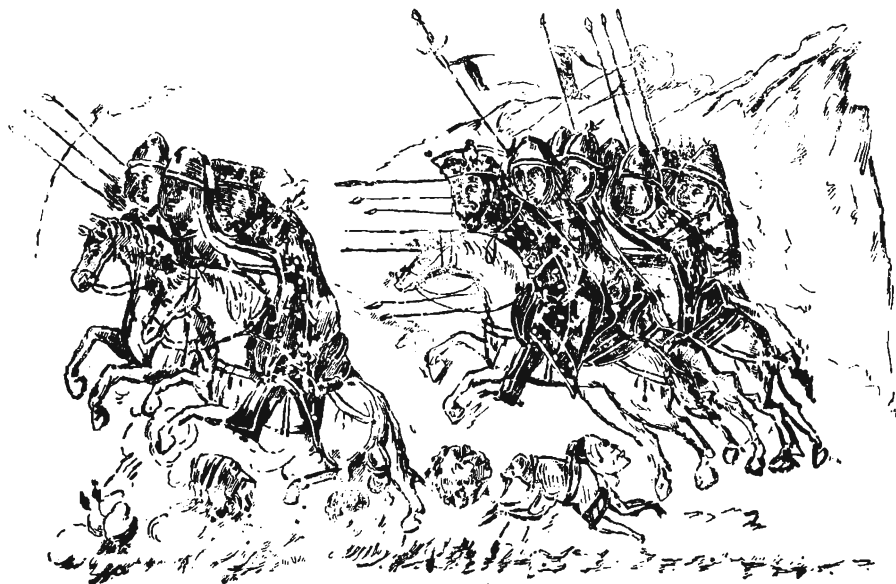
Говоря объ отношеніяхъ между Болгаріей и Византіей въ царствованіе императора Никифора Фоки, г. Шлюмберже, французскій академикъ, давно уже извѣстный своими многочисленными изслѣдованіями въ области исторіи и нумизматики, не могъ разумѣется пройти молчаніемъ и тѣхъ отношеній, которыя возникли въ то время между Болгаріей и Русью. Сдѣлавши краткій очеркъ положенія дѣлъ въ Болгаріи въ X вѣкѣ и изложивши свой взглядъ на то положеніе, которое долженъ былъ занять воинственный и славолюбивый императоръ по отношенію къ ослабѣвшей уже, раздираемой внутренними несогласіями и управлявшейся въ то время слабымъ царемъ Петромъ—Болгаріи, авторъ приходитъ къ заключенію, что окончательное завоеваніе этой страны не могло не быть государственной необходимостью для Византіи и затѣмъ приступаетъ къ изслѣдованію тѣхъ мотивовъ, которые заставили Никифора обратиться за содѣйствіемъ къ Руси. «Были ли его воиска недостаточно подготовлены, говоритъ онъ, желалъ ли онъ щадить кровь «воиновъ Христа», во всякомъ случаѣ Никифоръ рѣшился выполнить свой планъ относительно Болгаріи при помощи чужихъ рукъ. Его дипломатическій гений, тонкій и гибкій, скрывавшійся всегда въ глубинѣ души каждаго изъ государственныхъ людей Византіи, внушилъ ему проектъ диверсіи безконечно гибельной для его противника. Онъ рѣшился нанести ударъ Болгаріи съ сѣвера, руками сосѣднихъ ей съ этой стороны варваровъ и достигнуть такимъ образомъ своей цѣли—окончательнаго уничтоженія Болгаріи—не потерявши ни одного изъ своихъ воиновъ».

«Дунайская граница Болгаріи, говоритъ г. Шлюмберже далѣе, была очень плохо защищена. Войска царя Петра не были достаточно сильны, чтобы оказать серьезное сопротивленіе многочисленной арміи враговъ, которая бы сумѣла перейти при благоприятныхъ условіяхъ великую рѣку. Надо было найти эту армію и заставить ее двинуться въ желаемомъ направленіи. Никифоръ не считъ возможнымъ возложить эту важную миссію на мадьяръ, утомленныхъ уже въ то время воиною съ Оттономъ I. Точно также оставилъ онъ въ сторонѣ и печенѣговъ, которыхъ совѣтовалъ направить на Болгарію еще Константинъ Багрянородный въ виду ихъ значительной отдаленности

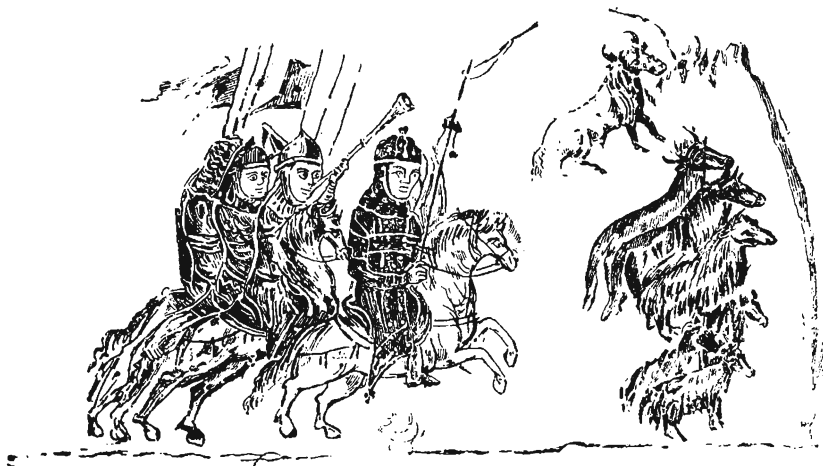
отъ Византіи ¹⁾, не рассчитывая на продолжительность ихъ содѣйствія. О хозарахъ нельзя было и думать, такъ какъ имъ для этого надо было пройти сквозь страну печенѣговъ. Оставалось обратиться къ идолопоклонникамъ—россамъ—народу воинственному и побѣдоносному по преимуществу, во главѣ котораго стоялъ молодой и смѣлый князь, славолюбивый и постоянно жаждавшій войны. Базилевсъ навѣрно рассчитывалъ, что Болгарія не въ состояніи будетъ сопротивляться такому врагу, съ другой же стороны онъ думалъ, что россы не представятъ никакой серьезной опасности для Византіи, имѣя своимъ центромъ далекій Кіевъ. На этотъ разъ осторожный обыкновенно государственный человѣкъ сдѣлалъ очень важную ошибку: направивши необдуманно русскихъ на Дунай, чтобы раздавить царство Симеона, Никифоръ приготовилъ, не подозрѣвая этого, своему преемнику одну изъ самыхъ ужасныхъ бурь, какимъ когда бы то ни было подвергалась Византія». Далѣе г. Шлюмберже рассказываетъ исторію миссіи Колосира, уроженца Херсонеса и сына начальника управлявшаго этой греческой колоніей. Этотъ полу-скифъ, полу-грекъ, какъ характеризуетъ его авторъ, съ дѣтства обучившійся во дворцѣ своего отца коварной и сложной политикѣ византійцевъ на берегахъ Днѣпра и Дона и изучившій внимательно знаменитыя инструкціи импер. Константина, написанныя для руководства базиликовъ, послылавшихся въ страны хозаръ, печенѣговъ и россовъ, сейчасъ же сообразилъ какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ своей миссіи для своихъ личныхъ расчетовъ. Онъ отправился въ Кіевъ съ многочисленной свитой, состоявшей изъ воиновъ, священниковъ, монаховъ и писцовъ, и большимъ количествомъ золота (ему отпущено 1500 литръ—около 100 тысячъ номизматовъ), показывающимъ какую важность придавалъ Никифоръ успѣху этой миссіи. Первая остановка Колосира по пути была на томъ плоскомъ островѣ св. Георгія, гдѣ русскіе мореходы рѣзали куръ въ честь мѣстнаго божества и клали свои приношенія у подножія громаднаго дуба; затѣмъ посольство миновало пороги, на характерныя названія которыхъ (*Ne dors pas, Sa sonnate, L'Insatiable, Des tourbillins, Aux flots boullonantes* и проч.) нашъ французскій авторъ обращаетъ особенное вниманіе, проѣхало степи, не

¹⁾ Здѣсь авторъ ссылается на книгу профес. Дринова (Южные славяне и Византія въ X в. М. 1876), котораю, какъ и прочими русскими источниками, онъ пользовался при помощи одного изъ нашихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Парижѣ, о чемъ и упоминается въ предисловіи.

безъ того чтобы не подѣлиться частью своей казны съ печенѣгами и наконецъ вѣхало черезъ хозарское предмѣстье «въ дикую еще тогда столицу Руси, въ которой однимъ вѣкомъ позже Титмаръ насчитывалъ уже больше 400 церквей».

Успѣху миссиі Колосира, по мнѣнію г. Шлюмберже, много содѣйствовало и то, что кромѣ привезеннаго золота самолюбивый и своекорыстный херсонесецъ не посовѣстился измѣнить своему повелителю и уговаривалъ Святослава идти на Болгарію, указавъ ему на

возможность воспользоваться этимъ и для нападенія на самую Византію и далъ ему для этого нѣкоторыя свѣдѣнія. Далѣе г. Шлюмберже дѣлаеть большія выписки изъ начальной лѣтописи (по франц. переводу г. Louis Léger), дополняетъ сдѣланныя еще раньше по той же лѣтописи характеристики Святослава и Ольги и переходитъ, наконецъ, къ описанію самого похода. Относительно него онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что русскіе воины отправились въ ладьяхъ, не взявши съ собою лошадей и добыли ихъ себѣ уже высадившись въ Болгаріи, гдѣ сражались часто на коняхъ, какъ это видно на приложенныхъ къ книгѣ рисункахъ, снятыхъ съ знаменитыхъ миниатюръ ватиканской рукописи хроники Манассіи.

Оставляя затѣмъ дальнѣйшее описаніе похода, сдѣланное на основаніи визавтійскихъ источниковъ, нашей начальной лѣтописи, а также сочиненій Черткова и проф. Дринова, мы должны обратить вниманіе читателей на только что упомянутые приложенные къ книгѣ г. Шлюмберже рисунки, два изъ которыхъ, благодаря любезности автора и вниманію издателя, мы имѣемъ возможность воспроизвести у себя. Рисунки эти, какъ мы сказали, сдѣланы съ миниатюръ, украшающихъ рукопись перевода стихотворной хроники Манассіи, хранящуюся въ славянскомъ отдѣлѣ Ватиканской бібліотеки подъ № 2. Переводъ этой хроники былъ сдѣланъ—еще въ XII в., но сама рукопись относится къ XIV в.; она была описана, между прочимъ, въ статьѣ о славянскихъ рукописяхъ Ватиканск. бібліотеки, помѣщенной въ журналѣ Мин. нар. просвѣщ. т. XXII, 2. 1839 и затѣмъ въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея въ Москвѣ. Второе описаніе сдѣлано по копіи Ватик. рукописи исполненной Штрайдмономъ и находящейся въ Румянц. музеѣ подъ № 269. На одномъ изъ этихъ рисунковъ одѣтые въ панцири и вооруженные копьями, щитами и мечами русскіе всадники устремляются на болгаръ, которые бѣгутъ въ страхѣ. Болгары вооружены луками и стрѣлами. Одинъ изъ нихъ, посреди кучи труповъ и отрубленныхъ головъ, старается прикрыться своимъ лукомъ. На другомъ можно видѣть тѣхъ же одѣтыхъ въ панцири воиновъ, угоняющихъ стада быковъ и овецъ. Замѣчательно хорошо исполнена также приложенная къ книгѣ г. Шлюмберже аргитическая хромолитографія, изображающая цѣлое кавалерійское сраженіе между россами и болгарами. Кромѣ того, въ книгѣ г. Шлюмберже находится еще много другихъ рисунковъ, относящихся къ исторіи южной Руси, какъ напр., виды Кіева, гробницы Ярослава, изображенія русскихъ воиновъ и ладьи изъ житія св. Бориса и Глѣба,

а также весьма интересны портреты болгарских царей, снятые с оригиналов принадлежащих лорду Zouche. Вообще, благодаря автору и издателю его сочинения г. Firmin-Didot, не щадившим издержек, книга эта издана с роскошью не совсѣмъ обыкновенной даже для французскихъ ученыхъ изданій.

В.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. № 11. Годъ пятый. Симферополь 1891 года.

Нашъ журналъ не разъ уже имѣлъ случай выразить сочувствіе къ дѣятельности вообще всѣхъ архивныхъ комиссій, занявшихся собираніемъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ мѣстной старины, и въ частности къ дѣятельности таврической комиссіи, обнаруживающей большую энергію сравнительно съ другими. Предъ нами уже 11-я книжка «Извѣстій» этой комиссіи; подобно предъидущимъ, она полна самыхъ интересныхъ статей и матеріаловъ.

Наибольшую важность представляютъ сообщенные г. О. Лашковымъ «Памятники дипломатическихъ сношеній крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вв., хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ». Въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій», напечатано 12 «шертныхъ» грамотъ (договоровъ о мирѣ) крымскихъ хановъ Богатырь-Гирея, Исламъ-Гирея и Магметъ-Гирея съ московскими государями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ за время 1641 по 1650 годъ. Такимъ образомъ грамоты относятся къ важнѣйшему въ южно-русской исторіи періоду—къ періоду войнъ Хмельницкаго, въ которыхъ принимали участіе и татары; тѣмъ не менѣе въ грамотахъ ничего не говорится объ этихъ событіяхъ и, какъ историческій матеріалъ, онѣ мало содержательны; предметомъ договора всегда являются набѣги татаръ и казна (поминки и дары) хану, царямъ и царевичамъ. Казны этой татары требуютъ все большей, «безъ убавки»; однажды казна была прислана съ убавкой и царскимъ посланникамъ «учинилась за то многая тѣснота и безчестье» ханы домогаются этихъ даровъ настойчиво за каждый годъ для себя и для своихъ приближенныхъ, обязываясь лишь на русскіе «украинные города и уѣзды, по селамъ и по деревнямъ в'весну и в'лѣто и в'осень и во всякое время войною не приходитъ и царскаго величества городскихъ и уѣздныхъ людей не воевать и по дорогамъ станичниковъ и

проѣзжихъ людей в' полонѣ не имать и не грабить и в' Крымъ и в' Азовъ не водить и украиннымъ городамъ и московскому государству лиха и дурна никакова не хотѣть». Къ эпохѣ войнъ Хмельницкаго относятся за 1648 годъ двѣ грамоты, одна за 1654 и одна за 1656 годъ. Въ 1648 году, когда московскій государь держался въ сторонѣ отъ событій въ южной Россіи, упоминаній объ этихъ послѣднихъ, конечно, и не могло быть; но къ удивленію нѣтъ на нихъ ни малѣйшаго намека и въ грамотѣ 1654 года, когда состоялось уже воссоединеніе Малороссіи: повторяются прежнія требованія «большой казны» и обѣщаніе не ходить войной на украинные города; въ грамотѣ же 1656 г. прибавлено только: «на запорожскихъ черкасахъ войною самимъ не ходить» и далѣе: «никакихъ татаръ не посылать царскаго величества к'недругамъ к'полскому Яну-Казимеру королю, и к'венгерскому, и к'волоцкому, и к'мутьянскому на помощь крымскихъ и нагайскихъ, и азовскихъ татаръ и никакихъ воинскихъ людей не посылать же». Изданныя г. Лашковымъ «шертныя грамоты» не совсѣмъ удобны для пользованія вслѣдствіе отсутствія при нихъ краткой описи, которая бы знакомила читателя съ содержаніемъ грамоты и не возможны для провѣрки, потому что, ни подъ одной грамотой не сообщается изъ какой связки и изъ какой группы дѣлъ архива она заимствована. Это такое важное неудобство, что даже исправленіе его въ концѣ сборника мало облегчаетъ быстрое ознакомленіе съ грамотой.

Вторая группа матеріаловъ настоящаго выпуска «*Ордера кн. Потемкина правителю таурической области*», — сообщенная г. Г. Кирьенко имѣетъ тѣже недостатки, какъ и «Памятники дипломатическихъ сношеній» т. е. отсутствіе заголовковъ и указаній, откуда документы заимствованы. Эта группа матеріаловъ имѣетъ и еще одно серьезное неудобство — отсутствіе всякой системы; если шертныя грамоты можно издавать, руководствуясь одной хронологической системой, въ виду ихъ важности, однообразія, и отношенія къ одному государству, то этого нельзя допускать при изданіи «ордеровъ», касающихся всѣхъ сторонъ жизни края и потому весьма разнообразныхъ по содержанію. Какой, напр., резонъ помѣщать рядомъ разрѣшеніе Потемкинымъ директору ботаническаго сада Гендерсону и манвелѣ Кертландъ пріѣхать «въ Елисаветъ» (градъ, разумѣется), его же, Потемкина, распоряженіе о высылкѣ въ Кременчугъ всѣхъ муллъ, возбуждавшихъ населеніе противъ Россіи во время войны ея съ Турціей и учредившихъ постъ, молитвы и жертвоприношенія ради усиловъ турецкаго меча, а рядомъ ордеръ о

высылаѣ ему, Потемкину, уздечекъ и сырмятныхъ ремней? При расположеніи по содержанію получили большее значеніе и такіе ордеры, которые теперь кажутся малозначущими. Напечатанные въ настоящемъ выпускѣ ордера обнимаютъ время со 2-го марта по 19-е мая 1788 г. «Матеріалы архива канцеляріи таврическаго губернатора, относящіеся къ путешествію императрицы Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году» есть собственно не сырые, а прекрасно, по своей точности и обстоятельности обработанные въ видѣ статьи г. Арсеніемъ Маркевичемъ матеріалы. Авторомъ живо представлена картина всѣхъ приготовленій къ пріѣзду и встрѣчѣ государыни; постройки дворцовъ и улицъ, бѣленіе и чистка городовъ, устройство и обсадка деревьями дорогъ, сооруженіе мостовъ на рѣкахъ и соляныхъ складовъ у озеръ, устройство триумфальныхъ воротъ и наряды людей и лошадей, убранство художниками новыхъ дворцовъ, приготовленіе фейерверковъ и мундировъ для тѣхъ чиновъ, которые должны были отдавать поклонъ и проч., — все это показываетъ ту массу труда и денежныхъ средствъ, которая потребовалась для достойной встрѣчи государыни. Для большей наглядности авторъ сообщаетъ въ приложеніи «опись карасубазарскаго дворца, составленную 15 апрѣля 1788 года.

Въ небольшой, но серьезной, строго научной замѣткѣ объ «*Эрл и Херсониса Таврическаго*» г. Полицоръ Вакъе думаетъ, что таковую слѣдуетъ считать отъ 29 года до Рожд. Хр.

Г. А. Стивенъ, описывая подробно «раскопку кургана близъ Симферополя лѣтомъ 1890 года» и перечисляя всѣ добытые при этомъ предметы, воздерживается отъ научной оцѣнки ихъ, и совѣтуетъ искать ее въ отчетахъ Императорской археологической комиссіи. Повторить эту оцѣнку, съ необходимыми оговорками пожалуй, было бы весьма кстати и въ «Извѣстіяхъ».

Книжка заканчивается «протоколами засѣданій таврической ученой архивной комиссіи», изъ которыхъ мы видимъ, что въ осеннемъ полугодіи (съ сентября) прошлаго года комиссія имѣла три засѣданія, въ которыхъ обсуждались текуція дѣла и читались членами сообщенія, вошедшія въ настоящій II-й выпускъ. Изъ этихъ же протоколовъ мы узнаемъ, что члены комиссіи дѣятельно занимаются разборомъ старыхъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ; но должны замѣтить, что какъ въ описяхъ печатавшихся въ предыдущихъ номерахъ «Извѣстій», такъ и въ указаніи г. председателя комиссіи объ имѣющемъ начаться просмотрѣ дѣлъ таврическаго губернскаго правленія, мы не видимъ, чтобы при раз-

борѣ этомъ гг. члены руководились какой-либо системой, оставляя то или другое дѣло. А между тѣмъ программа выбора дѣлъ для вѣчнаго храненія должна быть строго выработана; архивныя комиссіи должны сохранить такой матеріалъ, который давалъ бы возможность изученія края во всѣхъ проявленіяхъ его жизни; критеріемъ должны служить и роль учрежденія, архивъ котораго разбирается, и особенности мѣстной жизни. Если такой программы не существуетъ, то всѣ архивныя комиссіи, приостановясь съ разрѣшеніемъ уничтожить старыя дѣла, должны выработать ее и, собравшись на ближайшемъ археологическомъ съѣздѣ, обсудить сообща и принять въ общее руководство. Мы не раздѣляемъ мнѣнія комиссіи относительно способа составленія описей, принятаго комиссіей въ своихъ прежнихъ выпускахъ, и думаемъ, что дѣла, расположенныя сначала по содержанію, а потомъ географически и хронологически, не имѣютъ въ силу уже такого распрежденія надобности въ отдѣльныхъ описяхъ, а для нихъ исполнѣ достаточно лишь общихъ обзорѣній.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 4. — Русская Мысль № 4. — Сѣверный Вѣстникъ № 4. — Русский Вѣстникъ № 4. — Наблюдатель № 4. — Русское Обозрѣніе № 4. — Русская Старина №№ 3—4. — Русскій Архивъ №№ 3—4. — Историческій Вѣстникъ №№ 3—4.

Вѣстникъ Европы IV. 1891 г. А. В.—въ «Люди сороковыхъ годовъ» — разборъ «воспоминаній» Фета, гдѣ встрѣчается указаніе на близкое знакомство Тургенева съ Шевченкомъ, по поводу котораго авторъ (Фетъ) выражаетъ свое крайнее удивленіе (стр. 690).

Русская Мысль IV. 1891 г. Вс. Миллера «Экскурсы въ область русскаго эпоса (продолженіе). Черты сходства иранскаго и южно-русскаго эпоса въ ихъ богатыряхъ Рустемѣ и Ильѣ-Муромцѣ» (стр. 67—96).

Въ библиографическомъ отдѣлѣ — разборъ журнала: «Кіевская Старина» за время съ іюня 1890 по мартъ 1891 г. съ указаніемъ на статьи гг. Теличенко, Шульгина, И. Житецкаго, Рыльского и др. (стр. 203—206).

Русская Старина IV. 1891 г. Н. М. Колмакова. Очерки и воспоминанія. Воспоминанія, относящіяся ко времени дѣтства и ранняго воспитанія автора

(первая четверть XIX вѣка), прошедшія въ предѣлахъ Малороссіи (стр. 23—43).

Дневникъ академика А. В. Никитенка. Подъ 16-го февраля 1814 года отбѣченъ любительскій спектакль, на которомъ мѣстными малороссами съ успѣхомъ были сыграны двѣ пьесы Основьяненко: «Щира любовь» и «Сватанье на Гончаривци» (стр. 151).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Каталоги ПОДЕРЖАННЫХЪ и РѢДКИХЪ
КНИГЪ высылаются желающимъ бесплатно

„БУКИНИСТЪ“

В. КЛОЧКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Литейный проспектъ, № 55.

ній, о учиненю сатисфінцїи зъ чловѣка лохвицкаго, завюшого коня его, якїй листъ послалемъ туда жъ въ Лохвицю, до п. Василя. Тогда жъ, злецивши правленіе п. Савѣцкому, писареву полковому, поехали въ Андрѣвку, зъ братомъ п. Андрѣмъ, куди пизно уже самъ я приехали, для того же блудили по степу.

17. Неделя. Въ Андрѣвцѣ всенощное и кресту въ неделю крестопоклонную церемонїю отправляно. Туда жъ отъ сенецкого сотника приѣхалъ козакъ зъ писмомъ, же Петровскій не хочетъ жадною мѣрою въ войско до канала ити, до которого отписалемъ, жебы онъ теперъ выходилъ наказнимъ на время, для порядку, а цѣлимъ наказнимъ лохвицкїй albo чорнусскїй п.п. сотники имѣють бути, а онъ повернется. Ездилисмо зъ братомъ п. Андрѣмъ въ поле, гдѣ зайцовъ нѣсколко гонили, а одного толко затравили. Тогда жъ у вечеру приѣхали въ Андрѣвку, до родительки, глинскіе—п. суддѣная бувшая, зъ сотниковою глинскою¹⁾, п. Заруднимъ, п. Зарудною и п. Василь, сотниченко, зъ узваромъ отъ дочки своей новорожденной. Тогда жъ принесени зъ Глухова писма одъ паней тещи и другихъ, въ которихъ было написано, что покойного п. Войцеховича тѣло припроважено зъ Москви въ Березу село, близъ Глухова стоячое, куда панъ тещъ зъ енералними персонами, пп. писаремъ и бунчучнимъ, ездилъ и, тамъ панихиду совершивши, отпустилъ оное въ Седневъ, до дому небожчиковского. Тамъ же вираженна дивная, якоби смерть его, же зъ великою рефлексією и при зрѣніи лица. Богоматерного, такожь и радости вѣчной и мукъ геенскихъ, окончилъ жизнь свою, передомъ жекгнательніе до своихъ пописавши листи и своему имѣнію порадокъ учинивши. Того жъ вечора, п. Зарудній, зъ нами въ компанїи бувній, отъ люльки п. Андрѣмъ тягненной, а зъ порохомъ наложенной, случаемъ зовсѣмъ брови, вѣки и часть усовъ спалилъ.

18. Рано, пожекгнавши родительку, первой отправилемъ листъ до сотника лубенского, писавшого о томъ, что, по опредѣленію моемъ, не можна такое число винайти товариства ку виправѣ до канала, зъ

¹⁾ Жуковскіе.

таковимъ предложеннемъ, жебы конечно старался тую квоту вислатъ. А потомъ виѣхалемъ въ Кривую Руду, на Токарѣ, где зачумемъ о винайденню грошей п. Павловой, украденнихъ будто Ивановъ токаровскимъ; а оттоль на Пѣски Великіе, а съ Пѣсокъ—шляхомъ гадацкимъ на шляхъ Ромодановскій, у футора п. полковника гадацкого, на рѣчцѣ Бодаквѣ стоячомъ, зѣхалемъ, въ якомъ футорѣ и полудновалемъ; а проехавши миль зо 3, ночовалемъ въ полѣ противъ Сяѣтина, у футора п. Якова Новѣцкого, тамъ же близъ того шляху обрѣтающогося. Того жъ дня градъ зъ снѣгомъ и вѣтромъ холоднымъ виривался.

19. Отъ того мѣстца проехавши миль зо 4, обѣдалемъ на степу, у футорѣ нѣякогось Демченка, козака хоролского, полку миргородского; а оттоль поѣхавши шляхомъ же Ромодановского мил. зо три, зехалемъ потимъ на степъ криворудскій на низъ и на дорогу лубенскую; да приехали еще заранни въ футоръ родительскій на Жостеръ, до Строкачовъ. Туды жъ потимъ и п. Леонтій, економъ, зъ господаремъ Андрѣйцемъ, Игнатомъ род. и Алексѣйцемъ моимъ слугами, приехали зъ футора моего Криворудского, где до стада моего дрикганта темногнѣдого род.(ителского) опредѣлили.

20. Рано оставивши въ Строкачахъ Леонтія, поехали въ Криворудскій футоръ родительскій и тамъ своихъ трехъ дрикгантовъ осмотрѣлемъ и видѣлемъ кози окочуючіеся; а оттуду на обѣдъ приехали въ мой Криворудскій же футоръ, куда потомъ и п. атаманъ лукомскій Гордѣвичъ приехалъ, где велии малій порадокъ, за недбалствомъ старости, увидѣлемъ. Потомъ, по отездѣ лукомского атамана, приехалъ горошинскій атаманъ Омелянъ, риби и пива привозилъ, и немного бавившись, знову отехалъ. Въ Чигиринѣ Дуброву писалемъ до п. Занковского, о присланню сюда риби хорошей.—Ревидовалемъ статовъ згодившійся тутъ, корови дойніе зъ телятами, тѣлніе и яловіе; а такъ дойнихъ коровъ показалось 36, тѣлнихъ 13, яловихъ 18, назимковъ, бичковъ и телиць 54, овецъ, затимъ же котніе, нелзя било перепускати. У вечеру на листъ старости буромского, о вигонѣ всѣхъ людей буромскихъ до Горошина на робленне валу писанній, отписалемъ. Такожъ и до Занковского о томъ, чтобъ

въ Горошинъ зѣхавши, учинилъ розискъ о суплѣканти, жители горошинскому жъ, и мене по тому увѣдомилъ. До стар.(осты) буромского жъ писалемъ о присланню двоухъ возъ въ футоръ мой воловихъ.

21. Передъ виездомъ моимъ зъ футора Криворудского, дворника за небрежене велѣлемъ скарати, тако жъ и овчара вибити за дѣло, якого не велѣлемъ збыратъ (?) до святъ. Молодика Алексѣйца оставилемъ въ Кривой Рудѣ, для отлучення на кущъ (на косяки) кобилъ, а самъ поехали рано на перевозъ висше у милю отъ Горошина, где атаманови приехавшему горошинскому говорилемъ, чтобъ наръ 5 огаровъ (гончихъ собакъ) постарался достать; а до перевозу зъ футора дорожкой поузъ Стовопаху могилу (?), якая была въ лѣвой рущѣ, болшъ одъ милѣ, оттуду миля до Оржицѣ, где обѣдалемъ. Тамъ же, бывший атаманъ лукомлскій, бувши у мене, просилъ позволення, жебы дерево готовое лежачое, обернути до церкви на опасанне въ томъ селѣ, где овъ живетъ, чому соизволилемъ. Тамъ же, на прошеніе попа оржицкого Антонія, писалемъ до лукомлского атамана, чтобъ его, попа, расправилъ зъ соперники его. Оттуду поехалъ до Юсковецъ мил. 4 вел (?), а оттоль заразъ до Пулинецъ и тамъ, взявши въ проводники атамана тамошнего, за неисправность и противность его, приехали ночью уже въ Воробѣ, куда зъ Юсковецъ, чили Пулинецъ, миль добрихъ 3 есть.

22. Виехалемъ оттуду рано и приехали въ Сухоносовку, въ милю легкую отъ Воробіовъ отстоящую, где бувъ отецъ намѣстникъ Красногорскій нинѣшній у мене ¹⁾, зъ отданнемъ визити и просилъ о увольненню отъ походу настоящего ладожского монастырскихъ бояръ, козаковъ, въ чомъ я на отвѣтъ родителскій зсилался, зъ моимъ отреченіемъ. Тамъ же у козака сухоносковского Яковенка купилемъ мѣстце себѣ на дворъ, цѣною у 100 зол., якоо недалече отъ церкви понадъ ровомъ, где криница течеть, стоитъ и задатку 20 зол. того жъ часу старостѣ казалемъ дати, якіе колоти (?) первой лѣчили, а потимъ самъ Яковенко взялъ. Тамъ же старосту за нед-

¹⁾ Намѣстникъ Красногорскаго монастыря, находившагося около м. Чернухъ.
2*

балство около фугора, наказываемъ словесно и приказалемъ, жеби заразъ ехаль въ фугори зъ Алексѣйцемъ, стадо все переревѣдовать и разлучить на кущи, и весь порадокъ тамъ устроилъ за преслушаніемъ, подь опасеніемъ 100 ударовъ кievихъ. Тамъ же врученни мнѣ листи, отъ ихъ милостей пановъ правителей зъ Глухова отпущеніе, подь единымъ блякетомъ, въ которомъ листовъ два: о висилцѣ скорой козаковъ до Ладокги писанныхъ заключено, зъ которыхъ въ одномъ и тое упомянуто, что за нескорую висилку намѣреніе есть правительское, куда надлежитъ мене въ отвѣтъ представить. Да въ томъ же пакетѣ и унѣверсалъ приложенъ, въ якомъ приказуютъ правителѣ ослушнихъ до помянутого походу въ колодки забывать и отсылать въ Глуховъ, для наказанія. Оттуда поехавши, приехали въ Лохвицу передъ заходомъ слонца и стали въ дворѣ п. тіотки Павловой, где поданъ мнѣ пакетъ, отъ п. писара полкового Савѣцкого отправленній, въ которомъ листъ правительскій и унѣверсалъ приложенни были. Въ листѣ выражено тое, чтобъ на поруки плѣнника бодаквянского, въ Глуховѣ обрѣтающагося, сродники его въ Глуховъ же поехали, о чомъ прежде именемъ моимъ п. писарь писалъ до сотника сенецкого; а въ унѣверсалѣ выражено тое, чтобъ драгунамъ, на караули зъ квартиръ марширующимъ, по 6 зол. давати въ зимніе мѣсяци, за порціи и рацію, а лѣтнихъ мѣсяцевъ, почавши отъ мая, за самую рацію по 3 зол. давати, соломи дати на постѣль, якая мѣть зъ изидовъ (остатковъ отъ корма) конскихъ бути, онымъ не вимагати. Тогда жъ явился вахмистръ нижегородского полку зъ листомъ подполковника своего Шхонмана ко мнѣ зъ прошеніемъ писаннымъ, чтобъ въ томъ, же люде его служивіе, збѣгши отъ его дому и забравши лошадей, явились въ сотнѣ лохвицкой и оніе лошадей продали въ Луцѣ, жителемъ тамошнимъ, учиненна была справедливость. Тогда жъ листъ отъ г. полковника Шореметева черезъ комиссара полкового Григоріевича врученъ мнѣ, въ якомъ предлагаетъ тое, что надлежитъ розыскать о драгуну, ездившомъ въ Луку для вигону и войта побившомъ, понеже будто сего драгунъ не дѣлялъ. Тогда жъ п. сотникови лохвицкому, згодившомуся въ Лохвицѣ, предлагалемъ

упоминательно, что по сю пору не выходилъ въ указанную до канала дорогу.

23. Рано отправилемъ во все сотни указы упоминаелнѣ о невиходѣ въ походъ ладожскій, зъ таковимъ предложеніемъ, что они будутъ отвѣтствовать за тое сами и унѣверсалу правителскаго копѣи во все сотни послаемъ. Писалемъ особливе до п. сотника сенецкаго, упоминаючи, же по сей часъ не выходилъ зъ дому, которому для лутшого порадку на время наказнимъ вийти опредѣлилиемъ, поколь, злучившись зъ полкомъ, здать п. Гамалѣи, лохвицкому сотникови, урядъ тотъ. О томъ же ознаймуючи и до п. сотника чорнускаго писалемъ и же не вийшолъ по сейчасъ зъ дому упоминалемъ. До п. сотника наказн. глинскаго писалемъ, жебы вислалъ заразъ козаковъ, до Ладокги означеннихъ, якихъ (якъ онъ писалъ) якови капитанъ не пускаетъ туда, приганяючи до работи валовой. До пана писара полковаго писалемъ, жебы Дейнека вмѣсто Остапенка ишолъ до Ладокги.

(Засимъ вырванъ листъ).

29. Писалемъ до старшини сенецкой о видане медвежоваго челоуѣка въ Медвежое, на розискъ. Повторве писалемъ до Лентовича, старости короуаевскаго, о присланне коровинскаго Олихвѣра въ Ромень, на судъ зъ роменскимъ Кириченкомъ. Повторне писалемъ до атамана смѣловскаго о присланне въ колодкахъ козаковъ тихъ, которіе зъ п. Громичиноу заводъ мѣютъ, за ихъ ослушность.

30. Получилемъ листи отъ комиссара полковаго Григорія, зъ которихъ въ одномъ отвѣтуеть, что п. сотникъ лохвицкій, еще позапрошлаго року до канала идучи, взявши зъ собою ратушнихъ 600 зол., для вспоможенія въ нуждѣ тоей сотнѣ товариства случитись тамъ могучой, все оніе не на общіе, но на приватніе свои интересы изжилъ, жебы зъ сихъ грошей п. сотникъ часть половинную на товариство опредѣлилъ; а въ другомъ пишетъ, что на листъ мой, до полковника г. Шереметова писанній, о томъ, чтобъ попоравить мало зъ роботою городовою людемъ, жаднаго подлиннаго не учинилъ отвѣту, а на форпости коммендеруючимся не по 6 зол., але по пол. 8 велѣлъ брати, вмѣсто провіанта и фуража,

и когда въ томъ обстоялъ чорнускій комиссаръ, то за тое капитанъ Караблинъ оного за карауломъ на морозѣ такъ долго держалъ, покамѣсть далъ пол. 8 зол. Зѣ Глухова принесени два листи: одинъ отъ правителей, о висилце въ Медвожое кого зѣ старшины роменской, на розискъ, а другій отъ его мил. пана писара енер. отвѣтній, зѣ комплиментомъ, где и цѣдула приложенна зѣ такимъ требованіемъ, чтобъ пану писареву пол. Савѣцкому позволить ехать въ Гадячъ, чили въ Лютенку, розискать зѣ п. Турковскимъ о заводѣ между п. Бороховичевою и соперники ея вщавшомся ¹⁾).

31. Недѣля. П. Яснопольскій рано виехалъ зѣ Ромна въ походъ слѣдовать за его родительскою милостю въ низовій, черезъ которого писалемъ до родителя и брата Семена, о дочерѣ моей и протч. Дочерь моя крещенна отцемъ Василиемъ Савѣцкимъ; восприемникъ отъ купели бувъ п. Федоръ Билимъ, а восприемницею родителя. Листъ принесенъ отъ правителей о увольненню отъ походу ладожского п. сотника лохвицкого. Тамъ же въ листѣ приписалъ своеручно панъ тестъ, же панъ Войцеховичъ покойній погребенъ zostалъ въ Седневѣ мѣстечку, въ церквѣ св. Георгія, марта 22. Отправилемъ листъ до п. сотника лохвицкого отвѣтній, жебы зѣ тихъ 600 зол. на ему зависячихъ грошей, 500 зол. опредѣлили для товариства, а если бы вознегодовалъ онъ походомъ нивѣшнимъ и не хотѣлъ бы ити въ оній, то долженъ всѣ тѣи грошы отдать.

1. Апрель. До п. Петровского писалемъ, жебы albo ишовъ въ походъ, albo далъ мнѣ подлинній отвѣтъ, яке его есть предсязвате. До п. п. сотниковъ сенецкого и чорнусского писалемъ о опредѣленіи Петровского, обявляючи правителскомъ и тое предлагаючи, если онъ не поидеть, то п. чорнускому быть наказнимъ, которому и унѣверсалъ родителскій утвержаючи комменду, посла-лемъ. Писалемъ листи до всѣхъ п. п. сотниковъ, въ нересторогу предлагаючи, жеби еслибъ зборщени по полученнихъ зѣ коллегіи

¹⁾ Дочь генер. писара Савича Марья была замужемъ (первымъ бракомъ) за Романомъ Федоровичемъ Бороховичемъ. Второй ея мужъ былъ майоръ Юрій Федоровичъ Еропкинъ.

указахъ 24 марта, неразумѣючи сили въ оныхъ выраженной, похотѣли надъ указъ у людей домогѣтись, въ томъ оныхъ старшина обстоела. Тежъ до всѣхъ п. п. сотниковъ писалемъ, предлагаючи, чтобъ дали знать, для чего по тихъ сотняхъ, где вигону людей квалтовного на роботу валовую не было, остановка стала въ вправѣ до Ладокги. Зъ Полтави отъ комменданта Чечерина приехали въ Ромень капралъ и 2 солдати зъ листомъ, ко мнѣ писаннымъ, въ которомъ требуетъ по указу, зъ коллегіи къ себѣ будто засланномъ, Коропки нѣякогось къ допросу въ Полтаву зъ запорожцами. а указъ тому капралу видалъ взять колодниковъ русскихъ, зде въ Ромнѣ держимыхъ, которіе его людьми себе назвали. До которого отвѣтовалемъ, что Коропки жадного въ Ромнѣ не опиталемъ, мещанина (якъ онъ пишетъ) роменского, кромѣ козака значкового, который пошолъ въ походъ низовій, где и тое приложилемъ, что ежели таковіе и впрעדъ случатимутся потребности о выдачѣ людей нѣкоторыхъ, то жобы онъ писалъ до правителей въ Глуховъ и оттуда ко мнѣ требовалъ указу, безъ которого не смѣю я нѣчого дѣлати. А о выдачѣ колодниковъ чили воровъ русскихъ, отписалемъ, что тожъ безъ волѣ правительской видати оныхъ не смѣю, понеже повелѣли они мнѣ толко объ оныхъ увѣдомить его комменданта, а не выдавать, а до того, что и шкоди, починеніи воровствомъ ихъ, не суть поцолненни. Молодикамъ своимъ барму, сукно и грошей по пол. 8 зол. раздалемъ. Того же дня, вѣлчура лампартовая и плафрокъ блакитного штофу мнѣ покраяно. До п. сотника чорнуского писалемъ, по прошенію законника Красногорского монастыра, жобы козаковъ пѣцанскихъ, опредѣленныхъ на послугу къ монастыру, не выганялъ въ войско, але якъ можно и слупне, такъ бы и учинилъ. Цедулою упомянуемъ его зъ устрашеніемъ о нескоромъ его порушенію въ походъ. Виехали зъ Ромна въ Глуховъ и пизно приехали въ Смѣлое, где и заночевалемъ.

2. На дорогѣ принесенъ и врученъ листъ засталъ отъ правителей, о забороненію зборщикамъ заказанныхъ зборовъ збирать. Обѣдъ кушалемъ на Кроснахъ, а передъ вечеромъ приехали до перевозу, где п. Павла Корнѣенка засталемъ, едучого въ Глуховъ.

Перевезшись, ночовалемъ въ Мутинѣ, въ дворѣ ясновельможного, где дубогаевскій староста Давидъ и ченцѣ мутинскіе два были.

3. Рано поехалимъ зъ Мутина черезъ Ворголь на Уздицѣ, але въ Ворглѣ споткавшись зъ п. Демяномъ Якубовичомъ, заехалимъ до п. Стефана Миялашевского и тамъ обѣдъ кушалисмо. Тамъ извѣстилемся о п. Федоровой Кочубеевой умершой и п. асаулѣ енер, зъ товарищи зъ Москви повернувшимся. Заехалимъ въ уздицкую пасѣку и тамъ пчолъ поставленныхъ видѣлемъ числомъ 63. Оттуду поехавши, прибылемъ въ Калюжного фоторъ, и тамъ немного забавивши, ночью поехалимъ въ Глуховъ и приехавши, всего осмотрѣлемъ въ дворѣ. Тамъ же поотбиралемъ листи, къ себѣ писанніе отъ п. Орановского, а писанніе отъ многихъ персонъ зъ по дякованнемъ за рединного звару розсылку и зъ поздравленіемъ дочерію; а одъ козака роменскаго одобралемъ листовъ два правительскихъ, еденъ о п. Павловой, жебы тамъ погодилися зъ соперниками своимы, а другой отъ Троцкой, жебы курѣнскій дозорца покабавщини не вымгалъ съ купленныхъ млиновъ частей тоя жъ Троцкой и третій зъ табели.

4. Поехалимъ зъ Глухова передъ свѣтомъ, въ село Сварковъ, где и обѣдалимъ. Тамъ же атаманови сварковскому, призвавши его передъ себе, казалемъ, жебы въ шинкованню перепони не чинилъ, въ выдаванню провіанту солдатамъ указного толко обстоялъ и зъ братчиковъ и титаровавшихъ доводячееса на церковь доправилъ. Тамъ же, въ пасѣцѣ бувши, видѣлемъ пчолъ 47 цѣлихъ. Оттуду, поехавши на Калюжного хуторъ и тамъ приказавши дворовіе господареви нѣкаторіе интереса, яко то: поправеу скорую возовъ воловихъ и подвшенне греблѣ на ставу, а особливе зъ тютюнникомъ торгъ учинивши ведлугъ тютюу, жебы гроши и борошно всякое давать такою ценою, якъ на мѣстѣ продается, а всего тютюу камень по 9 шаговъ пріймать. Тое все приказавши, приехалимъ ночью въ Тулиголовы.

5. Въ Тулиголовахъ переночовавши, полдня пробавилемъ, где усмотрѣвши нѣкаторіе непорядки, Остапа скаралемъ; ему жъ и меморіалъ пунктами до чинення далемъ. Горѣлки въ тотъ часъ у імбарѣ было куховъ великихъ 5, а малихъ 4, а 6-я великая насипалася

у винницѣ набѣжкою. Оттуду поехавши, приехали въ Мутинь, и тамъ старостѣ мутинскому Коржу отдалемъ листъ п. господара ясновел., жебы не потягалъ до мужицтва рибалокъ нашихъ двоихъ. Того жъ дня переехавши черезъ Сеймъ, ночовалемъ не доехавши Кросень, въ полю.

6. Приехали на обѣдъ въ Смѣлое и извѣстилемся, же подводи воловѣ, по жито зъ Глухова приездившіе, взяли зъ Сухоноски привезенного жита, а лежавшого въ Смѣломъ, четверяковъ 55 роменской мѣри. При заходѣ слонца приехали въ Роменъ, где подавани листи, зъ розникъ сторонъ ко мнѣ писанніе. Того жъ вечера п. Туранскій Демянь приехалъ въ Роменъ зъ листомъ, ко мнѣ писаннимъ, правительскимъ, выражающимъ тое, же онъ посланъ въ Лохвицю викорстать (?) п. обозного до Ладокги наказнимъ, кудѣ онъ и поехалъ. Тамъ же въ листѣ и тое предложено, жебы козаковъ, нехотѣвшихъ въ Ладокгу ити, публѣчно карать для постраху протчимъ.

7. Неделя. Рано врученъ мнѣ отъ полковника Шереметева листъ о покражѣ, прапорщику полку его учинившойся въ Пѣратинѣ, предлагающей, жебы туда отъ себе послать на розыскъ, а и онъ пошлетъ, до которого отписалемъ, злещаючи тотъ розыскъ Григор., комиссару полковому. Веселой и шумной черезъ день держалимося компаньи.

8. Панъ сотникъ чорнусскій Максимовичъ, мимоездомъ зъ Чорнухъ до обозу, заехалъ въ Роменъ и отехалъ. До п. Павловой послалемъ правительскій листъ о заводѣ ея зъ Нещеретомъ, якъ окончити предлагающей. Орановскому економское правленіе господарства моего вручилиемъ и наказъ далемъ.

9. Алексѣя и Чернецкого виправили въ Рѣчицю. Алексѣви реестрикъ данъ купить книгъ полскихъ да 2 аятали вина венгер., а Чернецкому казалемъ купить локоть атласу рожевого. Послалемъ листи въ Глуховъ до Молчанова, о присланю отъ него подводъ для взятта отсель хлѣба ему; до господара—о присилцѣ нѣкоторыхъ рѣчей при подводахъ, мѣющихъ для жита по святыхъ висилатись. П. сотникъ сенчанскій повернулся зъ Пѣщаного Броду, здавши комманду зъ себе п. сотникови чорнусскому.

10. Отправилемъ листъ до п. чорнусского въ обозъ, жебы онъ описался до п. полковника гадяцкого, требуючи себѣ въ семь походѣ наставленія, а особливо извѣстія—гдѣ мѣсть получать провіантъ на козаковъ и фуражъ. Такожъ и о томъ писалемъ, жебы въ себѣ порадное имѣлъ вѣденіе о взиманіи провіанта и фуража на дорожѣ и на мѣстцу, и о работѣ козаковъ у канала, и о прочемъ всемъ. Отъ его жъ принесенъ ко мнѣ листъ зъ вѣденіемъ, же еще не все товариство зъ сотень постягалось до обозу и присланню священника выражающій. Тогда жъ отъ комиссара полкового Григорія принесенъ листъ о томъ, что присланъ къ полковнику указъ по 6, а не по 7 зол. брать на форности отправляючимся и что передъ симъ много листе перебрано.

11. Листъ принесенъ отъ п. сотника городисского, объявляющій о утекшихъ козакахъ отъ обозу рупившого въ низовой походѣ, до которого отписано, жебы тихъ утѣкачовъ по святахъ въ колодкахъ сюда, въ Ромень, прислалъ. Алексѣецъ, посланный зъ зваромъ до Чернѣгова, приехалъ. Панъ писарь полков. Савѣцкій повернулся зъ Лютенки, куда ездилъ на розыскъ въ заводѣ п. Бороховичевой старой и молодой ¹⁾).

12. До п. п. сотниковъ въ копіяхъ правителскіе листы послани. Тамъ же и о утѣкачахъ зъ ладожского походу написано, жебы, въ колодки забивши, до обозу онихъ отсылать. Алексѣйца отправилемъ знову зъ зваромъ до тещи и швакгроу въ Орловку, которому полѣщено рибѣ ляцовъ живыхъ на плодъ у пана Григорія ²⁾ выпросить. Ему на кушденне плиты дано грошей зол. 40. П. Кграбянка, судя гадяцкій, повернувшись зъ Москвы, бувъ мимоездомъ въ Ромнѣ.

13. Принесенъ листъ правителскій зъ Глухова тое предлагающій, жебы при п. обозномъ, висилаючомся до Ладокги наказанимъ, еще другого цѣлого сотника къ чорнусскому виправить; тако жъ и о томъ предложене въ томъ же листѣ, жебы на ваканси,

¹⁾ См. выше, стр. 22.

²⁾ Сынъ стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки, женатый на родной сестрѣ жены Марковича, т. е. на дочери Полуботка.

избравши, кого въ урядъ по одному кандидату, посылать въ Глуховъ, где поставленни будутъ при виконанню присяги. Писалемъ до лохвицкого п. сотника, жебы по тому правительскому указу выходилъ въ походъ въ Ладокгу. Отъ его жъ получилемъ листъ виѣбрающійся, же послалъ давно и сотника наказного, и все товариство випроводилъ, хочъ не скоро, поневажъ онихъ и туремнимъ вязеннемъ принуждалъ, але за убожествомъ не возможно было скоро ихъ випроводить. Коней зъ Сухоносовки, чили зъ Кривой Руди, ижджалихъ, припровожено въ Ромень, моихъ 15.

14. Недѣля. Занемогъ былъ на желудокъ.

15. Гостей великороссійскихъ и всѣхъ роменчанъ знатнѣйшихъ трактовали въ дому род. Листи принесени зъ Глухова, отъ Молчанова, о присилкѣ борошна, отъ князя Четвертенекого ¹⁾ о купленномъ винѣ и отъ господара о томъ же винѣ, же оное за 200 зол. куплено *de siccis*; въ его жъ листѣ и потребности прислани золотіе.

16. Во вторникъ ездили въ пасѣку Засулскую, где пять пчолъ даровала родителка; отецъ Савѣцкій и Нестер.(овичъ) по 1.

17. Отправили въ Глуховъ Павла важничого для покупки вина и зъ листами, вѣншующими святъ первѣйшимъ персонамъ; до пана тестя приложилемъ о п. сотникови лохвицкомъ, о показанциѣ не бывалой въ здешнемъ полку и о непорожнихъ мѣстахъ урядовыхъ, кромѣ судейства.

18. Отъ отца ігумена мгарского присланъ зъ повѣншованнемъ законникъ отецъ Демчинскій. У п. писара полк. обѣдъ кушали. Вахмистръ приходилъ о реванжѣ упоминаючись за афронтъ, своему порутчикови Хлопова полку учиненній, зъ того, что кгранадѣра, за нашъ караулъ постережни его воровство, взято.

19. П. Занковскій, сотникъ наказ. чигиринъ-дубровскій, подалъ доношеніе листомъ о утискахъ козакамъ, форпости отправуючимъ, отъ драгунъ, на форпостахъ стоячихъ, чинячихся и о иншихъ обыдахъ. До господина генорала лейтнанта де Вейзбаха послали въ Харьковъ писма, одно отъ правителей, а другое отъ мене, о пре-

¹⁾ Князь Юрій Четвертинскій—племянникъ митрополита Гедеона Четвертинскаго и зять гетмана Самойловича. См. Историч. Вѣств. 1881 г., августъ, 719—722.

дерзостехъ андріашовского прикажчика ¹⁾, а другій листъ до Ропна, въ Полтаву, зъ скаргою на Шереметева полковника и подкоманднихъ его. Отъ п. бунчучного слуга бувъ зъ арештомъ на двори роменского жителя, задолжавшагося ему, якіе двори оному по арешту и отдали. Суцплѣку худолѣвского человѣка на атамана за срублѣса далемъ Занковскому, чтобъ онъ розискалъ мимоездомъ. П. Демянъ Туранскій ²⁾ зъ Лохвицѣ въ Ромень приехалъ, тогда жъ и отехалъ.

20. Занковскому далемъ грошей зол. 20 на подрядъ уліовъ 200, у Чигиринъ-Дубровѣ. Отець Пясецкій, новопоставленный намѣстникъ Красногорскій, бувъ въ Ромнѣ. До пана тестя дичину послаемъ въ Глуховъ.

21. Недѣля. Принимали п.п. сотниковъ и протчіихъ, приѣхавшихъ зъ повѣншваннемъ святъ, когда и оберъ фискаль бувъ, которому о продерзости подпорутчика объявляемъ.

22. Посилалемъ до подпорутчика п. Григораша зъ требованіемъ сатисфакціи на вахмистра, которій нічого не здѣлалъ, а тилко зъ снессю отправилъ посланнихъ. Алексѣецъ зъ Глухова зъ писмами повернулся въ Ромень, особливо отъ п. Григорія зъ Новгородка о томъ, что въ осени обѣщаетъ дать лящовъ на плодъ въ Глуховъ. П. Павлова отехала въ Лохвицю. П. сотнякъ наказній глиняскій далъ за рукою сказку о учинившомся побиттю надъ греченкомъ перекоповскимъ ³⁾ батожемъ въ Глинску, по указу подполковника інгер. полку Реткина. Послали листъ правителскій козакамъ стойчиками до п. обозного лубенского.

23. Атаманъ сенецкій приездилъ зъ тимъ, что 40 человѣкъ не стало будто до Ладокги, которого штрафовалемъ за таковую остановку. На жито ездили, бо Георгія свято було. Табель спорадивши, далемъ Орановскому сухонососовского и криворудского господарствъ. Отъ п. суддѣиной глиняской пчоль 5 прислано.

24. Ездилемъ въ Коцуиѣвщину, где молодикамъ конѣ поощредѣляемъ: Александру дригавта гнѣдого, Алексѣйцви рижого,

¹⁾ С. Авдріашевка, лохвицк. у., принадлежала Вейсбаху.

²⁾ Сынь генер. судьи Алексѣя Туранскаго.

³⁾ С. Перекоповка, роменск. у.

Роману шлапака, Демянови кологривого, Гаврилови хлопцямъ (?) Вѣжевскому рижострокатенного, Козлу давнего (?), Орановского слугъ мисливого. Тамже видѣлемъ воли свои 10, отъ возовъ воловяхъ оставшіеся. Кувшика, сотни глинской козака, заводъ окончили.

25. Принесени листи зъ Глухова, черезъ Павла важничого, приприводившого вино 2 антали венгер., на подводахъ воловяхъ, приехавшихъ по жито, зъ якихъ писемъ въ одномъ правительскомъ выражено тое, чтобъ п. сотникъ лохвицкій ехаль въ Ладокгу.

26. Вѣтеръ такъ великій бувъ, же много шкоди людямъ учинилось: стрѣхи и дахи (крыши) зъ будинковъ зривало. Получилемъ позволенне материнское пасѣку устроить на Плавиницахъ ¹⁾ Листи, обявляючіе объ обыдахъ, починеннихъ отъ ингермонландского полку, подавалемъ пану писареву полков. для обявленія тому, хто мѣль бы присланъ быти на розискъ отъ еверала Ромна, до которого о томъ писали. Висхалемъ у вечеру въ Глуховъ. На ночь приехалемъ въ Смѣлое.

27. Оттуду на ночь приехалемъ въ Мутинь; стрѣтилися на дорожѣ зъ п. Яснополскимъ, господаремъ.

28. Неделя. Ездилемъ на службу до монастирця Мутинского и оттуду назадъ на обѣдъ зъ Заборовскимъ повернулемся. Отправилемъ рано Леска, сторожа, въ Глуховъ до правителей, о старостахъ борвинскомъ, медвежовскомъ и аксютинскомъ, забороняючихъ людямъ ити на городовую роботу. Приехалемъ на ночь въ Тулиголовъ.

29. Въ Тулиголовахъ, на бутурлиновскомъ млину, казалемъ колесо подъ субуйникъ (?) пережѣнить и медведокъ здѣлать. На ночь приехалемъ въ Глуховъ.

30. Бувъ въ правителей.

Май. 1. У прокурора Хрущова, Михайла Семеновича, былемъ и долго въ него сидѣлемъ.

2. Равно ездилемъ до пана тестя и, тамъ у паней тещи водки выпивши, на обѣдъ въ домъ отохалемъ. Увечору у Кошеліова сидѣлемъ и тамъ извѣстилемся о писму отъ комменданта полтавского

¹⁾ Плавиница—село около Ромна, при р. Сулѣ.

писанномъ, что не видали зъ Ромна колодниковъ людей его, на мене зъ жалобю. Далемъ отцу Стефану сварковскому на 10 четвериковъ жита, у новину, зол. 40.

3. Капитанъ, зъ С.-Питербурху посланій до пана родича о поспѣшеніи ихъ въ Терекъ, обѣдавъ у мене, которому и листи далемъ до его родительской милости. Виехалемъ у вечеру въ Гамалѣвку до ясневел., а ночовалемъ въ Слоутъ¹⁾ Передъ выездомъ получилиемъ зъ канцелляріи унѣверсалъ о поготовости всѣхъ козаковъ до службы воинской и другій о поготовости жъ бунчуковихъ, въ полку лубенскомъ обрѣтающихся. Тогда жъ у Остана шинковыхъ взялемъ 30 рублей, зъ якихъ 20 руб. далемъ на расходи господареви.

4. Зъ Слоута писалемъ до п. Федора писаревича²⁾, просячи его о инстанцію до пана писара, чтобъ вещи старости коромаовского, оставленіе въ куренѣ, отданни были ему невозбранно. Приехалемъ на службу въ Гамалѣвку, где засталемъ п. судію енер. и панию его, которіе по обѣдѣ и отохали въ Глуховъ.

6. Неделя. День неделній тамъ же въ Гамалѣвцѣ отправи-лемъ и у столу, зорвавшюся дотеливую паней рѣчь Маріянни, заговалемъ³⁾. Тогда жъ зъ Ромна принесени писма отъ паней родительки о пожару, случившомся близъ греблѣ, и о побиттію сотника наказного отъ подпорутчиба, учинившомся на томъ же пожару. Отъ Якова Дуброви о его приездѣ зъ Рѣчицѣ, зъ лѣкарствами. Отъ паней моей о виездѣ Калницкого зъ волами въ С.П.Бурхъ. Листи отъ его мил. п. родит. принесени.

6. Виехалемъ по обѣдѣ зъ Гамалѣвки въ Глуховъ и оттуда жъ отпустилемъ п. сотника наказного глинского въ Роменъ и Глинскъ, черезъ которого и писалемъ на листы тіе отвѣтующи; ему жъ польцилемъ и коня виторговать у обозненка гнѣдого бѣгуна. Черезъ его жъ во всѣ сотнѣ посладемъ унѣверсали о поготовости всѣхъ козаковъ къ службѣ и до п. писара полк.

¹⁾ С. Слоутъ—около Глухова.

²⁾ Сына генер. писаря Семена Савича.

³⁾ Т. е. рѣчь, обращенію къ паней, подѣ которою здѣсь слѣдуетъ разумѣть гетманшу Скоропадскую.

7. Ездилемъ на Красную-горку ¹⁾, где оглядалемъ свиней, зъ которыхъ опоросило по сказкамъ свинара 15, а поросятъ будетъ малихъ зъ 50, кабановъ въ сажу 13. Вувъ у Щепотева и Жданова, посидѣлемъ долго.

8. Принесени зъ Ромна 2 листи, одинъ отъ родителки, зъ Луки писанній, о приездившихъ туда прикажчику андріашовскомъ, писару генерала Девейзбаха и подпорутчику и упоминаючихся о тое, чтобъ андріашовцѣ, за межу, учиненную къ Андріевцѣ, поля пахали и сѣножати косили. Отъ моеи паней, о меду полкуфѣ, присланного прѣсного отъ Орановского, и дѣжечцѣ патоки, тако жъ и о дворѣ шинковномъ, же оногo не хочеть стар. засулскій оправлати.

9. У полковника Ушакова пили и у прокурора—на Николая.

10. П.п. Василь Дяченко, атаманъ роменскій Гиня и протчіе, отехали зъ Глухова, черезъ которыхъ писалемъ до родителки, отвѣтующи на писмо, же нѣчого того смотрѣть, же генералскій писаръ упоминается неслухне поля за межою оставшогося. До своей паней писалемъ о своемъ вьездѣ, до стар. засулского о направѣ двора шинковного. Въ нуждахъ полку лубенского составивши доношеніе пунктами 19, у войсковую енер. канцелярію подалемъ правителямъ своимъ, прося рѣшенія. Ездилемъ въ Калюжного хуторъ, гдѣ обихавши цѣлини и облоги, казалемъ лисомъ (?) зорувать все по волѣ. Тамъ же видѣлемъ конѣ робочіе хуторніе 8, зъ которыхъ кобилу бѣлую колгачую (?) далемъ тютюнникови, за 8 копѣ.

11. Зъ Калюжного хутора отпавилемъ въ Роменъ до родителки о томъ, что еще открытого указу нема, шобъ не пропускать въ Крымъ. До атамана роменского—о зробленню колесъ воловихъ паръ 20. До стар. Засулского—о зробленню сохъ цѣлиннихъ, воловихъ 6. Ездилемъ оттуду въ Сварковъ и тамъ погребъ казалемъ робити, а землю будинокъ висипать. На ночь въ Глуховъ приехалемъ.

12. Недѣля. Обѣдавъ у мене п. Володковскій зъ канцеляристами Лястъ до коровин. стар. сбъ Гириченку (?) непослушномъ за. . . . (?).

¹⁾ Предмѣстье г. Глухова.

13. П. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, обѣдалъ у мене. Тонконогъ ¹⁾ бувъ и упоминался о плату компанейскую. У Сергіихи взяли грошей за цукеръ 130 зол., а 10 копѣ отвернула за должокъ паней, а еще за 10 головъ канарского неплатила фунт. 40.

14. Пересмотрѣвалъ цукеръ, зъ которого канарскихъ головъ 10, а простого головъ 5, итого 15. Ездилъ въ Калужного хуторъ и тамъ ночлѣвъ мѣлъ. На свѣтелку тутъ зробишь сторговался зъ теслами 12 зол.

15. Уговорился зъ Лаврѣномъ, мѣрочникомъ, на греблю калужновскую подвисшить оную, отъ руки дать ему сукна на кунтушъ и грошей (?). Тогда жъ билемъ и въ Сварковѣ, где росказовалемъ майстровѣ двѣ свѣтлички придѣлать и сходи на гору въ селѣ зробишь. Пасѣва перевезена зъ Сваркова въ Уздицю. Листъ принесенъ зъ канцеляріи енер. о прибитіи сюда къ (?) Александровича. Резолюцію на часть пунктовъ въ доношеніи моемъ выраженныхъ, чинили правители. Листи посладемъ въ Роменъ до родителя, до родителки и до Орановского, о зробленню колѣсъ воловихъ 40 и о возахъ.

16. Уляна, дочь п. Андрѣя Полуботка, умерла въ ночь, а ховали рано, у Михайла церквѣ; положили близъ гроба п. писаревой енер. Пожекгналемъ п. тестя у вечеру. Ясневелможная приехала у вечеру жъ. Атаманъ отъ Тонконога бувъ зъ листомъ, упоминаючись о плату, на которомъ помѣтивши, отосладемъ въ Роменъ.

17. Пожекгналемъ ясневел(можную) по обѣдѣ. Вина венгерского 2 антали за баренки (?) виторговалемъ. Грошей господареви на расходи далемъ рублей 30.

18. Виехалемъ зъ Глухова къ Ромну въ Тулиголови, где горѣлки куховъ 8, 1 самой оковитой, 4 перегоняной, а 3 простой, примѣшавши по 2 носатки оковитой, казалемъ виготовати, для чого и Гаврила тамъ зостановилемъ. Лозовского наинформовалемъ въ Стародубъ къ ярмарку...

(Засимъ вырваны листы).

¹⁾ Полковникъ компанейскаго полка.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографія по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи.
В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соціаліаство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 в.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и уніа, съ перес. 80 в.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 в.

Н. Бѣляшевскій, Монетные вклады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ колявщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 вк. 2 руб. 25 в. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 в., съ пер. 2 р. 75 в.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владимира или въ ред. „Кіев. Стар.“.

КІЕВСКАЯ СТАРИЦА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

І Ю Н Ъ.

Годъ десятый. ТОМЪ ХХХІІІ. 1891 годъ.

СОДЕРЖАХЪ.

- I. Іосифъ Шумлякскій, послѣдній православыный епископъ львовскій, и его „Метрика“. I.—II. Миропа. (337—362).
- II. Писании. (Окончаніе). Проф. Н. О. Сумцова. (363—383).
- III. Войтовство Маана Сычевскаго въ Кіевѣ. (1754—1796 г.). УИ—X. (Окончаніе). Д-р А. Андріевскаго (384—422).
- IV. Дѣтели слободской Управы прошлаго вѣка. А. III. (424—445).
- V. Записки Михаила Чайковскаго (Садмык-паша). VI.—VII. (446—457).
- VI. Гетманъ Даниилъ Апостолъ въ роли колонизатора. Е. П. Радаевой. (458—468).
- VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Письмо Ходановскаго къ З. Я. Эрнъ-ову. Д. И. Багалъа. Объ учрежденіи въ г. Кіевѣ запаснаго хлѣбнаго магазина (1754—56 гг.). А. А. Андріевскаго. Прѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 г. А. А. Андріевскаго. Мертвая рука. Проф. Н. О. Сумцова. Альбомъ офертвовъ Шевченна. В. Г.
- Остатки домина М. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Р. Французскій поэтъ Гриценко. В. Г. Еврейская торговля антиварными рѣдкостями. (469—489).
- VIII. Библиографія. Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Томъ 68-й. Д. И. Багалъа. Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. В. И. Маразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Биографическій очеркъ Я. В. Абришова. Д. И. Багалъа. В. И. Василевска. Мѣстечко Опоща, зѣмлевладельца, волтавской губернии Н. В. Утѣды кіевскій и радомыслскій.—Статистическіи и историческіи замѣтки въ зѣмлевладельческихъ мѣстностяхъ въ зѣмлевладельческихъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Н. В. Hamnards. Reise durch Oberschlesien zur russischen kaiserlichen Armee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rumanzow-Sadunaiskey. — Erster Band C. E. Обозрѣніе журналовъ. (490—518).
- IX. Объявленія. (1—3).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбіа Якова Марковича.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ЮСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,

ПОСЛѢДНІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО „МЕТРИКА“.

I.

Послѣ Брестскаго собора 1596 г. только двѣ южно-русскія епархіи,—львовская и перемышльская, остались въ православіи. Только со времени реорганизаціи православной митрополіи въ Кіевѣ православіе начало подниматься и въ другихъ епархіяхъ, начало отнимать у уніи захваченныя ею церкви, а съ 1632 г. возвратилась вновь къ православію самая большая епархія—луцкая, съ изъятіемъ архимандріи жидичинской съ шестью монастырями и 100 приходскими церквями¹⁾. Но римская іерархія зорко слѣдила за каждымъ шагомъ, который дѣлало православіе, стараясь парализовать успѣхи его. Съ разныхъ сторонъ, систематически и неуспынно, велись подкопы подъ православіе; воспитаніе юношества, фанатизирующія толпу іезуитскія проповѣди, теологическія сочиненія и диспуты, печатные и рукописные памфлеты и пасквили и въ концѣ концовъ протекція могущественныхъ пановъ, распоряженія правительства, все пускалось въ дѣло, все должно было служить одной цѣли. Что конечной цѣлью этой дѣятельности было не столько обращеніе православныхъ въ унію, сколько полное окатоличеніе и ополяченіе южноруссовъ, на это мы имѣемъ множество доказательствъ на протяженіи 200 лѣтъ, начиная съ жалобы Велямина Рут-

¹⁾ Ed. Likowski, Geschichte des allmaeligen Verfalls der unirten ruthenischen Kirche im XVIII und XIX Jahrhundert. Posen. 1885. Bd. I, 1.

скаго, уніатскаго митрополита, котораго папа Урбанъ VIII называлъ „Atlas unionis“ и который въ 1624 году писалъ римской конгрегаціи *propagandae fidei*, между прочимъ, слѣдующее: „Потерявъ дворянство вслѣдствіе его перехода въ латинство, лишенные всѣхъ украшеній, начали мы примѣчать, что мы лишены всякой человѣческой помощи, что корни зла расширяются и растутъ изо дня въ день; какъ будто пробужденные отъ сна, мы чувствуемъ наше глубокое паденіе и, сравнивая прошлое состояніе съ теперешними обстоятельствами, чувствуемъ боль при одномъ воспоминаніи о своихъ бѣдствіяхъ и принуждены стараться, чтобъ зло и впродъ не увеличивалось“¹⁾.

Но даже и для такой *persona gratissima*, какой былъ Рутскій, и въ Римѣ, и у польскаго короля, оказалось невозможнымъ поставить преграду подпольной работѣ іезуитовъ и возрастающему подъ ихъ вліяніемъ католическому фанатизму и нетерпимости къ „диссидентамъ“ всего польскаго общества. Самое главное, на что опирались всѣ антиправославныя дѣйствія, всѣ происки столицы римской, ея легатовъ и агентовъ и въ чемъ польское общество находило обильную пищу для своего неблагожелательства по отношенію къ православію и особенно къ православному и даже уніатскому духовенству, было право патроната, самый глубокой и злой недугъ, который подтачивалъ православіе въ Польшѣ. Право это, которое въ отношеніи къ православнымъ въ Польшѣ еще въ началѣ XVI стол. превратилось въ *обязательную симонію*, было главной причиной глубокаго паденія православной церкви, вызвавшей и сдѣлавшей возможной брестскую унію,—оно представляло главный рычагъ для окончательнаго упраздненія православія и въ тѣхъ епархіяхъ, которыя въ XVII вѣкѣ еще держались православія.

¹⁾ Praecipuis amissis per transitum ad latinos, exspoliati omnibus ornamentis coepimus advertere, omni humano auxilio nos destitui, radices malorum pullulare, incrementum in dies accipere, unde veluti ex somno expergefacti sentimus, unde excidimus et praeteritum statum cum praesenti conditione comparando, recordatione ipsa affligimur, et compellimur obviare, ne malum ulterius serpat“. *M. Malinowski*, Kirchen-und Staatssatzungen bezüglich des griechisch-katholischen Ritus der Ruthenen in Galizien. Lemberg, 1861, стр. 33.

Какъ безцеремонно эксплуатировалось это право во вредъ православію въ XVII вѣкѣ, это, какъ нельзя лучше, показываетъ исторія избранія православнымъ епископомъ львовскимъ Юсіфа Шумлянскаго въ 1667 году. Это одинъ изъ самыхъ постыдныхъ эпизодовъ въ исторіи южно-русской церкви подъ польскимъ владычествомъ; онъ былъ разсказанъ въ 1888 году обстоятельно молодымъ польскимъ ученымъ Жигмонтомъ Лисевичемъ¹⁾. Считаемо необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ почтеннаго труда г. Лисевича.

Въ началѣ 1667 года умеръ епископъ львовскій Аванасій Желиборскій. Еще при его жизни выдвинули латиняне и униаты кандидатомъ на его мѣсто Яна Шумлянскаго, товарища панцирной роты королевской. Молодой, свѣтскій „паничъ“, онъ успѣлъ уже неоднократно отличиться на военномъ поприщѣ: сражался въ битвѣ при Чудновѣ, ходилъ съ королемъ Яномъ Казиміромъ въ разрушительный походъ на лѣвобережную Украину и вообще имѣлъ всѣ качества пригодныя болѣе хорунжему или поручику, но никакъ не святителю православному. Въ это время онъ даже не былъ православнымъ. Происходя изъ православной, русской и довольно зажиточной шляхетской семьи, онъ еще въ юности перешелъ въ унию²⁾. Но то, что въ нормальныхъ обстоятельствахъ было бы для него непреодолимою преградой, при польскихъ порядкахъ было самой лучшей рекомендаціей, и заставило большинство ополяченной червоннорусской шляхты, а также латинское духовенство и многихъ польскихъ сановниковъ съ гетманомъ короннымъ Яномъ Собѣскимъ во главѣ оказывать Шумлянскому протекцію. Являлась надежда повторить ту же самую исторію, которая продѣлана была съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, и съ помощью этого кандидата нанести рѣшительный ударъ православію въ его послѣдней, до сихъ поръ непобѣдимой крѣпости. И вотъ, очевидно по указаніямъ свыше, Янъ Шумлянскій отрывается отъ униі,

¹⁾ Dr. Zygmunt Lisiewicz, Walka o biskupstwo, epizod z dziejów kościoła wschodniego. Lwów, 1888.

²⁾ А. С. Петрушевичъ. Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г., подъ годами 1667 стр. 150, 1669 ст. 155 и т. д.

дѣлается вновь православнымъ и разѣзжаетъ по странѣ, собирая себѣ приверженцевъ на случай смерти Желиборскаго. вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ Собѣскій дѣйствовалъ въ пользу Шумлянскаго при королевскомъ дворѣ, такъ что въ моментъ смерти Желиборскаго Шумлянскій могъ разсчитывать на сильную протекцію, которой, повидимому, ничто не могло противустоять.

Нечего и говорить, что православные, узнавъ о кандидатурѣ Шумлянскаго, униата, еретика и апостата, пришли въ ужасъ. Братство ставропигійское, самое могущественное и вліятельное, и слышать не хотѣло о немъ. У братства былъ, кромѣ того, свой кандидатъ, тоже шляхтичъ, хотя и не столь зажиточный, какъ Шумлянскій, человѣкъ, впрочемъ, ничѣмъ не выдающійся, „homo ineptus“, какъ говорили о немъ, Свистельницкій. Сторону послѣдняго принялъ и Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій, назначенный временнымъ администраторомъ львовской епархіи. Когда въ концѣ января 1667 г. приверженцы Шумлянскаго собрались въ церкви св. Юрія во Львовѣ, чтобъ избрать его въ епископы, Винницкій воспротивился его избранію и распустилъ собраніе. Но приверженцы Шумлянскаго этимъ не устрашились; они вышли изъ церкви, пошли въ частный домъ и тамъ совершили актъ избранія и составили протоколъ, съ которымъ Шумлянскій немедленно отправился къ королю. Само собою разумѣется, что въ Варшавѣ не встрѣтилъ онъ никакихъ препятствій, и уже 27 февраля имѣлъ въ рукахъ королевскую привилегію, назначавшую его епископомъ львовскимъ: „Имѣя in consideratione заслуги шляхетнаго Яна Шумлянскаго, какія онъ оказывалъ намъ добротю въ военныхъ оказіяхъ, служба подъ панцырной хоругвью, именно при Чудновѣ, гдѣ принялъ много поврежденій на тѣлѣ, и еще болѣе въ заднѣпровской Украинѣ, и желая, чтобъ онѣ не остались безъ достойной ремунераціи и нашей королевской милости, мы рѣшились, согласно съ единодушной элекціей людей духовныхъ и мірскихъ, гражданъ воеводства русскаго, дать и конферовать ему владычество львовское, галицкое и Каменца Подольскаго“. Эти слова привилегіи, говоритъ польскій исто-

рикъ¹⁾),—открываютъ намъ всю глубину паденія восточной церкви въ Польшѣ въ то время. Король назначаетъ епископомъ челоѣка мірскаго, и для оправданія не можетъ привести ничего лучшаго, какъ только то, что кандидатъ умѣлъ хорошо драться съ врагомъ“.

Но далеко не такъ легко было Шумлянскому управляться въ своей епархіи, которую нужно было завоевывать систематически. И вотъ онъ, названный епископъ, при саблѣ и шпорахъ, разѣзжаетъ по селамъ и мѣстечкамъ, вербуя приверженцевъ. Апрѣля 12 подтвердили его избраніе духовные и мірскіе люди, собравшіеся въ Гошевскомъ монастырѣ, а 12 мая тоже сдѣлали православные, собравшіеся въ Сварычевскомъ монастырѣ.

Только теперь вспомнилъ Шумлянскій, что онъ еще совѣмъ мірскаго челоѣка. Обратился онъ къ епископу Антонію Винницкому, чтобы тотъ посвятилъ его въ духовное званіе, но получилъ отказъ. Тогда съ толпой своихъ приверженцевъ онъ напалъ на монастырь въ Креховѣ, требуя отъ игумена постриженія въ монахи. Но и сюда Винницкій прислалъ письмо, запрещая игумену слушаться этого еретика и измѣнника. Игумень Винницкаго не послушался, постригъ Шумлянскаго и назвалъ его Юсифомъ²⁾), послѣ чего лудкій епископъ Гедeonъ Четвертинскій посвятилъ его въ діаконы и въ іереи. Но отсюда до посвященія въ епископы было еще далеко. Митрополитъ Винницкій ни за что не соглашался рукополагать его. Шумлянскій отправился въ Яссы, чтобы тамъ добиться своего. Но приверженцы Свистельницкаго, узнавъ объ этомъ, послали въ Яссы письма, въ которыхъ Шумлянскій представленъ былъ отступникомъ отъ православія и чуть ли не польскимъ шпиономъ. Поэтому не только молдавскіе епископы отказались рукополагать его, но даже господарь хотѣлъ его арестовать и отправить въ Константинополь. Шумлянскому не оставалось ничего, какъ уходить тайкомъ изъ Молдавіи.

Между тѣмъ во Львовѣ приверженцы Свистельницкаго собрались въ церкви св. Юрія, избрали его въ епископы и тоже

¹⁾ *Żygm. Lisiewicz, Op. cit., стр. 4.*

²⁾ *А. С. Петрушевичъ. Своѣная лѣтопись 1600—1700 гг., стр. 150.*

отправили въ Варшаву искать королевскаго утвержденія. Но избраніе это было далеко не блестящее и происходило при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ Шумлянскому, еще передъ отъѣздомъ въ Молдавію, посчастливилось перетянуть на свою сторону львовское ставропигійское братство и большинство львовскаго православнаго духовенства. И въ Варшавѣ встрѣтилъ Свистельницкій большія препятствія. Надежду его поддерживало только то обстоятельство, что благосклонный къ нему перемышльскій епископъ Антоній Винницкій съ августа 1667 года сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ. Но все-таки Свистельницкому пришлось ждать довольно долго. А между тѣмъ Шумлянскій на обратномъ пути изъ Молдавіи познакомился съ греческими изгнанниками: филиппопольскимъ митрополитомъ Софроніемъ, хіосскимъ Теофаномъ и іерусалимскимъ архимандритомъ Даниломъ. Они, конечно за хорошее вознагражденіе, оказались готовыми посвятить его въ епископы, и дѣйствительно, 1 февраля 1668 года, въ деревнѣ Высочкѣ, Шумлянскій получилъ епископскую хиротонію ¹⁾.

Теперь Шумлянскій чувствовалъ себя побѣдителемъ и съ толпою своихъ приверженцевъ отправился во Львовъ, совершая по дорогѣ разныя безчинства, грабежи и насилія надъ приверженцами Винницкаго и Свистельницкаго. Въ началѣ марта онъ былъ уже во Львовѣ и готовился овладѣть епископскою каедрой, какъ вдругъ пришло изъ Варшавы извѣстіе, что его соперникъ Свистельницкій 5 марта получилъ королевскую номинацію на мѣсто львовскаго епископа.

Какимъ образомъ произошла эта номинація, неизвѣстно. Кажется, не обошлось тутъ безъ обмана, такъ какъ король позже утверждалъ, что привилегію эту подписалъ онъ, не прочитавши и не зная, что подписываетъ. Эта двойная номинація

¹⁾ Посвященіе это представляетъ, впрочемъ, много сомнительнаго. Въ грамотѣ Софронія, митрополита филиппопольскаго, писанной въ Высочкѣ 1 февраля 1668 года, говорится о хиротоніи Шумлянскаго, совершенной имъ однимъ. (Акты, отн. къ исторіи западной Россіи, т. V, № 7); въ грамотѣ митрополита Тукальскаго, признающей Шумлянскаго епископомъ, говорится, что онъ посвященъ митрополитами Софроніемъ и Теофаномъ (Акты, т. V, № 72); въ грамотѣ же іерусалимскаго

сдѣлала неизбѣжной упорную и скандальную борьбу между двумя обладателями одной епископіи. Борьба эта длилась цѣлыхъ 6 лѣтъ и кончилась побѣдой Шумлянскаго. Въ апрѣлѣ 1668 г., когда Свистельницкій пріѣхалъ во Львовъ и приготовлялся къ хиротоніи, приверженцы Шумлянскаго сговорились съ комендантомъ львовскаго замка, напали на монастырь св. Юрія, гдѣ находились въ то время митрополитъ Винницкій и Свистельницкій, избили и перевязали ихъ слугъ и хотѣли убить самого Винницкаго, который на копѣ спустился черезъ окно изъ монастыря, былъ раненъ въ руку и едва успѣлъ спрятаться въ дуло дерева. Приверженцы Шумлянскаго овладѣли монастыремъ и церковью и разграбили до чиста всѣ пожитки митрополита и Свистельницкаго.

Винницкій 2 мая предалъ Шумлянскаго анаемѣ и рукоположилъ Свистельницкаго въ епископы въ львовской Успенской церкви. Но Шумлянскій не обращалъ на это никакого вниманія; 12 іюля 1668 года онъ успѣлъ исходатайствовать у короля кассацію назначенія Свистельницкаго. Съ этимъ документомъ въ рукахъ и съ многочисленной вооруженной свитой онъ отправился въ Галичъ, гдѣ жилъ Свистельницкій, считавшій себя единственнымъ настоящимъ епископомъ. Приверженцы Шумлянскаго захватили Свистельницкаго върасплохъ, связали его, но Шумлянскій велѣлъ его немедленно освободить. Въ Галичѣ народъ и слышать не хотѣлъ о Шумлянскомъ, въ него бросали камнями и однажды бросились даже на него, „чтобъ Юсифа сдѣлать Юсафатомъ“, т. е., чтобъ убить его, какъ злополучнаго Кунцевича. Въ концѣ концовъ Свистельницкій съ толпой своихъ родственниковъ 20 іюля напалъ на домъ Шумлянскаго въ Крылосѣ вблизи Галича. Шумлянскаго стащили съ постели, зять Свистельницкаго выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ, потомъ пустилъ въ него стрѣлой и ранилъ въ правую сторону груди. Шумлянскій упалъ въ обмо-

патріарха Досифея, писанной въ Яссахъ въ 1670 г., говорится, что Шумлянскій „иной Искаріотъ“ рукоположенъ былъ „отъ двухъ изверженныхъ архіереевъ, иже за своя велика беззаконія изгнаны быша отъ архіерейскаго чина“ (*А. С. Петрушевичъ. Юсифъ Шумлянскій. „Галичанинъ“, 1862, вып. I, стр. 119—120.*)

рокъ. Враги били его уже безчувственнаго, ранили его брата и многихъ слугъ, убили на смерть одного слугу, который хотѣлъ его защищать, и, ограбивъ дворець, увезли съ собою епископа и его брата, связанныхъ, почти голыхъ. Кажется, что тутъ бы пришлось Шумлянскому и голову сложить, когда бь одинъ изъ слугъ Свистельницкаго не разрѣзалъ веревки и не выпустилъ плѣнниковъ, которые успѣли спрятаться въ тростникахъ болота.

Шумлянскій не простилъ своему врагу этого насилія. Въ началѣ августа, когда Свистельницкій пришелъ въ церковь и началъ въ епископскомъ облаченіи отправлять богослуженіе, Шумлянскій съ толпой своихъ приверженцевъ ворвался въ церковь, велѣлъ отвести Свистельницкаго отъ алтаря, обругалъ его крайне грубыми словами и, въ виду собравшагося народа, вытолкалъ изъ церкви вонъ. Церковь велѣлъ запереть, запечаталъ и наложилъ на нее интердиктъ. Свистельницкій жаловался въ судъ, но это ни къ чему не повело, и вотъ онъ разослалъ посланіе къ духовенству, представляя Шумлянскаго, какъ еретика, богохульника и жестокаго человѣка. Посланіе это попало въ руки Шумлянскому, и онъ обжаловалъ Свистельницкаго передъ каптуровымъ судомъ (существовавшимъ во время безкоролья по случаю отреченія отъ престола Яна Казимира), какъ бунтовщика, возбуждающаго духовенство противъ законной власти. Свистельницкій на судъ не явился и былъ осужденъ. Конечно, это не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ Свистельницкій путемъ протестацій и новыхъ жалобъ умѣлъ затянуть дѣло до безконечности.

Шумлянскій, между тѣмъ, объѣзжалъ свою епархію, повсюду посвящалъ новыхъ пресвитеровъ, которые дѣлались его приверженцами, и такимъ образомъ подготовлялъ для себя почву не только въ воеводствѣ русскомъ, но и въ Подоліи. Но вотъ королемъ польскимъ избранъ былъ безсильный и слабоумный Михаилъ Корибутъ Вишневецкій, и началась новая неурядица. Прежде всего Шумлянскій, съ помощью своего личнаго друга, Яна Собѣскаго, получилъ подтвержденіе своей привилегіи на львовское епископство отъ 3 октября 1669 г. Кромѣ того, онъ получилъ утвержденіе въ своемъ санѣ отъ патріарха

александрійскаго. Такъ какъ въ это время проѣзжалъ черезъ Молдавію патріархъ іерусалимскій, то Свистельницкій хотѣлъ при помощи драгоцѣнныхъ подарковъ, добиться отъ него признанія единственнымъ легальнымъ епископомъ, но Шумлянскій перехватилъ его слугъ и подарки. Но вотъ Свистельницкій 20 сентября 1670 г. счумѣлъ получить изъ королевской канцеляріи новую королевскую привилегію, которая утверждала его на епископскомъ престолѣ. Осуществленія этой привилегіи Свистельницкій, конечно, не могъ добиться, такъ какъ духовенство стояло на сторонѣ Шумлянскаго, а король письмомъ отъ 4 ноября 1671 г. призналъ за Шумлянскимъ достоинство епископа, и привилегіей отъ 30 октября 1672 года призналъ его единственнымъ легальнымъ епископомъ львовскимъ. Въ отвѣтъ на это Свистельницкій въ половинѣ марта 1673 года добылъ себѣ новую королевскую привилегію, устраняющую Шумлянскаго отъ епископіи, послѣ чего Шумлянскій въ половинѣ апрѣля добылъ привилегію для себя, а Свистельницкій 19 мая опять привилегію для себя. Эта постыдная комедія съ королевскими привилегіями, упраздняющими то одного, то другаго епископа львовскаго, вѣроятно, продолжалась бы до безконечности, еслибы король Михаилъ не умеръ скоропостижно.

Только избраніе Яна Собѣскаго въ короли положило конецъ этой тяжбѣ. Собѣсекій былъ личный другъ Шумлянскаго; только теперь полная побѣда послѣдняго была прочной и несомнѣнной. Универсаломъ отъ 4 іюля 1673 года новый король утвердилъ Шумлянскаго въ санѣ и правахъ львовскаго епископа, и Свистельницкій теперь даже не помышлялъ о дальнѣйшей борьбѣ. Онъ умеръ въ Галичѣ 1676 года, совершенно забытый.

Еще одного не доставало Шумлянскому для полной побѣды — признанія его со стороны митрополита кievскаго. Но и этого онъ вскорѣ добился. Привилегіей отъ 10 марта 1675 года король назначилъ его администраторомъ кievской епархіи, „чтобы вмѣсто больнаго и престарѣлаго отца митрополита управлялъ кievской епархіей такъ долго, покуда будетъ живъ тотъ о. митрополитъ“. Винницкій понялъ, что Шумлян-

скій, до сихъ поръ не признанный имъ, теперь сила, съ которою задираться опасно. Онъ помирился съ нимъ и призналъ его легальнымъ епископомъ львовскимъ, галицкимъ и каменецкимъ.

Шумлянскій вполнѣ оправдалъ надежды, какія возлагали на него латинники и уніаты. Какъ только онъ почувствовалъ, что позиція его вполнѣ обезпечена, сейчасъ, 7 марта 1677 г., написалъ папѣ Иннокентію XI письмо, въ которомъ отрекается отъ православія и объявляетъ готовность принять унію подъ условіемъ, чтобъ это его заявленіе до поры до времени оставалось тайной, чтобъ уніатскіе епископы были допущены въ сенатъ, чтобъ церковныя братства подчинены были епископской юрисдикціи и проч.¹⁾ Въ тотъ самый день онъ произнесъ уніатское исповѣданіе вѣры въ Варшавѣ въ присутствіи короли и уніатскаго митрополита Кипріяна Жоховскаго.

Но папа, хотя и очень обрадовался обращенію львовскаго православнаго епископа, все таки 11 сентября написалъ ему, что не позволитъ того, „*ut sit occultus unitus*“, и что ежели хочетъ онъ отречься отъ православія, пусть сдѣлаетъ это сейчасъ и совсѣмъ гласно. Шумлянскій не согласился на это предложеніе: онъ зналъ, что его время еще не пришло и рѣшился подождать, оставаясь „*occultus unitus*“ еще цѣлыхъ 12 лѣтъ. Впрочемъ, онъ не переставалъ дѣйствовать въ пользу уніи, и, вѣроятно, его вліянію должно приписать то, что 26 марта 1681 г., епископъ перемышльскій Иннокентій Винницкій также заявилъ въ Варшавѣ негласно, въ присутствіи кіевскаго уніатскаго епископа Станислава Витвицкаго, гетмана литовскаго Станислава Яблоновскаго и еще трехъ сановниковъ, что отрекается отъ православія и готовъ принять унію²⁾. И дѣйствительно, онъ началъ въ своей епархіи оживленную агитацію въ пользу уніи посредствомъ увѣщаній на помѣстныхъ соборахъ, и спустя 10 лѣтъ, 1692 г. онъ могъ уже дерзнуть открыто перейти въ унію съ цѣлымъ своимъ капитуломъ. За нимъ послѣдовали мно-

¹⁾ А. С. Петрушевичъ. Ор. cit., стр. 185.

²⁾ А. С. Петрушевичъ. Ор. cit. 199.

гіе шляхетскіе роды, а въ 1694 г. также игумены монастырей Лавровскаго, Добромильскаго, Липнянскаго, Дерижичаго, Щеплотскаго, Черниловскаго, Углицкаго и др. ¹⁾), такъ что уже 16 марта 1694 г. Винницкій могъ писать папскому нунцію кардиналу Барберини, что болѣе чѣмъ 800 церквей, 3,000 шляхты и нѣсколько сотъ тысячъ душъ его епархіи присоединилось уже къ униі ²⁾).

Этотъ крупный фактъ не могъ не остаться безъ вліянія и на львовскую епархію. Шумлянскій работалъ усердно, чтобы обезпечить себѣ возможность безпрепятственной измѣны православію. Для этой цѣли ему казалось необходимымъ расторгнуть и ту небольшую зависимость, которая до сихъ поръ соединяла его съ кievской митрополіей. Онъ пожелалъ самъ сдѣлаться митрополитомъ, и въ 1689 г. выслалъ своего довѣреннаго, игумена Плесниско-Подгорецкаго монастыря Парфенія Ломиковскаго, въ Москву къ патріарху Іоакиму съ просьбой возобновить древнюю галицкую митрополію и сдѣлать его митрополитомъ, зависимымъ только отъ патріарха, но не отъ митрополита кievскаго. Онъ хорошо зналъ, что при увеличивающемся соперничествѣ Польши съ Москвой зависимость это будетъ равняться нулю точно такъ же, какъ зависимость русской православной церкви отъ патріарховъ греческихъ была фактически уничтожена конституціей короля Іоанна III, запрещавшей подданнымъ польскаго государства всякія религіозныя сношенія съ Царьградомъ и другими восточными престолами ³⁾. Но патріархъ московскій, очевидно, понялъ въ чемъ дѣло и отослалъ Ломиковскаго ни съ чѣмъ.

Эта неудача не озадачила Шумлянскаго, тѣмъ болѣе, что и король Іоаннъ III не переставалъ побуждать его, чтобъ онъ скорѣе дѣлалъ то, что обѣщалъ. Въ 1694 году Шумлянскій рѣшился, наконецъ, созвать синодъ духовныхъ и мірскихъ лю-

¹⁾ *Петрушевичъ*. Op. cit., 241.

²⁾ Тамъ же, 674 и *Likowski*, Op. cit., I, 2.

³⁾ *Научовый Сборникъ Гал. русск. Матицы*, 1868, стр. 82—85, гдѣ напечатанъ отвѣтъ патріарха Іоакима Шумлянскому. О посольствѣ Ломиковскаго въ Москву, см. тамъ же стр. 85—87, его-же Сводную лѣтоп. 1600—1700, стр. 222—

дей своей епархіи для совѣщаній по дѣламъ уніи. На этотъ синодъ король прислалъ своего посланника, Христофора Скарбка, который долженъ былъ представить собраннѣмъ соображенія о пользѣ перехода въ унію. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ съ его стороны было то, что „народъ русскій, не смотря на то, что отличается своей вѣрностью, дѣльностью и храбростью, изъ за своей религіи не можетъ быть допущенъ въ городахъ и мѣстечкахъ къ высшимъ должностямъ. Поэтому король, по своей врожденной добротѣ, желая сравнять его *cum similibus sibi*, заявляетъ, что, принявъ унію, русскіе на основаніи общихъ правъ будутъ имѣть свободный доступъ ко всѣмъ почестямъ и повышеніямъ“¹⁾.

Изъ православныхъ явился рьянымъ защитникомъ уніи одинъ только Шумлянскій, а когда большинство собраннѣхъ объявило свое несогласіе на унію, онъ сказалъ рѣшительно, что „я самъ пойду этимъ путемъ, который указываетъ мнѣ король. Кто хочетъ идти за мной пусть идетъ, а кто не хочетъ—его воля“²⁾. Но хотя одна часть бѣлаго духовенства изъявила свою готовность идти съ Шумлянскимъ, онъ все таки и на этотъ разъ угрозы своей не исполнилъ и рѣшился еще ждать.

Но вотъ въ 1696 году умеръ Янъ Собѣсскій, тотъ король, который при своемъ вступленіи на престолъ польскій писалъ папѣ Иннокентію IX: „Ежели когда нибудь буду въ состояніи соединить многія русскія церкви моего государства съ апостольскимъ престоломъ (т. е. съ Римомъ), то это дѣло буду считать самымъ значительнымъ изъ всего сдѣланнаго мною во славу Христа“³⁾. Шумлянскій, лишенный своего могущественнаго покровителя, струсилъ. Православные считали его уже открытымъ уніатомъ; большинство чернаго духовенства въ его епархіи и братство ставропигійское были противъ уніи; будущій король

223 и изданную мною „Лѣтопись Подгорецкаго монастыря“ „Кіевская Старина“, 1690 г., июль, стр. 127. О злрещеніи православнымъ сношеній съ Царьградомъ, см. Likowski Op. cit. t. II., Annexa, стр. 288.

¹⁾ Likowski, Op. cit., t. II, Annexa, стр. 286.

²⁾ Тамъ же, 289.

³⁾ Theiner, Monumenta Poloniae historica, т. III, стр. 696.

польскій могъ оказаться приверженцемъ религіозной терпимости. И вотъ Шумлянскій спѣшитъ оправдать себя въ глазахъ православныхъ. Вскорѣ послѣ смерти Собѣскаго онъ отправляетъ письма кievскому митрополиту и бѣлгородскому воеводѣ, боярину Борису Петровичу Шереметеву, заявляя въ нихъ, что „умеръ король, умерла и унія; я якомъ былъ неотмѣнно православнымъ церкви святой сыномъ, такъ естемъ, и неотмѣнно въ православіи святомъ zostаватиму“. Что было, то дѣлалось подъ давленіемъ покойнаго короля, который „опуталъ“ будто бы Шумлянскаго и былъ „такъ тяжелъ“ для православныхъ, что „нельзя было и головы поднять“¹⁾.

Но тревога была непродолжительна. На польскій престолъ взошелъ саксонскій курфюрстъ Августъ II, который совсѣмъ не думалъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и реформировать ихъ. Онъ предоставилъ все естественному теченію; вліяніе католическаго духовенства во время его правленія скорѣе усилилось, чѣмъ ослабѣло. Унія и латинизація южноруссовъ дѣлали быстрые шаги впередъ. Въ 1698 году приняло унію ставропигійское православное братство въ Замостьѣ²⁾. Это придало храбрости и Шумлянскому, и потому 14 апрѣля 1700 г., въ недѣлю Мироносиць, онъ созвалъ второй мѣстный синодъ своей епархіи во Львовѣ въ церковь св. Юрія. Подробности совѣщаній этого синода намъ не извѣстны. Извѣстно только его рѣшеніе, чтобы Шумлянскій самъ ѣхалъ въ Варшаву, гдѣ въ то время происходили совѣщанія сената, и чтобы тамъ именемъ духовенства принялъ унію и объявилъ это универсалами всему духовенству. Изъ кого состояло большинство собранныхъ, принявшихъ такое рѣшеніе, мы не знаемъ; должно быть, Шумлянскому удалось перетянуть на свою сторону игуменовъ всѣхъ болѣе важныхъ монастырей за изытіемъ Скитскаго. Изъ мірскихъ людей рѣшенію этому воспротивилось братство ставропигійское львовское, но Шумлянскій, очевидно, чуялъ за собой

¹⁾ *Самоила Величка* Лѣтопись, Кіевъ 1855, т. III, стр. 389, 393; *Петрушевичъ*. Свод. лѣтоп. 1600—1700, стр. 253—255.

²⁾ *Петрушевичъ*, *Op. cit.* 258

силу, когда рѣшился пренебречь этимъ сопротивленіемъ. Не теряя времени, онъ поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ, по словамъ современной записки, „sub auspiciis короля Августа II, счастливо привелъ къ концу это дѣло съ помощью Яблоновскаго. Въ сенатѣ о. Шумлянскій получилъ изданный уже дипломъ, гарантирующій духовныя вольности и исповѣданіе вѣры по греческому обряду, и, увѣрившись въ дальнѣйшей благосклонности короля и сената, въ присутствіи того жъ короля, всего сената и собранныхъ въ большомъ количествѣ сановниковъ коронныхъ и литовскихъ и шляхты произнесъ исповѣданіе вѣры 16 мая 1700 г. въ костелѣ оо. капуциновъ, послѣ же, 1 іюля того же года, возобновилъ это исповѣданіе съ своимъ клиромъ и именемъ клира во Львовѣ¹⁾).

Однакоже, во Львовѣ дѣло не пошло такъ гладко, какъ бы могло казаться, судя по словамъ этой реляціи. Напротивъ, Шумлянскій встрѣтилъ здѣсь неожиданное, упорное сопротивление преимущественно со стороны братства ставропигійскаго. Въ самый праздникъ свв. Петра и Павла Шумлянскій задумалъ отслужить уніатское богослуженіе въ братской церкви Успенія Богородицы. На это богослуженіе пригласилъ онъ множество высокихъ польскихъ сановниковъ, духовныхъ и мірскихъ. Но когда они собрались, то нашли дверь въ церковь наглухо запертой. Братство наотрѣзъ отказалось ее отпереть. Тогда Шумлянскій топорами приказалъ вырубить дверь, вошелъ такимъ образомъ въ церковь и отслужилъ литургію, несмотря на громкія порицанія со стороны православныхъ. Но братство не отступило, а король Августъ II подтвердилъ его привилегіи. И вотъ началась новая тяжба. Шумлянскій, по своему обыкновенію, не разбиралъ средствъ: гдѣ увѣщанія и угрозы не помогали, пускалъ въ дѣло палки и сабли. Но когда и это вѣрное средство не могло сломить упорныхъ братчиковъ, Шумлянскій письмомъ отъ 10 іюля 1704 года изъявилъ готовность подтвердить все привилегіи братства, только бы оно подчинилось римскому престолу²⁾. Нашествіе шведовъ въ томъ же 1704 году и со-

¹⁾ Likowski, Op. cit. т. II, Annexa, стр. 289—290.

²⁾ А. С. Петрушевичъ. Сводная лѣтопись 1700—1771 г. Львовъ, 1887, стр. 23.

вершенное разграбленіе ими Ставропигіи, которой потери современники оцѣнили въ 120,000 злотыхъ, надломили бодрость и неустрашимость братчиковъ. Они нуждались во всемъ, и борьба съ могущественнымъ епископомъ была имъ не подъ силу, тѣмъ болѣе, что тотъ еще прежде значительно подорвалъ главный источникъ ихъ силы, основавъ у себя въ Свято-Юрьевскомъ монастырѣ типографію. Типографія ставропигійская была самымъ значительнымъ источникомъ доходовъ братства. Оно имѣло на нее королевскія привилегіи и ревниво оберегало свою монополию печатанія книгъ для церковнаго употребленія¹⁾. Но съ Шумлянскимъ ничего не могло оно подѣлать, тѣмъ болѣе теперь, послѣ перехода въ унию всей львовской епархіи. Книги ставропигійскаго изданія, значить православныя, преслѣдовались и истреблялись церковной властью, и намъ кажется, что это было главной причиной, склонившей братство къ переходу въ унию. И дѣйствительно, „сообразивъ непріязненные отношенія епископа І. Шумлянскаго къ львовской ставропигіи и также запрещеніе подѣ страхомъ смертной казни всякихъ сношеній съ царьградскимъ патріархомъ... при совершенномъ ополяченіи русскаго дворянства“, какъ пишется въ ставропигійской лѣтописи, братство въ началѣ 1708 года приняло унию съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно подчинено было не львовскому епископу, но непосредственно куріи римской²⁾. Это была послѣдняя и самая крупная побѣда Шумлянскаго.

Послѣ перехода львовской ставропигіи въ унию православіе совершенно пало въ его епархіи. Въ православіи остался только единственный Скитскій монастырь въ Карпатскихъ горахъ, который непоколебимо былъ вѣренъ православію даже до австрійскихъ временъ. Послѣ одержанія этой побѣды Шумлянскій умеръ 16 іюля 1708 г. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ записалъ щедрыя дотаціи Свято-Юрьевской кафедральной церкви и митрополичьему престолу. Страхъ смерти и глубокое раскаяніе—вотъ

¹⁾ *Władysław Łoziński*, *Lwów starożytny*, t. II. *Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku*. Lwów 1890 г., стр. 256—260.

²⁾ *А. С. Петручевичъ*, *Сводная лѣтопись 1700—1771 г.* стр. 40.

основныя ноты этого интереснаго документа, составленнаго на польскомъ языкѣ, которымъ Шумлянскій, очевидно, пользовался всегда въ обычной жизни ¹⁾).

II.

Анализируя рассказанные нами факты,—а они далеко не исчерпаны,—мы можемъ составить себѣ довольно отчетливое, хотя далеко не лестное, понятіе о характерѣ послѣдняго православнаго епископа львовскаго. Несокрушимая энергія въ преслѣдованіи своей цѣли, шаткая нравственность, не пренебрегающая никакими средствами, ведущими къ назначенной цѣли, смѣсь рыцарской отваги, варварской жестокости и іезуитскаго лицемерія—вотъ самыя выдающіяся черты его характера. Военный по внутреннему влеченію, онъ 24 лѣтъ отъ роду ироніей судьбы поставленъ былъ на одномъ изъ самыхъ высокихъ мѣстъ въ православной іерархіи, поставленъ среди обстоятельствъ, которыя заставляли его продолжать военное ремесло и подъ епископской митрой. И онъ продолжаетъ его съ безалаберностью кондотьера, издѣвается надъ побѣжденными противниками и обогащаетъ на ихъ счетъ своихъ приверженцевъ. Вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ Іоанномъ Собѣскимъ онъ участвуетъ въ битвѣ съ турками подъ Журавномъ 1676 г., гдѣ направленная въ него пуля убила стоявшаго сзади пѣвца, и подъ Вѣной 1683 г., гдѣ былъ раненъ въ лѣвое плечо ²⁾). Его переходы изъ православія въ унию, изъ унии въ православіе, и опять обратно, показываютъ, что религіозные вопросы были для него только частью политики, а политика его была нескончаемымъ рядомъ обмановъ, лицемерія, хитростей и предательствъ. Его миролюбивыя клятвы обыкновенно опаснѣе, чѣмъ его наѣзды; даже самыя, повидимому, искреннія свои убѣжденія онъ готовъ былъ въ данный моментъ втоптать въ грязь, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли. Ни благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, ни вѣрности

¹⁾ Науковий збірникъ гал. р. Матица, 1868 г., стр. 87—104.

²⁾ А. С. Петрушевичъ. Свод. лѣтоп. 1600—1771 г., стр. 161, 204.

своему государю у него какъ бы не существовало. Не успѣлъ Іоаннъ III закрыть глаза, какъ онъ первый бросаетъ камнемъ въ его память. Какъ видимъ, полнѣйшій типъ человѣка второй половины XVII в., той грубой эпохи непрестанныхъ жестокихъ войнъ и глубокаго упадка того, что называлось польской культурой, и что въ XVI вѣкѣ дѣйствительно представляло значительную культурную силу.

Но характеристика наша была бы неполна и несправедлива, еслибы мы ограничились этими фактами и не приняли во вниманіе цѣлаго ряда обстоятельствъ и фактовъ, значительно смягчающихъ эту характеристику. Прежде всего нужно обратить вниманіе на труды Шумлянскаго по упроченію матеріальнаго благосостоянія львовскихъ епископовъ. Имѣніе епископское Перегиньско отдано было его предшественникомъ во владѣніе панамъ Малаховскимъ, которые начали считать его своимъ. Шумлянскій отнялъ его у гетмана Малаховскаго въ 1689 г.¹⁾ и ввелъ тамъ собственную администрацію. Онъ украсилъ каедральныя церкви львовскую св. Юра и крылосскую и завѣщаль имъ богатую церковную утварь; имѣлъ попеченіе о монастыряхъ и даже о бѣломъ духовенствѣ. По его просьбѣ король Михаилъ издалъ привилегію, въ которой духовенство православное поставлено было на равнѣ съ латинскимъ, освобождено отъ юрисдикціи мірскихъ людей и подчинено исключительно власти своего епископа. Въ той же привилегіи рѣшенъ вопросъ о т. наз. *куничномъ*, которое православные священники до сихъ поръ обязывались платить панамъ, а съ тѣхъ поръ должны были въ суммѣ 6 зол. польск. платить епископу²⁾. Все это должно было содѣйствовать укрѣпленію русской іерархіи—все равно православной или униатской. Нельзя забывать, что между условіями, на какихъ Шумлянскій приступилъ къ униі, были и такія: 4) духовенство должно подлежать юрисдикціи и визитаціи епископа, 11) мѣщане въ городахъ должны, по примѣру Литвы, имѣть дома *in circulo civitatis* (вопреки польскому обычаю, вы-

¹⁾ А. С. Петрушевичъ. Сводъ лѣтоп. 1600—1771 г., стр. 221, 226, 227.

²⁾ *Ż. Lisiewicz, Op. cit.* 29—30.

тѣснявшему русскихъ православныхъ мѣщанъ изъ рынка въ предмѣстья), 16) въ коронныхъ владѣнiяхъ священниковъ долженъ назначать епископъ (ограниченiе права патроната); для нихъ должны быть основаны семинарiи, а мирскiе люди, окончившiе школы, должны быть допускаемы въ студiямъ философскимъ и богословскимъ; 18) король долженъ напомнить папѣ, чтобы тотъ запретилъ переходить изъ одного обряда въ другой (т. е. изъ православiя или унии въ латинство); чтобы епископы латинскiе не вмѣшивались въ дѣла униатовъ и не давали защиты отлученнымъ отъ церкви¹⁾. Конечно, другiе пункты условiй обезпечивали значительныя выгоды для самого Шумлянскаго лично и для русской iерархiи вообще, такъ что договоръ его съ польскимъ правительствомъ на счетъ унии нельзя назвать свободнымъ отъ эгоистическихъ побужденiй. Но все таки нужно признать, что условiя поставлены были умно и продиктованы довольно широкимъ, практическимъ взглядомъ на вещи. Самымъ большимъ ихъ недостаткомъ было то, что они не были исполнены; польское правительство было для этого слишкомъ безсильно, а польское общество слишкомъ низко пало, было слишкомъ близоруко, чтобы сообразить собственную пользу и принять во вниманiе такiя настоятельныя потребности русской церкви, какъ духовныя семинарiи и т. д. Конечно, это не уменьшаетъ вины Шумлянскаго, который, зная все это, долженъ бы былъ на собственные средства помочь бѣдѣ, вмѣсто того чтобы покупать золотые кресты съ дорогими каменьями и то множество драгоценной утвари, о которой подробно говоритъ его духовная. Но когда мы сообразимъ, что Шумлянскiй не былъ Петромъ Могилой, и что онъ былъ едва ли не первымъ православнымъ архiereемъ, который ясно и опредѣленно поставилъ польскому правительству на видъ его обязанности относительно православнаго духовенства, особенно низшаго, то мы все таки должны будемъ признать за нимъ нѣкоторую заслугу.

Самыя интересныя и даже симпатичныя черты характера и дѣятельности Шумлянскаго мы открываемъ въ тѣхъ письмен-

¹⁾ А. С. Петрушевичъ, Свод. лѣтоп. 1600—1700 г., стр. 199—300.

ныхъ произведеніяхъ, какія остались послѣ него. Произведеній этихъ, несомнѣнно принадлежащихъ Шумлянскому, мы имѣемъ два: упомянутое выше его духовное завѣщаніе, продигтованное имъ 12 ноября 1707 года секретарю Александру Корендовичу, и изданная имъ въ 1686 году „Метрика“, о которой рѣчь впереди. Правда, въ текстѣ „Метрики“ Шумлянскій неоднократно упоминаетъ еще объ одномъ своемъ сочиненіи, изданномъ имъ въ типографіи Уневскаго монастыря въ 1680 г., подъ заглавіемъ „Зерцало“ или „Зверцадло“, въ которомъ, по его словамъ, „описалася наука о семи савраментяхъ святыхъ, о десятеромъ божскомъ приказаніи и о артикулахъ вѣры св. православно-каеолической“. Сочиненіе это, неизвѣстно даже на польскомъ или на русскомъ языкѣ составленное, кажется, не дошло до насъ, по крайней мѣрѣ библіографы о немъ ничего не упоминаютъ ¹⁾).

Духовное завѣщаніе Шумлянскаго, какъ юридическій документъ, конечно, литературной цѣнности не имѣетъ, но оно чрезвычайно важно для характеристики личности львовскаго епископа въ послѣднюю эпоху его жизни. Оно составлено на языкѣ польскомъ, по тогдашнему обычаю щедро пересыпанномъ латинскими фразами. Подлинникъ его на пяти листахъ хранится въ архивѣ львовскаго митрополичьяго капитула при церкви св. Юрія; текстъ изданъ А. С. Петрушевичемъ въ „Науковомъ сборникѣ Гал. русской Матицы“ 1868 г., стр. 87—104. Изъ него мы узнаемъ, что Шумлянскій родился въ 1643 году и вступилъ на епископскій престолъ 24 лѣтъ отъ роду.

Въ началѣ своей духовной Шумлянскій разсуждаетъ о скоромъ увиданіи всего земного, упоминаетъ о своей первой духовной, составленной и закрѣпленной въ актахъ гродскихъ въ 1704 году; эту духовную онъ уничтожаетъ. Вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ Богу, который, его „недостойнаго возвысилъ на это церковное достоинство, въ жизни столько разъ щедро надѣлялъ его благодѣяніями и милостями, всю жизнь охранялъ его въ

¹⁾ Извѣстны только два уневскія изданія „Зерцала Богословія“ Кирилла Транквиліона Ставроецкаго 1692 и 1696 годовъ. (Максимовичъ. Сочиненія т. III, стр. 686—7). Можетъ быть, то же сочиненіе издано было и въ 1680 г., издержками Шумлянскаго, что и дало ему поводъ упомянуть о книгѣ, какъ о своемъ изданіи.

стольких опасностяхъ и случайностяхъ, и никогда не попустилъ врагамъ его торжествовать надъ нимъ“, онъ заявляетъ, что „живетъ и умереть хочетъ въ той вѣрѣ, которая имѣетъ въ себѣ всеобщее согласіе, любовь и единство христіанское древнее св. отцовъ, церкви Восточной и Западной“. Онъ кается въ своихъ грѣхахъ, хотя, конечно, въ самихъ общихъ выраженіяхъ, и горячо проситъ Бога, „чтобы при послѣднемъ исходѣ души изъ тѣла, когда уже силы, умъ и всѣ чувства будутъ слабѣть и прекращаться, когда ужасный моментъ приближающейся смерти отниметъ чувства и рѣчь“, Онъ бы „не попустилъ ядовитому врагу душъ нашихъ, который особенно въ тотъ моментъ набрасываетъ свои проклятыя сѣти, вредить ему“. Онъ проситъ похоронить его въ епископской церкви св. Юрія „absque omni pompa, но при возможно большемъ участіи духовныхъ монаховъ, бѣдныхъ и увѣчныхъ“.

Всю богатую церковную утварь онъ отказываетъ епископской церкви св. Юрія, замѣчая притомъ, что, вступая на престолъ, не обрѣлъ при этой церкви ничего подобнаго, но нашелъ церковь и епископію „multis calamitatibus temporum разоренною“. Кромѣ того, онъ завѣщаетъ 6000 зол. святоюрьевскимъ монахамъ „ad victum et amictum“ (на пропитаніе и одѣяніе), 10000 зол. на епископскую церковь въ Крылосѣ близъ Галича, 600 зол. на окончательное обновленіе древней церкви св. Иліи въ Крылосѣ, „qua nihil vetustius videtur“ и которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, есть памятникъ древне русскаго зодчества еще княжеской эпохи, 3000 зол. монастырю въ Гошевѣ (близъ Стрыя), 1000 зол. *православному* монастырю Скитскому въ воспоминаніе его матери, которой бранные останки погребены въ томъ монастырѣ, 1000 зол. монастырю Креховскому, которому онъ уже прежде достойно заплатилъ за оказанную ему въ 1679 году услугу. На свои похороны онъ завѣщалъ 2000 зол., да кромѣ того 1000 зол. для бѣдныхъ, 1000 для монаховъ святоюрскихъ, 800 зол. архидіакону Пароенію Ломиковскому, 400 зол. о. Паковскому, который много лѣтъ служилъ ему очень усердно и полезно, 300 зол. о. Жуковскому, 100 зол. о. Никодиму. „Малое то возмездіе за ихъ услуги—добавляетъ

Шумлянскій,—но пусть и это примутъ какъ знакъ моей благодарности“.

Интересно въ высшей степени отношеніе Шумлянскаго къ прислугѣ и крестьянамъ. „Прислугу рассчитайте, говоритъ онъ исполнителямъ своей духовной,—а ежели который взялъ ливрею, которой еще не заслужилъ, таковому ее оставить. Тоже самое должно относиться и до моихъ „покоевыхъ“, которымъ отдаю въ даръ лошадей, на которыхъ мнѣ служить“. Упомянувъ о епископскомъ имѣніи Перегинскѣ, которое онъ „съ большимъ трудомъ и затратами отобралъ“ изъ рукъ мірскихъ людей, онъ приказываетъ своимъ наслѣдникамъ „чтобъ имѣли неусыпное попеченіе о подданныхъ, удержали ихъ при данныхъ имъ правахъ и ни въ чемъ ихъ не обижали. Въ случаѣ же какого нибудь притѣсненія *per succeda peds meos* тѣмъ-же подданнымъ или нарушенія правъ мною утвержденныхъ, оставляю имъ свободу жаловаться *ubi de jure venerit*, даже на епископа, причемъ духовная власть должна принять ихъ сторону“. Изъ одного пункта этой духовной мы узнаемъ, что когда панцырная хоругвь брацлавскаго воеводы Конецпольскаго какъ то наѣхала на Перегинскъ и ограбила тамошнихъ крестьянъ, Шумлянскій началъ искъ противъ Конецпольскаго, велѣлъ оцѣнить убытки, понесенные крестьянами, которые составили громадную въ то время сумму 20,000 зол., и выигралъ дѣло въ судѣ гетманскомъ, на который онъ явился самолично и подтвердилъ присягой эту претензію. Мы не знаемъ, когда это было, но за то узнаемъ, что, несмотря на рѣшеніе суда, во время составленія духовной деньги не были еще получены Шумлянскимъ. „Такъ какъ ограбленные крестьяне, говоритъ Шумлянскій,—этой несносной аггравацией изведены были ни во что и не имѣли даже средствъ пропитанія, потому я долженъ былъ для ихъ поддержанія расходоваться *propter aere* и издержать собственныя деньги на ихъ содержаніе, не дожидаясь выигранной въ судѣ суммы“. Кажется, что Шумлянскій не много имѣлъ надежды получить эту сумму, и потому онъ завѣщалъ ее на галицкую каедральную церковь.

Изъ другаго пункта духовной мы узнаемъ, что Шумлянскій за сумму 2000 зол. выкупилъ изъ львовской замковой тюрьмы нѣкоего Стефана Перевовника Надѣйчидцаго, подданнаго пани Выговской, вмѣстѣ съ его женой. За что они попали въ тюрьму— неизвѣстно; выкупную сумму пани Выговская въ моментъ составления духовной еще не возвратила Шумлянскому. Въ концѣ Шумлянскій, попрощавшись съ шляхтой своей епархіи, своими родными и всѣмъ клиромъ мірскимъ и монастырскимъ, опять обращается къ Богу, „жалѣя о всѣхъ своихъ грѣхахъ, молясь, чтобъ въ послѣднюю страшную минуту, когда души смертныя будутъ въ немъ состязаться и чувства прекращаться, когда смерть снимать будетъ брэнное облаченіе, Богъ помиловаль его душу и принялъ ее до своей святой хвалы“.

Какъ ни думать объ этихъ словахъ, диктованныхъ въ виду близкой смерти, въ приступахъ болѣзни, но, во всякомъ случаѣ, они обнаруживаютъ въ Шумлянскомъ живую вѣру въ загробную жизнь и непрестанный страхъ передъ переходомъ въ эту жизнь. По обычаю богатыхъ пановъ, онъ завѣщаетъ богатя даянія на церкви и на бѣдныхъ, но все таки совѣсть его не можетъ успокоиться, и ему все мерещатся „враги души“, вспоминаются обрывки пѣсни, рисующей въ грандіозныхъ словахъ и картинахъ весь ужасъ суда Божія.

Еще болѣе интереса, и притомъ болѣе широкаго, представляетъ другое сочиненіе Шумлянскаго, написанное на довольно чистомъ южнорусскомъ, или собственно томъ литературномъ малорусскомъ языкѣ, какой выработался было въ южной Руси трудами полемистовъ XVI и начала XVII в., и цѣлой плеяды писателей, стоявшихъ въ связи съ Петромъ Могоилой и его коллегией. Это и есть упомянутая уже нами „Метрика“, къ разбору которой мы теперь и обратимся.

Хотя о „Метрикѣ“ Шумлянскаго упоминали уже Зубрицкій, Максимовичъ, а за ними прочіе русскіе бібліографы, но подробнаго описанія этой въ высшей степени интересной книги до сихъ поръ, кажется, нигдѣ не было. Такъ какъ полные экземпляры ея попадаются довольно рѣдко (напр. на археологической и бібліографической выставкѣ Ставропигійскаго института 1888

года, столь богатой старопечатными изданіями, не было ни одного экземпляра этой книги), то предлагаемъ здѣсь ея точное описаніе и обзоръ ея содержанія. Экземпляръ, который имѣется у насъ подъ рукою, есть собственность учителя львовской реальной школы, г. Володимира Шухевича; прежде онъ принадлежалъ церкви въ селѣ Кричкѣ надворнянскаго уѣзда, въ Карпатскихъ горахъ. Это книга въ старинномъ, вожанномъ переплетѣ, въ четвертую долю листа, напечатанная на толстой сѣрой бумагѣ, нѣкоторые листы имѣютъ какіе то неразборчивые водяные знаки. Ни страницы, ни листы не нумерованы, а только внизу тѣхъ страницъ (да и то не всѣхъ), на которыхъ есть текстъ печатанный, есть типографскія помѣтки тетрадамъ. Вся книга состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая имѣетъ 13 тетрадей по 4 и 6 листовъ, всего листовъ 62; два листочка при концѣ вырѣзаны. Только первыя 19 страницъ имѣютъ текстъ печатный; на 20-й страницѣ (на оборотѣ 10-го листа) начинаются метрическія записки, которыя идутъ до конца, обнимая періодъ времени отъ 1688 до 1776 года. Типографскія помѣтки находимъ въ этой части: на 3 страницѣ **А**̄, (значить, передъ теперешнею первой страницей былъ еще одинъ листокъ, можетъ быть бѣлый), на стр. 7 помѣтка **Б**, стр. 9 **в**, стр. 15 **в**. Далѣе никакихъ помѣтокъ нѣтъ.

Вторая часть имѣетъ 8 тетрадей, изъ коихъ 5 первыхъ по четыре листа, а 3 послѣднія по 6; самая послѣдняя имѣла ихъ болѣе, но они вырѣзаны. Текстъ печатный обнимаетъ 9 первыхъ страницъ: на 10-й начинаются записки съ дня 18 января 1689 и кончая годомъ 1776. Типографская помѣтка имѣется только одна **А** на 3 страницѣ. Третья часть имѣетъ 16 тетрадей въ четыре листа. Къ первой тетрадкѣ прилеенъ листъ заглавный, въ нѣкоторыхъ тетрадкахъ, гдѣ была бѣлая бумага, по нѣскольку листовъ вырѣзано. Всѣхъ листовъ 61, изъ коихъ 38 вмѣщаютъ печатный текстъ. Типографскія помѣтки имѣются въ этой части внизу стр.: 3 **А**, 11, **Б** 13 **ББ**, 19 **В**, 23 **Вг**, 27 **Г**, 29 **ГБ**, 31 опять **ГБ**, 35 **г**, 37 **ДБ**, 39 **Дг**, 43 **е**, 45 **ЕБ**, 47 опять **ЕБ**. 51 **Ж**, 55 **Жг**, 57 **ЖБ** (sic), 59 **з**, 61 **зЪ**. 63 **зг**, 67 **з**, 69 **ЗБ**, 71 **зг**, 75 **Н**.

Печатный текст во всѣхъ трехъ частяхъ обведенъ черными линейками съ верху и съ одной стороны двойными какъ будто рубриками. Въ верхней рубрицѣ идетъ такъ называемая живая пагинація, въ боковыхъ дѣлаются выноски. Внизу справа есть кустодія. Текстъ печатанъ четкимъ красивымъ шрифтомъ, похожимъ на древнюю рукопись, и отчасти на шрифтъ изданій острожскихъ. Заглавія и нѣкоторыя слова и строки въ текстѣ всѣхъ трехъ частей напечатаны красными чернилами. Начальные буквы текста большія въ орнаментахъ и въ каемкѣ, въ третьей части онѣ тоже напечатаны красными чернилами.

Вотъ заглавіе, начала и концы печатнаго текста всѣхъ трехъ частей, причемъ подчеркнутыя слова означаютъ, что они напечатаны краснымъ.

„Мѣтрка.“

Котóрага цò значить, для чòгò, и ѡкъ давнò єсть вь цркви Бжїей, тóутъ ккорòтце описується.

Іосифъ Шумлянскїй

Млчїю Бжїєю прокòславный єппъ Львовскїй, Галицкїй, и Камица-Подолскаго. Администратòр Митрополїи Кїевскои. Архімандрита Печерскїй.

Бáмъ Пречтнмъ наместникò, ѡлко протòпò. чтнмъ їерòмъ, благоговѣнны дїаконò и всемю оцїиннову дхòвному црковному клнру“. Въ концѣ первой страницы начинается текстъ, который продолжается до страницы 19, гдѣ подъ заставкой читаемъ: „А га къ тòй папѣрѣ записиш, мòжишъ совѣ знобу єгò причинити ѡлко и иннюю книгу гòлого папѣру увязáти, и тїи Мѣтрки зь аппаратами црковными ховáти, а потòмъ пред насъ єппа на свòрахъ полѣстнїи порáдне презентòвáти. вь пїснїи же тóутъ зарази вь Кжїїи чáсъ“.

Часть вторая имѣетъ заглавіе, помѣщенное въ широкой архитектурной рамкѣ. Внизу посрединѣ мы видимъ изображеніе брака въ Канѣ Галилейской съ цитатой „Іс(инъ) Зачало з“; съ двухъ сторонъ этого рисунка гербы подъ коронами, одинъ съ изображеніемъ вола, другой, кажется, колокола.

Выше обозначенъ годъ изданія: **РѢ БѢ**, а съ другой стороны **АХПЗ**. Все это составляетъ какъ бы нижній этажъ рисунка. Въ среднемъ этажѣ, представляющемъ колонны, окаймляющія заглавіе, изображено Благовѣщеніе, но довольно оригинально, такъ какъ архангелъ изображенъ на колоннѣ съ лѣвой стороны заглавія, а святая Дѣва на другой колоннѣ съ правой стороны. Въ концѣ, въ верхней части рисунка, на архитектурическихъ полулукахъ сидитъ съ каждой стороны по одному ангелу; тотъ, что справа, держитъ въ одной рукѣ епископскій жезлъ, а другой опирается на щитъ подъ епископской митрой съ гербомъ (три поперечныя бревна неодинаковой длины); тотъ, что слѣва, держитъ длинную булаву и тоже опирается на щитъ съ гербомъ подъ короной. Посерединѣ въ сіяніи вензель **ІХС**. Слѣдующее заглавіе напечатано безъ употребленія красныхъ чернилъ: „Мѣтрика или втораа книга. Въ супружествѣ вѣнчаннхъ для снадиѣншнхъ інформаціи духовныхъ свѣщникѣхъ. Зъ чоѣи Типографіи епископской лѣвобоксой, и за чоѣо еѣо Мѣ. Отца ипа лво: Блаженіе вѣдана вѣ лѣто чоѣи АХПЗ“. Оборотаъ этой страницы весь занятъ рисункомъ, представляющимъ обрядъ вѣнчанія. На фонѣ церковной архитектуры (колонны, въ глубинѣ на высотѣ перваго этажа галлерей, въ которой помѣщенъ хоръ пѣвчихъ съ нотами въ рукахъ и съ регентомъ, дающимъ тактъ поднятой вверхъ рукой) іерей съ сіяньемъ вокругъ головы вѣнчаетъ молодую пару; за молодой двѣ дѣвушки, за молодымъ два парня съ зажженными свѣчами и два старика. На двухъ церковныхъ плитахъ опять читаемъ **РѢ АХПЗ**. Надъ хоромъ пѣвчихъ изображена лента съ надписью: „Тайна С супружества“, а внизу подъ рисункомъ подписано: „Чѣта женитка, и лѣже не свѣрено. ѣвр: Глѣ. гт“. На слѣдующей страницѣ заглавіе: „Наука алѣо спѣсѣннхъ іерѣсѣмъ мѣрскѣи ѡ чѣиннѣхъ еѣѣо супружества“. Такствъ печатный кончается на 9 стр. слѣдующими словами: „Писаніе же отъ писателя Тѣсѣго кѣѣѣѣѣ вѣдѣннхъ мѣѣѣѣи іерѣѣи или отъ еѣо намѣстника долѣжнѣ еѣи кѣѣи порѣдѣѣ вѣ писати вѣ Мѣтриткѣ сѣѣѣ“.

Заглавіе третьей части вставлено тоже въ архитектурическій рисунокъ, на которомъ внизу изображена, кажется,

ПИСАНКИ.¹⁾

(ОКОНЧАНИЕ).

Въ научномъ отношеніи писанки заслуживаютъ вниманія и изученія преимущественно по рисунку. Въ орнаментациі сказывается все значеніе ихъ археологическое и эстетическое.

Разнообразныя формы писаночныхъ рисунковъ мы раздѣляемъ на слѣдующіе разряды орнаментациі: геометрической, соллярной, растительной, животной, предметно-бытовой и религіозной. Соллярная орнаментациа близко подходитъ къ геометрической, почти сливается съ нею.

Въ археологическомъ отношеніи наиболѣе любопытной по обломкамъ древности представляется геометрическая орнаментациа, въ художественномъ геометрическая и растительная.

Геометрическая и растительная формы орнаментациі существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Въ памятникахъ, открытыхъ въ Санторинѣ и въ Микенахъ, рядомъ съ геометрической орнаментацией стоитъ уже растительная, весьма развитая.

Родиной геометрической орнаментациі считаютъ Элладу. Существуетъ болѣе вѣроятная теорія, что геометрический стиль принесенъ индоевропейскими народами изъ первоначальной арійской родины. Французскій ученый Дюмонъ допускаетъ вліяніе финикійской или вообще азіатской промышленности на происхождение и развитіе геометрическаго стиля орнаментациі (*Павлуцкій*, Греч. росписн. вазы, 61—64). Первоначальныя,

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1891, 5.

формы геометрической орнаментаціи такъ просты и незатѣйливы, что возникнуть онѣ могли у разныхъ народовъ древности самостоятельно, и нѣтъ надобности доискиваться родины геометрическаго орнамента. Разумѣется, вполне возможно, что съ теченіемъ времени болѣе развитый геометрической орнаментъ одного народа оказывалъ вліяніе на орнаментацію другихъ народовъ, и здѣсь скорѣе всего можно выдвинуть вліяніе азіатскаго востока, гдѣ искони геометрическая орнаментація отличается изяществомъ и сложностью. Въ пользу мнѣнія о самостоятельномъ зарожденіи, а мѣстами и самостоятельномъ развитіи геометрическаго стиля говоритъ чрезвычайное его распространеніе во всѣхъ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ Германіи, Венгріи, Даніи, Швеціи, Россіи, Индіи, Китаѣ. Фрагменты вазъ съ геометрическимъ украшеніемъ найдены также въ Иерусалимѣ и въ Куянджикѣ въ Ассиріи (*Павлуц.*, 62).

За немногими исключеніями, когда геометрическіе или растительные рисунки разбросаны по всей поверхности яйца, обыкновенно поверхность яйца раздѣляется продольной или поперечной чертой, иногда двумя продольными или двумя поперечными, иногда многими продольными или четырьмя или даже шестью поперечными. Этими главными линіями опредѣляется форма рисунка. Поперечная линія или полоска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (напр. въ лебединскомъ у. харьк. губ.) называется пояскомъ, а самая писанка поясницей или безпоясницей. Къ основнымъ и поперечнымъ линіямъ иногда присоединяются косыя и ломаныя линіи, образующія въ пересѣченіи съ прямыми и поперечными треугольники и розетки. Образцомъ рисунка изъ пересѣвающихся продольныхъ и косыхъ линій могутъ служить писанки №№ 1 и 2 въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой. Въ особенности красивъ бываетъ сложный линейный рисунокъ на писанкахъ подъ названіемъ „сорока-кльмицъ“. Здѣсь дѣйствительно бываетъ сорокъ треугольниковъ. Такія писанки встрѣчаются на Волини, въ Подоліи, въ Харьковщинѣ (сообщенія и коллекціи Глинскаго, Скубака, Савинова), въ Болгаріи. Иногда писанки этого рисунка называются „кльници“; тогда бываетъ только 24 треугольника. При разрисовкѣ

писанки прямыми и косыми линиями треугольники представляются настолько естественно вытекающей формой рисунка, что мы не видим надобности выводить ее преемственно из того архаического троуграна, который встрѣчается на древнихъ бронзахъ, тканяхъ и мозаикахъ съ символическимъ значеніемъ (*Wankel*, 15). Нужно, впрочемъ, оговорить, что троугранъ на моравскихъ писанкахъ иногда имѣетъ самостоятельное значеніе сравнительно съ ближайшими къ нему геометрическими фигурами, напр. на 20, 22 и 24 писанкахъ въ атласѣ Странечки и Ванклеовой, и при ограниченности наличнаго матеріала мы не беремъ на себя смѣлости совсѣмъ устранить архаическій троугранъ изъ писаночной орнаментациі.

Къ простѣйшему линейному орнаменту на писанкахъ относится еще *плетенка*. Это одна изъ древнѣйшихъ орнаментаций, извѣстная уже въ эпоху обитанія въ Европѣ мамонта, отмѣченная на каменныхъ, глиняныхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ первобытной эпохи (*Wankel*, 24). На родосскихъ вазахъ (эхоное, гидріяхъ, амфорахъ), выражающихъ въ своей орнаментациі вліяніе азіатскихъ мотивовъ, плетенка часто встрѣчается (*Павлуцкій*, 69). Встрѣчается этотъ орнаментъ и на писанкахъ славянскихъ народовъ, моравскихъ (въ атласѣ Ванклеовой, 4, 21, 43, 44, 45), великорусскихъ и малорусскихъ. Самый простой, наиболѣе архаическій рисунокъ плетенки мы видѣли на одной малорусской писанкѣ изъ черниговской губерніи. Тожественный рисунокъ на моравской писанкѣ въ атласѣ Ванклеовой подъ № 21. Въ моей коллекціи есть плетенка на великорусской писанкѣ изъ щигровскаго у. курской губ.

Точечная орнаментика чрезвычайно распространена на древнихъ греческихъ сосудахъ и вещахъ греческихъ съ береговъ Мраморнаго и Чернаго морей, на серебряныхъ и золотыхъ скиѣскихъ вещахъ, въ новое время въ орнаментикѣ всѣхъ славянъ, преимущественно сербовъ и чехо-моравовъ, надъ окнами и дверями, на стѣнахъ, на вышивкахъ, въ Россіи на ярмахъ и дугахъ, у чехо-моравовъ очень часто и въ обиліи на писанкахъ (въ атласѣ Ванклеовой №№ 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 26, 29, въ большомъ количествѣ точекъ №№ 31, 32, 34,

35, 36; въ связи съ растеніями 37—42). Сочетанія точекъ весьма разнообразны; точки идутъ въ-рядъ одна за другой, или стоятъ въ видѣ треугольника или по четыре квадратомъ, или прикрѣплены ножками къ линиямъ, или окружаютъ листья и цвѣты. На малорусскихъ писанкахъ точечная орнаментика не имѣетъ опредѣленнаго характера и не имѣетъ важнаго самостоятельнаго значенія. Изрѣдка она встрѣчается въ поясахъ на крестовыхъ писанкахъ (у *Косачевой* №№ 12 и 19), чаще вокругъ листьевъ и цвѣтовъ, причемъ переходитъ вполне въ растительный орнаментъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ к.-подольской губ. писанки съ точечными украшеніями называются капанками (на-капано воскомъ).

Изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ (въ нашихъ коллекціяхъ на подольскихъ писанкахъ) и весьма часто на моравскихъ встрѣчается *трезубецъ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безъ ножи, въ видѣ Мы не расположены придавать этому значку архаичное значеніе, такъ какъ полагаемъ, что онъ появился на писанкахъ независимо отъ древнихъ письменъ, напр., рунъ, гдѣ трезубецъ обозначалъ при положеніи острыми вверхъ мужа, человѣка, мѣсяць, при положеніи внизъ—небо, облако, независимо отъ письменъ финиійскаго и греческаго, гдѣ этотъ знакъ означалъ буквы m, t, psi (*Wankel*, 17). На писанкахъ трезубецъ появляется въ концѣ линий, по нашему предположенію, какъ естественный результатъ разрисовки лица шпилькой, когда остатокъ расплавленнаго воска, удержавшійся на концѣ шпильки, расходуетъ на оконечности линий.

Самостоятельное положеніе на писанкахъ имѣетъ близкій къ трезубцу знакъ трискель или *трикветръ* Этотъ знакъ встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ (въ Подоліи), отмѣченныхъ въ моей коллекціи подъ на-родными названіями рута, орѣховый листъ и пауки, и на моравскихъ въ атласѣ Ванклевой рис. № 26. Этотъ знакъ имѣлъ въ древности мистическое и мифическое значенія, какъ символъ движенія солнца по тверди небесной и плодородія. У финиціанъ трикветръ былъ символомъ Ваала. Въ позднее время этотъ знакъ въ Сициліи вошелъ въ геральдику. Часто онъ встрѣчается въ Даніи на

древнихъ бронзовыхъ ножахъ, сѣкирахъ; фибулахъ, въ курган-ныхъ вещахъ въ Силезіи, Венгріи, Малороссіи, Италіи, Малой Азіи, Сиріи (*Wankel*, 19—20). На нѣкоторыхъ писанкахъ три-цветъ получилъ значеніе растительнаго орнамента.

Въ геометрической орнаментациі на малорусскихъ, великорусскихъ и моравскихъ писанкахъ часто встрѣчается солнечный знакъ иногда съ точкой въ серединѣ круга, иногда съ загнуты ми въ концѣ лучами, иногда съ точками вокругъ круга, замѣняющими лучи. Въ атласѣ моравскихъ писанокъ Ванклеовой см. №№ 31, 33, 26, 47, 25, 26, въ статьѣ Ванкели рисунки на с. 20. Въ моихъ коллекціяхъ солнечный знакъ имѣетъ одна писанка изъ Боромли ахтырскаго уѣзда, три писанки изъ к.-подольской, 1 изъ Волини и 1 изъ курской губерніи (великорусская). Волинская писанка вся состоитъ изъ такъхъ кружковъ съ лучами; на другихъ писанкахъ они являются дополненіемъ къ другимъ рисункамъ. Вообще, этотъ орнаментъ имѣетъ на писанкахъ вполнѣ самостоятельное положеніе, и, по всей вѣроятности, символизировалъ въ древности солнце. Принимая эту гипотезу, мы естественно должны признать писанки съ солнечнымъ символомъ древнѣйшими по рисунку. По двумъ писанкамъ нашей коллекціи, подольской и курской, можно догадаться, въ какой обстановкѣ солнечный знакъ является на писанкахъ изстари: на обѣихъ писанкахъ, особенно отчетливо на подольской, нарисованы деревья и солнечные знаи по сторонамъ ихъ. Подольская писанка и названіе носить „сосенка“. Рисунокъ знаменуетъ весеннее возрожденіе природы подъ лучами солнца. Этотъ знакъ съ его вариантами, какъ символъ солнца, встрѣчается на многихъ памятникахъ доисторическихъ временъ, на костяныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ издѣліяхъ, въ древне-египетскихъ храмахъ и пирамидахъ, на старинныхъ славянскихъ вышивкахъ.

Весьма часто на писанкахъ встрѣчается изображеніе *звѣзды*, чаще всего такъ называемой греческой звѣзды Въ атласѣ Ванклеовой съ такой звѣздой писанки подъ №№ 1, 2, 7, 8, 25, 44. Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косаче вой см. л. 15 №№ 3, 4, 10, 11, 12, 13. Въ *Tygodnik illustr. dla dzieci* 1889 г.

№ 15 рис. подъ № 25. Въ моихъ коллекціяхъ около 10 писанокъ съ греческой звѣздой, изъ харьковской, полтавской, волынской и в.-подольской губерній. Это самая распространенная и самая изящная форма звѣзды. Встрѣчаются другія формы звѣзды, напр., съ закругленными концами лучей. Эта форма звѣзды при грубомъ исполненіи не отличается отъ растительныхъ формъ орнамента. Самой простой и грубой формы звѣзды можно признать четырехугольную, встрѣчающуюся изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ. Писанки со звѣздами часто встрѣчаются на Кубани и въ Польшѣ. Рисуютъ звѣзды чаще на широкіхъ продольныхъ сторонахъ яйца, иногда на окраинахъ верхней и нижней; лучи расходятся, какъ въ греческой звѣздѣ, или сходятся къ центральной точкѣ.

Весьма любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи писаночнымъ орнаментомъ представляется *пентаграмъ* Этотъ мистическій знакъ имѣетъ весьма широкое распространеніе и глубокую древность. На Каролинскихъ островахъ пентаграмъ вырѣзываютъ на кожѣ при татуировкѣ (*Wankel*, 21). У лопарей пятиугольникъ обычное оленье клеймо и въ то же время амулетъ (*Харузинъ*, 252). Въ Марокко женщины навѣшиваютъ своимъ дѣтямъ на шею амулеты съ знакомъ пентаграма. Антиохъ Сотеръ въ походѣ на галатовъ ввелъ этотъ амулетъ въ своихъ войскахъ. Тѣлохранители византійскихъ императоровъ имѣли пентаграмъ на своихъ щитахъ. Его находятъ на доисторическихъ мечахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, имѣлъ охранительное значеніе амулета. Его рисовали въ старинное время надъ дверями для охраны дома отъ чародѣевъ и злыхъ духовъ. Пентаграмъ имѣлъ таинственное значеніе у пифагорейцевъ и у древнихъ индусовъ (*Wankel* 21). Въ индійской символикѣ Шиву обозначали треугольникомъ остриемъ вверхъ въ видѣ пирамиды, Вишну — треугольникомъ въ обратномъ видѣ остриемъ внизъ, а положенные одинъ на другой треугольники эти составляли особый знакъ, который служилъ символомъ огня и воды, зла и добра, вообще символомъ вселенной (*Nowosielski*, *Lud. ukr.* I, 185). Пентаграмъ встрѣчается на моравскихъ писанкахъ (см. въ атласѣ Ванклевой № 32).

Къ числу весьма характерныхъ архаичныхъ элементовъ геометрической орнаментаціи принадлежитъ также *меандръ* или Меандръ встрѣчается въ орнаментаціи на край немъ востокѣ на памятникахъ Индіи и Китая, весьма часто и въ разнообразныхъ сочетаніяхъ на древнихъ греческихъ вазахъ, весьма часто на этрусскихъ вазахъ, на многихъ предметахъ древности, найденныхъ въ славянскихъ странахъ, въ новое время у славянъ на вышивкахъ и гончарныхъ издѣліяхъ, у чехо-моравовъ на писанкахъ. Меандръ не встрѣчается на памятникахъ иранскаго и семитическаго племенъ. Одни ученые родиной меандра считаютъ древнюю Грецію, другіе Этрурію. Ванкель полагаетъ, что славянамъ издревле былъ извѣстенъ этотъ орнаментъ. По всей вѣроятности, народы на извѣстной стадіи духовнаго развитія самостоятельно выработали и полюбили эту форму орнаментаціи, оказавшуюся особенно пригодной въ архитектурѣ и мозаикѣ.

Одинъ ученый, занимавшійся въ 70-хъ годахъ изученіемъ малорусской орнаментики и собиравшій съ этой цѣлью, между прочимъ, писанки, недавно сообщилъ мнѣ, что въ его коллекціи было нѣсколько писанокъ съ изображеніемъ свастики. Недавно въ польскомъ этнографическомъ журналѣ „Висла“ (1889, стр. 970) было также указаніе, что *свастика* встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ. Въ моихъ коллекціяхъ такихъ писанокъ нѣтъ. Свастика является исконнымъ религіозно-мистическимъ и сим волическимъ знакомъ. Самое слово *svastika* древне-индійское (sv—asti) и означаетъ добро есть, на здоровье. Другой научный терминъ этого знака, рѣже встрѣчающійся, „тетраскель“ (четыреногъ). Свастика встрѣчается на древнихъ памятникахъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Ее нашли у монгольскихъ народовъ, у финикійцевъ и этрусковъ, у финновъ, у американцевъ. У галловъ и германцевъ она является въ концѣ бронзоваго вѣка; у римлянъ лишь въ III в. по Р. Хр.; этрусски, повидимому, употребляли ее для украшенія. Предполагаютъ, что азіатскіе туранцы заимствовали свастикку отъ арійцевъ. Вообще, свастика—любимый религіозный символъ арійцевъ. Относительно происхожденія этого знака су-

ществуетъ въ наукѣ гипотеза, что свастика была первоначально орудіемъ для добыванія огня, употреблялась при священныхъ обрядахъ и впослѣдствіи стала знаменовать высшее божество солнца, Аполлона, Одина. И теперь свѣтъ очаровываетъ дѣтей. Въ глубокой древности онъ очаровывалъ и взрослога человѣка. Намъ, ослабляющимъ мракъ ночи факелами, лампами и электричествомъ, трудно представить себѣ ужасъ пра-человѣка предъ глубокой тьмой, которую его фантазія населяла страшилищами и радость его при свѣтѣ и всякомъ его символѣ (*Трачевскій*, въ IV т., Труд. одес. арх. съѣзда 14; *Wislá*, 1889, 710, и 970; *Wankel*, 18).

Нѣсколько спиральныхъ линій, колецъ или завитушекъ, обходящихъ вокругъ писанки, составляютъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ Малороссіи писаночныхъ рисунковъ, такъ называемый *безконечникъ*. Въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой, см. подъ № 21. Въ моихъ коллекціяхъ находится 8 безконечниковъ изъ харьковской, волинской, к.-подольской губерній и кубанской области. Изящный безконечникъ изъ г. Краснокутска богодуховскаго у. по рисунку вполне сходенъ съ безконечникомъ изъ с. Гульчи, острожскаго у., волинской губерніи. Въ народѣ писанки этого рисунка имѣютъ обрядомистическое значеніе. Пасѣчникъ идетъ на Пасху христосоваться съ пчелами и несетъ имъ безконечникъ, который кладетъ подъ первый или поутній улей, называемый у заднѣпропцевъ хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Тождественный обычай существуетъ нынѣ въ купянскомъ у., харьк. губ.: „Писанку безконешникъ пасяшники кладутъ подъ вуліи и бережутъ ихъ, щобъ безконечно роились бджолы. И сему суца правда! Безконешною вона зветця потому, шо стики ихъ ни розглядай, а начала и кинця въ ней не найдешь: одни вылюжки та карлючки“ (сообщ. А. А. Склубинская). Безконечники бываютъ различныхъ формъ: цвѣтныя кольца или спиральныя линіи идутъ поперекъ яйца, или, что рѣдко встрѣчается, вдоль. Писанки послѣдняго рода найдены мной въ одной записи изъ к.-подольской губерніи и въ коллекціи свящ. Дмитріева изъ лебединскаго у., харьк. губ.

Религиозно-христіанскія формы рисунка мало распространены сравнительно съ другими формами писаночной орнаментации. То, что слабо въ этомъ отношеніи въ настоящее время, навѣрно можно сказать, было слабо и неразвито и въ старину. Это вовсе не говоритъ противъ народнаго чувства религіозности. Это чувство издавна велико. Не подь силу было простому неграмотному крестьянину ввести въ писанки христіанскую орнаментацию. Съ появленіемъ въ селѣ грамотныхъ маляровъ и съ распространеніемъ грамотности среди крестьянъ и на писанкахъ появились надписи религіознаго характера, изображенія Спасителя, пресв. Дѣвы Маріи, ангеловъ, чаши.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи, напр., въ к.-подольской губерніи, религіозная тенденція захватила одну изъ самыхъ популярныхъ писанокъ геометрическаго стиля—сорока-клинцы: писанка стала означать или сорокадневный постъ или сорокъ мучениковъ. Мѣстами ее раскрашиваютъ въ день 40 мучениковъ (с. Роткевича). Въ принадлежащей мнѣ коллекціи писанокъ изъ подольской губ. находится писанка подь названіемъ „плащаница“ въ видѣ равносторонняго четырехконечнаго креста съ какими-то четырьмя своеобразными цвѣтными завитушками по угламъ въ пересѣченіи крестовыхъ линий. Въ с. Островерховкѣ, харьковскаго уѣзда, мастерица Головичиха, между прочимъ, расписываетъ одну писанку подь названіемъ иконостасъ (с. Савинова). Въ Галиціи встрѣчаются писанки „церковка“, „дзвинъ“ и „поповы ризы“. (Tygodn. ill. dla dzieci, 1889, № 15).

Весьма распространены *крестовыя* писанки. Извѣстно, что крестъ задолго до появленія христіанства занималъ видное мѣсто въ орнаментикѣ и, повидимому, въ символикѣ. На глиняныхъ сосудахъ, найденныхъ на островахъ Эгейскаго моря, относимыхъ археологами къ X в. до Р. Хр., крестъ составляетъ уже обычное орнаментальное украшеніе (*Павлуцкій*, 60). Нѣтъ, однако, никакого основанія писаночные кресты возводить въ дохристіанское время. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ христіанской орнаментикой, вполне доступной для народа по простотѣ рисунка. Формы креста на писанкахъ весьма разнообразны. Чаще всего встрѣчается обыкновенный греческій крестъ

четырёхконечный и равносторонний, на моравскихъ писанкахъ такой же крестъ съ ручками или утолщеніями въ концахъ въ формѣ, иногда андреевскій крестъ въ видѣ буквы Х. Эти формы креста, преимущественно греческій простой и съ ручками встрѣчаются на малорусскихъ и моравскихъ писанкахъ въ связи съ разными элементами геометрическаго стиля (у Ванклеевой №№ 11, 12, 20, 23; у Косачевой №№ 14, 20). Всѣ эти формы креста были весьма распространены на византійскомъ Востока. Православныя церкви строились и строятся обыкновенно въ видѣ греческаго креста. Такой крестъ часто рисовали на одѣянїяхъ святыхъ. Греческій крестъ съ ручками вошелъ въ орнаментику константинопольскаго Софійскаго храма. Въ настоящее время сербы католики въ Босніи вырѣзываютъ крестъ съ утолщеніями на концахъ, на рукѣ (*Гликъ* въ Гласник. зем. Музея 1889, III, 81). Что касается до латинскаго креста, съ удлиненнымъ нижнимъ концомъ, того креста, въ формѣ котораго на католическомъ Западѣ построено большинство церквей романскаго и готическаго стилей, то такой крестъ мы нашли только въ одной коллекціи писанокъ изъ с. Балаклѣи, змїевскаго у., харьковской губерніи. Присутствіе на малорусскихъ и чехо-моравскихъ писанкахъ андреевскаго и греческаго крестовъ говорить въ пользу предположенія о византійскомъ происхожденіи писаночной орнаментики у народовъ славянскихъ.

Своеобразными крестовыми писанками можно признать въ атласѣ Косачевой № 14 (восьмиконечный крестъ), 19 (четырёхконечный крестъ изъ цвѣтовъ), 20 (два небольшихъ равностороннихъ четырехконечныхъ креста, причемъ одинъ вставленъ въ другой). Въ моихъ коллекціяхъ есть нѣсколько грубо исполненныхъ крестовъ изъ цвѣтовъ и одинъ довольно изящный рисунокъ креста, положеннаго на звѣзду. Моравскія крестовыя писанки въ атласѣ Ванклеовой подъ № 3 (напоминаетъ малорусскую у Косачевой подъ № 19), подъ № 27 (превосходный рисунокъ четырехконечнаго креста краснаго цвѣта изъ четырехугольниковъ на черномъ фонѣ и подъ № 47 (красный крестъ, состоящій изъ многихъ малыхъ крестовъ, на черномъ фонѣ).

Въ Темрюкѣ кубанской области на писанкахъ геометрическаго или растительнаго стиля непремѣнно ставится одинъ маленькій крестикъ. Такой крестикъ находится на писанкахъ: „сорокъ висимъ клинцивъ“, „безконечникъ“, „повна рожа“ и др.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ харьковской губ. (с. Свѣтъ), въ в.-подольской (с. Руткевича), въ кубанской области (с. Дружинина и Товпекина), встрѣчаются изрѣдка писанки малярской работы съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери, ангеловъ, съ надписями „Христосъ воскресъ“, съ изображеніемъ чаши или сердца, пронзеннаго стрѣлой.

Растительная орнаментика встрѣчается на многихъ писанкахъ; по распространенности и по художественности она не уступаетъ геометрической орнаментикѣ. Рисуютъ или цѣлое растеніе, или, сообразно съ небольшою поверхностью яйца, отдѣльныя части растенія, листья, цвѣты въ одиночку, цвѣты съ ножками и листьями. Растительной орнаментикой опредѣляется часто названіе писанки: рожевка, хрѣновъй листь, сосна и пр. При сложной растительной орнаментикѣ иногда писанки получаютъ сложную описательную терминологію. Самымъ характернымъ примѣромъ могутъ служить писанки изъ лебединскаго у., харьковской г., любезно доставленныя мнѣ свящ. о. Измаиломъ Дмитриевымъ, при хорошо составленной объяснительной запискѣ. Въ этой коллекціи 19 писанокъ разрисованы въ строгой системѣ по тремъ основаніямъ; вишневому листу, дубовому листу и розѣ, причемъ вся разница рисунка опредѣляется тѣмъ, на широкихъ или узкихъ сторонахъ яйца нарисованы листья, велика ли форма листа или не велика и, наконецъ, имѣется ли поперечная линія—поясокъ или нѣтъ такого, каковой орнаментикой опредѣляется и самая терминологія писанокъ, именно:

Вишневый листь.

- 1) Вишневый листь безпоясныця;
- 2) Вишневый листь на 8 листьевъ;
- 3) Вишневый листь на 4 листа по желтому полю;
- 4) Вишневый листь на 4 листа по бѣлому полю.

Дубовый листъ.

- 1) Дубовый листъ на 8 листьевъ;
- 2) Дубовый листъ безпоясница;
- 3) Дубовый листъ подпоясница на 4 листа;
- 4) Дубовый листъ подпоясница на 4 листа съ желудями;
- 5) Дубовый листъ на 2 листа;
- 6) Дубовый листъ, боковая продольная на 2 листа;
- 7) Дубовый листъ боковая поперечная на 2 листа.

Рожевка.

- 1) Рожевка на 6 квитовъ;
- 2) Рожевка на 4 рожи (пивевитки);
- 3) Рожевка на 2 рожи (пивевитки);
- 4) Рожевка на 2 рожи шелудывка (не повна квитка);
- 5) Рожевка сторчевая, повна на 2 рожи;
- 6) Рожевка сторчевая, на 2 рожи шелудывка;
- 7) Рожевка боковая, на 2 рожи шелудывка;
- 8) Рожевка на 4 листа по жовтому полю.

Въ объясненіе этой терминологіи можно добавить, что терминъ „рожевка сторчевая повна на 2 рожи“ означаетъ, что розы нарисованы на верхнемъ и нижнемъ концахъ яйца, спускаются на его середину, на которой нѣтъ поляска, а когда проводится поясокъ, то сторчевыя розы бывають меньшаго размѣра, оттого и сама писанка „шелудывка“—неполная, а, когда розы нарисованы на широкихъ сторонахъ писанки, то получается боковая писанка ¹⁾. Писанка „боковая рожа шелудывка“ встрѣчается также въ г. Темрюкѣ, кубанской области, (с. Барановской).

Вишневый листъ, дубовый листъ и роза (также 'рожа—malva) встрѣчаются на писанкахъ въ Галиціи, Еватеринославщинѣ, кубанской области и въ другихъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ. Роза встрѣчается чаще другихъ цвѣтовъ.

¹⁾ Эта сложная терминологія, отмѣчена только въ слободѣ Анниной Лебединскаго уѣзда; въ другихъ мѣстностяхъ названія писанокъ состоятъ обыкновенно изъ одного слова (саквы, сосна, крестата и пр.), изрѣдка двухъ (бараныи роги, курячи лани), смотря по рисунку.

И въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“ отмѣчена „кохвейна (по цвѣту) рожа на усе яице и не ушысалася, такъ вже и листь-тячко дрибнесенько вже на самому кинци ледве прытулылы“. Формы листьевъ часто бывають настолько неопредѣленнаго характера, что по нимъ трудно опредѣлить природу растенія. Въ моей коллекціи есть писанка „полева рожа“ изъ с. Островерховки харьковскаго уѣзда, которая по рисунку напоминаетъ писанки дубоваго листа изъ лебединскаго уѣзда.

„Рожевкѣ сторчевой на дви рожи шелудывкѣ“ лебединскаго у. соотвѣтствуетъ по рисунку галицко-русская „подлужна рожа“ (Tygod. illustr. dla dzieci 1889, № 15, подъ № 26). Въ к.-подольской губ. извѣстна писанка „ружа съ гребинцями“ (роза на серединѣ яица, а ее накрестъ раздѣляютъ четыре линіи, оканчивающіяся гребешками), въ кубанской области „перевита рожа“ съ цвѣтами на продольныхъ линіяхъ.

Изъ другихъ растеній чаще всего на писанкахъ изображается сосна: этотъ орнаментъ можетъ быть очень древнимъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ соединенъ съ солнечными кружками, что въ совокупности должно было выражать возрождающуюся весной природу. Между писанками сосенками встрѣчаются и очень красивыя, какъ можно видѣть въ моей коллекціи на волынской писанкѣ. Писанки сосны извѣстны въ курской губерніи, на Кубани, въ Галиціи. У галичанъ различаютъ писанки—сосну большую (одна вѣточка вдоль всего яица) и сосну малую (четыре вѣточки накрестъ).

Изъ произведеній украинской флоры на писанкахъ мы далѣе встрѣтили: возодрисъ (польск. kosodrzew, kosówka—pinus mughus), гвоздику, фіалку, виноградъ, сливы (плоды), руту, барвинковый листь, попову мудъ (цвѣточки), орѣховый листь. Эти растительные орнаменты украшаютъ писанки изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ). Гвоздики встрѣчаются на харьковскихъ и галицко-русскихъ писанкахъ. Въ к.-подольской губ. рисуютъ еще писанку „полунышница“ (с. Савинова), отъ сл. полуница—клубника. Въ слободѣ Анниной лебединскаго у. знаютъ писанку „хрѣновъ листь“ оригинальнаго рисунка (изъ цвѣтныхъ параллельно расположенныхъ полосъ).

Въ Темрюкѣ одна писанка носить названіе „огирки“ (огурцы).

На польскихъ писанкахъ встрѣчаются „пальмы“ или вѣтки въ родѣ сосны (*Udziała*, 9). Изъ соединенія звѣздъ и сосенъ образуются разные писаночные рисунки. Далѣе извѣстны писанки „въ метѣлки“, „въ мачки“—очень изящная, по синему фону вырѣзаны мелкіе маковые листочки, бѣлые по цвѣту скорлупы (въ Вислѣ, 1890 г. III).

Въ атласѣ моравскихъ писанокъ встрѣчаются очень изящные рисунки листьевъ, цвѣтовъ и растительныхъ колокольчиковъ (№№ 3, 4, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 28, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 48); къ сожалѣнію, въ атласѣ нѣтъ никакихъ указаній на природу или названіе изображаемыхъ на писанкахъ растений. Въ художественномъ отношеніи наилучшими представляются №№ 39—42 (листы и колокольчики въ спиральной формѣ обходятъ вокругъ всего лица).

На сербскихъ писанкахъ встрѣчаются изображенія гіацинтовъ (сумбуль), тюльпановъ, яблокъ (Гласник земальског музеја, 1889, III, 60).

Животный орнаментъ на писанкахъ рѣдко встрѣчается. Древность его не поддается точному опредѣленію. Однѣ формы животнаго орнамента могутъ происходить изъ глубокой древности, напримѣръ, изображеніе пѣтуха, другія (ракъ, курячі лапы и пр.) могутъ быть разсматриваемы какъ случайная игра фантазіи, опирающаяся на обстановкѣ современнаго народнаго быта. Если же остановиться на вопросѣ о древности животной орнаментаціи вообще, то, не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ здѣсь замѣтить, что рисунки и рѣзба фигуръ животныхъ составляли занятіе древнѣйшихъ пещерныхъ обитателей Европы и выполнялись ими уже настолько художественно, что иные изслѣдователи считали эти рисунки на камнѣ, кости и бронзѣ за современную поддѣлку. Искусство раскрашиванія возникло также въ глубокой древности. Дикари, разрисовывавшіе себѣ тѣло углемъ, красною глиной, красною и желтою охрою, могли раскрашивать тѣми же красками вырѣзанныя фигуры или лица. Путешественники по Австраліи, за

ходя въ пещеры, удивляются искусству, съ какимъ сдѣланы на стѣнахъ фрески, изображающія кенгуру, эму и пляску туземцевъ (*Тайлоръ*, *Антропология*, 300).

Въ животной орнаментикѣ писанокъ изрѣдка встрѣчается цѣлое животное, большею частью части его (рога, лапы), въ зависимости отъ малаго объема матеріала.

Самымъ распространеннымъ и, повидимому, самымъ древнимъ животнымъ украшеніемъ писанокъ оказывается птичка, имѣющая большею частью видъ пѣтушка. Въ повѣсти Г. О. Квитки „Отъ тоби и скарбъ“—„Орышка напысала вышневыхъ пташечокъ, шо цилуются, а кругомъ усѣго яйца та пидпысала слова, шо дякъ Симейонъ скомпоновавъ и спысавъ на бумазци:

Христось воскресе вельце!
Поцилуймося мое сердце!

такъ Орышка зъ тѣи бумажки сама спысовала, та тильки, не вмѣючи пысьма, на лыхо соби почала не зъ тѣи руки, язь треба, такъ хто пысьменный, то ничего и не розбере и не скаже, що воно и е, чи то слова, чи такъ шо надрыпано“. Подобное обыкновение бытуетъ и нынѣ въ харьковской губ. Въ купянскомъ у. маляры и живописцы рисуютъ на писанкахъ цѣлющихся голубей (с. Пелихова). Но эта форма животнаго орнамента не имѣетъ характера древности; вмѣсто свойственной древности серьезности замысла здѣсь выступаетъ эротическое сентиментальное начало.

Гораздо болѣе древними представляются намъ пѣтушки на великорусской писанкѣ въ моихъ коллекціяхъ и на трехъ моравскихъ писанкахъ въ атласѣ Ванклеовой (№№ 29, 30 и 48). Здѣсь пѣтушки окружены деревьями и цвѣтами, а въ № 48 добавлены еще солнечные символическіе знаки въ видѣ звѣздочекъ.

Пѣтухи и голуби встрѣчаются на сербскихъ писанкахъ (*Гласник* зем. музеја, 1889, III, 62). Изъ Болгаріи доставленъ мнѣ снимокъ съ одной писанки, на одной сторонѣ которой изображена большая птица въ стоящемъ положеніи, на другой—на-лету. Порода, птицы трудно опредѣлить.

Писаночный пѣтухъ представляетъ зооморфическій образъ солнца, что подтверждается несомнѣнно солярнымъ значеніемъ

пѣтуха во многихъ повѣрьяхъ, поговоркахъ, сказкахъ и обрядахъ. Какъ провозвѣстникъ дневнаго разсвѣта, пѣтухъ издревле получилъ значеніе солнечнаго символа. Въ загадкѣ „сидить пивень на верби, спустивъ косы до земли“ выступаетъ солнце и его лучи. Во всѣхъ странахъ Европы голосу пѣтуха приписывается могучая сила: демоны, мертвецы, ушри исчезаютъ при первомъ крикѣ пѣтуха. Деревянное изображеніе пѣтушка на крышѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Россіи служитъ охранительнымъ талисманомъ (*Аванасъевъ*, Поэт. возвр., I, 518).

Въ моей коллекціи писанокъ изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ) находится писанка подъ названіемъ пчела. Догадаться по рисунку трудно: туловище дѣйствительно пчелиное, длинное, съ желтыми поперечными полосками; головка въ видѣ перекладки такого же рисунка; но на мѣстѣ крыльевъ и впереди головки большіе треугольники краснаго цвѣта. Свящ. Родкевичъ высказываетъ при этомъ предположеніе, не указываетъ ли писанка пчела на 17 марта, день св. Алексѣя чelовѣка Божія, который, по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ, покровительствуетъ пчеловодству.

Въ той же коллекціи находится другая рѣдкая писанка—ракъ. Здѣсь уже никоимъ образомъ нельзя догадаться по рисунку, что мы имѣемъ передъ собою рака. Рисунокъ представляетъ сходство съ безконечникомъ: спиральная линія обходитъ всю широкую половину яйца, обращенную къ зрителю, а среди этой линіи находится маленькая крестообразная фигурка.

Въ той же коллекціи находится писанка „пауки“, которую, не зная названія, можно признать писанкой растительнаго орнамента. Никакого подобія пауковъ: поясокъ раздѣляетъ писанку на 2 продольныхъ части; каждую половину писанки крестовый цвѣтокъ раздѣляетъ на 4 части, въ которыя вставлены по 3 загнутыхъ въ кружокъ линіи, сидящихъ на одной ножкѣ.

Въ той же к.-подольской коллекціи находится писанка „шарпаньская муха“, нѣсколько папоминающая большую муху: брюшко съ длинной головкой, 2 крылышка около брюшка и 2 длинныхъ крылышка по бокамъ; мастерица сфальшила, изобра-

живъ рядомъ съ головкой и такой же величины 2 крыла, такъ что муха выходитъ трехъ-головая.

На галицко-русскихъ писанкахъ встрѣчаются иногда изображенія улитокъ, и сами писанки съ такимъ рисункомъ называются слимаки (*Ziel*, въ *Tygodn. illust. dla dzieci*, 1889, № 15).

Въ той же галицко-русской мѣстности (Покутье) встрѣчается писанка съ извивающеюся линіей по лицу, и называется такая писанка ужемъ (*ib.*).

Въ коллекціи писанокъ, принадлежавшей бывшему юго-западному отдѣлу Географическаго общества, была, какъ мы слышали, писанка съ изображеніемъ рыбы; нельзя сдѣлать изъ этого единственнаго экземпляра писанки-рыбы какое-либо заключеніе о символическомъ значеніи этой писанки (въ каталогѣ рыба—символь Христа); проще предположить о случайномъ появленіи этого рисунка.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Галиціи и въ Польшѣ встрѣчаются писанки „бараньи рога“, „курячьи лапы“, „качачьи лапы“, „гусячьи лапы“, „утиныя шейки“, „заячьи ушки“, съ соотвѣтствующими рисунками, напр., четыремя накрестъ положенными линіями съ загнутыми концами (рога), съ 3 или 4 линіями расходящимися изъ одной точки (лапки).

Въ печати были высказаны мнѣнія о вліяніи на писаночный орнаментъ рисунковъ ковровъ, ситца, разныхъ узорочій (Глинскій, Довгирдъ); но по извѣстнымъ намъ коллекціямъ и рисункамъ мы не можемъ указать на это вліяніе. Мы считаемъ писаночную орнаментуку оригинальной, во многихъ случаяхъ традиціонной, во многихъ—случайной, какъ проявленіе свободного эстетическаго творчества, причемъ матеріалъ даетъ мѣстная флора и разные предметы домашняго хозяйства.

Многіе писаночные рисунки имѣютъ *бытовое* содержаніе. Таковы писанки „гребень“, „грабли“, „сокира“, „свитая лента“, „зонтикъ“ (въ Галиціи), „люлька“ (трубка, въ к.-подольской губ.), „вовчи зубы“ (принадлежности ткацкаго станка, тамъ же), „човныки“, „саквы“ (мѣшки), „чоботы“, „крутые рукава“, „бак-

лажокъ“, „скрыпка“, „боченочекъ“, „мотовыльце“ (въ Темрюкѣ¹⁾).

Изъ предметныхъ орнаментовъ отмѣтимъ слѣдующіе: Въ к.-подольской губерніи встрѣчается писанка „бесаги“, на которой красной краской по темному фону изображены молдавскіе двойные мѣшки бесаги, которые перевѣшиваютъ черезъ плечо на грудь и спину (с. Родкевича). Подобнаго рисунка писанка встрѣчается въ Барсуковской ст. кубанской области (с. Донцова).

Писанки въ формѣ лѣстницы рисуютъ въ Тенгинской ст. кубан. обл. (с. Росавскаго), въ курской губ. (великорусская писанка въ моей коллекціи); у поляковъ драбинки имѣютъ 9 или 10 ступенекъ (Udziela, 9).

Писанки „калытки“ (кошельки) встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи въ К.-подольской г. Свящ. Родкевичъ высказываетъ оригинальное предположеніе относительно происхожденія и значенія этого орнамента въ писанкахъ каменецъ-подольской губерніи. Въ числѣ орудій, изображаемыхъ на иконахъ Страстей Христовыхъ, находится также Іудинъ кошелекъ или касса, и возникаетъ вопросъ не означаютъ ли писанки „калытки“ Іудина торга при продажѣ Спасителя. Писанка „калыточка“ встрѣчается также въ купянскомъ у. харьковской губ. (с. Свѣтъ).

Обычай приготовленія писанокъ къ Пасхѣ идетъ къ исчезновенію; мѣстами онъ уже прекратился; мѣстами сильно ослабѣлъ. На мою просьбу о присылкѣ писанокъ и свѣдѣній о нихъ извѣстный этнографъ И. И. Манжура отвѣтилъ мнѣ: „На послѣднихъ дняхъ Страстной, какъ я не искалъ писанокъ на двухъ екатеринославскихъ базарахъ, тамъ ихъ и слѣда не оказалось. Не оказалось ихъ также въ ближайшихъ окрестностяхъ города, хотя тамъ еще ихъ помнятъ; но производство уже умерло“. Другой почтенный изслѣдователь народной жизни П. В. Ивановъ пишетъ мнѣ: „Въ г. Купянскѣ въ послѣдніе годы писанокъ уже не пишутъ, какъ это бывало прежде, не про-

¹⁾ Съ черноморской писанкой „мотовыльце“ вполнѣ сходна одна болгарская писанка изъ Добруджи.

даютъ; лавочная сахарная и фарфоровая писанка вытѣснила изъ употребленія домашнюю, хотя еще живы женщины, писавшія съ своими матерями и распродававшія въ прежніе годы въ теченіе поста сотни писанокъ. Нѣтъ выгоды, не стоитъ писать— вотъ ихъ отвѣтъ на вопросъ, почему онѣ не приготавливаютъ теперь писанокъ“. Въ Харьковѣ лѣтъ двадцать на окраинахъ еще писали писанки, а теперь здѣсь исчезъ этотъ обычай; ограничиваются простыми крапанками или лавочными сахарными и стеклянными писанками; на базарѣ я нашелъ въ прошломъ году на Страстной недѣлѣ 4 писанки изъ с. Коротича, отстоящаго отъ города верстъ на 15.

Въ другихъ мѣстностяхъ хранителемъ обычая является какая-нибудь одна старуха, со смертью которой умретъ и послѣдній слѣдъ обычая. Такъ, въ слоб. Анниной лебед. у. рисуютъ писанки маляръ и одна старуха, въ слоб. Боромлѣ ахтырскаго у. одинъ старикъ и одна старуха, въ с. Островерховкѣ харьк. у. старуха Арина Головчыха, а въ Темрюкѣ старуха Азулина Фаленко.

Упадокъ обычая рѣзко обнаруживается въ слабости и порчѣ рисунка: линіи неправильны, неровны, орнаментація сдѣлана небрежно, грубо. Единственное орудіе—кисточка—заброшено, и капаютъ на яйцо прямо съ горящей восковой свѣчи. Оттого и писанки Харьковщины, Екатеринославщины, Полтавщины значительно грубѣе и однообразнѣе волынскихъ и подольскихъ писанокъ, слабѣе польскихъ и чешскихъ. Недостатки писанокъ лѣвобережной Украины не слѣдуетъ, мы думаемъ, объяснять сравнительно восточнымъ ея положеніемъ, удаленностью отъ западнаго славянства, отъ богатыхъ въ художественномъ отношеніи источниковъ европейской культуры. Дѣло въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи и среди великорусскаго населенія курской губ. попадаются писанки, весьма изящныя по рисунку и яркія по окраскѣ; но встрѣчаются онѣ рѣдко, въ немногихъ мѣстностяхъ, повидимому, какъ обломокъ лучшаго въ прошломъ состоянія писаночнаго дѣла. Эстетическое чувство и любовь къ изящному малорусскому народу свойственны не менѣе, чѣмъ народамъ западно-славянскимъ. Матеріалъ, собранный мною, настолькоъ малъ въ коли-

чественномъ отношеніи, что нѣтъ возможности намѣтить въ писаночномъ дѣлѣ историческія градаціи или мѣстныя вліянія. Легко выдѣляются только малярскія писанки, по замысловатости рисунка (напр. „прободенное сердце“), по присутствію позолоты и по надписямъ. Коллекціи крестьянскихъ писанокъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ экземпляровъ, встрѣчающихся повсемѣстно (напр., безконечники), оказываются весьма разнообразными по силѣ и яркости окраски, по преобладанію того или другаго цвѣта, по выбору растительныхъ орнаментовъ.

Въ заключеніе статьи не могу не высказать двухъ пожеланій: первое, чтобы наше образованное общество и люди науки обратили серьезное вниманіе на угасающій обычай приготовленія писанокъ, собрали, что еще можно собрать, и продолжили мой настоящій трудъ на основаніи новаго матеріала. Второе пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы нашъ народъ путемъ просвѣщенія развилъ тѣ богатые художественныя дарованія, которыя онъ выразилъ въ писанкахъ, въ изяществѣ рисунка, въ умѣломъ подборѣ красокъ, въ чистотѣ и благородствѣ всей писаночной орнаментики.

Д о п о л н е н і я.

Во время печатанія статьи мы собрали еще слѣдующіе новые матеріалы, восполняющіе свѣдѣнія о писанкахъ:

1) Сообщение учителя г. Иваника изъ Кабардинской станицы, майкопскаго отдѣла, кубанской области: писанокъ не готовятъ, однѣ крапанки; сказаній, поговорокъ и проч. т. п. не имѣютъ; готовятъ крапанки на Страстной къ Пасхѣ и потомъ къ радоницѣ, скорлупы не сохраняютъ; красятъ красной, желтой, голубой и черной красками, которыя берутъ въ мѣстной лавочкѣ.

2) При любезномъ посредствѣ Б. Г. Филонова, я получилъ изъ с. Балаклѣи, змѣвскаго у. 20 крестьянскихъ писанокъ. Писанки трехцвѣтныя, по красному фону бѣлые и желтые рисунки, блѣдныя, грубой работы, геометрическаго и растительнаго стилей; нѣсколько крестовыхъ съ 4-конечнымъ латинскимъ

крестомъ; одинъ безконечникъ (14 бѣлыхъ параллельныхъ линий по красному фону).

Въ смоленской губ. существуетъ обычай носить во время Пасхи церковныя иконы. Ношеніемъ этимъ занимаются особыя лица, называемыя „богоносцами“, изъ бойкихъ крестьянъ. Богоносецъ за Святую недѣлю собираетъ иногда до 200 яицъ. Онъ большой охотникъ „биться на битки“, и нерѣдко случается, что однимъ яйцомъ выбиваетъ цѣлый десятокъ яицъ. Часто можно встрѣтить у него яйцо цесарки, которое считается всеразрушающимъ биткомъ. Въ биткѣ яицъ иногда принимаютъ участіе батюшка, дьячекъ, пономарь; игра эта и теперь довольно популярна среди крестьянской молодежи. Строго преслѣдуется каменное яйцо и, по обычному праву, такое яйцо нерѣдко запускается въ голову его владѣльца. („Смол. Вѣстн.“, переп. въ „Днѣ“ 1891 № 1032).

Въ I кн. „Вислы“ за 1891 г., с. 166 г. Глогеръ указываетъ на *древнѣйшее свидѣтельство* о писанкахъ XIII вѣка въ хроникѣ Кадлубка.

Въ той же книгѣ „Вислы“ приведена выдержка изъ соч. Миличевича „Живот срба селяка“ о приготовленіи писанокъ въ Сербіи, сходномъ съ приготовленіемъ ихъ въ Малороссіи.

Названіе писанки „бесачи“ по изображенію двойныхъ переметныхъ сумъ румынское, а у румынъ бесачи сохраняются съ древнихъ временъ: у римлянъ *bisaccium* встрѣчается у Петронія († 67 г. по Р. X.).

Н. Ф. Сумцовъ.

Поправка. На стр. 183, 4 строка снизу должно читать: „правобережкой“, вмѣсто „лѣвобережной“.

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.¹⁾

(1754 — 1766 г.).

(ОКОНЧАНИЕ).

VIII.

ж) Свое *пользованіе земельными угодьями* и работою жителей Преорки, Сырца и Кореніовщины Сычевскій основывалъ на привилегіяхъ королей Владислава IV 1644 г., мая 20 и Яна Казимира 1659 г., апрѣля 3 д., по которымъ де и предшественникамъ его тѣ угодья на рангъ принадлежали, а подгородніе жители у нихъ же находились „въ послушаніи“. По словамъ Сычевскаго, преорскіе, сырецкіе и кореневскіе жители, по тѣмъ привилегіямъ, „дѣйствительно принадлежали къ послушанію прежнимъ войтамъ, какъ до отнятія оныхъ сель, Преорки, Сырца и Кореневщины, кіевскими козаками, такъ и послѣ приверненія оныхъ же сель по прежнему подъ магистратъ, по силѣ высоч. грамоты императора Петра Первого 7207 г. апрѣля 10 д., по прошенію войта Быковского съ урядниками, оному войту и по немъ наступившимъ войтамъ Полоцкому и Войничу послушны были беспеременно“.

Магистратскіе повѣренныя доказывали, что Сычевскій неправильно толковалъ самыя грамоты, которыми названныя подгородья даны были вовсе не на рангъ войтовскій, а „въ помощь магистрату“. Что же до прежнихъ войтовъ, то, по ихъ увѣ-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“. 1891 г., № 5.

ренію, подгородніе жители войту Быковскому „никакова послушанія не чинили“, а Войничу добровольно „оказывали вспоможеніе толокою“ на заведенномъ имъ, Войничемъ, хуторѣ; сѣнокосы же всегда отдавались войтами жителямъ „съ копици“. Сычевскій въ своемъ оправданіи, настаивая на правильности своего толкованія упомянутыхъ выше грамотъ, не отрицалъ, что прежнимъ войтамъ подгородніе жители разныя работы „исправляли толокою, т. е. обществомъ охочихъ людей,“ но объяснялъ, что это „въ волѣ оныхъ прежнихъ войтовъ состояло: употреблять оныхъ людей вдругъ всѣхъ, т. е. толокою или по очереди“, а что всѣ эти жители и прежнимъ войтомъ „послушны были по должности за панщину, яко то въ плетеніи огородовъ, въ паханіи на огородину земли, въ посѣянніи, полотьи и въ снятіи оной огородины или овощей и въ прочихъ по экономіи войтовской разныхъ надобностяхъ“—это Сычевскій отдавалъ на присягу тѣмъ же свидѣтелямъ, на которыхъ ссылались и истцы. При этомъ самъ онъ признавалъ, что количество этой работы подгороднихъ жителей дѣйствительно при немъ значительно увеличилось сравнительно съ прежнимъ временемъ и объяснялъ это такъ: „и яко за прежнихъ войтовъ въ Преорѣѣ, Сырдѣ и Корневщинѣ весьма малое поселеніе людей имѣлось, такъ оныя по меньшей части прежнимъ войтамъ послушны были, а нынѣ населились уже села и размножились люди далеко болшую частію противъ прежняго, коихъ нынѣ находится до *трехсотъ двохъ*, для того и послушаніе противъ прежняго, т. е. привозомъ до винокурни колодокъ и въ рублѣ оныхъ, тако жъ въ паханіи огородной земли и въ дачѣ отъ себя трехъ сторожей“. На наемъ этихъ трехъ сторожей по 11 р. въ годъ каждому, какъ видно изъ дѣла, собирались съ подгороднихъ жителей деньги.

Увѣряя, что отъ него подгороднимъ жителямъ „противъ прежнихъ ни малѣйшей обиды не происходило“, Сычевскій подачу ими въ апрѣлѣ 1763 г. жалобы въ магистратъ объяснялъ однимъ лишь подстрекательствомъ бурмистра Семена Козельскаго и другихъ урядниковъ, которые де хотя и заявляли ему словесно, что онъ подгородними людьми „неналежно владѣетъ“, но письменно никуда не представляли, никогда нигдѣ не протесто-

вали, а только уже послѣ ссоры съ нимъ послали канцеляриста Ивана Виткевича въ подгородья собрать жалобы на войта и составить отъ обывателей доношеніе въ магистратъ. Въ виду же того, что магистратскіе урядники „съ начала принятія оныхъ людей войтомъ въ свое послушаніе чрезъ всѣ прошедшіе года умолчали“, то, по мнѣнію Сычевскаго, и теперь, „по праву о томъ молчать должны уже были“, и вопросъ этотъ долженъ быть изъятъ изъ слѣдственнаго производства. Что же касается перечисленныхъ истцами разнаго рода обидъ и грабежей, произведенныхъ въ подгородьяхъ дворникомъ войта и старостою, то „онъ, войтъ, за дворника своего виновности за собою не чувствуетъ“ и готовъ утвердить присягою лишь то, что онъ дворнику своему „ни у кого напрасно забирать скота и нивакихъ обидъ никому причинять“ не приказываль.

Не такъ легко, какъ относительно „послушанія“ преорскихъ обывателей, можно было Сычевскому доказать законность своего владѣнія Осетщиной и поселившимися въ ней людьми. Какъ указали магистратскіе повѣренные, онъ и самъ хорошо зналъ, что Осетщина жалованными грамотами увѣрjena за кievскими мѣщанами, а не за войтомъ, почему самъ и доносилъ, когда это нужно было, въ 1761 году въ полковую кiev. канцелярію (и въ кiev.-губернскую тоже), что „оныя осетскіе люди не какіе либо его собственные или ранговые, но суть единственно утвержденные кievскому магистрату“.

Нѣкоторою частью сѣнокоса въ Осетчинѣ, дѣйствительно, владѣли прежніе войты, но съ особаго каждый разъ дозволенія магистрата. Войтъ Полоцкій первый, когда еще въ Осетчинѣ нивакого поселенія не было, построилъ тамъ, съ разрѣшенія магистрата, для содержанія скота „хуторецъ“ на собственный свой счетъ. Сычевскій тоже владѣлъ тамъ небольшою частию сѣнокоса, но утверждалъ, что поселившіеся именно на этой части жители „были послушны“ и раньше не магистрату, а войту; „что онъ, Сычевскій, во ономъ островѣ Осетчинѣ имѣющими людьми владѣеть и собственную свою горѣлку на продажу производить съ прибытія своего въ Кіевъ“—объ этомъ никто изъ магистратскихъ раньше „не искалъ, ниже протесто-

валь“, и потому теперь „по праву и молчать уже должны“, Сычевскій кромѣ того утверждалъ, что въ Осетчинѣ всегда существовала продажа горѣлки войтовской собственно, а не магистратской; если же это было не такъ въ тѣ годы, на которые ссылаются истцы, въ 1752—1754, то это потому, что тогда совѣтъ не было въ Кіевѣ войта.

Если Сычевскій пользовался лишь небольшою частью сѣнокосовъ въ Осетчинѣ и работою поселившихся на этой части обывателей по праву, на основаніи грамотъ, какъ онъ ихъ понималъ, и по примѣру прежнихъ войтовъ, то остальною частью завладѣлъ уже самъ безъ всякаго права. Этому завладѣнію онъ далъ такое объясненіе: когда жители Осетчины заявили ему, что они, не имѣя ни пахатной, ни сѣнокосной земли, не въ состояніи будучи „выстатчать указанные порціоны и прочіе общенародныя повинности“, вынуждены будутъ разойтись, если имъ не будетъ предоставлена хоть небольшая часть сѣнокоса по другой сторонѣ Осетцкаго озера, тогда онъ дозволилъ имъ пользоваться указанными сѣнокосами съ третьей копны, т. е. одну они получали себѣ, а двѣ доставляли войту.

Между тѣмъ, по словамъ магистратскихъ урядниковъ, прежде изъ этихъ то сѣнокосовъ, между прочимъ, довольствовались и магистратскія почтовые лошади. Сычевскій же утверждалъ, что раньше этими магистратскими сѣнокосами, по обѣимъ сторонамъ осетчинскаго озера, пользовались магистратскіе урядники, какъ собственными, безъ всякаго опредѣленія и утвержденія, а рочные бурмистръ и райца, по своему усмотрѣнію, отводили ихъ, кому хотѣли, не представляя никакой отъ того прибыли въ магистратъ.

Выгодной статьей ранговыхъ „принадлежностей“ войта былъ сѣнокосъ подъ самымъ городомъ на Оболоньѣ. Въ первые три года своего войтовства Сычевскій отдавалъ этотъ сѣнокосъ съ половины преорскимъ жителямъ, которые „косили и убирали сѣно на собственныхъ харчахъ, взямая на себя половинную часть“. Но затѣмъ онъ нашелъ, что осетчинскіе и другіе подгородніе жители должны и этотъ сѣнокосъ ему косить и убирать „безъ заплаты и безъ харчей, за панцину, по примѣру

другихъ ранговыхъ сель жителей“, и только де по „респекту его, войта, дабы они въ томъ обиды признавать не могли“, онъ установилъ такъ, что на Оболонь сѣнокосъ его косили осетскіе жители „за панцину“, а убирали—подгородніе жители „за заплату“. Не отрицалъ Сычевскій и того, что при уборкѣ и перевозкѣ сѣна въ городской дворъ его или въ преорскій хуторъ вимались съ работавшихъ по наряду „заклады, дабы безъ окончанія не оставили должности своей“, но увѣрялъ, что „въ томъ никакой обиды имъ не послѣдовало, ибо оныя заклады въ цѣлости имъ возвращены“.

Что касается до обвиненій въ „здырствѣ“ денегъ за спашъ травы и т. п. ущербы, то Сычевскій, предоставляя требовать отвѣтовъ по всѣмъ подробностямъ этихъ обвиненій отъ его дворника и старостъ, самъ заявилъ, что вообще онъ въ случаяхъ нарушенія его хозяйственныхъ интересовъ „за прямыя обиды скотъ, по правамъ, удерживать и награжденіе, по порядку, безъ обиды обывательской требовать по праву дозволялъ“. Видно, что въ этихъ случаяхъ дѣятельное участіе въ управленіи его хозяйствомъ принимала жена, на которую особенно и жаловались подгородніе жители, указывая примѣры взиманія несообразнаго съ причиненнымъ убыткомъ денежнаго штрафа¹⁾. Сычевскій въ своихъ оправданіяхъ по этому пункту, между прочимъ, увѣрялъ, что „во взятіи оныхъ денегъ съ обывателей поступала она, жена войтова, съ *разсмотрѣніемъ*, дабы никакой обиды признавать не могли“, при чемъ ссылался на слова самихъ же истцовъ, упомянувшихъ, что у одного изъ обывателей, нѣкоего Забуги, она „взяла было по разсмотрѣнію спаши денегъ два рубля, однако на прошеніе его, Забуги, опослѣ возвратила тридцать копѣекъ“...

¹⁾ Въ первомъ своемъ отвѣтѣ Сычевскій, настаивая на томъ, что такъ какъ объ этомъ раньше никакихъ жалобъ не было, а еслибы ему самому кто либо изъ обывателей жаловался, то, конечно, былъ бы удовлетворенъ,—заявлялъ, что вообще на его ранговомъ сѣнокосѣ на Оболонь „неточію мѣщанской скотъ причинялъ не малой убытокъ травы, но и сами мѣщане, пріѣзжая да возахъ, выеашиваютъ траву тайно, и какъ оной скотъ или мѣщане на томъ сѣнокосѣ пойманы бывають, то по добровольному ихъ уговору, съ разсмотрѣніемъ обиды, учиня награжденіе, отпускались, а по большей части отпускаемы были и безъ всякаго награжденія“.

Видно, Сычевскіе достаточно широко пользовались обычными приёмами устрашенія обывателей, которые сами или скотомъ своимъ могли по сосѣдству причинять малѣйшій ущербъ войтовскому хозяйству. Любилъ, должно быть, войтъ и „добровольные подарки“ отъ обывателей. Такимъ подаркомъ призналъ онъ и того прибудившагося въ его хуторъ вола, вопросъ о которомъ возникъ при слѣдствіи. Однажды мѣщанинъ Хоменко, цехмистеръ рѣзницкій, опозналъ своего вола во дворѣ войта и сталъ требовать его возвращенія. Войтъ же, „сторговавъ оного за шесть рублей, ни денегъ, ни вола Хоменку по сіе время не отдалъ“. Сычевскій же на слѣдствіи показалъ, что вола этого Хоменко продалъ ему „по добровольной склонности“ за 6 р., тогда же получилъ четыре рубли, а остальные яко бы, „доброхотствуя ему, войту, подарилъ“ и никогда послѣ не требовалъ.

Владѣлъ еще войтъ на Осетскомъ островѣ „рыбнымъ уходомъ“, который повѣренные называли озеромъ. (По словамъ войта, этотъ „уходъ издавна, по простому нарѣчію, названъ *панское озеро*, для того что всегда во владѣніи прежнихъ войтовъ находилось“). Во время весенняго разлива сюда заходила изъ Днѣпра рыба, а при спадѣ водъ она „закочивается, и ежели бы не была закочена, то-бъ обратно въ Днѣпръ ушла; и по изловленіи оной рыбы единожды въ годъ во время осеннее болѣе никакой рыбы въ томъ уходѣ не остается“. Магистратскіе повѣренные, основываясь на грамотѣ Петра Великаго, по которой предоставлено рыбными ловлями владѣть „мѣщанамъ кievскимъ“, оспаривали исключительное право войта владѣть этимъ озеромъ и утверждали, что прежніе войты „обще съ магистратскими урядниками на всѣхъ рыбу раздѣляли“. Сычевскій же, толковалъ упомянутую грамоту по своему и на основаніи ея спорнымъ рыбнымъ уходомъ „самъ пользовался и въ продажу отпускалъ“, ничего не удѣляя кievскимъ мѣщанамъ. Это спорное озеро представляло, какъ видно, не маловажную статью дохода въ общемъ бюджетѣ войта ¹⁾.

¹⁾ По поводу пользованія этимъ озеромъ въ слѣдственныхъ показаніяхъ упоминается одинъ мелкій случай, не лишенный интереса для характеристики хозяйничанья войтовскаго. Когда въ отсутствіи войта въ 1762 году жена его объявила

з) Къ числу излишнихъ и незаконныхъ „пользованій“ Сычевскаго магистратскіе урядники относили и то, что онъ, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, навязывалъ свою горѣлку покушать для магистратскихъ шинковъ, о чемъ было упомянуто уже выше (гл. II).

На преорскомъ своемъ хуторѣ Сычевскій имѣлъ винокурню, на которой почти всѣ работы производились „прислушающими“ людьми бесплатно. Это была несомнѣнно одна изъ выгоднѣйшихъ хозяйственныхъ статей. Продажа хлѣбнаго вина изъ магистратскихъ шинковъ составляла тогда самую крупную статью городскихъ доходовъ. Такъ въ 1761 году въ общей суммѣ этихъ доходовъ 6464 р. 13 коп. значится— съ шинковъ за хлѣбное вино 5059 р. 92 к.¹⁾ Магистратскими шинками, конечно, не ограничивался сбытъ вина, куреніемъ котораго занимались тогда многіе изъ состоятельныхъ кіевлянъ. Для храненія выкуреннаго вина Сычевскій пользовался обширными магистратскими погребами „съ вѣдома и дозволенія“, какъ онъ заявлялъ, годовыхъ бурмистровъ и райцовъ, которые де не только сами дозволяли, но, когда вновь выстроенные погреба стояли пустыми, просили даже яко бы войта, чтобы онъ ставилъ въ нихъ свою горѣлку, „ибо де чрезъ содержаніе го-

квартиловому уряднику Николаю Леонтовичу и мѣщанину Чишиничу, что хочеть отдать уходъ рыбный въ откупъ, тогда они отправились туда и тайно наловили рыбы, учинивъ при этомъ „слѣдъ“, о которомъ и донесли войтовой женѣ осетскіе жители. „Имѣется же тамо испрежде подлогъ таковъ, что ежели хотя единожды въ въ уходъ слѣдъ учинится, то всю рыбу городскіе рыбаки и тамошніе жители воровски выловлятъ и оберечь никакимъ образомъ уже невозможно“. Узнавъ объ этомъ, жена войта позвала Леонтовича и Чишинича и „пеняла“, говоря, что намѣрена „за учиненной ими слѣдъ просить сатисфакціи“. Тогда сошлись на томъ, что когда войтова жена отъ себя выловить всю рыбу, если окажется убытокъ противъ цѣны прежнихъ годовъ, то они его обязываются пополнить. Изловивши рыбу, Сычевская приказала мелкую распродать на базарѣ, а „большую и средственную извляить“. Леонтовичъ и Чишиничъ, „вида что извляенной рыбы явилось добротою хорошею, оставя свой прежній договоръ, просили уступить имъ оную извляенную всю рыбу за цѣну и торгуясь отъ 14-ти, за 10 рублей купили и тѣ деньги добровольно уплатили“. Повѣренныя же заявляли, что названные мѣщане принуждены были уплатить 10 рублей за трухлую и негодную рыбу.

¹⁾ См. Истор. мат. „Изъ архива кіевск. губ. пр“. вын. 8, стр. 167, „Свѣдѣнія о городскихъ доходахъ и расходахъ г. Кіева въ 1761 году“.

рѣлки погребѣ лучше выстаиваться будетъ“. Конечно, еслибы и не было со стороны войта „усилованій“ въ сбытѣ своей горѣлки магистрату, то уже самый „респектъ“ въ нему и „труды по магистрату“, какъ онъ самъ признавалъ, побуждали рочныхъ урядниковъ предпочитать при покупкѣ для магистрата горѣлку войтовскую, при чемъ, вѣроятно, не обходилось и безъ „подвышенія цѣны“ сравнительно съ назначенною другими продавцами.

IX.

Однимъ изъ главныхъ своихъ „недоброхотовъ“, возбудившихъ противъ него и все мѣщанство, Сычевскій признавалъ магистратскаго писаря Якова Давыдовскаго, о разнаго рода „неисправностяхъ“ котораго онъ и включилъ при слѣдствіи въ своихъ показаніяхъ многія „постороннія рѣчи“, затягивавшія лишь слѣдствіе.

Яковъ Давыдовскій, сынъ козацій, родомъ изъ м. Ични, служилъ сначала полковымъ канцеляристомъ въ прилуцкой полковой канцеляріи пять лѣтъ, а съ 1747-го года, въ званіи войскового канцеляриста, въ генеральномъ судѣ, отъ котораго и выданъ ему въ январѣ 1757 г. аттестатъ о „безпорочной и трудолюбной“ службѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, Давыдовскій здѣсь женился, пріобрѣлъ домъ и въ мартѣ 1757 года, во время бывшей „публичной элекціи“, избранъ магистратскимъ писаремъ, очевидно, съ согласія и даже по рекомендаціи самого войта Сычевскаго.

По всей вѣроятности, Давыдовскій, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ не былъ искусенъ „въ тонкомъ знаніи правъ магдебургскихъ“. По словамъ войта, онъ „и читать онихъ правъ на польскомъ и латинскомъ діалектахъ совершенно не умѣетъ, выписки же, по дѣламъ магистратскимъ, съ правъ магдебургскихъ справляютъ магистратскіе канцеляристы Лукьяновичъ, Витьевичъ и Слюсарскій“. Объ этомъ незнаніи Давыдовскимъ правъ еще въ 1761-мъ году подано было въ магистратъ особое

доношеніе¹⁾, которымъ подписавшіе его шесть урядниковъ просили объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ должности и объ избраніи на его мѣсто кого либо изъ мѣстныхъ мѣщанъ „ученыхъ людей“, при чемъ указывали на то, что онъ сынъ козацій и уже по этому одному не долженъ занимать уряда въ магистратѣ.

Большая часть „неисправностей“ писаря, заявленныхъ Сычевскимъ при слѣдствіи, заключалась въ неподписаніи имъ магистратскихъ опредѣленій и доношеній, по которымъ, случилось, магистратскіе урядники подвергались отъ в. генер. суда штрафу или выговору. Такъ, уже послѣ злополучной исторіи съ освидѣтельствованіемъ копій, генеральный судъ въ январѣ 1764 года оштрафовалъ войта и урядниковъ, подписавшихъ приговоръ по одному исковому дѣлу: они уплатили по 12 р. 14 к. каждый, а писарь „за неподписаніе приговора отъ взыскація на немъ штрафа обойденъ“. По словамъ Давыдовскаго, подписываться писарю на магистратскихъ опредѣленіяхъ „за прежнихъ писарей обыкновенія не было“; Сычевскій же утверждалъ, что Давыдовскій въ упомянутомъ случаѣ не подписывался единственно „для способнѣйшаго извиненія себе въ случаѣ по дѣламъ отвѣта и штрафа удаленія“. Но изъ всѣхъ этихъ объясненій можно заключить лишь, что Давыдовскій былъ человѣкъ осторожный и устранился отъ отвѣтственности, которая при зависимости судебной дѣятельности магистрата отъ войскового генеральнаго суда являлась крайне неопредѣленною и часто неожиданною.

Еще въ 1760-мъ году особыми опредѣленіями магистрата 13-го мая и 21-го декабря постановлено было, чтобы писарь магистратскій подписывался на всѣхъ приговорахъ выше райцовъ и засѣдалъ за однимъ столомъ съ войтомъ и урядниками. Такое опредѣленіе, по словамъ Сычевскаго, состоялось именно потому, что Давыдовскій „по многократнымъ его, войта, словеснымъ приказаніямъ на дѣлахъ и приговорахъ магистратскихъ

¹⁾ Доношеніе это указываетъ, между прочимъ, на то, какъ тяготились кіевляне тою неурядицею въ судѣ, какая происходила отъ примѣненія разныхъ законовъ. Оно же свидѣтельствуетъ и о томъ живомъ интересѣ, каковой возбуждалъ во всемъ населеніи вопросъ о совершенномъ выселеніи козаковъ изъ Кіева.

по одному упрямству своему не подписывался, усилуясь засѣдать за судейскимъ столомъ и вишше райцевъ подѣйсьваться“. При этомъ Сычевскій отдавалъ на присягу самимъ урядникамъ, что они дѣйствительно сами просили его, чтобы писарю подписываться на всѣхъ приговорахъ магистратскихъ и дѣлахъ, чтобы „какова по дѣламъ отъ него, писаря, подлогу, а онимъ всѣмъ урядникамъ штрафу и отвѣту слѣдовать впредь болѣе не могло“.

Что Давыдовскій, по должности своей писарской, подводилъ магистратскихъ урядниковъ, кромѣ штрафа, къ другимъ неприяностямъ, на это въ объясненіяхъ Сычевскаго находимъ два указанія. Въ 1763-мъ году, въ отсутствіи войта изъ Кіева, бригадиръ молд. гус. полка Иванъ Подгоричанинъ жаловался г. Разумовскому на „причиненные отъ магистрата письменными сношеніями неучтивства и на всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ порицанія“. Это обидѣвшее гг. офицеровъ сношеніе сочинялъ Давыдовскій; ордеромъ же гетмана приказано было подписавшимъ урядникамъ всѣхъ офицеровъ „публично о прощеніи просить и удовольствовать“, что и было ими исполнено. Затѣмъ, когда мѣщанинъ Іосифъ Козельскій подалъ въ магистратъ жалобу на постояльца своего, того же молд. гус. полка майора Якима Бедрягу за причиненныя имъ обиды, то Давыдовскій, въ отсутствіи войта, сочинилъ по поводу этой жалобы особое отъ всего магистрата представленіе въ пр. Сенатъ, за что и послѣдовалъ изъ пр. Сената указъ 12 февраля 1764 г. съ строгимъ выговоромъ всему магистрату, чтобы впредь, „низшей команды по порядку не прося, вышней командѣ представлять не дерзалъ подъ неунистительнымъ штрафомъ“.

Изъ приведенныхъ уже раньше свѣдѣній о первой поѣздкѣ войта съ депутаціей въ столицу въ 1762 году видно, въ какихъ явно враждебныхъ отношеніяхъ находились между собой въ это время Сычевскій и Давыдовскій. Естественно поэтому, что Сычевскій, когда представилась къ тому возможность, позаботился объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ писарства, изобразивъ въ своемъ донесеніи гетману въ надлежащемъ свѣтѣ и его „упрямство и непослушаніе“ при составленіи и отправкѣ къ гетману копій съ магистратскихъ крѣпостей, а затѣмъ и его подстрекатель-

ство и руководство народнымъ „смятеніемъ“ при злополучномъ ихъ освидѣтельствovanіи 12—15 декабря 1763 г. Но при этомъ Сычевскому почему то хотѣлось изобразить отрѣшеніе Давыдовскаго отъ писарства результатомъ не только одного его, войта, донесеній, но также и жалобы нѣкоторыхъ мѣщанъ, тогда же поданной гетману.

Дѣйствительно, мѣщанинъ Федоръ Доброгорскій¹⁾,—по наученію самого войта, какъ утверждали магистратскіе повѣренные,—составилъ къ гетману прошеніе объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ писарства за причиненныя яко бы имъ обиды, при чемъ просилъ и о томъ, чтобы гетманъ ходатайствовалъ объ удержаніи навсегда города Кіева въ своей командѣ. Однако

¹⁾ Этотъ Доброгорскій въ 1758 году былъ асауломъ „реестровой корогвы“, какъ это видно изъ даннаго ему 22-го іюля того года ордера, подписаннаго Петромъ Тихоновичемъ и Козьмой Кулешемъ. Этотъ ордеръ представлялъ въ комиссію Сычевскій, какъ доказательство того, что сами магистратскіе урядники добровольно яко бы наряжали для него мѣщанъ въ повѣдки. Вотъ этотъ ордеръ: „По полученія сего имѣете вы зъ состоящихъ вѣдомствъ вашемъ реестровыхъ товарищей, добрихъ и надежныхъ людей, двоихъ человекъ, для повѣдки зъ его высокоблагородіемъ господиномъ войтомъ въ вѣкторіе малороссійскіе мѣста снарядивъ, его в—дію представить немедленно, и асаулу Доброгорскому учинить по сему“.

Это, вѣроятно, былъ тотъ же Федоръ Доброгорскій, который въ 1748 году возбудилъ ламатное для кіевлянъ дѣло противъ общаго ихъ врага козацкаго сотника Павла Гудима, обвинивъ его въ политическомъ преступленіи, въ оскорбленіи величества, за что этотъ злостный корченикъ и „обидитель“ мѣщанства кіевскаго и понесъ тяжкое наказаніе—бить батогами, по указу Тайн. канц. (см. „Кіевскія смуты прошл. ст.“. „Кіевская Старина“ 1886 г. Декабрь).

Въ жалобѣ на писаря Давыдовскаго, поданной гетману 15-го ноября 1763 г. и подписанной, кромѣ самого Доброгорскаго, еще 13-ю лицами, говорится, что Давыдовскій „отъ времени принятія его въ ту должность войтомъ И. Сычевскимъ, надъ волю и согласіе всѣхъ насъ, по входящимъ въ оной магистратъ отъ насъ дѣломъ въ разныхъ претенсіяхъ, поступаетъ въ отиѣну майдебургскихъ правъ, которые напечатаны на латинскомъ діалектѣ; ибо когда каковы приговоры ни писать, всегда зъ своей головы составляетъ, а для того, что онъ ихъ читать не умѣетъ и потому совершеннаго приговора составить не можетъ, съ насъ же единственно затѣмъ многіе пришли до обиды и убытковъ; а хотя это изъ судящихъ и чинили поводъ о привѣщеніи тѣхъ правъ какъ должно въ дѣло, то помянутый Давыдовскій, чрезъ незнаніе оныхъ правъ, ту ихъ присидавшихъ у магистратѣ сентенсію условно отводитъ и тѣмъ наши искы неосновательными дѣлаетъ, норовя сторони того, кто больше ему даровъ посулить, да и во всемъ вѣбѣ партикулярную какъ надъ подданными его чинить расправу“.

очень скоро подписавшіе это прошеніе мѣщане, явившись въ магистратъ, „принесши повинную, показали, что они на томъ прошеніи подписались чрезъ подлогъ его, ибо онъ, Доброгорскій, сказывалъ имъ, что оное доношеніе написано о сводѣ съ мѣщанскихъ квартиръ молдавскаго гусарскаго полка“. Другіе же изъ подписавшихся уже въ слѣдственной комиссіи просили исключить ихъ имена, заявляя, что они никогда ничѣмъ не были обижены Давыдовскимъ, а подписались на сочиненной Доброгорскимъ жалобѣ „по подбустительству и обману, иные пьяные, а другіе по малолѣтству отъ неразумія“. Оказалось, что дѣйствительно Доброгорскій собиралъ на своемъ доносѣ подписи самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Между подписавшимися былъ, между прочимъ, одинъ ученикъ академіи „школы богословія“, который письмененно въ слѣдственную комиссію заявлялъ послѣ, что де онъ подписалъ вмѣсто своего отца упомянутый доносъ, увѣренный Доброгорскимъ, что это прошеніе отъ мѣщанства къ гетману именно о выводѣ изъ города гусаръ и вообще объ освобожденіи отъ постоевъ¹⁾ и что везетъ это прошеніе самъ Добро-

¹⁾ Что гусары были крайне неприятны не только для мѣщанъ-домовладѣльцевъ, но причиняли разныя неприятности вообще кіевлянамъ, въ томъ числѣ и студентамъ академіи, это можно видѣть, между прочимъ, изъ одного дѣла, напечатаннаго мною въ 10-мъ вып. „Историч. матер. изъ архива кіевск. губ. правл.“ (стр. 71) о столкновеніи студентовъ академіи съ гусарами. Не мудрено поэтому, что въ числѣ подписавшихъ такого рода прошеніе, какъ о выводѣ изъ города гусаръ молдавскаго полка, подписалъ вмѣсто отца своего Прохора Лукьянова и студентъ Кириллъ Прохоровичъ. Само начальство академіи жаловалось, что расположившіеся въ 1763 году въ Кіевѣ полки артиллерійскій и гусарскій „студентамъ и ученикамъ той академіи такія начали причинять обиды и утѣсненія, что не только своего ученія производить имъ, студентамъ, нельзя, но и на квартирахъ жить въ Кіевѣ не безопасно“. Особенно досаждали гусары, выгоняя зачастую учениковъ изъ квартиръ, издѣваясь надъ ними различными способами; а въ день Рождества Христова они напали было на самую бурсу и избили многихъ бурсаковъ, при чемъ даже „одному богослову руку саблею пробали, поэтѣ правую щеку разрубили“ и т. п., а когда по этому поводу начальство послало жалобу къ бригадиру Подгоричани, то онъ, „понося всѣхъ студентовъ бранительными и укорительными словами, такъ-вня произнесъ похваичи: я де велю этихъ плутовъ, мошенниковъ, пьяницъ, разбойниковъ всѣхъ выколотъ и выстрѣлять“. Тотъ же Подгоричани 31-го декабря послалъ графу Разумовскому жалобу на студентовъ, яко бы тѣ 25 го декабря сами напали на троихъ гусаръ, ѣхавшихъ мимо бурсы, избили ихъ дубьемъ и затащивъ во дворъ, посадили на цѣль.

горскій по порученію магистрата на магистратскій же счетъ. При этомъ студентъ заявлялъ, что Доброгорскій показывалъ ему „подлинный универсалъ его сіятельства о увольненіи дома его отъ постоевъ ¹⁾); притомъ хвалился при дворѣ его сіятельства имѣющимися патронами“, а кромѣ того „придополнилъ и сіе, яко бы отъ его сіятельства опредѣленъ уже сюда другой на мѣсто Давидовскаго писарь, только де надобно и отъ мѣщанъ, во угожденіе таковой е. с. воли, письменное о томъ прошеніе, которое де нимъ, Доброгорскимъ, уже изготовлено и многіе изъ мѣщанъ подписались“.

Магистратъ, полагая, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Доброгорскій, „не только магистрату и мѣщанству здѣшнему, но и ни единому честному человѣку, по вниги Порядка части 3-й на стр. 123 напечатанному, судиться не должно“, просилъ генераль-губернатора, чтобы разрѣшилъ и не „вступать въ судной процессъ“ съ Доброгорскимъ по жалобѣ его на писаря Давидовскаго. А между тѣмъ, еще въ августѣ м-цѣ, послѣ отрѣше-

Очевидно, отношенія въ этихъ гусарамъ у всѣхъ кіевлянъ были крайне обостренныя, а потому Доброгорскій, собирая подписи среди малограмотнаго мѣщанства на своемъ доносѣ на писаря, придумалъ для обмана самый подходящий для даннаго момента мотивъ прошенія въ гетману.

¹⁾ Копія такого ордера, давнаго 13-го октября 1763 г., дѣйствительно встрѣтилась мнѣ въ одномъ изъ дѣлъ о Доброгорскомъ. Привожу ее цѣликомъ:

„Маг—та кіев. войту зъ урядниками, сотнику кіевскому зъ сотенною старшиною, пробѣжающимъ чрезъ Кіевъ и состоящимъ тамо великорос. г. офицерамъ и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется: кіевск. маг—та реестровой корогви асаулъ Федоръ Доброгорскій подалъ намъ доношеніе, представляя, что отецъ его, оставя въ Польшѣ шляхетскіе свои добра, вышелъ съ нимъ Федоромъ и меньшимъ его братомъ Иваномъ въ Малуя Россію и служилъ Е. И. В. по смерти своей, а по немъ де оставшійся онъ Федоръ и Иванъ Доброгорскіе отиравляютъ службу—Иванъ въ венгерскомъ гусарскомъ полку вахмистромъ, а онъ, Федоръ, въ магистратѣ чрезъ немалое уже время; но недавно де выстроенной его жилой домъ отъ маг—ту кіевск. отводимъ бываетъ во всечасные постои и тѣмъ ему, Доброгорскому, причиняется обида, а оной его домъ отъ того постоемъ приходитъ къ разоренію; для чего просилъ онъ Доброгорскій о увольненіи отъ постоевъ оного дому нашего разсмотрѣнія, чего ради мы, респектомъ службъ, отцемъ его и имъ самимъ, Доброгорскимъ, отправленныхъ, оной его въ Кіевѣ имѣющейся жилой домъ отъ постоевъ увольняемъ вперѣдъ до нашего разсмотрѣнія и приказываемъ войту маг—та кіевск. зъ урядомъ, сотнику кіевскому зъ сотенными старшинами оного просителя дому въ постои не отводить никому, а тѣ, кои постои имѣтъ въ Кіевѣ

нія Кузьминскаго, магистратъ вновь избралъ Давидовскаго писаремъ и просилъ генераль-губернатора объ утверженіи его въ этой должности. Глѣбовъ уважилъ ходатайство магистрата и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не дождавшись изъ войск. генер. канцеляріи отвѣта на сдѣланный имъ запросъ о причинѣ лишенія чиновъ вообще магистратскихъ урядниковъ, предписалъ „впредь до имѣющаго быть о вышенисанномъ разсмотрѣнія, бывшему писарю Давидовскому быть въ ономъ кievскомъ магистратѣ за писаря въ исправленіи писарской должности по прежнему“.

Такое возстановленіе энергичнѣйшаго и, очевидно, наиболѣе дѣловитаго изъ войтовскихъ „недоброхотовъ“, который являлся при производившемся слѣдствіи повѣреннымъ магистрата, было крайне неприятно для Сычевскаго, всячески усиливавшагося стать обвинителемъ этого „недоброхота“.

Магистратъ, видя, что слѣдствіе можетъ надолго затянуться, благодаря именно этимъ усиліямъ войта, вносившаго въ свои оправданія „стороннія и дѣлу сему не принадлежація рѣчи“, главнымъ образомъ обвиненія противъ писаря, просилъ генераль-губернатора, чтобы онъ приказалъ комиссіи не принимать этихъ излишнихъ войтовскихъ рѣчей.—Генераль-губернаторъ предписалъ выдѣлить всѣ такія уже данныя „рѣчи“ въ особую тетрадь, а больше ихъ не принимать и поскорѣе оканчивать слѣдствіе.

Хотя, какъ уже было сказано, въ началѣ декабря всѣ существенныя показанія были даны; но дѣло затянулось потому, что въ это время была препровождена въ комиссію полученная генераль-губернаторомъ изъ пр. Сената третья жалоба ма-

долженствуютъ, занимать сами одного дому не имѣть; для чего и сей нашъ открытый ордеръ за подписомъ нашимъ и при войсковой печати ему, Доброгорскому, дасть, который онъ, Доброгорскій, долженъ объявить въ кievскомъ магистратѣ и сот. тамош. правленіи ко исполненію и снятію копій. Въ Глуховѣ 1763 году октября 13 д.“

Въ прошеніи своемъ объ освобожденіи отъ постоевъ Доброгорскій жаловался на весь кievскій магистратъ, заявляя, что съ самаго поселенія его въ Кіевѣ урядника магистрата, „возненавидѣвъ его, затвердили ко мнѣ и къ домышку моему злобственныя прихвѣтки, употребляя мени въ неудобосносныя, случающіяся по магистрату, исправленія и наряды“.

гистрата, заключающая въ себѣ, исключительно злополучную исторію съ освидѣтельствомъ копій и послѣдовавшими затѣмъ злключеніями магистратскихъ урядниковъ. Въ сущности и по этому вопросу даны уже были Сычевскимъ „отвѣты“ и, послѣ „доказательствъ“ магистратскихъ повѣренныхъ, „оправданія“. Но Сычевскому почему то вновь хотѣлось возвратиться къ этому вопросу и, требуя выдачи себѣ на „правный срокъ“ копій съ поступившей въ комиссію жалобы, онъ просилъ, чтобы по ней вновь былъ продѣланъ „полный судъ“. Когда комиссія ему въ этомъ отказала и особымъ своимъ опредѣленіемъ предоставила ему просто продолжить свои оправданія по жалобѣ магистрата, не требуя особыхъ „доказательствъ“, въ сущности уже данныхъ магистратскими повѣренными, тогда онъ заупрямился и не позволилъ своему повѣренному подписывать опредѣленія комиссіи. Повѣреннаго задержали подъ карауломъ и продержали недѣли двѣ. Только лишь послѣ энергическаго приказа генераль-губернатора, къ которому обратился было Сычевскій съ жалобой на комиссію, онъ началъ „чинить оправданія“ (вторичныя) по тому же пункту, что и продолжалось съ 22 декабря по 14 января слѣдующаго года, причемъ взводилъ новыя обвиненія на писаря Давидовскаго.

Х.

Когда въ январѣ 1765 г. возобновилось производство слѣдствія, обѣ стороны стали добиваться пополненія своихъ рѣчей. Генераль-губернаторъ, потребовавъ къ себѣ все слѣдственное дѣлопроизводство и лично разсмотрѣвъ его, нашелъ, что оно должно быть закончено, и предписалъ комиссіи, не давая уже ни одной изъ сторонъ новыхъ сроковъ для письменныхъ отвѣтовъ, требовать лишь словесныхъ объясненій по каждому пункту отдѣльно.

Сычевскій, находя это распоряженіе стѣснительнымъ для себя, сталъ уклоняться отъ „хожденій“ въ комиссію. Повѣренный его Ивановъ, испытавши „принужденіе“ въ подписаніи опредѣленій, а также и продолжительный арестъ, отказался отъ

дѣла, и Сычевскій вмѣсто него представилъ своимъ повѣреннымъ значковаго товарища Григорія Политанскаго. Недовольный дѣйствіями комиссіи, находя, что опредѣленія ея, утвержденныя уже генераль-губернаторомъ, „учинены въ обиду ему“, Сычевскій—явился 2 марта къ Глѣбову и просилъ отпуска къ „вышней командѣ для поднесенія апелляцій“. Такъ какъ ему было въ этомъ отказано, то онъ выѣхалъ изъ Кіева безъ отпуска, и генераль-губернаторъ, узнавъ объ этомъ изъ донесенія магистрата, далъ знать „о сыску“ сбѣжавшаго войта въ Глуховъ въ в. генеральную канцелярію и въ обѣ столицы въ полицейскія конторы.

Изъ донесенія магистрата видно, что Сычевскій въ тотъ же день, когда являлся къ генераль-губернатору съ прошеніемъ объ отпускѣ, выѣхалъ вмѣстѣ съ Павломъ Гудимомъ на его саняхъ въ с. Вигуровщину и тамъ уже, попрощавшись со своимъ спутникомъ, пересѣлъ въ свою кибитку, туда заранѣе отправленную, и уѣхалъ „невѣдомо куда“. Магистратъ на другой же день избралъ въ помощь правящимъ годовымъ бурмистру и райцѣ еще одного бурмистра Василя Балабуху, „чтобы въ теченіи дѣла магистратскихъ остановки быть не могло“. Тогда же генераль-губернаторъ, очевидно, благоволя къ тогдашнему составу магистратскихъ чиновъ ¹⁾, ордеромъ отъ 28 того же марта опредѣлилъ Якова Давыдовскаго по прежнему писаремъ, а не „за писаря“.

¹⁾ Вообще, надо замѣтить, Глѣбовъ въ борьбѣ кіевскаго магистрата съ „малороссійской командой“, какъ и съ мѣстными козаками, былъ на сторонѣ магистрата. Въ одной изъ черновыхъ его реляцій къ императрицѣ 1765 г. онъ, упомянувъ о послѣдовавшемъ было въ 1760 г. указѣ о выводѣ кіевскихъ козаковъ изъ Кіева, что подтверждено было затѣмъ и грамотою коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1762 г., выражаетъ сожалѣніе, что „и до нынѣ они никуда не выведены“, почему же и происходятъ постоянныя на нихъ жалобы. При этомъ онъ такъ объясняетъ самую исторію поселенія въ Кіевѣ козаковъ: „Сколь же давно и конии случаями помянутые козаки на Подолѣ жить стали? о томъ письменнаго доказательства ни по губ. канц., ниже по магистрату не находится, только старожилы объявляютъ, что по присвокупленіи Малой Россіи къ Россійской имперіи, когда г. Кіевъ отъ разныхъ военныхъ случаевъ, мороваго повѣтрія и пожаровъ великое претерпѣлъ разореніе, то въ присланныхъ отъ тогдашнихъ гетмановъ на станціи и для другихъ исправленій въ оной городъ компанейскихъ козаковъ нѣкоторые, поженясь на

Только лишь въ іюнѣ возвратился Сычевскій въ Кіевъ съ паспортомъ, выданнымъ ему изъ пр. Сената, а въ іюлѣ возобновилось слѣдствіе, къ которому онъ представилъ опять доваго отъ себя повѣреннаго войскового канцеляриста Ілью Бажанова. Новый повѣренный, однако, не долго „стряпаль“ по дѣлу войта, и уже 17 августа былъ замѣненъ какимъ то хорольскимъ козакомъ Андреемъ Данилевскимъ. Такъ какъ обѣ стороны вновь включали въ свои письменныя и устныя объясненія „стороннія рѣчи“, объ исключеніи которыхъ одна у другой затѣмъ настаивали передъ комиссіей, то генераль-губернаторъ далъ новое подтвержденіе объ окончаніи слѣдствія „въ самой скорости“¹⁾.

мѣщанскихъ дочеряхъ и вдовахъ, пустыя мѣщанскія земли занявъ, поселились, а потомъ у тѣхъ же гетмановъ испрося себѣ сотника, жителство свое тамъ утвердили, однако изъ всѣхъ сихъ козаковъ никто доннихъ никакихъ пахатныхъ земель или другихъ угодій ни на городской землѣ, ниже въ другихъ мѣстахъ, не имѣлъ и не имѣеть“. Въ виду причиняемыхъ козаками обидъ мѣщанству кіевскому, главнымъ образомъ незаконнымъ шинкованьемъ, Глѣбовъ и находитъ справедливымъ совершенное удаленіе ихъ изъ Кіева съ предоставленіемъ имъ земель и угодій гдѣ либо въ Малороссіи, полагая, что только этою мѣрою „кіево-подольскіе мѣщане отъ излишнихъ хлопотъ и убытковъ избавлены быть могутъ. А буде нѣкоторые изъ тѣхъ козаковъ, или и всѣ они, какъ имѣющіе въ Кіевѣ на мѣщанскихъ земляхъ собственныя свои дворы, заведенныя по состоянію каждаго, домашнею экономією, для избѣжанія убытка, по причинѣ выследи приключиться могущаго, пожелаютъ остаться въ Кіевѣ мѣщанами, то имъ въ томъ всемилостивѣйше дозволить, ибо они и безъ того отъ большой части изъ тамошнихъ мѣщанъ своевольно въ козаки записались“.

¹⁾ Генераль-губернаторъ Глѣбовъ находилъ необходимымъ, чѣмъ бы слѣдствіе ни кончилось, избраніе новаго войта, о чемъ писалъ въ своей реляціи къ императрицѣ такъ (привожу эту выдержку по черновой реляціи, бывшей у меня меня въ рукахъ—безъ обозначенія мѣсяца и числа):

„Но какъ сей войтъ (Сычевскій) съ прочими магистратскими членами въ несогласіе и ссоры вступилъ, по кончѣ слѣдствіе по указамъ пр. Сената уже болѣе года производится, а за упорствомъ и нерѣдко съ обохъ сторонъ предъявленными оправданіями и доказательствами оное доннихъ не окончено, то хотя бы по производству войтъ иногда въ чемъ либо и правымъ нашелся, однако къ правленію способнымъ уже не признается, ибо прочіе сочлены такъ его поступками огорчены, что, кажется, въ одномъ судебномъ мѣстѣ имъ, безъ всегдашнихъ другъ на друга недовѣровъ и нареканій, быть уже невозможно; а между тѣмъ общество въ потребныхъ росправахъ великое претерпѣть можетъ утѣшеніе. По симъ обстоятельствамъ не соизволите ль В. И. В. указать на мѣсто Ивана Сычевскаго выборъ по-

Коммиссія, обязанная руководиться, какъ при слѣдственномъ процессѣ, такъ и при постановленіи приговора, магдебургскими правами, каждый разъ требовала изъ магистрата присылки выписей тѣхъ статей, на которыя ссылались истцы или отвѣтчикъ, а 7-го сентября потребовала всего сборника этихъ правъ „къ сочиненію по доношеніямъ обоихъ сторонъ надлежащаго опредѣленія“. Магистратъ прислалъ „книги Порядокъ и Саксонъ на польскомъ и латинскомъ діалектахъ, тако жъ Саксонъ въ трехъ томахъ состоящій“ съ реентомъ Мих. Лукіяновичемъ, которому и просилъ „при выпискѣ изъ тѣхъ книгъ каковыхъ нынѣ нужно правъ вѣрить безусловно“, по минованіи же надобности прислать книги обратно, „ибо и въ магистратѣ единыя токмо тѣ правныя книги состоятъ“.

Такъ какъ слѣдственная коммиссія приступила все таки къ производству дѣла и по жалобѣ мѣщанина Доброгорскаго на писаря Давыдовскаго, то въ дѣло вступилъ и новый повѣренный, представленный Доброгорскимъ, кievскій козаць Никифоръ Дубовскій, а затѣмъ потребовался вызовъ значительнаго числа лицъ собственно по этому дѣлу и, наконецъ, пришлось допустить и Сычевскаго „къ сказанію оправданія по дѣлу о

вому войту, по общему кiev. мѣщанъ согласію, учинить, при чемъ командующій въ Кіевѣ можетъ пристойно внушить и стараться между тѣми четырьмя кандидатами и такого представить, который В. И. В. угоденъ. Мнѣ видится, что не безъ пользы было бъ, когдабъ В. И. В. въ сей чинъ хотя и штабъ-офицера изъ великороссіянъ опредѣлить изволили, ибо знатность чина главнаго члена привела бы сочленовъ къ лучшему оному почитанію и къ наблюденію точной должности, для доставленія обществу спокойной жизни и высоч. интересу подлежащей пользы. В. И. В. такимъ образомъ привилегію ихъ о выборѣ обществомъ четырехъ кандидатовъ подтвердить изволили бъ, а удостоеніе изъ оныхъ одного войтомъ отъ монаршаго Вашего зависить благоволенія.

Сей примѣръ служить могъ бы и для будущихъ временъ, наче же полезнымъ былъ бы интересъ В. И. В., ибо опредѣленной изъ великороссіянъ войтомъ могъ бы исподоволь выкаутъ во внутренность всѣхъ ихъ обрядовъ и разобрать всѣ въ противность правъ и съ вредомъ общества производимыя дѣла.

А нынѣшнему войту Ивану Сычевскому не соизволитель по окончаніи слѣдствія всевысоч. милость показать опредѣленіемъ его въ комисаря въ учрежденную съ польскимъ кievскимъ воеводствомъ пограничную комиссію, къ которой онъ по знанію польскаго языка и обыкновеній, способнымъ признается, дабы и онъ, яко заслуженной В. И. В. рабъ, безъ пропитанія остатка не могъ“.

неисправностяхъ писаря Давидовскаго“, что и тянулъ онъ до 25-го октября. Видно, не легко было работать повѣреннымъ войта при всѣхъ этихъ „сказаніяхъ“: такъ, недавно еще взявшійся за это Данилевскій „безвѣстно куда бѣжалъ“, и войтъ вновь просилъ комиссію принять, въ качествѣ его повѣреннаго, подканцеляриста кiev. дух. консисторіи Матвѣя Лысенка, а черезъ два мѣсяца опять представилъ новаго повѣреннаго—миргородскаго позака Алексѣя Дуброву.

Сычевскій былъ крайне обиженъ тѣмъ, что комиссію обязывала его представить дворника Гунку для допросовъ его въ комиссіи по магистратскимъ обвиненіямъ: онъ находилъ, что „ежели отъ магистратскихъ чиновниковъ на него, Гунку, какіе имѣютъ прошенія, то бѣ о удовольствіи просили его, Сычевскаго“, и жаловался на постановленіе комиссіи генераль-губернатору, который, однако, приказалъ, чтобы Сычевскій представлялъ своего дворника въ комиссію „неотмѣнно“. Тогда Сычевскій представилъ довѣренность этого Гунки на имя того же своего повѣреннаго Дуброву, который и долженъ былъ давать за него отвѣты. По отвѣтамъ же этимъ пришлось вызывать для доказательства массу подгороднихъ жителей. что могло бы до безконечности затянуть дѣло, еслибы не послѣдовалъ ордеръ оберъ-коменданта Ельчаникова, вступившаго тогда въ управленіе губерніей, о томъ, чтобы доказательства отъ подгороднихъ жителей комиссію получила на мѣстѣ отъ всѣхъ и не вызывала каждаго порознь. Это было уже въ январѣ мѣсяцѣ 1766 г. послѣ отъѣзда генераль-губернатора Глѣбова, которому, какъ онъ ни торопилъ комиссію окончаніемъ слѣдствія, такъ и не удалось дожидаться этого окончанія. Тѣмъ не менѣе, надо думать, что, благодаря именно мнѣнію Глѣбова обо всемъ этомъ дѣлѣ, магистратъ кievскій избавленъ былъ отъ войтовства Сычевскаго: еще на имя Глѣбова, данъ былъ именной высоч. указъ о выборѣ новаго войта, „а Сычевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто для спокойствія того же магистрата“, почему и предписано было магистрату произвести выборы, причемъ рекомендовано было, согласно тому же указу,

поставить въ число кандидатовъ и прокурора кiev. губ. канцеляріи Григорія Пивоварова¹⁾.

Уже по отъѣздѣ Глѣбова магистратъ 21-го марта произвелъ выборъ четырехъ кандидатовъ на должность войта, но, несмотря на надлежащія внушенія, Пивоваровъ въ число кандидатовъ включенъ не былъ. Для представленія результатовъ выбора въ Петербургъ командированъ былъ магистратомъ медовый шафаръ Илья Скребицкій²⁾. Но, видно, магистратъ потерпѣлъ неудачу. Въ іюнѣ прибылъ въ Кіевъ новый генераль-губернаторъ Ф. М. Воейковъ, при которомъ и произведены были новые выборы кандидатовъ³⁾, при чемъ избранъ былъ уже и Пивоваровъ, а 1-го ноября генераль-губернаторъ сообщилъ магистрату о полу-

¹⁾ См. „Исторія Россіи“ С. Соловьева, т. 27, стр. 29. „Извольте магистрату приказати, писала Екатерина, выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а Мы вамъ рекомендуемъ внушити имъ отъ себя, чтобъ четвертымъ кандидатомъ поставили кievск. губег. канц. прокурора Пивоварова“. Ельчаниковъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣрили, будто передъ выборами призваны были въ ратушу старшіе и чрезъ писаря Давидовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ, въ противномъ случаѣ чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города.

²⁾ „Ист. мат. изъ архива кiev. губ. пр.“, вып. 8, стр. 81. Приведенныя здѣсь свѣдѣнія и заставляютъ думать, что Глѣбова тогда уже не было въ Кіевѣ и что къ нему, какъ своему доброжелателю, могъ послать кievскій магистратъ депутата вмѣстѣ съ представленіемъ выборовъ, ходатайствуя объ утвержденіи того, а не другаго изъ кандидатовъ. Во всякомъ случаѣ лично „внушити“ магистрату о выборѣ Пивоварова Глѣбовъ не могъ (у Соловьева сказано: „Глѣбовъ внушалъ“, надо полагать письменно).

³⁾ Объ этомъ выборѣ у Соловьева разсказывается такъ: „Воейковъ началъ тѣмъ, что собралъ привилегированное мѣщанство, избирающее войта, и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день 3 августа генераль-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ переговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ довольны. Эти кандидаты были: Пивоваровъ, секретарь графа Григорія Орлова Григорій Козицкій, находящійся при великомъ князѣ наследникѣ камердинеромъ Андріевскій и кievскаго магистрата медовый шафаръ Дмитровичъ“. См. „Исторія Россіи“, т. 27, стр. 29.

Пивоваровъ до назначенія своего въ 1764 году іюня 9 прокуроромъ былъ комиссаромъ пограничной съ брацлавскимъ воеводствомъ комиссія (См. „Ист. мат. изъ арх. кiev. губ. пр.“ вып. 1-й стр. 174).

ченномъ указѣ пр. Сената, утверждавшемъ Пивоварова въ должности кіевскаго войта.

Теперь для магистрата потеряло всякій интересъ продолженіе слѣдствія по жалобамъ его на Сычевскаго. Представленіе требуемыхъ въ комиссію лицъ, преимущественно подгороднихъ жителей, соединено было съ крайними затрудненіями, причиняло и магистрату не мало безпокойства, вызывая въ этихъ лицахъ невыгодныя для него нареканія. Сычевскому же, какъ ни желательно было обличить „непорядочное“ веденіе магистратскими урядниками городского хозяйства, теперь уже, потерявши мѣсто, не выгодно было тянуть это дѣло. Надо думать, что это и побудило обѣ стороны, какъ только состоялось назначеніе новаго войта, подать генераль-губернатору прошеніе о прекращеніи слѣдствія. 11-го ноября и было подписано такое „мировое доношеніе“, въ которомъ стороны заявляли: „какъ нынѣ мы всѣ истцы, также и я, отвѣтчикъ Сычевскій, согласясь добровольно, помирились съ тѣмъ, что мы, истцы, всѣ претенсіи, какіе ни были, оставляемъ, равнымъ образомъ и я, отвѣтчикъ, на бурмистровъ, цехмистровъ и протчихъ гражданъ доношеніе, состоящее въ 25 пунктахъ, совсѣмъ уничтожаю и оставляю съ тѣмъ, чтобъ впредь съ обоихъ сторонъ по тѣмъ произшедшимъ другъ на друга доношеніямъ нигдѣ ни подъ какимъ видомъ и претекстомъ отнюдь не искать и не возобновлять: того для вашего высокопревосходительства нижайше просимъ сіе наше мировое доношеніе принять и къ дѣламъ обостороннихъ претенсій сообщить, и чтобъ по онимъ болѣе производства никакова чинено не было, о томъ куда надлежитъ предложить“. Подписали: Сычевскій и 53 человекъ кіевскихъ гражданъ, разнаго рода урядниковъ¹⁾.

Этимъ документомъ, въ копіи сообщеннымъ въ слѣдственную комиссію, и заканчивается ея дѣлопроизводство: комиссія фак-

¹⁾ Бурмистровъ 5, писарь, райць 2, шафарей 17, инстигаторовъ 5, лавника 3 и рочные цехмистеры цеховъ: кравецкаго, кушнерскаго, шевскаго, ковальскаго, бондарскаго, рѣзвицкаго, ткацкаго, гончарскаго, музицкаго, рыбальскаго, перелечайскаго и собранія малярскаго, сотники, урядникъ преварскихъ реестровыхъ людей и староста преварскій.

гически, такъ сказать, прекратила свое существованіе ¹⁾. Но генераль-губернаторъ Воейковъ, какъ видно, не считалъ себя въ правѣ прекратить производство слѣдствія, касавшагося не личныхъ какихъ-либо интересовъ, а чисто городскихъ, притомъ же начатаго по указу пр. Сената, а потому и представилъ „мировое доношеніе“ въ пр. Сенатъ. Но прошелъ почти цѣлый годъ, пока получился отвѣтъ по этому поводу. Въ послѣдовавшемъ 25-го октября 1767 года на имя Воейкова указъ сказано было, что пр. Сенатъ „и по поданному отъ нихъ мировому доношенію разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить по законамъ поручаетъ вамъ, г. генераль-губернатору, тѣмъ паче что вамъ всѣ произшедшіе по тому дѣлу обстоятельства наилучше свѣдомы и что кievское мѣщанство, по именному Е. И. В. высоч. указу, состоитъ подъ единственною вашею апелляціею, а пр. Сенатъ съ своей стороны предписать вамъ болѣе не находить, какъ токмо что если вы по приходнымъ и расходнымъ кievскаго магистрата тѣхъ годовъ книгамъ усмотрите, что изъ ежегодного ихъ приходу дѣйствительно употреблено куда либо въ непозволенной расходъ или же остатками отъ прошедшаго года кто изъ нихъ собственно интересовался, въ такомъ случаѣ имѣете вы то издержанное, взыскавъ съ кого надлежитъ, присовокупить къ магистратской суммѣ, да и впредь наблюдать, чтобъ какъ записка приходу ведена была исправно, такъ и расходъ чинимъ былъ на одни только городовые и другіе позволенные нужные исправленія“.

Получивъ этотъ указъ, Воейковъ потребовалъ отъ магистрата обстоятельнаго репорта о томъ, за какіе именно годы войтовства Сычевскаго книги прихода и расхода не были свидѣтельствованы и если таковыя окажутся, то представить ихъ къ нему. Для свидѣтельствванія же вообще книгъ магистратскихъ онъ назначилъ надворнаго совѣтника Ефремова, причемъ, согласно мнѣнію этого послѣдняго, магистратъ обязывался на

¹⁾ За все время своего существованія коммиссія 8 разъ требовала и получила изъ магистрата разныя канцелярскія принадлежности и свѣчи, на что и израсходовалъ магистратъ за два года 5 руб. 47 коп. Изъ этихъ счетовъ видно, между прочимъ, что бумага стояла тогда бѣлая 7 коп., а сѣрая 4 к. за десять, $\frac{1}{4}$ ф. сургуча 23 к., кварта чернилъ 2 к., салвыныхъ свѣчей двѣ на копѣйку.

будущее время представлять на ревизию вмѣстѣ съ книгами и оправдательныя доументы *по встѣмъ расходамъ* за подписью магистратскихъ присутствующихъ. Такое требованіе, очевидно, магистратъ признавалъ несогласнымъ съ своими правами и привилегіями, о чемъ въ обстоятельномъ доношеніи и представилъ на „благоразсмотрѣніе“ генераль-губернатора. Магистратъ настаивалъ на томъ, что, сосчитавъ своихъ расходчиковъ самъ по ихъ записямъ, въ общемъ, такъ сказать, присутствіи, онъ могъ представлять уже самыя эти записи своихъ урядниковъ, какъ доументы, не прилагая никакихъ особыхъ росписокъ по мелочнымъ расходамъ при представленіи своихъ книгъ на ревизию генераль-губернатора.

Относительно же начетовъ на магистратскихъ урядниковъ за прошлые годы у меня имѣется лишь свѣдѣніе относительно одного 1754 года, за который, по требованію Воейкова, взыскивался начетъ въ 129 р. 9 в. съ правившихъ въ томъ году бурмистра Михаила Іосифовича и райцы Семена Козельскаго. Іосифовича тогда уже не было въ живыхъ, а оставшіяся послѣ него четыре дочери дѣвицы находились въ такой бѣдности, что не только не могли уплатить начетныхъ денегъ, но и „пропитать себя отнюдь не имѣютъ чимъ“. Магистратъ призналъ справедливымъ освободить ихъ отъ взысканія числившагося на отцѣ ихъ начета, о чемъ и представилъ генераль-губернатору ¹⁾, который уважилъ ходатайство магистрата, „съ тѣмъ однакожъ, что кiev. магистратъ не оставитъ того, чтобъ

¹⁾ „Понеже и самому магистрату довольно извѣстно, что умершій бурмистръ Іосифовичъ въ жизнь свою по разнымъ градскимъ дѣламъ, какъ сдѣсь, такъ и по отправкѣ его отъ магистрата въ Глуховъ, Москву, С.-Петербургъ и въ другія мѣста, много трудился и по онымъ дѣламъ сыскалъ полезныя оному магистрату и гражданству указы, при старости жъ своей въ такое пришелъ оскуденіе и долги, что по смерти его онымъ его дочерямъ болѣе ничего не оставилъ, какъ только единого жидого двора, да и тотъ дворъ пришелъ уже въ крайнюю обветшалость, которой ежели къ возвращенію въ магистратскую сумму вышенисаныхъ начетныхъ денегъ продать, то тѣмъ оныхъ его дочерей къ тому привести возможно, что онны, по несостоянію ихъ къ выходу уже замужъ чрезъ прошедшіе ихъ удобные къ тому дѣла, принужденны будутъ дневнаго пропитанія лишиться и по чужимъ домамъ скитаться“.

не найти какова либо средства и способу, чрезъ которой бы тѣ деньги въ магистратскую сумму возвратиться могли *хотя отъ добротныхъ дателей?*“... Надо думать, однако, что такихъ добротныхъ дателей не нашлось. Новый же войтъ, какъ видно, умѣлъ отписываться отъ генераль-губернаторскихъ запросовъ, касавшихся городского хозяйства и магистратскихъ расходовъ. Относительно ревизіи этихъ послѣднихъ новый войтъ вполне раздѣлялъ мнѣніе урядниковъ кіевскаго магистрата, всѣчески устранявшихъ, на основаніи извѣстныхъ грамотъ, вмѣшательство въ эту область постороннихъ магистрату лицъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересно упомянутое выше представленіе магистрата къ Воейкову отъ 18 января 1768 года: въ немъ цѣлымъ рядомъ ссылокъ на грамоты и указы доказывается, почему магистратъ не обязанъ исполнить повелѣніе генераль-губернатора о томъ, чтобы „впредь о всѣхъ приходахъ и расходахъ приходчикамъ и расходчикамъ за подписью магистратскихъ присутствующихъ давать документы и оныя при книгахъ сообщать“¹⁾.

¹⁾ (Послѣ изложенія полученнаго отъ Воейкова ордера, слѣдуетъ ссылка на жалованная грамоты и на книги Порядокъ и Юсъ-Муниципале).

... Почему оныя бурмистръ и райца, вступа въ правленіе той магистратской экономіи, что принадлежитъ до большихъ городовыхъ строеній и другихъ расходовъ, оныя съ общаго согласія и опрощенія исправляютъ, а что касается до мелочныхъ расходовъ, какъ то: 1) на исправленіе и поправку подземныхъ трубъ, которыми вода въ фантальные и прочіе городовыя колодези теченіе свое продолжаетъ, 2) на наемъ какъ подъ проѣзжающихъ чрезъ Кіевъ разныхъ персовъ и курьеровъ подводъ въ случаѣ неимѣнія за расходомъ почтовыхъ лошадей, такъ и въ побѣдѣ въ разныхъ приказныхъ мѣста по магистратскимъ дѣламъ извозчиковъ, 3) на подчинку въ самомъ магистратѣ и во всѣхъ питейныхъ и колодничихъ, также караульныхъ и лазаретныхъ избахъ печей, окошкочъ, дверей и прочихъ необходимостей, 4) на покупку въ магистратскую канцелярію свѣчей, чернилъ, перъ, нитокъ, сушдуковъ къ содержанію дѣлъ и другихъ по той канцеляріи потребностей, 5) на заплату какъ колодникамъ бываемымъ на магистратскихъ работахъ, такъ особливо и немнымъ людямъ, за упускъ въ погреба съ купленнымъ хлѣбнымъ виномъ бочеевъ, 6) на исправленіе къ тѣмъ же магистратскимъ и городovýmъ работамъ инструментовъ какъ то — заступовъ, лопатъ, свердловъ, топоровъ, да на косовицу вилъ, грабелъ и прочихъ къ тому потребныхъ припасовъ, 7) на покупку состоящихъ на почтѣ лошадямъ овса и на исправленіе на ту почту какъ вновь, такъ и на подчинку возовъ, саней и упряжи, а особливо и на деготь, 8) на покупку какъ свѣстныхъ, такъ и питейныхъ припасовъ для обыски, по давнему обыкновенію, въ нарочные Рождества и Воскресенія Христова праздники и въ высокаторжественныя дни, такъ и въ

Въ этомъ представленіи находимъ, между прочимъ, довольно обстоятельное перечисленіе тѣхъ расходовъ, которые, въ качествѣ мелочныхъ, производились рочными бурмистромъ и рай-

празднии жѣ гдѣ храмъ есть, священниковъ и въ монастыри и переѣзжающимъ чрезъ Кіевъ и бываемымъ здѣсь по разнымъ дѣламъ и комиссіямъ, а особливо и на содержаніе опредѣляемыхъ съ разныхъ приказныхъ мѣстъ по дѣламъ градскимъ слѣдователей и бывшихъ при нихъ канцелярскихъ служителей,—

то оныя всѣ мелочныя расходы тѣ годовые бурмистръ и райца, по давнему обыкновенію, ко исправленію поручаютъ опредѣляемымъ ими, по усмотрѣнію ихъ, годовымъ же присяжнымъ урядникамъ, выдавая имъ на всѣ тѣ мелочныя расходы деньги съ записками и росписками, и притомъ за оными урядниками и сами тѣхъ же мелочныхъ расходовъ наблюдаютъ и по окончаніи года въ оныхъ расходахъ противъ имѣющихся у тѣхъ урядниковъ записокъ сами считаютъ; ибо какъ тѣ мелочныя расходы непрестанно, а нынѣ съ нихъ и въ единъ день сколько кратъ бывають, ежели объ нихъ подавать письменныя доклады и по онымъ ожидать опредѣленій, то 1-е) что съ того немалое происходитъ затрудненіе; 2-е) что для сочиненія тѣхъ докладовъ необходимо потребно будетъ учредить особливую контору и въ оную опредѣлить особливыхъ же канцелярскихъ, съ чего оному магистрату не малый излишній воспослѣдовать можетъ убытокъ, 3-е) что дожидаясь по тѣмъ докладамъ опредѣленій, можетъ въ тѣхъ мѣлочныхъ, а паче въ экстраординарныхъ расходахъ произойти крайняя остановка, чрезъ что какъ тѣмъ годовымъ бурмистру и райцѣ, такъ и самому магистрату иногда не подпасть бы къ какому отвѣту и взысканію; къ тому же и учиненная онымъ бурмистру и райцѣ отъ всѣхъ обще гражданъ въ той магистратской экономіи довѣренность и древнія обыкновенія останутся не въ силѣ. По вышеизображеннымъ же утвержденнымъ магистрату кіев. майдебурскимъ правами, управленіе городской экономіи болѣе возложено на годовыхъ бурмистра и райцу, а чтобы, имъ по той экономіи безъ письменнаго доклада и опредѣленія ничего не дѣйствовать, то по онымъ правамъ не значится.

Въ пополненіе жѣ того, въ силу утвержденного магистрату майдебурскаго права и указа Пр. Севата 1739 года, оныя бурмистры и райцы въ тѣхъ магистратскихъ приходахъ и расходахъ предъ старшии и знатнѣйшими съ посольства даютъ отчетъ, какъ уже и за бытности Вашего Высокопревосходительства троихъ годовъ—оныя бурмистры и райцы дѣйствительно считаны и по свидѣтельству самимъ магистратомъ тѣхъ счетовъ, какъ оныя, такъ и подлежащія по большимъ расходамъ документы, по освидѣтельствуванію жѣ къ В. Впр—ву внесены были, которые опредѣленнымъ отъ В. Вп—ва надъ. сов. Ефремовымъ и ревизованы, и каковы на комъ по *учиненнымъ въ магистратъ* кіевскомъ счетамъ и по освидѣтельствуванію оного над. сов. Ефремова явились начетныя деньги, оныя съ нихъ взысканы и къ магистратской суммѣ причислены“.

Подписала это доношеніе: Григорій Шиваровъ, бурмистры (и степенный) Данило Величовскій, Василій Балабуха, Аванасій Александровичъ, Козьма Кулешъ, бурмистръ и депутатъ Іосифъ Гудимъ, писарь Яковъ Давидовскій, райцы: Иванъ Силснко Нечай, Федоръ Гизенко, Іосифъ Козельскій, Герасимъ Кувичинскій.

цею безъ всякаго доклада магистрату и общаго въ немъ опредѣленія. Такъ какъ представленіе это подписано и Пивоваровымъ, то можно думать, что и онъ не раздѣлялъ тѣхъ претензій, какія предъявлялъ войтъ Сычевскій относительно названныхъ мелочныхъ расходовъ, требуя и по нимъ особыхъ докладовъ магистрату или „ордеровъ“ войта.

Требованія же ген.-губ. Воейкова, желавшаго установить особый контроль надъ магист. хозяйствомъ, несомнѣнно вытекали изъ имѣвшихся у него объясненій войта Сычевскаго, которыя представляли въ этомъ случаѣ обильный матеріалъ, хотя и не всегда доброкачественный, для знакомства съ положеніемъ этого хозяйства. Хотя „доношеніе“ Сычевскаго отъ 19 апрѣля 1764 г. и не было предметомъ слѣдственнаго производства, но несомнѣнно, что въ рукахъ новаго генераль-губернатора оно своими 25-ю пунктами набрасывало тѣнь на дѣятельность магистратскихъ чиновъ въ сферѣ хозяйственной,—возбуждало подозрѣнія, вызывало особыя мѣры для надзора надъ магистратскою экономіею, часто несогласныя ни съ дѣйствительно утвержденными правами магистрата, ни съ установившимися въ немъ издавна по обычаю порядками. Но подвергнуть разбирательству слѣдственной комиссіи всѣ указанные Сычевскимъ „непорядки“ городского хозяйства не пришлось и Воейкову, который не закрывалъ формально комиссіи до самаго января мѣсяца 1770 года, когда все слѣдственное производство было сдано въ архивъ. Вѣроятно, не безъ напоминанія обѣихъ сторонъ, магистрата и Сычевскаго, 30 іюня 1769 г. послѣдовалъ изъ пр. Сената на имя Воейкова указъ, которымъ повелѣно было „тому ихъ мировому доношенію быть въ своей силѣ, для чего и учрежденную на то слѣдственную комиссію оставить и производимое дѣло взявъ отдать въ архивъ“.

Ал. Андриенскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

*Доношеніе войта Сычевскаго, поданное на Высочайшее имя
въ Кіев. Губ. Кам. 19 апрѣля 1764 года.*

„Въ прошломъ 1755-мъ году имяннымъ указомъ святоусошней великой гоеударини императрицы Елисаветъ Петровны опредѣленъ я, низайшій, въ городъ Кіевъ войтомъ, и въ томъ моемъ чину какыя дѣйствительно усмотрѣлъ по магистрату кіевскому въ издержаніи напрасно немалой магистратской суммы убытки, опредѣленной отъ вел. гоеударей всероссійскихъ подтвердительными, по привилегіямъ королей польскихъ, высоч. грамотами на содержаніе города Кіева и въ завладеніи къ оному городу общихъ принадлежащихъ земель разными чинами и прочіе непорядки, о томъ, по присяжной моей должности, дерзаю съ рабскою своею должностію Вашему Императорскому Величеству подъ высоч. благоразсмотрѣніе всенижайше поднести.

1. Кіевскіе магистратовые чиновники и мѣщане въ принадлежащихъ къ магистрату селахъ Преваркѣ, Сырицѣ и Курневщинѣ искупили отъ нѣскольکو лѣтъ самовольно живущихъ многихъ обывателей, кои до того всеми сборами съ нихъ надлежали въ магистратскую сумму, яко то въ платежѣ поземельщины, въ дачѣ десятиннаго хлѣба, съ промысловъ дегтевыхъ, въ платежѣ денегъ; а они, магистратскіе чиновники и мѣщане, по скупя въ тѣхъ обывателей, устроив на земляхъ ихъ довольные хуторы, яко то винокурни, пруды, мельницы, по обязательствамъ въ магистратъ съ мельницъ надлежащихъ сборовъ не даютъ, а съ казановъ показанщины ничего не платятъ, и сверхъ того многими магистратскими завладѣли землями и тамошнихъ жителей въ послушаніе свое поработили, а за отходомъ тѣхъ обывателей съ подъ владѣнія магистратскаго въ прибыляхъ магистрату не малой послѣдовалъ ущербъ.

2. Бурмистръ и райца рочные на островахъ сѣнокосные луга магистратскіе безъ общаго опредѣленія, по самоизвольствомъ своимъ, сами искашиваютъ и заводятъ косить всемъ бурмистрамъ и райцамъ не очереднымъ и другимъ постороннимъ чиновникамъ, кои отъ многихъ лѣтъ оными лугами и завладѣли, яко собственными своими, а инымъ урядникамъ, въ нарушеніе интереса магистратскаго, во вѣчное владѣніе ствердить отважились; тѣ же луга разнымъ стороннимъ людямъ косить съ половины отъ себя даютъ и доводящеюся половинною частію сѣномъ сами партикулярно корыстуются, а на почтовыхъ лошадей сѣно на тѣхъ же лугахъ за донги магистратскіе косятъ, показывая на то расходу до шестидесять рублевъ, и

оное за деньги магистратскіе кошениое сѣно рочные бурмистръ и райца при исходѣ своего года въ дома свои забирають, а поступающіе по нихъ въ самую распутицу дорогою цѣною, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ, покупають сѣно на почтовыхъ лошади до травы по своему изволению безъ общаго опредѣленія, съ чего въ приходѣ магистратскомъ знатной убытокъ происходитъ, какъ оной расходъ по книгамъ ихъ явствуеть.

3. На магистратской землѣ заведенные грядины охочіе люди съ отдачою въ магистратъ поземельщины сѣють разную огородину и оныя грядины, по усмотрѣнію своему, кому хотятъ по установленной отъ себя цѣнѣ рочные бурмистры и райцы заводять; такожъ съ магистратскихъ наемныхъ лавокъ, въ мясномъ, крапномъ и житномъ рядахъ имѣющихся, куницу и сторожевое, съ вина волосакаго отъ продавцовъ шинковое, отъ всякаго двора поворотное и съ бань торговыхъ за откупъ квасковъ ячныхъ и съ разныхъ брагъ, съ преварскихъ, сырецкихъ и курневскихъ обывателей куницу и съ земли сами собою, безъ доклада и опредѣленія магистратскаго, чрезъ опредѣленнаго отъ себя урядника и магистратоваго канцеляриста выбираютъ, и что оныхъ сборовъ и съ кого именно получаютъ, яснаго показанія ни по третямъ, ни по окончаніи года въ магистратъ не представляютъ для прикрытія получаемыхъ съ того корыстей; оной же суммы въ годъ собирается болѣе тысячи рублевъ.

4. Имѣющимся внѣ города Кіева, разстояніемъ въ шесть верстъ, на рудни Преварки ранговымъ хуторомъ, т. е. мельницею и винокурнею, прежніе войты владѣли чрезъ многіе года и потому, слѣдовательно, и я, никашій, съ пожалованія моего въ тотъ чинъ. на рангъ тотъ хуторъ содержалъ и пользовался, и поселенные тамо на Преваркѣ, Сырцѣ и Курневщинѣ съ разныхъ мѣсть захожіе люди на магистратской землѣ въ магистратъ поземельщину платять, а особливо, яко оныя въ числѣ мѣщанъ кіевскихъ не считаются, по старинному установленію отъ магистрата, такъ бышимъ войтомъ. яко и мнѣ, до прописаннаго хутора безъизвѣтно послушны были привозомъ къ оной ранговой винокурни дровъ и прочихъ къ тому надобностей; а нынѣ бурмистры и райцы самовольно вышеписаннымъ людямъ, по недоброхотетву ко мнѣ, приказали никакова послушанія не исполнять, безъ всякаго о томъ вышней команды разсмотрѣнія и опредѣленія, отчего тотъ мой ранговой хуторъ впустѣ остался и я чрезъ немалое время съ оного никакой прибыли не получаю.

5. Бурмистръ и райца ежегодно, по перемѣнамъ вступя въ магистратскую экономію, безъ вѣдома войта покупають простое вино у людей разнаго званія и съ оными сами одинолично договоръ

имѣютъ на немалую сумму т. е. отъ двадцати семи и осьми до тридцати тысячъ ратушныхъ десятиквартовыхъ ведръ, и при приѣмѣ оногo вина у продавцовъ по договору взимаютъ помѣрное, т. е. отъ всякаго ведра по полкварти, и тако бываетъ ежегодно въ приходѣ одного помѣрнаго безденежно отъ двадцати тысячъ тысяча, а отъ тридцати тысячъ — тысяча пятьсотъ ведръ, съ котораго помѣру употребляютъ, по усмотрѣнію своему, на войта, бурмистра и райцу рочныхъ, писаря и другихъ магистратскихъ урядниковъ и канцелярскихъ служителей по нѣкоторой части; а сколько оной горѣлки числомъ ведръ отъ продавцовъ получаютъ и что изъ оной кому сколько произведется и что въ остаткѣ бываетъ, о томъ въ книги счетныя не вносятъ и въ магистратъ къ счету не представляютъ; тое же покушное вино они, райца и бурмистръ, принимаютъ отъ продавцовъ на мѣру, именуемую сотникъ, въ коемъ показываютъ якобы десято-квартовыхъ ведръ входитъ по десяти, а по вѣрной справкѣ въ оной мѣрѣ сотнику сверхъ является по три кварталы, и таковыя фальшивыя мѣры, сотникъ именуемой, и кварталы подѣлавъ, сами отъ себя, въ противность праву магдебурскому, безъ опредѣленія магистратскаго, печатью магистратскою заклеиваютъ и отдачу въ шинки чрезъ кварталовыхъ урядниковъ производятъ; и что съ таковыхъ подступныхъ мѣръ каждаго года прибыли является, никакой наличности не показываютъ, но съ того сами собою они, бурмистръ и райца, при отдачѣ шипкарямъ взимаютъ у нихъ отъ ведра по копѣйкѣ, а кварталовые урядники отъ всякой бочки по 25 и 50 копѣекъ, а на усушку и на расходы разные, ими, бурмистромъ и райцею рочными, употребленные, и въ дачу, кому пожелають, на порцію оной горѣлки, ставятъ расходъ съ налично купленной на магистратъ горѣлки, коей усушки въ годъ, по разсмотрѣнію своему, представляютъ до 350 ведръ, да на порцію до 258 ведръ и съ того числа иногда на усушку натурою показываютъ, а иногда деньгами полагають 200 рублей и тое въ годовыхъ книгахъ означаютъ.

6. Оные жъ бурмистръ и райца рочные за магистратскую сумму съ купленной на магистратскую прибыль горѣлки употребляютъ на поклоны сами отъ себя ежегодно расходъ въ праздники Воскресенія и Рождества Христова войту, бурмистрамъ и райцамъ, писарю и прочимъ чиновникамъ магистратскимъ, не только налично служащимъ, но измѣршихъ жонамъ, да особливо въ тѣ жъ празденства и въ высокаторжественные дни на поклоны съ магистратской суммы поупку вина волоскаго, сахару, хлѣба, мяса, курей, гусей, утокъ и рыбы исправляютъ и съ того обсылки чинятъ разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ и о томъ, учина валовыя вѣдомости, представляютъ въ

расходъ болѣе тысячи рублей, показывая таковое произвожденіе по давнему узаконенію, а отъ кого таковое учрежденіе узаконено, какъ давно и почему,—о томъ никакихъ опредѣленій и на оныя подтвержденій при магистратѣ не видится, и подѣ показаніемъ воловаго вѣдомостью расхода по видимому сами они, рочные бурмистръ и райца, съ согласниками не малую прибыль имѣютъ, для чего именныхъ о тѣхъ расходахъ вѣдомостей—сколько, когда и кому произведутъ—не подаютъ.

7. Рочные бурмистръ и райца сами собою, безъ магистратскаго опредѣленія, съ покупкой магистратской горѣлки простой на водку двоятъ и сахаромъ да пряными зельями и медомъ покупнымъ съ суммы магистратской заправляютъ и изъ той водки чрезъ опредѣленнаго урядника въ продажу и на поклоны разнымъ людямъ и чиновникамъ магистратскимъ производятъ, и оному уряднику годовой платежъ и акциденціи безъ всякаго отъ магистрата разсмотрѣнія и опредѣленія производятъ; а сколько въ годъ на тую водку вина простого сойдетъ и водки въ наличности примутъ и прянаго зелья и сахару и меду, у кого куплено бываетъ и что въ продажу и по какой цѣнѣ произведется, а особливо на поклоны и по какой надобности, за чьимъ опредѣленіемъ отпустится, о томъ ясныхъ вѣдомостей при окончаніи года для расчета въ магистратъ не представляютъ, кромѣ показанія издержанной на то всей суммы по прошествіи многаго времени въ книгахъ своихъ годовыхъ вносятъ, почему въ магистратѣ о наличности показанной двойной горѣлки знать не по чему и о ненадлежащемъ отпускѣ оной на поклоны учинить точной справки и тѣмъ напрасно производимую магистратскую сумму пресѣчь невозможно.

8. Ежегодно съ собранія общаго, называемаго елекція, поставляются по одному человѣку въ шафари, медовой и пивной, кои, принявъ въ свое вѣдомство магистратскіе бровары, покупаютъ на вареніе ими пива, меду и раздаютъ въ шинки на продажу, а особливо тотъ же медъ и пиво къ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова производятъ на обыску войту, бурмистрамъ, райцамъ, шафарамъ, лавникамъ, инстигаторамъ, вдовамъ, женамъ бурмистерскимъ и раецкимъ, и всѣмъ канцелярскимъ служителямъ, да особливо годового войту, бурмистру, райцу и писарю меду по двѣ мѣрницы, да пива по четыре мѣрницы; при томъ же въ случающіяся комиссія по немалому числу отправляютъ; изъ того за тотъ медъ и пиво весьма малая прибыль въ магистратъ приходитъ, а иногда не только прибыль, но и убыль въ потеряннн магистратовой суммы является, на оныя же безденежныя дачи пива и меду выходитъ на сумму до трехсотъ рублей

9. Оные жъ рочные бурмистръ и райца покунное вино шинкарямъ въ магистратскіе шинки и въ разныхъ мѣщанскихъ домахъ кому хотять производить и съ оныхъ за таковое произвожденіе въ ту должность взимають деньги по пяти и больше рублей; а тѣ шинкари, не имѣя за трудъ свой никакого награжденія, подставляютъ на проданное вино свои обидливыя мѣры и чрезъ то въ продажѣ вина на тѣ мѣры остановка чинится; сколько же шинкарей и домовъ шинковыхъ въ годъ и что произведено, о томъ для прикрытія своего подлогу въ магистратъ ни по мѣсячно, ни по третямъ года не респортують, да и по прошествіи года, спустя много времени, сколько по своему усмотрѣнію пожелають, на толикое число объ оныхъ шинкаряхъ и домахъ шинковыхъ въ книгахъ своихъ вѣдомости представляютъ.

10. Въ большой шинкѣ магистратскій, называемый шыкьнѣръ, бурмистръ и райца рочные отдають магистратскую горѣлку на продажу, наливая оную въ имѣющіяся тамо большія бочки, называемыя буты, въ кои буты входитъ до 540 ведръ, и ту отдачу называютъ они фура; а при продажѣ той горѣлки опредѣленные къ тому урядники и наливайки, принимая отъ покупателейъ деньги, вметають въ запечатанную отъ оныхъ бурмистра и райцы скринку въ скважину; по изшествіи же всякой фуры собранныя деньги съ тою запечатанною скринкою приносятъ къ бурмистру и онъ съ райцею, вычитавъ по отдачи ведръ надлежащія деньги въ сумму магистратскую, а остальныя, называемыя ими сканины, коихъ чрезъ обманную продажу въ остаткѣ является на всякой фурѣ до 20-ти и больше рублей, у себя оставляють; а оныхъ фуръ выходитъ въ годъ по 15, либо по 16, и тако чрезъ круговой годъ, на всякой фурѣ смекал по 20 рублей, обходится триста рублей и болѣе, кои деньги оные рочные бурмистръ и райца на себя раздѣляютъ, какъ то съ оныхъ денегъ бурм. Аванасій Александренко и райца Іосифъ Гудимъ принесли мнѣ, войту, въ процентъ однажды двадцать рублей.

11. Рочные бурмистръ и райца сами собою, по обычаю преждему, сыта медь, называемой бурмистерской, кокуная оной и надлежащія къ тому для разсыченія потребности съ магистратской суммы, отдають въ продажу въ магистратскіе шинки шинкарямъ и тотъ же медь раздають въ праздники Рождества и Воскресенія Христова войту, бурмистрамъ, райцамъ, писарю и кому хотять, по своему изволенію; да годового войту, бурмистру, райцу и писарю по двѣ мѣрницы, тако жъ воску войту 12 фунтовъ, а бурмистру, райцѣ и писарю и прочимъ, по сколько кому хотять, а къ Рождеству Христову меду патоки войту одно ведро, бурмистрамъ, райцамъ и

писарю и прочимъ по скольку кому хотя, и такова безденежной дачи расхода ежегодно приходитъ болѣе ста рублей.

12. Бочки, покупаемая съ горѣлкою у разныхъ продавцовъ, и по исходѣ горѣлки коихъ бываетъ въ годъ до шестисотъ, они, бурмистръ и райца рочные, спродываютъ охочимъ людямъ всякую бочку отъ 30 до 40 копѣекъ, и съ оныхъ денегъ войту въ презентъ даютъ по 20 рублей, а иные бурмистръ и райца въ своемъ году и ничего не даютъ, а прочіе деньги оныя бурмистръ и райца на себя употребляютъ и о томъ въ магистратъ не репортуютъ и въ книгахъ своихъ годовыхъ не показываютъ, за оныя же всѣ бочки въ годъ прихода бываетъ до 150-ти рублей.

13. На почтовой магистратовой дворъ опредѣляется одинъ урядникъ и къ нему для письменныхъ дѣлъ канцелярскія, кои и содержатъ съ магистратской суммы семь человекъ почтарей, производя всякому въ годъ по 16 р., и по приказу бурмиистра и райцы рочныхъ, лошади, овесъ, снасти, упряжь и прочія потребности къ гону лошадей исправляютъ; и одного урядника иногда по четвертямъ года сами собою бурмиистръ и райца перемѣняютъ безъ доклада о томъ въ магистратъ, а сколько чрезъ круговой годъ въ остаткѣ бываетъ годныхъ и негодныхъ лошадей, снастей, овса и другихъ всѣхъ потребностей, и такъ о годовомъ расходѣ, яко и объ оставшихся наличностяхъ именной вѣдомости ни по третямъ, ниже по прошествіи года, но спустя не малое время представляютъ весь расходъ въ своихъ книгахъ; а на оной почтовой дворъ отъ пятисотъ до тысячи рублей въ расходъ въ годъ издерживается, какъ они, бурмиистръ и райца, въ своихъ книгахъ показываютъ; съ чего видется, что они, бурмиистръ и райца рочные, съ того почтоваго двора прибыль себѣ партикулярно имѣютъ.

14. Плоты дубовые, сосновые, строевые и дровяные, съ нагрузомъ, драшь, на строеніе вновь и на починку мостовъ, карауленъ, полисадника, для покрытія ветхихъ магистратскихъ шинковъ, казенныхъ амбаровъ,—рочные бурмиистръ и райца сами покупаютъ и сколько на то все и на какую надобность употреблено бываетъ магистратской суммы, никакихъ именныхъ вѣдомостей, ниже рапортовъ, по третямъ либо по прошествіи года не подаютъ; но продолживши не малое время, въ книгахъ своихъ показываютъ; съ одного же лѣсу войту, бурмиистру, райцѣ, писарю, урядникамъ и прочимъ канцелярскимъ и другимъ служителямъ дачу производить до тысячи колодъ на сумму сто рублей и болѣе, да особливо драши войту, бурмиистру, райцѣ и писарю 4000 на сумму 24 рубли, а о дачѣ одного лѣсу по крѣпостямъ утвержденія не имѣется.

15. Годовой платежъ чиновникамъ, при магистратѣ служащимъ, до найпослѣднѣйшаго слуги, рочные бурмистръ и райца сами собою производятъ съ магистратской суммы безъ всякой на то магистратской ассигнаціи, и кому что произведено и за какую службу—именныхъ вѣдомостей ни по третямъ, ни по окончаніи года не представляютъ, но спустя не малое время въ книгахъ своихъ показываютъ; и сколько чиновниковъ и слугъ при магистратѣ и въ рядахъ должно содержать и на какомъ именно о платежѣ договорѣ, о томъ опредѣленія отъ магистрата не требуютъ, а отъ такого непорядка не что иное, какъ трата магистратской суммы усматривается.

16. Въ г. Кіевѣ при цехахъ кушнерскомъ, кравецкомъ, ковальскомъ, шевскомъ, рѣзничкомъ, рыбальскомъ и прочихъ имѣющихся цеховые дворы и при оныхъ погреба отдаются въ наемъ по 20 рублей и тѣ деньги цехмистры рочные на себя взимаютъ, да въ тѣхъ же дворахъ продаются меду, прозываемые канунные, и какъ оной медь, и свѣчи восковыя цехмистры на себя взимаютъ и прочимъ по своему усмотрѣнію, сколько кому хотя, въ дачу производятъ и съ того прибыли партикулярныя себѣ получаютъ; а въ продажѣ въ магистратскихъ шинкахъ меду остановка происходитъ; и другіе сборы по древнему узаконенію въ скринку цеховую отъ ремесленныхъ людей собираются, а сколько оныхъ приходоѡ всего въ наличности и съ чего на что въ расходѣ употребляется, въ магистратѣ ничего того неизвѣстно; въ тѣ же цехи цеховые кромѣ себя выбираютъ и перемѣняютъ, безъ дозволенія и опредѣленія магистратскаго, цехмистровъ неграмотныхъ и неуправительныхъ, которые не точію общаго прихода въ цѣлости содержать не могутъ, но и суды и расправы между собою маловажные производя, вмѣсто штрафа виновныхъ принуждаютъ къ покупке вина волоскаго и горѣлки для удовольствія своего, либо наласаютъ на виновныхъ необычайной штрафъ; да иногда цехмистры съ своими ремесленными собираются въ цеховой домъ, вынимая изъ скринки общую сумму, покупаютъ вино волоское и горѣлку для своего удовольства, чрезъ что въ приобрѣтеніи какова либо добра городу не имѣется.

17. Во время бываемой ежегодной елекціи на урядовые магистратовые—рочныхъ бурмистра, райцы, шафарей, лавника, инстигатора и урядниковъ—по окончаніи оной елекціи, рочные бурмистръ и райца даютъ для попою собравшемуся множеству народу горѣлку магистратскую и, позвавъ всѣхъ церквей градскихъ священниковъ и ихъ причетниковъ, такожъ магистратовыхъ чиновниковъ въ магистратскую палату, на разныхъ столахъ трактуютъ съ магистратской суммы довольными заѣдками и подношеніемъ при томъ разнымъ довольнымъ же питьемъ, отчего напрасная трата умножилась.

18. По утвержденнымъ отъ святоусопшихъ В. И. В. предковъ высочайшимъ грамотамъ королевскіе привилія пожаловано войту, да бурмистру одному и райцы одному годовой платежъ; магистрата же кievскаго войтъ съ бурмистрами и райцами съ общаго согласія, по усмотрѣнію своему, положили платежъ ежегодно производить: писарю магистратовому по 60 р., реенту письменныхъ дѣлъ по 40 р., медовому и пивному двумъ шафарамъ по 20 р., лавнику 20 р., городничему—40 р., инстигатору 16 р., урядникамъ 15-ти человекамъ каждому по 12 р., всего 180 р.; канцеляристамъ 15-ти человекамъ отъ 10 до 20 р. по усмотрѣнію,—всѣмъ 225 р.. наливайкамъ тремъ по 8 р. всѣмъ 24 р., потыжникамъ тремъ по 10 р. всѣмъ 30 р., почтарямъ семи человекамъ по 16 р. всѣмъ 64 р., слугамъ магистратскимъ—13-ти человекамъ по 8 р. всѣмъ 104 р., сторожамъ тюремному и магистратскимъ четыремъ человекамъ по 10 р. всѣмъ 40 р., сторожамъ каморнымъ 19-ти человекамъ по 8 р. всѣмъ 152 р., часовому мастеру по 15 р., да воловикамъ, кои изъ улицъ въ городѣ навозъ свозятъ, шести человекамъ всѣмъ обще 156 р., итого всей суммы тысяча двѣсти шестьдесятъ восемь рублей; а объ ономъ окладѣ и необходимо ли потребно при магистратѣ показанное число чиновъ и слугъ и всѣмъ ли имъ на денежномъ довольствіи, и на какомъ кому именно находится, либо по усмотрѣнію маловажной должности каковымъ съ нихъ, чиновникамъ и слугамъ, за вольность, по очереди ту опредѣляемую имъ должность нести,—о томъ никакого утвержденія оной магистратъ ни отколь не имѣеть; магистратская же выписанная сумма безъ таковаго утвержденія подъ сумнительнымъ видомъ производится.

19. На канцелярскіе расходы, бумагу, сургучъ, свѣчи салныя, перья и чернило, оныя жъ рочные бурмистръ и райца сами собою покупаютъ и исправляютъ чрезъ цѣлой годъ, а по окончаніи года о томъ вѣдомостей для счету не даютъ, но спустя многое время въ книгахъ своихъ издержанную на то сумму показываютъ, закрывая съ того свое пользованіе.

20. Оныя жъ рочные бурмистръ и райца магистратскую сумму содержать въ своихъ рукахъ подъ особливимъ своимъ вѣдомствомъ и сколько оной ежегодно въ наличности имѣется и въ расходъ произойдетъ, о томъ по третямъ года, ниже по окончаніи оного, вѣдомостей мнѣ, войту, и въ магистратъ не представляютъ, но по своему изволению о той суммѣ въ нѣсколько годъ однѣ книги подаютъ, съ чего примѣчается, что оныя бурмистръ и райца тою суммою партикулярно пользуются; другіе же бурмистръ и райца, по

очереди вступивъ въ правленіе магистрата, яко бы за немѣніемъ при магистратѣ наличныхъ денегъ, свою сумму до нѣсколько сотъ рублевъ въ заемъ вносить и оныя деньги продолжая нарочито во обращеніи экономіи магистратской берутъ проценты и тѣ проценты въ книгахъ своихъ безъ зазору показывають.

21. На каналѣ, продолжающемся съ вершины Кудрявца въ самой Днѣпръ рѣку, испрежде устроены были отъ магистрата три мельницы по ряду, изъ коихъ не точію въ магистратъ знатная прибыль была, но вяще того, Боже сохрани пожарнаго случая, за обруженіемъ онымъ каналомъ третей части города Кіева, всего общества цѣлости состояла; тѣ же мельницы отъ нѣсколько лѣтъ до основанія разорились и каналъ весь въ такую порчъ пришелъ, что и обывательскіе дома повредилъ; за неприращеніемъ же, по выше-изображенному несостоянію въ магистратской экономіи, суммы, а паче что изъ той суммы опредѣленные отъ магистрата, безъ согласія войта, иногда и по маловажнымъ дѣламъ, да и по своимъ партикулярнымъ, несъѣдне въ С.-Петербургѣ проживая, не одנותсячные расходы денегъ издержують, оныхъ мельницъ и кавала и другихъ необходимыхъ надобностей городскихъ поисправитъ попрежнему не съ чего.

22. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова нѣкоторые рочные бурмистръ и райца съ магистратской суммы приносятъ войту въ презентъ ралцу по пяти рублевъ и себѣ съ той суммы по пяти жъ рублей ралець взимають, изъ чего трата магистратской суммы продолжается напрасно, а особливо цехмистры всѣхъ цеховъ, собирая отъ своихъ подсудственныхъ ремесленныхъ людей по немалому числу денегъ, въ тѣ жъ празднества приносятъ войту отъ большихъ четырехъ цеховъ четыре рубли, а изъ ишихъ поменьше, и таковыя подобныя ралцы производятъ бурмистру, райцѣ и писарю, а сами цеховые изъ той же суммы трактируются; такожь отъ сель Преварки, Сырца и Курневщины староста, собирая съ обывателей тамошнихъ таковыя жъ сборы, приносятъ ралцу войту по одному рублю, да бурмистру, райцѣ и писарю по 50 к. и по нѣсколько домовыхъ птицъ. Вы окомонаршими же грамотами всемилостивѣйше утверждено съ мѣщанъ кіевскихъ никакихъ сборовъ не собирать; вси грамоты внуша, войтъ поудержался показанные ралцы принимать, а бурмистры, райцы и писарь до днесь взимають.

23. Въ мясницкой скотобойнѣ, чтобъ цехмистры мясницкіе отъ скота разнаго, приводимого на убой въ бойню, и рыбальскіе старосты отъ рыбалокъ и другихъ пріѣзжающихъ съ рыбою людей никакихъ сборовъ не собирали, о томъ прежними указами въ магистратъ накрѣпко запрещено; однако они, мясницкіе цехмистры и

старосты рыбальскіе, презирая тоє запрещеніе, отъ оногo скота и рыбы понинѣ сборы собирають, да у рыбалокъ городскихъ и пріѣзжихъ людей перекупщики разные, покупая рыбу свѣжую и другую разную дешевою цѣною, продають оную въ народъ двойною либо иногда и тройною цѣною съ самого утра до двѣнадцатаго часа и далѣе, отчего здѣшніе жители въ покункѣ оной рыбы имѣють тяжесть; а по указамъ и по праву магдебурскому дозволено перекупщикамъ хлѣба, рыбы и прочихъ свѣстныхъ вещей вольную продажу имѣть по прошествіи двѣнадцатаго часа; и въ семь 1764 году, въ бывшую элекцію, отъ мѣщанина кіевскаго Григорія Бѣлявскаго всему обществу о показанномъ съ скота сборѣ и на перекупщиковъ принесена была жалоба. Прочіе же сборы, каковы урядники магистратовые по самовольству съ разныхъ статей, яко то съ вагового, помѣрного и съ мѣстъ пустыхъ, въ противность высокомонаршихъ грамотъ запретительныхъ указовъ, на себя собирають и оными пользуются, объ оныхъ изъяснить подробно невозможно, для того что тѣ сборы собирають они тайно безъ вѣдома и согласія войта.

24. Магистратскіе урядники и мѣщане кіевскіе, имѣя винокуренные свои заводы, кои съ нихъ видомъ показываются въ экономіи магистратской первые рачители, а на ихъ смотря и прочіе въ городѣ Кіевѣ и въ селахъ Преваркѣ, Сырцѣ и Куревещинѣ, гдѣ оныя винокурни содержатъ, въ нарушение высокомонаршихъ грамотъ, виномъ шинкують на кварталы и ведра тайно дешевшею цѣною противъ установленной на продажу того вина магистратской цѣны, отчего въ прибыли магистратской суммы знатный ущербъ продолжается. Но что оныя урядники по всей экономіи магистратской войту противны и не послушны, а при магистратѣ въ разныхъ должностяхъ служащіе о томъ подлинно вѣдая, но опасаясь отъ нихъ, урядниковъ, въ случаѣ доказательства, напраснаго разоренія, принуждены за страхъ молчать, для того оной продажи тайной вина пресѣкти не можно крайне. Въ оное же куреніе вина вступили многіе изъ купечества и мастеровыхъ людей, съ коихъ прежде городъ пользовался и процвѣталъ, а нынѣ они, промыслы и мастерства оставивъ, проживають время на винокуреніи напрасно. Оногo жъ винного куренія урядникамъ, мастеровымъ и мѣщанамъ по всѣмъ обстоятельствамъ не слѣдуетъ содержать, а пользоваться имъ свободно, по высокомонаршимъ грамотамъ, съ купческаго промыслу и отъ мастераваго руководѣлія.

25. Въ высокомонаршихъ В. И. В. предковъ, Государей Всероссийскихъ, грамотахъ и привиліяхъ королей польскихъ изображено: 1-е) въ грамотѣ Вел. Гос. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича

7162 года іюля 16 д., между прочимъ, пожаловано войта Богдана Сажковского и бурмистра да райцу съ товарищи, прежними правами и привилегіями, каковы даны имъ отъ королей польскихъ, и тѣхъ правъ и прилегіевъ ни въ чемъ нарушать не велѣно; 2 е) въ грамотѣ В. Г. Императора Петра I-го въ 7207 в. апрѣля 10 д., пожаловано войта кіевского Ивана Быковского и весь магистратъ, по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ отца Его Государева, такожъ и Брата Его жъ Государева и по привиліямъ королей польскихъ, и между прочимъ повелѣно войту и урядовымъ управлять магистратъ и судъ магдебургскій и строить нижній городъ; 3-е) въ грамотѣ Г. И. Елисаветъ Петровны 1755 г. декабря 31 д. изъ кол. Ин. Д. всемилостивѣйше повелено секундъ-маіора Ивана Сычевскаго кіевского магистрата бурмистрамъ, райцамъ, шафарамъ, лавникамъ и инымъ магистратскимъ урядникамъ такожъ и мѣщанамъ и всему посполству войтомъ признавать и надлежащимъ образомъ его почитать, и ему войту въ томъ пожалованномъ войтовскомъ урядѣ судъ между мѣщанами и посполитствомъ правдиво по ихъ правамъ и обыкновеніямъ производить и въ прочемъ во всемъ указы исполнять и по онымъ прилежно поступать; 4-е) въ привиліи короля Жигмунта 1544 г. марта 10 д. дозволено кіевскимъ мѣщанамъ пиво, медъ и горѣлку въ продажу свободно производить, а съ того приходы на покупки мѣскія употреблять; 5-е) въ привиліи короля Владислава IV-го 1644 г. мая 20 д. войту суды всякіе, къ войтовскому суду принадлежащіе, по праву магдебурскому, отправлять и урядъ тотъ со всѣми его доходами, пожитками и иными принадлежностями, какъ атецессоры его держали, держати и спокойно употреблять и притомъ урядъ войтовскомъ и его привилегіяхъ, такожъ пожиткахъ всякихъ, при повиненіи отъ мѣщанъ и посполства и при всякомъ почтєвіи совершенно защищено; 6-е) въ привиліи того жъ короля Владислава IV-го 1645 г. марта 30 д. изображено — дабы урядъ войтовскій чрезъ лица на немъ бываемые способнѣе и удобнѣе отправляемъ былъ, определено войту на вѣчныя времена по пятисотъ золотыхъ польскихъ годоваго платежа съ провіантомъ ратуша кіевского, и тое жалованье настоящимъ и будущимъ на томъ урядѣ войтомъ всякаго года сполна отдавать, а что въ счетахъ происходитъ между иными расходами на потребность мѣста за квитанцію войтовскою принимано имѣетъ быть; 7 е) въ привиліи короля Іоанна Казимира 1650 г. генваря 12 д. пожаловано съ приходовъ мѣскихъ на всякой годъ бурмистру и райцѣ старшему рочнымъ урядникомъ по триста золотыхъ польскихъ и тотъ платежъ на будущее время подтверждено; 8-е) въ привиліи того жъ короля Іоанна Казимира 1659 г. апрѣля 3 д. подтвер-

ждено первую 1644 г. на урядъ войтовскій, другую 1645 г. о доходѣ годовомъ, войтовѣ пожалованномъ во вѣчность.

И какъ по онымъ государственнымъ высоч. грамотамъ и привиліямъ узаконено по квиту войтовскому о магистратскихъ приходахъ и расходахъ урядниковъ считать и емѣжь, войту, съ урядниками магистратъ и судъ магдебургскій управлять и нижній городъ строить, такъ и по другимъ имѣющимъ въ магистратѣ кievскомъ грамотамъ магистратская экономія обще на должность войты съ урядниками завѣсть; и хотя отъ урядниковъ рочныхъ магистратскихъ ни въ чемъ къ оной экономіи допущенья не былъ, получая въ томъ отъ нихъ сухіе отказы, якобы опредѣленъ я только для управленія магистратскихъ судовъ, однако, по присяжной моей должности, дабы мнѣ предъ страшнымъ судомъ Божиимъ и предъ высоч. В. И. В. престоломъ не дать въ томъ отвѣта и, по силѣ вышеописанной высоч. Вел. Гос. Имп. Петра I-го грамоты, нижній городъ Кіевъ, близъ границы лежащій, съ приращаемыхъ доходовъ магистратскихъ въ доброе и безопасное состояніе привести и укрѣпить и отъ великаго бываемаго наводненія и всегдашняго стремленія Днѣпровой воды обывательскія разоряемыя строенія и въ недалекости стоящія церкви отъ такого разоренія защитить, со вступленія моего въ отправление должности моей войтовской, видя въ приходахъ и расходахъ необычное помѣшательство и убытки, во всемъ свѣтѣ неслыханные, имѣлъ должность кому надлежало ордеры и приказы насылать, каковымъ порядкомъ ту экономію безпорочно содержать и книги шнуровыя къ тому учредить, а отъ 1730 чрезъ всѣ прошедшіе года распредѣливъ всѣмъ урядникамъ съ мѣщанами о приходахъ и расходахъ расчеты учинить; но они урядники всѣ тѣ мои порядки донинѣ въ презрѣніи оставили, кромѣ, по усильному моему въ оныхъ урядниковъ домогательству, рочные бурм. Григорій Богдановичъ и райца Іосифъ Гудимъ считаны, на конхъ начету явилось болѣе тысячи рублей, но и за тотъ расчетъ съ нихъ Іосифъ Гудимъ въ магистратъ письменно протестовалъ, показуя въ томъ протестѣ своемъ недовольство и что подобнымъ ему подозрѣніямъ всѣ магистратовыя урядники подвержены; и за таковыя мои устрояемыя порядки оныя маг. урядники, прикрывая свои винности, дабы имъ по счетамъ не остаться и впредь повадно было въ самовольномъ помѣшательствѣ экономіи магистратской партикулярно корыстоватись, предприявъ ко мнѣ злобу, возмутили гражданъ кievскихъ, якобы я всему гражданству недобрехотъ и обидитель, въ пр. Сенатъ внесли на меня представленіе и просили безъ всякаго слѣдствія и доводу отрѣшенія меня отъ чина и по сердцу своему подобнаго имъ войты избратъ, и надѣяся на удачной своей образецъ,

что иныхъ войтовъ бывшихъ, кои ихъ води не склонялися, насильно позгонили. Оныя жъ урядники, пополняя надо мною злобу свою, принадлежащихъ на рангъ мой войтовскій людей и земли поотбирали самовольно, какъ выше по 4-му пункту упомянуто, и положенного въ привиліи годового съ приходовъ ратушныхъ провіанта лишили; да кромѣ того, во всемъ правленіи моемъ магистрата противны и ослушны являясь, въ ономъ магистратѣ въ засѣданіи при зеркалѣ необыкновенныя шумы и крики произносятъ и укоряють ругательно, о чемъ отъ меня къ г. генералу-аншефу кievской губерніи генерал-губернатору И. Ф. Глѣбову словесное и письменное прошеніе, дабы подѣ такимъ претекстомъ, ежели они урядники, по доносамъ своимъ, въ отрѣшеніи меня отъ чина желаемого не получаютъ, то по насильствамъ ихъ и самъ я того чина лишиться могу, отъ чего всего несносное поношеніе и разореніе претерпѣваю напрасно, а городъ Кіевъ въ неисправномъ строеніи и укрѣпленіи остается и экономія магистратская въ приращеніи суммы своей гибель претерпѣваетъ.

И дабы высоч. В. И. В. указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ кiev. губ. канц. г. ген.-анш. кiev. губ. ген.-губернатору И. Ф. Глѣбову принять и о всемъ вышеписанномъ въ пр. Сенатъ подѣ высокоемъ благоразсмотрѣніе взнестъ съ прошеніемъ на то указа, Всемилостивѣйшая Государиня, прошу В. И. В. о семъ моемъ доношеніи рѣшеніе учинить“.

Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка.

По исторіи бывлой Слобожанщины до сихъ поръ еще не открыто, за весьма немногими исключеніями, неофициальныхъ историческихъ источниковъ, въ родѣ лѣтописей, записокъ, мемуаровъ. Недолгій періодъ своеобразной жизни этой области былъ преисполненъ почти постоянныхъ вѣшнихъ и внутреннихъ тревоженій, а малочисленная интеллигенція ея, насколько этотъ терминъ можетъ быть примѣненъ къ бывшей козацкой старшинѣ этаго края, подобно остальной массѣ населенія, была почти поголовно настолько занята обязательной военной службой, что позволить себѣ умственную роскошь лѣтописнаго труда, по всей видимости, было нѣкому и нѣкогда, не говоря уже о томъ, что такая „умственная роскошь“, по условіямъ мѣста и времени, была далеко и небезопасна... При такихъ условіяхъ весьма естественно, что главными, если не исключительными, письменными матеріалами для исторіи Слобожанщины являются источники официальные, такъ называемыя „дѣла“ и вообще канцелярская письменность различныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ. Чуждая по языку массѣ южно-русскаго населенія слободской Украины, она и по содержанію нерѣдко представляла собою массу бесполезнаго канцелярскаго мусора; но и въ этомъ мусорѣ попадаются порою весьма цѣнныя данныя, а иногда даже такія характерныя подробности минувшей жизни, которымъ не часто удѣляютъ свое вниманіе самыя лѣтописи и мемуары.

Подготовительная разработка такой канцелярской письменности, какъ историческаго матеріала, представляетъ еще и дру-

гія значительныя неудобства. Обыкновенно, содержаніе каждаго подобнаго „дѣла“ бросаетъ на общій темный фонъ прошлой областной жизни лишь рѣдкіе и разрозненные лучи свѣта, причемъ случайно можетъ обнаружиться интересная частица общей картины былого: иногда здѣсь выступаютъ не только отдѣльныя фігуры, но и цѣлыя группы весьма своеобразныхъ дѣятелей и лицъ, невѣдомыхъ намъ, во всей непринужденности ихъ частной, интимной жизни и въ интересной сложности ихъ житейскихъ отношеній. Но остальное темное поле картины сразу поглощаетъ собой ближайшую массу другихъ группъ и жизненныхъ положеній, скрывая такимъ образомъ всю непосредственную обстановку освѣщенныхъ фактовъ и черезъ это затемняя иногда ихъ собственныя болѣе полныя очертанія и внутренній смыслъ. Конечно, дальнѣйшая разработка подобныхъ источниковъ, постепенно увеличивая число освѣщенныхъ пунктовъ общаго темнаго историческаго фона, мало по малу можетъ реставрировать все полотно исторической картины; а пока приходится довольствоваться и этими одинокими свѣтлыми пятнами...

Какъ извѣстно, Бѣлгородъ географически никогда не входилъ въ территорію слободской Украины, но имѣлъ для нея весьма важное значеніе, какъ административный центръ бѣлгородской губерніи, въ составъ которой въ прошломъ вѣкъ входила и Слобожанщина. Бѣлгородская губернская канцелярія, съ своимъ высшимъ административнымъ персоналомъ во главѣ, была ближайшею властью, которая вліятельно „вѣдала“ сферу гражданской жизни всѣхъ слободскихъ полковъ, и представляла собою мѣстный руководящій центръ приказнаго режима. Вотъ почему мы имѣемъ основаніе думать, что интимный характеръ дѣятельности персонала этого центра, нравственные облики его властныхъ дѣятелей имѣютъ интересъ и для исторіи внутренней жизни Слобожанщины.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются извлеченія изъ одного „дѣла“, не лишеныя историческаго значенія. Въ этихъ матеріалахъ, при всей ихъ дѣловой сухости, довольно ясно прогля-

дываютъ нравственныя и бытовія условія южнорусской жизни, не утратившія своей силы и для позднѣйшихъ поколѣній. Тутъ есть и спеціальныя слѣдственныя комиссіи, съ участіемъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и съ застѣнками, имѣвшія своимъ назначеніемъ блюсти и водворять оффиціальную правду, и нормальный атрибутъ этихъ комиссій—организованный и добровольческій доносъ, и наконецъ, насколько можно судить по нашимъ отрывочнымъ матеріаламъ, почти полное отсутствіе всякихъ идейныхъ теченій въ жизни, которая, видимо, шла только инертно, по колеѣ унаслѣдованныхъ привычекъ, не обременяя себя ни воспоминаніями, ни заботой о будущемъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1746 года, важный сановникъ—статскій совѣтникъ и бѣлгородскій вице-губернаторъ, Богданъ Ивановичъ Пассекъ пріѣхалъ въ Ахтырку и остановился въ домѣ мѣстнаго купца Самойла Соляника. Пассекъ явился въ патриархальный полковой городъ старой Слобожанщины не безъ помпы; при немъ упоминаются, только какъ рассыльные, какой то вахмистръ и 6 человекъ гренадеръ. Въ этотъ пріѣздъ явился къ Пассеку простой писецъ ахтырской полковой канцеляріи Павелъ Яготинецъ (Яготинецъ) и сдѣлалъ пріѣхавшему сановнику *доносъ* на ахтырскаго полковника Лесевицкаго и полевою старшину вообще. Яготинецъ заявилъ, что полковникъ Лесевицкій съ старшиной „похитилъ многое число денежной казны“, причемъ обвинялъ его „и въ прочихъ разныхъ непорядочныхъ поступкахъ“. Кромѣ того Яготинецъ объявилъ Пассеку „по присяжной должности“, что изъ полковой канцеляріи, въ ея сношеніяхъ съ атаманами и командующими въ „описныхъ Перекрестовскихъ селахъ“ ¹⁾ посланы двѣ *фальшивыя инструкции*, составленныя будто бы главнымъ образомъ полковымъ писаремъ Кардашевскимъ, для какихъ-то корыстныхъ цѣлей.—О послѣдствіяхъ этого доноса Яготинецъ уже въ августѣ 1751 года объяснилъ, что вице-губернаторъ Пассекъ, „ради взятковъ съ ахтыр-

¹⁾ Конфискованныя въ казну у ахтырскаго полковника Перекрестова еще Петромъ I-мъ.

ской старшины“, скрылъ этотъ доносъ, а доносчикамъ велѣлъ молчать; только полковаго писаря Кордашевскаго продержалъ нѣсколько дней подъ арестомъ „не изъ чего другаго, токмо изъ одного того, чтобы ахтырскій полковникъ и старшина, зная свою въ томъ виновность, имѣли чѣмъ либо одарить, кое по надобности его, Пассека, тою старшиною и исполнено“.

Такъ показывалъ доносчикъ Яготинецъ о Пассевѣ въ слѣдственной бѣлгородской комиссіи, по дѣлу „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и о прочихъ“, уже черезъ пять лѣтъ послѣ своего доноса въ Ахтыркѣ.

Жизненная карьера Яготинца, какъ спеціалиста-доносчика, хотя, можетъ быть, и по случайному канцелярскому воспитанію и вліянію приказныхъ товарищей, и своеобразная дѣятельность его сановнаго патрона Пассека могутъ послужить связующей нитью нашего разсказа.

Какъ видно изъ нашихъ матеріаловъ, въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка въ полковыхъ городахъ слободской Украины были комиссары изъ великороссіянъ, которые назначались на эти должности непосредственно отъ бѣлгородской губернской канцеляріи и имѣли въ своемъ завѣдываніи казенные денежные сборы съ войсковаго населенія независимо отъ мѣстной полковой администраціи ¹⁾.

Въ 1745 году такимъ комиссаромъ въ Ахтыркѣ былъ мценскій дворянинъ Субочевъ, какъ видно, изъ класса такъ называемыхъ приказныхъ людей. Этотъ Субочевъ былъ почему-то скоро замѣненъ другимъ комиссаромъ (изъ рыльской провинціи) и въ 1747 г. онъ жилъ уже въ Москвѣ, занимаясь „хожденіемъ“ по дѣламъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ великорусскихъ городахъ. Въ этомъ же 1747 г. мы видимъ въ Москвѣ и Яготинца, гдѣ онъ теперь является уже старымъ пріятелемъ и постояннымъ гостемъ у Субочева. Въ рапортѣ ахтырской полковой канцеляріи въ слѣдственную бѣлгородскую ком-

¹⁾ Эта „денежная казна“ собиралась въ ахтырскомъ полку съ козаковъ-помочниковъ, подсудковъ и подданныхъ малороссіянъ, „кои платежемъ числятся въ дистриктъ ахтырскій“.

миссію (въ апрѣлѣ 1751 года) сказано, что Яготинець, по переписи въ ахтырскомъ полку 1732 года гвардіи маіора Хрущова, состоялъ, вмѣстѣ съ отцомъ и братьями, въ подпомогчи-кахъ, и по этому званію платилъ окладъ, а съ 1739 года, „по разсмотрѣніи“ полковой канцеляріи находился въ услуженіи для письма въ писцахъ, „а полковымъ и сотенскимъ писаремъ такожь и никакимъ другимъ чиномъ не былъ“, что въ бытность его канцелярскимъ писцомъ „при дистриктѣ“ онъ принималъ „у пріѣзжихъ въ тотъ дистриктъ отъ разныхъ плательщиковъ самъ собой деньги“, и не внося ихъ въ шнуровую книгу, самъ же отъ себя давалъ имъ въ пріемъ тѣхъ денегъ росписки, „которыя деньги себе и поворовавъ и черезъ то побегъ учинилъ и нѣкоторый лживый доносъ началъ имѣть, о чомъ въ 746 и 747 годѣхъ въ бѣлгородскую губернскую канцелярію з сообщеніемъ съ тѣхъ росписокъ копій представливо“. Отсюда видно, какіе личные счеты возникли у Яготинца съ ахтырской полковой старшиной еще съ 1746 года. Не по своимъ частнымъ дѣламъ и не праздно проводилъ время въ Москвѣ Яготинець: онъ досталъ у своего приказнаго пріятели Субочева какую-то черновую вѣдомость о денежныхъ сборахъ въ ахтырскомъ полку, за бытность Субочева ахтырскимъ комиссаромъ; а самая эта вѣдомость, какъ видно, казалась Яготинцу важнымъ документомъ въ его обличеніяхъ противъ ахтырской полковой старшины. Самъ Субочевъ переходъ этой вѣдомости въ руки Яготинца объяснялъ нѣсколько иначе: что онъ, Субочевъ, за своимъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Муромъ, поручилъ Яготинцу ходатайствовать по какому-то дѣлу въ государственной вотчинной коллегіи и поэтому далъ ему даже „вѣрующее письмо“. По этимъ, якобы дѣловымъ, причинамъ Яготинець бывалъ въ его, Субочева, квартирѣ и въ его отсутствіе; и вотъ въ одно изъ такихъ посѣщеній Яготинець изъ бумагъ Субочева самъ взялъ копию съ вѣдомости „записной денежной казны“. Далѣе Субочевъ объяснилъ, что такой черновой или партикулярный документъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія („и по указамъ чернымъ письмамъ вѣрить не велѣно“), хотя вѣдомость эта по содержанію „не воровская“, а правильная... и что въ бытность его,

Субочева, ахтырскимъ комиссаромъ дѣйствительно было взято подъ росписки полковникомъ Иваномъ Лесевицкимъ „съ товарищи“, а къмъ именно и сколько было ими взято „денежной казны“, о томъ значитса въ вѣдомости, „съ которой отъ него, Яготинца, сообщена копія“..., что дача (денегъ) полковнику и старшинѣ производилась Субочевымъ безъ указной въ шнуrowья книги записки.. за неприсылкою „отъ высшей команды“ шнуrowвой книги, а бывшая записная книга „учинена за печатью ахтырской полковой канцеляріи“... Въ заключеніе Субочевъ объяснилъ, что хотя полковникъ и судья Лесевицкіе, а по приказу полковника и другіе, брали у Субочева небольшими суммами деньги, но подъ росписки; и все взятое своевременно возвратили, исключая небольшой суммы, оставшейся за самимъ Яготинцемъ, „а послѣ его, Яготинца, доносу, тѣ деньги по злобѣ онаго полковника съ старшиною з жены его, Яготинцовой, взысканы-ль и въ казну положены-ль—того онъ, Субочевъ, не знаетъ“.

При оставленіи Субочевымъ должности ахтырскаго комиссара, онъ получилъ квитанцію въ исправной сдачѣ денегъ, причемъ квитанція, писанная „черкасскою рукою“, была скрѣплена полковникомъ Ив. Лесевицкимъ, роднымъ его братомъ, судьей Константиномъ Лесевицкимъ, обознымъ Боярскимъ и полковымъ писаремъ. Сверхъ этого Субочевъ объяснилъ, что полковой судья Константинъ Лесевицкій никогда не принималъ отъ него, Субочева, денежной казны... „подъ свое вѣдомство..., что въ вѣдомствѣ его, Лесевицкаго, онъ, Субочевъ, не бывалъ“, а принялъ отъ него деньги вакансъ-сотникъ Карповъ. Словомъ, бывший ахтырскій комиссаръ со своей стороны ни въ чемъ не обвинялъ ахтырскую полковую старшину. Все это показаніе свое Субочевъ давалъ уже въ іюнѣ 1751 года при допросѣ въ бѣлгородской слѣдственной комиссіи.

Но кромѣ настойчиваго уличенія въ денежныхъ хищеніяхъ, Яготинецъ взвелъ на ахтырскую полковую старшину и тяжелое политическое обвиненіе: „о небытіи полковника Лесевицкаго и прочей старшины въ 1746 г. апрѣля 25 дня на высокотожественный воспоминанія коронованія ея императорскаго величества

день у всеобщаго бдѣнія за пьянством“. Доносъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, получилъ серьезный ходъ: дѣло дошло до „канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ“, откуда уже въ іюнѣ 1751 года, черезъ бѣлгородскую губернскую канцелярію, получился указъ, въ которомъ было сказано: „по опредѣленію въ С.-Петербургѣ тайной канцеляріи велѣно ахтырскаго полку писарю Павлу Яготинцу за ложное имѣ... на полковника Лесевицкаго и на прочихъ старшинъ донесеніе..., чего по слѣдствію не явилось, учинить наказаніе—бить плетью“..., причѣмъ добавлено, что если кромѣ этого дѣла въ бѣлгородской губернской канцеляріи нѣтъ другихъ дѣлъ, ни о Яготинцѣ, ни о полковникѣ Лесевицкомъ съ старшиной, то ихъ отъ той канцеляріи „учинить свободныхъ“.

Кромѣ комиссара Субочева, у Яготинца былъ еще пріятель въ самомъ Бѣлгородѣ—однодворецъ Борисъ Панковъ, который одно время, вмѣстѣ съ Яготинцемъ, состоялъ подъ какимъ-то слѣдствіемъ при бѣлгородской слѣдственной комиссіи.

Яготинецъ и Панковъ составляли только малую часть цѣлой группы темныхъ личностей, служившихъ орудіемъ въ рукахъ главныхъ интригановъ въ темной бюрократической сферѣ бѣлгородской губернской канцеляріи и бывшей при ней слѣдственной комиссіи.

Послѣ извѣстнаго уже намъ ахтырскаго доноса Пассеку, Яготинецъ является вполне преданнымъ исполнителемъ и агентомъ въ его дѣлахъ, причѣмъ, судя по позднѣйшимъ, уже болѣе яснымъ и правдоподобнымъ, его объясненіямъ, главная цѣль всей подпольной махинаціи вице-губернатора Пассека заключалась въ подкочкахъ противъ тогдашняго бѣлгородскаго губернатора Салтыкова, съ цѣлью самому занять его мѣсто.

По свидѣтельству нашего источника, центромъ и главнымъ организаторомъ вольнаго доноса въ Бѣлгородѣ въ это время былъ именно Пассекъ, какъ по всему видно, человекъ выдающейся энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго грубаго и неразборчиваго въ средствахъ приказнаго честолюбія. Какъ организаторъ и руководитель обширнаго доноснаго дѣла, онъ съ этой цѣлью завелъ у себя свою домашнюю „затѣйную канцелярію“. Такъ

послѣ называлъ эту частную компанію доносчиковъ самъ Яготинецъ. Тутъ были отставные майоры, поручики, однодворцы, гренадеры и гвардейскіе солдаты, прогнанные за разные грѣхи писаря и даже простые господскіе люди. „Затѣйная канцелярія“ доставляла обильный матеріалъ для бѣлгородской слѣдственной коммисіи, которая въ своемъ составѣ дѣлилась на какія то партіи, конечно, по личнымъ счетамъ, причеиъ на сторонѣ Пассева былъ, между прочимъ, другъ его дома по терминологіи интимной переписки доносчиковъ Яготинца и др.,—„стариеъ“,—полковникъ Дуровъ. Этотъ „стариеъ“ нерѣдко вмѣстѣ съ Пассекомъ вдохновлялъ Яготинца на доносы, указывалъ ему темы, читалъ приватно у себя на дому черновые проекты этихъ доносовъ, исправлялъ ихъ, и потомъ самъ же оффиціально принималъ въ слѣдственной коммисіи. Внѣ этой партіи и даже, можетъ быть, противниками ея выступали другіе военные и статскіе чины коммисіи, между прочимъ полковникъ Огаревъ и какой то Чемезовъ.

О личности самого губернатора Салтыкова—главнаго объекта преслѣдованій Пассека почему то ничего нѣтъ въ нашемъ „дѣлѣ“. Въ немъ нѣтъ ни прямыхъ фактическихъ обвиненій противъ него, ни его собственныхъ объясненій. Это полное отсутствіе данныхъ о самомъ губернаторѣ скорѣе всего можетъ быть объяснено особымъ о немъ производствомъ, которое не вошло въ наше „дѣло“,—или же, можетъ быть, составило неизвѣстный намъ особый его отдѣлъ.

Личность самого Пассека намъ невольно напоминаетъ извѣстнаго героя одной южнорусской сказки,—классическаго „горобца молодца“,—который, каеъ извѣстно, пламенно преслѣдовалъ въ своей жизни одну только цѣль, чтобы его, „горобца молодца, былынка поколыхала“. Таковой именно былыней было для Пассека губернаторское кресло въ Бѣлгородѣ, и, какъ увидимъ ниже, онъ заплатилъ своей дальнѣйшей карьерой за эту свою задушевную мечту.

Здѣсь мы сдѣлаемъ небольшую мимоходную оговорку. Всѣ излагаемые нами факты почти исключительно заимствуются изъ показаній вольныхъ и невольныхъ кліентовъ слѣдственной

коммисіи; а въ такихъ источникахъ, понятно, нельзя ждать полной объективности. Тутъ почти каждый участникъ не столько думаетъ объ „истинѣ“, сколько о самомъ себѣ. Поэтому руководящей нитью при пользованіи подобнымъ матеріаломъ можетъ быть отчасти и взаимное сопоставленіе обыкновенно пестраго его содержанія.

Въ нашемъ „дѣлѣ“ большая часть свѣдѣній взята изъ позднѣйшихъ показаній Яготинца, когда онъ увидѣлъ, что звѣда и такого могучаго человѣка, какимъ онъ долгое время считалъ своего патрона Пассека, быстро закатывается. Едва ли можно допустить, чтобы Яготинецъ въ своихъ показаніяхъ всецѣло изобрѣталъ самые факты, хотя, съ другой стороны, показанія его необходимо, конечно, принимать *cum grano salis*.

Доносныя махинаціи Пассека вначалѣ были весьма успѣшны: въ самой слѣдственной коммисіи старшій членъ ея „старикъ“ полковникъ Дуровъ былъ для Пассека почти alter ego. Къ этому-то времени относится и поѣздка Яготинца въ Москву и Петербургъ, также по порученію Пассека; тогда же велась обширная переписка Яготинца съ однодворцемъ Панковымъ, какъ видно, также въ интересахъ ихъ общаго патрона. Послѣ, когда вѣтеръ подулъ въ другую сторону и дѣятельность бѣлгородскаго вице-губернатора попала на какіе-то подводные камни, эта интимная переписка пріятелей очутилась въ рукахъ бѣлгородской слѣдственной коммисіи, гдѣ, между прочимъ, вызвала рядъ недоразумѣній тѣми „странными именами“ и условными выраженіями, которыя встрѣчались въ ней¹⁾. Такъ, въ этой перепискѣ, между прочимъ, говорилось: „пожалуй, батюшка-братецъ, стараніемъ вашимъ представляйте обо всемъ; авось не то, то другое попадетъ въ дѣло, а доказывать станемъ по нимъ всѣ, не одинъ; только бы порознь насъ нынѣ Чемезовъ не получилъ, ибо общався до смерти насъ за доносы помучить упоминайте братъ, дабы прежде слѣдствія

¹⁾ Изъ этой переписки въ нашемъ дѣлѣ сохранились только немногіе отрывки въ копіяхъ, безъ начала и конца и помѣты времени. Судя по содержанію, большая часть отрывковъ принадлежитъ перу Яготинца.

доносителей не мучили подь карауломъ, и другимъ страху не давали, ибо и Огаревъ только и зделалъ, что всѣхъ доносителей и просителей порозгонялъ нарочно отъ комиссіи в Бѣлгорода, а которые подь караулы нарочно въ желѣзы посаживалъ и не начинаетъ слѣдовать; Сабельникова дѣвку *Сусликъ* при Огареву бралъ изъ комиссіи къ себѣ во дворъ и сѣкъ батошьемъ сильно Правда, что пришло намъ погибать *чрезъ властную нашу надежду*, а не чрезъ себе; вотъ дома наши разорились до конца и мы страждемъ, а Богъ вѣсть, что еще впредь покажетца, пожалуй не молчите представленіями частыми (далѣе идетъ совѣтъ вызвать слѣдствіе надъ вышеозначеннымъ Огаревымъ) только бы подъячихъ отъ дѣлъ отрѣшено было всѣхъ и секретаря, а то докажемъ во всемъ а они—каналіи—на то гнуть, чтобы намъ и святой Руси не видать всѣмъ безъ слѣдствія; однако жъ Богъ наша надежда, не молчить, братъ, пожалуй; будемъ всѣ доказывать вмѣстѣ и козаки помогутъ во всемъ здѣлайте мнѣ хорошенько на имя рекетмейстера одного доношеніе, выбери силу со всѣхъ представленныхъ и съ моихъ цидулокъ, и указъ пропиши 722 г., мая 17-го, какъ ему велѣно таковыхъ содержащихся вездѣ освобождать и *государю представлять* съ упоминаніемъ и секретныхъ дѣлъ и всѣхъ безпорядковъ и безстрастныхъ поступковъ, и о бунту Огарева съ товарищи . . . усиди, братъ, пожалуй и аншефа съ нумеромъ, напиши и молебствіе прошлогоднее “. Видимо, идея доноса была уже настолько привита къ отдѣльнымъ грамотнымъ людямъ темной массы, что въ ихъ глазахъ она представлялась уже на степени какого то нравственнаго культа: въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ интимной переписки доносчиковъ слышится даже тонъ страданій за правду, за убѣжденія...

Уже изъ приведенныхъ нами фактовъ видно, какая мутная каша варилась въ приказной бѣлгородской сферѣ. Съ одной стороны Пассекъ съ своими, какъ видно, иногда весьма наивными клеветами, о которыхъ по всей вѣроятности можно было

бы сказать: не вѣдаютъ бо еже творять; съ другой, кромѣ губернатора, какіе то безличныя его пріятелі или сторонники, почти кнудомъ разгонявшіе доносчиковъ, и въ числѣ этихъ противниковъ добровольческаго доноса мелкая подъяческая братія бѣлгородской канцеляріи, а въ числѣ союзниковъ „затѣйной канцеляріи“ Пассека, какіе то козаки, вѣроятно, бывшей сѣвнянской сотни ахтырскаго полка¹⁾.

Судя по нашимъ матеріаламъ (прерываемымъ большими пробѣлами), Яготинець долго и преданно служилъ темнымъ дѣламъ Пассека, и только когда за свою наклонность защищать „правду“ ябедой и заказными доносами, онъ былъ наказанъ плетьюми при бѣлгородской канцеляріи, то, по официальному свидѣтельству своего бывшаго пріятеля Панкова, впалъ въ тяжелое раздумье: по наказаніи плетьюми Яготинець выпелъ изъ прихожей камеры комиссіи и на лѣстницѣ, ведшей на крышу канцеляріи, будто бы произнесъ такой монологъ: „*ой государь нашъ Богданъ Ивановичъ!* самъ ты пропадешъ и насъ своимъ дѣломъ погубишь!“

При такомъ поворотѣ въ судьбѣ дѣателей „затѣйной канцеляріи“, самъ Панковъ сознавался, что Яготинець былъ отправляемъ Пассекомъ въ Москву и Петербургъ, какъ и другіе, „для доносовъ и умноженія прошеніевъ“.

На допросѣ въ бѣлгородской слѣдственной комиссіи въ іюнѣ 1751 года Яготинець весьма уклончиво объяснялъ темныя и условныя выраженія, а также и разныя обвиненія на нѣкоторыхъ чиновниковъ въ своей интимной перепискѣ съ однодворцемъ Панковымъ. Слѣдственная комиссія письменно допрашивала: „писалъ ты... яко бы васъ мучать на смерть и воровскому де представленію Огареву не вѣрить и генераль-аншефтъ Сусликово воровство явно закрываетъ, того ради показать тебѣ кто имянно и какимъ... образомъ тебя мучать и отъ Огарева какое и куды воровское представленіе имѣлось и генераль-аншефтъ (Ф. Бисмаркъ) какое Сусликово воровство

¹⁾ Нынѣ селеніе Сѣвное богодуховскаго уѣзда харьковской губерніи.

закрываетъ и кто таковъ имянно Сусликъ и въ какомъ воровствѣ отъ аншефа закрыть?“.

Яготинець, какъ на эти, такъ и на послѣдующіе вопросы отвѣчалъ довольно уклончиво, часто ссылаясь на то, что онъ это дѣлалъ „с природной своей черкасской простоты“, что его никто не мучилъ, а только, въ бытность его, Яготинца, подъ карауломъ, не давали ему „пропитанія“, что отъ полковника Огарева „представленіе въ Правительствующій Сенатъ і въ государственную военную коллегію было о содержаніи его, Яготинца, подъ карауломъ“, что это представленіе полковникъ Огаревъ писалъ одинъ отъ себя безъ бывшаго въ слѣдственной комиссіи присутствующаго полковника Дурова „въ томъ представленіи писалъ, что онъ его задержалъ въ колодке подъ карауломъ і якобы отъ ахтырскаго полку на писаря Перебиносова доносилъ неправильно... а генераль-аншефъ и кавалеръ фонъ-Бисмаркъ Сусликово воровстве, т. е ахтырскаго слободскаго полку полковника Ивана Лесевицкаго закрываетъ потому, что принявъ оной генераль-аншефъ отъ него, Лесевицкаго, і протчихъ мимо оной комиссіи на бывшаго присудствующаго полковника Дурова к подозрению о неприсудствіи ему въ оной комисіи по его Яготинца деламъ неправильныя доношенія, а о чемъ в тѣхъ доношеніяхъ значить именно и чинить к ихъ ползѣ всякія способы т. е. *въ конфирмаціи и наказанію стнмянскихъ козаковъ* за присланнымъ ис комисіи в ахтырскую полк. канцелярію о свободе ихъ и с подкараула указомъ и на него, Яготинца, многие отъ него доношенія принималъ; въ разныя места представлялъ къ ихъ надобности. А сусликомъ называлъ онаго Лесевицкаго в такомъ случае, что онъ всегда безпрестанно бывалъ пьянъ, а по черкасскому наречію кто пьетъ, то и сусликъ“.

Далѣе Яготинца спрашивали: „что значить его письмо къ Панкову, гдѣ Яготинець говоритъ, что ему, Панкову, худо будетъ, „видишь какаѣ нынѣ правда и судъ, не хуже Шемякина, да прибирай всякія способы (приводилось въ вопросѣ письмо Яготинца) батюшки старику, къ доказательству врагу Огареву і причомъ подъячие все і секретарь радуются і раз-

глашаютъ то, что по своимъ представленіямъ во всемъ на нихъ останется і Огаревъ де стоитъ с Чемезовымъ вмѣсте в Жеребцовомъ дворѣ и дрова палютъ государевы“...

По содержанію этихъ краткихъ извлеченій изъ писемъ слѣдственная комиссія допрашивала Яготинца:

Какое это худо будетъ Панкову и гдѣ это производится судъ не хуже Шемякина, „і какому врагу Огареву къ доказательству старику способы приискивать, і кто таковъ старикъ, і Огаревъ какой врагъ, і что подъячіе радуются и разглашаютъ“..., и какіе государевы дрова палились... и „какую ты Ивану Иванову сыну, а чей прозванія не показано, імянно отъ суслика оборону издала, и кто онъ такожь і сусликъ... и какія враги до вашихъ головъ добираются, въ томъ же твоемъ письмѣ написано Севергина совсемъ де повели было в застенокъ розыскивать, только запѣлъ соловья і к нему де шесть человекъ определено?“. На все это комиссія требовала объяснительныхъ отвѣтовъ.

Яготинецъ отвѣчалъ, что про худо для Панкова онъ писалъ потому, что Панковъ находился въ побѣгѣ отъ комиссіи и чтобы поэтому имѣлъ осторожность, дабы его не поймали, такъ какъ о немъ были публікаціи; а про Шемякинъ судъ писалъ въ томъ смыслѣ, что начатое въ бѣлгородской губ. канцеляріи дѣло „по доносу ево на ахтырскаго полковника и протчихъ производилось в той канцеляріи не в силу о суде формы инымъ образомъ о чемъ отъ его и въ поданомъ въ Правительствующемъ Сенате доношеніи показано, и для того онъ с простоты своей оному Панкову Шемякинъ судъ и написалъ, а что бы онъ, Панковъ, прибиралъ способы батюшки старику, т. е. реченному полковнику Дурову, в доказательству врагу подполковнику Огареву по имѣющейся у нихъ между собою ссоре, а Огаревъ подлинно врагъ, т. е. по кресту сатане(?) і то онъ писалъ к сожалѣнію его полковника Дурова для того, что оный полковникъ, будучи при комиссіи, чинилъ по имѣющимся ево в комиссіи дѣламъ всякія к доносу ево способы и о немъ Яготинце сожаленіе, что жъ подъячіе і секретарь радуясь разглашаютъ, что по своимъ представленіямъ

на нихъ во всемъ оной полковникъ останется, слышалъ онъ, будучи в комиссіи (а отъ кого за давностію не помнить)“, и о сожиганіи казенныхъ дровъ Огаревымъ онъ, Яготинецъ, слышалъ еще въ прошломъ 1750 году отъ караульныхъ... „Ивану Дощечкину отъ Суслика (Лесовицкаго) оборону здедалъ такимъ случаемъ: какъ оной Дощечкинъ из Бѣлагограда отезжалъ в С.-Петербургъ, то при отездке далъ ему на нихъ, Лесовицкихъ, і прочихъ объявленіе, дабы онъ подалъ где надлежитъ, почему онъ бывшему въ Бѣлградѣ вице-губернатору Б. И. сыну Пассеку, по пріѣзде ево в С.-Петербургъ, і подалъ, а чего для онъ то объявленіе показанному Пассеку подалъ, того онъ не знаетъ, а оной Пассекъ предъявилъ в Прав. Сенате, а із Сената при указе отослано в *тайную канцелярію*, о чемъ іс тайной канцеляріи о изслѣдованіи оныхъ Лесовицкихъ с товарищи и указъ во оную комиссію присланъ, а они Лесовицкіе імѣли на него вражду, п. ч. онъ с нимъ знаемость імѣеть, чтожбы означенной Панковъ берегъ старика, т. е. полковника Дурова, от означеннаго Лесовицкаго с товарищи потому, что они на него подали подозреніе, а до ихъ головъ, т. е. до него Панкова і его Яготинца, враги добираются означенной полковникъ Лесовицкій и протчіе ихъ согласники, на которыхъ отъ него, Яготинца, о интересе доносъ показаль, а назвалъ онъ онога Лесовицкаго и другихъ врагами, что по кресту всякъ христіанинъ на сатану врагъ, что жъ Севергина повели в застенокъ разыскивать, (то онъ, Яготинецъ, слышалъ отъ караульныхъ солдатъ), что оной Севергинъ приходя въ ту канцелярію на крыльце кричалъ: імѣеть де онъ, Севергинъ, довазатъ по 1 и 2 пунктамъ “ Далѣе Яготинецъ объясняетъ, что „куткомъ“ онъ называль домъ вице-губернатора Пассека, откуда ему присылали пищу и вообще Пассекъ, самъ участвовавшій въ этой комиссіи, оказываль ему, Яготинцу, всякое вниманіе.

Дальнѣйшіе вопросы и отвѣты подтверждаютъ, какъ уже замѣчено выше, что въ самой слѣдственной комиссіи было по крайней мѣрѣ двѣ партіи: на одной сторонѣ былъ Пассекъ, чуть ли не душа и творецъ всей этой слѣдственной кутерьмы, полковникъ Дуровъ, ихъ мелкіе клеветы, Панковъ и Яготи-

нецъ съ компаніей другихъ безыменныхъ сотрудниковъ, а на другой—Огаревъ, какой-то подполковникъ Чемезовъ, почему то секретарь и подъячіе, вѣроятно, той же бѣлгородской канцеляріи. Эта послѣдняя партія, равно какъ и генераль-аншефъ фонъ-Бисмаркъ были, повидимому, на сторонѣ полковника Левицкаго и, можно думать, вообще ахтырской полковой старшины. Яготинецъ въ своихъ письмахъ такъ и выражался, что ихъ враги (во главѣ которыхъ онъ, видимо, ставитъ Огарева) „всѣ вмѣстѣ одну думу думаютъ съ Чемезовымъ, секретаремъ и со всѣми подъячими“. Судя по содержанію вопросовъ комиссіи и отвѣтовъ Яготинца, можно полагать, что раскрытіе полной истины не составляло главной заботы ни вопрошавшихъ, ни отвѣчавшихъ. Можетъ быть, даже для самой слѣдственной комиссіи такіе люди какъ Панковъ и Яготинецъ были въ своемъ родѣ опасные субъекты, ибо они уже знали доносные пути и въ высшія сферы; а въ положеніи Яготинца чистая правда тоже не могла быть удобна, уже въ виду одной близости застѣнка. Вѣроятно, поэтому какъ вопросы, такъ и отвѣты многого не договаривали и, можетъ быть, даже стороны были довольны лаконизмомъ рѣчей, причемъ въ болѣе трудныхъ случаяхъ Яготинецъ многое сворачивалъ на свою „природную черкасскую простоту“.

Только уже въ августѣ 1751 года существовавшая въ Бѣлгородѣ слѣдственная комиссія „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и о прочихъ“ доносила въ прав. Сенатъ, что извѣстный намъ Павло Яготинецъ подалъ въ эту слѣдственную комиссію „извинительное доношеніе“, въ которомъ онъ объяснял, что прежніе его доносы въ Прав. Сенатъ, въ государственную юстицъ-коллегію и въ бѣлгородскую слѣдственную комиссію „на губернатора съ товарищи и на прочіихъ въ разныхъ обстоятельствахъ... чинены по наущенію статскаго совѣтника Пассека, по которымъ онъ ни въ чемъ доказать не можетъ“... и просилъ, чтобы „по всемъ поданнымъ отъ него на реченнаго губернатора съ товарищи доношеніямъ слѣдствія не производить“...

На этотъ разъ объясненія Яготинца были, повидимому, уже болѣе искренни, можетъ быть, даже и вполнѣ справедливы. Онъ разсказаль теперь уже объ извѣстномъ намъ прїѣздѣ Пассека въ Ахтырку зимой 1746 года, и о томъ, какъ во время этого прїѣзда онъ, Яготинець, пользуясь содѣйствіемъ какого то козака Прокофія Власова, объяснилъ Пассеку возникшія, по мнѣнію Яготинца, злоупотребленія со стороны служащихъ ахтырской полковой канцеляріи относительно „описныхъ Перекрестовскихъ селъ и деревень“ (какія то двѣ „фальшивыя инструкціи“), что, благодаря даннымъ старшиною Пассеку взяткамъ, онъ, Пассекъ, велѣль объ этомъ доносѣ какъ ему, Яготинцу, такъ и полковому писарю Кардашевскому и женѣ вышеназваннаго козака Власова „подъ страстіемъ“ молчать, а Кардашевскаго все таки, ради внушенія спасительнаго страха старшинѣ, чтобы вѣрнѣе вызвать ее на дачу взятки, продержалъ нѣкоторое время подъ карауломъ. Далѣе, Яготинець писалъ, что, видя молчаніе и бездѣятельность Пассека, онъ сдѣлалъ тотъ же самый доносъ „обретающемуся“ въ описныхъ Перекрестовскихъ деревняхъ капитану Ребинину, а потомъ въ бѣлгородскую губ. канцелярію „о техъ ихъ полковника Лесевицкаго с старшиною похищеніи денежной казны и въ разныхъ народныхъ обидахъ и налогахъ“...

Доносъ этотъ, по свидѣтельству самого Яготинца, не прошелъ даромъ. Ахтырскій полковникъ и старшина „были сысканы“ въ бѣлгородской губернской канцеляріи, гдѣ и слѣдствіе производилось, „и во многихъ ихъ не порядкахъ и интересѣ и приличіи“, но слѣдствіе это, объясняль Яготинець, къ окончанію не приведено. По этому дѣлу Яготинець сидѣль подъ карауломъ; а по освобожденіи изъ подъ караула въ томъ же 1746 г. статскій совѣтникъ Пассекъ, бывшій еще въ то время „присутствующимъ“, призвалъ Яготинца къ себѣ въ домъ и „только для одной съ г. губернаторомъ ссоры“ началъ говорить ему, что по его, Яготинца, доносу на ахтырскую старшину, вслѣдствіе происковъ губернатора Салтыкова, совѣтника Безобразова, прокурора Каминина „и прочихъ“ никакого слѣдствія не будетъ. При этомъ Пассекъ приказаль Яготинцу „только для одной

своей надобности для прошенія о нихъ ѣхать въ Москву и С.-Петербургъ“, общавши дать на дорогу все потребное. При этомъ Пассекъ говорилъ также, что въ Москвѣ и С.-Петербургѣ „на онаго губернатора Салтыкова с товарищи просителей и доносителей довольно; и какъ де по ихъ, такъ и по моему прошенію ихъ, губернатора и протчихъ, отъ своихъ мѣстъ отрѣшати, а будетъ—де онъ... Пассекъ (въ оной губерніи) губернаторомъ“.

Затѣмъ Яготинецъ подробно объясняетъ тѣ причины, которыя сдѣлали его послушнымъ орудіемъ Пассека: онъ, Яготинецъ, самъ лично слышалъ „обнадеживанія“ своего патрона, что онъ, Пассекъ, будетъ въ Бѣлгородѣ „настоящимъ губернаторомъ“ вмѣсто Салтыкова; что Салтыковъ, по словамъ Пассека, „чинитъ происки къ пользѣ ахтырской старшины“, а еще болѣе, писалъ Яготинецъ, онъ сталъ ревностнымъ слугою сановнаго патрона потому, что Пассекъ въ то время былъ „командиръ“ и поэтому Яготинецъ уже не могъ идти противъ его „повелѣнія“ и долженъ былъ отправиться въ Москву „для прошенія на онаго губернатора“.

Вся упомянутая выше доносная операція, какъ видно, была точно продѣлана въ Москвѣ Яготинцемъ и еще какимъ то крестьяниномъ Марковымъ, также по порученію Пассека, (согласно съ инструкціей Пассека онъ подалъ свое доношеніе въ контору Сената въ Москвѣ). Сенатъ снесся съ юстицъ-коллегіей, вслѣдствіе чего отъ губернатора Салтыкова „съ товарищи велѣно взять отвѣтъ“. Но Москвой не ограничилось доносное радѣніе Яготинца: хорошо вооруженный наставленіями своего патрона, онъ отправился еще въ С.-Петербургъ, гдѣ также подалъ въ Прав. Сенатъ „доношеніе“ и такимъ образомъ цѣль патрона была достигнута: изъ Петербурга получилось предписаніе въ бѣлгородскую слѣдственную комиссію „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи“ произвести по этому предмету изслѣдованіе.

Изъ своей доносной экспедиціи на сѣверъ Яготинецъ возвратился въ Бѣлгородъ въ концѣ іюля 1748 года, немедленно явился онъ въ домъ Пассека, гдѣ и прожилъ „на его коштѣ“ семь дней. По словамъ Яготинца, Пассекъ и въ это время былъ еще

„надъ бѣлгородскою губерніею командиромъ“, т. е. нужно предполагать, что по причинѣ нахождения подъ слѣдствіемъ губернатора Салтыкова, Пассекъ временно управлялъ губерніею. И вотъ въ это то время „командиръ бѣлгородской губерніи“ снисходилъ порой до крайне фамиллярной простоты въ обращеніи съ своимъ вѣрнымъ клеветомъ Яготинцемъ, какъ показываетъ, на примѣръ, такой рассказываемый Яготинцемъ фактъ. Пассекъ былъ въ это время крупнымъ землевладѣльцемъ чугуевскаго уѣзда: ему принадлежали здѣсь села Рогань и Салтово. Въ одномъ изъ этихъ сель проживалъ у Пассека маляръ Павелъ (фамиліи его Яготинецъ не припомнилъ). И вотъ этотъ маляръ, по заказу и композиціи Пассека, создалъ замѣчательную въ своемъ родѣ картину, которую Пассекъ удостоилъ показать и Яготинцу „въ единой себѣ похвалѣ, добавляя какавшійся доносчикъ, а надъ бѣдными (т. е. изображаемыми на картинѣ персонами) къ немалому... сумнительству“. На этой картинѣ были „написаны персоны“ соперниковъ Пассека: губернатора Салтыкова, коллежскаго совѣтника Безобразова, прокурора Коминина „и прочихъ, съ надписаніемъ надъ каждымъ срамныхъ и весьма укорительныхъ словъ, а себя“, откровенно продолжалъ Яготинецъ, „на особомъ мѣстѣ учиня и подписавъ въ прописи къ бытію губернаторомъ и называя себе защитителемъ“... По поводу созерцанія картины Яготинецъ наивно сознается, что это обстоятельство „пави зело привело (его) къ содержанію стороны Пассека“. При этомъ случаѣ „командиръ“ губерніи говорилъ Яготинцу: „Видишь! Не токмо я въ дѣлѣ и персонально ихъ на словахъ укоряю, но и персоны ихъ для единого ругательства и посмеянія пишу! Самъ же ты изо всего видишь, что имъ меня не перемочь, но я де ихъ перемогу и всехъ ихъ изъ Бѣлгорода выживу“.

Желая изобразить себя въ видѣ беззащитной жертвы Пассека, Яготинецъ, не измышляя, конечно, самихъ фактовъ, освѣщаль и толковалъ ихъ по своему, и при этомъ крайне умалялъ свою собственную добрую волю—быть или не быть доносчикомъ, ссылаясь, между прочимъ, и на то, что онъ долженъ былъ исполнять повелѣнія своего могучаго патрона, „яко черкаскаго

простаго народа человекъ“. По словамъ Яготинца, Пассекъ направлялъ удары своихъ подпольныхъ махинацій не только на ближайшихъ соперниковъ въ средѣ бѣлгородской бюрократіи, но успѣвалъ рыть ямы и далекимъ противникамъ: такъ, онъ преслѣдовалъ своей доносной интригой даже сенатскаго секретаря, какого то Судакова „и потому знатно не токмо кому въ дѣлахъ составы имѣлъ, но уже и ни къ чему непристойно означенное сочинялъ“.

По отрѣшеніи Пассека отъ присутствія въ бѣлгородской губернской канцеляріи и по выѣздѣ его въ Москву, Яготинецъ, „по знаемости и обнадеживанію“ почти ежедневно находился въ домѣ Пассека, при его женѣ и семействѣ, вмѣстѣ съ однодворцемъ Панковымъ и гренадеромъ Коневымъ. Все это были исполнительные агенты въ извѣстной уже намъ дѣятельности Пассека, и потому достаточно опытные люди въ этомъ дѣлѣ.

Въ это время уже сама жена Пассека всячески ободряла и обнадеживала „доносителей“, чтобы они „не робѣли“, по прежнему утверждала, что ея мужъ будетъ губернаторомъ, а Салтыкова отрѣшати; „къ тому-жъ обрѣтающійся въ оной комиссіи бывшій присутствующій полковникъ Дуровъ имель зъ женою онаго Пассека неразрывную дружбу, и всегда днемъ и вечеромъ ѣзживалъ къ показанной женѣ его“...

Какъ видно, жена Пассека сама была ревностной сотрудницей мужа въ излюбленной имъ спеціальной дѣятельности приказной интриги. Такъ, Пассекъ уже изъ Москвы прислалъ черновой образецъ доноса на какихъ то князей Трубецкихъ „и протчихъ якобы о винокурении въ противность указовъ и въ завладѣніи однодворческихъ земель“. Этотъ доносъ Пассекъ поручалъ Яготинцу переписать на бѣло и подать Дурову; но Яготинецъ объяснилъ теперь, что онъ всячески старался уклониться отъ этого доноса, такъ какъ самъ не зналъ ничего противозаконнаго за Трубецкимъ и „къ тому-жъ въ пользу его, Пассека, во многія постороннія доносы ввязался“. Въ виду такого колебанія Яготинца, г-жа Пассекъ прислала ему черезъ однодворца Панкова 50 коп. денегъ, а чрезъ гренадера Конева 8 бѣлыхъ овчинъ на шубу, всякихъ харчей и еще нѣсколько денегъ.

Значеніе полковника Дурова усиливалось еще и тѣмъ, что, по словамъ Яготинца, „по указу государственной военной коллегіи (ему, Дурову) поручены были въ ведомство всѣ слободскіе полки“. При такой-то обстановкѣ, говорилъ Яготинецъ, боясь быть обвиненнымъ за свой доносъ и на ахтырскую полковую старшину, „а болѣе отъ вышепоказанной... природной простоты черкасской“... онъ, Яготинецъ, подавалъ полковнику Дурову „многія доношенія... на губернатора Салтыкова съ товарищи и на протчихъ“. Подача этихъ доносовъ была организована весьма старательно: прежде формальнаго поступленія доноса, Дуровъ предварительно у себя въ квартирѣ разсматривалъ, такъ сказать, проектъ доноса и затѣмъ уже „по апробаціи веливалъ себѣ подавать“. Теперь только Яготинецъ, вспоминая всѣ эти „многія доношенія“, сознавался, что онъ не зналъ за губернаторомъ съ товарищи ничего изъ того, что было сочинено имъ въ доносахъ, и потому подтвердить эти доносы не можетъ ничѣмъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Яготинецъ и его сотрудники по доноснымъ дѣламъ, какъ видно, также возлагали всѣ свои упованія на многократныя обѣщанія супруговъ Пассековъ и ихъ преданнаго друга Дурова, въ томъ, что „дано будетъ наставленіе къ доказательству“, причемъ и Дуровъ „обязывался по комиссіи по тѣмъ доношеніямъ во всемъ помогать и служить“. Такимъ образомъ, когда въ послѣднее время фортуна стала измѣнять Пассеку, Яготинецъ самъ уже во всемъ выдавалъ своего прежняго патрона. Но зато онъ и теперь не отказывался отъ своихъ доносовъ на ахтырскую старшину вообще и полковника Лесевицкаго въ особенности. Положеніе Яготинца, видимо, было весьма затруднительно; такъ какъ неуспѣхъ его доноса оставлялъ его, какъ ахтырскаго обывателя, подъ „командой“ неосновательно оговоренной имъ полковой старшины. Такъ объяснялъ свою доносную дѣятельность Яготинецъ уже въ августѣ 1751 года, когда повернулъ уже спиной къ бывшему патрону. Въ сентябрѣ того же 1751 года бѣлгородская слѣдственная комиссія (все таки называвшаяся комиссіей о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и прочихъ) доносила въ правительствъ. Сенатъ, что „состоящій“ при этой комиссіи писарь

Яготинецъ подалъ „доношеніе“ на жену статскаго совѣтника Пассека Анастасію Яковлеву дочь и на бывшаго бѣлгородскаго магистрата президента Михаила Андреева „въ сочиненіи подписки“ однодворцевъ бѣлгородскаго уѣзда и другихъ городовъ и деревень, „и въ привлеканіи ихъ къ той подпискѣ приложить руки, яко бы они не желаютъ быть дѣйствительному статскому совѣтнику и бѣлгородскому губернатору Салтыкову въ оной губерніи губернаторомъ, а будто желаютъ быть оному Пассеку“, и кромѣ того, что супруги Пассеки составили еще новый доносъ, будто бы отъ имени уже упомянутаго нами гренадера лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Сидора Конева, опять таки на губернатора Салтыкова съ товарищи, причемъ этотъ доносъ назначался къ подачѣ ея императорскому величеству и въ сенатъ.

Въ этомъ послѣднемъ своемъ „доношеніи“ отъ 1751 г. Яготинецъ, между прочимъ, объяснилъ: вице-губернаторъ Пассекъ имѣлъ для своихъ доносныхъ дѣлъ (къ разнымъ въ составахъ доносамъ и челобитнымъ“...) „особливую затѣйную канцелярію“, при которой состояли „для письма многіе разные люди“. Эти „разные люди“ то привлекали своими извѣтами многихъ въ слѣдственную комиссію, то сами съ перемѣной вѣтра попадали въ передѣлку. Тутъ же Яготинецъ объяснялъ, какъ иногда агенты Пассека якобы сами подводили его на доносы обильными угощеніями и пріятельскимъ обращеніемъ, причемъ опять ссылается на свою „природную черкасскую простоту... а паче на незнаніе русскаго обходительства“. Онъ припоминалъ теперь, какъ одинъ доносъ на Салтыкова, будтобы продиктованный ему, Яготинцу, въ пьяномъ видѣ, однимъ изъ дѣятелей „затѣйной канцеляріи“ Пассека, съ вѣдома и тайнаго поощренія самого Дурова, былъ этимъ послѣднимъ почему-то отправленъ на украинскую линію къ генераль-маіору Лунину (или Лукину), отъ котораго по этому случаю получился ордеръ Дурову, чтобы Яготинца содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, чернилъ и бумаги не давать. Самое же письмо, т. е. доносъ Яготинца отосланъ былъ въ государственную коллегію, а затѣмъ въ правит. сенатъ.

На этотъ разъ Яготинець уже не щадилъ бывшихъ своихъ товарищей по доносу,—т. е. различныхъ „композиторовъ затѣйной канцеляріи“ бѣлгородскаго вице-губернатора, можетъ быть, и потому, что въ сентябрѣ 1751 г. онъ замѣтилъ уже явный перевѣсъ какой-то другой партіи въ слѣдственной комиссіи. Теперь Яготинець утверждалъ, что согласники и агенты Пассека—полковникъ Дуровъ, маіоръ Жилинъ, и прапорщикъ Дощечкинъ, „яко одного... съ Пассекомъ совѣту и нынѣ, къ оному Пассеку великую склонность имѣя, чинять частыя сходбища и общія денно и ночные совѣты въ домѣ онаго Пассека и невѣдомо какіе хитростію своею составы составляютъ, знатно ни для чего другаго только для единого того избывая явной своей вынности...“; при этомъ Яготинець добавлялъ, что Дощечкинъ и Жилинъ, „езживая на Болховець и въ другія мѣста, подбываютъ и научаютъ простой народъ однодворцевъ, составляя имъ вмѣстѣ съ полковникомъ Дуровымъ на господь оной комиссіи присутствующихъ некое затѣйное высшей апелляціи представленіе...“

Въ заключеніе Яготинець объясняетъ, что Пассекъ и его семья склоняла „въ свой фарватеръ или дорогу“ разныхъ чернорабочихъ „композиторовъ“, въ родѣ гренадера Конева и ему подобныхъ, путемъ лести, а также деньгами и харчевыми припасами... и просить выслать въ слѣдственную комиссію жену и сына Пассека и облегчить ему, Яготинцу, послѣдственное положеніе подъ крѣпкимъ карауломъ, дабы онъ не былъ безгласенъ, а могъ бы имѣть о себѣ свободный голосъ...“ и кромѣ того просить еще „за болѣзнію ногъ снять (съ него) желѣзы“, оставивъ его только подъ обыкновеннымъ присмотромъ слѣдственной комиссіи.

На этихъ фактахъ обрываются въ нашемъ „дѣлѣ“ всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ бѣлгородскаго „командира“ и его темныхъ подручниковъ. Только случайно и еще на одинъ моментъ освѣщается судьба Пассека, можетъ быть, чрезъ 2—3 года послѣ рассказанныхъ нами его дѣяній.

Извѣстно, что епископъ Юсафъ Горленко былъ на бѣлгородской каедрѣ съ 1748 по день смерти—въ концѣ 1754 года.

Авторъ „Описанія харьковской епархіи“, излагая ревностно-христіанскую дѣятельность этого архипастыря, приводитъ изъ его жизни, между прочимъ, такой случай. „Архипастырь, говоритъ нашъ авторъ, творилъ дѣла званія своего въ отношеніи къ несчастнымъ, не взирая на разсчеты человѣческихъ страстей. Генераль Богданъ Ивановичъ Пассекъ содержался въ Бѣлгородѣ подѣ карауломъ. Святитель, не входя въ его дѣло, послалъ къ нему кушанье со своего стола. Губернаторъ П. М. Сви-стунувъ счелъ это за защиту *государственнаго преступника*“ и захотѣлъ лично объяснить Іосафу всю неумѣстность его заботъ о важномъ подсудимомъ; но, какъ видно, Іосафъ вполне успокоилъ губернатора, заявивъ ему полную готовность довести объ этихъ своихъ дѣлахъ до свѣдѣнія самой императрицы ¹⁾).

Таковы были описанные нами въ случайныхъ и отрывочныхъ фактахъ дѣла и дѣтели въ Бѣлгородѣ и въ Ахтыркѣ; но въ этой мутной водѣ можно будетъ яснѣе разобраться только при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ прошлымъ нашей провинціальной жизни.

А. Ш.

¹⁾ Историко-статистич. описаніе харьков. епархіи отд. I, стр. 34.

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).¹⁾

VI. ²⁾

Смерть моей матери.— Домъ и семейство Северины Залевской.— Болѣзнь и смерть моего дяди, старосты бахтинскаго.

... Я получилъ эстафету съ извѣстіемъ, что моя дорогая мать заболѣла и что я долженъ какъ можно скорѣе возвратиться домой, такъ какъ хотя болѣзнь ея и не безнадежна, но она хочетъ видѣть меня возлѣ себя. Въ ту же ночь я выѣхалъ на почтовыхъ изъ Варшавы. Я засталъ мать очень слабой. Послѣ трехмѣсячныхъ страданій она скончалась на моихъ рукахъ.

Послѣ смерти матери собрался семейный совѣтъ изъ дяди по отцу и дядей по матери. Исполняя волю покойной, они занялись формальностями по утвержденію ея завѣщанія, и согласно выраженному мною желанію, чтобы сестры получили равныя со мною части въ имѣніи (хотя я имѣлъ по закону право на полученіе трехъ четвертей), члены семейнаго совѣта скрѣпили это рѣшеніе своими подписями, взявъ съ меня обѣщаніе, что я по достиженіи совершеннолѣтія признаю этотъ раздѣлъ предъ судомъ. Имѣніе тотчасъ было оцѣнено; суммы для моихъ сестеръ опредѣлены, а мнѣ досталось три села: Гальчинецъ, Агатовка и Сіомаки со всѣмъ инвентаремъ и домашней утварью. Изъ гар-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1891, 5.

²⁾ Опускаемъ подробности пребыванія Ч—го въ Варшавѣ.

дероба моей матери я взялъ, по горячимъ просьбамъ сестеръ, шубу изъ чернубурыхъ лисицъ и бриллиантовый перстень, принадлежавшіе моей бабкѣ и впоследствии очень мнѣ пригодившіеся.

Я занялся хозяйствомъ и этотъ трудъ, вмѣстѣ съ охотой, былъ единственнымъ моимъ развлеченіемъ; шумныя забавы я разлюбилъ и избѣгалъ многочисленныхъ собраний, но все таки бывалъ у сосѣдей, даже влюблялся, потому что кто же не влюблялся въ молодости. О женитьбѣ я не могъ и думать, такъ какъ былъ совсѣмъ еще молокососомъ. Я былъ сильно влюбленъ въ панну Северину Залевскую изъ Пилипъ, дочь маршалка Залевскаго, которая была старше меня нѣсколькими годами, обладала всѣми прелестями русалки, много читала и была большой энтузіасткой; мы постоянно разсуждали о Байронѣ, о Шекспирѣ и Вальтеръ-Скоттѣ. Она видѣла во мнѣ будущаго писателя и украинскаго рыцаря и всегда говорила, что я рожденъ для великихъ дѣлъ. Слушая это, я однажды такъ расхрабрился, что сказалъ ей, что люблю ее столько же, а можетъ быть и больше, какъ и моего „Долота“. У панны Северины было три тетки, старыя дѣвушки. Услышавъ такое своеобразное объясненіе, онѣ чуть не упали въ обморокъ. Я, однако, все таки стоялъ на своемъ и доказывалъ, что сравненіе съ „Долотомъ“ есть доказательство самой горячей и искренней любви, потому что съ „Долотомъ“ я никогда бы не разстался и никому бы его не отдалъ. Тетки кричали и называли меня варваромъ, но панна Северина вѣрила въ мою любовь.

У панны Северины, кромѣ упомянутыхъ трехъ тетокъ, было еще двѣ сестры, Юзефа и Роза. Очень часто въ Пилипахъ проживала графиня Гудовичъ съ тремя дочерьми и пани Туркулъ, также съ очень красивыми дочерьми.

Домъ Залевскихъ былъ очень пріятнымъ домомъ, гдѣ собиралось хорошее общество. Здѣсь много читали,—выписывались польскія и иностранныя періодическія изданія,—забавлялись, и танцовали. Душею общества былъ Игнатій Струмилло, котораго звали мѣшкомъ съ новостями, разсказами и островами.

Полковникъ Гудовичъ имѣлъ страсть къ игрѣ на віолончели, но игралъ такъ немилосердно, что приходилось затыкать

уши и убѣгать изъ комнаты. Это не мѣшало, впрочемъ, ему въ каждый прїѣздъ свой въ Пилипы давать концертъ на віолончели.

Бывалъ тамъ и Фелиціанъ Мясковскій изъ Бабушекъ, владѣлецъ оазиса среди сыпучаго песка, написавшій о себѣ:

Ja Felician z Babuszek i prozą i wierszem
Jestem poetą pierwszym.

(т. е. Я Фелиціанъ изъ Бабушекъ—первый поэтъ и въ прозѣ, и въ стихахъ), паннѣ Розѣ онъ посвятилъ слѣдующій акростихъ:

Róża ma zakalce,
On ma długie palce,
Żeby wyjąć zakalce,
A nie klucz palce.

(т. е. У розы есть шипы, а у него длинные пальцы, чтобы вынуть шипы и не уколоть пальцевъ) и былъ доволенъ, что начальныя буквы каждаго стиха составляли слово Róża, а когда Струмилло замѣтилъ ему, что не было значка надъ о и, слѣдовательно, не выходило Róża, то бѣднякъ такъ былъ опечаленъ, что поѣхалъ за совѣтомъ къ Константину Піотровскому, котораго называлъ патриархомъ поэтовъ, и въ Пилипы больше не возвращался.

Изъ другихъ посѣтителей замѣчательнѣе былъ Викентій Омецинскій. Прежде онъ отличался такимъ мягкимъ сердцемъ и такою нервностью, что не могъ взять въ руки ружья, а когда однажды увидѣлъ зайца, растерзаннаго борзыми, то удалилъ всѣхъ борзыхъ изъ села; при видѣ убитой курицы у него дѣлалось сердцебіеніе. Однажды нѣкто Тележинскій, бывший офицеръ польскихъ войскъ, человѣкъ самолюбивый и вспыльчивый, нанесъ тяжкое оскорбленіе его старику-отцу и сестрѣ. Омецинскій принужденъ былъ вызвать его на поединокъ. Секунданты, Янъ Омецинскій и Анастасій Дуинь, не могли окончить дѣло миромъ. Тележинскій упорно не хотѣлъ извиниться. Викентій Омецинскій, зажмуривъ глаза и отвернувшись, выстрѣлилъ и такъ несчастливо, что положилъ противника на мѣстѣ. Началось слѣдствіе. Омецинскій былъ приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты безъ выслуги, но, избѣгая наказанія, онъ уѣхалъ въ Грецію; тамъ онъ вступилъ въ ряды филѣллиновъ и сдѣлался храб-

рымъ солдатомъ; потомъ, безъ всякой протекціи, единственно во вниманіе къ его храбрости, онъ былъ принятъ во французскую армію и сдѣлался адъютантомъ генерала Шнейдера. Дослужившись до чина капитана и получивъ орденъ почетнаго легіона, онъ былъ помилованъ, по ходатайству короля Карла X. Анастасій Дунинъ также долженъ былъ эмигрировать за границу, а Янъ Омецинскій представилъ 24 свидѣтеля-шляхтича, которые подъ присягой показали, что видѣли его въ день поединка въ Бердичевѣ, и благодаря этому былъ оправданъ.

Едва окончился у насъ срокъ траура по матери, какъ получено было извѣстіе, что дядя мой Каэтанъ Чайковскій, староста бахтынскій и подкоморій венденскій, сильно захворалъ и лежитъ въ постели въ Ходоровѣ, селѣ радомысльскаго уѣзда.

Староста былъ бездѣтень; девяносто съ лишнимъ лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ и нажилъ милліоны, заключавшіеся въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и долговыхъ обязательствахъ. Хотя объ его болѣзни не было объявлено ни въ газетахъ, ни черезъ нарочныхъ, но всѣ наслѣдники съѣхались въ одинъ день. Никакая колонна самаго лучшаго войска не выполнила бы такъ блистательно форсированнаго марша, какъ эти наслѣдники—дѣти трехъ его братьевъ и двухъ сестеръ.

Ходоровъ былъ плохенькой полѣсской деревушкой, расположенной среди лѣсовъ и болотъ; колеса ломались, лошади портили себѣ ноги по дорогѣ туда, но мы все таки доѣхали,—кто захочетъ, тотъ и можетъ. Въ домѣ, или вѣрнѣе домикѣ о шести комнатахъ, крытомъ дранью, не было ни одного замка, ни одной желѣзной задвижки, хотъ староста былъ владѣльцемъ рудниковъ; вмѣсто стеколь въ окнахъ была вставлена пропитанная масломъ бумага или пузыри, хоти у старосты былъ обширный и прекрасный стеклянный заводъ. Въ домѣ вовсе не было мебели столярной работы; всѣ столы, стулья и скамейки были сдѣланы самымъ первобытнымъ образомъ, да и ихъ было немного. На стѣнахъ мучнымъ клейстеромъ были приклеены картины, изображающія сцены изъ исторіи блуднаго сына, безъ рамъ, безъ стеколь. Подъ этими картинами стояла скамья, гдѣ на сѣнникѣ, даже не покрытомъ простынею, лежалъ панъ ста-

роста; подъ головой у него была подушка со стараго козацкаго сѣдла, прикрытъ онъ былъ козацкой буркой, сильно полинявшей. Страдалъ онъ сильно, но каждаго изъ насъ узнавалъ и съ каждымъ здоровался.

Я привезъ съ собою искуснаго врача, доктора Клейна изъ Коростышева, и просилъ дядюшку, чтобы онъ позволилъ осмотрѣть себя. Сначала онъ не соглашался, говоря, что это повлечетъ за собою большія издержки, но послѣ того, какъ я поручился, что никакихъ издержекъ не будетъ и послѣ удостовѣренія доктора, что онъ его осмотритъ какъ пріятель, а не какъ врачъ, и никакого вознагражденія ни отъ него, ни отъ его наслѣдниковъ требовать не будетъ, староста въ припадкѣ жестокихъ мученій заговорилъ: „Охъ, если бы кто меня вылечилъ, далъ бы ему“... и послѣ паузы добавилъ: „два рубля серебромъ!“. И только тогда позволилъ себя осмотрѣть. Докторъ Клейнъ сообщилъ намъ, что уже нѣтъ никакой надежды, что гангрена распространилась до живота и никакая операція невозможна. Послѣ осмотра староста позвалъ своего стараго слугу Данила и велѣлъ ему сосчитать сколько насъ всѣхъ. На его отвѣтъ, что тридцать восемь, а докторъ тридцать девятый, староста довольно громкимъ голосомъ сказалъ:

„Возьми ту черную курицу, что нѣсколько дней тому назадъ поймали на потравѣ, зарѣжь ее и свари имъ супъ, да не жалѣй воды! Теперь жарко,—не слѣдуетъ объѣдаться“.

Никто изъ насъ не былъ смущенъ этимъ, но противно было видѣть такую скарденность при такомъ богатствѣ.

Пока староста умиралъ, Симфоріанъ Чайковскій, отставной гусарскій ротмистръ, который привезъ съ собою хорошаго повара, отперъ погреба и кладовыя, безъ всякаго протеста со стороны Данила, перешедшаго совершенно на сторону ротмистра, и нашель тамъ головы сахару, пряности, старое вино и все, чего только душа пожелаетъ, сваленнымъ въ кучи. Это были залого и подарки старостѣ отъ евреевъ, которые занимали у него деньги. Нашлось и столовое бѣлье, и серебро, и хрусталь, и фарфоръ. Въ кухнѣ запылалъ огонь, въ хлѣбномъ амбарѣ былъ накрытъ столъ. Въ то время какъ староста мучился и

умираль, а ротмистръ, гордый своимъ успѣхомъ, прохаживался и поглядывалъ на приготовленія, одинъ изъ наслѣдниковъ, нарядившись въ шубу и шапку больного, медленнымъ шагомъ направился къ амбару. Увидѣвъ его, ротмистръ страшно перепугался и со словами: „Всякое дыханіе да хвалить Господа!“ пустился бѣжать и спрятался въ конопль, будучи въ полной увѣренности, что староста поднялся со смертнаго одра. Едва нашли его послѣ смерти старосты, который скончался къ вечеру въ ужасныхъ мученіяхъ.

Еще передъ ужиномъ, въ присутствіи прибывшихъ судьи, подсудка, писаря и нѣсколькихъ сосѣдей, было вскрыто и прочитано завѣщаніе старосты. Завѣщаніе это было такъ же странно, какъ странна была и вся жизнь моего дядюшки.

Имущество было раздѣлено на четыре части. Первая изъ нихъ была завѣщана потомкамъ полковника Михаила Чайковскаго, т. е. двумъ его сыновьямъ—Проту и Симфоріану, съ оговоркой, что такъ какъ послѣдній ведетъ распутную жизнь и извѣстенъ за неисправимаго расточителя, то онъ не получитъ своей части въ распоряженіе, а будетъ пользоваться только процентами и находится подъ опекой своего брата Прота. Подъ опекой же будутъ находиться и дѣти, и внуки Симфоріана Чайковскаго, и только правнуки, если семейный совѣтъ признаетъ, что они не унаслѣдовали дурныхъ качествъ своего предка, получаютъ слѣдующую имъ часть въ полное распоряженіе.

Вторую часть староста завѣщалъ потомкамъ Крыштофа Чайковскаго: четверемъ сестрамъ и брату поровну, потому что Эдуардъ Чайковскій занимался игрой на віолончели, а не былъ военнымъ, какъ его отецъ. Для віолончелиста де достаточно и и пятой части.

Третья часть досталась потомству Станислава Чайковскаго, т. е. мнѣ и моимъ тремъ сестрамъ, притомъ мнѣ три четверти, а сестрамъ четвертая—въ награду за то, что я допустилъ сестеръ къ равному участию при раздѣлѣ имѣнія, доставшагося отъ родителей, и за то, что я довелъ хозяйственную экономію до неслыханной до тѣхъ поръ степени совершенства, облагая охотничьихъ собакъ панциной и тѣмъ опровергнувъ Завишу

Черниковскаго, утверждавшаго, что если бы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно уже взяли бы ее въ аренду ¹⁾—дядюшка не любилъ Завиши Черниковскаго, какъ соперника въ дѣлѣ накопленія богатства.

Четвертая часть была предназначена потомству двухъ сестеръ старосты—пани Дзвонковской и пани Барановской.

Имущество стоило около восьми миллионъ и заключалось въ земляхъ и въ обязательствахъ. Были процессы, подчасъ удивительные, какъ напр. съ какимъ то паномъ Михальскимъ, который жаловался, что староста продалъ ему изъ чудновскихъ лѣсовъ три тысячи корцевъ орѣховъ, изъ которыхъ двѣ тысячи корцевъ оказалось свистуновъ (пустыхъ).

Курьезнѣе всѣхъ былъ процессъ съ Несторомъ Барановскимъ, который, будучи долженъ старостѣ 300,000, присужденныхъ ко взысканію съ его имѣнія, захватилъ за какую то претензію въ 12,000, купленную у какого то кредитора старосты, Чудновскую Гуту, дававшую 400,000 годоваго дохода, и владѣлъ ею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, да еще подсмѣивался надъ старостой, говоря: „Тогда увидишь свою Гуту, когда у меня выростутъ на ладони волосы!“

Части недвижимаго имущества были тотчасъ выдѣлены, а взысканіе долговъ поручено Проту Чайковскому. Я, какъ сынъ самаго младшаго брата, имѣлъ право выбора части. Я выбралъ Чудновскую Гуту, принадлежавшую прежде банкиру Теперу и Проту Потоцкому, съ селами: Чайковкой, Сенявкой, Крутымъ Потокомъ и Быковкой; тамъ было двѣ съ половиной тысячи душъ вольныхъ поселенцевъ, четыреста пятьдесятъ *волокъ* ²⁾ лѣсу, изъ котораго триста волокъ было мачтоваго, годнаго для бочарнаго дѣла и даже постройки цѣлыхъ кораблей. Лѣсъ этотъ былъ надъ Случью. Стекланный заводъ (Гута) былъ самый лучший и самый доходный во всемъ юго-западномъ краѣ, а издѣлія его были образцовыми. Въ Сенявѣ тоже былъ заводъ, въ Чайковкѣ и Крутомъ Потокѣ—желѣзные рудники, а въ Бы-

¹⁾ См. „Кіев. Старина“.—Январь.

²⁾ Волоска—30 морговъ, т. е. болѣе 20 десятина.

ковкѣ производилась обработка мѣсныхъ матеріаловъ, тамъ же было одиннадцать волокъ пущи, гдѣ была столица лосей надслучанскаго полѣсья.

Не теряя времени, я поѣхалъ съ гальчинецкими козаками въ мои новыя владѣнія. Тамъ я засталъ Нестора Барановскаго. Безъ всякихъ разсужденій я велѣлъ козакамъ выбросить его вещи за окно, а его самого и его людей выпроводить за предѣлы моихъ владѣній, возному же велѣлъ завтра принять управление имѣніемъ отъ моего имени. Барановскій не оказалъ никакого сопротивленія и только все повторялъ: „Такъ таковъ ты сынку, настоящій внучекъ стараго Гленбоцкаго!“ Вечеромъ того же дня онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гости. Я принялъ его радушно, по помѣщичьи. Онъ смѣялся: „Вижу, что ты не бахтынецъ, а забіяка; воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Не будемъ тягаться, какъ жида, а будемъ жить, какъ братья“. И съ тѣхъ поръ мы были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ и не вели другъ съ другомъ никакихъ процессовъ.

На собраніи наслѣдниковъ старосты бахтынскаго совѣщались, кому поручить управление имѣніями до законнаго утвержденія во владѣніи. Были между наслѣдниками и люди солидные, хорошіе хозяева, но былъ и Симфоріанъ Чайковскій, который уже три раза спустилъ до послѣдняго гроша значительныя имѣнія; въ первый разъ его выручило наслѣдство послѣ президента Проскуры, во второй—послѣ генеральши Герличъ. Теперь, когда онъ пріѣхалъ въ Ходоровъ, у него не было ничего кромѣ четверки лошадей, кареты и полтинника денегъ, какъ передавалъ мнѣ онъ самъ, прибавляя, что расчитывалъ захватъ въ Гальчинецъ и тамъ ожидать смерти старосты. За нѣсколько дней передъ этимъ, сведя счеты съ братомъ Протомъ, онъ отдалъ ему наслѣдственную деревню Минійки и, за уплатой долговъ, получилъ отъ него еще тысячу голландскихъ дукатовъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Радомысль и тамъ, какъ повѣтовый хорунжій, угощалъ дворянство, пока у него не остался только полтинникъ, съ которымъ онъ и намѣревался отправиться въ Гальчинецъ, когда до него дошла вѣсть о болѣзни дядюшки; тогда онъ поѣхалъ въ Ходоровъ. Здѣсь

онъ устроилъ лукулловскій пиръ на поминкахъ старосты и этимъ снискалъ расположеніе наслѣдниковъ. Первая Феодосія Третьякова предложила, чтобы Симфоріана сдѣлать управляющимъ, такъ какъ у него нѣтъ ничего и онъ доказалъ свое умѣнье хозяйничать. Сестра ея съ жаромъ поддержала это предложеніе. Когда стали пить тосты, наслѣдники одинъ за другимъ стали просить Симфоріана принять на себя управленіе. Одинъ только его братъ Протъ сопротивлялся этому, но среди общихъ криковъ: „просимъ! просимъ!“, при звонѣ стакановъ, и онъ махнулъ рукой:

— Пусть и такъ будетъ!

И панъ Симфоріанъ сдѣлался распорядителемъ нераздѣленнаго имѣнія. Ему дали Ходоровъ, чтобы было гдѣ ему жить, и мѣстечко Торчинъ на Волыни, чтобы было откуда добывать на житье денегъ. Въ два мѣсяца онъ растратилъ доходы, распродалъ движимость, надѣлалъ долговъ и, наконецъ, пустилъ себя пулю въ лобъ въ корчмѣ, куда заѣхалъ по дорогѣ.

Этотъ семейный совѣтъ, эта оцѣнка, этотъ выборъ, равно какъ и исходъ всего этого—въ маломъ видѣ былъ изображеніемъ того, что дѣлали поляки въ своихъ дѣлахъ.

VII.

Фабрики и промыслы, учрежденные Протомъ Потоцкимъ.—Вольные поселенцы.—Освященіе воды въ Кіевѣ.—Городская милиція.—Контракты.—Северный Польковский.—Брусилловъ.

Я сдѣлался владѣльцемъ многихъ помѣстій, но требовались издержки, необходимо было серьезно заняться этимъ новымъ родомъ хозяйства. Мой зять Карлъ Ружицкій вышелъ въ отставку и взялъ на себя управленіе фабриками во вновь унаслѣдованныхъ имѣніяхъ, а Гальчинецъ доставлялъ необходимые деньги и хлѣбъ.

Чудновская Гута была основана въ послѣдніе годы правленія королей саксонской династіи графомъ Протомъ Потоцкимъ, который первый изъ поляковъ началъ фабрично-предпринимательское и торговое хозяйство въ большихъ размѣ-

рахъ, и банкиромъ Теперомъ, который былъ компаньономъ Потоцкаго. Выписаны были изъ Чехіи мастера; рѣзчики и рабочіе, и стеклянный заводъ сразу былъ поставленъ самымъ прекраснымъ образомъ. Это товарищество владѣло почти всѣми лѣсами по Тетереву и по верхней Случи, Чудновымъ и Мурованой Махновкой съ прилегающими селами, что составляло громадную площадь. Кромѣ главнаго стекляннаго завода, были устроены еще меньшіе, возобновлены старинныя желѣзоплавильни и заведены лѣсопильни. Край зажилъ новой жизнью, до тѣхъ поръ ему невѣдомой, мѣстныя природныя богатства открывались одно за другимъ, рабочіе съ ихъ семействами стекались со всѣхъ сторонъ. Пустынные дотолѣ пущи и болота покрывались новыми поселеніями, уже извлекались громадные доходы, а край казался будущимъ Эльдorado или Калифорніей, когда наступили религіозныя смуты, царствованіе Станислава-Августа Понятовскаго съ наѣздами, бунтами, возстаніями гайдамаковъ, конфедераціями, кончившееся раздѣломъ Польши. Всѣ эти неурядицы и потрясенія особенно сильно отозвались на юго-западной Руси, присоединенной Ягеллонами къ Польшѣ. Фабричное производство, уже доведенное до высокой степени совершенства, не могло устоять, пало и произошло распаденіе этого огромнаго имѣнія. Большія помѣстья образовались на мѣстѣ этого фабричнаго округа, но промышленность захирѣла. Достаточно было проѣхать по мѣстности, гдѣ были расположены заводы Прота Потоцкаго, и подумать о его дѣятельности, чтобы признать, что онъ былъ первымъ, а можетъ быть и единственнымъ, полякомъ—предпринимателемъ во имя добра, народнаго обогащенія, во имя будущаго. Онъ не пускался въ спекуляціи, которыми онъ или товарищество могли нажить большія деньги, какъ впоследствии вошло въ обыкновеніе между польскими магнатами, бравшими примѣръ съ англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, напротивъ, онъ добывалъ богатства изъ земли и давалъ ихъ народу, ради будущаго промышленнаго развитія и обогащенія края, и потому, хотя о немъ ничего не было пи-

сано, но его долго помнили въ народѣ и старики, и дѣти, и часто говорили: „такъ велѣлъ дѣлать панъ Протъ Потоцкій“.

Карль Ружицкій, какъ я узналъ впоследствии, былъ хорошимъ воиномъ, но онъ оказался также и незауряднымъ хозяиномъ, что доказалъ управляя новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ привелъ стеклянный заводъ въ его прежнее прекрасное состояніе. Вольные поселенцы получили заработки и положеніе ихъ улучшилось.

Положеніе этихъ вольныхъ поселенцевъ было значительно лучше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ, даже тѣхъ, которые принадлежали добрымъ и справедливымъ помѣщикамъ. Одно сознаніе, что они не принадлежатъ пану, который можетъ торговать ими и распорядиться ими по произволу, придавало имъ извѣстное достоинство и возбуждало стремленіе къ просвѣщенію. Я не зналъ ни одного изъ мастеровъ, который не умѣлъ бы читать, писать и считать. Эта группа вольныхъ поселенцевъ какъ бы намѣренно была заброшена сюда, чтобы приготовить пановъ и хлоповъ, владѣльцевъ и подданныхъ, къ перемѣнамъ, которыя, какъ слѣдовало предвидѣть, должны были произойти. Однимъ словомъ, это была какъ бы приготовительная школа и наглядное доказательство того, что и безъ крѣпостныхъ, можно было хозяйничать и извлекать доходы.

Русское правительство это хорошо понимало, но помѣщики-поляки не хотѣли уразумѣть этой истины.

Во время жаровъ на стеклянныхъ заводахъ работаютъ большею частью по ночамъ, и тогда заводъ кажется адомъ. Говорить, что іезуитъ Ротанъ, который проживалъ нѣкоторое время въ Романовѣ, прежде чѣмъ сдѣлался генераломъ ордена іезуитовъ въ Римѣ, осматривая чудновскій заводъ вмѣстѣ со второй женой сенатора-кардинала Илинскаго, урожденной Кракъ, сказала ей:

— Если бы адъ былъ таковъ, то еще полбѣды,—эти дьяволы имѣютъ видъ добрыхъ чертей. Панъ сенаторъ-кардиналъ могъ бы послать графиню сюда, это было бы полное очищеніе и разрѣшеніе отъ грѣховъ.

Графиня усмѣхнулась, но не тому что говорилъ иезуитъ, а вспомнивъ торжество, устроенное въ этихъ же лѣсахъ въ ея честь гусарами 3-й дивизіи.

Быль морозъ въ 24 градуса. Мѣсяць и звѣзды свѣтили ярко. На прогалинѣ, среди сосноваго бору была устроена изъ ледяныхъ плитъ огромная зала съ кабинетами по бокамъ. вмѣсто потолка былъ небесный сводъ. Полъ и сидѣнья были покрыты драгоцѣнными персидскими и турецкими коврами. Посреди этой огромной залы пылали смолистыя сосновыя колоды; огонь былъ урегулированъ такъ, что было тепло, какъ весной или въ началѣ осени, а освѣщена была зала такъ ярко канделябрами въ видѣ огненныхъ звѣздъ, что можно было видѣть всякую пылинку на коврѣ. Въ углахъ залы было помѣщено 4 гусарскихъ оркестра, игравшихъ одновременно. Генералъ Тыманъ и полковникъ Норвидъ, оба литвины, дѣти пуци, были хозяевами на этомъ пиршествѣ. Всѣ сосѣди были приглашены сюда. Танцовали, забавлялись, а подъ конецъ принесенъ былъ серебряный котелъ и въ немъ приготовленъ пуншъ; онъ былъ выпить и гусарскій праздникъ получилъ названіе гусарскаго пунша. Этотъ праздникъ, какъ я сказалъ, былъ устроенъ въ честь графини Илинской.

На этомъ гусарскомъ праздникѣ я познакомился съ Францискомъ Киреоромъ, въ то время подпоручикомъ 4-го полка польскихъ конныхъ егерей, пріѣхавшимъ на этотъ праздникъ съ подсудкомъ Садовскимъ, своимъ зятемъ, который былъ повѣреннымъ моего дяди, а потомъ моимъ. Мы очень сошлись другъ съ другомъ, хотя онъ былъ старше меня на нѣсколько лѣтъ. Никто изъ насъ и не предчувствовалъ тогда, что судьба снова сведетъ насъ вмѣстѣ уже въ иной странѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕТМАНЪ ДАНИИЛЬ АПОСТОЛЪ ВЪ РОЛИ КОЛОНИЗАТОРА.¹⁾

Съ переворотомъ Хмельницкаго, вызваннымъ главнымъ образомъ экономическими и соціальными причинами, во внутренней жизни Лѣвобережной Малороссіи начинается новая эра; всѣ прежніе порядки были „скасованы“ козацкой саблей.

Не послѣднюю роль въ этой новой исторіи Украины играла и колонизація края со всѣми ея послѣдствіями. При различныхъ условіяхъ она принимала различные виды—свободная „займанщина“ уступала мѣсто владѣльческой колонизаціи въ формѣ „осады слободъ“ на владѣльческихъ земляхъ. Хотя право на землю (верховное, такъ сказать), съ изгнаніемъ поляковъ, и перешло къ „войску“, но никто изъ представителей „войска“ не препятствовалъ этой колонизаціи, устремившейся на опустѣлыя земли.—Земли были „свободны“ въ понятіи народа, и на этой-то почвѣ, на „заимкѣ“ этихъ свободныхъ земель, выросло и первоначальное право поземельной собственности въ Украинѣ.—Это право надолго сохранилось въ памяти малороссійскаго народа, и въ своихъ спорахъ съ нарождавшейся земельной аристократіей, онъ долго еще обосновывалъ его на первоначальной свободной „заимкѣ“.

А земельная аристократія нарождалась довольно интенсивно. Мы уже упоминали, что верховное право на землю принадлежало „войску“. Гетманъ, какъ высшій представитель этого

¹⁾ Въ основу настоящей замѣтки положено „дѣло“ харьковскаго историческаго архива подъ № 3383; приняты во вниманіе также и печатные источники и пособия; ссылки на нихъ читатель найдетъ далѣе.

войска и страны, широко пользовался этимъ правомъ и щедрою рукой производилъ раздачу земель, какъ „на рангъ“ старшинѣ, такъ и за старыя заслуги. Самъ онъ также получалъ „на рангъ“ громадные земельныя богатства. Такимъ образомъ, масса земель очутилась въ рукахъ старшины и державцевъ, и „займанщина“, въ своемъ первоначальномъ видѣ, должна была ослабѣть. Между тѣмъ населеніе было еще рѣдкое. Державцы, обладая земельными богатствами и недостаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, очень хорошо сознавали этотъ недостатокъ. И вотъ на этой почвѣ выросла новая система заселенія страны—„осадою“ слободъ на владѣльческихъ земляхъ.

Посмотримъ теперь, откуда набирались поселенцы этихъ слободъ. Уже изъ гетманскихъ универсаловъ конца XVII и первой четверти XVIII вѣка видно, что кромѣ „тяглыхъ“ крестьянъ, т. е. обладавшихъ осѣдлостью (пахатной землей, усадьбой, скотомъ и т. д.), были еще и необладавшіе осѣдлостью—„лезные“. Откуда могъ взяться въ Малороссіи этотъ безземельный классъ? Съ одной стороны это были „захожіе“—изъ Литвы, Великороссіи и правобережья, а съ другой—и люди мѣстные, предпочитавшіе покидать свои осѣдлости, вслѣдствіе возрастающихъ повинностей державцамъ. Вотъ съ этими то двумя элементами и предпочитали имѣть дѣло державцы.—Державцы привлекали поселенцевъ на слободы разными льготами; эти льготы, или „слободы“ давались имъ на извѣстный срокъ 5—10 лѣтъ. Но по минованіи этого срока, слобожане оказывались въ очень невыгодномъ положеніи: безправные на чужой землѣ и ставшіе сразу въ обязательныя отношенія къ державцѣ, они были, конечно, гораздо слабѣе коренного населенія, и гораздо легче попадали въ трудовую и личную зависимость отъ землевладѣльца (такъ, первыя купли крестьянъ въ Малороссіи были купли слобожанъ¹⁾).

Вотъ къ какимъ результатамъ приводила въ концѣ концовъ эта „слобода“.

Гетманъ въ Малороссіи былъ съ одной стороны высшимъ представителемъ власти, а съ другой крупнымъ поземельнымъ

¹⁾ См. А. М. Лазаревскаго „Посполитые въ Малороссіи“, стр. 97.

собственникомъ, интересы котораго. вполнѣ совпадали съ интересами козацкой старшины. Такъ было и въ дѣлѣ заселенія слободъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется дошедшій до насъ документъ харьк. ист. архива, и нѣкоторые другіе источники.

Еще въ бытность свою миргородскимъ полковникомъ, Даниилъ Апостолъ не отставалъ отъ остальной старшины въ увеличеніи своихъ земельныхъ угодій. Онъ скупалъ земли въ Хомуцѣ, Сорочинцахъ и т. д., заселяя ихъ слободами. Такъ онъ поселилъ слободу въ урочищѣ Шарковщинѣ (около Кибинца), село Фидровку и Пустовойтово.—Въ 1689 г. онъ получилъ универсалъ на Хомутецъ, Бакумовку, Фидровку, а въ 1690 г. эти маестности были укрѣплены за нимъ царской грамотой. Въ 1710 г. онъ получилъ еще грамоту на нѣкоторыя маестности въ Полтавщинѣ и Черниговщинѣ ¹⁾).

Сдѣлавшись гетманомъ, Апостолъ продолжалъ увеличивать свои земельныя богатства, а въ 1729 г. опять сталъ осаживать слободы на скупленныхъ земляхъ.

Кромѣ ранговой собственности, гетманъ могъ имѣть и личную, приобрѣтенную различными путями, между прочимъ и скуплей земель.—Но все же общій характеръ гетманскихъ владѣній былъ ранговый, пожизненный.

Изъ описи имѣній ²⁾, принадлежавшихъ гетману Даниилу Апостолу на булаву, на кухню и т. д., составленной по указу императрицы кн. Шаховскимъ, видно, что населеніе этихъ имѣній несло тѣ же денежныя и натуральныя повинности, что и во владѣльческихъ имѣніяхъ. Можно только заранѣе сказать, что личная зависимость въ гетманскихъ владѣніяхъ была слабаѣ. И дѣйствительно, изъ упомянутой описи видно, что главныя статьи дохода доставляли чиншевыя, несшіе денежныя, и тяглыя, несшіе смѣшанные повинности (денежно-натуральныя); болѣе бѣдное населеніе (пѣшіе и т. д.) было обложено меньшими денежными и натуральными налогами. Немало было и такихъ, которые не отбывали никакихъ повинностей (напр. подсуздки).

¹⁾ См. Русскій Архивъ 1875 г., т. I, стр. 93.

²⁾ См. Судіенко. Матеріалы для отеч. исторіи, т. I. ч. III.

Почти весь штатъ служащихъ былъ наемный. Въ личной зависимости были бояре, состоявшіе на посылкахъ, отбывавшіе сторожу при замкахъ и т. п.—Но все же личная зависимость была очень незначительна.

Что же могло заставить гетмана обратиться къ „осадѣ“ слободъ?

Конечно, это былъ тотъ же личный расчетъ, какимъ руководствовались въ данномъ случаѣ и его современники-державцы: купивъ въ *личную* собственность грунты и не имѣя достаточнаго количества рабочихъ рукъ для эксплуатаціи этихъ грунтовъ, онъ предпочиталъ имѣть дѣло со слобожанами.

Вотъ почему въ 1729 г. гетманъ Д. Апостоль поручилъ мглинскому сотнику Алексѣю Есимонтовскому скупать на его имя грунты, намѣреваясь осадить слободы, въ стародубскомъ полку, въ мглинской сотнѣ, за рѣкою Ипутью.

Стародубскій полкъ составлялъ часть Сѣверщины, а этой части лѣвобережной Украйны вообще не посчастливилось. Яблоко раздора между Москвой и Литвой, она по Деулинскому перемирію отошла опять къ Рѣчи Посполитой.—Заведенные здѣсь во время владычества Москвы порядки, поляки не замедлили замѣнить своими. Присланные для разслѣдованія поземельныхъ владѣній польскіе чиновники въ большинствѣ случаевъ подѣлались мѣстными землевладѣльцами, и московскіе „боярскіе дѣти“ были замѣнены польскими панами. (Такъ, напр., Н. Абрамовичу принадлежалъ Мглинъ съ округомъ, Ал. Пясочинскому—Погаръ, Новгородъ-Сѣверскъ, Глуховъ и т. п. См. А. М. Лазаревскій „Описаніе старой Малороссіи, т. I).

Охватившее всю Украйну возстаніе 1648 г., хотя нѣсколько позднѣе, коснулось и Сѣверщины. Послѣ пораженія поляковъ подъ Батогомъ, народъ болѣе энергично поднялся на пановъ, не остановился и передъ короннымъ литовскимъ войскомъ, и оно было изгнано изъ Стародуба. Въ 1654 г. Сѣверщина, вмѣстѣ со всей Украйной, была присоединена къ московскому государству.

Державческое землевладѣніе развивалось здѣсь болѣе интенсивно, чѣмъ въ остальной Украйнѣ.

Сѣверщина привлекала не земельными богатствами, (такъ какъ почва здѣсь скудная), а различными побочными промыслами. Такъ здѣсь было очень развито бортное пчеловодство, было много лѣса, добывалась селитра и т. п. Кромѣ того, эта страна была неравномѣрно заселена. Особенно рѣдео было населеніе въ Поипутьи, въ предѣлахъ мглинской сотни, такъ какъ эта мѣстность была почти сплошь покрыта лѣсами. Заселеніе Поипутья продолжалось почти весь XVIII вѣкъ ¹⁾).

Вотъ въ этой то мѣстности выступилъ и гетманъ въ роли колонизатора, поручивъ, какъ мы уже упоминали, скупать землю Ал. Есимонтовскому ²⁾. Въ томъ же 1729 г., Ал. Есимонтовскій извѣщалъ гетмана, что онъ скупилъ уже на его долю часть грунта далисцкаго и дроковскаго, лежащаго за Ипутью. Кромѣ того предлагалъ „для прислуги“ и свой грунтъ въ урочищѣ Ловчомъ, между рѣчками Кременцомъ и Ржачей, въ мѣстности лѣсной, удобной для бортнаго пчеловодства и „сказуютъ угодное будетъ на слободу“. Въ свою очередь, дроковскій козакъ Стефанъ Фирса, предлагалъ и свой грунтъ отчинный „з землею, двома стами бортными деревьями.... обширне сягаючій“, желая взамѣнъ его „общаго пашенного кгрунту въ селидбенихъ пляцахъ шість шостокъ“. Этотъ грунтъ, который хотѣлъ получить Фирса взамѣнъ своего, находился въ селѣ Новомъ Дроковѣ, во владѣннй „захожихъ“ людей изъ маетности Хр. Романовской, по грамотѣ императрицы, но былъ ими проданъ хорунжему Мартину Лишню за 100 золотыхъ, которые Лишень далъ имъ на церковь. По разсмотрѣннй оказалось, что Лишень и такъ скупилъ уже очень много грунтовъ въ разныхъ селахъ „з жилими людьми“, а потому гетманъ счелъ себя въ правѣ издать универсалъ, запрещавшій Лишню дальнѣйшую скуплю грунтовъ, запретилъ ему также и „приворочать“ въ подданство людей. Между прочимъ, относительно купленнаго Лишнемъ грунта у новодроквцевъ, рѣшилъ такъ: отдать, въ свою очередь, имъ 100 золо-

¹⁾ См. Лазаревскій. Опис. ст. Малороссіи, т. I, стр. 324.

²⁾ Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 3383.

тыхъ на церковь, а грунтъ этотъ отдать Фирсѣ взамятъ его грунта. Вопросъ рѣшался просто.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу купчихъ и изъ предыдущаго выясняется, какого рода грунта предназначались гетманомъ подъ слободы. Кромѣ грунта Ал. Есимонтовскаго, Фирсы и еще нѣкоторыхъ крупныхъ владѣльцевъ, это были по большей части грунта жителей села Н. Дрокова и нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ селъ. Н. Дроковъ былъ свободнымъ войсковымъ селомъ и до Апостола находился въ вѣдѣніи мглинской ратуши. Мѣстная старшина скупила постепенно грунты у ново-дроковцевъ ¹⁾, и самъ гетманъ, какъ видимъ, дѣлалъ тоже самое: къ дѣлу приложено 16 купчихъ „урядовыхъ“ на грунта мѣстныхъ жителей.

Вслѣдъ затѣмъ для осмотра этихъ скупленныхъ на имя гетмана грунтовъ были посланы особыя лица: бунч. тов. Парф. Пекалецкій, Ст. Уманецъ, городской глуховскій атаманъ, и еще нѣкоторыя другія. Имъ выдана была гетманомъ особая инструкция, по которой они должны были дѣйствовать. Вотъ что они должны были сдѣлать: осмотрѣть купленные на гетмана грунта (отчинные и сѣнокосные), будутъ ли они удобны подъ слободу, сколько дворовъ тамъ можно осадить, донести какова величина („обширность“) этихъ грунтовъ; осмотрѣть и выбрать мѣсто подъ греблю и подъ млинъ, есть-ли тамъ рѣчки и какія („тягучіе или весняніе“).—Они же должны были осмотрѣть въ томъ же порядкѣ и грунтъ Ал. Есимонтовскаго (въ урочищѣ Ловчомъ), донести гетману стоятъ ли всѣ эти грунта тѣхъ денегъ, какія за нихъ заплачены по купчимъ,—и, наконецъ, разслѣдовать дѣла по всѣмъ челобитнымъ отъ мѣстныхъ жителей гетману (большинство этихъ „супилѣкъ“ возникло вслѣдствіе захватовъ земель мѣстною старшиной). Въ своихъ розыскахъ они должны были руководствоваться показаніями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей („розыскать вправду якъ посилянами тамошними, такоже и покрестными людьми“).

Изъ послѣдующаго хода дѣла видно, что гетманскіе уполномоченные признали удобными эти грунта подъ слободы.

¹⁾ См. Лазаревскій. Оп. стар. Малороссіи, т. I, стр. 357.

Самое дѣло „осады“ слободъ Далисичи и Дрокова и досмотра за ними было поручено особымъ осадчимъ и досмотрщикамъ (Тимофею и Мартыну Лишнямъ). На ихъ обязанности лежалъ досмотръ за этими вновь осаживающимися слободами, они же должны были поселять тамъ и людей.

Кромѣ досмотрщиковъ и осадчихъ, назначены были еще и отченники, въ количествѣ 6 человекъ. Въ своемъ универсалѣ гетманъ мотивируетъ это назначеніе тѣмъ, что въ его слободахъ находятся и отчины, а потому назначаетъ туда отченниками жителей села Овчинца (сосѣднее село)—Онисима Галеенка съ товарищами ¹⁾.—За эту службу гетману, какъ тѣ, такъ и другіе освобождались отъ всѣхъ сотенныхъ повинностей, и не могли даже быть привлечены къ суду безъ гетманскаго указа.

Осадчимъ этимъ и отченникамъ дано было приказаніе не принимать на слободу бѣглыхъ великороссійскихъ и смоленской шляхты крестьянъ, также и малороссійскихъ людей всякаго званія; они должны были осаживать эти слободы заграничными свободными литовскими людьми ²⁾.

¹⁾ Хотя изъ послѣдующаго хода дѣла не выясняется прямо функція этихъ отченниковъ, но можно предполагать, что здѣсь дѣло идетъ о *бортникахъ*,—такъ какъ бортныя деревья обыкновенно называются „*верховою отчиной*“.

²⁾ Приводимъ отрывки изъ нѣсколькихъ универсаловъ гетмана: „...самъ нашимъ ознаймуемъ увѣрсаломъ, мѣючи мы въ полку стародубскомъ, въ сотнѣ мглинской, въ урочища Далисичахъ и Наросли купленные отчинные и сѣнокосніе егрунта за рѣкою Ипуттѣ, между рѣчокъ Кременцомъ и Ржачею... намѣрилисмо на оныхъ нашихъ егрунтахъ осадити слободу... тоє еднакъ докладаемъ дабы той осадчій, коєму заняте на скупленныхъ егрунтахъ слободы полѣчено, жадною мѣрою не важилися великороссійскихъ и смоленской шляхты бѣглыхъ крестьянъ пріймати“.... Данъ въ Глуховѣ 2 авг. 1730 р.

Въ другомъ универсалѣ добавлено „...не тилко великороссійскихъ и смоленской шляхты бѣглыхъ крестьянъ, но и рейменту нашего малороссійскаго всякаго званія людей пріймати, лєчь мѣють ону слободу заграничными литовскими людьми осажовати, отъ которой слободы занята жебы окрестніє села въ владѣніи ихъ егрунтовъ жадного не чинилося препятствія, онъ же осадчій наєрѣпко остерегать мѣеть“... Данъ въ г. Глуховѣ, дек. 14 дня 1729 р. (См. Судіенко *Мат. для от. ист.*, т. I, стр. 80).

Вотъ еще отрывки изъ универсала о назначеніи Лишней и Галеенка... „слободы наши, ново на купленныхъ егрунтахъ селячієся, Далисичи и Дроковъ, поручили въ досмотръ Тимофею и Мартину, хоружему сотнѣ мглинской Лишнямъ. Теда яко повинни оніє Лишнѣ слободы имѣть въ своемъ смотреніи и надзираніи и въ оныхъ

Вотъ вся процедура „осады“ гетманскихъ слободъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ бунч. тов. Петра Искрицкаго — роднаго племянника гетмана, эти грунты, вмѣстѣ со слободами, были отданы ему въ собственность („в держанне и владѣнне“), о чемъ извѣщались всѣ особымъ универсаломъ.

Но съ этой передачей не окончилась дѣятельность гетмана, какъ и самая исторія этихъ слободъ, на судьбу которыхъ гетманъ продолжалъ вліять своею властью, а поѣтому мы и продолжимъ изложеніе дѣла.

Въ 1732 г. Искрицкій писалъ гетману отъ себя и отъ лица далисицкихъ жителей, жаловавшихся ему, что вслѣдствіе неотграниченія ихъ грунтовъ отъ сосѣдей, эти послѣдніе (В. Гудовичъ и др.), ихъ обижаютъ и пугаютъ, будто бы ихъ скоро изъ слободы „вынутъ“. „Якими словами устрашеніе будучи, люде тии (яко простъ народъ) много з нихъ уже поселившихся оборотилося во спяты, туди откуда пришли были“, писалъ Искрицкій, и просилъ гетмана прислать людей для отмежеванія этихъ грунтовъ („чтобъ приходячимъ з заграниці людемъ селитися было безпечно“).

Просьба Искрицкаго была исполнена: гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ „искуснымъ людемъ“ ѣхать на мѣсто и обмежевать владѣнія Искрицкаго. Дѣло размежеванія поручено было гетманомъ вмѣстѣ съ полковникомъ Р. Тургеневымъ—Кузьмѣ Злотову, офицеру глуховскаго полка, бунч. тов. Мокривичу, волинскому сотнику Линевичу и канцеляристу Платковскому. Они должны были ѣхать на мѣсто и установить межу на основаніи переданныхъ гетманомъ Искрицкому купчихъ, показаній самихъ продавцевъ и мѣстныхъ жителей, грунта которыхъ

поселять людей...; такъ ихъ же Липновъ принимаемъ въ свою оборону и протекцію и предлагаемъ, абы п. полковникъ стародубскій зъ старшиною полковою и п. сотникъ мглинскій нѣ до яеихъ ихъ полковихъ и сотенныхъ повинностей и дѣлъ, также и до суда без нашего указа не потагали. Тутъ же докладывемъ, понеже въ тихъ нашихъ населенныхъ слободахъ имѣются и отчлени наши купленіе, для яеихъ смотрѣнна и опредѣлены отчениками села Овчинца жителѣ Онисимъ Галееновъ зъ товарищи 6 чел., того ради абы и тихъ отчениковъ нѣ до яеихъ сотенныхъ шарварокъ не потагано до долшего нашего указа, рейментарски приказуемъ“... Данъ въ Глуховѣ дек. 23 д. року 1730. (См. *ibid.* стр. 95—6).

граничили съ дроковскими и далисицкими.—Этимъ лицамъ выдана была особая инструкція; на основаніи этой инструкціи дѣло размежеванія должно было производиться такъ: „.... собравъ тамошнихъ и постороннихъ сель стороннихъ и старинныхъ людей сколео пристойно и по отводу тихъ стороннихъ и старинныхъ людей ограничить“.... Кромѣ того, при размежеваніи должны были присутствовать самъ Искрицкій и В. Гудовичъ (земли ихъ были смежны).—Посланные гетмана, обозначивъ межу обычными знаками, должны были еще снять планъ съ этихъ владѣній („чертижь“).

Въ 1732 г. былъ изданъ гетманомъ новый универсалъ „повторной“. Этимъ универсаломъ подтверждались еще разъ за Искрицкимъ грунта въ Дроковѣ и Далисичахъ; между прочимъ, гетманъ приказывалъ поселившимся тамъ людямъ, и тѣмъ, которые будутъ селиться, отдавать Искрицкому обычные повинности, быть у него въ подданствѣ и „послушенствѣ“¹⁾.

Затѣмъ Искрицкій просилъ опять себѣ въ подданство двухъ свободныхъ посполитыхъ въ томъ же селѣ Дроковѣ. Гетманъ и это желаніе Искрицкаго исполнилъ и предложилъ имъ отбывать Искрицкому, „яко владельце своему, надлежащую подданскую повинность безъ всякаго противленія“.

Итакъ не только слобожане далисицкіе, но и жители бывшаго свободнаго войсковаго села, оказались сразу въ „подданскомъ послушенствѣ“ у своего державцы.

Но этимъ дѣло не окончилось. Въ 1733 г. Искрицкій опять жаловался гетману, что его слободы „притягають къ общенароднымъ и консистентскимъ повинностямъ, между тѣмъ какъ гетманскимъ универсаломъ еще раньше этимъ слободамъ дана была свобода отъ всякихъ повинностей на 10 лѣтъ.—Искриц-

¹⁾ „Поселившіеся въ оной слободѣ Долисичахъ и впредь селитися тамъ имѣючіе, такожь и въ селѣ Дроковѣ на еуплевихъ кгрунтахъ, отъ насъ ему П. П. Искрицкому даяныхъ, живучіе люди отдавали бѣ ему, яко державце своему, обьелое подданское послушенство и повинности мѣти хочемъ и рейментарски приказуемъ“. Данъ въ Глуховѣ 1732 р.

кій жаловался еще, что мѣстная старшина скупила у его людей грунта безъ его вѣдома и разрѣшенія ¹⁾).

Грунта, скупленные старшиной, Искрицкій просилъ гетмана заставить возвратить ему обратно, повинности просилъ снять, такъ какъ срокъ „слободы“ еще не истекъ.

Гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ всѣ просьбы Искрицкаго удовлетворялись, но со смертью Апостола дѣло со скупщиками земель перешло въ полковой судъ.

Остается еще невыясненнымъ, какъ велико было населеніе этихъ слободъ.—Вотъ какія разнорѣчивыя данныя имѣемъ мы для этого изъ самаго дѣла. Въ 1734 г., уже при Шаховскомъ, прося еще разъ снять съ его слободы Далисичей повинности на консистентовъ, Искрицкій говоритъ, что тамъ не болѣе 10 человѣкъ „самихъ обогшихъ“, а относительно Дрокова, что тамъ живутъ только подсосѣдки. Но мглинская старшина, жалуясь въ свою очередь на Искрицкаго также за скуплю земель у подданныхъ Есимонтовскаго, относительно повинностей его подданныхъ говоритъ „.... а что приказывалъ войтъ однимъ его подданнымъ.... на лѣнѣйную работу людей висилать.... то того весьма не доведется, ибо з его П. Искрицкаго сорока человѣкъ и тридцати четвертокъ кгрунту, вѣйшло только 1¹/₂ чел....“

Вотъ еще данныя для статистики и роста населенія.

Въ Н. Дроковѣ, по ревизіи 1723 г. числилось: коз. 19 дв., стр. 2 дв., крестьянъ 5 дв., 5 х.

По ревизіи 1781 г., коз. 15 дв., 17 х., стр. 9 дв. 11 х., посп. 20 дв., 21 х.

Въ Далисичахъ, по ревизіи 1781 г. кр. 57 дв. 60 х. ²⁾).

Изъ предыдущаго выясняется, въ какомъ положеніи оказались слободы, объ основаніи которыхъ хлопоталъ гетманъ;

¹⁾ „Въ власнихъ моихъ подданихъ дроковскихъ ... кгрунта ихъ подданичскіе уже теперь за владѣнія моего себѣ покуповали.... въ томужь и полговая здешняя старшина во мѣсто того, чтобъ респектовать (якъ и на иншіе державскіе и свободніе войсковіе села шляховіе респектовали).... на село Дроковъ, въ коемъ стоять два форпоста.... наложили противъ прошлагодняго вчетверо.... одъ якой несстерпимой тяжести.... всѣ мои люде разволоткися хотять“.

²⁾ См. Лазаревскаго „Описаніе стар. Малоросіи“, т. I, стр. 357, 354.

выясняется также, что колонизаторская дѣятельность гетмана Д. Апостола ничѣмъ не отличалась отъ таковой же дѣятельности его современниковъ,—державцевъ-хозяевъ.

Нарождавшаяся земельная аристократія, пользуясь властью и другими средствами, успѣла захватить въ свои руки земельный капиталъ; слѣдующимъ ея шагомъ было—овладѣть и трудомъ.—Контингентъ слобожанъ былъ для этого наиболѣе удобенъ, и колонизаторы не замедлили воспользоваться имъ для своей личной выгоды, которая преуспѣвала въ ущербъ выгодѣ низшихъ слоевъ населенія.

Такъ съ одной стороны заселялся край, а съ другой росла и богатѣла мѣстная старшина—будущее малороссійское дворянство.

Елена Радакова.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣву. Ниже мы печатаемъ письмо извѣстнаго археолога, географа и этнографа Зоріана Доленги Ходаковскаго (собственно Адама Чарноцкаго) къ бывшему попечителю харьковскаго учебнаго округа Зах. Яв. Карнѣву (отъ 18 іюня 1819 г.). Оно было написано Ходаковскимъ по польски, но Карнѣвъ поручилъ перевести его на русскій языкъ лектору польскаго языка при харьковскомъ университетѣ П. Гулаву-Артемовскому (бывшему потомъ ректоромъ университета). Мы нашли и подлинникъ, и переводъ въ архивѣ харьковскаго университета (Дѣло по архиву № 572, картонъ № 29). Получивъ это письмо, попечитель передалъ его на разсмотрѣніе историко-филологическому факультету, который заявилъ, что необходимыя Ходаковскому свѣдѣнія могутъ сообщить директоръ училищъ войска донскаго и смотритель екатеринодарскаго училища; вмѣстѣ въ тѣмъ онъ находилъ полезнымъ напечатать данное письмо въ университетскомъ періодическомъ изданіи. Попечитель согласился съ первымъ предложеніемъ, но отвергъ второе «по нѣкоторымъ довольно важнымъ причинамъ», и потому оно напечатано не было.

Останавливаясь на біографіи Ходаковскаго, послѣ спеціальнаго изслѣдованія, посвященнаго ему А. Н. Пыпинимъ (Вѣстникъ Европы, 1886, ноябрь), не приходится. Замѣтимъ только, что, по содержанію своему, настоящее письмо очень близко подходитъ къ статьѣ его «Розысканія касательно русской исторіи» (Вѣстн. Европы, 1819 г., октябрь, № 20, стр. 277—302), представляетъ какъ бы краткую программу ея. Да это и понятно: письмо было написано 18 іюня, а статья 29 іюля. Въ концѣ статьи есть указаніе и на настоящее письмо: «я писалъ, говорить здѣсь Ходаковскій, касательно Вот-

свой пятины п Чудской Украины къ преосв. Евгенію во Псковъ, о Болгаріи—къ е. пр—ву Магницкому, о козарской странѣ п семичахъ писалъ по польски къ е. пр—ву Карнѣеву въ Харьковъ. Во имя любви къ святой Руси всѣхъ молю, дабы благоволили способствовать миѣ своею наукою и мѣстными свѣдѣніями». Лелевель говоритъ: «въ то время Зоріанъ любилъ писать научныя письма, хотя онѣ не доставляли ему никакихъ объясненій. Онъ самъ жалуется, что получилъ только четыре увѣдомленія изъ Россіи и одно изъ Польши». Мы должны замѣтить, что Ходаковскій, по свойству своихъ ученыхъ работъ, *долженъ* былъ обращаться съ запросами къ разнымъ лицамъ о мѣстныхъ древностяхъ и ихъ названіяхъ. Нѣкоторые изъ адресованныхъ къ нему отвѣтовъ, вызванныхъ его обращеніями, были въ свое время напечатаны (Макарова, Бояркина, Глаголева въ Вѣстникѣ Европы, 1820 и 1821 г.). Такъ какъ ни одно изъ тѣхъ ученыхъ писемъ, которыя любилъ писать Ходаковскій, еще не было опубликовано, то я рѣшился напечатать настоящее въ надеждѣ, что оно дастъ понятіе о вопросахъ, съ которыми обращался Ходаковскій къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Д. И. Багалъй.

Ваше превосходительство!

До сихъ поръ не было примѣра, чтобы говорящій своимъ языкомъ, безъ побужденія какими нибудь особенными обстоятельствами, добровольно углублялся въ необъятное царство Россіи, влекомый любопытствомъ въ самыхъ нѣдрахъ ея изучать ея исторію. Другія времена,—другіе нравы. Уже царь польскій благодѣтельной десницею своею истребилъ въ сердцахъ двухъ народовъ то обоюдное чувство недоброхотства, которое поставляло вѣковыя преграды между дѣтьми матери славянской. Уже юнѣйшіе братья, возвративши права свои, безъ зависти взираютъ на старѣйшихъ, и благодушный мужъ, носившій съ толнкою славою въ теченіе многихъ лѣтъ званіе правителя въ Минскѣ, перешедши на новое поприще въ дѣлѣ народного просвѣщенія,—первый совѣтуетъ въ Харьковѣ учиться по польски. Въ столь благодатное время, прообразующее дни золотыя грядущимъ потомкамъ, предпринялъ я намѣреніе оказать услугу исторіи славянской того періода, который упреждаетъ христіанство въ нашихъ странахъ. Послѣ IX вѣковъ трудъ сего рода есть неслыханно труденъ, а можетъ быть, и не совсѣмъ занимателенъ въ то время, которое ознаменовано на землѣ нашей безчисленнымъ множе-

ствомъ событій несравненно блистательнѣйшихъ и гораздо удивительнѣйшихъ. А и того болѣе, по появленіи на свѣтъ исторіи г. Карамзина, трудно показаться новымъ и снискать вниманіе. Къ счастью, однакожь, моему можетъ послужить то, что сей великій писатель самъ признается въ скудости матеріаловъ и многократно обнаруживаетъ свое недоумѣніе. Я не намѣренъ длиннымъ разсужденіемъ утруждать ваше превосходительство, и спѣшу тотъ часъ къ тому предмету, который велитъ мнѣ обратиться къ вашему суду и въ немъ искать моей надежной помощи.

Г. Карамзинъ древнюю Русь со всѣми ея племенами обрѣзалъ до половины. Все пространство полуночи онъ подарилъ финнамъ и Біарміи, югъ уступилъ *козарамъ*. Угровъ же, которые два года сидѣли въ опредѣленномъ для себя мѣстѣ и пошли далѣе, онъ поселилъ на вѣки на забытыхъ *Семичахъ* (Т. II, пр. 146 и 245), гдѣ однакожь объ нихъ упоминаетъ, несмотря на то, что древніе семичи въ тимскомъ уѣздѣ и Посемьѣ столько разъ упоминаемы (т. II, стр. 203 и пр. 320; т. III, пр. 71) достойны были вниманія исторіографа, тѣмъ болѣе что суличи, тиверіане, дубебы и драгомичи получили въ удѣлъ свой усадьбы, хоть разъ то упомянулъ объ нихъ Несторъ. Но да утѣшатся въ сей обидѣ семичи тѣмъ, что не одни они испытали подобный жребій забвенія, ибо подобной же участи подпали голяди надъ Протвой (т. II стр. 205 и пр. 299), будучи закрыты восточными кривичами. Мужественные ятвяги (*jasowież*) и жмудь, составляющіе и нынѣ особенную дицезію, лишены мѣста на географической картѣ автора. Литва получила въ подарокъ пространство нынѣшнихъ губерній литовскихъ, гдѣ между Вильною и Гродною было и теперь находится въ простонародіи нарѣчіе русское. Нашъ Плутархъ не зналъ того, что и доннынѣ сохраняется старая граница нарѣчій русскаго и литовскаго и что Камера Гумбинская въ Пруссіи есть также Литва. Полочане терпятъ лѣвый берегъ Двины, несмотря на то, что Изяславъ (Заславъ на Свнстоши), Минскъ, Борисовъ и Логойскъ во времена Владиміра I стояли на ихъ землѣ (т. II, стр. 165). Еще недавно половина воеводства полоцкаго находилась по сей же сторонѣ Двины. Динебургъ, Люцинъ (который совсѣмъ не былъ Лучиномъ, показаннымъ въ витебской губерніи т. III, пр. 12; ибо таковой находится въ дорогобужскомъ уѣздѣ, какъ сіе явствуетъ изъ государственныхъ грамотъ подъ № 144) и Резица составляли въ новѣйшія времена Ливонію польскую (*Infanty*).

Въ нихъ существуетъ нарѣчіе литовское и сихъ трехъ повѣтовыхъ городовъ нельзя включить въ княжество половецкое. Далѣе: и мнѣ бы казалось, что Мерія сидитъ на своемъ мѣстѣ, но Галичъ-Мерскій (т. III, пр. 364) въ костромской губерніи, таже же рѣка Мерія, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны, ясно говорятъ объ иномъ или гораздо обширнѣйшемъ владѣніи. Равномѣрно и Весь находилась далѣе къ востоку, ежели *Весьегонскъ*, нынѣшній городъ надъ Мологою, и погость Ильинской въ *Веси*, нѣкогда почитаемыя въ Бежицкой пятинѣ, значить одно и тоже. Земгола (конецъ земли) долженствуетъ быть въ Семигалліи, гдѣ находятся города: Пильтинъ и Виндава; подвигать ее еще далѣе непростительно, ибо добрый нашъ царь почитается ея княземъ. Болгарія Серебряная или Камская находилась по обѣимъ сторонамъ Камы и Волги. Колыбель г. Карамзина окружаютъ многочисленныя городища въ сямбирской и пензинской губ. Таковыя городища разсыяны по всему пространству владѣній славянскихъ до самой Эльбы, Адриатическаго моря и горъ Байкальскихъ (отъ Ромелии). Ихъ можно назвать исключительнымъ и древнимъ памятникомъ праотцевъ нашихъ доопоклоннической эпохи и надъ нимъ конечно не трудились мусульмане въ Болгаріи Серебряной. Городища козарскія подъ Харьковомъ, надъ Донцомъ и подъ Воронежомъ (т. I, пр. 90) принадлежатъ также къ числу нашей собственности славянской. Не спорю, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ назваться кагановыми городищами, ибо кіевскіе владѣтели и особливо Владимиръ I употребляли иногда титулъ кагана (хана), но изъ того не слѣдуетъ, якобы окопы сего рода суть произведенія казаровъ. Въ 1817 году мнѣ случилось быть за Брестомъ Литовскимъ по лѣвой сторонѣ Буга при деревнѣ Малашевичахъ на одномъ военномъ окопѣ, находящемся надъ Бродомъ, который издревле называется Бродомъ Кагановымъ и я ни мало не удивлялся такому названію, когда привелъ себя на мысль то, что симъ путемъ Владимиръ I ходилъ войною противъ ятвяговъ.

Говоря о городищахъ, имѣющихъ значеніе въ нашихъ лѣтописяхъ, совсѣмъ не надобно привязываться къ тому, какъ ихъ до нынѣ называли, т. е. русскими, казарскими, кагановыми, а можетъ быть гдѣ нибудь и татарскими. Позднѣйшія происшествія, случившіяся при таковыхъ окопахъ, могли послужить къ присвоенію имъ придаточныхъ наименованій. Всего же болѣе должно обратить вниманіе на то, какого они вида и какъ далеко простираются на югъ къ Крыму и на востокъ къ Дону, гдѣ находился Саркелль? Въ цитируемомъ стран-

ствованіи моемъ, на сей конецъ предпринятомъ, случилось мнѣ видѣть около тысячи городищъ между Днѣпромъ и Силезією, и я нашелъ во всѣхъ ихъ то главнѣйшее сходство, что онѣ вездѣ насыпаны изъ чернозема, хотъ возлѣ нихъ часто находится земля глинистая, или песчаная; я замѣтилъ также, что валы сіи суть округлые, часто неправильныя, смотря по виду той горы, на которой ихъ насыпали, что они имѣютъ всегда входъ отъ востока и тѣмъ припоминаютъ нѣкоторой догматъ своего вѣроисповѣданія, что на сей предметъ всегда избирали самыя величественныя и прилегающія къ водѣ или колодцамъ мѣста и т. п. Внутри таковыхъ городищъ часто встрѣчаются столь тѣсныя впадины, что едва въ ней хижинка помѣститься можетъ, и я многократно находилъ въ нихъ ямки, называемыя котлами. Его преосвященство архіепископъ Евгеній въ своихъ разговорахъ о древностяхъ Великаго Новгорода, изданныхъ въ Москвѣ 1808 г. на стр. 6 говоритъ, что тамошнее городище есть также тѣсное. Г. Забловскій упоминаетъ о городищѣ въ пензенской губ. и о Чортовомъ подѣ Елабугомъ и подѣ островомъ въ исковской губ. и о множествѣ другихъ. На картѣ государства российскаго, на ландкартахъ Польши, Силезіи, Богеміи (чеховъ), Моравіи, Венгріи славянской, Иллиріи, Сербіи, Востни, Молдавіи и Черной и Задунайской Болгаріи, я означилъ безчисленное множество подобныхъ городищъ. Свадебныя пѣсни простонародныя, коихъ не мало собралъ я между рѣками Днѣпромъ и Саномъ (въ Галиціи), открываютъ существенное предназначеніе сихъ городковъ или городищъ; изъ нихъ видно то, что они служили въ древности нѣкоторыми священными оградами, въ нихъ любовныя вѣнчались, въ нихъ отправлялись обряды, игры и хороводы; однимъ словомъ это былъ нѣкоторый родъ приходовъ (parafie). На столь гигантской обширности праотеческаго нашего достоянія мнѣ невозможно уже гоняться за каждымъ городищемъ, ниже остававливать ся наблюденіемъ при каждомъ, хотя бы то онѣ существовали и въ самой Москвѣ (Кар. Ист. т. V, пр. 402), подѣ Кіевомъ съ лѣвой стороны Днѣпра (см. подѣ 1026 годомъ) и въ самомъ Кіевѣ, какъ то показываютъ сіе привелегіи королей польскихъ; подѣ Казанью (Кар. Ист. т. VIII, стр. 174 и пр. 324). Не стану говорить о городеѣ въ Краковѣ, гдѣ Анна Любомірская въ 1634 году основала монастырь доминикановъ, также о городищѣ въ Прагѣ Чешской около 1234 въ старомъ городѣ (гдѣ прежде былъ костеликъ святаго Ипполита). Для меня желательнѣе всего съ помощью таковыхъ памятниковъ древности открыть истинное и древнѣйшее пространство владѣній

славянъ, или увѣрится въ томъ, гдѣ именно назначить должно ту граничную Украину, за которою бы больше ихъ не было.

Г. Орлай, отправляясь къ водамъ кавказскимъ, получилъ отъ меня по сему предмету нѣкоторыя замѣчанія и общалъ собрать въ путешествіи своемъ нужныя для меня свѣдѣнія, но я сомнѣваюсь, позволить ли ему послѣдшность его въ пути выполнить данное общаніе? Мнѣ однакожъ кажется, что, проживъ долѣе при Кавказѣ, онъ могъ бы какимъ нибудь образомъ узнать отъ другихъ племень, издревлѣ тамъ поселившихся, не называется ли у нихъ Каспійское море въ близкомъ, или подобномъ значеніи названію, Лукоморье, ибо г. Карамзинъ (см. Ист. Кар. т. II, пр. 64, т. III, пр. 2 и 70; лукоморскіе половцы пр. 74 и стр. 436), не согласивши въ одно, рѣшительно сказалъ, что оно значитъ: луговатый берегъ морской; а то, гдѣ онъ именно находился, оставилъ безъ всякаго объясненія. Взявъ однакожъ въ разсужденіе, что здѣсь дѣло идетъ о Лукоморьи въ то время, когда Игорь Святославичъ находился при Донѣ близъ Кагальника, должно разумѣть подъ симъ названіемъ море Каспійское, которое было впереди Игоря, а не Азовское, которое оставалось въ противной сторонѣ и почти позади его.

Округъ императорскаго харьковскаго университета, находящійся подъ мудрымъ начальствомъ вашего превосходительства, занимаетъ все пространство странъ, составляющихъ любимѣйшій предметъ моихъ изслѣдованій и моего любопытства. Польза исторіи отечественной, ревность вашего превосходительства къ народному просвѣщенію и мои усиленнѣйшія просьбы да будутъ поручителями того, что ваше превосходительство соблаговолите великодушно обратить вниманіе ваше на то: Какія и какого рода суть городища въ тамошнихъ странахъ? Какъ далеко простираются на югъ и къ востоку? Имѣетъ ли земля донскихъ козаковъ, подпадавшая владычеству хановъ (кагановъ), подобныя насыпи или городища? Также въ претѣлахъ, назначенныхъ г. Карамзинымъ для хвалисовъ по обѣимъ сторонамъ Урала, не встрѣтятся ли подобныя же памятники обратнѣе? И что можно будетъ узнать о Лукоморьи? Наконецъ, какого суть рода славныя развалины на западномъ берегу Урала и близъ устья сей рѣки? Я ничего еще объ этомъ удовлетворительно не знаю, и покорнѣйше прошу ваше превосходительство о милостивомъ снисхожденіи къ моей смѣлости и къ столь пространному письму. Отважившись писать оное, я руководимъ былъ надеждою на благодушіе ваше и оканчиваю изліяніемъ

глубокаго высокопочитанія, съ коимъ на всегда честь имѣю быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Зоріанъ Доленга-Ходаковскій, членъ царскаго варшавскаго общества друзей наукъ.

Въ Гомелѣ
подъ Бѣлицею
18 іюня 1819 года.

Перевелъ съ польскаго лекторъ Петръ Артемовскій-Гулакъ.

Объ учрежденіи въ г. Кіевѣ запаснаго хлѣбнаго магазина (1754—56 гг.). Согласно требованію пр. Сената, кіев. губ. канцелярія въ 1754 г. составила «пункты», которые предполагалось принять во вниманіе при сочиненіи новаго уложенія ¹⁾. Въ числѣ этихъ «пунктовъ» одинъ, именно 6-й, касался устройства въ г. Кіевѣ хлѣбнаго запаснаго магазина. По поводу этого проекта коллегія ин. дѣлъ потребовала отъ к. г. к. мнѣнія: «изъ какой суммы оной магазейнъ построятъ, такожъ когда на непрерывно всегдашнее время запасной хлѣбъ въ томъ магазейнѣ имѣть, то какимъ образомъ его отъ неминуемаго по долготу иногда лежанію вреда и гнилости сохранять». К. г. к. отвѣчала на это 15-го сентября 1755 г. такъ:

1) «Въ Кіевѣ нижнемъ городѣ на Подолѣ, гдѣ вси кіевскіе мѣщане и обиватели изъ малороссійскаго народа жительствоуютъ, а хлѣбныхъ пашенъ не имѣютъ и всѣ содержать себе и пропитаніе имѣютъ отъ единого купеческаго торгу и отъѣзжихъ промысловъ и отъ содержанія на магистратскихъ земляхъ хуторовъ и въ нихъ винницъ, и для того въ нужномъ случаѣ кіевскіе подлого народа обиватели крайные подъемяютъ нужды; а реченной въ Кіевѣ магазейнъ впрядь починкою содержать и хлѣбъ покупать отъ кіевскаго магистрата изъ народной магистратской суммы, для того что оной кіев. маг—тъ имѣеть многіе въ томъ же ниж. г. на Подолѣ вольные шанки и прочіе доходы и за Кіевомъ Подоломъ предмѣстья, именуемія Сырецъ, Проверку и Корневщину съ жилими обивателями, съ которыхъ получаютъ в маг—тъ доходы, и кіев. маг—тъ токмо платитъ в казну по 600 рублей в годъ и почту содержать».

2) Хлѣбъ в тотъ магистратскій магазейнъ надлежитъ покупать изъ той же магистратской суммы завремянно, усматривая урожай и са-

¹⁾ Пункты эти напечатаны при сообщеніи проф. М. Ф. Владимирскаго-Вуданова въ „Кіев. Стар.“ 1888, № 5.

мыхъ дешевыхъ временъ и доволныхъ на торгѣ привозовъ дешевыми цѣнами, какъ то бываетъ въ 25 и въ 30 коп. четвертъ.

3) Когда на непрерывно вседневное время запасной хлѣбъ въ томъ магазинѣ долговременно будетъ лежать, то оной, для мпнованія вреда и гнилости, надлежитъ раздавать кіев. мѣщанамъ на винницы для передѣловъ на вино, ибо имъ мѣщанамъ никакова въ томъ убытка не признается, но еще лежалой сухой хлѣбъ выходнѣе на вино бываетъ, нежели новой сиромолотной, а винницъ у нихъ, мѣщанъ, на хуторахъ великое число, и тѣмъ виномъ торгъ имѣютъ, а отъ оныхъ содержателей винницъ брать новой хлѣбъ въ магистратской магазинѣ.

4) Въ случаѣ нужды раздавать тотъ хлѣбъ бѣднымъ людямъ съ записками и съ поруками, а какъ хлѣбъ уродится и въ настоящую цѣну придетъ, собирать въ магазинѣ по прежнему безъ излишества».

Представляя такое мнѣніе, к. г. к., очевидно не справлялась съ мнѣніями по этому вопросу кіев. магистрата, который, оказывается, совѣмъ не сочувствовалъ мнѣнію к. губ. канцеляріи. Когда кол. ин. д. потребовала непосредственно отъ магистрата извѣстія о томъ, можетъ ли онъ употребить изъ своихъ средствъ необходимую для постройки и содержанія запаснаго хлѣбнаго магазина сумму и «не будетъ ли иногда въ магистратскихъ расходахъ помѣшательства и остановки», магистратъ доношеніемъ своимъ въ кол. ин. д. отъ 29-го марта 1756 г. отвѣчалъ, что «на постройку и впродъ на починку показаннаго магазинна, тако жъ на покупку въ содержанію въ немъ прописаннаго числа пяти тысячей четвертей хлѣба толикой суммы денегъ выстатчить магистратъ кіевскій возможности не имѣетъ и въ магистратовыхъ указныхъ и другихъ расходахъ помѣшательство и остановка послѣдовать можетъ». Доношеніе это представляетъ особый интересъ потому, что въ немъ магистратъ, ходатайствуя о томъ, чтобы на него не возлагалась постройка и содержаніе проектированнаго запаснаго магазина, указываетъ на тѣ причины, по которымъ почти совѣмъ прекратились «отъѣзжіе торговые промыслы» кіевскихъ мѣщанъ, явилось общее оскудѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалуется на тягость лежащихъ на магистратѣ повинностей.

«Жительствующіе в Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ,—писалъ магистратъ,—кіевскіе мѣщане и обыватели, пахатныхъ грунтовъ не имѣя, содержатъ себе и пропитаніе имѣютъ по бол. части отъ единнаго своего руководія и торговаго промыслу. А отъѣзжіе промыслы прежнихъ временъ хотя отиравли, нѣкоторые за рубежъ в Цесарію, в

Волощину и протчіе турецкого владѣнія города, множайшіе жъ въ близостныя от Кіева и от границы россійской польской области города и мѣстечки, яныя, взимая на боргъ у купцовъ товары, отъѣзживали и тамо спродуя какъ тѣхъ своихъ вѣрителей купцовъ, такъ и свои нужные необходимости довольствовались, за якіе отъѣзжіе свои промыслы, по силѣ высокомонаршихъ, в подтвержденіе древ. привиліевъ, каковы даны отъ королей польскихъ кіев. маг—ту, всем. жал. грамотъ, указовъ и гетм. универсаловъ, платили индукты и эвекты от воза шленскаго и гданскаго по три рубля, а от мѣлкихъ товаровъ от воза по двадцати кофѣекъ безъ ревизіи; нинѣ же по учрежденіи указомъ Е. И. В. на всѣхъ границахъ таможенъ, в коихъ отъ проѣзжающихъ за границу и изъ за границы кіевскихъ мѣщанъ взимается внутренняя пошлина и тарифъ и ко оплачиванію того кіев. мѣщане и обыватели, найпаче тѣ, которые часто з малымъ от ремесла своего здѣланнымъ или у купцовъ на боргъ взимаемымъ товаромъ в близкіе польскіе города и мѣстечка на торги и армонки отъѣзживали, в невозможности остались; а особливо за видерживаніемъ при границѣ карантинна, в якомъ времени, умедливаніе и харчевіе издержки большіе, нежели въ дорожномъ проѣздѣ, происходимы бывають; для того упомянутые кіев. мѣщане оныя свои отъѣзжіе торговые промыслы принуждены и оставить.

А любо хуторы и в нихъ винницы в подгородѣи мѣскомъ на магистратовой землѣ кіев. мѣщане малое число содержатъ, но такъ оныя до винницъ, яко и все мѣщанство в прокормленіе и в лавки для продажи, потребное хлѣба довольствіе прежде получали з заграницы, откомъ найвыяцше всякой хлѣбъ и другіе живности и протчіе домовныя надобности въ привозѣ в Кіевѣ бывали, настоящаго же времени, за крайнимъ всего того непривозомъ предъявленнаго ради карантинна, немалое оскудѣніе послѣдовало.

Кіев. же магистратъ, хотя по высокомонаршемъ жал. грамотамъ и содержитъ вольныя въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ шинки и за Кіевомъ Подоломъ подгородье Преорку, Сирецъ и Кореніовщину, точію въ тѣхъ магистратскихъ шинкахъ, за непрерывнымъ от козаковъ кіев. неуказныхъ шинковъ произвожденіемъ, весьма знатное помѣшательство и остановку имѣеть; з жилыхъ же в подгородѣи кіевскомъ обывателей никоихъ зборовъ въ маг—тъ не емлется; затѣмъ, яко оныя, кои з мѣщанъ кіев. тамо жительствають, тѣ, какъ и протчіе, жадныхъ пахатныхъ грунтовъ и иныхъ угодій не имѣя, от одного только ремесленнаго руководлія и торговаго промыслу, посполитые же

закономъ на сторонѣ въ людей хлѣба, притяжаніемъ и поденными по людямъ работизными себе содержатъ. З дохлячюю отъ нихъ одною токмо за землю, на коей живутъ, годовою куничною въ ма—тѣ кiev. уплатою и съ предъзначенныхъ вольныхъ шинковъ и другихъ пожалованныхъ употребленій кiev. маг—тѣ, кромѣ платежа въ казну по шестисотъ рублевъ в годъ и содержанія в разныя мѣста почты, сверхъ того, что въ мимошедшее военное время на лоцманы и подводы многое число денегъ издержалъ и в долгахъ остался, особіе подъ проѣзжающихъ чрезъ Кіевъ рос. и иностр. чрезвыч. пословъ до турец. границы и другимъ разнымъ персонамъ, нанимая дорогою цѣною подводы, какъ то и недавно прошлаго 1755 и сего 1756 годовъ подъ посланниковъ турецкаго Тефшердара, а російскаго князя Долгорукова с Кіева до турец. городовъ Хотѣна и Бендеръ, на выдачу подводъ и дорожныхъ исправностей поставку издержалъ денегъ до полторы тысячи рублевъ. До того жъ строить около г. Кіева Подола полисадникъ, караулни и по проѣзжимъ улицамъ мосты и прочіе потребности исправляетъ.

Привозимой же в ниж. г. Кіевъ продажной хлѣбъ нинѣшнихъ годовъ в дешевости не бываетъ, и тотъ, яко не сухой, но, по здѣшнему обыкновенію, сыромолотной, к прочному лежанію не способной, и если бы каковіи либо хлѣбъ, по прописанному к. губ. канц. мнѣнію, убогимъ людямъ в раздачу былъ употребленъ, то оногю; какъ обыкновенно тѣ люде з ежеденного зарабатыванія, готовой печеной на ринку хлѣбъ покупая, кормятся, ни в кое время собрать у нихъ нѣ с чего бѣ, можнѣйшіе же сами покупиной хлѣбъ в запасѣ с потребу свою мѣвають». «И за вышеобъявленными всѣми обстоятельствами» магистратъ и находитъ невозможнымъ затрачивать свои средства на учрежденіе запаснаго хлѣбнаго магазина.

Тѣмъ не менѣе магазинъ этотъ былъ устроенъ, хотя о времени постройки его мнѣ не удалось встрѣтить свѣдѣнія, относительно же средствъ для этого имѣется указаніе въ указѣ пр. Сената кiev. губ. канц. въ 1766 году іюля 31 о томъ, чтобы вмѣсто отрѣшенныхъ указами 1754 и 1755 годовъ собираемыхъ кievскимъ магистратомъ доходовъ на разныя городовыя издержки, *тожъ и на строеніе для гражданъ запаснаго магазина*, отпускать изъ таможенной суммы, имѣющейся въ кiev. губ. канц., въ кiev. магистратъ ежегодно по 1209 р. 12 к. Въ рукахъ моихъ имѣлся одинъ рапортъ кiev. магистрата въ к. губ. канц. отъ 22 го мая 1781 г. о состояніи запаснаго магазина и въ немъ сказано, что «съ накупленнаго въ прошломъ 1777 году въ тотъ магазейнъ двухъ

тысячъ четвертей немолотого хлѣба ржи, по опредѣленію магистрата, 1779 году февраля 21 числа учиненному, которое бывшимъ кiev. г. оберъ-комендантомъ и кав. Елчаниновымъ апробовано, продано тысячу четвертей, затѣмъ и состоитъ оного провіанта нынѣ на лицо только одна тысяча».

Въ поданной въ томъ же 1781-мъ году въ маѣ мѣсяцѣ сек.-маіоромъ Алексѣемъ Токаревымъ вѣдомости объ осмотрѣ нмѣ подольскихъ улицъ, мостовъ, карауленъ и полисадниковъ, въ послѣднемъ пунктѣ ея, значится: «Запасной магазинъ во всякой исправности и въ ономъ въ третьемъ этажѣ въ превеликихъ закромахъ насыпано ржи, ко употребленію годная, а по объявленію того магазина содержателемъ состоитъ ржи въ закромахъ болѣе тысячи четвертей; а вѣздные мосты въ магазейнѣ по обѣимъ сторонамъ вновь сдѣлать».

А. Андріевскій.

Проѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 году ¹⁾.

Къ «размѣнѣ» пословъ, російскаго и турецкаго, опредѣленъ былъ рескриптомъ 25 апрѣля 1775 г. кievскій генераль-губернаторъ Воейковъ. Для руководства ему въ обычныхъ при такомъ случаѣ церемоніяхъ прислана была реляція генерала Кейта, бывшаго при такой «размѣнѣ» въ 1740 году. Выѣхавши изъ Кіева вмѣстѣ съ російскимъ посломъ кн. Н. В. Репнинымъ, они прибыли 19 іюня въ м. Черчу, въ 40 верстахъ отъ Хотина, и послали нарочнаго къ хотинскому мухафизу съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи. Продѣлавъ всѣ установленныя церемоніи, послы переѣхали границу, и Воейковъ, поручивъ препровожденіе турецкаго посла генераль-маіору барону Игельстрому, самъ 6 іюля поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы приготовить надлежащую встрѣчу, и прибылъ сюда 23 іюля.

Для пріема посла «со всѣми характеру его приличными почестями, къ тому же сообразуясь съ пріемомъ, каковъ учиненъ былъ въ Хотинѣ отъ тамошняго наши російскому послу», Воейковъ прежде всего выслалъ на встрѣчу ему моск. караб. полка подполковника Кастагарова «для встрѣчи у самаго перваго мѣста, что при вѣздѣ въ границы, и для поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ», причемъ, «прямѣти еще при размѣнѣ пословъ, что у г. турец-

¹⁾ Составлена замѣтка по черновымъ реляціямъ генераль-губернатора.

каго посла нѣтъ такой кареты, въ которой бы онъ съ выгодною путь свой продолжать могъ, послалъ въ подарокъ свою четверомѣстную карету съ цугомъ лошадей». «По пробѣтїи въ карантинѣ пяти дней, да на половинѣ дороги отъ Василькова одного ночлега, наконецъ 13 сего августа имѣлъ г. посоль свой церемоніальный въѣздъ въ здѣшній городъ съ слѣдующими почестьями.

Конная мѣщанская рота съ знаменемъ, литаврами и трубами, разстояніемъ болѣе десяти верстъ встрѣти г. посла, препровождала его до квартиры. Предъ въѣздомъ въ здѣшнее предмѣстїе встрѣченъ былъ г. посоль и поздравленъ съ благополучнымъ прїѣздомъ кол. сов. Москотиньевымъ и надв. сов. г. Кіева войтомъ Шивоваровымъ съ присутствующими въ кїев. маг—тѣ. Когда жъ г. посоль поровнялся съ крѣпостію, то, въ честь его прїѣзда, учинено 25 пушечныхъ выстрѣловъ, вслѣдствїе учиненнаго о томъ при размѣнѣ словъ соглашенїя. Предъ посланничею квартирою постановлены были два баталїона гарнизонныхъ солдатъ съ ихъ штабъ и оберъ-офицерами, знаменами и хоромъ музыки, которые составляли улѣцу, чрезъ которую г. послу ѣхать надлежало, а къ нимъ применивъ карабинерной и возачїй конвой, отдавали всѣ купно г. послу честь съ барабаннымъ боемъ и игранїемъ музыкъ. По прибытїи г. посла въ квартиру для таковаго жъ привѣтствїя съ благополучнымъ въ Кіевъ прїбытїемъ ѣздилъ г. ген.-м. кїев. оберъ-комендатъ Ельчаниновъ съ штабъ и оберъ-офицерами».

«Сохраниая равновѣсіе» и сообразуясь съ тѣмъ прїемомъ, какой былъ оказанъ нашему послу въ Хотинѣ, генераль-губернаторъ въ день прїѣзда посла въ Кіевъ «велѣлъ приготовить великолѣпной обѣденной столъ въ его квартирѣ, по примѣру тому, какъ и отъ хотинскаго наши было сдѣлано».

«Все сіе принято было г. посломъ съ особливимъ удовольствїемъ и, въ знакъ благодарности, присланы мнѣ въ тотъ же день взаимные подарки, состоящіе изъ нѣсколькихъ турецкихъ шолковыхъ матерїй, табуку съ трубками и прочихъ турецкихъ мелочей».

О пребыванїи турецкаго посла въ Кіевѣ Воейковъ сообщалъ въ своей реляціи слѣдующее:

«15-го числа посланъ былъ отъ меня г. послу подарокъ, состоящїй изъ одного сорока соболей, которой принятъ благосклонно, а посланный съ нимъ капитанъ Суковкинъ, въ знакъ благодарности, подаренъ двумя турецкими платками и десятию рублями, которые онъ тутъ же людямъ и роздалъ. Прочїе дни проходили во вза-

имныхъ пересылкахъ, навѣдываясь о здоровьи, а 22-го числа, какъ въ канунѣ отъѣзда, исполняя всевысоч. В. И. В. соизволеніе о угощеніи г. посла и въ отъѣздъ обѣденнымъ столомъ, приказано было приготовить оной въ посланничей квартирѣ; но коль скоро о семъ послу донесено было, то онъ, призвавъ къ себѣ посыланнаго моего, сказалъ, что онъ и безъ того оказанными отъ меня учтивостями много обязанъ, такъ что остается ему болѣе помышлять, чѣмъ полученныя ласковости и благосклонности заслужить, нежели давать себя вновь обременять оными, и потому принимаетъ предлагаемый отъ меня ему обѣденной столъ съ такою точно благодарностію и признаніемъ, какъ бы онъ имъ дѣйствительно пользовался. Съ симъ отзывомъ посланныхъ отъ меня для приготовления стола отпустилъ, и вслѣдъ за ними прислалъ ко мнѣ своего церемониймейстера съ повтореніемъ тѣхъ же словъ и благодарности. Присланной подаренъ мною мѣхомъ горностаевымъ. Того жъ дня посланы отъ меня въ подарокъ г. послу 21 рысь, которыя приняты весьма благосклонно, и посланные отпущены съ обыкновенными подарками. Въ тотъ же день приказано отъ меня стѣздить въ посланничью квартиру г. ген.-м. кiev. об.-ком. Елчанинову съ штабъ и оберъ-офицерами для привѣтствія и пожеланія г. послу добраго здоровья и благополучнаго продолженія пути.

23-го числа, какъ въ самой день отъѣзда, приказано отъ меня быть весьма рано въ посланничью квартиру кол. сов. Москотиньеву купно съ войтомъ нижняго города Пивоваровымъ и съ магистратскими присутствующими для привѣтствія и пожеланія г. послу благополучнаго пути, а магистратской конной ротѣ приказано г. посла проводить за Днѣпръ нѣсколько верстъ до мѣста, гдѣ г. посолъ завтракать остановится, откуда, начальнику ихъ учиня г. послу пристойное привѣтствіе, возвратиться. Въ проѣздъ г. посла мимо здѣшней вѣрности учинена ему та же почеть, какъ и въ пріѣздъ его, двадцатью пятью пушечными выстрѣлами; а баталіоны гарнизонныхъ солдатъ въ строй выводимы не были, ибо г. посолъ просилъ меня, чтобъ ихъ отъ сего безпокойствія уволить. Симъ образомъ препровожденъ отсюда г. посолъ, пробывъ здѣсь чрезъ десять дней весьма спокойно и тихо, такъ что ни отъ кого ни малѣйшей жалобы не доходило».

А. Андріевскій.

Мертвая рука. (Къ 116 § «Культурныхъ переживаній»). Въ «Культурныхъ переживаніяхъ», напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», я помѣстилъ замѣтку (подъ № 116) о народномъ повѣртіи о значеніи мертвой руки и свѣчи изъ человѣческаго жира, какъ вѣрнаго средства для усыпленія людей и безпрепятственнаго воровства. Въ замѣткѣ были приведены повѣрья этого рода малорусскія, великорусскія и латышское. Дополняю здѣсь эту замѣтку новыми фактами. До какой степени повѣрье о мертвой рукѣ сильно въ Малороссіи, даже въ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ, видно изъ слѣдующей корреспонденціи изъ слободы Боромли актырскаго уѣзда въ 132 № «Харьк. Вѣдом.» 1891 года. «Въ ночь съ 19 на 20 мая случилось изъ ряда вонъ выдающееся происшествіе. 18 мая былъ похороненъ крестьянинъ Буденный, страдавшій водянкою; его жена, придерживаясь народнаго повѣрья, что съ умершимъ надо класть въ гробъ монету, для того чтобы были деньги на расходы по похоронамъ, и забывъ это выполнить до погребенія, отправилась рано утромъ вложить монету въ могилу своего мужа; когда она явилась, то, къ ужасу своему, увидала, что могила до половины разрыта; она въ испугѣ бросилась въ волостное правленіе и заявила о случившемся. Немедленно было сообщено: становому приставу, врачу и судебному слѣдователю, которые, прибывъ на мѣсто происшествія, обнаружили, что могила совершенно разрыта. По вскрытіи гроба, оказалось, что у покойнаго Буденнаго на рукѣ все тѣло до кости вырѣзано. Подозрѣніе пало на одного крестьянина Борзаго, замѣченнаго въ воровствѣ, онъ содержится въ настоящее время подъ арестомъ. Со стороны судебного слѣдователя приняты мѣры къ выясненію этого преступленія. Существуетъ повѣріе, что если изъ человѣческаго жира сдѣлать свѣчу, то при входѣ въ избу ночью снащіе не просыпаются, пока эта свѣча будетъ горѣть; надо полагать, что Борзый съ этою цѣлью и рѣшился на свитотатственный поступокъ. Подозрѣніе на него пало потому, что онъ разспрашивалъ, кого хоронили и гдѣ похоронили, и въ ту-же ночь его встрѣчали въ 2 часа на дорогѣ и въ его избѣ до 3 часовъ свѣтился огонекъ».

Нужно замѣтить, что слобода Боромли—одинъ изъ самыхъ бойкихъ торговыхъ центровъ, съ значительнымъ числомъ грамотныхъ крестьянъ. Здѣсь находится образцовое училище министерства народнаго просвѣщенія, женская школа, 5 каменныхъ храмовъ, волостное правленіе, земская больница, общественная бібліотека, 19 лавокъ, вблизи крупные сахарные заводы и желѣзная дорога.

Нужно еще замѣтить, что населеніе во многомъ отрѣшилось отъ стараго украинскаго быта. Все женское населеніе усвоило уже мѣщанскій костюмъ; пѣсни искалѣчены по содержанію и напѣву внесеніемъ чуждыхъ элементовъ...

Крѣпче всего держится, очевидно, темное и грубое суевѣріе. Что оно можетъ еще долго сохраняться, даже при условіи значительнаго распространенія грамотности, можно видѣть изъ слѣдующихъ проявленій его въ западной Европѣ:

Въ португальской сказкѣ разбойникъ подъ видомъ нищаго заходитъ въ домъ купца. Онъ зажигаетъ «мертвую руку», чтобы усыпить его дочерей; но старшая запираетъ его въ кладовой, велитъ отдать мертвую руку подъ двери, и когда разбойникъ протанулъ ее, то она отрубила часть его собственной руки. Въ лотарингской сходной сказкѣ также находится мертвая рука подъ другимъ названіемъ *main de gloire*. Либрехтъ въ «*Zur Volkskunde*» указываетъ, что «мертвой рукой» въ германскихъ повѣрьяхъ называется высушенная рука повѣшеннаго вора или свѣча изъ человѣческаго жира, имѣющая свойство наводить глубокой сонъ. Это повѣрье встрѣчалось въ старину во Франціи и въ Англійи и существуетъ еще въ Италіи (*Cosquin, Contes populaires, I, 184*).

Н. Ф. Сумцовъ.

Альбомъ офортовъ Шевченна. На дняхъ вышелъ въ Кіевѣ, изданный въ количествѣ ста экземпляровъ и не поступающій въ продажу, альбомъ фототипическихъ снимковъ съ гравюръ Шевченка а *l'eau forte*, озаглавленный «Офорты Шевченка въ коллекціи В. В. Тарновскаго». Всѣ гравюры, въ силу необходимости, исполнены въ одномъ форматѣ (3×4 в.), причемъ, однако, при каждой, вслѣдъ за подписью, указаны размѣры, какъ доски, такъ и самой гравюры и мѣсто нахождения доски, если оно извѣстно. Воспроизведены также фототипіей двѣ обложки Шевченковской «Живописной Украины» (1844 г.) и подписи (*legendes*) художника подъ рисунками этого альбома.

Изданіе альбома принадлежитъ В. В. Тарновскому, собравшему въ своей великолѣпной южнорусской коллекціи массу работъ Шевченка и воспоминаній о немъ и большую часть его гравюръ. Въ настоящемъ альбомѣ не достаетъ лишь, кажется, трехъ или четырехъ (Король Лиръ, одинъ изъ собственныхъ портретовъ, вариантъ гравюры

«Дѣвушки у колодца» и пробныя гравюры съ Рембрандта), снимки съ которыхъ будутъ добавлены, когда судьба приведетъ ихъ въ руки собирателя. Нельзя не засвидѣтельствовать здѣсь того высокаго уваженія, какое заслуживаютъ давнія, почтенныя и безкорыстнѣйшія усилія В. В. Тарновскаго по спасенію остатковъ памятниковъ южно-русской оригинальной культуры, историческаго быта и искусства. Съ неослабною и горячею любовью, неся огромныя затраты, уважаемый коллекционеръ не устаетъ въ своей дѣятельности болѣе четверти вѣка, производя розыски какъ въ захолустной глуши, такъ и въ центрахъ, предпринимая съ этою цѣлью далекія поѣздки, разыскивая комиссіонеровъ въ мѣстахъ съ историческимъ прошлымъ. Въ частности, напримѣръ, по гравюрамъ Шевченка, столь цѣннымъ любителями и столь рѣдкимъ, г. Тарновскій достигъ собранія, вакаго нѣтъ ни у одного изъ самыхъ извѣстныхъ собирателей гравюръ въ Россіи, какъ Ровинскій и друг. Только собиратели офортовъ, допускающихъ возможность наименьшаго числа оттисковъ, поймутъ вполне, что значитъ собрать 28 работъ одного мастера, т. е., въ данномъ случаѣ, почти весь трудъ его въ этой области искусства.

Изданный нынѣ альбомъ копій, облегчивъ вообще знакомство съ граверными работами украинскаго поэта, послужить драгоценнымъ подспорьемъ для собирателей офортовъ, области, въ которой, въ русской школѣ, Шевченко является однимъ изъ первыхъ мастеровъ. Этотъ родъ гравюры цѣнится особенно потому, что онъ наиболѣе индивидуаленъ. Офортъ требуетъ быстрого рисунка и не допускаетъ исправленій. Поэтому особенность руки и глаза художника, его оригинальныя черты и совокупность всѣхъ его усилій, характеризующая словами «душевное настроеніе», передаются изъ всѣхъ видовъ гравюры, наиболѣе въ офортѣ. Черты Шевченка, какъ живописца, отразились также всего рельефнѣе въ этой излюбленной имъ отрасли гравюры.

По составу своему альбомъ состоитъ изъ снимковъ шести листовъ «Живописной Украины», четырехъ портретовъ лицъ художественнаго міра, шести снимковъ съ картинъ разныхъ художниковъ, трехъ композицій и семи портретовъ самого Шевченка. Если безусловной благодарности заслуживаетъ самая идея изданія, то исполненіе снимковъ мастерской г. Кульженко не всегда стоитъ на высотѣ задачи. Въ нѣкоторыхъ снимкахъ встрѣчаются блѣдныя пятна, въ другихъ не отиѣчается оригиналу общій тонъ. Въ общемъ, однако, какъ одна изъ первыхъ попытокъ строгаго художественнаго мѣстнаго изданія, работа мастерской г. Кульженко можетъ все же считаться удовлетворительной.

В. Г.

Остатки домика И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Въ Полтавѣ, у соборной церкви, надъ возвышенностью, спускающеюся въ долину Ворсклы есть два дворовыхъ мѣста; одно изъ нихъ принадлежитъ г. Ольховскому, другое—В. В. Сухиновой, которая живетъ на станціи Долинской харьково-николаевской ж. д. Прежде оба эти мѣста составляли одинъ дворъ, гдѣ жилъ родоначальникъ малорусской драматической литературы И. П. Котляревскій. Домъ его, говорятъ, стоялъ тамъ, гдѣ теперь проходитъ заборъ, раздѣляющій усадьбу на двѣ части. Въ кухнѣ флигеля отъ стараго дома сохранился одинъ лишь *трамъ*, или сволокъ, но и то уже не въ цѣломъ видѣ. Очевидно, съ двухъ концовъ онъ урѣзанъ, такъ что изъ надписи, бывшей на немъ, можно прочесть лишь слѣдующія слова: «...сей во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Року 1705 мѣца ав...» По срединѣ этихъ словъ есть пустое мѣсто, какое оставляется на такихъ же трамахъ и въ настоящее время.

Если домъ, трамъ котораго сохранился до настоящаго времени, построенъ былъ въ 1705 году, то онъ могъ еще стоять въ то время, когда здѣсь жилъ Котляревскій. Узнать, когда именно былъ перестроенъ старый домъ и выстроенъ флигель, сохранившій его трамъ, намъ не удалось. Но, вѣроятно, это можно сдѣлать, если распросить сосѣднихъ сторожиловъ.

Есть обыкновеніе сохранять вещи, напоминающіе о писателяхъ и художникахъ. Если отъ Котляревскаго осталось и не столько, сколько успѣли собрать почитатели Мопарта, Шекспира и др. художниковъ, то все-таки не мѣшало бы почитателямъ таланта Котляревскаго позаботиться, чтобы сохранить отъ гибели и то небольшое, что осталось.

Говорятъ, что въ Полтавѣ явилась когда то мысль привести въ порядокъ его могилу. Было устроено гулянье, сборъ съ котораго долженъ былъ пойти на ея улучшеніе; но мы не знаемъ, чѣмъ это дѣлъ кончилось.

Теперь есть слухи, что оба мѣста, составляющія бывшій дворъ Котляревскаго будутъ продаваться въ іюнѣ или іюлѣ текущаго года. Кто купитъ это дворце? Цѣну обѣихъ усадебъ опредѣляютъ въ 8—12 тысячъ. Не могли ли бы труппы актеровъ, играющія постоянно «Наталку - Полтавку», воспренятствовать какимъ нибудь способомъ исчезновенію предметовъ, напоминающихъ объ основателѣ мѣстной драматической литературы?

Театральныхъ школъ на югѣ Россіи нѣтъ; обучаются наши актеры на сценѣ, на глазахъ публики. Нельзя ли было бы мѣсто, гдѣ жилъ Котляревскій, употребить на устройство школы драматическаго искусства, сохранивъ въ ней въ такомъ или иномъ видѣ трамъ, подъ которымъ можетъ быть создавалась бессмертная комедія-оперетта?

Р.

Французскій поэтъ Гриценко. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Парижѣ вышли, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, двѣ небольшихъ книжки французскихъ стихотвореній, подписанныхъ характерною малороссійскою фамиліей. (V. De Gritzenko «Hellas», sonnets antiques. Paris 1886. Librairie des bibliophiles и его-же «Silhouettes bibliques»). Это литературное явленіе въ своемъ родѣ единственное. Нѣсколько раньше, правда, извѣстная малороссійская писательница г. Марко Вовчокъ принимала участіе въ изданіи Этзеля «Magasin d'education et de recreation», гдѣ помѣстила переведенную съ малороссійскаго, историческую повѣсть «Маруся», оригиналъ которой такъ и не вышелъ въ свѣтъ. Но въ французскую поэзію сонеты г. Гриценка были, конечно, единственнымъ вкладомъ, сдѣланнымъ писателемъ южно-русскаго происхожденія.

Въ книжкѣ сонетовъ, озаглавленной «Эллада», г. Гриценко является восторженнымъ поклонникомъ той лучезарной, дивной Эллады, которая рисуется сквозь дымку историческихъ воспоминаній и воплощается въ поэзіи Гомера и Софокла, въ греческой миѳологіи и въ непревзойденныхъ до сихъ поръ античныхъ статуяхъ, гдѣ идеальная строгость искусства и высшая простота сказали свое послѣднее слово на вѣчное удивленіе вѣковъ. Ряды такихъ поклонниковъ древней Греціи, такъ же какъ Греціи философской и научной, значительно порѣдѣли у насъ подъ влияніемъ аористовъ и другихъ грамматическихъ формъ, восхищеніе которыми обязательно для нашего юношества. Но на Западѣ этихъ поклонниковъ не мало, да и не переведутся они никогда и вѣчнымъ очарованіемъ останется волшебный миражъ колыбели просвѣщенія Эллады.

По всему складу своему г. Гриценко писатель чисто западный, лучше сказать космополитическій. Онъ принялъ характерный обликъ французскаго поэта группы, такъ называемыхъ «парнасцевъ» и воспѣваетъ Грецію древнюю и новую. Немногимъ дано воплотить въ словѣ античную красоту. Въ русскои поэзіи Пушкинъ, Майковъ въ

небольшихъ вещахъ достигали античной рельефности и ясности впечатлѣнія; у нѣмцевъ—Гете и Шиллеръ и въ современной французской литературѣ, мало извѣстный въ Россіи, но очень замѣчательный поэтъ, Леконтъ де Лиль, по стопамъ котораго очевидно стремится идти г. Гриценко.

Вся книжка его какъ бы навѣяна обращеніемъ вышеназваннаго поэта къ Элладѣ, въ его «*Poemes antiques*»:

*Les Dieux sont en poussiere, et la terre est muette;
Rien ne parlera plus dans ton ciel deserté.
Dors! Mais, vivante en lui, chante au coeur du poète
L'hymne melodieux de la sainte beauté.
Elle seule survit, immuable, eternelle!..*

Стихи г. Гриценка свидѣтельствуютъ о прекрасномъ классическомъ образованіи, даже эрудиціи, хотя остаются произведеніями диллетантскими, гдѣ поэзія проглядываетъ только иногда. Лучшая пьеса первой книжки, «*Hélène*», составляетъ перифразъ одного мѣста третьей пѣсни «*Иліады*», гдѣ описывается какое впечатлѣніе произвела красота Елены на троянскихъ старцевъ. Приводимъ этотъ сонетъ цѣликомъ, чтобы дать понятіе о манерѣ г. Гриценка:

*Hélène aux cheveux blonds. Helene aux pieds d'argent
Quitte d'un pas hatif sa couche nuptiale;
Elle reve au passé: sous son grand peplos blanc,
Elle pleure en songeant à la Sparte natale,
Et vers les hauts remparts s'en va languissamment.
Les vieillards d'Ilios sur la crete murale,
Le front chenu, siegent majestueusement:
Ils admirent la reine et sa grace fatale!
Sur leurs fronts, qu'a ridés l'implacable viellesse,
Passe comme une brise, un regain de jeunesse;
Ils se disent entre eux, tout bas: „En verité,
Il est juste qu'ici nous souffrions pour elle
La guerre et tous ses maux, car aucune Immortelle
N'a de plus souveraine et divine beauté!“*

Вступительный сонетъ близко напоминаетъ извѣстное начало поэмы «*Rolla*» Мюссе. Авторъ оплакиваетъ въ немъ отошедшіе въ вѣчность блаженные дни древней Греціи, то пантеистическое баснословіе, которое входило нераздѣльнымъ элементомъ въ жизнь древняго эллина и отъ котораго такъ далеко наше время:

*Sur la cime des monts il n'est plus de Déesse,
Ni dans les flots d'azur: la moderne rudesse
Effarouche la Nymphe, et les bois sont deserts!*

Въ пьесахъ «Гераклъ и Омфала», «Non licet omnibus adire Corinthum», «Оиванскія женщины» «Вакханка» и другихъ, г. Гриценко подражаетъ французскимъ авторамъ въ этомъ родѣ: Ожье, Банвилю, Ришпену, Бурже, у которыхъ найдется по двѣ—три прекрасныхъ пьесы этого пошиба. Къ сожалѣнью, начитанность и литературное образованіе не достаточны еще тамъ, гдѣ собственныя силы не всегда приходятъ на выручку.

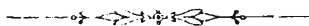
«Библейскіе силуэты» посвящены Леконту де Лиль, котораго авторъ прославляетъ за вѣрность традиціямъ древней поэзіи и называетъ эллинскимъ философомъ и представителемъ библейской правды. Г. Гриценко вдохновляется образами ветхаго завета и рисуетъ силуэты преимущественно женщинъ Библии, какъ Руфь, Эсфирь, Юдиохъ, Батсеба, маъ Соломона, Иродіада и просто «Израильская дѣва», которую онъ изображаетъ идеальными чертами. Въ этой книжкѣ слѣдуетъ отмѣтить пьесы «Руфь» и сонетъ III, какъ положительно прекрасныя. Послѣдняя пьеса воспѣваетъ Суламиту, послѣднюю любовь Соломона, которою вдохновлена была «Пѣсня пѣсней». Въ похвалу библейскимъ пьесамъ г. Гриценка достаточно связать, что онѣ напоминаютъ тотъ типъ, образцомъ котораго служатъ «Еврейскія мелодіи» Байрона и не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями современныхъ еврейскихъ стихотворцевъ, такъ же далекихъ отъ античной красоты, какъ величавый языкъ Библии далекъ отъ современнаго еврейскаго жаргона.

Намъ ничего неизвѣстно о житейскомъ положеніи нашего соотечественника, выступившаго въ печати въ качествѣ французскаго поэта. Какъ приставка де, такъ и складъ образованія говорятъ о происхожденіи и школѣ, пройденной г. Гриценкомъ. Направленіе этого образованія носитъ характеръ нѣсколько исключительной крайности, но самая эта крайность предпочтительнѣе того самодовольнаго невѣжества, которое лѣзетъ изъ всѣхъ щелей въ наши дни.

В. Г.

Еврейская торговля антикварными рѣдкостями получила широкое развитіе въ юго-западномъ краѣ. Несмотря на многократныя распоряженія о томъ, чтобы всѣ предметы древности, находимые при раскопкахъ, поступали въ правительственные музеи и древнехранилища, евреи съумѣли повести дѣло такъ, что большинство такихъ предметовъ и нерѣдко самыя драгоцѣнныя изъ нихъ попадаютъ въ ихъ руки. Евреи, торгующіе антиквар-

ными рѣдкостями, размѣстили своихъ агентовъ не только въ самыхъ закоулочныхъ уголкахъ юго-западнаго края, но и вообще на всемъ югѣ Россіи, какъ извѣстно, весьма богатою находками археологическихъ драгоценностей. Какъ только еврейскій агентъ узнаеть о находкѣ подобной драгоценности или успѣеть провѣдать о случайномъ нахожденіи ея у какого либо частнаго лица, въ большинствѣ случаевъ мало свѣдущаго въ предметахъ древности, онъ спѣшитъ увѣдомить о своемъ открытіи патрона, а послѣдній немедленно появляется на мѣсто нахождения драгоценности и пускаеть въ ходъ всѣ средства, чтобы заполучить ее въ свои руки. Для пріобрѣтенія высмотрѣнной интересной вещицы евреи пріобрѣгають обыкновенно къ тѣмъ пріемамъ, какіе рекомендовалъ вѣкогда одинъ археологъ - любитель, поучавшій другихъ археологовъ такими словами: «Когда ты найдешь интересную для тебя вещь, прежде всего попытайся купить ее; если откажутся продать ее, попытайся вымѣнять на другую вещь, если и въ этомъ тебѣ откажутъ — укради ее!» Но евреямъ въ такихъ случаяхъ приходится проявлять меньше настойчивости, чѣмъ любителямъ археологамъ, такъ какъ имъ очень рѣдко случается имѣть дѣло съ любителями археологами, а несравненно чаще — съ случайными владѣльцами археологическихъ рѣдкостей, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ даже приблизительнаго понятія о цѣнности ихъ археологическаго имущества. Поэтому евреямъ очень рѣдко приходится пріобрѣгать къ третьему способу приведеннаго выше наставленія археолога любителя, чаще — къ двумъ первымъ, но евреи поступаютъ, конечно, не въ ущербъ себѣ и, пріобрѣвъ вещи за безцѣнокъ, стараются сбыть ихъ повыгоднѣе. Для евреевъ, разумѣется, безразлично, кому будетъ продана добытая ими вещь, лишь-бы подороже продать ее. И вотъ, составивъ болѣе или менѣе значительную коллекцію такихъ вещей, среди которыхъ немало попадается христіанскихъ древностей (крестовъ, иконъ и проч.), евреи отправляются съ ними въ Москву, Варшаву и Петербургъ, тамъ распродаютъ ихъ частнымъ лицамъ и заграничнымъ агентамъ, и только незначительная часть русскихъ древностей, очень часто безцѣнныхъ по своему научному и историческому значенію, попадетъ изъ еврейскихъ рукъ въ частныя русскія собранія, большинство же ихъ увозится за границу и дѣлается достояніемъ западно-европейскихъ музеевъ, какъ, напр., краковскихъ и львовскихъ, или же частныхъ коллекцій заграничныхъ польскихъ магнатовъ. Нѣкоторые изъ евреевъ, торгующихъ антикварными рѣдкостями, не ѣздятъ ни въ Москву, ни въ Петербургъ, а сидятъ въ Кіевѣ и здѣсь ждутъ покупателей. Но отъ этого не легче, и русскія древности, все равно, тѣмъ или инымъ путемъ, благодаря предприимчивости и посредничеству евреевъ, увозятся подальше отъ русскихъ правительственныхъ древнехранилищъ. (Кіевлянинъ, 1891, № 113)

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ имп. русскаго историческаго общества, томъ 68 й. Спб. 1889 г., IX, 741.

Настоящій томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ богатые матеріалы для южно-русской исторіи. Онъ содержитъ въ себѣ дворянскіе депутатскіе наказы лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украйны. Редакція «Кіевской Старинны» не мало сдѣлала для уясненія роли малороссійскихъ депутатовъ въ знаменитой Екатерининской комиссіи: она издала цѣлый томъ наказовъ и актовъ о выборахъ, она напечатала обширное изслѣдованіе о нихъ г. И. В. Теличенка и мою статью, посвященную выборамъ и дѣятельности въ комиссіи слободско-украинскихъ (харьковскихъ) депутатовъ. Теперь умѣстно будетъ посмотрѣть, какія *новыя* данныя по этому вопросу заключаются въ настоящемъ томѣ «Сборника».

Редакторъ «Сборника» проф. В. И. Сергѣевичъ печатаетъ всѣ сохранившіеся наказы и челобитья цѣликомъ, подрядъ и поступаетъ такъ, конечно, потому, что въ его распоряженіи имѣются подлинники. Къ малороссійской губ. относится 10 дворянскихъ наказовъ и 7 челобитій. О своихъ нуждахъ заявило дворянство всѣхъ бывшихъ полковыхъ городовъ (а ихъ, какъ извѣстно, было 10) и кромѣ того, глуховское, батуриное и погарское шляхетство, конечно, потому, что Глуховъ, Батурино и Погаръ считались городами. Значительная часть этихъ документовъ была издана уже въ «Кіевской Старинѣ»; только тутъ они были перепечатаны съ копій, а въ «Сборникѣ» съ оригиналовъ. Впрочемъ разногласія между тѣми и другими не замѣчается.

И. В. Теличенко для своей работы воспользовался только наказами, изданными въ «Кіев. Стар.». Теперь новые наказы, напечатанные въ «Сборникѣ» отчасти подтверждаютъ, отчасти дополняютъ

сдѣланную имъ характеристику шляхетскихъ нуждъ и пожеланій. Возьмемъ, на примѣръ, наказъ нѣжинскаго и батуринскаго шляхетства. 1-я статья его трактуетъ о непригодности нѣкоторыхъ параграфовъ Литовскаго Статута; здѣсь, между прочимъ, интересно указаніе на то, что «вслѣдствіе отсутствія законодательства на природномъ языкѣ приходится пользоваться имъ на польскомъ, отъ котораго между тѣмъ въ послѣднее время стали отставать»; во 2-й говорится о спискахъ шляхетства; въ 3-ей о необходимости учрежденія въ Малороссіи дворянскаго корпуса и женскаго воспитательнаго училища, далѣе—объ уравниніи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими, объ утвержденіи за владѣльцами всѣхъ ихъ имѣній, о несправедливости наложеннаго Румянцевымъ подворнаго рублеваго оклада вмѣсто прежнихъ консистентскихъ дачъ, объ отягощеніяхъ посполитыхъ подданныхъ, объ учрежденіи въ Малороссіи государственнаго банка и хлѣбныхъ магазиновъ; все это такія просьбы, какія заявляло и дворянство другихъ повѣтовъ. Любопытно здѣсь указаніе на займочный способъ возникновенія поземельной собственности. «Многіе изъ помѣщиковъ и старшинъ, говорится здѣсь, въ давнія времена занявъ пустыя въ свободности бывшія земли, поселили на оныхъ къ лучшему государству прибытку деревни, выростили роши, основали земледѣліе, ввели скотоводство и разныя промыслы и запрудили плотины, на которыхъ къ пользѣ жителей построили мельницы и изъ того государственную отправляли и отправляютъ службу. Таковыя владѣнія утверждены были здѣшнему народу, какъ нѣкоторыми статьями, подъ именемъ Займищъ, такъ правами и привилегією». Конечно, эта страничка изъ исторіи шляхетскаго землевладѣнія смахиваетъ на идиллію—деревни селили для собственной пользы; плотины запрудивали иногда ко вреду другихъ;—но она все таки интересна потому что даетъ данныя для характеристики старшинской заимки, какъ юридической нормы. Заслуживаетъ вниманія также проектъ старшинъ о заведеніи особой комиссіи, которая бы разбирала жалобы мѣстнаго населенія на притѣсненія воинскихъ командъ, и о назначеніи комиссаровъ, которые бы сопровождали эти команды при ихъ передвиженіяхъ по Малороссіи. Такого же приблизительно содержанія и дворянскіе наказы другихъ повѣтовъ. Наказъ лубенскаго шляхетства, депутатомъ котораго былъ извѣстный Григорій Андреевичъ Полѣтика, проникнутъ консервативнымъ духомъ. Всѣ первые параграфы его заняты фактическими справками о малороссійскихъ правахъ. «И какъ мы, говорится здѣсь, по безпристрастному нашему разумѣнію почитаемъ сіи права во всѣхъ

нашихъ нуждахъ достаточные, не лицепріемные, злымъ строгость обстоятельно и точно, а прямымъ обидимымъ выгоду предписывающими, то полагаемся надеждою на безприкладное Е. И. В. милосердіе, что тѣхъ самые права при насъ и впредь оставлены будутъ». Интересенъ здѣсь 8-й параграфъ, гдѣ всячески доказывается право козакъ отчуждать свои грунты въ пользу старшинъ. Еще болѣе интересенъ 15-й параграфъ, въ которомъ ярко выражается отрицательное отношеніе старшинъ къ извѣстной генеральмой описи Малороссіи, предпринятой Румянцевымъ. «За учрежденіемъ въ Малой Россіи коллегіи, читаемъ мы здѣсь, по предложенію генераль-аншефа и кавалера Петра Александровича Румянцева въ Малой Россіи введена еще отличная перепись такимъ образомъ: переписуются жилые наши дворы, пахатные и сѣнокосные поля, лѣсы, луги, мельницы и протчія угоды и требуются показанія, сколько хлѣба засѣвается и сколько на какомъ мѣстѣ сѣна укашивается и сколько жъ съ мельницъ приходу въ годъ бываетъ; описывается скотъ нашъ и пчелы и ревдуются получаемые доходы; люди наши мужеска и женска полу и все ихъ имѣніе, не минуи и самихъ дворовыхъ служителей, по душамъ описуются. Таковой переписи съ самаго того времени, когда малороссійскій гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ подъ всероссійскую державу поддался, въ Малой Россіи не бывало и члѣбъ оной быть, на то нѣтъ и не бывало высокомонаршихъ указовъ, а имѣются точные таковые указы, что здѣсь подушной переписи никогда не бываетъ. Да члѣбъ и нынѣ оной быть, на сіе мы именнаго Е. И. В. всевысочайшаго указа не видимъ. По утвержденнымъ же всѣмъ въ Бозѣ почивающими Е. И. В. предкамъ нашихъ правъ и стародавнихъ обычаевъ быть оной переписи не слѣдуетъ для того, что по праву книги Статутъ, по артикулу 15, раздѣлу 3, установлено: всѣ привилегіи, стародавнія, земскія и вновь отъ насъ данныя вольности и обычаи добрые, старинные сохранять и ни въ чемъ того не нарушать, а новаго ничего не устанавливать; а была ли бы надобность что новое прибавить къ добру Рѣчи Посполятой, тогда сего не имѣеть чинить, ниже уставовъ какихъ дѣлать, кромѣ за согласіемъ общимъ. Нашего жъ согласія на обѣ объявленныя переписи не было и къ тому никого съ насъ не сзывано, но безъ всего тое приказано сдѣлать». Здѣсь прямо Генеральная опись выставляется дѣломъ незаконнымъ. Общій смыслъ параграфа тотъ, что такая перепись представляла небывалое, необыкновенное явленіе въ исторіи Малороссіи. Этотъ взглядъ на ген. опись былъ

усвоенъ и авторомъ «Исторіи Руссовъ», который свое картинное изображеніе описи начинаеть такъ: «Графъ Румянцевъ въ 1767 г. повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая какъ въ своемъ родѣ, такъ и въ способѣ ея произведенія, была новостъ необыкновенная». Въ наказѣ кіевскаго (т. е. собственно остерскаго и козелецкаго) шляхетства обращаетъ на себя вниманіе пунктъ о просвѣщеніи. «Ничто въ жизни для честнаго шляхетства, говорится тутъ, не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣкѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной. Сему основанію послѣдуя, малороссійское шляхетство отдають своихъ дѣтей въ разныя отдаленныя науки, какъ то: университетъ московскій, въ Санктъ-Петербургъ, а другіе посылають въ чужія, далекія государства и, доставая наукъ, лишаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности. Мы со многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ во угодность высочайшей В. И. В. волѣ и любви къ совершенному разуму на сію степенъ возведенія вѣчно подданныхъ своихъ. Ваше И. В., яко премилосердая мать, имѣя неусыпное попеченіе, всемилостивѣйше соизволили въ разныхъ мѣстахъ своего государства завести училища и утвердить университеты на коштѣ государственномъ для пользы юношества, въ просвѣщеніе ихъ разума и достиженіе разныхъ наукъ, а Малая Россія сего счастья въ полученіи еще не имѣетъ. Того для В. И. В. всеподданнѣйше просимъ, по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать и васъ высочайшею милостію во учрежденіи въ Малой Россіи университетета въ городѣ Кіевѣ или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ е. с. графомъ П. А. Румянцевымъ... На учрежденіе же и содержаніе оного университета В. И. В. пожаловать сумму изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ, а особо и ту сумму, которая до сего, по высочайшимъ указамъ, обѣщана малороссійскому народу въ заплату за забратіе на счетъ чрезъ бывшее военное съ турками и Пруссією время вола, лошади, возы, провіантъ, фуражъ и прочее». Стародубское шляхетство по этому поводу замѣтило, что существующія въ Малороссіи латинскія школы (3 гимназіи — въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславѣ) «къ большому просвѣщенію разума человеческого и къ полученію другихъ нужныхъ для службы государственной и къ пользѣ всеобщей наукъ суть недостаточны» и потому ходатайствовало объ учрежденіи внутри Малороссіи университета. Погарское дворян-

ство подняло очень важный для него вопрос о стародубских раскольниках — просило о выводѣ ихъ изъ малороссійскихъ земель или, по крайней мѣрѣ, объ отдачѣ подъ вѣдомство малороссійскихъ судовъ.

Но кромѣ дворянскихъ депутатскихъ наказовъ лѣвобережной Малороссіи (т. е. нынѣшней черниговской и полтавской губ.), въ «Сборникѣ» помѣщена цѣлая серія такихъ же наказовъ слободско-украинской, т. е. нынѣшней харьковской губ. Слободская Украина въ основной массѣ своего населенія представляла изъ себя такую же южно-русскую область, какъ и лѣвобережная Малороссія. Въ теченіе столѣтняго періода своего историческаго существованія она пользовалась значительною долею автономіи, хотя, конечно, сильно уступавшей автономіи Малороссіи. Тамъ во главѣ управления стоялъ гетманъ; здѣсь такой мѣстной центральной власти не было. Слободская Украина дѣлилась на 5 полковъ, во главѣ которыхъ стояли независимые другъ отъ друга полковники. Полковники зависѣли отъ бѣлгородскаго воеводы и разряднаго и великороссійскаго приказа, позже — отъ сената и военной коллегіи. Такое устройство существовало до 1765 года, т. е. до реформъ Щербинина. При немъ козацкіе полки были преобразованы въ гусарскіе, учреждена губернія (слободско-украинская), распадавшаяся на провинціи, которыя въ свою очередь дѣлились на комиссарства. Реформа Щербинина вызвала нѣкоторое волненіе; инициаторомъ его среди старшины былъ полк. Краснокутскій, который за это былъ судимъ и сосланъ въ Казань ¹⁾. Произведенный по сему дѣлу розыскъ долженъ былъ естественно утратить другихъ. Выборы депутатовъ въ Екатер. комиссію, имѣвшіе мѣсто 2 года спустя, и составленіе наказовъ прошли, вообще говоря, въ противоположность Малороссіи, спокойно ²⁾. Въ силу всего этого и въ наказахъ слободско-украинскихъ старшинъ очень скромно заявляется о сохраненіи старинныхъ правъ и преимуществъ. Реформа только что была введена; выборами руководилъ виновникъ ея Щербининъ, «правившій губернаторскую должность» въ Харьковѣ. Дворяне стараются въ своихъ наказахъ отмѣтить свои реальные нужды и потребности, преимущественно экономическаго и отчасти соціальнаго характера; политическій элементъ въ нихъ очень слабъ. Ахтырскіе старшины, напримѣръ, просили отъ отмѣнѣ соляной монополіи,

¹⁾ См. объ этомъ ст. Ив. В. Теличенка „Протестъ слоб. старшины и козаковъ противъ реформъ 1765 г.“ въ „Кіев. Стар.“ 1888 г., т. XX, стр. 244—270.

²⁾ См. объ этихъ выборахъ мою статью „Къ исторіи Екатерининской комиссіи“ въ „Кіев. Стар.“ 1885 г. сентябрь.

объ освобожденіи отъ обязанности участвовать въ починѣхъ находящихсѣ въ ахтырской провинціи значительныхъ мостовъ, о льготѣ по части продажи вина и расквартированія воинскихъ командъ, объ утвержденіи за ними земель, которыми они владѣли безъ крѣпостныхъ актовъ въ общихъ округахъ съ войсковыми обывателями. Всѣ эти просьбы имѣютъ въ виду исключительно сословные интересы дворянства. Но не довольствуясь этимъ, слободско-украинскіе дворяне выступили еще съ такимъ колатайствомъ, какого постѣснялись добиваться малороссійскіе старшины — они просили о запрещеніи крестьянамъ ихъ вольнаго перехода съ одного мѣста на другое. «По высочайшей В. И. В. конфирмаціи здѣшной губерніи войсковымъ казеннымъ обывателямъ, писали ахтырскіе дворяне, переходъ на поселеніе въ другія постороннія мѣста запрещенъ. А какъ за нами имѣются подданные малороссіяне, состоящіе платежомъ положеннаго шести-гривеннаго оклада и судомъ въ здѣшной губерніи, которые малороссіяне, по своей прежней заобинности не имѣя о каковой либо прочности содержанія въ хорошемъ порядкѣ домовъ и пашень, отъ одного къ другому владѣльцу, такожъ въ постороннія губерніи и безъизвѣстныя мѣста, что и сыскать ихъ всячески невозможно, переходятъ, оставляя не токмо владѣльческія отъ нихъ должныя работы и другія послуги, но и не заплати указныхъ податей, кои, яко казенныя, принуждены тѣ владѣльцы отъ себя платить съ немалымъ убыткомъ, а оныя чрезъ такой частый переходъ не токмо лишаются своего имѣнія и экономіи, но въ таковую нищету и бѣдность приходятъ, что и дневной пищи, а при томъ, по свободности своей, и работать прилежности не имѣютъ, а когда принуждать и приводить къ законному порядку и земледѣльству, почитаютъ за тягость. Въ разсужденіи тѣхъ ихъ обстоятельствъ, соблаговолено бѣ было онымъ подданнымъ черкасомъ учинить въ переходѣ съ мѣста на мѣсто запрещеніе и безъ билетовъ не ходить; напротивъ того, помѣщика и владѣльцы должны подданного дворомъ въ подлежащему строенію, пахотною и сѣнокосною землею и на отапливаніе, гдѣ есть лѣсъ, снабдить, дабы по недостатку не могли переходить. А ежели по своевольству будутъ уходить, таковыхъ безъ письменныхъ владѣльческихъ видовъ не принимать, а когда будутъ приниманы, на таковыхъ положить взыскивать штрафъ». Этотъ параграфъ представляетъ изъ себя теорію крѣпостнаго права; оно, по мнѣнію ахтырскихъ дворянъ, должно было принести одинаковую пользу и помѣщикамъ, и крестьянамъ; пользуясь же свободой, они не могли быть

достаточно усердны къ работѣ. Сумскіе дворяне также включили въ свой наказъ пунктъ о запрещеніи вольнаго перехода безъ билетовъ; приэтомъ они ссылаются на Высочайшій указъ 1763 года, (15 декабря), запретившій помѣщикамъ принимать крестьянъ, явившихся безъ отпусныхъ билетовъ, и высказываютъ желаніе, чтобы билеты эти были офиціально свидѣтельствованы, а за принятіе безъ нихъ крестьянъ назначенъ былъ штрафъ; а переходъ въ сосѣднія губ. былъ совершенно воспрещенъ. Остальные пункты челобитья сумчанъ касаются отчасти тѣхъ же вопросовъ, какіе были затронуты ахтырскими дворянами (льготы по части повинностей съ ихъ подданныхъ, винокуренія, покупки и продажи соли, военныхъ постоевъ), отчасти новыхъ — гражданскаго суда, опеки надъ малолѣтними, (оба эти вопроса поставлены очень симпатично), гербовъ, положеній гг. Суджи, Мирополья и Бѣлополья. Дворянскіе гербы должны были получить всѣ лица, дослужившіеся до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ. Дворянство харьковской провинці ходатайствовало объ укрѣпленіи за нимъ грунтовъ, купленныхъ у козаковъ, о возвращеніи земель, отошедшихъ подъ Украинскую лнцію и въ вѣдѣніе новороссійской губерніи; остальные пожеланія совпадали съ ходатайствами сумчанъ и ахтырцевъ. Острогожское дворянство, ближе всѣхъ другихъ соприкасавшееся съ великорусскимъ населеніемъ воронежскаго края, должно было отстаивать ту привилегію, которую никто не нарушалъ у жителей остальныхъ четырехъ провинцій, право свободного винокуренія. Оно же съ особенною энергіею старалось о переименованіи б. козацкихъ чиновъ въ великороссійскіе и вообще о дарованіи ему дворянства. Но самыя неумѣренныя желанія оно выразило по части надѣленія его земель. «Находившіеся въ службѣ и отставные здѣшніе уроженцы, говоритъ оно, дворяне и старшины землями, сѣнными покосы и протчими угоды нынѣ владѣютъ одни по отводамъ и по указамъ канцеляріи, другіе по своимъ стариннымъ займамъ, безъ данныхъ на то указовъ, иные же, не имѣя, по указамъ и по займамъ, особо никакихъ угодій, довольствуются въ обществѣ съ войсковыми жителями. Между всѣми оными есть такіе, кои по своимъ чинамъ въ землѣ и угодыхъ имѣютъ крайній недостатокъ». На основаніи инструкціи губернатору велѣно было всѣ вообще земельныя дачи точно измѣрять и положить въ четверти. Острогожскіе же дворяне просили объ отводѣ имъ земель въ окружныхъ межахъ безъ измѣренія ихъ четвертями и десятинами. «Состоящія за дворянами и старшинами по отводамъ и указамъ отъ канцелярій и

по займамъ земли и угодья по тому ихъ владѣнію, по урочищамъ же, за ними отказать и отмежевать. Владѣющихъ въ обществѣ съ войсковыми жителями снабдить по ихъ чинамъ особыми дачами по пропорціи, установленной въ екатерининской провинціи; а у коихъ изъ отведенныхъ по указамъ и изъ заимочной положенной пропорціи недоставать будетъ, то и тѣмъ по ихъ чинамъ добавитъ». Чтобы понять всю серьезность этой просьбы, нужно вспомнить, какіе громадныя участки получали помѣщики новороссійскаго края: кусокъ въ 1200 дес. считался минимальнымъ надѣломъ. Но если раздача крупныхъ поземельныхъ дачъ въ Новороссіи не принесла ожидаемыхъ выгодъ, то здѣсь, въ слободской Украинѣ, она была уже совсѣмъ излишня, бесполезна, несправедлива и, наконецъ, невозможна. Изюмское дворянство въ этомъ отношеніи высказало больше скромности: оно ходатайствовало только объ оставленіи за нимъ права на совмѣстное (съ войсковыми обывателями) владѣніе общественными землями. Относящіеся сюда параграфы очень любопытны; они содержатъ въ себѣ важныя данныя о характерѣ землевладѣнія. «Изюмской же провинціи войсковыя слободы по рѣкамъ Осколу и Донцу, состоящія промежъ себя отъ 80 и за 100 в. разстояніемъ, имѣютъ поселеніе, а внутрь, промежъ тѣхъ рѣкъ по разнымъ рѣчкамъ земляныя угодья, яко то: сѣнокосныя луга и противъ тѣхъ луговъ пашенная земля, а за пашенною землею степь...., а прочая за тѣмъ безводная степь какъ въ нашемъ, такъ войсковыхъ обывателей общемъ состоитъ владѣніи и на тѣхъ земляхъ во многихъ имѣются села и деревни по извѣстному владѣнію и урочищамъ, а у другихъ хутора и сѣнныя луга съ обывателями черезъ межу и въ сосѣдствѣ на древнемъ сего народа обыкновеніи. Степь же какъ для весняного, лѣтняго, осенняго, такъ и зимняго времени обще блюдется для пастбы скота, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ лошади, овцы, а иногда и скотъ рогатой и въ зимнее время, въ степи подъ снѣгомъ добывая ногами кормъ, довольствуется и никакихъ излишнихъ и за удовольствіемъ лежащихъ въ пустѣ земель, подлежащихъ къ описи, нѣтъ, но всѣ тѣ земли за вѣрныхъ предковъ нашихъ и наши службы не по уроку, и противъ великороссійскихъ владѣльцевъ и обрядовъ, но по займамъ промежъ себя по раздѣлу, по черкасскому обыкновенію, въ вѣчное владѣніе всемилоствѣйше пожалованы».

Если эти общественныя земли будутъ отняты, писали изюмскіе дворяне, то многіе лишатся своего основнаго дохода отъ степнаго скотоводства. Посему пусть все останется по прежнему, т. е. «кто по

рѣчкѣ сѣнными лугами владѣть, то противъ тѣхъ луговъ земля и прочее по другія дачи владѣть, за законъ почитая спокойное и по 765-й годъ указное безспорное владѣніе; такожъ имѣющимъ старшинамъ и ихъ чинамъ и ихъ подданнымъ въ войсковыхъ слободахъ скотинными выпуски, пашенными землями и общимъ степомъ со всѣ-войсковымъ обыватели пользоваться во обще и тѣхъ общихъ безводныхъ земель за излишнее наше владѣніе не причитать и оныхъ въ казенныя земли не описывать, дабы подѣ именованіемъ казенными продажею и по другимъ раздачамъ отъ общества отойти не могли, и оныхъ якобы въ пустѣ лежащихъ, а единственно нашихъ общихъ земель въ розлачу, кои пздревле и всегда въ сей провинціи служили, никому иному не употреблять, утвердить то закономъ». Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими общественными землями, которыя въ Малороссіи носили названіе *вольницъ* и которыя служили общимъ пастбищемъ для скота. Въ обширной изюмской провинціи такихъ вольницъ было, очевидно, еще не мало и благодаря имъ здѣсь и могло широко развиться степное скотоводство. Симпатичною чертою наказовъ слободско-украинскаго дворянства нужно признать ясно выраженное въ нихъ стремленіе къ просвѣщенію. Ахтырскіе дворяне ходатайствовали о приѣмѣ ихъ дѣтей въ такъ называемые добавочные классы харьковскаго коллегіума; здѣсь, по инструкціи губернатору, должны были преподаваться французскій и нѣмецкій языки, математика, геометрія, рисованіе, инженерство, артиллерія и геодезія; неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, въ коллегіумъ поступало много дворянскихъ дѣтей, и оны отличатся всесловнымъ характеромъ. Сумское дворянство пошло дальше и просило объ открытіи въ Сумахъ университета для дворянъ и городского училища. «Какъ во многихъ состоящихъ подѣ высокою державою Е. И. В. городахъ учреждены воспитываемымъ дворянскимъ и прочаго званія дѣтямъ училища, отъ которыхъ и немалый плодъ отечеству приносится, а невѣжды и развращенныя нравы, суевѣріе, расколы и прочее тому подобное, совсѣмъ къ сожитію благонаравнаго народа не потребное, истребляется, то, взирая на толь высокоmaterнія Е. В. ко всѣмъ вѣрноподаннымъ изливаемыя щедроты и милости, необходимо нужно есть представить и о семъ, чтобъ повелѣно было и въ здѣшнемъ городѣ учредить училища—первое для благороднаго дворянства, второе—для церковнопческихъ, подъяческихъ, мѣщанскихъ и прочихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ имп. университетѣ и въ городскихъ прочихъ училищахъ

предписано, чрезъ что можетъ произойти, что дворянство, а особливо не весьма достаточные, будутъ имѣть способъ не въ отдаленномъ отъ себя мѣстѣ и не съ такими издержками, какъ до сего происходило, но въ близости отъ домовъ и съ хорошимъ надзираемъ для наученія дѣтей своихъ отдавать. Да и недостатокъ въ церковнослужителяхъ, разумѣющихъ принадлежащія до церковнаго служенія правила, проповѣдывать слово Божіе и научить простолюдиновъ Закона Божія, во многихъ мѣстахъ поправится. Какая жъ отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно.

Мы нарочно такъ подробно остановились на наказахъ слободско-украинскихъ дворянъ, потому что они всѣ впервые теперь являются въ печати, если не считать краткихъ и случайныхъ отрывковъ изъ нихъ, приведенныхъ въ книгѣ проф. Ласкина «Законодательныя коммисіи». Съ нетерпѣніемъ ждемъ того тома «Сборника», въ которомъ будутъ помѣщены городскіе наказы вообще и Малороссіи со Слободской Украиной въ частности.

Д. И. Багалъй.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Я. В. Абрамова. Спб. 1891 г. 96 стр. Цѣна 25 к.

Извѣстному издателю Ф. Павленкову пришла въ голову прекрасная мысль — познакомить русское общество съ біографіями и дѣятельностью наиболѣе замѣчательныхъ представителей науки, политики и искусства въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Эта своеобразная бібліотека начала выходить осенью 1890 года и закончится въ теченіи 2-хъ лѣтъ, т. е. въ 1893 году. Однимъ изъ выпусковъ ея является та книжечка, заглавіе которой мы выписали выше. Въ ней помѣщена біографія дѣятеля, имя котораго съ признательностью долженъ вспоминать всякій интеллигентный южанинъ—Василія Назарьевича Каразина, виновника основанія университета въ Харьковѣ. «Огромнѣйшему большинству нашего образованнаго общества, говоритъ г. Абрамовъ, Василій Назаровичъ Каразинъ неизвѣстенъ даже по имени. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ примѣровъ несправедливости исторіи... Въ любой европейской странѣ такому человѣку давно былъ бы поставленъ памятникъ, его имя стояло бы на надлежащемъ мѣстѣ въ исторіи, его личность, мнѣнія и дѣятельность послужили бы предметомъ многочисленныхъ историческихъ работъ,

его біографія, наконецъ, слѣлалась бы настольною книгою каждаго гражданина. У насъ же даже имя этого человѣка неизвѣстно. Немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что В. Н. Каразинъ былъ *провинціальнымъ* дѣятелемъ, и полной признательности со стороны всѣхъ читателей (столичныхъ и провинціальныхъ) заслуживаютъ какъ издатель, такъ и авторъ настоящаго сочиненія, за то что они воскресили имя этого забытаго дѣяте- ля и напомнили о немъ широкимъ кругамъ нашей читающей публики. Г. Абрамовъ правъ, когда говоритъ, что присяжные историки игнорировали дѣятельность В. Н. Каразина (это относится даже къ извѣстному автору «Общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ» А. Н. Пыпину); но не правъ, утверждая, что «мы доселѣ не имѣемъ мало мальски связнаго біографическаго очерка, хотя бы чисто внѣшняго, посвященнаго этой замѣчательной личности». Самъ же онъ первымъ своимъ пособіемъ выставилъ «Украинскую старину» Г. П. Данилевскаго, конечно, имѣя въ виду помѣщенную въ ней біографію В. Н. Каразина. Біографія эта въ настоящее время уже не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ спеціалиста, но для своего времени она, несомнѣнно, давала не мало, да и теперь еще прочтется съ пользою всякимъ, интересующимся личностью В. Н. Каразина. Будущій біографъ В. Н. Каразина возьметъ ее исходнымъ пунктомъ для своей работы. Покойный Гр. Петр. Данилевскій не былъ, правда, присяжнымъ историкомъ, но его «Украинская старина» — не историческій романъ, а сборникъ настоящихъ историческихъ монографій, имѣвшихъ въ свое время *научное* значеніе и съ этой точки зрѣнія оцѣненныхъ даже нашей академіей наукъ (за эту книгу онъ получилъ Уваровскую премію). И самому г. Абрамову, — что, впрочемъ, вполне естественно — книга Г. П. Данилевскаго сослужила не малую службу. Спрашивается, какъ же послѣ этого г. Абрамовъ могъ сказать, что В. Н. Каразинъ «до сихъ поръ не заслужилъ чести имѣть хоть кое какую біографію, ни какъ ученый, ни какъ общественный дѣятель, хотя въ обоихъ отношеніяхъ онъ представляетъ собою выдающееся явленіе». Самъ г. Абрамовъ ставитъ себѣ скромную цѣль. «Приступая къ составленію настоящаго очерка, говоритъ онъ, мы не задавались цѣлью создать, такъ называемый, солидный трудъ. Подобная работа выходила бы за предѣлы нашей задачи и не соответствовала бы рамкамъ, поставленнымъ для цѣлаго изданія, въ которое нашъ этюдъ входитъ, какъ часть. Мы имѣли въ виду лишь дать популярный біографическій очеркъ человѣка, столь несправедливо забытаго нашимъ

обществомъ и нашею историческою наукою, и тѣмъ привлечь ихъ вниманіе къ этой оригинальной личности и видному дѣятелю нашей прошлой жизни». Такой дѣли авторъ вполне достигаетъ; мало того, онъ даетъ даже нѣсколько больше, чѣмъ обѣщаетъ. Г. Абрамовъ отнесся къ своему дѣлу очень добросовѣстно и главное съ любовью; онъ познакомился со всѣми *важнѣйшими* источниками и пособіями по избранному имъ вопросу и на основаніи ихъ далъ намъ очень живо и тепло написанный очеркъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что значительная часть этихъ матеріаловъ была издана уже послѣ выхода въ свѣтъ книги Г. П. Данилевскаго, и что г. Абрамовъ впервые сдѣлалъ краткую сводку ихъ, то его книжечка пріобрѣтаетъ нѣкоторое научное значеніе, а не является простою компіляціей извѣстныхъ пособій. Правда, г. Абрамовъ упустилъ изъ виду кое-какія существенныя печатныя данныя (въ родѣ, на примѣръ, записокъ Ярославскаго, статьи о. Ник. Лащенко о В. Н. Каразинѣ, какъ помѣщикѣ с. Кручина); правда, онъ не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ различія во взглядахъ на дѣятельность и личность Каразина; но онъ и не обѣщалъ намъ этого. А между тѣмъ, вообще говоря, его взглядъ на дѣятельность Каразина стоитъ, какъ намъ кажется, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ отзывъ спеціалиста историка—В. И. Семевскаго. У г. Абрамова тонъ нѣсколько приподнятый. Онъ не останавливается на отрицательныхъ чертахъ характера В. Н. Каразина, которыя были отмѣчены уже прежними изслѣдователями. Но за то у него получается выпуклая характеристика его кипучей энергической дѣятельности, въ которой онъ опередилъ свой вѣкъ. Г. же Семевскій несправедливо порицаетъ В. Н. Каразина за то, за что онъ заслуживаетъ похвалы—за его стремленіе облегчить по возможности участь своихъ крѣпостныхъ. Допустимъ, что форма этого облегченія была несовершенна, носила на себѣ печать «проектерства», столь присущаго Каразину. Тѣмъ не менѣе ставить ему это въ вину, заподозривать искренность его намѣреній не приходится; для этого нужны доказательства, а ихъ нѣтъ. Суевливость В. Н. Каразина неприятно дѣйствовала на его современниковъ, а впечатлѣнія и отзывы этихъ послѣднихъ не остались безъ вліянія на нынѣшнихъ изслѣдователей; г. же Семевскій довѣрился имъ вполне.

Книжечка г. Абрамова достаточно полно рисуетъ намъ дѣятельность Каразина и по прочтеніи ея остается впечатлѣніе, что виновникъ основанія харьковскаго университета былъ дѣйствительно богато

одаренъ природою, отличался разностороннимъ (можетъ быть, даже слишкомъ разностороннимъ) умомъ, широкимъ энциклопедическимъ, но не поверхностнымъ знаніемъ и главное неукротимымъ стремленіемъ къ общественной дѣятельности.

Вся книга состоитъ изъ 8 главъ; въ 1-й и 2-й гл. рассказывается біографія Каразина и излагается петербургскій періодъ его дѣятельности, (приближеніе къ Александру I-му, роль въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія); въ 3-й говорится о заслугахъ, оказанныхъ имъ харьковскому университету; въ 4-й объ охлажденіи къ нему императора и внѣслужебной дѣятельности; 5-я посвящена уясненію его отношенія къ крестьянскому вопросу (въ теоріи и на практикѣ); въ 6-й изображается Каразинъ, какъ ученый и хозяинъ, и какъ организаторъ филотехническаго общества; въ 7-й приводится содержаніе его писемъ къ имп. Александру I-му и Николаю Павловичу, результатомъ которыхъ была высылка въ имѣніе; въ 8-й заключительной главѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о послѣднемъ періодѣ его жизни. Не всѣ главы отличаются одинаковою обстоятельностью; лучшими мы признаемъ тѣ, въ которыхъ говорится о политическихъ идеяхъ В. Н. Каразина, отношеніи къ крестьянскому вопросу и научныхъ открытіяхъ; заслуги его на пользу харьковскаго университета очерчены блѣдно; личной жизни В. Н. Каразина г. Абрамовъ вовсе не касается и предоставляетъ это сдѣлать будущему біографу, «который будетъ располагать болѣе полными свѣдѣніями». Г. Абрамовъ, основываясь на «Украинской старинѣ», указываетъ, что сохранились «многотомныя записки В. Н. Каразина, которыя предполагалось издать еще въ 60-хъ годахъ, но которыя и доселѣ не появились въ свѣтъ». Но это, собственно, не записки, а громадная переписка В. Н. Каразина; къ сожалѣнію, впрочемъ, она, повидимому, погибла во время одного изъ пожаровъ, посѣтившихъ с. Кручинъ. Что же касается матеріаловъ, «хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ», то намъ они неизвѣстны.

Въ заключеніе замѣтимъ, что внѣшность изданія вполне соответствуетъ его внутреннимъ достоинствамъ. За 25 коп. читатель получаетъ изящно изданную на прекрасной бумагѣ книжку, украшенную портретомъ В. Н. Каразина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедономъ. Пожелаемъ самаго широкаго распространенія этому сочиненію; по дешевизнѣ, по легкости и интересу изложенія оно доступно всякому образованному человѣку.

Въ дальнѣйшихъ выпускахъ должны появиться біографіи слѣдующихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему югу—Гоголя, Пирогова, Шевченка и Щелкина. Не сомнѣвается въ успѣхѣхъ задуманнаго г. Павленковымъ предпріятія.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, напоминаемъ читателямъ «Кіевской Старины», что при харьковскомъ университетѣ сосредоточенъ сборъ пожертвованій на памятникъ В. Н. Каразину. Для этой цѣли Высочайше разрѣшена подписка по всей російской имперіи. Сборами завѣдуетъ комиссія, состоящая изъ четырехъ профессоровъ. Подписные листы высылаются желающимъ. Пожертвованія принимаются и въ редакціи «Кіевской Старины». Фамиліи жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

Д. И. Багалъй.

В. И. Василенко. Мѣстечко Опошня, зпньковскаго уѣзда, полтавской губерніи. Статистико-экономическій очеркъ.—Изданіе полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1889. 40 стр.

Брошюра г. Василенка даетъ богатый и цѣнный статистическій матеріалъ для изученія жизни одного изъ крупнѣйшихъ поселковъ полтавской губерніи. Достоинство этого матеріала увеличивается еще тѣмъ, что собранъ онъ на мѣстѣ лично г. Василенкомъ, сначала въ качествѣ земскаго статистика, а затѣмъ въ качествѣ изслѣдователя кустарныхъ промысловъ. Матеріалъ относится главнымъ образомъ къ 1882 году и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія относительно землевладѣнія, земледѣлія, жизненной обстановки жителей, торговли, промысловъ (гончарнаго, сапожнаго), рабочей платы и т. д. Къ сожалѣнію только, при обработкѣ этого матеріала, авторъ не выработалъ предварительно опредѣленной системы и предлагаетъ его въ поэтическомъ безпорядкѣ, такъ что для читателя требуется нѣкоторыхъ усилій, чтобы представить себѣ картину, какъ живутъ въ Опошнѣ люди: о постройкахъ, напр., говорится немного при общемъ описаніи Опошни на стр. 9, болѣе же подробное описаніе ихъ почему то заняло мѣсто между земледѣльцами и ремесленниками (стр. 25—27); тамъ же помѣстились свѣдѣнія и о просвѣщеніи въ Опошнѣ¹⁾; о

¹⁾ Любопытны замѣчанія г. Василенка о переходномъ состояніи Опошни, гдѣ „деревенская простота состязается съ городомъ“: украинская „мѣва“ замѣняется солдатско-мѣщанскимъ жаргономъ; свитки—„куцными“, чечарками, сюртуками; плахты—„спидныцами“ и т. д. (стр. 24).

садоводствѣ говорится на стр. 10 и на стр. 36—40; цѣны на продукты разбросаны по всей брошюрѣ, и здѣсь уже нѣтъ возможности составить себѣ хоть какую-нибудь картину и т. д.

Общій выводъ, къ которому пришелъ г. Василенко при изученіи экономическаго состоянія опошнявскихъ жителей, очень неблагоприятенъ: въ большей части царить бѣдность (63,7⁰/₁₀₀) и хозяева имѣютъ не болѣе 3 десятинъ полевой земли; имѣвшихъ отъ 3—6 дес. въ 1882 году въ Опошнѣ было 15,6⁰/₁₀₀, а имѣвшихъ болѣе 6 дес.—20,7⁰/₁₀₀. Сравнивая данныя относительно козачьяго землевладѣнія, добытыя земскою статистикою въ 1882 году, съ данными переписи козаковъ въ Опошнѣ въ 1835 году, авторъ разбираемой нами брошюры приходитъ къ заключенію, что «въ теченіе можно сказать полулѣтка—бѣдность не уменьшилась, а возрастаніе земельного обезпеченія незначительной части совершается на счетъ сокращенія пропорціи обычнаго уровня благосостоянія болѣе многолюдной группы хозяйствъ». Въ настоящее время около $\frac{2}{3}$ козачьей группы находится въ бѣдности и нуждѣ.

Н. В.

Ульды Кіевскій и Радомысльскій.—Статистическія и историческія замѣтки о вѣсѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ ульдахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Кіевъ, 1887. Стр. IX+305. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Книга г. Похилевича является первымъ выпускомъ обширнаго труда, задуманнаго авторомъ и имѣющаго цѣлью историко-статистическое описаніе кіевской губерніи. Еще въ 1864 году г. Похилевичъ издалъ *Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи*—книгу, въ свое время обратившую на себя вниманіе и увѣнчанную Уваровскою преміей. Съ той поры авторъ не переставалъ работать въ томъ же направленіи, собиралъ матеріалы, несмотря на всѣ затрудненія, встрѣчавшіяся ему на пути, на недоступность для него, какъ частнаго человѣка, въ общественныя бібліотеки и правительственныя архивы, «оберегаемые, какъ онъ выражается, угрюмыми архиваріусами» (стр. I). Но и при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ автору удалось собрать довольно цѣнный матеріалъ для исторіи, главнымъ образомъ, землевладѣнія въ кіевской губерніи и воспользоваться важными документами, относящимися преимущественно къ церквамъ и монастырямъ и хранящимся въ разныхъ архивахъ, частныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, въ архивѣ дух. авад. и т. д. Съ этой стороны, ко-

нечно «замѣтки» г. Похилевича (какъ онъ самъ скромно называетъ свой трудъ) чрезвычайно полезная книга.

Архитектура книги очень проста. Начиная съ Вышгорода авторъ разсматриваетъ сначала села кievскаго уѣзда, затѣмъ переходитъ къ радомысльскому. Подъ названіемъ каждаго села онъ излагаетъ его исторію, если ему удалось собрать хоть какіи нибудь историческія или археологическія свѣдѣнія, сообщаетъ разстояніе села отъ ближайшихъ поселковъ, число жителей по вѣроисповѣданіямъ, по сословіямъ, количество надѣльной земли, сумму выкупныхъ платежей, городского налога, если дѣло идетъ о мѣстечкѣ или городѣ; сообщаетъ также и о крупныхъ владѣльцахъ. Для примѣра приводимъ описаніе первой попавшейся деревни—Креничь, кiev. уѣзда: «Креничи,—въ 2 вер. отъ Подгорець, и въ 1 отъ Гвоздова, между горами со многими ключами, или креницами, образующими слабый ручеекъ; мѣстоположеніе благопріятствуетъ пчеловодству, которымъ нѣкоторые жители и занимаются съ успѣхомъ. Жит. об. и. 432; евр. 5; рев. 121; над. 478 дес.; вык. 581 р. 29 коп. Кромѣ того Иванъ Порембскій выкуп. изъ над. 6 дес. Универсаломъ Богдана Хмельницкаго 18 августа 1652 года, даннымъ кievскому полковнику и всей старшинѣ, Креничи вмѣстѣ съ Ходосовкою *«наданы монастыреви паненскому Михайловскому* (т. е. Богословскому, что при Михайловскомъ мужскомъ). Села эти, по соединеніи всѣхъ кievскихъ паненскихъ монастырей въ одинъ Флоровскій, стали принадлежать этому послѣднему (Акты зап. Рос., V, № 31). А въ универсалѣ Самуиловича 10 августа 1682 г. на ими игуменьи Меланіи сказано, что Креничи *«наданья пана Креницкию»*. Слѣдовательно, до монастырскаго владѣнія Креничи составляли частную собственность. Дѣйствительно, въ 1586 году кievскій гражданинъ Василій Ходыка купилъ *«у шляхтича Гулевича село Креничи о четырехъ миляхъ отъ замку кievскаго»*; и съ того времени сталъ именоваться «Ходыкою-Креницкимъ». (Кiev. Ст. 1885, часть I).

Нѣкоторые изъ документовъ, главнымъ образомъ, конечно, тѣ, которые еще не были напечатаны, г. Похилевичъ приводитъ цѣликомъ, какъ напр., поземельные документы Миколинской обители (стр. 40—42), ржищевского монастыря (стр. 146—151) и т. д.; другіе только въ извлеченіи или въ пересказѣ. Съ своей точки зрѣнія мы можемъ, конечно, иногда и пожалѣть о такой неравномѣрности, хотя считаемъ несправедливымъ упрекать г. Похилевича: у него была своя опредѣленная цѣль, которой онъ достигалъ, приводя документы во всѣхъ трехъ видахъ. Спасибо и за то, что онъ даетъ.

Статистическую часть мы признаемъ гораздо слабѣ исторической; во первыхъ, черезчуръ мало свѣдѣній даетъ г. Похилевичъ, ограничивая ихъ почти только цифрами о населеніи, земельномъ надѣлѣ, платежахъ и не касаясь другихъ сторонъ жизни, а во вторыхъ не указываетъ намъ источника, откуда онъ заимствовалъ эти свѣдѣнія, въ особенности же свѣдѣнія о народонаселеніи, которыя добыть у насъ на Руси, какъ извѣстно, чрезвычайно трудно. Мы боимся, чтобы въ собраніи этихъ свѣдѣній не участвовали волость и полиція, а потому, пока г. Похилевичъ не укажетъ своего источника, будемъ относиться къ нимъ съ недовѣріемъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать на особенность книги г. Похилевича, которой желательно было бы не видѣть въ послѣдующихъ выпускахъ его труда. Мы разумѣемъ странное въ концѣ XIX в. пристрастіе автора къ архаизмамъ (вищій, весь, градь, оный и т. д.). Нельзя пройти молчаніемъ идеи г. Похилевича сблизить славянскія нарѣчія введеніемъ *русскою* алфавита.

Къ книгѣ г. Похилевича приложены подробныя карты кіевского и радомысльскаго уѣздовъ, составленныя по Шуберту, а также я указатели именъ географическихъ, личныхъ и «указатель *нѣсколькихъ* предметовъ, выдающихся и наиболѣе интересныхъ для любознательнаго читателя». Изъ обзора одного только этого указателя можно видѣть, какія любопытныя свѣдѣнія заключаются въ трудѣ г. Похилевича, которому мы искренно желаемъ поскорѣй довести до конца начатое дѣло.

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 5.—Русская Мысль 5.—Сѣверный Вѣстникъ 5.—Русскій Вѣстникъ 5.—Наблюдатель 5.—Русское Обозрѣніе 5.—Русская Старина 5.—Русскій Архивъ 5.—Историческій Вѣстникъ 5.

Русская Мысль V. А. Я. Конисскаго. *Просвѣщеніе въ Галицкой Руси*.—Авторъ подробно излагаетъ успѣхи просвѣщенія среди русиновъ за послѣдніе 20 лѣтъ (стр. 20—41).

Въ библиографическомъ отдѣлѣ краткіе отчеты о книгахъ: «Журналы и отчеты полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1890 г.», «Задачи сельско-хозяйственныхъ обществъ и кіевское сельско-хозяйственное общество. И. Рева» и «Труды перваго кіевского областнаго съѣзда. И. Рева» (стр. 241—242).

Русское Обозрѣніе V. Въ отдѣлѣ Критика и библіографія — статья *В. Майкова*: «Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ», въ которой авторъ говоритъ не только объ увлеченіи Аксакова Гоголемъ, но и о вліяніи Гоголя на Аксакова въ его литературныхъ произведеніяхъ (стр. 438—455).

Русская Старина V. *Дневникъ А. В. Никитенко*. Нѣсколько словъ о цензурныхъ затрудненіяхъ при печатавіи статьи Костомарова: «Въче въ Россіи» (стр. 389, 414 и 415).

«*Т. Г. Шевченко*». *В. Демича*. Авторъ, по словамъ своего дяди — землемѣра Д. Демича, приводитъ краткія свѣдѣнія о пребываніи поэта въ с. Бѣгачѣ, чернигов. губ., у князя Кекуатова, въ 1847 г., гдѣ, по словамъ Д. Демича, Ш-ко и былъ будто бы арестованъ. У Д. Демича сохранился «аттестатъ» отъ кн. Кекуатова, подписанный между прочимъ и художникомъ Т. Шевченко, а также нарисованная имъ икона (стр. 429—431).

«*Т. Шевченко въ Закаспійскомъ краѣ*». *Родзевича*. Приводится нѣсколько характерныхъ эпизодовъ изъ жизни поэта въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи на основаніи официальной переписки, имѣющей въ г. Асхабадѣ, въ архивѣ штаба войскъ закаспійской области. Переписка касается отсутствія болѣе 3-хъ лѣтъ формуляра Ш-ко, подробнаго разслѣдованія по поводу найденныхъ у него писемъ и стиховъ, отказа нарисовать для церкви Ново-Петровскаго укрѣпленія образа, отказа въ выдачѣ аттестата на званіе свободнаго художника, большаго переполоха, произведеннаго даннымъ Ш-ку комендантомъ крѣпости майоромъ Усковымъ билетомъ на право свободнаго проѣзда въ С.-Петербургъ, мѣнуя Уральскъ и пр. — Тутъ же указывается, что и до сихъ поръ въ укрѣпленіи есть посаженныя поэтомъ фруктовыя деревья и его «домикъ» (стр. 432—446).

Замѣтка Неклюдова о портретѣ Т. Г. Шевченко, написаннаго имъ самимъ въ 1859 г. Портретъ, доставшійся Неклюдову отъ Быковского, полученъ этимъ послѣднимъ отъ Дзюбика, которому подаренъ самимъ Шевченко (стр. 447).

«*Очерки и воспоминанія*» *Н. М. Колмакова* (продолженіе). Указаніе на неудачное профессорство Н. В. Гоголя въ с.-петерб. у-тетѣ (стр. 460—461).

Бьлозерская «Вас. Троф. Наръжний». Продолженіе біографіи (Р. Стар. № 9, 1890 г.) этого извѣстнаго общественнаго дѣятеля начала XIX вѣка и писателя, бравшаго сюжеты для своихъ произведеній изъ южно-русской жизни и исторіи (стр. 471—487).

Въ замѣткахъ — приведено письмо гетмана Мазепы къ Меншикову отъ 1704 г. по поводу даннаго ему порученія найти подходящаго священника для Шляссельбургской церкви (стр. 498).

Историческій Вѣстникъ V. *Воспоминанія С. В. Скалонъ*, рисующія бытъ и образъ жизни помѣщиковъ Малороссіи конца XVIII и начала XIX вѣка, въ частности жизнь и личность извѣстнаго вельможи и сподвижника Александра

1-го Д. П. Трощинскаго и отца г жи Скаловъ В. В. Кашиста, бывшаго при Екатеринѣ II-й кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а потомъ генеральнымъ судьей въ полтавской губ., очень любившаго свой родной край и заботившагося о благосостояніи его населенія. Тутъ же посвящено нѣсколько строкъ Ник. Вас. Гоголю—въ дни его ранней молодости (338—367).

Въ отдѣлѣ критики—краткій отзывъ о книгахъ: «Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ...» Бублика, изд. 2-ое и «Козаки. Довпы. Уральцы. Кубанцы. Терцы. Очерки изъ исторіи старокозацкаго быта». Абаза (стр. 494—496).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ редакціи журнала „КІЕВСКАЯ СТАРИНА“ поступила
въ продажу книга:

ЧТЕНІЯ

ВЪ

Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтопица.

КНИГА V.

Кіевъ. 1891. Стр. V + 3 + 182 + 227. Цѣна 2 руб. 50 к.
Съ пересылкою 2 руб. 75 коп.

Отъ редакціи газеты „З А Р Я“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на иллюстрированное описаніе

ФРАНЦУЗСКОЙ ВЫСТАВКИ

ВЪ МОСКВѢ.

(REVUE ILLUSTRÉE DE L'EXPOSITION FRANÇAISE A MOSCOU).

Комитетъ Французской Выставки предоставилъ редакціи право
печатать все касающіяся Выставки свѣдѣнія, описанія, картины,
планы, рисунки и проч.

„Иллюстрированное Описаніе Французской Выставки въ Москвѣ“ выходитъ ежедѣльно, особыми приложеніями къ газетѣ „ЗАРЯ“, въ большомъ форматѣ, по образцу лучшихъ парижскихъ изданій, съ роскошными картинами въ краскахъ, съ рисунками и портретами, на веленовой бумагѣ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Въмѣстѣ взятія, эти приложенія составятъ роскошный альбомъ выставки.

Подписчики на газету „ЗАРЯ“, желающіе получить означенныя особыя приложенія, благоволятъ на упаковку и пересылку ихъ доплачивать особо 3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Отдѣльно на „Иллюстрированное Описаніе Французской Выставки въ Москвѣ“ безъ газеты „ЗАРЯ“:

Въ Россіи. За границу.

На все изданіе 5 р. 7 р.

На газету „ЗАРЯ“ съ книгами и „Иллюстрированнымъ Описаніемъ Французской Выставки въ Москвѣ“:

На годъ съ 1-го января . . 9 р. 15 р.

На 8 мѣсяцевъ съ 1-го мая . . 7 р. 12 р.

На газету „ЗАРЯ“ съ книгами съ доставкой и пересылкой:

На годъ съ 1-го января . . 6 р. 10 р.

На 8 мѣсяцевъ съ 1-го мая . . 4 р. 8 р.

Требованія адресуются: въ Москву, въ главную контору газеты „ЗАРЯ“ — Потровка, домъ Кредитнаго Общества, при типографіи И. И. Родзевича.

Дозволено ценз. Кіевъ, 15-го іюня 1891 г.

(Июнь) 23. Неделя. На службу Божую приехали въ Смѣловѣ, где, куповавшего жито Андрѣя призвавши, увѣдомилеся отъ него, что подводи, виправленнiе зъ дому по жито, взяли тутъ, въ Смѣловѣ, жита четвериковъ 40, а осталось еще купленного у его 2 четверики, а буромского тутъ въ дворѣ 3. Еще жъ грошей у его осталось отъ покупки житной 20 зол. На дорожѣ, едучому мнѣ въ Роменъ, оттуду посланнiе ко мнѣ указы коллежскiе 3, о поташѣ одинъ, о откупѣ зборовъ другiй, а третiй о недѣйствiи безъ подпису коллежского унiверсаловъ правителскихъ въ генералнихъ дѣлахъ, врученни мнѣ стали.

24. Отправленъ почтарь въ Глуховъ зъ писмами до ясновел., и до бригадир., о овощахъ къ нимъ посланнихъ, а до паней особливе отъ мене, о виправѣ, висилающей до Царичина. До домашнихъ моихъ писалемъ, приказуючи кухню оковитой горѣлки здѣлать и въ барила перелить. Туда жъ отсель послаемъ коробку зъ 100 трубками пѣнковыми, барило вина полинного. Оттоль велѣмъ прислать отласъ рожевий, булдинокъ паръ 4 и пару карабѣнеровъ. Грошей моихъ, присланнихъ прежде до п. асаула полкового, 40 рублей, а теперъ обискавшихся у п. атамана роменского, отобравши, далемъ Якову Дубровѣ, онъ далъ Плетюнцѣ до тихъ 70 рублей и другихъ отъ его даннихъ.

25. Виправленъ сторожъ полювий сенецкiй Джикгиль въ Глуховъ, зъ писмами двома до старшины енер., о виправу енералную въ Терекъ упоминаючися. Другое о графскомъ приказчику, возбранившомъ ревѣдовать козаковъ въ Константиновѣ¹⁾ и о присланно подорожной отъ правителей. Особливе до коллегiи доношенiе послано черезъ его жъ отвѣтное, о полученныхъ 3 указахъ: объ откупѣ зборовъ, о недѣйствiи по указахъ правителскихъ о генералнихъ дѣлахъ, безъ подпису коллежского писаннихъ, и о поташу. Писалемъ до паней своей о присилцѣ декокту и до Столповского о вѣдомостяхъ. Писалемъ до п. обозного, чтобъ прiехалъ въ Роменъ для общого совѣту,

¹⁾ М. Константиновъ, роменск. уѣзда, послѣ Мазепиной измѣны, подарено было Петромъ В. графу Головкину.

якъ артиллерію и иншіе дѣла полковіе споражать. Писалемъ до п.п. сотниковъ о присланню вѣдена о зборахъ ратушнихъ и о расходахъ онихъ, прежде нивѣшнаго указу шедшихъ на ратуши. До чорнуского п. сотника писалемъ о пѣщанскомъ человѣку, служившомъ при Грикгорашу, подѣ часѣ комиссарства полкового, а теперѣ атаманомъ тамошнимъ обиженнымъ. Праздновали день государева коронованія. По молебнѣ бувъ въ дому Бакѣва зъ товарищи и, по 2 чарки водки выпивши, розійшлись по домахъ.

26. Послалемъ 4 кувхи горѣлки при Андрѣю кролевецкомъ, зъ которихъ одну дати въ Лохвицѣ на шинкѣ писалемъ до стар. лучанского, а зъ тихъ трехъ: одну въ Сухоносовцѣ, другую въ Лубняхъ, а третью въ Кривой Рудѣ, для косарей, на шинкѣ опредѣлити, о чомъ до Орановского писалемъ. До Занковского о приездѣ его въ Роменъ и о доуравленню грошей покуховнихъ отъ шафара, 200 зол. и килкохъ шагъ, и чтобъ увѣдомился о двохъ палубцяхъ, робившихся для потреби моеи въ Буромли. Зборщики полку всѣхъ сотенъ, отпущеніе зъ Глухова, являлися всѣ у мене и инструкціи, собѣ въ коллегіи данніе, показовали. Худолѣи мимоездомъ въ Гадячъ бувъ у мене. Полубціовъ на двохъ колесахъ привезено пару, неокованихъ и необбитихъ, зъ Александровки ¹⁾.

27. П. Андрѣй, швакгеръ, зъ Михайловки ²⁾ едуци въ Чернѣговъ, мимоездомъ бувъ въ Ромнѣ и въ дому. П. Андрѣй, братъ, приехалъ зъ Сумъ въ Роменъ, зъ братовою. Укази въ всѣ сотнѣ послалемъ зъ обстоятелнимъ вираженнемъ, якъ готоватись и якій приборъ повинни мѣти козаки и самимъ п. сотникомъ онихъ апробовать. Послалемъ въ Глуховъ до паней своей, черезъ почтара нашего роменского, грошей рублей 30, да писалемъ до правителей два листи: еденъ о козакахъ, повернувшихся зъ Цербенѣ, якъ висилать ихъ въ походъ настоящій, а другій о бунчуковихъ, что онихъ тилко есть, сколько въ реестрѣ, оттуду присланнымъ, найдется вираженно, цедулъ двѣ: 1, о Чигириндубровѣ, где не могутъ на стоячій въ

¹⁾ Село лубенскаго уѣзда.

²⁾ Село лебединскаго уѣзда, харьковской губ., принадлежавшее Полуботку.

лакгерѣ полкъ, дровъ настатчити, 2, о вѣденіяхъ дворовъ, шедшихъ до ратуша прежде вновь принесенного указа. До ясневел. писалемъ и листъ отъ оной, писанній до імператрици, включилемъ. П. Петру Калениченку реестръ далемъ купить мѣ въ Шліонску флінту и нару пистолетовъ гладкихъ, и ладовничку.

28. Родителка послала воловъ 10 своихъ, а я 4, и вручили п. Петру Калениченку продать въ Шліонску, що учинити и обѣщался. Федора Юрченка зъ Демяномъ и Плетюнку зо всѣмъ отправили въ царичанскую дорогу. Федору зъ Демяномъ вручено: воевъ 7 воловихъ, кождій возъ по 4 воли, а въ тихъ возахъ, кромѣ харчи данной имъ, тютюну каменей 100, горѣлки простой 4, а оковитой 4 кухви, зъ якихъ куховъ попереиспали въ барила, а бариль всѣхъ 25, але и въ простіе 4 кухви, повесипали во всякую кухву по 2 носатки горѣлки оковитой; шпоча четвериковъ роменской мѣри 9 и золот. сто; и сіе злѣцнено Юрченку зъ Демяномъ. Плетюнцѣ зась дано грошей черезъ Якова 110 рублей: 10 рублей на проходъ, а 100 на купленне риби и соли въ Царичинѣ, зъ чимъ мѣтеъ онъ назадъ векорѣ и повернутись. Стар. Засулскій, бувши у мене, объявилъ, что въ пасѣцѣ моей на Плавинищахъ, 15 роувъ уже. Въ Сухоносовку до Орановского послали 6 воловъ. Въ Царичинѣ пошло воловъ: подъ возами 28, а про запасъ два, и того 30, а коней рижихъ двое. Бувъ въ пасѣцѣ и оглядѣлемъ старой пчолы 34, а роувъ 17. у Плавинищахъ. Зъ Чорного Яру, мая 26 отпущенній, Черевко приехалъ въ Ромень и листы попривозилъ.

29. Праздновали день ангела государевого: въ церквѣ молебень отпѣли соборомъ и на ономъ 3 рази зъ пушокъ стрѣляли; по молебнѣ, господинъ Бакѣевъ зъ товарищи въ дому бувъ и, по 3 чарки водки випивши, отишоль. П. обозній рано явился мѣ, зъ которимъ, тако жъ и зъ п. писаремъ полк., уговорили написать по сотняхъ, жебы отъ вдовъ, немогучихъ висилать цѣлого козака въ походъ надлежацій, по коню взято подъ артиллерію полковую. Особливе коней купить за гроши полковіе. Принесень правителскій листъ, чтообъ юля ѝ прислать въ Глуховъ извѣстіе, сколько въ полку лубенскоѣ поставлено маяковъ и где и по сколько козаковъ при

онихъ обрѣтается. Зъ Глухова повернулся . . . (?) зъ листами, висшенамѣненнымъ правительскимъ и другимъ.

30. Неделя. Казѣмиръ, слуга, посланній до родителя зъ лѣкарствами, повернулся назадъ. П. Кочубей и п. Трощинскій пизно приехали въ Ромень, для ревизѣи всего полку. Писалемъ до п. сотниковъ о коняхъ подъ артиллерію, жебы у вдовъ побрать и прислади бѣ до п. обозного.

Юль. 1. Орановскій приехалъ и о мѣдѣ взятой собою, говорилъ, что зъ оной въ Лубняхъ дѣлають глеки и проч., а мѣди камень 1. П. Михайло батуринскій бувъ у мене, которому жита дать казалемъ четвер. 4. Взаимную въ контроверсѣяхъ зъ п.п. Кочубеемъ и Трощинскимъ, листовную въ Ромнѣ, имѣлисмо корреспонденцѣю. Бувъ городничій бодаквянскій зъ листомъ отца ігумена Михайловского кіевского просителнимъ о уменьшенне стоялцовъ великорос., до которого отписалемъ.

2. Указъ въ подтверженне другихъ указовъ, данъ атаманови роменскому, виганять людей до работи валовой. П. суддѣ покойного синъ Яковъ приехалъ о чолобитчику лукомскомъ претендуючомъ много дечого, прося наставленія, що зъ нимъ чинити. Орановскому вѣсто коней, данихъ прежде ему, въ перемѣну другихъ казалемъ дать. Попада короваевская привезла унука своего и листъ отъ старости короваевского, въ якомъ ознаймуеть о кобилахъ 12, отогнанихъ моихъ въ Кривую Руду, зъ которыхъ лоша у дванадцатой здохло.

3. Комисаръ Григорій пріехалъ въ Ромень, зазванній для ревѣзїи. Дацѣй лукомскій явился. До короваевского старости отписалемъ о виданне коня и харчевихъ рѣчей. Василь, молодикъ великій, виехалъ сего вечера у царичанскую дорогу. У Падка (?) меду купили вѣдерко по 9 зол. до вимѣру.

4. До п. сотника чорнуского писали, отвѣтуючи, чтобъ по прежнему зъ того человекъ напѣръ выдаванъ былъ на росходи ратушнїе, зъ которого и прежде выдавалася, и приказуючи, жебы на жалобу Пѣщанского, служившого за писарчика при Григорашу, прислалъ конечно сюда атамана Пѣщанского. Повернулся сторожъ

зъ Глухова зъ листомъ отъ старшины енер., въ которомъ отвѣ-
туютъ, что промеморія еще не прислана въ канцелярію зъ колле-
кціи—ежели висилать остальныхъ къ Дербенѣ или нѣтъ? И о томъ
предложено въ листѣ томъ же, что бимъ готовался до походу.
Тогда жъ указъ присланъ зъ енер. канцеляр. ко мнѣ, чтобимъ
отобравши у сотниковъ репорги, сколько козаковъ до походу будетъ
готовыхъ, а сколько за скудостію въ домахъ останется, послалъ до
Глухова въ канцеляр.

5. Зъ пасѣчникомъ своимъ тутейшимъ плавинскимъ, уговоръ
учинилемъ при п. писаревѣ полковомъ: за лѣто все, поколь схо-
ваетъ въ имшанихъ пчолѣ, дать ему грошей копѣ 5, да харчъ
наша, для чого и задатку далемъ талара оному теперь. Видѣлемея
зъ Кочубеємъ. Послани указы до всѣхъ п. п. сотниковъ, чтобъ
заразъ репортовали мене, сколько готовыхъ, а сколько неготовыхъ
козаковъ до походу указанного. По жалобѣ Терновского, жителя
сотнѣ лубенской, писано до старшини тамошней, жеби прислали
сюда злодѣя, укравшого у него нѣкаторіе вещи, купно зъ тимъ,
которій оніе переховуваль.

6. Александръ пригналъ коней зъ фтора Криворудского 4:
сивострокатога, воронострокатога, рижострокатога и голога, лошаковъ
четвертаковъ. Орановскій отехалъ въ Сухоносовку, черезъ Глинскъ,
где мѣлъ отъ паней судіиноѣ отобратъ грошей рублей 30, даннихъ
зимою на жито.

7. Неделя. Оберъ фискаль повернулъ зъ Кіева, отъ князя
Трубецкого, и видѣлся зъ мною въ церквѣ. П. сотникъ наказн.
глинскій приехалъ и привезъговъ (?) 5. П. Леоцтія Янковского
выправилемъ въ Волошиновку, куди зъ Лохвицѣ мѣлъ приехать и
Григор. Остапенко, коѣмиссаръ, розискать про подданныхъ паней
суддѣиноѣ и п. сотника глинского etc. По жито подводи прійшли
зъ Глухова.

8. Выправлени зъ житомъ подводи, на которіе наложено жита
четвер. 60, а вола одного въ позіку зъ Засулля взяли, для того
что не было одного вола, затимъ що при виходѣ ихъ зъ Тули-
головъ захороваль. Бондарцеви Остапу данъ указъ, жебы артил-

лерію споражаль до походу. П. п. Івану Остапенку и Петру Верещачѣ данъ указъ ехать до п. п. ревизоровъ, на мѣсто сотника наказного Савуска. Писалемъ до Данила Кулябки и Григорія, писар. лубенского, жеби зехали въ Юсковцѣ и розискали заводъ мѣжи тамошними людьми и трембачемъ.

9. Приехалъ человекъ господина Чечерина, комменданта полтавского, зъ указомъ отъ коллегіи малороссійской, жеби жида Лейбу и двоухъ воровъ колодниковъ, людей ого Чечерина, посылать въ Глуховъ. Повернулся зъ Сорочинець слуга п. Скоропадского Павелъ и подалъ мнѣ писмо отъ Луки француза, о его сюда прибытіи.

(Засимъ вырванъ листъ).

19. Ездилемъ до пасѣки своей на Плавинище, где опрочъ старой пчолы 34, показалось роевъ 48. Послали указы во всѣ сотнѣ — о перестереганіи полтавцовъ, а барзѣй переволочанцовъ и щобъ безъ указу . . . (?) не пропускать.

20. Коней двое своихъ продадемъ верховихъ, воронострокатого за 55 зол. да рижестрокатого за 50 зол. Бандурка зъ Кухтикомъ утекли.

21. Недѣля. Воловики по жито зъ Глухова прійшли. Бандурку и Кухтия зискано. Въ Глуховъ по самую (жену Марковича?) послалемъ конѣ черезъ Леска сторожа; черезъ ого жъ послалемъ и доношеніе родителское въ малороссійскую коллегію, зъ экскузацѣю о умедленіи и оное, жеби даль въ коллегію, писалемъ до чорнуского п. сотника, туда жъ поехавшого. Зъ Астраханѣ, отпущеніе роменцѣ отъ родителя, Бувшенко, Томенко и Билимовъ зять, повернулись и прибули въ Роменъ и писма попривозили.

22. Листъ черезъ тихъ же зъ Астраханѣ отпущеннихъ до п. миргородского ¹⁾, писанный зъ Царичина, отъ брегадира Шамардина принесенній, послалемъ въ Сорочинцѣ, черезъ сотника яресковского Коломина, черезъ ого жъ и до Луки писалемъ и до самого п. миргородского. П. полковнѣкова сумская у вечеру отехала въ

¹⁾ Полевоника миргородского Данила Апостола, будущаго гетмана.

Суми. До Кочубея написалемъ отвѣтъ; и до Обозненка и Криштопенка писалемъ, чтобъ они имъ присутствовали. Зъ Глухова приносени двѣ писма правителскіе о Кочубею и Трощинскомъ, писанное зъ нарѣканнемъ одно, а другое о приборѣ въ походѣ. Хлопцямъ и Мартину покрояно сукнѣ. Бандурка и Кухтикъ наказаніе за побѣгъ понесли.

23. Коня сивого купилемъ у Гудима старого, ценою за 90 зол., при битности брата и. Андрея и отца Александра Крелевецкого и другихъ слугъ. Жидовъ, на Дяченкову за проданній другимъ тютюнь скаржившихся, расправилемъ, такожъ и Цися зъ сунплѣкantomъ голѣнскимъ. Пожаръ близъ Николая свят. учинился у вечеру, але только одна згорѣла хата, где дракгуне въ мѣсто того, чтобъ разривать хату, людей били и рабовали. Желѣза купилемъ полъзвязки и 6 фунт. родзѣнокъ. До Константинова зъ листомъ правителскимъ посилалемъ Котлубая.

24. Городничимъ устроилемъ Нестора и наказъ пунктами ему далемъ, якъ и чого смотрѣть. Воловики зъ житомъ въ Тулиголови посланни и черезъ нихъ послано 14 колѣсъ воловихъ и въ кучцѣ (клѣтѣ?) 2 пари огаровъ и о томъ до Остапа писано; а взято жита зъ ями тутъ 39 четвериковъ, пожичили у Василя писара 15 четвериковъ, а мѣли взять въ Смѣломъ 6 четвериковъ. Зъ Глухова писма принесени правителскіе: о дачѣ воевъ компанѣйцамъ, отъ самой и господара о поведеніяхъ домовихъ, и привозѣ лагонского вина въ Глуховъ зъ Березной. Отъ правителей доношеніе зъ поправкою назадъ прислано.

25. П. бунчучній зъ обознимъ прилуцкимъ и Столповскимъ канцеляристомъ, переехали Роменъ и поехали черезъ Сорочинцѣ чили Гадачъ, въ Ахтирку, до князи Михайла Михайловича Голицина. Греки кунци були у мене зъ протестомъ на индуктарей, же у нихъ не по давнемъ обикновенію индукту взимають и для того въ Свѣнскъ на ярмарокъ не поехали, але протестъ учинивши и подписавши своими руками, дали мнѣ. Прикажчикъ константиновскій бувъ у мене и говорилъ, что писано къ нему отъ правителей

нашихъ о зборщикахъ, жеби тамъ устроени били, а то по колежской променоріи.

26. Г. генераль маіоръ Роппъ переездомъ зъ Варви до Гадячого бувъ въ Ромнѣ и, часъ одинъ чили другій забавивши, и отехалъ почтою, а за почту прогоннихъ денегъ не платилъ. Малъ бувъ контентъ зъ господи, яка показанна була въ дворѣ п. суддѣной. Родителка до Андріевки виехала. Торгъ зъ жидами на тютюнь учинили, подлѣйшій по 2, а лутшій по 3 зол.

27. Зборщиковъ два прислано на перемѣну зъ Лукомля и зъ Пѣратина. Раховано гданчанъ¹⁾ Чернѣцкого, Алексѣя, Якова и Селецкого, а раховали отецъ Савѣцкій, Яковъ дозорца, сотникъ наказ. Савуско и атаманъ Гѣня. Зъ Криму родителскихъ прійшло 5 возовъ зъ товарами. Указы знову послани въ сотнѣ о крайней готовности въ походъ. До Орановского о разныхъ интересахъ, а до стар. буромского о палубахъ отвѣтъ, и до другихъ, до Леонтія и до Мацковского Василя, о выдачѣ харчи на Кривую Руду писано.

(Засимъ вырванъ листъ или два).

Августъ. 24. Всѣ полки князь рано ревѣдоваль, радемъ поставивши пѣшо и велѣвши стрелять имъ²⁾. По ревѣзні обѣдалъ у миргородского³⁾. По обѣдѣ, комманду вручилъ миргородскому. Сотникъ сенецкій князеви суплѣву на мене подалъ, за посаженне его на армату, якую князь вичитать велѣвши, казалъ помиритись. После князь заездилъ до гадяцкого и прилуцкого полковниковъ, где немного посидѣвши, и отехалъ къ Красному Куту, 4 часа зъ полдня, а приехалъ въ Красній Куть 10 часа. За нимъ и я поехавши ночовалемъ, не доехавъ Красного Кута, на полѣ.

25. Недѣля. Приехали у Красній Куть рано и, будши у князя, обѣдалемъ зъ нимъ. Тамъ же изъ полковникомъ ахтирскимъ Лесевицкимъ видѣлемся и зъ полковникомъ Ларіоновимъ. По обѣдѣ

¹⁾ Возвратившихся изъ поѣздки въ Гданскъ (Данцигъ).

²⁾ Говорится о смотрѣ козачьяго войска княземъ М. М. Голицынымъ на Коломакѣ. См. Русск. Арх. 1880 г., I, 195.

³⁾ Т. е. миргородского полковника Апостола.

зъ Краснаго Кута за княземъ поехали и дорогою едучи, о своей нуждѣ ему говорили; и съ нимъ же передъ вечеромъ приехали въ Каплуновку; а передомъ стрѣль насъ полковникъ Загряжской кievского полку тамъ стоячого. Булисмо съ княземъ у вечернѣ, а по вечернѣ бувъ за князя молебень, а по молебнѣ чудотворной иконѣ всѣ прикладовалися. Церковъ и иконостасъ хорошіе. Сотникъ балакліевскій Лвсаневичъ да писарь полковій Узюмского полку були передъ княземъ и супплѣку дали на полковника узюмского Гахалстрова (?). Старшина енералная приехали въ обозъ до Коломаку.

26. Муштровалъ князь полкъ кievскій и конно и пѣшо, часовъ зъ 6. По муштрѣ, обѣдали у полковника Загряжского. По обѣдѣ, поехалъ князь въ Ахтирку, за которимъ и я поехали зъ Загряжскимъ и, опровадивши его за версть 5, пожекналисмо и вернулись назадъ. Князь, при отелонѣ моемъ, милостиво мене отпустилъ. Ночовалемъ на той сторонѣ Краснаго Кута. Старшина енер. приехавши въ обозъ, а не заставши князя, поехали за нимъ въ Ахтирку.

27. Обѣдъ мѣлемъ переехавши Красній Куть, куда приехали писарь полк. Савѣцкій и сотникъ сенецкій и сказали, что едутъ зъ супплѣкою, данною отъ ихъ миргородскому по приказанню миргородского жъ, и зъ мною обѣдали. Прехали заранни до Буцкого броду сюда, и заехали первой до прилуцкого полку, къ п. п. суддѣ и сотнику полковимъ, и взяли оттуду для свѣдѣтельства сюди, въ лубенскій полкъ, Березинского. Пришли ко мнѣ обозній полковій и всѣ сотники и когда спиталемъ онихъ про супплѣку, на мене написанную отъ нихъ до миргородского, первой обозній, а потомъ сотникъ чорнусскій, а послѣ и всѣ сказали, что они такой супплѣки не хотѣли писать, жебы мнѣ отставленну быти отъ комменди, тое жъ и не подписовалися бѣ, але мусѣли тое учинити зъ принужденія миргородского п. полковника, которій того вечера, якого князь отехалъ, призвавши всѣхъ лубенцовъ до себе, публѣчно лаявъ родителя моего, а посла приказалъ, жебы конечно написали на мене супплѣку, сказавши и тое, же если не напишуть и не подѣшутся, то онъ ихъ въ такіе заженеть тарапати, що

трудно имъ вѣйти будетъ, о чомъ я того жъ вечера, писалемъ до князя, до аттютанта Шипова и до Вирулева. Вечералемъ у лохвицкаго сотника зо вѣми.

28. Бувъ я рано у миргородского, которій ласкавъ ко мнѣ оказался. Обѣдалемъ у суддѣ миргородского. Холодовичъ отъ п. полковника нѣжинского передомъ пріѣхаль, зъ котормъ у п. п. суддѣ и сотника полковихъ прилуцкихъ булисмо. Такъ же у Галагана, а оттоль у п. Стефана Миклашевского, где при мнѣ и сотникъ чернускій бувши явне тое говорилъ повторе, что приказоваль онимъ миргородскій писать на мене супплѣку и же бранилъ родителя. Стаховичъ вечераль и ночоваль у мене.

29. Чернѣговскій полкъ прійшоль. Ездилемъ зъ чернускимъ сотникомъ до п. Миклашевского, где многая о томъ же говорилъ при п. Миклашевскомъ; зъ нимъ же пріѣхавши въ обозъ, обѣдалемъ. Писма, до правителей отъ мене писанніе, знову зъ Ромна ко мнѣ прислано, и отъ Василя, писаря, грошей зол. 100 на служителей войсковыхъ. Передъ вечеромъ полкъ нѣжинскій прійшоль и я тогда жъ бувъ у нѣжинского п. полковника. Писалемъ до родителки о свсей нуждѣ.

30. Писарь и сенецкій (сотникъ) отъ князя повернулись; тако жъ и Гаврило молодикъ повернулся, зъ отвѣтомъ до мене княжимъ, же онъ не имѣеть безъ изслѣдованія причины отставлять мене отъ комменди. Обѣдалемъ у нѣжинского зъ гадяцкимъ. Максимовичъ у вечеру передъ нѣжинскимъ говорилъ тое, что миргородскій велѣлъ супплѣку писать и бранилъ отца моего.

31. Отправилемъ 3 челоуѣка въ Роменъ и чрезъ нихъ писалемъ до коллектіи о томъ, что обозній не вернулся въ Роменъ для правленія полкового, хочай ѣму и говорилиемъ. До прокурора пространно, а до ясневелможной кратко, о своей нуждѣ писалемъ. До Занковского о удержаннюся его тамъ. До писара глух. о ревѣзѣи сенецкой, до господара пунктовъ нѣскольонадцять, о интересахъ домовихъ. По обѣдѣ у гадяцкого зъ нѣжинскимъ булисмо, а потомъ зъ нѣжинскимъ и у мене були п. п. суддя и сотникъ пол. прилуцкіе.

Септѣвр. 1. Неделя. У нѣжинского полковника бувъ банкетъ, але толко миргородскій да прилуцкій полковники не були. Листи

зъ Астраханѣ отъ отца, отпущеніе 7 и 12 юля, принесенни ко мнѣ зъ Ромна. Стародубскій полѣзъ прійшолю.

2. Писма писалемъ до родителя въ Астрахань и до родительки о своемъ поведеніи. Обозній, бувши у мене рано, говорилъ тое, что оному приказовалъ миргородскій, жебы отпустить отсюду лукомского атамана да жебы тамъ атаманомъ не бувъ, але инного бѣ избрано.

3. У нѣжинского пол. обѣдалемъ. Миргородскій листъ отъ старшини енер. и 2 суплѣвки присилалъ до нѣжинского, жебы подписался о избраніи гетмана и отставцѣ зборовъ писанніе. Заездилемъ до прилуцкихъ (старшинѣ), а оттоль до Миклашевского. Соколичій зъ Ромна пріехалъ зъ нисмами, обявляючими тое, что присланъ въ Роменъ зъ коллегіи указъ зъ солдатомъ взять нѣкоторихъ людей родительскихъ до коллегіи респектомъ зборовъ.

4. Пѣлули пуркгуючіе, у Алвиза взявши, пріймалемъ. Козакъ полтавского полку, бувши у мене, сказовалъ, что родитель мѣвъ по Преображеніи на море пойти. П. Григор. швакгеръ бувъ у мене.

5. Писма отправлени черезъ Леска сторожа въ Роменъ и грошей зол. 100 до нанеи моеи зъ писмомъ. До брегадира, прокурора и Кошеліова о взятихъ зъ Ромна людяхъ дворовихъ въ коллегію взглядомъ зборовъ. Тогда жъ и до родителя въ Астрахань. Присилалъ миргородскій асаулу своего полкового Семена, что бимъ до его ехалъ зо всею старшиною. Тогда жъ бувъ я у его и подписался на суплѣцѣ, але подписавшись, говорилиемъ о нѣкоторихъ термѣвахъ, что оніе досадни кажутся, вмѣсто протесту.

6. Писарь пол. Савѣцкій приносилъ рано ко мнѣ суплѣвку другую до п. миргородского писанную и подписанную отъ старшини, на якій я не подписался¹⁾. Почтарь зъ Ромна пріехалъ зъ листомъ Янковского, которимъ змѣнкуюеть, что отобранъ Бекетовимъ у Гадячу провіянтъ, привезенній зъ полку лубецкого. Тотъ же почтарь привезлъ вина полинного барилко и барило пива. Зарудній пріехалъ. Грошей по лѣчбѣ Якова показалось 150 зол., якіе въ

¹⁾ Говорится объ извѣстныхъ „Коломацкихъ челобитныхъ“, напечатанныхъ въ приложеніи къ Кіевск. Стар. 1890 г., стр. 102—110.

скринку вложили. Трёмбачамъ роздати гроши казали и для того 100 зол., присланныхъ зъ Ромна, отдали черезъ Горолицкого и Худолья обозного, которій и подавалъ по части, оставивши у себе 60 зол.

7. Сокодничаго отправили и ему жъ вручили листи до родителя, отъ мене и нѣжинского п. полковника писаніе и отъ его жъ до сотника глуховского. Лубенскій сотникъ приехалъ въ обозъ. Обѣдали у глинского наказного сотника.

8. Неделя. Служби Божой слушали у нѣжинского; по обѣдѣ зъ прилуцкимъ полковникомъ были въ наметѣ, а потомъ поехали до гадяцкого и тамъ всѣ обѣдали.

9. У миргородского бувъ я рано и, мало посидѣвши, отишли. Коней 120 нѣжинского полку, короповской сотнѣ, у ночь зпужались и разбѣглись, але потомъ обискались. Обѣдали у нѣжинского. По обѣдѣ ездилемъ до швагря п. Григорія, отоль до п. п. Миклашевскихъ, где въ карты играли и вечерали у п. Стефана. Указы 2 принесени у вечеру, отъ малороссійской коллегіи зъ Глухова отпущеніе, зъ которыхъ въ одномъ предлагается тое, чтобъ хто хотѣлъ покупалъ медъ зборній десятиной ¹⁾, а въ другомъ, якъ пенку (пеньку) дѣлать и указы въ обояхъ тихъ указахъ для публѣкаціи всенародной включени.

10. Почтара, которій сюда привозилъ пиво да вино, отпустили назадъ зъ писмомъ, а зъ нимъ и Данила татарина захоровавшого. Стрелцовъ человекъ 9 послали для добычи въ степь. П. Григорій швагерь обѣдалъ у мене зъ п. суденкомъ нѣжинскимъ Василемъ и другими.

11. Черезъ слугу п. полковника нѣжинского, писали въ Глуховъ до ясневелможной и до своей жени. Обѣдали у нѣжинского полковника. Игравши въ карты, програтемъ 3 рубль.

12. Обѣдали въ дому. Гаврила молодика послали въ Полтаву для покупокъ нѣкоторыхъ, которому и грошей на оне далемъ рублей 10.

(Засимъ вырванъ листъ).

¹⁾ О „медовой десятиной“, которая въ это время собиралась въ Малороссіи, по распоряженію Вельяминова, см. Русск. Арх. 1880 г., I, 159.

25. Надъ 200 козаками, оставленными у Будцкого броду, оставилемъ каммендѣромъ лохвицкого сотника Гамалѣю, а самъ передъ обѣдомъ рушилемъ оттуду къ Ахтирцѣ, полкъ отпустивши при обозномъ домой. Обѣдалемъ не дожжая Красног-Кута, зъ п. Демяномъ Якубовичемъ, Раковичемъ и Левенцемъ. Мимосездомъ п. полковникъ гадяцкій постоялъ и, выпивши зъ своею панею по кубку вина, отехалъ до Каплуновки. А ми, по обѣдѣ поехавши, ночовалисмо не доежджая Ахтирки болшь милѣ.

26. Приехалисмо къ Ахтирцѣ рано и перенявши миргородского, приездившого туда жъ, зъ нимъ сталисмо за городомъ, у левадѣ. Булисмо у князя, кушали и подпили значне. Князь ласкавъ до всѣхъ оказовался. Отпустивши всѣхъ, велѣлъ мнѣ удержатись. У вечеру отойшовши отъ его, булемъ у Бирулева, а оттоль до квартиры своей поехалисмъ и вечералемъ у п. Демяна Якубовича. Отдалемъ князеви бандурку малого своего.

27. Рано булисмо у князя и, кагве (кофе) напившись, пошлисмо зъ нимъ до церкви. По службѣ, миргородскій подалъ князеви сунцлѣку за подписомъ цѣвлихъ полковниковъ о томъ, чтобъ ихъ коллегія не посилала салдаты зискувать, и князь обѣщался служить по возможности, а до того сказалъ, же онъ не надлежитъ (?). Миргородскій и протчіе отклонились, а мене удержалъ князь на обѣдѣ; и обѣдалисмо зъ Милорадовичемъ гадяцкимъ пол. По обѣдѣ я, отехавши, ночовалемъ якъ бы у 3 милѣ, не доежджая Комишевѣ села, и вечералемъ тамъ у п. Демяна Якубовича.

28. Обѣдалисмо у Веприку, якъ бы у 2 милѣ отъ ночлега. По обѣдѣ завчасу приехавши въ Гадячъ, булисмо у Турковского, господара гадяцкого, и выпивши по 3 кубки меду, отехалемъ и ночовалемъ у села Липового.

29. Неделя. Передъ Ромномъ стрѣтили мене братъ п. Андрѣй, Бугурлимъ и прочіе, и приехалисмо въ Роменъ на службу. Полянский, Иванъ Макаровичъ, прислалъ офѣцера въ церковь до мене, зъ поздравленіемъ приезду моего. Бакѣвъ по службѣ бувъ и простился зо мною, бо мѣлъ отехать къ Царицану. Худолѣй, Василь глиньскій и проч. отехали домой.

30. Листи получились отъ атамана чигириндубровского о Гордѣвичу, о коню, о которомъ писалъ евер. Роппъ, чтобъ заплатить одного утраченного капитанского. У оберъ-кригсъ-коммиссара Полянского быдемъ у вечеру. Отъ Орановского листъ принесенъ зъ требованемъ денегъ на заплатку за пчолы.

1. Октовр. До Орановского писалемъ и грошей 10 рублей послалемъ. До родителя въ Астрахань писалемъ и до атамана отписалемъ чигир.-дубровского. Глинскій Василь и Заруднепко були въ Ромнѣ. Сенецкій сотникъ проехалъ черезъ Роменъ.

2. Листъ правителскій, 24 септ. отправленнй зъ Глухова, принесенъ зъ требованіемъ о присилку вѣденія маестностей змѣнничихъ и другого вѣденія о умершихъ въ Терку и Ладозѣ козакахъ.

3. О присилкѣ тихъ вѣденій указы и листы къ сотникамъ порозсилалемъ. Писалемъ въ Глуховъ до ясеневел. о своемъ приездѣ. До старшины евер. тожъ о приездѣ, а другой листъ, отвѣтуючи на ихъ писмо, и до господара. Ямщикъ на войта скаржилея. Принесени зъ коллектіи малорос. 2 указы. одинъ о непропуску старцовъ безъ пропускныхъ грамотъ монаршихъ, а другій о предуготовленіи лѣса и дровъ на магазейны. Раховали Семениху, бувшую шинкарку лохвицкую, и показалаь она винна по реестру Романовомъ 177, а подлугъ ей сказки, 109 зол. и копѣекъ 5. У Мѣрочника, шинкара роменского, отобралъ Романъ грошей зол. 60.

4. Писалемъ до сотниковъ о приуготовленіи работниковъ, дерева и дранѣ на магазейны. Особливо писалемъ о пересмотрѣ монаховъ зъ Греціи приезджающихъ, на форпостахъ, до чигир.-дубр. сотника. Василь Дяченко, бувши у мене, принесъ табаку гишпанского и пuzдерко въ ценѣ. У вечеру виехалемъ зъ Ромна въ Андрѣевку, и стрѣввшись зъ Григоріемъ, коммиссаромъ полковимъ, едучимъ въ Глуховъ до правителей зъ реестрами о собранныхъ денгахъ на церковь Печерскую¹⁾ розговарувалемъ зъ нимъ долго, а приехалемъ потимъ на ночь въ Андреевку. Отъ писара Савѣцкского писмо принесено о заводѣ походномъ и о его заочной будто

¹⁾ См. выше, стр. 14.

конфузіи зъ горливістю виражающее. П. Василю Дяченку, за пущерко, далемъ черезъ отца Савѣцкого 27 зол.

5. Бувъ глиняскій сотникъ наказ. и прикажчикъ андріановскій Грудзѣвскій. Козаки зъ Царицина повернулись сотнѣ глиняской, которіе туда послани були зъ писмами.

6. Желяза послали зъ Андрѣвки въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллегію малороссійе. Черезъ его жъ писалемъ до прокурора о присилцѣ ему и до господара. Зъ Ромна получилимъ листъ отъ Вилима о злодѣяхъ, андрѣановскимъ прикажчикомъ пойманныхъ, и самихъ двоухъ злодѣевъ. Зарудній зъ своею женою и сотничка глиняская пріехали.

7. Рано поехалимъ зъ Андрѣвки степомъ ромадановскимъ и на обѣдъ приехалимъ къ Бодаквѣ, у фutora гадяцкого полковника. Оттуду поехавши, ночлегъ мѣлъ на озницѣ [?] противъ Сенчи. Проехаль писарь Савѣцкій до Сорочиницеъ зъ села своего.

8. Обѣдалисмо не дожиджаючи Пѣсочовъ, села монастира мгарского; оттуду поехавши на 'ночь, приехали къ Березнякамъ и тамъ вечернѣ вислухали.

9. Тамъ же въ Березнякахъ утренѣ и служби божой вислухали, а поехавши оттоль, на поздній обѣдъ приехали въ Криворудскій фоторъ. По обѣдѣ зревѣдовали стадо конское.

10. Асаулу арматного поставилемъ сотникомъ наказнимъ лукомскимъ. Попъ лукомскій бувъ отецъ Петро. Писма зъ Ромна принесени отъ Вилима, о приехавшихъ салдатахъ и порутчику Пенякову въ Роменъ. Отъ сотника лубенского вѣденіе о умершихъ козакахъ въ походахъ ладожскомъ и дербенскомъ прислано. Зъ Луки отъ родительки прислано писмо о приехавшемъ капитану Сеничову для осмотра мѣста на магазени. Леонтій економъ бувъ.

11. При отездѣ зъ фutora рубля грошей далемъ дворникови на розніе потреби. Былемъ у Жостѣру и своихъ 3 дрикгантовъ осмотрувалемъ и машталѣрови Иванови далемъ 6 зол., оттоль поехавши къ перевозу и перевезшись, на ночь пріехалимъ въ Оржицю.

12. Зъ Оржицѣ послалемъ листъ открытій въ Лукомле Кузиѣ асауловѣ на сотництво наказное. Поехавши оттоль, обѣдалимъ въ

Денисовцѣ, гдѣ и Пѣковчиха ¹⁾ видѣлася. Приѣхалемъ на ночь въ Корован и въ лазнѣ зъ братомъ, п. Андреемъ, мился.

13. Неделя. Листъ принесенъ ко миѣ отъ правителей о грошахъ печерскихъ писанній ²⁾ и о присидцѣ запорожця и Худолѣя. Отвѣтъ учинилемъ въ коллегію на 2 указы, одинъ—о не-пропуску монаховъ зъ Греціи безъ жалованнихъ грамотъ, а другій—о магазинахъ, чтобъ предуготовленіе было. Родителка коня даровала молодого. Гуляли довольно.

14. Ездилемъ до Ангелювщини и вибраемъ двохъ лошаковъ третяковъ, воронихъ, одного легчаного, а другого дрикганчуза. Старосту короваевского переимѣнили. Тіе лошаки послалемъ въ Кривую Руду, черезъ Мартина молодика. Приѣхали на ночь въ Пѣратинъ, где капитанъ Семичовъ бувъ и видѣлся зъ мною взглядомъ магазеновъ. Зборщики тамошніе були. Кватира була у п. Худолѣя.

15. Рано отголь поехали на обѣдъ въ Сухоносовку. Отець Пясецкій бувъ у мене. Писалемъ до Худолѣя въ Пѣратинъ о приездѣ его въ Глуховъ. До Милорадовича василковского отписалемъ и тогда жъ и тотъ листъ послалемъ.

16. Сотникъ чорнускій бувъ у мене. Обѣдали у отца Пясецкого. Зъ Горошина атаманъ прислалъ 2 пари огаровъ и пару журавлювъ. Алексѣйцю конюшество вручилемъ и далемъ ему зол. 10 на потреби. Черезъ его жъ послалемъ въ Горошинъ до атамана зол. 50 на купленне дѣса. Орановскому коня гнѣденкого даровалемъ. Осмотрувалемъ набѣлу, которого тамъ показалось масла 12 и сира 12 дѣжокъ. Чорнускій сотникъ опроважалъ насъ и простился. Ночовали у 10 верст. отъ Лохвицѣ.

17. Приѣхали на службу въ Луку. Подгуляли. Писма отъ лукомского сотника и отъ Савѣцкого писара. Отъ прикажчика константиновского. Гуляли довольно.

¹⁾ Вдова лукомскаго сотника Василя Матвѣевича Пѣковца, вышедшая потомъ вторично замужъ за серба Славуя Требинскаго. Младшій сынъ „Пѣковчихи“—Степанъ впоследствии сталъ зятемъ автора Дневника.

²⁾ См. выше, стр. 14 и 46.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ ХХХІІІ, 1891 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

	СТР.
I. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. (1754 — 1756 г.). А. А. Андріевскаго.	1—31, 210—243, 384—422
II. Волинскій вопросъ 1097- 1102 г. М С. Грушевскаго.	32—65, 259—272
III. Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Е. С.	56—67
IV. Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г. Г. В. Есипова	68—81, 224—458
V. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ. (Окон-Хр. П. Ящуржинскаго	82—96
VI. Отрывки изъ семейнаго архива Поветикъ. Ал. М. Лазаревскаго	97—116
VII. Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-наши). V 117—130, 273—287	446—457
VIII. Мистерія страстей Христовыхъ. Мирона	131—154
IX. Писанки. Проф. Н. Ѡ Сумцова.	181—209, 363—383
X. Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новороссію при Екатеринѣ II. П. А. Иванова	288—297
XI. Іосифъ Шумлянскій, послѣдній православный епископъ львовскій, и его «Метрика». I—II. Мирона.	337—362
XII. Дѣтели слободской Украины прошлаго вѣка. А. Ш.	424—445
XIII. Гетманъ Даниилъ Апостоль въ роли колонизатора. Е. П. Радановой.	458—468

- XIV. Документы, извѣстія и замѣтки. Къ «Турбаевской катастрофѣ». **А. Е.** Полковничьи чиншевики. **А. Л.** Мамаевъ дубъ. **А. Л.** Позднѣйшая память о Богданѣ Хмельницкомъ въ с. Суботовѣ. **А. Л.** Рукописное Евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго. **А. Л.** Къ свѣдѣніямъ о провинціальныхъ архивахъ. Дѣла о Марковичахъ въ Тайной канцеляріи. **А. И.** Маркевича. Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. **Н. В.** Стороженна. Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Козымъ Кричевцу и свѣдѣніе объ исир. въ 1739 г. должн. кіевскаго войта Быковскомъ **А. А.** Андріевскаго. Жалоба кіевскаго магистрата на карантинныхъ откупщиковъ (1750). **А. А.** Андріевскаго. Къ турбаевской катастрофѣ. **Старого Прилучанина.** **Ө. И.** Каминскій (некрологъ). Письмо Ходаковскаго къ **З. Я.** Карнѣеву. **Д. И.** Багалѣя. Объ учрежденіи въ г. Кіевѣ запаснаго хлѣбнаго магазина (1754—56 гг.). **А. А.** Андріевскаго. Проѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 г. **А. А.** Андріевскаго. Мертвая рука. **Проф. Н. Ө.** Сумцова. Альбомъ офортовъ Шевченка. **В. Г.** Остатки домика **И. П.** Котляревскаго въ Полтавѣ. **Р.** Французскій поэтъ Гриценцо. **В. Г.** Еврейская торговля антикварными рѣдкостями. 155—168, 298—314 469—489
- XV. Библиографія. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной **Е. И. В.** канцеляріи. Выпускъ 2-й. **Д. И.** Багалѣя. Акты московскаго государства, изданные Импер. академіею наукъ подъ редакціей **Н. П.** Попова. I. **Д. И.** Багалѣя. Памятная книжка волынской губ. **Арк. Л—нна.** По поводу рецензіи книги «Вольности запорожскихъ козаковъ». **Д. И.** Эварницкаго. Отвѣтъ **Д. И.** Эварницкому. **В. Н.** Ястребова. **Н. И.** Костомаровъ. Литературное наслѣдіе. **Я. Ш.** Этнографическое Обзорѣніе. Живая Старина. **В. Я.** Gustave Schlumberger. Un Empire eur bizantin au dixieme siècle, Nicéphore Phocas. **В.** Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи. **И. М.** Каманина. Сборникъ Имп. русскаго историческаго общества. Томъ 68-й. **Д. И.** Багалѣя. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліо-

тека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Я. В. Абрамова. Д. И. Багалъя. В. И. Василенко. Мѣстечко Опошня, зѣньковскаго уѣзда, полтавской губерніи. Н. В. Уѣзды кіевскій и радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Н. В. Обзорѣніе журналовъ. 169—108, 315—336, 490—508

Приложенія: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.
2) Портретъ Гр. Андр. Полетики.
